

**Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации
Министерство образования и науки РФ
Санкт-Петербургский государственный университет
Факультет психологии СПбГУ
Кафедра политической психологии
Общественная организация «Санкт-Петербургское психологическое общество»**

**«ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ»**

**Материалы международной научной конференции,
посвященной 20-тилетию кафедры политической психологии СПбГУ**

Санкт-Петербург, 23–24 октября 2009 года

Под научной редакцией проф. А.И. Юрьева

Санкт-Петербург
2009

ББК 88
П86

ISBN 5-65263-031-4

Редакционная коллегия: проф. кафедры политической психологии СПбГУ А.И. Юрьев, декан ф-та психологии СПбГУ Л.А. Цветкова, доцент кафедры специальной психологии ф-та психологии СПбГУ, исполнительный директор общественной организации «Санкт-Петербургское психологическое общество» О.В. Защирина, к.пс.н., ст. преподаватель кафедры политической психологии ф-та психологии СПбГУ Д.И. Моторин, к.пс.н., ст. преподаватель кафедры политической психологии ф-та психологии СПбГУ И.С. Бурикова, к.пс.н., ст. преподаватель кафедры политической психологии ф-та психологии СПбГУ М.А. Коновалова, к.пс.н., ст. преподаватель кафедры политической психологии ф-та психологии СПбГУ М.А. Пушкина.

«ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ»:
Материалы научной конференции, посвященной 20-летию кафедры политической психологии СПбГУ, Санкт-Петербург, 23–24 октября 2009 года / Под научной редакцией А.И. Юрьева — СПб.: Издательство Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2009. — 452 с.

Научная конференция, посвященная 20-летию кафедры политической психологии СПбГУ, фиксирует ее состояние в октябре 2009 года по материалам тех, кто считает себя причастным к политической психологии, кто работает в этой или сопредельной области, кто счел необходимым для себя откликнуться на предложение обсудить достижения политической психологии в России, предложить свое видение ее проблем, поделиться своими планами на будущее этого нового направления в российской психологической науке, открытого в Ленинградском — Санкт-Петербургском государственном университете 6 октября 1989 года.

По материалам этого сборника можно будет судить об истории отечественной политической психологии, ее состоянии на октябрь 2009 года, о перепутье, на котором она находилась в день своего двадцатилетия. Сборник содержит как теоретические и методологические статьи-доклады, так и информацию о реальной практической деятельности политических психологов в России, о совершенно новых направлениях ее собственного развития. Сборник отражает международную активность российских политических психологов, которая представлена в докладах сотрудников кафедр политической психологии МГУ и СПбГУ на Всемирном съезде политических психологов в Ирландии, в Дублине в августе 2009 года. Сборник содержит и материалы фундаментальных исследований политических психологов кафедры политической психологии СПбГУ, которые были представлены руководству страны, чтобы обратить внимание на «человеческий капитал», психологическое состояние масс людей — основы ее реальной силы государства. Результаты этого исследования были учтены и включены в государственные планы Российской Федерации.

Сборник статей предназначен для специалистов в области психологии, социологии, политологии, культурологи, экономики и истории, а также для студентов гуманитарных факультетов высших учебных заведений.

ББК88
ISBN 5-65263-031-4

©Авторы статей, 2009

СОДЕРЖАНИЕ:

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
РАЗДЕЛ А: ДОКЛАДЫ УЧАСТНИКОВ КОНФЕРЕНЦИИ	13
1 КРУГЛЫЙ СТОЛ. СОСТОЯНИЕ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ: 20 ЛЕТ СПУСТЯ	13
1.1. ИСТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ	13
<i>Юрьев А.И. д.пс.н., проф.</i> Этапы формирования кафедры политической психологии СПбГУ: её теория, методология, практика, коллектив	13
<i>Еремеев Б.А. д.пс.н., проф.</i> Тематика конференции «Психология власти – 2008»	46
<i>Глазов Л.Г.</i> Истоки Российской геополитической психологии	50
<i>Шелковникова Н.И.</i> Становление современной политической психологии	54
<i>Павлов В.Н., к.пс.н., доцент.</i> Политические ориентации: экономико-психологический аспект	57
<i>Карнышев А.Д., д.пс.н., проф.</i> Стратегическая психология и этнополитический вектор формирования межкультурной компетентности (на примере Сибири).....	62
1.2. ЧЕЛОВЕК В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ	64
<i>Решетников М.М., д.пс.н., к.мед.н., проф.</i> Какой кризис мы переживаем? Прогнозирование состояния, поведения и деятельности людей в экстремальных и кризисных ситуациях	64
<i>Ракитянский Н.М., д.пс.н., проф.</i> Опыт сопоставления менталитета и веры человека в политической психологии	70
<i>Мешкова Н.В., Ениколопов С.Н. к.пс.н., доцент.</i> Психологические аспекты различий в идеологиях	82
<i>Шустов А.В. к.пс.н.</i> Модель человека для политической экономики	84
<i>Бурикова И.С. к.пс.н.</i> Психология позитивной политики: формирование жизненных сил человека	88
<i>Коновалова М.А. к.пс.н.</i> Значение свободы для существования политического человека.....	93
<i>Кривова А.В. к.пс.н.</i> Применение знаний о психологии потребителей в управлении брендом.....	100
<i>Понукалина А.А. к.соц.н. доцент.</i> Субъект политической деятельности	106
1.3. ПОЛИТИКА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПСИХОЛОГИИ	110
<i>Шустов А.В. к.пс.н.</i> Роль психологической науки в современной системе гуманитарного знания	110
<i>Ситнова И.В., к.соц.н.</i> Категория «политический капитал»	114
<i>Александров (Натаров) В.И. к.пс.н., доцент.</i> Национальная идея как основа политики сотрудничества государства и гражданского общества: социальные и психолого-политические основы лояльности-благонадежности.....	121
<i>Блинов В.В. к.пол.н.</i> Политико-психологический анализ консервативных ценностей в современной России.....	124
<i>Бианки В.А. к.пс.н., Серавин А.И.</i> Специфика партийности и многомандатности выборов в местное самоуправление.*	128
<i>Бианки В.А. к.пс.н.</i> наброски списка ключевых методологических проблем психолого-политических исследований	131
<i>Конфисахор А.Г. к.пс.н., доцент.</i> К вопросу о психологических характеристиках элиты современной России.....	134
<i>Шмелева И.А., к.пс.н., доцент.</i> Экологическая политика и психология устойчивого развития, как проблемы политической психологии	140
<i>Соловьева М.А. к.пс.н.</i> Политическая культура: психологическое измерение	144
<i>Самуйлова И.А. к.пс.н.</i> Разработка психологических основ осуществления публичной политики	148
<i>Конфисахор А.Г. к.пс.н., доцент; Рождественская К.В.</i> Принципы эффективности политической власти.....	150
<i>Голубкова О.А. к.фил.н., доцент.</i> Образ политики глазами студентов-психологов Государственного Университета – Высшей Школы Экономики Санкт-Петербургского филиала	157
<i>Семёнов В.Е. д.пс.н., проф.</i> Мировой кризис, как закономерное порождение антидуховного капитализма и противостояние ему в России	158
<i>Литецкая М.С.</i> Подходы к решению региональных политических проблем Финляндии	161
1.4. МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ	165
<i>Митчин К.К.</i> Теория политического мышления, как проблема высокой комплексности и системности методологических средств научной психологии.....	165
<i>Моторин Д.И. к.пс.н.</i> Событийный подход к исследованию социально-политических процессов	168
<i>Дейнека О.С. д.пс.н., проф.</i> Методология экономико-психологических исследований на кафедре политической психологии СПбГУ	174
<i>Плющ А.Н. к.пс.н.</i> Синергетическая методология и теория политической психологии	177
<i>Разина Т.В. к.пс.н., доцент.</i> Возможности применения психологического тестирования специалистами-политологами. Теоретический, методический и практический аспекты	181
<i>Пушкина М.А. к.пс.н.</i> Диагностика психолого-политической стабильности общества, как вид психологического тестирования	184
<i>Анисимова Т.В. к.пс.н., доцент; Самуйлова И.А. к.пс.н.</i> Политическая коммуникация как предмет психологического исследования на факультете психологии СПбГУ.....	186

<i>Защиринская О.В., к.пс.н., доцент.</i> Невербальная экспрессия как средство психологического влияния на субъектов коммуникации	191
<i>Кузнецов А.Н. к.тех.н.; Соловьева О.В.; Джумагулова Т.Н. к.пс.н.; Семькина Е.Ю. к.пед.н.</i> Подготовка молодежного актива к участию в политических акциях	196

2 КРУГЛЫЙ СТОЛ. ПРАКТИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ: РЕАЛЬНОСТЬ, ВОЗМОЖНОСТИ, ПЕРСПЕКТИВЫ .....

200

2.1. ПСИХОЛОГО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	200
<i>Бианки В.А. к.пс.н., Серавин А.И.</i> Специфика партийности и многомандатности местных выборов	200
<i>Шиманович А.С.</i> Информационная реальность как объект информационных войн	203
<i>Васильев А.Л.</i> Особенности юношеского восприятия политической власти (на примере центральной и местной власти)	207
<i>Ермолин А.В. к.пс.н.; Плехова И.А.</i> Особенности исторической памяти студентов	209
<i>Кудряшова М.</i> Представление о государственной символике как элементе образа государства	213
<i>Резников Е.Н. д.пс.н., проф.</i> Нравственно-психологические типы личности русских в настоящее время	216
<i>Шумская Л.И. д.пс.н., доцент.</i> Психологические особенности политической социализации современных студентов: сравнительный анализ результатов белорусско-российского исследования	218
<i>Седнева М.А.</i> Отношение российских граждан к политическому маркетингу в экономической политике	222
<i>Филимоненко Ю.И., к.пс.н., доцент.</i> Психологические качества «истинного» лидера	225
<i>Бендас Т.В. д.пс.н., доцент.</i> Сексуальная привлекательность политических лидеров в восприятии обычными людьми	226
<i>Степанова Е.Е.</i> Влияние жизненных целей и ориентаций молодежи на их интерпретацию интеллектуальной экспансии	229
<i>Чежуина Т.В.</i> Политическая мотивация как психологическая детерминанта понимания политической информации	231
<i>Багрунов В.П. к.пс.н.</i> Опыт постановки голоса политического и общественного деятеля	233
<i>Павлова Н.С., к.пс.н., доцент.</i> Соотношение политических и экономических представлений населения о сути государственных реформ	237
<i>Васильева В.П.</i> Место и особенности мотивации власти в системе направленности личности политика и государственного чиновника	238
2.2. ПСИХОЛОГО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА И ПРЕДЛОЖЕНИЯ	243
<i>Щербакова Е.Е., д.пед.н., к.пс.н., проф. Круковска И.Н.</i> О соответствии требований к имиджу и личностным характеристикам политика	243
<i>Степанова Е.Е.</i> Целеобразующая сила образа события, представленного в СМИ, как фактор политического целеобразования аудитории	244
<i>Клюев Ю.В. к.фил.н., доцент.</i> Психологические феномены политической информации	245
<i>Гусев А.В. к.фил.н.</i> Политическая психология в союзном строительстве	249
<i>Рулина Т.К. к.пс.н., доцент.</i> Провинциальность общества как психотравма политического развития	251
<i>Сушкевич А.Е.</i> Рассмотрение кросс-политической коммуникации как средства обеспечения эффективности власти	254
<i>Сергунова С.А.</i> К вопросу о женском лидерстве	256
<i>Гудзик С.В.</i> Политический имидж как прикладной аспект политической психологии	257

3 КРУГЛЫЙ СТОЛ. «НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ ЧЕРЕЗ 20 ЛЕТ РАЗВИТИЯ» .....

260

3.1. ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ	260
<i>Бутузов В.Ю.</i> Этнический и религиозный фактор в структуре человеческого капитала (на примере некоторых северо-кавказских республик)	260
<i>Быкова А.Ю.</i> Психолого-политические последствия современной демографической политики	266
<i>Пушкина М.А. к.пс.н.</i> Демографическая безопасность страны и парадигма вертикальных связей в построении современной семьи	272
<i>Санатов Д. В.</i> Географическая и экономическая база для социального и психологического исследования человеческого капитала Архангельской области	276
3.2. ПСИХОЛОГО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ	279
<i>Халитов Р.Г., Юсупов И.М. д.пс.н., проф.</i> Психосоциальный диссонанс-индикатор политической нестабильности общества	279
<i>Александров М.В. д.мед.н.; Серавин А.И.</i> Депутаты ЗАКС и МСУ как превентивная мера стачки и снижения социальной напряженности в городах с градообразующими предприятиями	282
<i>Серавин А.И.</i> Забастовка и стачка: современный взгляд на явление	285
<i>Бурикова И.С. к.пс.н.</i> Кризис рынка занятости: «труд - продукт труда» и психология забастовочных движений	289
<i>Оселков А.А.</i> Психологический анализ правовых составляющих экстремизма	294
<i>Цыцарев С.В. Ph.D.</i> Террористическое поведение: от злости и отчаяния к ненависти к фанатизму	298

<i>Медведева В.В.</i> Экспертная оценка вероятности возникновения межэтнических конфликтов на территории Санкт-Петербурга	305
3.3. ПСИХОЛОГО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ.....	308
<i>Радина Н.К. д.пс.н., к.пс.н.</i> «Закрытая группа» и «закрытое общество»: возможности применения социально-психологических концепций для политического анализа	308
<i>Карпов А.Л. к.фил.н.</i> Новая Россия в новом мире	311
<i>Свешикова Н.О. к.пс.н., доцент.</i> Россия: психологические измерения образа будущего	315
<i>Моторин Д.И. к.пс.н.</i> Событийный подход к исследованию социально-политических процессов	316
<i>Жмыриков А.Н. к.пс.н., доцент.</i> Проективное прогнозирование модели поведения потенциальных избирателей.	323
3.4. ПСИХОЛОГИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ.....	328
<i>Ракитянский Н.М., д.пс.н., проф.</i> Глубинные психолого-политические причины доминирования в современном мире западного типа менталитета.	328
<i>Вещеникин С.Н.</i> Проявление операционального кода политика в условиях конфликта (на примере газовых конфликтов между Россией и Украиной 2005-2006 и 2008-2009 годов).....	343
<i>Брюкова А.Л.</i> Опыт анализа стиля ведения международных переговоров в России.....	346
<i>Аксенов К.Э. к.геогр.н., доцент.</i> Ценностно-идеологическая экспансия – главная геополитическая проблема России.....	349

РАЗДЕЛ Б: ДОКЛАДЫ РОССИЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПСИХОЛОГОВ НА ВСЕМИРНОМ СЪЕЗДЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПСИХОЛОГОВ В ДУБЛИНЕ (ИРЛАНДИЯ, ИЮЛЬ 2009 ГОДА.) 355

1. ПЕТЕРБУРГСКАЯ ШКОЛА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ.....	355
<i>Юрьев А.И. д.пс.н., проф.</i> Опыт политической психологии в России: теория, методы, результаты.....	355
Experience of political psychology in Russia for 20 years: theory, methods, results	362
<i>Коновалова М.А. к.пс.н.</i> Теория и практика измерения психологии свободы в России	371
Theory and practice of measuring the psychology of freedom in Russia.	375
<i>Бурикова И.С. к.пс.н.</i> Изучение человеческого капитала как задача политической психологии.....	380
Studying of human capital as a problem of political psychology.....	385
<i>Гушикина М.А. к.пс.н.</i> Методология проведения массовых психолого-политических исследований в России.	392
Methodology of carrying out of mass psychological and political researches in Russia.	397
<i>Перцовская К.О.</i> Психологические и психологические особенности личности в международных политических переговорах.	402
Psychic and psychological personality characteristics in international negotiation.....	406
2. МОСКОВСКАЯ ШКОЛА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ.....	410
<i>Шестопал Е.Б., д. филос. н., проф., Стрелец И.</i> Ельцин, Путин, Медведев: влияние мотивации на исполнение роли президента.	410
<i>Виноградова Н.С.</i> Политико – психологический анализ образа России в зарубежных печатных СМИ (2008 - 2009 годы).....	414
<i>Евгеньева Т.В., к.и.н., доцент.</i> Symbols and Images of National Identity in Contemporary Russia,.....	417
<i>Моисеева И.</i> Сравнительное исследование персонифицированных образов России и образов политической власти.	420
<i>Рогозарь-Колтакова И.И.</i> Influence of personality on Russian ministerial performance, ...	427
<i>Селезнева А.В., к.пс.н.</i> Роль ценностей в восприятии власти различными поколениями современных российских граждан.	431
<i>Филистович Е.</i> «Парламентаризм как форма политического лидерства.	434

РАЗДЕЛ В: ЭТИЧЕСКИЙ КОДЕКС ПОЛИТИЧЕСКОГО ПСИХОЛОГА.....440

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....446

ПРЕДИСЛОВИЕ

Основные положения теории и методологии политической психологии в СПбГУ, полезные для ознакомления с докладами юбилейного сборника -2009

Политической психологии в Российской Федерации исполнилось 20 лет (официально открыта 6 октября 1989 года). Хотя то, что ныне именуется политической психологией, под другими названиями существовало в мире и в России еще с конца 19 века и мощно развивалось в начале 20 века. В сборнике докладов есть экскурсы в историю политической психологии, которые напоминают имена тех, кто прошел тернистым путем психологического изучения политики задолго до нас. Теория и методология кафедры политической психологии СПбГУ естественным образом вырастает из открытий и опыта предшественников, и любое забвение их означает попытку начать все с нуля. Политическая психология при этом многообразна: в мире и в России одновременно работают несколько школ политической психологии, которые изучают ее с разных сторон и дополняют друг друга. В сборнике опубликованы доклады представителей московской школы политической психологии и других точек зрения на ее цели и задачи. Что касается петербургской школы политической психологии, то она имеет официальное государственное признание (Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации, Федерального агентства по образованию (Рособразования) № 949 от 29 мая 2007 г.), а ее история изложена и документирована в докладах одного из разделов настоящего сборника.

Авторами докладов сборника являются не только сотрудники и выпускники кафедры политической психологии СПбГУ, но коллеги – политические психологии кафедры политической психологии Московского государственного университета, специалисты из других регионов России и стран СНГ. Из-за экономического кризиса на конференцию впервые не приедут наши многочисленные зарубежные коллеги.

Двадцать лет – такой срок, когда нужно на мгновение остановиться и увидеть, какими мы стали сегодня. Доклады сборника – это не собрание всех достижений политической психологии за двадцать и более лет, а мгновенный срез ее нынешнего состояния на октябрь 2009 года. До 2009 года было создано много фундаментальных, блестящих работ в этой области знания, которые легко найти по упоминаниям в текстах докладов. Этот же сборник докладов – что-то вроде ответа на вопрос, заданный врасплох. Это не знание, накопленное в книжном шкафу, а реальное знание, которое было актуализировано политическими психологами в считанные дни. Ответ – т.е. количество докладов в сборнике, их содержание, их научность, сравним с отражением в зеркале двадцатилетнего человека, который находится на перепутье. Что он из себя представляет, что из наследия сохранил, куда он идет сегодня: вот вопросы на которые отвечает сборник. Поэтому в него включены все доклады и тезисы, которые оргкомитет получил от специалистов, считающих себя причастными к политической психологии (за исключением немногих, нарушающих Этический Кодекс политического психолога). Оргкомитет хотел сам увидеть и показать читателю, какие мы есть сегодня, чем мы занимаемся, на каком теоретическом, методологическом, экспериментальном уровне находимся.

Внимательный читатель легко обнаружит в сборнике доклады блестящие, вскрывающие фундаментальные глубины политической психологии, и доклады начинающих политических психологов, только подающих надежды. Но те и другие отражают состояние политической психологии «врасплох», «здесь и сейчас», а главное – они позволяют заказчику политической психологии: государству, общественным и политическим организациям, бизнес-структурам правильно понимать и оценивать своих

консультантов, советников, экспертов. Метод различения: это сравнение докладов сборника по их теоретической, методической, практической ценности для науки и реальной жизни.

Часть психологического сообщества неоднозначно относится к политической психологии, но фактом является активное участие в политических кампаниях огромного количества психологов других специальностей. Многие из них, фактически, скрытые политические психологи, не спешат об этом сообщать, а некоторые из них публично сомневаются в правомерности существования политической психологии. Хотелось бы, чтобы двадцатилетняя наука, стоящая на перепутье, пошла по пути, проложенной трудами акад. Бехтерева В.М., акад. Ананьева Б.Г., проф. Ганзена В.А., проф. Ракитянского Н.М., проф. Решетникова М.М., проф. Шестопап Е.Б., проф. Дейнеки О.С. и др., а научное и политическое сообщество судило о политической психологии по их работам и докладам, представленным в сборнике.

Прежде, чем приступать к ознакомлению с докладами, опубликованными в сборнике, полезно принять к сведению несколько пояснений, определяющих границы и суть политической психологии, положенных в основу создания кафедры политической психологии в СПбГУ. Это может быть полезным для читателей, впервые знакомящихся с новым направлением в отечественной психологической науке.

1. Часть докладов была принята к публикации от специалистов, которые не являются штатными сотрудниками кафедр или иных организаций, изучающих политическую психологию. Более того, часть из них не является психологами. Объясняется это спецификой политической психологии, которая неоднократно обсуждалась на Всемирных съездах политических психологов (Jeanne M. Knytson), на одном из которых было принято, что психологию политики изучают не только, собственно политические психологи, но врачи (среди основателей ISPP были крупнейшие психиатры), антропологи, политологи, социологи и др. ввиду чрезвычайной сложности ее предмета. Более подробно прочитать об этом можно во «Введении в политическую психологию» (Юрьев А.И., 1992). Аналогично в медицинской психологии успешно работают врачи, в инженерной – инженеры, в юридической психологии – юристы и т.д. Без участия специалистов из сопредельных дисциплин политическая психология может выродиться в «лабораторную науку» и очень много потеряет. Работы многих коллег из сопредельных дисциплин представляют огромный интерес, в чем можно убедиться, ознакомившись с их докладами в сборнике.

2. Открытие кафедры политической психологии в СПбГУ стало естественным развитием принципа комплексного изучения человека, предложенного основателем факультета психологии ЛГУ акад. Б.Г.Ананьевым и воплощением его идеи о смежности наук. В полном соответствии с этим принципом факультет психологии СПбГУ формировался из кафедр педагогической психологии (психология+педагогика), медицинской психологии (психология+медицина), инженерной психологии (психология+инженерное дело), психологии труда (психология+труд) и т.д. В случае с созданием в 1989 году кафедры и специальности «политическая психология» этот принцип продолжен в сочетании смежных наук «психология+политика». Хотя, конечно, помимо инициативы создателей кафедры политической психологии в ЛГУ ее бы не было без поддержки декана факультета проф. Крылова А.А., Ректора ЛГУ Меркурьева С.П., которые при этом сильно рисковали. Надо понимать, что они поддержали создание кафедры политической психологии двадцать лет назад, когда словосочетание «политическая психология» произносили со страхом.

3. Политика в России и, в частности, в психологическом сообществе ошибочно воспринимается как «грязное дело» из-за жестокого преследования еще царизма «за

политику» со стороны власти, так и из-за жестокой политики власти по отношению к своему народу. Сегодня очень трудно доказывать, что человечество обязано прогрессивной политике всеми своими достижениями в большей степени, чем своими страданиями обязано преступной политике. И мало, кто знает, что в основе политики лежит психология, знания о человеке, за которые отвечают психологи. Политика начинается с психологического описания человека, которое определяет законодательство, форму административного управления, всю систему поощрений и наказаний, меру развития культуры, науки и образования. Именно психологическое определение человека устанавливает границы политически допустимого и недопустимого в отношении этого человека. Именно психологи своими исследованиями определяют «политическое место» человека на шкале, на одном полюсе которой человек определяется «как животное», а на другом полюсе понимается как «подобие Бога на Земле». Предтечей жесточайшего террора против собственного народа в конце 19 и начале 20 века было появление знаменитой статьи Сеченова, породившей движение тургеневских «Базаровых», последователи которых, принимая решение о массовых расстрелах, исходили из утверждения, что «человек мало чем отличается от животного». Тоталитарность одних стран и демократичность других определяется точкой на шкале между «человеком-животным» и «человеком-подобием Бога на Земле», которое политики получили из трудов психологов. Сотрудничество психологии и политики, как ясно из вышесказанного, является обязательным, неизменным условием успеха страны и счастья ее граждан.

4. По определению Международной Ассоциации Политической психологии (ISPP) политическая психология исследует связи между политическими явлениями и психологическими феноменами. К числу политических явлений относятся политические выборы, митинги, забастовки, демонстрации, революции, социальные конфликты, законодательная деятельность, экономические реформы, объявление войны и заключение мира, события в области литературы, искусства, науки, радикально изменяющие психологию человека и общества. К числу психологических феноменов относятся политическое мышление, политическая воля, политическая память и восприятие, политический аффект и политическая речь и т.д. (16 феноменов). Научная практика подтверждает, что никакие политические явления не могут произойти без акцентуации психологических феноменов. В свою очередь, политические явления непреодолимым образом модифицируют «под себя» психологию человека и общества. Гипотетическое перемещение человека на машине времени в пространство иных политических явлений для него не менее смертельно, чем выход за пределы температурного диапазона (-50С - +50С). Жизнь общества существует только в случае гармонии между политическими явлениями и психологическими феноменами. Это следует из разработок акад. В.М.Бехтерева (Коллективная рефлексология, 1923.), Б.Г. Ананьева (Человек как предмет познания. 1968.) и проф. В.А. Ганзена (Системные описания в психологии, 1984.), на которых и строилась вся теоретическая и методологическая работа кафедры политической психологии СПбГУ.

5. Трудности политической психологии вызываются заблуждением, что психология, как и иные науки, развивается естественно, по мере накопления новых знаний. В действительности, психология, как и иные науки, целиком зависит от политики, которая не только создает или закрывает целые отрасли знания, но и предписывает им направление развития. Когда политике требуется атомная бомба, то она создает условия для развития физики в этом направлении. Когда бомба не нужна – ненужной становится и соответствующая физика. Когда политику не устраивает представление психологии о человеке, то политика запрещает его и дает заказ на новое определение человека в соответствии со своей философией отношений власти и человека. Горько, но надо признать, что все кризисы в психологической науке и резкое изменение ее содержания

были обусловлены политическими изменениями. Та же отечественная психология за сто лет успела закрыть исследования человека, построенные на идеалистической философии и резко в 1930 году перевела ее в русло марксистско-ленинской философии, а после событий 1991-1993 года фактически прекратила это направление ее развития и перевела в русло философии постпозитивизма. Поэтому недооценка и игнорирование психологами политики является неоправданной, и с точки зрения понимания современного человека, и с точки зрения собственного развития.

6. Объектом политической психологии является «политический человек» в той же мере, в какой в медицинской психологии таковым является «больной человек», в педагогической – «учащийся человек», в юридической - «преступный человек», в психологии труда - «трудящийся человек», в инженерной психологии – «человек-оператор» и т.д. Понятие «политический человек» является ключевым понятием политической психологии и было впервые введено профессором Lipset S. (*Political Man. The Social Bases of Politics. The Johns Hopkins Univ.Press., 1959*). Политический человек появляется всякий раз, когда политическая власть чего-то хочет от него, или он что-то хочет получить от политической власти. Простейший пример: избиратель – это простейший политический человек, от которого в некоторой мере зависит его собственная свобода, справедливость действий власти и т.п. Политического человека выдает его интерес к действиям власти, которые то его вдохновляют, то заставляют дома плевать в экран телевизора, то включаться в политические дискуссии в Интернете, которые клокочут такими энергичными политическими эмоциями и мыслями, что все сомнения в существовании политического человека отпадают. Как человек становится больным, столкнувшись с болезнью, так гражданин становится политическим человеком, встретившись с властью. Самые интересные доклады в сборнике посвящены политическому человеку явно или неявно.

7. В соответствии с Приказом Минвуза СССР от 06.09.1989 года об открытии кафедры политической психологии, ей было предписано кроме всего прочего исследовать т.н. массовидные политические явления и процессы. Политическим психологам предлагалось в своих исследованиях выйти за пределы исследования психологии одного, отдельно взятого человека, малой группы, коллектива, команды, и перейти к изучению толпы, демонстрации, митинга, населения региона, народа целой страны. Перед кафедрой была поставлена задача высшей степени сложности, которую описал еще В.М. Бехтерев в своей статье «Предмет и задачи общественной психологии как объективной науки» (СПб, 1911). Однозначного ответа на этот вопрос основоположник российской политической психологии не дал, но обстоятельства конца XX века требовали приступить к психологической квалификации не отдельного человека, а больших совокупностей людей типа толпы или митинга. Кафедра 20 лет последовательно решала эту задачу, ответы на которую представлены в докладах о «человеческом капитале», закономерностях забастовок, выборов и др. Идея «человеческого капитала» - психологического измерения состояния населения целых регионов оправдала себя и была принята, как рабочее понятие в документах Правительства РФ. Этой проблеме посвящено еще несколько очень полезных докладов.

8. О научности политической психологии на кафедре СПбГУ. Проблема для политической психологии заключается в том, что в отечественной психологии неявно захватывает власть идеология неопозитивизма. Хотя, Огюст Конт, создатель философии и религии позитивизма, не признал психологию наукой, тем не менее, часть психологии стремится к своему признанию, как науки, в рамках только позитивизма, подражая физике или математике. В связи с этим считается, что формальное рождение психологии как самостоятельной дисциплины состоялось в 1879 году — в этом году в Лейпциге, в

Германии Вильгельм Вундт основал первую лабораторию для экспериментального изучения психических явлений. Эта часть специалистов отрицает «психологичность» многих психологических категорий, которые составляют существо политической психологии: психологии любви и ненависти, веры и недоверия, надежды и безнадежности, психологию чести, долга, совести, политического сознания и др. Эти категории изучаются в рамках идеалистической философии, метафизики и не поддаются позитивистским количественным измерениям. Но отрицать их реальное существование, как психологической сущности, невозможно: любой позитивист добивается от своего даже ближнего окружения поведения на основе совести, долга, чести и т.д. На кафедре политической психологии было принято общее определение науки: «Вербальное письменное средство воздействия является наукой в том случае, если его пользователь после точного исполнения предписания составителя текста обязательно достигает предсказанного конкретного результата» Для целей политической психологии определение науки формулируется так: «Расширение политического сознания человека является наукой в том случае, если используемые им инструменты понимания себя и окружающего мира позволяет снять неопределенность в отношении смысла, цели и ценностей своего существования и существования своей страны».

9. О предмете политической психологии. Здесь необходимо вспомнить историю понятия «предмет исследования». Понятие предмета науки ввел в 1904 году австрийский философ Р.Амзедер для того, чтобы обозначить некоторую целостность, выделенную из мира объектов в процессе человеческой деятельности. Но потом каждая психологическая школа вводила свое определение предмета науки. Дж.Ст.Милль считал, что «Предметом психологии служат единообразия последовательности – те законы, (конечные или производные), по которым одно психическое состояние идет за другим, вызывается другим». Г.Спенсер определял предмет «не как соотношения между внутренними явлениями, не как соотношения между внешними явлениями, но соотношения между этими соотношениями», т.е. связи между сознанием и внешней средой». Великий В.Вундт считал предметом психологии «Не внутренний опыт, в отличие от внешнего опыта как предмета естественных наук, но особую точку зрения на этот опыт». В свою очередь бихевиоризм считал предметом изучения «не психику и сознание, а объективно наблюдаемое поведение». По Дильтею В. «предмет психологии - развитой человек во всей полноте душевной жизни. Не смотрение внутрь души (интроспекция), а включение субъективных переживаний в смысловые связи с ценностями, которые их определяют» и т.д. Определений предмета психологического столько, сколько психологических школ.

В отечественной психологии ситуация не проще. В рефлексологии Бехтерева В.М.: - «предмет – сложные приобретенные рефлексы, известные у человека под именем действий и поступков, характеризующих его поведение». Леонтьев А.Н., Лурия А.Р. считали, что «предмет – история возникновения и развития специфически человеческих высших психических процессов, историческое понимание сознания и поведения, структура которых опосредована культурными психологическими орудиями – различного рода знаками». По Гальперину П.Я.: «предмет – не явления сознания, а ориентировочная функция, которая составляет психологическую сторону явлений сознания. Различные науки могут выделять в одном и том же объекте разные стороны (аспекты), делая их предметом своего исследования». В наши дни проф. Еремеев Б. А. считает, что «предмет – это объект, попавший в сферу деятельности субъекта или объект для субъекта. Предмет психологии как науки – это система знаний о психике (о душе). Ядро в предмете психологии составляют ее основные определения. Качественная определенность раскрывается в форме свойств и состояний носителя. Свойств много – столько, сколько существенных отношений, в которые вступает носитель этих свойств».

Предмет психологии научно не определен, есть только директивное требование ВАКа: *«Предмет (научного исследования) — логическое описание объекта, избирательность которого определена предпочтениями исследователя в выборе точки (мысленного) обзора, аспекта, «среза», отдельных проявлений наблюдаемого сегмента реальности. На кафедре политической психологии СПбГУ предмет исследований определен, как психолого-политические состояния, свойства и особенности политического человека, обнаруживающиеся в процессе его взаимодействия с политической властью. Предмет исследования политической психологии аналогичен предмету инженерной психологии: там СЧТС (система человек-техника-среда), в нашем случае СЧВП (система человек-власть-политика).*

10. Часть объектов исследований политической психологии представлена в докладах сборника. Они появились вместе с политической психологией, потому что с 20-х до начала 90-х годов в нашей стране эти объекты или не существовали, или их исследование, даже регистрация, были невозможны. Ясно, что к ним относятся забастовки, митинги протеста или антиправительственные демонстрации. После 1987 года приблизительно, объектами политической психологии кроме них стали еще парламент, политическая партия, правительство и др. Причем, объектами таких исследований могут быть политические лидеры, государственные руководители, общественные деятели, владельцы финансовых монополий индивидуально. В то же время, объекты политической психологии являются теми самыми «смежностями», которые имел ввиду акад. Б.Г.Ананьев: сопряжение политического явления (митинга, например) и психологического феномена (психологических особенностей оратора на митинге, например). Относительно объекта психологии ведется не менее активная дискуссия, как и относительно предмета психологии. Здесь лучше всего руководствоваться директивами ВАКа, согласно которой *«Объект (научного исследования) — это: избранный элемент реальности, который обладает очевидными границами, относительной автономностью существования и как-то проявляет свою отдаленность от окружающей его среды. Объект порождает проблемную ситуацию и избирается для изучения». К слову, ВАК определяет отношения между предметом и объектом исследования: «Объект и предмет исследования как категории научного процесса соотносятся между собой как общее и частное. В объекте выделяется та его часть, которая служит предметом исследования. Именно предмет исследования определяет его тему, которая обозначается на титульном листе как ее заглавие».*

В политической психологии объект исследования – это политический человек, который для современной отечественной науки представляет собой некий «объем тайн», образованный на осях X - психических процессов (от политического ощущения до политического мышления), Y - психологических свойств (от политического темперамента до политической направленности) и Z - психических состояний (от политического утомления до политического стресса). Пересечение этих трех осей дают в «объеме человека» бесконечно большое количество точек для исследования и квалификации психолого-политического состояния человека и общества.

Через двадцать лет интенсивной работы по психологическому изучению политики и прямому участию политических психологов в политической жизни страны, кафедра политической психологии находится в 2009 году на перепутье. Если политическая психология сохранится, то новый юбилейный сборник докладов по политической психологии (2029 года) продолжит эти традиции, но может быть и иначе, и десять пояснений к докладам нового сборника будут совершенно иными.

Двадцать лет назад я с помощью коллег (о них в сборнике) создал кафедру и почти двадцать лет руководил ее работой. Но время и обстоятельства неумолимы, и я попросил освободить меня от заведования кафедрой. С начала 2009 года заведующим кафедрой

политической психологии был избран проф. Мезенцев Д.Ф., в 1998 году защитивший диссертацию по политической психологии. Д.Ф.Мезенцев – политик и организатор с огромным опытом и знаниями, в то время работал Заместителем Председателя Совета Федерации ФС РФ. Буквально через полгода после избрания заведующим он был избран Губернатором Иркутской области. Новый заведующий кафедрой поведет ее в том направлении, которое изберет. Пока ясно, что кафедра начнет впервые заниматься психологией внешней политики, для чего ранее у кафедры не было достаточных ресурсов.

Остается пожелать кафедре политической психологии СПбГУ, нашим коллегам в МГУ и других организациях, изучающим политическую психологию не потерять того, что было достигнуто и преумножить ее успехи. Огромная благодарность всем сотрудникам кафедры, с которыми я имел счастье работать, начиная с 1986 года (я перечисляю их в своей исторической справке). Особое спасибо тем, кто счел для себя возможным и необходимым принять участие в юбилейной конференции кафедры политической психологии СПбГУ и в настоящем сборнике.

Проф. Юрьев А.И.
101009

РАЗДЕЛ А: ДОКЛАДЫ УЧАСТНИКОВ КОНФЕРЕНЦИИ.

1 КРУГЛЫЙ СТОЛ. Состояние теории и методологии политической психологии: 20 лет спустя

Ведущий круглого стола: проф. Юрьев А.И.

Ученый секретарь: к.пс.н. Бианки В.А.

1.1. ИСТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Юрьев А.И. д.пс.н., проф. Этапы формирования кафедры политической психологии СПбГУ: её теория, методология, практика, коллектив

Этапы формирования кафедры политической психологии я излагаю от первого лица: как я их знаю, понимаю и помню. Я был инициатором и свидетелем всех этапов ее формирования, все документы, сопровождающие историю кафедры, всегда были у меня. Я привожу их точно. В этом изложении нет предвзятости к людям, которые каждый в свое время работали со мной, часто не жалея себя, и потом уходили, потому что перерастали роль, которую могли получить на кафедре. Как из семьи уходят выросшие дети, так и многие молодые политические психологи становились маститами, известными специалистами и уходили с кафедры на подобающие их знаниям и опыту роли в политической жизни страны. Только благодарность всем, с кем я работал.

Будучи учеником проф. В.А.Ганзена, я усвоил не только его теоретические уроки, но в значительной степени и его стиль поведения. Поэтому я обсуждал с коллегами теоретические и методологические основы Санкт-Петербургской школы политической психологии, но добивался неуклонного следования основным общим положениям петербургской психологической школы, которая наиболее ярко и последовательно проявилась в идеях В.М.Бехтерева, Б.Г.Ананьева и В.А.Ганзена, А.А.Крылова, Г.В.Суходольского, Т.П.Зинченко и многих других, которых невозможно перечислить в формате научного доклада. Им - особая благодарность. Будет ли продолжена эта школа после моего ухода с должности заведующего кафедрой после 20 лет ее строительства – не знаю. Новый заведующий кафедрой, проф. Д.Ф.Мезенцев, ныне еще и Губернатор Иркутской области, не объявлял своей научно-методической позиции, но вправе использовать для этого свой огромный политический опыт и знания для следующих 20 лет развития кафедры. Настоящий доклад предназначен и для него в виде откровенного описания того, что и как происходило в процессе создания кафедры политической психологии в ЛГУ-СПбГУ.

1. Этап предварительный.

Благоприятные условия и исторические обстоятельства создания кафедры политической психологии.

Создание кафедры и специальности «политическая психология» неразрывно связаны с академиком Б.Г.Ананьевым. Этому предшествовали удивительные события. Первое – я познакомился с Борисом Герасимовичем совершенно случайно, в 1968 году, до

поступления на факультет психологии. Я не знал тогда, что он – психолог, академик, декан факультета психологии ЛГУ. Он жил на соседней Дибуновской улице в Новой Деревне, и однажды в скверике за кинотеатром «Юность» сам подошел ко мне, чтобы сделать замечание. Я хотел ответить ему грубостью, но молча выслушал Бориса Герасимовича, потому что с первого взгляда ощутил нечто, что можно было бы именовать «излучением интеллектуальной мощи», исходившей от этого невысокого, худощавого человека. Только инопланетянин мог бы произвести на меня, уже бывалого тогда и искушенного человека, столь мощное впечатление своим умом, пронизательностью, речью (мне было тогда 26 лет, я работал с 13 лет на ленинградских заводах, отслужил в армии, имел семью и пр.). Позже, придя, наконец, подавать документы в приемную комиссию факультета психологии, я вдруг узнал, что мой ново-деревенский знакомый как раз возглавляет разыскиваемый мною факультет психологии. Так я встретился с воплощением всего, чему было можно и нужно подражать. Но, к огромному моему несчастью, он умер, когда я только заканчивал первый курс. БГ всего четыре раза уделил мне лично небольшое время, но я помню каждую минуту бесед с ним, до мельчайшей детали – это была самая большая удача в моей жизни, которая определила, что, как и зачем я буду делать.

Второе необходимое историческое событие – Перестройка М.С.Горбачева (1985), которая среди многих минусов создала уникальные условия для психологического исследования политического человека, которые оборвались на В.М.Бехтерева и которых не было у Б.Г.Ананьева и его соратников. Создание новых направлений исследований в психологии – дело непростое, но оно имеет только научную составляющую для политически индифферентных проблем (клиника, дети, старость, инженерия и др.), и оно чрезвычайно затруднено для исследований психологии политики и власти. Фактор политического климата, времени, ситуации в этом случае имеет главное значение. Надо сказать, что и научное психологическое сообщество, многократно пострадавшее от политики, относится к ее изучению с чувством опасности, недоверия и индифферентности. Поэтому получить признание власти с одной стороны, и доверие со стороны коллег, весьма нелегко. Кстати сказать, с начала девяностых годов более трети психологов страны были замечены на «поле» политической психологии, как организаторы избирательных кампаний, советники, консультанты политических партий, кандидатов в депутаты и др. Это значит, что создание кафедры политической психологии предвосхитило практическую переориентацию значительной части психологической деятельности в области политических процессов в стране. По этому признаку история кафедры политической психологии продолжает историю развития психологии в стране, этапами которой является создание факультетов психологии в ЛГУ и в МГУ Б.Г.Ананьевым и А.Н.Леонтьевым, кафедры и специальности «социальная психология» Е.С.Кузьминым, которым пришлось выбрать подходящее время, но при этом преодолеть огромные препятствия идеологического и научного характера. Зная, как это происходило, можно сказать, что они жизнью платили за то, что сегодня выглядит таким естественным и почти обыденным.

Бесспорным условием создания кафедры и специальности является достаточная теоретическая, методологическая и эмпирическая база нового научного направления. В конце 70-х, начале 80-х годов политические изменения существенно влияли на развитие и состояние всех других направлений психологической науки. В результате удачных или неудачных политических решений создаются поля для появления новых психологических специальностей. Появление любой кафедры является производным от потребностей времени, оформленных политическими решениями. Так было в паре «космонавтика и инженерная психология», первая демографическая яма и медицинская психология. Политика фактически открывает поля для психологической науки своими социально-экономическими действиями, но психологические тайны самой политики остаются закрытыми для исследований. Многие психологи интересовались этими «тайнами», и

обсуждали их после работы в личных беседах. Однако, содержание этих бесед каким то образом стало известно руководству Ленинградского обкома КПСС, и нам помогло то, что уже шла Перестройка. Я был приглашен в Смольный для объяснений, результатом которых стало предложение произвести психологическое исследование кадрового резерва ЛО КПСС, состоящее из одной тысячи будущих политиков по аналогии с психологическими исследованиями операторов или космонавтов.

2. Этап подготовительный. Первый опыт формирования научно-практической базы политической психологии.

Исследование кадрового политического резерва Ленинградской области. Для выполнения этой работы с согласия декана факультета проф. А.А.Крылова из студентов и группы преподавателей был сформирован студенческий научный отряд (СНО), как аналог студенческого строительного отряда (ССО). Конечно, была проведена основательная адаптация для этой цели психологических методик, проведена необходимая организационная работа и...началась виртуальная политическая психология. После окончания весенней сессии отряд в составе 19 человек выехал в поселок «Советский» Ленинградской области и, поселившись в «финской» гостинице на берегу Финского залива, приступил к работе. Сначала вместе с Сергеем Никитенковым (талантливейший психолог с завода «Арсенал») учили студентов психологическому тестированию, а потом приступили к практической работе. В этом отряде начинали свою научную карьеру А.А. Ершов, М.А. Коновалова и др. В течение всего лета или мы ездили в дальние уголки Ленобласти, или к нам в п. Советский приезжали молодые люди из кадрового резерва ЛО КПСС для психологического тестирования. Кроме тестирования проводились практические занятия на базе пансионата Выборгского судостроительного завода. Большинство студентов и преподавателей блестяще отработали все лето, разобравшись в методологии очень необычного, до сих пор нигде не описанного варианта психолого-политического исследования. К осени эта крайне сложная работа была завершена, и сдана секретарю Выборгского ГК КПСС Шляхтову В.А. Психолого-политические характеристики на каждого из тысячи обследованных кандидатов на выдвижение были сданы по акту, причем, каждая характеристика была зашифрована в соответствии с Этическим Кодексом психолога, и к огромному тому документов прилагалась шифровальная тетрадь, которую хранить надо было отдельно.

Критерием эффективности этого исследования можно считать последующую практику, которую тогда никто не предвидел, не знал, не понимал – до 1991 года было далеко. Так самым перспективным будущим руководителем в Ленобласти по результатам исследования был назван А.С. Беляков, тогда малоизвестный директор птицефабрики из п. Ольшаники. Когда эти материалы попали к секретарю ЛО КПСС Д.Н. Филиппову, то он счел это недоразумением. Было еще несколько человек, по поводу которых руководство ОК КПСС совершенно напрасно с нами не согласилось. В точном соответствии с нашими выводами А.С. Беляков очень скоро был избран губернатором Ленобласти, и активно работает в политике до сих пор. Д.Н. Филиппов, бывший секретарь ЛО КПСС по промышленности, потом создатель первой в России налоговой службы по Ленинграду и Ленинградской области, человек резкий, яркий, решительный, стал жертвой заказного убийства – взорван в подъезде дома, где он жил. Доверие к политической психологии сослужило хорошую службу для многих сотен успешных политиков, а недоверие к ней стало индикатором скорого завершения карьеры для сомневающихся. Многие отмеченные в том исследовании люди стали очень заметными фигурами не только в области, но и на всесоюзной политической арене.

Создание теоретической и методической базы политической психологии продолжилось после очередного приглашения в Смольный к первому секретарю ОК

КПСС Ю.Ф. Соловьеву. В этот момент решалось все: быть или не быть. Встреча произошла поздним осенним вечером в комнате для приема посетителей. Кроме охраны (в приемной) на встрече присутствовал только его референт, Олег Михайлович Яковлев. По первым словам я понял, что Юрию Филипповичу известно мое мнение о перспективах политической ситуации в стране с точки зрения психологии: по психолого-политическим прогнозам дни существования КПСС и СССР ограничены 1990 годом. Оставалось только три года для демобилизации обкома КПСС. Ю.Ф. Соловьев – ветеран Великой Отечественной войны, строитель Ленинградского метро, совершенно хладнокровно меня выслушал и потребовал научных доказательств этих прогнозов. Именно эта встреча положила начало легализации политической психологии в нашей стране.

Обком КПСС разрешил создать при Высшей партийной школе в Таврическом дворце рабочую группу для разработки совершенно новых программ работы с политическими кадрами. Группу возглавил заведующий кафедрой партийного строительства ВПШ В.В. Цалобанов – человек бывалый, искренний и энергичный. В группу В.В. Цалобанова вошли: А.М. Зимичев, С.В. Цыцарев, Г.М. Бирюкова, А.А. Ершов, А.И. Юрьев и др. Группа еженедельно работала в ротонде Таврического дворца, под самым куполом здания. В ротонде стоял огромный круглый стол, за которым члены группы провели много вечеров, обсуждая совершенно новые варианты работы психологов в политике.

3. Этап проектирования теории и методологии кафедры. Разработка теоретической и методической базы политической психологии

В результате обретения собственного опыта и опыта своих коллег в стране и за рубежом, будущий коллектив кафедры избрал своей теоретико-методической основой разработки В.М. Бехтерева, изложенные в "Коллективной рефлексологии" и других его работах, междисциплинарный подход к изучению психики человека Б.Г. Ананьева, системные описания в психологии, предложенные В.А. Ганзеном, анализ психологии деятельности Г.В. Суходольского. Кафедра сразу ставила своей задачей такой анализ политической психологии, который находил бы естественное место политики в общей системе жизнеобеспечения общества. Политическая деятельность соседствует в науке и практике с областями знания и труда, которые не вызывают ни малейшего сомнения в их естественной необходимости для человека и общества: экономика, производство, право, естественные науки (математика, физика, химия, астрономия и др.).

По незнанию иногда утверждают, что существование политики является не только необязательным, но вредным. Наши стратегические прогнозы показали, что без нормальной, профессиональной политической деятельности все остальные отрасли знания и производства погибают. Политическая деятельность создает свою потребительную стоимость, без которой общество не может существовать. Основным достоинством политической деятельности является то, что только она использует целую систему психологии целеобразования, вне которой нет ни политики, ни общества. Только политическая психология располагает теоретической моделью целеобразования, прослеживая его этапы: целеполагание, целенаправленность, целеустремленность, целесообразность. И только политическая деятельность открыто и основательно претендует на психологию власти, объявляя и делая ее своей целью, своим смыслом, своим инструментом.

В основу ленинградской школы политической психологии были положены, конечно, теоретические основы ее основателя – академика Б.Г. Ананьева и развитие его идей в работах проф. В.А. Ганзена. Исключительный интерес с этой точки зрения представляет работа Бориса Герасимовича «Очерки психологии», изданная в 1945 году в

Ленинграде и монография Владимира Александровича «Системное описание психологии», вышедшая почти 30 лет спустя (1984). Функции системы глобализации заключаются в изменении психологии и поведения человека за счет контроля над смыслом жизни масс людей (цивилизация и религия), над ценностями (культура и религия), над их жизненными целями (наука и культура), и, в итоге, над мощностью жизненной силы этих масс людей (наука и цивилизация). В ленинградской психологической школе принято анализировать человека как носителя индивидных свойств, субъектных, личностных и свойств индивидуальности. (Ганзен В.А. Системные описания в психологии. Л., 1984., с. 159.). В соответствии с их представлениями, политическая психология исходит из того, что глобализация выступает в роли стройной системы, модифицирующей индустриального человека в постиндустриального. Система состоит из глобальных, часто неприемлемых изменений элементов, которыми политика достигает своих целей: науки (напр. генная инженерия, эфтаназия и т.п.), культуры (эстетика отвратительного и т.п.), религии (мунизм и т.п.), цивилизации (возвышение телесного над духовным и т.п.). Очень важно рассматривать эти элементы самостоятельными и только пересекающимися, но не являющимися синонимами друг друга. Они действительно пересекаются, но только на результатах своего влияния на человека как индивида (на нем пересекаются цивилизация и религия), на личность (пересечение влияния культуры и религии), на субъекта труда, познания и общения (плод пересечения цивилизации и науки), на индивидуальности (результат пересечения культуры и науки). Структура отношений элементов глобализации обусловлена политикой, синтезирующей и синхронизирующей глобальные изменения в меру своих интеллектуальных и властных возможностей (см.рис.1.).

Рис 1. Макроструктурное психологическое описание человека (В.А.Ганзен, 1984).

То, каким образом, политика, как синтез глобальных изменений влияет на человека, было последовательно представлено в монографиях А.И.Юрьева "Введение в политическую психологию" (Л., 1992), "Системное описание политической психологии" (СПб, 1997) и в коллективной монографии сотрудников кафедры под редакцией А.И.Юрьева «Стратегическая психология глобализации. Психология человеческого

капитала» (СПб, 2006). Основной идеей политической психологии стала замена понятия «развитие» на понятие «изменения». Под изменением понималась глобализация, которую СССР не мог ни контролировать, ни управлять ею, ни прогнозировать ее. По расчетам СССР уже лет 15, как выпал из мирового политического процесса и мог занять свое место в мировой политике ценой огромных потерь, к которым было необходимо психологически адаптировать страну, и в первую очередь ее руководителей. Только политическая психология научно объясняет: что изменяется в мире, как изменяется, почему изменяется и как эти изменения использовать в интересах своей страны. На практическую задачу работали теоретические модели В.А. Ганзена, методология психологического тестирования для отбора космонавтов и социально-психологический тренинг.

ПОЛИТИКА - синтез глобальных изменений	Изменения ЦИВИЛИЗАЦИИ Материальное регулирование поведения	Изменения КУЛЬТУРЫ Поведение как идеальное отражение
Изменения НАУКИ Активное и рациональное поведение	<i>СУБЪЕКТ</i> <i>труда, игры, познания,</i> <i>общения</i> <i>Носитель жизненной</i> <i>позиции</i> <i>(Активное регулирование)</i>	<i>ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ</i> <i>Носитель картины мира</i> <i>(Активное отражение)</i>
Изменения РЕЛИГИИ Поведение реактивное и интуитивное	<i>ИНДИВИД</i> <i>Носитель образа жизни</i> <i>(Реактивное</i> <i>регулирование)</i>	<i>ЛИЧНОСТЬ</i> <i>Носитель мировоззрения</i> <i>(Реактивное отражение)</i>

Рис. 2. Политика - как синтез глобальных изменений, модифицирующих человека и общество.

Глобализация синтезировала уже идущие: 1) изменения всей современной цивилизации (системы материального регулирования по В.А. Ганзену), 2) изменения мировой культуры на основе телевидения, Интернета (системы идеального отражения), 3) изменения науки, овладевшей ядерной энергией, генной инженерией и пр. (изменения активного и рационального), 4) изменения религии, проявившиеся в появлении сайентологии, мунизма и в политизации классических религий (изменения реактивного и интуитивного отражения и регулирования). Иначе говоря, глобализация стала оказывать на человека и общество такое давление, которое намного превосходило влияние политической идеологии и традиционной морали, «прозевавших» своего главного противника. Психологически это проявилось в изменении: а) образа жизни людей (быта), что уже привело к изменениям в психологии индивида, б) в изменении мировоззрения (этики и эстетики поведения), что привело к изменениям личности, в) изменению картины мира (познания), что существенно изменило психологию индивидуальности, и г)

изменению жизненной позиции (позиции экономического человека), что привело к изменению психологии субъекта. Глобализация сделала так, что государство имело дело с народом, который радикально изменился, был другой и новый с точки зрения политической психологии: контакт власти с народом был утрачен. Восстановление этого контакта имело решающее значение для спасения государства – СССР.

Естественно, что классического человека, как он понимался в ленинградской психологической школе, необходимо было рассматривать, как «человека политического». В тот момент нам было неизвестно, что понятие «политического человека» уже введено до нас в зарубежной психологии С. Липсетом (Lipset S. *Political Man. The Social Bases of Politics. The Johns Hopkins Univ.Press., 1959/1988., Political Man: The Social Bases of Politics. Garden City, NY: Doubleday, 1960.*). Под политическим человеком мы понимали человека, взаимодействующего с властью: т.е. проектирующего власть, осуществляющего власть, поддерживающего власть и повинующегося власти. Фактически каждый человек хотя бы периодически «сталкивается» с политической властью, и это вызывает у него специфические мысли, чувства, переживания и побуждает его к вполне реальным поступкам, действиям, формирующим специфическую психологию политического поведения. Феномены такого политического поведения были достаточно подробно описаны В.М.Бехтеревым в «Коллективной рефлексологии» (1923), а до него вышли труды таких выдающихся исследователей, как работа Г.Тарда ("Преступления толпы", 1903), В.К.Случевского ("Толпа и ее психология", 1893), И.И.Добровольского "Психология преступной толпы" (1894), еще в 1893 г. были переведены на русский язык труды С.Сигеле "Преступная толпа", Г.Лебона "Психология народов и масс" и др. Если в инженерной психологии рассматривается «человек-оператор», как элемент системы «человек-техника-среда», то в политической психологии – это система «человек-политика-власть». Именно в этом контексте каждое психическое свойство человека стало рассматриваться с точки зрения его взаимодействия с политикой (см. рис.3.).

Рис. 3. Система психолого-политических свойств политического человека, обеспечивающая проектирование политики, её производство, распространение и повиновение ей (на основе идей В.А.Ганзена, 1984.).

Политическая психология, прогнозируя распад СССР, изменение социальной жизни общества таким образом, что человек окажется предоставлен «сам себе» и лишен всяческой защиты со стороны государства и общества, может впасть в трудные психические состояния, искала выход во введении в оборот психологической науки: а) новых психологических понятий, и б) рассмотрение этих понятий не изолированно, а только лишь в связной системе, как учил проф. В.А.Ганзен. Главное условие понимания глобализации – это понимание того, что ее угрозы представляют собой целостную систему взаимосвязанных психологических феноменов, которые не могут рассматриваться отдельно друг от друга. Системное понимание психолого-политических угроз глобализации показывает, что угроза №1 «страх» – это произведение одиночества на скуку (проблема человека как индивида), угроза №2 «одиночество» – это отношение страха к скуке (проблема человека как личности), угроза №3 «апатия» – это произведение страха на скуку (проблема человека как субъекта), а угроза №4 «скука» – это отношение страха к одиночеству (проблема человека как индивидуальности). Можно подставить в эту формулу любые числа, чтобы увидеть, как сильно зависят каждое из них от каждого другого. Таким образом, численное измерение каждого из них обнаруживает

непропорциональности и несоизмеримости между ними, которые объясняют причины социально-экономических и политических неудач человека или общества. (рис. 4.).

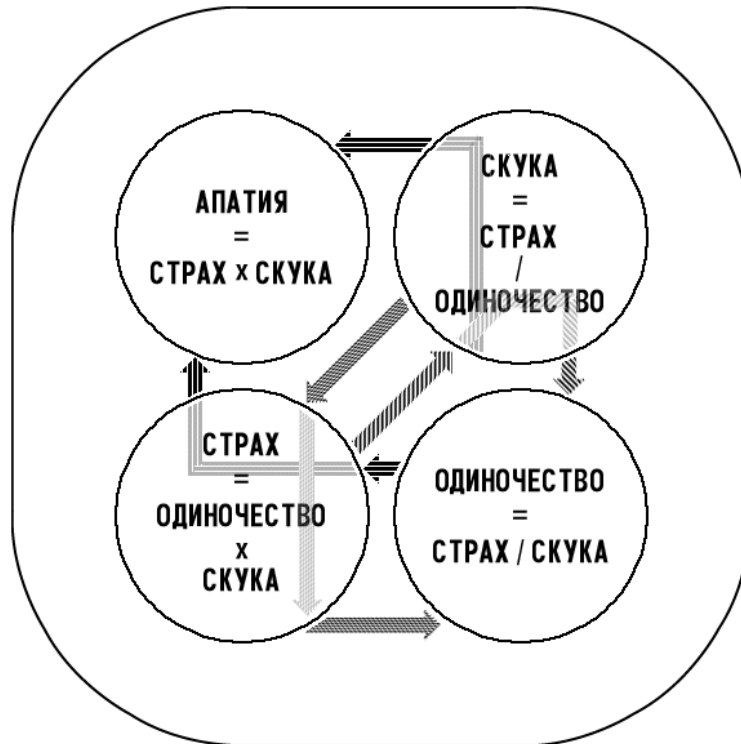

Рис. 4. Психологические проблемы человека, усиленные глобализацией.

Именно политической психологии пришлось принять к работе гипотезу о том, что психологию общества можно и нужно исследовать в тех же терминах, что и психологию отдельного человека. Необходимость такого решения обусловлена тем, что гражданское общество (экономика) постигается «организмом», а политическое общество (идеи) понимаются «психикой». Поэтому только политическое общество в лице своих партий является обязательным и единственным «производством» для граждан страны смысла, ценностей и целей жизни, необходимых для преодоления страха, одиночества, скуки и апатии. То, что сегодня переживает Россия, занимающая не первые позиции в мировой экономике, обусловлено не ее мнимой экономической бедностью, а ее экзистенциальной слабостью. Страна сегодня находится в поиске своего смысла, ценностей, целей для жизни в глобально изменяющемся мире. Произвести смысл, ценности и цели может только политическое общество, которое порождается стремлением к справедливости.

Политическое общество – это сегодня целостная система психолого-политических «инструментов» преодоления угроз глобализации, которые недопустимо измерять или конструировать в отрыве от других: отсутствие связи одного из них с другими, или непропорциональность силы этих инструментов приводят к неудаче исследователя, к крушению личной жизни реального человека или целого политического общества.

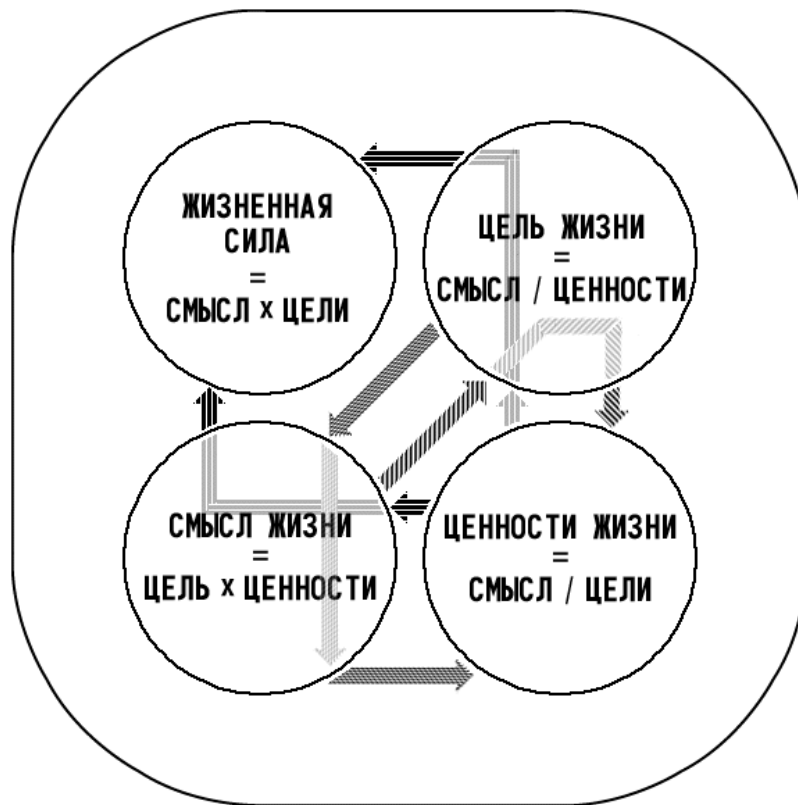

Рис. 5. Психологические методы преодоления угроз глобализации.

Инструменты политического общества можно и проектировать, и измерять, но только в рамках целостной системы. Только так, расчетным методом, можно найти правильные пути преодоления угроз глобализации для человека и государства (рис.5.).

4. Этап практической апробации.

Применение теоретико-методических положений политической психологии на практике.

Еще в 1985-86 мною был совершен еще один опрометчивый поступок: в частных беседах на факультете психологии я предположил, что война в Афганистане – это начало конца СССР и КПСС. Однако вместо ожидаемых наказаний, ЛО КПСС предложил мне организовать психолого-политическую переподготовку партийных кадров к глобальным изменениям в стране и в мире. Организационно это оформилось в создание «неформальной партийной школы» вне стен ВПШ, в обкомовском пансионате «Дюны» под Сестрорецком (рядом с «Белыми ночами»). Н.Л. курировал работу в «Дюнах» от начала до конца. Теоретические модели политической психологии были реализованы в точных расписаниях лекций и практических занятий, включающих часы разгрузки в виде аутотренинга и футбола в любую погоду. К психологам присоединились юристы, экономисты, философы города. ЛО КПСС начал направлять в Дюны группы партийных руководителей (секретари горкомов, райкомов, парткомов, инструкторы ГК и ОК КПСС) по 18-20 человек, которые стали учиться по интенсивной программе: в 7 часов подъем, в 8 часов завтрак, с 9 до обеда в 14 часов – лекции, с 15 часов до ужина в 18 часов - самоподготовка к вечерним практическим занятиям. Практические занятия начинались после ужина в 19 часов, которые заключались в том, что аудитория превращалась в телестудию, где по жребию в парах отрабатывались упражнения по темам лекций этого дня. Практические занятия проходили без ограничения времени – до тех пор, пока не решалась поставленная на эти сутки задача. Обычно телекамеру выключали в час-два

ночи. После этого до 4-5 утра длился просмотр видеозаписей и разбор ошибок участников практических занятий. На следующий день в 9 утра - новая задача, и опять лекции, самоподготовка, практические занятия почти до утра. Циклы были длительностью по 14 или 21 дню без выходных, в зависимости от масштаба ответственности слушателей группы.

В то время (1987 год) опыта подобной работы не было. Самым острым вопросом были кадры, понимающие суть дела и способные работать практически круглосуточно на вполне конкретный результат – модификацию политического поведения слушателей. Первым человеком, которому я предложил участвовать в работе в Дюнах, была доцент Анисимова Т.В. (лекции, диспетчирование, расписание). Татьяна Викторовна придавала совершенно новой психологической дисциплине «университетский вид», отсекая элементы авантюризма и разболтанности. Второе предложение было сделано н.с. В.К. Васильеву (вся административная и организационная работа). Я знал его много лет как блестящего штабиста–организатора не только по учебе на факультете, но по работе в студенческих строительных и сельскохозяйственных отрядах. Человек с железной логикой, шахматист, спортсмен, математик, он вносил ясность и порядок в самые сложные и запутанные процессы. К сожалению, к 1993 году по причинам, непонятным мне до сих пор, мы расстались. Кроме этих двух ключевых специалистов с нами начали работать Е.В. Коблянская, Е.Б. Лабковская и О.В. Амосенко (тренинг в начале обучения), Ю.И. Филимоненко (аутотренинг), М.А. Коновалова (психолого-политическое тестирование и индивидуальное психолого-политическое консультирование).

Технология работы в школе политической психологии в «Дюнах», а потом и на подготовке будущих Представителей Президента РФ, кандидатов в Губернаторы РФ и других учащихся, заключалась в том, что у них осуществлялась замена «психологических механизмов защиты» на «психологические механизмы политического действия» (Лай, 1885). Формируемые «психологические механизмы действия» были направлены на эффективное рациональное поведение в условиях глобальных изменений в стране. Необходимо было исключить реакции стресса, ступора, проявления истерики или невроза на инновации самого невероятного рода. Для этого осуществлялось предварительное фундаментальное психологическое тестирование (Коновалова М.А.), медосмотры (врачи), наблюдение за слушателями в процессе тренинга (Коблянская Е.В., Лабковская Е.Б., Амосенко О.В.), работа в вечерних дискуссионных спаррингах (Васильев В.К., Анисимова Т.В.), индивидуальное психологическое консультирование (Коновалова М.А.). Группа обладала всеми необходимыми сведениями о том, какие именно психологические механизмы защиты мешают каждому слушателю быть эффективным в ситуации инновации в стране, и на какие психологические механизмы действия их надо заменить. Полученные сведения обсуждались на коротких совещаниях, и намечалась соответствующая тактика чтения лекций по формированию психологических механизмов действия. Вечером на практических занятиях эта работа усиливалась и завершалась на этапе психологического консультирования. Психолого-политический смысл происходящего не разглашался, чтобы не создать интуитивного противодействия, и более того, чтобы не придавать происходящему оскорбительного характера. (см. табл. 2.)

Таблица 2.

Технология

переподготовки слушателей на курсах политической психологии в пансионате «Дюны», как нового поколения отечественных политиков.

(замена 20 механизмов психологической защиты, мешавших адаптации к неотвратимым глобальным изменениям в мире и в стране, на психологические механизмы инновационного политического действия-публикуется впервые в сокращенном варианте)

СИСТЕМА ПЕРЕПОДГОТОВКИ	Политик Может ТИП подготовки: экономико-политический	Политик Хочет КЛАСС подготовки: управленческо-политический	Политик Знает РАЗДЕЛ подготовки: политико-коммуникативный	Политик Умеет ОТДЕЛ подготовки: политической борьбы	Политик В состоянии ГРУППА подготовки: политико-правовой
ПОЛИТИК-как Индивидуальность ВИД подготовки: политологический	<i>Потребность в Ориентации</i> подменяется РЕПРЕССИЕЙ (недопущением проникновения в сознание неприятных и опасных мыслей).	<i>Мотив Координации</i> подменяется ПОДАВЛЕНИЕМ (отказом отдавать себе отчет в уже проникших в сознание неприятных и опасных мыслей и формулировать их).	<i>Целеполагание</i> подменяется ИНТЕЛЛЕКТУАЛИЗАЦИЕЙ (пресечением переживаний, вызванных неприятной ситуацией, или упорядочением несовместимых установок при помощи логических манипуляций).	<i>Специальные способности</i> подменяются РАЦИОНАЛИЗАЦИЕЙ (попыткой доказать с целью самоутверждения, что поведение является рациональным и оправданным, а поэтому социально одобряемым. Механизм подыскания убедительных доводов для недостаточно одобряемых действий и желаний).	<i>Само-воспитание</i> подменяется ОТРИЦАНИЕМ РЕАЛЬНОСТИ (защитой от неприятной действительности путем отказа трезво воспринимать ее, часто принимающей формы ухода в болезнь, поглощенность чем либо).
ПОЛИТИК-как Личность РОД подготовки: историко-политический	<i>Потребность в общении</i> подменяется СОЧУВСТВИЕМ (стремлением завоевать симпатии других людей и т.о. поддержать чувство собственного достоинства, невзирая на неудачи).	<i>Мотив сотрудничества</i> подменяется ПРОЕКЦИЕЙ (проекцией собственных характеристик на других. Возложением ответственности за трудности на других лиц или приписыванием другим своих качеств и побуждений).	<i>Целенаправленность</i> подменяется ИНТРОЕКЦИЕЙ (включением в структуру эго внешних ценностей и стандартов с тем, чтобы они перестали действовать как внешние угрозы, наделением себя качествами других людей).	<i>Способность к обучению</i> подменяется ИДЕНТИФИКАЦИЕЙ (повышением чувства собственной значимости путем идентификации себя с выдающимися личностями).	<i>Само-управление</i> подменяется РЕГРЕССИЕЙ (возвращением на более низкий уровень развития, что предполагает менее развитые реакции и, как правило, изменение притязаний).
ПОЛИТИК-как Субъект политического труда СЕМЕЙСТВО О подготовки: кадрово-политический	<i>Потребность в сохранении жизни</i> подменяется ИЗБЕГАНИЕМ (покиданием поля событий ввиду неспособности преодолеть природные ограничения).	<i>Мотив достижения</i> подменяется ПЕРЕМЕЩЕНИЕМ (разрядкой подавляемых чувств, как правило, чувств враждебности, направленных на объект, менее опасный, чем тот, который вызвал отрицательные эмоции).	<i>Целеустремленность</i> подменяется СУБЛИМАЦИЕЙ (удовлетворением или подавлением неудовлетворенных желаний при помощи другой деятельности).	<i>Работоспособность</i> подменяется КОМПЕНСАЦИЕЙ (прикрытием собственной слабости подчеркиванием желаемых черт или преодолением фрустрации в одной сфере сверхудовлетворением в других).	<i>Саморегуляция</i> подменяется ФОРМИРОВАНИЕМ РЕАКЦИЙ (предупреждением опасных стремлений путем усиления противостоящих им установок и типов поведения, чтобы использовать их в качестве барьеров).

СИСТЕМА ПЕРЕПОДГОТОВКИ	Политик Может ТИП подготовки: экономико-политический	Политик Хочет КЛАСС подготовки: управленческо-политический	Политик Знает РАЗДЕЛ подготовки: политико-коммуникативный	Политик Умеет ОТДЕЛ подготовки: политической борьбы	Политик В состоянии ГРУППА подготовки: политико-правовой
ПОЛИТИК - как Индивид ОТРЯД подготовки: медико-психологический	<i>Потребность в продолжении рода</i> подменяется ЗАМЕЩЕНИЕМ (удовлетворением или подавлением неисполнимых желаний при помощи другого объекта).	<i>Мотив созидания</i> подменяется ВОЗМЕЩЕНИЕМ (искуплением и т.о. нейтрализация аморальных желаний и поступков).	<i>Целесообразность</i> подменяется ФАНТАЗИЕЙ (удовлетворением несбывшихся желаний в своем воображении).	<i>Жизнеспособность</i> подменяется РАЗРЯДКОЙ (снижением тревожности, вызываемой запретными желаниями путем ее внешнего проявления).	<i>Самоконтроль</i> подменяется ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ИЗОЛЯЦИЕЙ (замыканием в себе, и пассивности для защиты от боли и обиды).

В конце цикла занятий в «Дюнах», а потом и в «Осиновой Роще», была выпускная работа в виде жесточайшей публичной спарринг-дискуссии перед телекамерой и под запись. С одной стороны были выпускники группы, которых мы учили, с другой стороны – их убежденные, даже ненавидящие их политические противники с митингов около стадиона Кирова, со стадиона «Локомотив», из Михайловского садика, от Румянцевского обелиска и т.д. Никто в городе, включая журналистов, не знали, что происходит за проходной сначала «Дюн», а потом и «Осиновой Рощи», хотя телевидение время от времени сильно нам досаждало. Даже Андрей Константинов в своем «Бандитском Петербурге» (с. 382-384) только предполагает в 1997 году, что там происходило в 1989-1993 годах. Все было много значительнее, интереснее, масштабнее, чем приходило в голову внешним наблюдателям. Однако пары дискуссионтов составлялись для спарринга по жребию на тему каждого учебного дня. Невнимание на лекциях и плохая работа на самоподготовке к вечерней дискуссии приводили к впечатляющему позору проигравшего дискуссию. Положительная оценка слушателя – победа в дискуссии, которую выставляли тайным голосованием присутствующие на дискуссии слушатели и их неподдельные политические враги. Я не видел больше нигде столь яростных споров между людьми, которые потом определили ситуацию в стране и в городе. Дискуссионтов, перегретых мыслями, чувствами, софитами, телекамерой, приходилось буквально разнимать, делать перерывы, пить чай и снова возобновлять работу. Наши слушатели получали положительную аттестацию, если выигрывали дискуссии у своих реальных спарринг-партнеров. И сегодня все политические школы в стране, и все телевизионные ток-шоу повторяют фрагменты технологии работы, созданной в «Дюнах» и усовершенствованной в «Осиновой Роще».

Невероятная по накалу и интенсивности работа в Дюнах длилась два года без выходных и отпусков одновременно с выполнением в университете всех обязанностей по чтению лекций, научной работе и др. Однако несколько сот партийных руководителей Ленинграда и области были психологически подготовлены к предстоящим политическим переменам в стране. Практическая значимость этой работы проявилась в самые трудные для города моменты: в кровавые для Москвы дни 1991 и 1993 годов в Ленинграде не пролилась ни одна капля крови: те, кто принимал решения, задолго до путча знали, что произойдет с ними и со страной, как это будет происходить. Политическая психология подтвердила свое право на стратегический прогноз без знания какой-либо оперативной или украденной информации. Но мы приобретали бесценный опыт практической работы психологов в области политики, без чего никакой кафедры политической психологии быть не могло.

5. Этап организационный. Формирование кафедры политической психологии

Только после того, когда после девяти лет практической работы было доказано на практике, что политическая психология возможна, реальна, полезна, то встал вопрос о создании кафедры политической психологии в ЛГУ. Слова «кафедра политической психологии» впервые произнес декан факультета проф. Крылов А.А. в помещении кафедры инженерной психологии (тогда ауд. 116). Я обсуждал с ним, что делать с огромным объемом исполненной группой научно-педагогической работы, и он сказал: «Делайте кафедру политической психологии». Это было весьма непросто, хотя момент был самый подходящий. По всей стране гремели митинги, готовились к выборам, вся страна, затаив дыхание, смотрела «600 секунд» А.Г.Невзорова – никто не знал, что будет завтра, и кто, где и кем будет. Настал благоприятный момент для легализации политической психологии.

Однако, помимо чисто научных и педагогических проблем надо было решать проблемы организационные, которых было так много, что никто не верил в успешный исход дела. Начиналось все с того, что надо было получить разрешение Ленгорисполкома на введение ставок преподавателей и научных сотрудников для новой кафедры. В те времена в городе даже новая ставка младшего научного сотрудника вводилась с разрешения Плановой комиссии Ленгорисполкома (!). И здесь нам на помощь пришел Ю.Ф. Соловьев (Первый секретарь Ленинградского ОК КПСС), Г.И.Барина (зав. отделом пропаганды), Ю.А.Денисов (секретарь ЛО КПСС по идеологии). Ведь все шло именно так, как мы говорили в «Дюнах». С их помощью мы получили все разрешительные документы. В университете нас поддерживал ректор ЛГУ С.П. Меркурьев, блестящий физик и прекрасный человек, и сменившая его Вербицкая Л.А. – администратор стремительный, решительный. Надо особо отметить, что в тот момент мы весьма дружно работали в паре с В.К. Васильевым, точность, оперативность, аккуратность которого сыграла весьма существенную роль в открытии политической психологии в ЛГУ. Однажды совершенно неожиданно мне позвонил из Японии С.В. Цыцарев, который был там на стажировке, и сообщил, что он ксерокопировал для нас пять томов (!) "The handbook of political behavior" под редакцией S.L. Long. Так мы стали знакомиться с международным опытом политической психологии. Но происходила наша легитимизация очень трудно. Как это было:

1. 5.06.89. №480/293 Письмо 1-го зама Предисполкома Л-да Большакова А.А. Проректору ЛГУ по науке Красильникову В.Н. о разрешении числ.10 чел. для лаборатории.

2. 19.06.89. Письмо 322-47 Перв. секр.ОК КПСС Ю.Ф.Соловьева Предс .Совмина РСФСР Власову А.В. о кафедре пол. психологии.

3. 30.06.89. 162/46 Письмо 1-го зама Предисполкома Л-да Большакова А.А. Проректору ЛГУ по науке Красильникову В.Н. о разрешении числ.10 чел. для кафедры.

Затем начиналась переписка руководства Минвуза РСФСР и ЛГУ:

4. 07-08.89. N306 Приказ Минвуза РСФСР "об организации работ в области политической психологии". Подписал зам.министра Е.Н.Казанцев.

5. 28.08.89. N01-16-74-6. Письмо Красильникова В.П. зам министра Казанцеву Е.И. Ответ на письма МВО РСФСР на приказ 306 и письмо N540 от 7.07.89 в адрес ОК КПСС. Направляется документация, подготовленная Юрьевым А.И.

6. 29.08.89. N 01-16-74-8. Письмо Красильникова В.П. министру Образцову И.Ф. о финансировании п.53 и 47 с 1.01.90. Вх. 24-36-781 от 30.08.89.(Виза Гончарову В.В., Петрову О.М., Зажимову Н.И.)

Только после этого была получена разрешительная документация от Минвуза РФ:

7. 30.08.89. Извещение N290 о финансировании п.53 (ссылка на пост. Госплана РСФСР N 34 от 06.07.89. и письма Ленплана N480/293 от 5.06.89.)

8. 06.09.89. N 19-36-883|19-4. Письмо члена коллегии Минвуза РСФСР Зажилова Н.И. о выделении 10 единиц для кафедры политической психологии на основании письма Ленсовета от 30.06.89. N162/46.

На основании этих документов уже руководство университета приняло свои решения:

9. 25.09.89., протокол N7 заседания Б.Уч.Совета ЛГУ “об организации кафедры и лаборатории “политическая психология”. Подписали С.П.Меркурьев, В.А.Зубков.

10. 29.09.89. Приказ N 510/1 С.П.Меркурьева “О создании на факультете психологии лаборатории политической психологии”. ФИО заведующего не указано.

11. 06.10.89. Приказ 527/1 С.П.Меркурьева о создании на факультете психологии кафедры политической психологии. Зав. Юрьев А.И.

12. 24.11.89. Приказ N 2100/2 В.П.Меркурьева в дополнение к приказу N 527/1 от 6.10.89. с указанием перераспределении штатов факультета психологии.

13. 13.12.89. Письмо Вербицкой Л.А. N 01-16-99-2 о дальнейшем финансировании кафедры политической психологии.

14. 13.12.89. Письмо Письмо Вербицкой Л.А. о финансировании лаборатории политической психологии в 1990 г.

15. 21.12.89. Протокол N4 заседания кафедры политической психологии о замещении должности заведующего кафедрой политической психологии (рекомендация Юрьева А.И.)

И только когда этот путь был пройден, на факультете психологии в Ленинградском университете была открыта специализация «политическая психология». Здесь мы совершенно неожиданно получили мощнейшего союзника в лице Академии Госслужбы. Оказалось, что профессор АГС РФ Деркач А.А. ведет аналогичную работу, открывает кафедру политической психологии, и фактически, добился открытия специализации, используя свои возможности. Мы были не одни.

16. 26.03.90 Письмо N 96-101-42/12 об открытии специализации “политическая психология”.

17. 23.04.92. Протокол заседания ученого совета факультета психологии N4 об открытии на факультете специальности 19.00.12. - политическая психология на основании письма Госкомитета РСФСР по делам науки и высшей школы от 09.08.91. N25-32/23-310 об изменениях и дополнениях в номенклатуре специальностей. Утверждено ГКНТ СССР от 04.11.91 п386, на основании нового постановления ГК СССР по НУТ от 15.06.1991 г. N 1066.

Началось комплектование кафедры политической психологии, на которую с согласия декана факультета 01.10.1989 года я пригласил асс. Т.В.Анисимову (ныне доцент, зам. декана), асс. Дейнека О.С. (ныне профессор, крупнейший специалист в России по экономической психологии), доц. Вансовская Л.И. (специалист по риторике), инж. Амосенко О.В. (ныне н.с. кафедры). Одновременно была сформирована лаборатория политической психологии под руководством Васильева В.К., куда были приняты Филимоненко Ю.И., Коновалова М.А., Коблянская Е.В., Лабковская Е.Б., Фомин А.А., Маякова С.Е., Сайковская В.Н. Очень скоро, 01.02.1990 года Вансовская Л.И. вернулась на кафедру общей психологии, а на кафедру политической психологии пришли ст.преп. Коблянская Е.В. (ныне доцент, советник многих политических деятелей и партий, политический публицист), асс. Е.Б.Лабковская (ныне преподает в Чикагском университете в США), асс. Е.Ю.Боброва (подготовила и издала учебник по исторической психологии), В.А.Дмитриев (ведущий научный сотрудник Музея этнографии СССР), С.А.Добряков (ушел в советники Председателя Городского Законодательного собрания СПб), А.Л.Вассоевич (ныне профессор кафедры общей психологии и Духовной Академии), Н.О.Свешникова (ныне доцент кафедры), Н.С.Павлова (ныне руководитель кадровой службы коммерческой фирмы), А.В.Шустов (ныне руководитель собственной пиар-компании).

Самым большим достижением кафедры можно считать подготовку молодых преподавателей из числа студентов, специализирующихся по политической психологии. Представители совершенно нового поколения времен глобализации: мобильные, адаптивные, не имеющие шор на глазах, стремительно овладевающие новыми психолого-политическими технологиями, они являются уже сейчас не только перспективой кафедры, но ее главной ударной мощью в области прикладных исследований. В их число входят первые выпускники кафедры, ныне кандидаты наук: Конфисахор А.Г., Бурикова И.С., Самуйлова И.А., Соловьева М.А, Бианки В.А., Пушкина М.А, Ахадова Н.А., Моторин Д.И. Пока не защитили диссертации Бутузов В.А., Матушкин В.В. Некоторых из них знают в стране и за рубежом, как надежных, самостоятельных специалистов, которым можно поручать исследования любой степени сложности.

Коллектив кафедры политической психологии постоянно обновлялся, в первую очередь из-за ухода сотрудников кафедры в реальную политическую практику. Вместо них приходили новые люди, среди которых доктор исторических наук, профессор, Н.Я. Олесич (15.01.1998). Опытнейший ученый и преподаватель, она осуществила на кафедре психолого-политический проект из области психобиографии общественных деятелей России, выпускников Петербургского университета. Созданный под ее руководством цикл «Знаменитые универсанты» (очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета) получил всемирное признание. К 2006 году вышло три тома (2002, 2003, 2005), которые оказались самыми востребованными книгами, изданными в университете. Нигде более не описаны так точно и документально судьбы К.И. Мая, Д.И. Писарева, М.А. Врубеля, С.М. Волконского, В.И. Вернадского, Н.Я. Марра, В.Д. Набокова, С.П. Дягилева, Н.К. Рериха, А.Ф. Керенского, Н.Д. Кондратьева, А.Г. Гагарина, А.И. Путилова, Н.О. Лосского, П.Б. Струве, А.А. Вознесенского, И.П. Павлова, А.С. Попова, С.Ф. Платонова, П.А. Столыпина, Л.В. Канторовича, В.И. Старцева и десятков других выпускников Петербургского университета, оказавших серьезное влияние на историю России.

Доцент Елохина Т.П. была принята на кафедру 08.01.98. и подготовила монографию «Психология сотрудничества» (2003), представляющую альтернативу доминирующей в стране психологии соперничества. В ближайшие годы, когда общество в России осознает, что лимиты взаимной вражды и ненависти исчерпаны, учебник Т.П. Елохиной будет самым востребованным в политической психологии. В 2003 году удалось привлечь к работе на кафедре проф. Бирюкову Г.М., когда-то начинавшую политическую психологию в ротонде Таврического дворца в группе В.В. Цалобанова. Блестящий психодиагност, обладатель докторской степени по философии, она смогла наладить преподавание политической психологии на самом требовательном факультете в университете – философском. Особо надо отметить академика, доктора исторических наук, профессора Старцева В.И. Как и Вассоевич А.Л., он поражал своей образованностью и детской искренностью ученого. Не надо говорить, что его интеллигентность и знания стали эталоном университетского ученого для молодых преподавателей и студентов. К сожалению, Старцев В.И. умер совершенно неожиданно: летом мы обсуждали его научные планы, а осенью его уже не стало. Но из памяти он не уходит, как образец, стандарт, пример для подражания.

6. Этап защиты теории и методологии кафедры. Международное признание ленинградской политической психологии.

Почти сразу, как была открыта кафедра политической психологии в ЛГУ, мы неожиданно получили приглашение на Всемирный съезд политических психологов (ISPP)

в Вашингтон в США. Решили, что на съезд поедут Васильев В.К., Коблянская Е.В. и я. Седьмого июля 1990 года мы прилетели в Нью-Йорк и с трудом поселились в гостинице «Холидей-Инн» около аэропорта Дж. Кеннеди. Тогда все было в новинку. На междугородном автобусе Грэй Хаунд, в сильнейшую жару, мы добрались до Вашингтона 11 июля, где выступили с докладами и познакомились с лидерами мировой политической психологии. Переводил наши доклады наш бывший коллега, Эрнест Борисович Ширяев. Позднее он стал сотрудником кафедры политической психологии университета Дж. Вашингтона, а ныне возглавляет The Center for Global Studies (CGS) at George Mason University (was founded to promote multidisciplinary research on globalization and international affairs). Иначе говоря, занимается в США тем, чем мы занимаемся на кафедре политической психологии СПбГУ. В Ленинград мы вернулись 17 июля 1990 года уже сертифицированными политическими психологами.

После участия в съезде политических психологов нам стало ясно, что без внимательного изучения постановки дела в американских университетах нам преподавание политической психологии не поставить. С помощью В.П. Трусова и С.В. Цыцарева мы в два приема свозили всех преподавателей кафедры в США в университет «Хофстра», который до сих пор является нашим научным партнером. В Хофстре мы основательно овладели компьютером (у нас их почти не было), их технологией экспериментальных исследований, формой и процедурами преподавания, которые не были приняты у нас. Нашим товарищем и другом на долгие годы стал декан психологического факультета университета «Хофстра» проф. Ховард Кассинов. С его помощью в библиотеке университета была найдена и распечатана вся библиография по политической психологии, сняты ксерокопии с ключевых учебников по политической психологии на английском языке. Но мы теперь знали о мировой политической психологии почти все. Нам так казалось.

К этому моменту мы уже достаточно хорошо знали всех наших предшественников в области политической психологии. В России мы ведем свое начало от работ конца 19-начала 20 веков: В.М.Бехтерева, В.А.Попова, С.И.Смирнова, Э.К.Пименовой, Н.К.Михайловского, Л.Н. Войтоловского, В.К.Случевского, И.И.Добровольского. За рубежом достаточно давно заложили основы того, что мы стали продолжать: Г. Гард, С. Сигеле, Г. Лебон, О. Кабанес и Л. Насс, W. Wilson. Создавая специальность «политическая психология», мы исходили из того, что политическая психология нашего времени сформирована такими выдающимися учеными, как G. Wallas, H. Lasswell, Jeanne M. Knytson, Margaret G. Hermann, H.J. Eysenck, J.C. Davies, которые опираются на работы Фрейда, Фромма, Мак Даугала, Мюррея, Маслоу, Павлова, Уотсона, Толмена, Скиннера, Эриксона, Пиаже, и др.

В нашей стране политическую психологию под другими названиями в меру возможностей развивали С.К. Рощин, Б.Д. Парыгин, Б.А. Шерковин. Уже потом мы узнали, что параллельно с нами работали и работают над формированием российской политической психологии: Деркач А.А., Егорова-Гантман Е.В., Зимичев А.М., Ракитянский Н.М., Дилигенский Г.Г., Гозман Л.В., Шестопал Е.Б., Крамник В.В., Д.В.Ольшанский. Участие в ежегодных всемирных конференциях Международного общества политических психологов (ISPP) быстро ввело нас в круг ныне активно работающих политических психологов мира: S.A. Renshon, S.L. Long, T. Bryder, G. Lederer, P.E. Tetlok, R.P. Browning, N. Sanford, M.B. Smith, B. Glad, A. Somit; J.C. Davies; D. Katz, D.R. Kinder; A.H. Bloom, H.C. Kelman; L.W. Pye; M. Deutsch, H.H. Hymen, J.M. Post, G.E. Marcus и др.

Позднее, уже в качестве консультанта главы Правительства РФ я и Коновалова М.А. участвовали в очередной международной конференции политических психологов в Испании, в г. Сант-Яго-де-Кампостелло. Вместе с нами на съезд были направлены еще два

консультанта В.С. Черномырдина, которые очень удивились тому, что увидели и услышали. А слушать было что. Накануне своего выступления профессор Бетти Глад обратилась ко мне с предложением ознакомиться с текстом ее доклада, чтобы она заранее знала мои вопросы и возражения. У меня не было вопросов – доклад подтвердил мои предположения о прямом участии американских политических психологов в разработке политической стратегии США, включая стратегию в отношении России. Сант-Яго-де Кампостелло - загадочное место, где похоронен Св.Яков, но в гробу нет его головы. Попытки сфотографировать его могилу не удалось – эти кадры оказались засвеченными. Такой же загадочной является и мировая политическая психология, которая, оставаясь за кадром, определяет поведение глав государств, тексты их выступлений, работу их команд. И тем не менее, кризис мировой политики назревает: демократические выборы не справляются со своей функцией. В ключевых странах мира результаты голосования дают по 50% голосов обоим соперникам (как в США и в Италии), во второстепенных странах результаты выборов являются поводом для переворотов (как в Грузии и в Украине), в третьих странах в результате выборов к власти приходят совсем не те люди, которых ждали (как в Палестине). Основные изменения в мировой политике еще впереди.

Наши доклады на конференциях ISPP (Вашингтон, 1990; Сант-Яго-де Кампостелло, 1995; Вашингтон, 1993 и др.) были приняты международным сообществом политических психологов, а учебные и научные планы кафедры политической психологии были утверждены Ученым Советом факультета психологии – мы были приняты в новое для себя профессиональное сообщество.

Профессор Юрьев А.И. – действительный член Российского общества психологов; действительный член Международной ассоциации политической психологии (ISSP); действительный член Международного общества политической аргументации и коммуникации (ISSA); действительный член Международной ассоциации исследования поведения (ABA), член редколлегии международного журнала «International Journal of Psychology Research»; член редколлегии научно-политического журнала «Власть»; член редколлегии научного журнала «Вестник политической психологии»; член редколлегии научно-политического журнала «Россия в глобальном мире»; член редколлегии общественно-научного журнала «Стратегия России», член координационного совета по социальной стратегии Совета Федерации РФ. Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, Лауреат Премии Совета Министров СССР 1982 года за психологические исследования по важнейшей тематике, имеет Правительственные награды: медали «За доблестный труд», «За трудовое отличие».

Профессор Дейнека Ольга Сергеевна – действительный член Международной ассоциации исследований по экономической психологии (IAREP), действительный член Европейского конгресса психологии, действительный член Интернациональной ассоциации прикладной психологии (IAAP).

7. Этап формирования учебно-методических материалов Определение места политической психологии в системе наук, подготовка учебников.

По возвращении из США стало ясно, что срочно необходим отечественный учебник по политической психологии, отражавший совершенно новый политический опыт, которого не имели классики начала 20 века и современные зарубежные политические психологи. Россия стала, по существу, мировой лабораторией психолого-политической модернизации, опережая все мировые державы в процессе глобальной реформации политики. Работа над учебником началась в Осиновой Роще со второго августа 1991 года, которая завершилась 31 августа. В «Осиновую Рощу» наша школа переехала 20.08.1990 года, но работы не было - исход событий в России к этому

моменту был предрешиен, и никто из нас не в состоянии был что-либо изменить. Глобализация «вломилась» на территорию СССР, не встречая сопротивления со стороны спецслужб и военных, у которых не было никакого оружия против нее. Прямо по ходу работы над «Введением в политическую психологию» начались августовские события 1991 года: путч, арест М.С.Горбачева, ввод войск в Москву, выступление Б.Н. Ельцина с танка около Белого дома и прочие легко угадываемые вещи. Что-то происходило по чьему-то плану, что-то стихийно, что-то было импровизацией, но суть была одна – наш прогноз относительно падения СССР и КПСС, к сожалению, осуществился. Редактировала «Введение в политическую психологию» И.П. Комиссарова, человек, поразительно чувствующий стиль и язык автора, но чрезвычайно требовательная и принципиальная женщина. Благодаря ее усилиям, в том хаосе контрреволюции, книга была сдана в набор 20.07.92 и к концу года вышла в свет. У кафедры политической психологии появился свой учебник.

Одновременно была определена научная ниша политической психологии по рубрикатору ГРНТИ (с указанием шифра и наименования):

- 11.15.86 - Политическая психология
- 03.29 - История отдельных процессов, сторон и явлений человеческой деятельности
- 11.01.69 - Политические науки и психология
- 11.15.84 - Политическое поведение
- 11.15.83 - Политическое сознание
- 11.15.24 - Принятие политических решений
- 15.21.61 - Особые состояния и явления психики
- 11.15.81 - Личность в политике. Основные права, свободы и обязанности граждан.
- 02.41.51 - Личность, массы и общество.
- 02.15.61 - Философия ценностей
- 11.07.25 - Ценности в политике
- 10.07.37 - Психология права
- 04.21 - Общество как система. Социальные отношения и процессы
- 04.21.21 - Общество как система. Типы обществ
- 11.15.51 - Политические партии и общественные организации как элементы политической системы
- 11.15.89 - Политические коммуникации. Массовая информация. Общественное мнение
- 11.15.82 - Политическая культура
- 04.21.31 - Ценностно-нормативная структура общества
- 02.51.25 - Этика общественных институтов и отдельных областей жизни и деятельности.

«Введение в политическую психологию» не поступало в продажу: 5 тысяч экземпляров предназначены только для учебного процесса и специалистов. Часть тиража распределена между библиотеками университета в качестве подарка, часть отдана в книжный киоск факультета, а большая часть просто бесплатно раздавалась студентам, аспирантам и любым людям, интересующимся политической психологией. То, что книга издана в 1992 году, нисколько не убавила ее актуальности: сейчас происходит именно то, что описано августовскими ночами в «Осиновой Роще» в дни путча 1991 года.

«Введение в политическую психологию», как и курсы лекций, которые были разработаны для учебного плана кафедры политической психологии СПбГУ, появились в результате многолетней, разносторонней работы, а не были придуманы на «кончике пера», потому что захотелось это сделать, или было надо сделать по поручению.

Например, курс «Психологии политических коммуникаций» был теоретически и экспериментально подготовлен под руководством проф. В.А.Ганзена, когда о политической психологии и речи не было.

Результаты экспериментальных и эмпирических исследований были опубликованы задолго до Перестройки. Тогда, естественно это называлось «работой с текстом», а не политической коммуникацией, если вспомнить условия исследователей в то время.

1- Юрьев А.И. Инженерно-психологический анализ инструктивных текстов. «Вестник ЛГУ», 1980., N 17, вып.3.

2- Юрьев А.И. Деятельность редакторов и корректоров как информационное взаимодействие при посредстве текстов. В отчете по НИР «Исследование редакционно-издательских работников на ВТУ», Л., 1981, N гос.рег. 01827016074.

3- Юрьев А.И., Овчинников С.А. Зависимость качества текстов от психологических особенностей составителей. В кн: Психологические проблемы чтения. , Л., 1981.

4- На базе этого опыта 27 лет назад мною была защищена диссертация на тему работы с текстом, иначе, текстовых коммуникаций, которая именовалась «Инженерно-психологическое исследование работы человека с текстом» (автореферат на соискание уч. степени к.пс.н., Л., 1982).

В начале 80-х годов эта работа не прекращалась.

5- Юрьев А.И. Проект ГОСТа «Инструктивные тексты» В отчете по НИР «Исследование деятельности редакционно-издательских работников» Л., 1982, N гос.рег. 01827016074

6- Ганзен В.А., Юрьев А.И. Инструктивные тексты как фактор эффективности и надежности деятельности в системах «человек-машина» В кн.: Психологические проблемы повышения эффективности и качества труда. М., АН СССР, 1983.

7- Юрьев А.И. Составление нетехнических текстов. В отчете по НИР «Исследование редакционно-издательских работников» Л., 1984, N гос.рег. 01827016074

8- Юрьев А.И. Критерии качества текста. В отчете по НИР «ЛОГОС», Л., 1987.

9- Ганзен В.А., Юрьев А.И. Системное описание психических состояний, возникающих в процессе восприятия информации. Вестн. Ленингр. ун-та., Сер.6., Вып.6., 1987.

Только на этой научно-методической основе мы рискнули «перевоплотить» работу с текстом в политические коммуникации, когда поступило предложение приступить к психолого-политической переподготовке общественных лидеров к предстоящим глобальным изменениям в стране. В «Дюнах» работа наполовину состояла из теоретико-футурологической подготовки, а другая половина состояла из обучения практике политических коммуникаций в форме публичных выступлений на митингах, перед массовыми аудиториями, политическим дискуссиям, политическим интервью и др.

Тогда мною читались первые в СССР, а потом и в России, лекции по психологии публичных политических коммуникаций, подготовки текстов политических выступлений и статей (это было по 8 часов непрерывных лекций 3-5 дней подряд.). Причем качество обучения политической коммуникации практически проверялось в реальных дискуссиях, публичных выступлениях в аудиториях своих оппонентов.

Для оценки верности своих теоретических и методических представлений о политических коммуникациях, нужен был «внешний контроль» отечественных и зарубежных специалистов. С этой целью мы провели несколько Всероссийских научных конференций по политической коммуникации и приняли участие в Международных конференциях по политическим коммуникациям, где обсудили свои курсы по политической коммуникации.

10- Юрьев А.И. Психологические качества информации в политических коммуникациях. В сб. докладов 78-й Международной конференции Ассоциации речевой коммуникации. (29.10.-1.11.1992 г., Чикаго, США).

11- Юрьев А.И. Проблемы обусловленности политического поведения системами политических коммуникаций. В сб. докладов Международной конференции "Политическое поведение и политические коммуникации" (25.07.-3.08.94 г. С-Петербург-Красноярск, Россия).

12- Юрьев А.И. "Методология классификации политических партий по речевой коммуникации ее функционеров" В сб. докладов 82-й Международной конференции Ассоциации речевой коммуникации в Сан-Диего, 1996 г.

Начиная с 1989 года я начал читать систематический курс по психологии массовых политических коммуникации перед студентами вновь созданной кафедры политической психологии. Но при этом контакты со специалистами по политической коммуникации не прерывались. Среди внешних консультантов была декан факультета коммуникаций Флоридского университета (США) проф. М.Янг. В процессе консультаций около 1997 года она передала нам полный пакет документов по классическому курсу «Психологии политических коммуникаций (несколько монографий, программы и методические разработки). В 1998 году я передал все это Т.В.Анисимовой вместе со своим курсом лекций, и она впервые для себя начала вместо меня читать лекции по политическим коммуникациям.

И после этого я продолжал теоретическую и практическую работу в области политических коммуникаций (в процессе подготовки новых политических партий, нового поколения политиков, кадрового резерва и др.). Это представлено в некоторых публикациях:

13- Юрьев А.И. Современная проблема психологии: неисследованные эквиваленты объективной реальности. //Вестник СПбГУ, 2000, Сер.6. Вып.1.

14- Юрьев А.И. Восемь эффектов влияния информационных потоков на сознание человека и общества. В сб. докладов Международной конференции: «Информационное общество и интеллектуальные информационные технологии XXI века». Москва, Президент-отель, 28-30 марта 2001 года. И т.д.

Все остальные курсы лекций на кафедре политической психологии ЛГУ-СПбГУ готовились не менее основательно и долго. К сожалению, когда политическая психология стала равноправным направлением политической психологии, начинающим политическим психологам иногда кажется, что новый курс лекций может быть подготовлен за письменным столом, потратив на него столько времени, сколько нужно для ввода его в ПК. Это надо помнить, знать, и быть осторожным при подготовке новых курсов лекций.

На кафедре, кроме программ были подготовлены методические пособия и монографии по курсам лекций, которые читались (в порядке издания, по годам):

- Юрьев А.И., "Введение в политическую психологию", 1992.
- Добряков С.А., "Психобиография", 1993.
- Юрьев А.И., "Системное описание политической психологии". Юрьев А.И., 1997.
- Амосенко О.В., "Основы политической социализации", 1994.
- Коблянская Е.В., "Психология личности политического лидера" 1998.
- Дейнека О.С. "Экономическая психология в российской политике переходного периода", 1999.
- Дейнека О.С., "Экономическая психология", СПб., 1999.

- Шустов А.В. “Психологические феномены в политической избирательной кампании”, 1999.
  - Конфисахор А.Г. “Системно-психологическое описание политической власти”, 1999.
  - Елохина Т.П. Коммуникативная компетентность и способы ее совершенствования. Учебное пособие. СПб, 2000.
  - Конфисахор А.Г., «Психология власти». 2001.
  - Анисимова Т.В. Основные темы политической психологии. Метод. указ. СПб, 2003 (30с.)
  - Анисимова Т.В. Психология политической коммуникации. Уч. пособие. СПб, 2003 (80с.)
  - Елохина Т.П. Психология политического сотрудничества в России. СПб, 2003.
  - Коновалова М.А. «Психологическое консультирование в политике». СПб., 2003. 7,6 п. л.
  - Юрьев А.И. Психология массовидных явлений. В учебнике «Психология» под ред. Проф. Крылова А.А., М., 2003. с. 535-547.
  - Юрьев А.И. Человек в политике. В учебнике «Психология» под ред. Проф. Крылова А.А., М., 2003. с. 528-535.
  - Свешникова Н.О. Психологические основы политического PR. / Методическое пособие. СПб, 2003. 35с.
  - Олесич Н.Я., отв. Ред. «Знаменитые универсанты», в 3-х томах. СПб, 2002, 2003, 2005.
  - Дейнека О.С. Временной фактор неопределенности управленческих решений. В кн.: Психология менеджмента/ Учебник. Под ред. Г.С. Никифорова. СПб, Изд-во ПИТЕР. 2004. 600 с. (11 с.). - в печати.
  - Стратегическая психология глобализации. Психология человеческого капитала. Учебное пособие / под научн. ред. проф. А.И. Юрьева. СПб.: Издательство «Логос», 2006. 32 п.л. (Авторы: Юрьев А.И., Коновалова М.А., Лабуткина А.В., Бианки В.А., Бурикова И.С., Пушкина М.А., Мишучкова И.Н., Серавин А.И., Щербакова Н.В., Троцюк А., Моторин Д.И., Самуйлова И. А., Шевякова Л.П.).
- Все время казалось, что кафедра ступила на путь солидного университетского учебного процесса, а времена массовидных явлений остались позади – впереди только лекционная, научная и издательская работа. И каждый раз, кафедра вновь и вновь вовлекалась в реальную политическую практику, разделяя с ней аудиторную работу.

8. Этап реального участия в жизни страны. Научно-общественная деятельность кафедры политической психологии

После переворота 1991 года, В.К. Васильев неожиданно привез в «Осиновую Рощу» Главного государственного инспектора РСФСР, начальника Контрольного управления Администрации Президента РСФСР В.А.Махарадзе. После нескольких часов вопросов и ответов, мы получили заказ на психолого-политическую подготовку руководителей нового типа – Представителей Президента РФ. Уже через пару недель кандидаты на назначение Представителями Президента РФ стали приезжать в Осиновую Рощу группами по 15-18 человек. Они поселялись не как в «Дюнах» - в однокомнатные комфортабельные номера, а как «пионеры»: по 5 человек в комнаты «дачи Романова». Первая группа училась уже в ноябре 1991 года, по ускоренному циклу. Это были народные депутаты по Ненецкому и Коми-Пермяцкому А.О., Сахалинской, Владимирской, Мурманской, Архангельской, Костромской, Магаданской областям. Они сразу же проходили психологическое тестирование и медицинский осмотр, и мы увидели

совершенно новый тип людей – с такими психологическими параметрами и такими политическими взглядами мы еще не встречались. Например, многие из них прибыли с личным оружием, и в перерывах стреляли из пистолетов «ПМ» на улице по спичечным коробкам, пугая прохожих за забором. Сначала они были не очень внимательны на лекциях, но потом появился контакт, и расставались мы с ними почти со слезами, как дети, долго махая вслед увозящим их автобусам: они уходили в большую и страшную политическую жизнь. Мы сделали все, чтобы они уцелели и уберегли других.

Потом пошла следующая группа, с 18 января 1992 – по 3 февраля 1992, и так – почти все, из назначенных позднее Б.Н.Ельциным, Представители Президента РФ по всей стране. В «Осиновой Роще» была представлена вся Россия: Астраханская, Орловская, Волгоградская, Новосибирская, Красноярская, Иркутская, Курская, Белгородская, Кемеровская, Калининградская, Томская, Оренбургская области и др. Из этих жестких, решительных людей нам удалось сплотить единый коллектив единомышленников, работавших долго, успешно и дружно. Они стали не просто знакомыми, нашими друзьями и товарищами, но и сторонниками политической психологии. Немаловажное значение имеет вопрос: а где списки тех групп, тем более психологические данные на каждого Представителя Президента РФ, а потом на каждого Губернатора регионов РФ? Ответ: все материалы, включая видеозаписи спаррингов немедленно уничтожались по акту. И это было правильно. Очень скоро к нам стали приезжать люди, которые просили продать им эти сведения для «очень важных целей». Тогда мы убедились в необходимости Этического Кодекса психолога, потому что наши слушатели нам доверились, и мы были обязаны оправдать это доверие.

Зимой 1993 года политическую психологию непосредственно включили в реальную политику. После пары месяцев проверок, мне предложили стать консультантом Председателя Правительства РФ В.С. Черномырдина. Посоветовавшись с Ректором ЛГУ проф. Вербицкой Л.А. и деканом факультета проф. Крыловым, я дал согласие работать три дня в неделю в Москве в группе его консультантов. Отказываться в таких случаях не положено. Когда я приехал в Москву, в стране был полный хаос, и его олицетворением было здание Белого Дома – Правительства РФ. Мне дали кабинет на 12 этаже с видом на Москва-реку, но идти на рабочее место надо было через разгромленные помещения, которые только-только начинали ремонтировать рабочие-турки. В здании в этот момент работало едва больше сотни человек. Выходя из закопченного здания, еще пахнущего огнем и дымом, я понимал, что значат черные ленты и трагические надписи на заборе стадиона «Локомотив». На асфальте были обведены мелом контуры тел погибших, все ветви вековых деревьев были обвязаны черно-красными флагами, лентами, фотографиями и списками павших около Белого Дома. Идти от метро «Краснопресненская» к Белому Дому было так трудно, словно я шел сквозь строй.

Тем не менее, работать было надо, и я возвращался каждую неделю в университет, чтобы три дня читать лекции на кафедре политической психологии, одновременно занимаясь политической практикой в Белом Доме. У В.С. Черномырдина была блестящая команда консультантов, состоящая из исключительно образованных людей (один из них на память читал на английском языке поэмы В. Шекспира). Они непрерывно следили за всеми событиями в стране и в мире, постоянно выезжали в регионы России, по утрам проводили мозговые штурмы ситуации на основании не только того, что знали, но что видели сами. Само общение в этом коллективе было удовольствием. Однако ситуация в стране была катастрофическая – все ломали голову, как сохранить управление при полном отсутствии политических инструментов для этого. Глубокой ночью я возвращался в гостиницу «Москва» с видом на грязные черные окна тогда пустовавшего здания бывшего Госплана, ныне здания Государственной Думы РФ. Сейчас нет гостиницы «Москва», по Красной площади ветер уже не носит, как тогда, столбы пыли, мусор, обрывки газет, полиэтиленовые пакеты, а на углу улицы Горького бабки не торгуют паленой водкой и домашней закуской. Стране все-таки удалось «вырулить» из безнадежного положения, и в

этом есть небольшой вклад политической психологии. Так продолжалось четыре года: три дня я был в Москве, три дня читал лекции в университете.

Кафедра политической психологии СПбГУ работала в обычном режиме, несмотря на хаос, воцарившийся в стране, занимающейся переделом социалистической собственности. Во все время моего вынужденного отсутствия кафедрой руководила доц. Т.П. Анисимова. В условиях всеобщей «растаскиловки» коллектив преподавателей и сотрудников сохранял учебный процесс, одновременно активно изучая совершенно новые психолого-политические процессы. Уже более пяти лет сотрудники кафедры были очевидцами всех политических акций, проходивших в Ленинграде. Митинги, демонстрации, дискуссии мы снимали на видеокамеру, практически исследовали организацию массовидных явлений, добываясь возможности пробиться к микрофону и выступить. На таких митингах я и увидел проф. Вассоевича А.Л., сочетающего яростную страстность митингового оратора и эрудицию очень образованного ученого. Оценив по заслугам его несомненную ученость (знание языков – латыни, древнееврейского, чтение египетских иероглифов, клинописи Междуречья и др.), и политическую выучку, я пригласил его присоединиться к политическим психологам. Правда, его интерес к участию в политике более сильный, чем к ее изучению, привел к тому, что защитив на кафедре докторскую диссертацию, он все таки ушел в практическую политику. Так же поступили ранее А.А. Ершов, ушедший на телевидение, А.В. Шустов, возглавивший собственную пиар-компанию и ставший советником Губернатора, С.А. Добряков, ставший советником Председателя Городского Законодательного Собрания. После избрания губернатором города В.А. Яковлева, сначала В.К. Васильев, а потом и Е.В. Коблянская, стали его советниками. Е.Б. Лабковская с головой ушла в международные научные отношения, и в конце концов уехала в США, где стала работать преподавателем Чикагского университета.

9. Этап подготовки специалистов высшей квалификации по политической психологии.

Появление специальности 19.00.12., Ученых советов по защите докторских диссертаций и защита диссертаций.

Подготовка кандидатских и докторских диссертаций на кафедре политической психологии несколько задержалась из-за временного отсутствия заведующего кафедрой, вызванного нападением на него 29 апреля 1996 года. Когда я забинтованный, в корсете и в черных очках вернулся домой после операций и лечения за границей, то к этому моменту по инициативе В.Я. Ходырева был отпечатан тираж моего докторского доклада, подготовленный для печати М.А. Коноваловой. Но в стране не было ни одного Совета по политической психологии. Тогда ВАК РФ решил создать т.н. разовый диссертационный совет для защиты только одной диссертации – моего «Системного описания политической психологии». Состав такого совета ВАК РФ подбирал почти год, чем в ВАКе РФ очень настойчиво занимался Н.И. Загузов, а в университете Карасева А.С. - Ученый секретарь Совета СПбГУ. Появлялась другая цель – легализовать политическую психологию в отечественной науке, как новое научное направление. Защита докторской диссертации состоялась 19 апреля 1997 года на факультете психологии под председательством проф. А.А. Реана. Критики было много, но поддержали диссертацию проф. А.А. Федосеев, Е.В. Егорова, В.В. Крамник и другие. Уже 17 октября ВАК РФ утвердил результаты защиты, и перед нами открылась возможность начать широкомасштабную подготовку политических психологов высшей квалификации. Теперь надо было заниматься не только практикой, а теорией политической психологии и дать возможность моим коллегам

получить заслуженные ученые звания и степени. Нужен был постоянно действующий совет для защиты диссертаций по политической психологии.

На создание совета ушел год напряженной работы. Трижды ВАК РФ возвращал нам документы, менял состав совета, потому что в России было очень немного специалистов, имеющих научные работы в этой области. Тем не менее, в 1998 году начал работать диссертационный совет Д 063.57.62 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора психологических наук по специальности 19.00.12. (политическая психология) в составе: предс. совета проф. Юрьев А.И., заместитель проф. Вассоевич А.Л., секретарь совета доц. Анисимова Т.В., члены совета: проф. Гавра Д.П., проф. Донцов А.И., проф. Егорова Е.В., проф. Зимичев А.М., проф. Крамник В.В., проф. Козловский В.В., проф. Парыгин Б.Д., проф. Платонов Ю.П., проф. Реан А.А., проф. Федосеев А.А., проф. Олесич Н.Я., проф. Семенов В.Е. Именно эти классики исследования политики начали формировать новое поколение «чистых» политических психологов.

На кафедре политической психологии было защищено к октябрю 2007 года 35 диссертаций: четыре докторских и 31 кандидатская. Могло быть больше, но в связи с непрерывными реформами системы образования ВАК РФ сам реорганизовывался, и наш совет, как и десятки других, дважды надолго закрывали. Реформы продолжаются, и никто не знает, что нас ждет, если не считать, что нужно быть готовыми к практическому присоединению к Болонскому процессу. Тогда поменяются названия и статус ученых степеней, званий, должностей во всей системе высшего образования. Тем не менее, для точности надо привести полный список политических психологов, чья квалификация была подтверждена ВАК РФ:

Докторские диссертации по политической психологии:

1. Вассоевич А.Л. “Духовный мир народов классического Востока”, 1995.
2. Юрьев А.И. “Системное описание политической психологии”, 1997.
3. Дейнека О.С. “Экономическая психология в российской политике переходного периода”, 1999.
4. Ракитянский Н.М. по теме: “Теория и методология психологического портретирования личности политика”, 2004.
5. Троицкая И.В. «Гуманистически ориентированная экономическая психология в социальной политике российского общества», 2007.

*Первое поколение политических психологов, кандидатов наук
(защищались на кафедре социальной психологии СПбГУ):*

1. Коблянская Е.В. “Психология подготовки политических лидеров”, 1995.
2. Добряков С.А. Психобиография политического лидера. Ю 1996.
3. Лабковская Е.Б. “Психологические детерминанты поведения избирателей в ситуации политических выборов”, 1996.

*Второе поколение политических психологов, кандидатов наук
(Совет Д-063.57.62) :*

4. Свешникова Н.О. “Психические состояния человека в политической жизни”, 1998.
5. Мезенцев Д.Ф. “Психология влияния средств массовой информации на формирование политических установок личности”, 1998.
6. Павлова Н.С. “Экономико-политические представления субъектов и объектов политики”, 1998.

7. Конфисахор А.Г. “Системно-психологическое описание политической власти”, 1999.
8. Шустов А.В. “Психологические феномены в политической избирательной кампании”, 1999.
9. Ершов А.А. “Психология поведения политика в телевизионной ситуации”, 1999.
10. Павлов В.Н. “Психологическая структура политических ориентаций”, 2000.

*Третье поколение политических психологов, кандидатов наук
(Совет Д-212.232.54):*

11. Редькина М.В. “Деловое поведение российской молодежи: политико-психологический аспект”, 2003.
12. Забарин А.В. “Механизмы психологического воздействия политической пропаганды”, 2003.
13. Демаховская М.Е. “Психологические факторы риска экстремистского поведения у подростков”, 2003.
14. Никифорова Л.Ю. “Психологический анализ репрезентации личности политического лидера в средствах массовой коммуникации”, 2003.
15. Иванова С.П. “Особенности правового сознания студенческой молодежи: политико-психологический аспект”, 2003.
16. Мартюшев Д.Г. “Мотивационно-ценностные особенности предпринимателей как фактор экономико-политической безопасности России”, 2004.
17. Максименко А.А. “Стратегия экономического поведения молодежи регионов России: политико-психологический аспект”, 2004.
18. Губина М.В. “Функционально-психологические особенности современного политического языка”, 2004.
19. Гребешкова О.Ю. “Потребностно-мотивационная сфера личности как фактор политической активности молодежи”, 2004.
20. Нзабонимпа Жак. “Психологические особенности формирования политического лидерства в Руанде”, 2004.
21. Бурикова И.С. “Психология влияния социально-политических технологий на общественное мнение”, 2004.
22. Ахадова Н.А. “Особенности отношения конкуренции в сферах политики и предпринимательства в современной России”, 2004.
23. Самуйлова И.А. «Представленность личности политика в его вербальной деятельности», 2005.
24. Щербакова Н.В. «Психолингвистический подход к выявлению стилей политических лидеров», 2005.
25. Кривова А.В. «Мотивация политического поведения избирателей в эпоху глобализации», 2005.
26. Соловьева М.А. «Психологическая составляющая политической культуры молодежи», 2006.
27. Коновалова М.А. «Системное психолого-политическое исследование свободы человека». 2006.
28. Николаев А.Е. «Психологические факторы в политике реформирования системы управления общественными финансами. 2006.
29. Сергеева Т.Л. «Особенности психологического воздействия на аудиторию убеждения, внушения в экономико-политических текстах», 2006.
30. Пушкина М.А. «Опыт диагностики психолого-политической стабильности (на материалах г. Санкт-Петербурга, 2004-2005 гг.)», 2006.
31. Бианки В.А. «Психология формирования политического пространства Санкт-Петербурга», 2006.

32. Моторин Д.И. «Влияние структуры интеллекта на успешность разработки политического прогноза», 2007.

Из четырех, защитивших докторские диссертации, двое работают на кафедре (Юрьев А.И., Дейнека О.С.), один поменял место работы (Вассоевич А.Л.), один докторант кафедры, ныне – профессор кафедры политической психологии МГУ (Ракитянский Н.М.). Из 32 человек, защитивших кандидатские диссертации, девять работают на кафедре политической психологии СПбГУ (Свешникова Н.О., Конфисахор А.Г., Бурикова И.С., Самуйлова И.А., Соловьева М.А., Коновалова М.А., Пушкина М.А., Бианки В.А. Моторин Д.И.), пять преподавателей поменяли работу (Коблянская Е.В., Добряков С.А., Лабковская Е.Б., Павлова Н.С., Шустов А.В., Ахадова Н.А.), остальные 22 кандидата наук по политической психологии были аспирантами и соискателями кафедрами и работают в других учебных и научных организациях.

10. Этап подведения итогов.

Направление научных исследований, проводимых в рамках научно-педагогической школы политической психологии:

Изучение психологических проблем политической жизни общества, теории и методологии политического поведения, закономерностей связи политических явлений и психологических феноменов, психологии политического сознания, принятия политических решений, личности в политике, психологии политических ценностей и политического целеобразования, психологии политического общества, психологической типологии политических партий и общественных организаций, психологии политических коммуникаций, психологии общественного мнения, политической культуры, этики политической деятельности, психологии глобализации, психологии терроризма, психологии человеческого капитала.

Основные научные результаты, полученные в течение последних пяти лет:

- Разработаны методологические подходы к изучению психологии политического явления терроризма и методы диагностики ситуации. В том числе разработана методика измерения психолого-политической стабильности регионов, как психологической готовности населения сохранять спокойное поведение, невзирая на внешние и внутренние дестабилизирующие факторы (провокации). Проведены эмпирические исследования уровня политической стабильности в Санкт-Петербурге и в других регионах РФ (2004 – 2005). Данные научные исследования являются приоритетными направлениями развития науки, технологии и техники Российской Федерации, утвержденные Президентом РФ В.В.Путина от 21 мая 2006 года.
- Разработаны: Системный психолого-политический подход к проблемам жизнеобеспечения общества. Система психолого-политических состояний человека (16 пар реципроктных состояний), обусловленных, с одной стороны, индивидуальными, субъектными, личностными свойствами человека и его свойствами как индивидуальности, а с другой стороны, системой стимулов, вызывающих психолого-политические состояния: свойствами информации (гуманитарные состояния), экономическими условиями (праксические состояния), историко-политическими обстоятельствами (мотивационные состояния) и удовлетворённостью первичных потребностей человека (эмоциональные состояния). Критерии жизнеспособности политических обществ, к которым относятся: смысл жизни, ценности жизни, цели жизни и жизненная сила.

- Разработаны: Психолого-политическое моделирование изменения партийно-фракционного состава ЗакС на основе анализа результатов выборов 2002 года. Теоретическая психолого-политическая методика прогноза развития событий выборов депутатов ЗакС Санкт-Петербурга по новой системе выборов. Психологические и властные механизмы перехода на избрание депутатов Городского Законодательного Собрания СПб по партийным спискам, а точнее, перехода на гибрид мажоритарной и пропорциональной системы, как нового процесса жизнеобеспечения общества.
- Проведены две Международные научные конференции «Психология власти» (11-12.01.05. и 14-15.01.08.), собравшая всех авторов, работающих в области психологии власти и обобщившие основные точки зрения на психологию власти. Состав, структура, функции политической власти, как результаты выборов с целью жизнеобеспечения общества.

В 2007 году Министерством образования РФ принято решение о признании научно - педагогической школы политической психологии в СПбГУ и открыта докторантура по новой специальности научных работников 19.00.12 Политическая психология (психологические науки).

11. Этап планирования будущего политической психологии. Планы политической психологии на период после 20 летия.

Сегодня на кафедре политической психологии работает четыре профессора (доктора наук), четыре доцента (кандидаты наук), шесть старших преподавателей (четыре кандидата наук), один ассистент, четыре научных сотрудника – 15 человек из 19 имеют ученую степень. Поэтому все они являются очень самостоятельными людьми, способными определить свое место в политической психологии, и обладающие каждый уникальным опытом практической работы. На это ушло почти 17 лет, имея ввиду, что на кафедре выросли, как специалисты, защитили диссертации и ушли в практическую политическую жизнь очень способные люди. Тем не менее, перед кафедрой стоят новые чрезвычайно важные и интересные научные задачи.

Уже четыре года на кафедре идет подготовка к открытию нового научно-практического направления - «человеческий капитал»: проект и технология его производства. Мы имеем честь работать в здании, где в 1920-е годы работала Постоянная комиссия по изучению естественных производительных сил СССР (КЕПС), которой руководил В.И. Вернадский. В частности, при этой комиссии работала лаборатория генетики, которой в те годы руководил Н.И. Вавилов. В этом же здании находились Пушкинский Дом и Толстовский музей. Именно КЕПС заложил фундаментальные основы могущества СССР, которое растрачивается в наши дни. Это здание факультета психологии Санкт-Петербургского государственного университета на набережной Макарова, дом 6. Сегодня история могла бы повториться, если бы был поддержан проект «Человеческий капитал России», который является главной естественной производительной силой страны. В стране сегодня никто даже не знает, кто и что может производить в России на современном уровне. Исследований такого рода не проводилось много лет, хотя весь мир озабочен прежде всего количеством и качеством человеческого капитала. Все – кроме России.

Актуальность направления. Катастрофическое сокращение населения и резкое снижение качества остающегося населения – главная проблема, для решения которой предназначена концепция социальной стратегии России. Если эта проблема не будет решена – государство исчезнет или приобретет конфигурацию, не имеющую ничего общего с историей России: изменится этнический, культурный, образовательный облик

нового ее населения. Этот новый состав населения не будет защищать границы страны, бережно использовать ее богатства, дорожить ее историей. С этим новым составом населения Россия превратится в «вахтовое государство», на территории которого будут вахтовым методом добывать природные ресурсы и делать деньги представители всех сопредельных народов. Фрагменты подобной картины уже существуют, и их становится все больше. Собственное население становится ненужным, а города и деревни с тысячелетней историей бесперспективными. Бесперспективной станет вся страна, если не будет изменена ее социальная стратегия.

Цель направления: Разработка интегрального показателя психического развития человека, состоящий из параметров его реального поведения:

а) жизнеспособности человека (сокращение ухода из жизни мужчин в рабочем возрасте и др.),

б) трудоспособности (повышение профессиональной конкурентоспособности до уровня современных требований и др.),

в) способности своевременно адаптироваться к глобальным изменениям в мире (обучение новым профессиям и формам социальной жизни и др.),

г) способности к познанию (активный самостоятельный поиск новых знаний и их применения).

ПОЛИТИКА как синтез изменений (ГЛОБАЛИЗАЦИЯ)	изменения ЦИВИЛИЗАЦИИ (материального регулирования)	изменения КУЛЬТУРЫ (идеального отражения)
изменения НАУКИ (активного и рационального)	<i>Изменения психологии субъекта</i> РАБОТОСПОСОБНОСТЬ	<i>Изменения психологии индивидуальности</i> СПОСОБНОСТЬ К ПОЗНАНИЮ
изменения РЕЛИГИИ (реактивного и интуитивного)	<i>Изменения психологии индивида</i> ЖИЗНЕСПОСОБНОСТЬ	<i>Изменения психологии Личности,</i> СПОСОБНОСТЬ К ИННОВАЦИЯМ

Предназначение направления – объединить единой целью разрозненные структуры, составляющие вместе отрасль по «производству населения»: Министерство здравоохранения, образования, культуры, труда и др. Эта отрасль производит «человеческий капитал», который должен опережать производство «финансового капитала». Опасность в том, что уже сегодня страна напоминает инвалида, у которого в кармане лежит чековая книжка на огромную сумму, но которой он не в состоянии воспользоваться. «Финансовый капитал» без «капитала человеческого» мертв – он бессмысленен. «Человеческий капитал» России не в состоянии освоить собственный «финансовый капитал», который активно вывозится в страны с многочисленным и активным населением. «Финансовый капитал» необходимо вернуть для производства

собственного «человеческого капитала», превосходящего в конкуренции граждан других стран: в труде, в науке, на поле боя, в спорте, в искусстве.

Цель направления. Проект и технология воспроизводства трудоспособного населения – цель концепции социальной стратегии Критерии реализации концепции – численность и качество населения России, способного производить современную потребительную стоимость. Смысл концепции – усилия по накоплению «человеческого капитала», не менее интенсивные, чем по накоплению «финансового капитала». Идеология концепции – производство конкурентоспособного «человеческого капитала» рассматривать, как оборонное производство во время войны, на которое брошены все имеющиеся силы и средства государства и народа.

Задачи направления:

1. Определить: сколько и какого качества нужно иметь людей в России, для сохранения страны в глобальной конкуренции? Никто не называет этих цифр и этих качеств, и неясно, для чего действует вся социальная система?

2. Определить: к чему готовиться новому населению, чему и как учить их для повышения их современной конкурентоспособности? Программы школ и Вузов повторяют требования «дней минувших»: стрелять из лука в век огнестрельного оружия.

3. Какие административные и экономические меры надо предпринять, чтобы а) сохранить достаточное население России, б) чтобы увеличить его до необходимого уровня конкурентоспособности и обороноспособности страны? Сегодня рождение и воспитание детей – «хобби» некоторой части населения, которая стремительно сокращается усилиями «финансового капитала».

4. Как реформировать социальную стратегию, чтобы установить баланс между «финансовым» и «человеческим капиталом»? Первый вид капитала считать предназначенным для воссоздания второго вида капитала. Сегодня все силы органов власти брошены на накопление «финансового капитала», облагающего непосильным налогом производство «человеческого капитала».

5. Рассматривать каждого отдельного человека, как общественно полезного работника, который в меру возраста и здоровья может участвовать в создании потребительной стоимости. Сегодня государство тратит средств больше на «вывод» людей из «человеческого капитала», чем на ввод. Системы перевоспитания (тюрьмы), лечения (алкоголизм, наркомании), надзора (силы правопорядка) поглощают много больше средств, чем системы воспитания (детсады, школы), образования (университеты), профессионального обучения (ВУЗы, техникумы).

Предмет направления – психология социальной системы воссоздания конкурентоспособных граждан России для условий глобальных изменений в мире. Система должна быть построена на долгосрочном прогнозе глобальных изменений в мире и на научной технологии формирования поведения граждан России, адекватных этим изменениям. Это абсолютно реальная вещь, и для ее исполнения требуется только политическая воля.

Объект направления - Инновационный человек (гражданин России), способный быть независимым от влияния разрушительных влияний глобализации, и способный самостоятельно максимально эффективно использовать созидательные влияния глобализации. Это возможно при создании новой педагогики, новых программ обучения, если понятно, каким должен быть этот человек в 21 веке.

Методы направления:

А) Стратегическое прогнозирование изменений в качествах человеческого материала на базе фундаментального мониторинга тенденций глобальных изменений в мире и в стране.

Б) Проектирование конкурентоспособного человека времен глобализации на основе данных прогнозирования и технология формирования такого типа человека во всех возрастных средах населения России.

В) Реальное вовлечение и возвращение в сферу создания потребительной стоимости максимально большей части населения страны на основе новых возможностей, создаваемых глобальными изменениями в мире.

Новизна направления:

1. Изменение критериев деятельности социальных систем, переводящих их из «затратного сектора» народного хозяйства в прибыльный сектор. Новые критерии основываются на «выпуске» роста численности и качества «человеческого капитала», способного производить потребительную стоимость времен глобализации, а не на распределении средств на содержание людей, искусственно выведенных из сектора производства потребительной стоимости.

2. Изменение характеристик гражданина России, адаптированного к глобальным изменениям в мире. Критерии: способность самостоятельно противостоять искушениям наркотиков, алкоголя, лени, апатии, страха. И способность самостоятельно использовать любые возможности глобализации для производства потребительной стоимости творчески, инициативно, эффективно.

3. Создание условий для свободного участия граждан России в международном разделении труда, для чего надо прекратить преследование со стороны бюрократии любой активности, проявляемой населением страны. Снятие тотального контроля любого позитивного действия работника в современной России со стороны госорганов и криминала – обязательное условие введения спасительной для страны социальной стратегии.

Практическое значение направления:

Эффект социальной стратегии оценивается только лишь по: 1) динамике роста численности населения, 2) показателям соматического, психического здоровья людей, 3) интеллектуальной, профессиональной и нравственной подготовке граждан России, достаточной для конкуренции на мировом рынке труда, культуры, науки. Будет «человеческий капитал» - будет и «финансовый капитал». Сведение социальной стратегии к любым другим показателям делает ее бессмысленной.

**ИЗБРАННЫЕ ПУБЛИКАЦИИ
СОТРУДНИКОВ КАФЕДРЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

1. Амосенко О.В., "Основы политической социализации", 1994.
2. Анисимова Т.В. Основные темы политической психологии. Метод. указ. СПб, 2003 (30с.)
3. Анисимова Т.В. Психология политической коммуникации. Уч. пособие. СПб, 2003 (80с.)
4. Анисимова Т.В., "Политическая психология", 1991.
5. Анисимова Т.В., Самуйлова И.А. Психологическое измерение политической коммуникации // Коммуникация и конструирование социальных реальностей: Сб. научн. статей / Отв. ред. О.Г. Филатова. Ч. 2. СПб.: Роза мира, 2006. – С. 89 – 96.

- Анисимова Т.В., Бурикова И.С., Коновалова М.А., Матушкин В.В. н.с., Свешникова Н.О., Юрьев А.И. «Политические партии и политики России как объекты классификации». В журн. «Власть», №9, 2003, сентябрь. С. 31-43.
7. Бианки В.А. Политическое пространство как психологический феномен // Вестник СПбГУ, Сер. 6, 2006, Вып. 3. 0,5 п.л.
  8. Бианки В.А., Серавин А.И. Убрать конкурента. PR-атака. СПб., Питер., 2007.
  9. Бианки В.А., Серавин А.И. Прогностические очерки практики выборов на примере Санкт-Петербурга и Ленинградской области. СПб, 2006.
  10. Бианки В.А., Серавин А.И. Практика и психология регионального партстроительства. СПб, 2006.
  11. Бурикова И.С., Коновалова М.А., Матушкин В.В., Свешников, Юрьев А.И. Объективная классификация политических партий и политиков России по материалам их программ и публичных выступлений. В журн. Власть. Общенациональный научно-политический журнал. №9, 2003 год, сентябрь, М., 68с.
  12. Вассоевич А.Л. «Духовный мир народов классического Востока», 1998.
  13. Глузман С.А. Деньги в мифологическом сознании человека вчера и сегодня. СПб., изд. СПбГУ., 2007.
  14. Дейнека О.С. «Экономическая психология в российской политике переходного периода», 1999.
  15. Дейнека О.С. Временной фактор неопределенности управленческих решений. В кн.: Психология менеджмента/ Учебник. Под ред. Г.С. Никифорова. СПб, Изд-во ПИТЕР. 2004. 600 с. (11 с.). - в печати.
  16. Дейнека О.С. Символизация денег: опыт эмпирического исследования// Проблемы экономической психологии/ Под ред. А.Л.Журавлева, А.Б.Купрейченко. М., Изд-во ИПРАН. 2004.
  17. Дейнека О.С., "Экономическая психология: социально-политический аспект". 1995.
  18. Дейнека О.С., «Экономическая психология», Спб., 1999.
  19. Дейнека О.С., Редькина М.В. Образование как фактор становления ценностно-нормативного статуса будущих менеджеров // Менеджмент: наука, образование, культура (Т.155) / Под ред. И.М.Болотникова и др. Изд-во СПбГУКИ , 2003. 309 с. (210-228), тираж 200.
  20. Дейнека О.С.. Экономическая психология (статус, развитие, образовательные перспективы) // Национальный психологический журнал, 2006, ноябрь, С. 110-114.
  21. Дейнека О.С. Финансовая власть и стереотипы представлений руководителей бюджетной сферы // Реформирование управления общественными финансами в Ленинградской области / Под ред. А.А. Васецкого, А.С. Горшкова и др. - СЗАГС, 2006, С. 266-281.
  22. Добряков С.А., "Психобиография", 1993.
  23. Елохина Т.П. Психология политического сотрудничества в России. СПб, 2003.
  24. Елохина Т.П. Коммуникативная компетентность и способы ее совершенствования. Учебное пособие. Спб, 2000.
  25. Коблянская Е.В., "Психология личности политического лидера" 1998.
  26. Компьютерный «П-ТЕСТ для автоматического сравнения позиций избирателей и политических партий России по отношению к методам решения проблем жизнеобеспечения страны», размещенный на сайте кафедры и на сайте Информационного Агентства РосБалт.
  27. Коновалова М.А. «Психологическое консультирование в политике». СПб., 2003. 7,6 п. л.
  28. Коновалова М.А. Имидж и аутентичность в психолого-политическом консультировании. В Ежегоднике Российского психологического общества. Материалы 3 Всероссийского съезда психологов 25-28 июня 2003 г. Изд-во СПбГУ, Т. 4. 344-346.

29. Коновалова М.А. Четыре психологических измерения политической свободы // Вестник СПбГУ, сер. 6, 2006, вып. 3. 1, 0 п.л.
30. Конфисахор А.Г. “Системно-психологическое описание политической власти”, 1999.
31. Конфисахор А.Г., «Психология власти». 2001.
32. Можаровский В.В., «Критика догматического мышления». СПб., 2002.
33. Моторин Д.И. Психология прогнозирования как предмет психологического исследования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6., Вып. 4, 2006.
34. Олесич Н.Я., “Господин студент императорского С-Петербургского университета”, 1999.
35. Олесич Н.Я., отв. Ред. «Знаменитые универсанты», в 3-х томах. СПб, 2002, 2003, 2005.
36. Пушкина М.А. Измерение психолого-политической стабильности населения // Вестник СПбГУ, сер.6, 2006, вып. 3. 0,5 п.л.
37. Свешникова Н.О. . Имидж в формировании лидерства. //Психология: Учебник / В.Н. Аллахвердов, С.И. Богданова и др.; Отв. Ред. А.А. Крылов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004. – 6с.
38. Свешникова Н.О. Психологические основы политического PR. / Методическое пособие. СПб, 2003. 35с.
39. Стратегическая психология глобализации. Психология человеческого капитала. Учебное пособие / под научн. ред. проф. А.И. Юрьева. СПб.: Издательство «Логос», 2006. 32 п.л. (Авторы: Юрьев А.И., Коновалова М.А., Лабуткина А.В., Бианки В.А., Бурикова И.С., Пушкина М.А., Мишучкова И.Н., Серавин А.И., Щербакова Н.В., Троцюк А., Моторин Д.И., Самуйлова И. А., Шевякова Л.П.
40. Шустов А.в. “Психологические феномены в политической избирательной кампании”, 1999.
41. Юрьев А.И. «Концепция стратегической психологии». В Материалах 3-го съезда российского психологического общества. 25-29 июня 2003 года. Санкт-Петербург.
42. Юрьев А.И. «Может ли человек одновременно думать и чувствовать?» в кн. «Общество и политика», под ред. В.Большакова, СПб, 2000.
43. Юрьев А.И. «Политическая психология: видеть, предвидеть, предвосхищать, прогнозировать!» в сб. «Проблема 2000: психолого-политическая культура Санкт-Петербургской молодежи.»
44. Юрьев А.И. «Связь предназначения и миссии Санкт-Петербурга с его целеобразованием в XXI веке» в сб. «Предназначение Санкт-Петербурга», СПб, 2000.
45. Юрьев А.И. «Современная проблема психологии: неисследованные эквиваленты объективной реальности» в журн. «Вестник Санкт-Петербургского университета», серия 6, выпуск 1, 2000.
46. Юрьев А.И. В.А.Ганзен в моей памяти – загадочный ученый и гордый человек. В материалах научно-практической конференции «Ананьевские чтения». 28-30 октября 2003 года. СПб., 2003.
47. Юрьев А.И. О природе сознания. А.И.Юрьев – В.М.Аллахвердову. В кн.: В.М.Аллахвердов. Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. СПб., 2003. с.352-357.
48. Юрьев А.И. Политика: от легенды к повседневной жизни; Сб.статей Под ред. Т.В.Анисимовой. – СПб.: Изд-во «Знаменитые универсанты»
49. Юрьев А.И. Психология массовидных явлений. В учебнике «Психология» под ред. Проф. Крылова А.А., М., 2003. с. 535-547.
50. Юрьев А.И. Человек в политике. В учебнике «Психология» под ред. Проф. Крылова А.А., М., 2003. с. 528-535.
51. Юрьев А.И., "Введение в политическую психологию", 1992.

52. Юрьев А.И., «Системное описание политической психологии». Юрьев А.И., 1997.
53. Юрьев А.И. СМИ о политике: эмоции побеждают мысль // В материалах Всероссийской научно-практической конференции «Экстремизм и средства массовой информации». 23-24 ноября 2006 года. СПб.: Астерион, 2006. 0, 3 п.л.
54. Юрьев А.И. «Психолого-политические угрозы глобализации» // Вестник СПбГУ, сер.6, 2006, вып.3. 1,0 п.л.

Санкт-Петербургский государственный университет
 121009
 Факультет психологии
 Кафедра политической психологии
 Наб. Макарова д. 6.
 199034 Санкт-Петербург
 Тел.: 8-812-535-93-79
 E-Mail: yuriev@robotek.ru

Еремеев Б.А. д.п.н., проф. Тематика конференции «Психология власти – 2008».

Бесспорно эвристическое и дидактическое значение обобщения информации на всех ступенях и для всех форм научной работы, а особенно для работы ученых в университете. Для университетской кафедры, отмечающей 20-ю годовщину своей работы, органичным является рефлексивное обобщение — обобщение информационных продуктов собственной деятельности.

В данном сообщении излагаются результаты семиопсихометрического анализа тематики Второй международной научной конференции по психологии власти, организованной кафедрой политической психологии факультета психологии СПбГУ и проходившей 14–15 января 2008 года.

Рассмотрены материалы, опубликованные в сборнике трудов, подготовленном к началу конференции: «Психология власти — 2008: Материалы Второй международной научной конференции 14–15 января 2008 / Под научной редакцией А.И. Юрьева. – СПб., 2008. — 383 с.».

Тематика материалов любого научного форума раскрывается, прежде всего, в названиях текстов, поступивших в оргкомитет, принятых к обсуждению и включенных в программу этого форума. Если труды участников форума публикуются, то тематика форума, обозначенная в его названии, конкретизируется, прежде всего, в масштабе общего содержания его материалов. Но обычно используется более дробный масштаб анализа, рассматриваются отдельные тексты, составляющие материалы форума. В нашем же случае для анализа в качестве единиц наблюдения взяты формулировки тем, или названия работ, вошедших в сборник. Всего n=99.

Обобщение проведено «изнутри», по категориальному наполнению формулировок, раскрывающих названия опубликованных работ, или их объективную тематику. Предполагается, что словесное выражение этого категориального наполнения раскрывает имплицитное строение у взятой предметной области научных исследований, обнаруживает ее основные субъективные познавательные конструкторы, или факторы.

В данном случае реализуются два основных этапа обобщающего семиопсихометрического описания. Это сплошной индуктивный контент-анализ с выделением субъективных категорий (единиц анализа), раскрывающих взятую тематику, и с учетом устойчивости их проявлений во взятом контексте (единиц счета). И это предметно-ассоциативное структурирование взятого материала — с определением состава структуры, в который включаются самые устойчивые категории, и с определением отношений на этом составе, отношений парных и композиционных.

Операционально названные этапы конкретизируются следующим образом. Среди всех субъективных категорий (единиц анализа, раскрывающих тематику научных исследований) выявляются категории с наибольшей распределительной устойчивостью — частотой у соответствующих им лексических единиц (единиц счёта). Затем описываются их парные ассоциативные связи. На основе полученного конечного множества показателей парных связей описывается композиция структуры. Она раскрывается для нас, прежде всего, как положение каждой из устойчивых категорий на множестве её парных связей. Это положение характеризуется как более или менее центральное в структуре с учетом выраженности всех ассоциативных связей у взятой категории со всеми остальными категориями.

В результате сплошного индуктивного контент-анализа оказалось, что тематика исследований в области психологии власти, предложенных на конференцию, раскрывается проявлениями 292-х субъективных категорий, которые выражены лексическими основами, имеющими распределительную частоту $f=1\div 42$. При этом 180 лексических единиц из 292-х использованы только в какой-либо одной формулировке и имеют распределительную частоту $f=1$.

В числе наиболее употребительных оказались проявления темы «политика» ($f=42$) — различные словоформы, производные от общей лексической основы «полити-». Устойчивы также лексические проявления темы «власть» ($f=31$), «психология» (25), «как» (19), «Россия» (12), «особенности» (9). Слово «как» в данном случае используется в значении союза, раскрывающего отнесение одного взятого фрагмента действительности к другим; синонимом здесь является выражение «в качестве...». Остальные субъективные категории, раскрывающие объективную тематику конференции, выражены лексемами, которые имеют распределительную частоту $f\leq 8$.

В состав предметно-ассоциативной структуры включены наиболее устойчивые знаменательные лексические единицы, распределительная частота которых на 95%-м уровне вероятности статистического прогноза отличается от однократной: $f\geq 6$. Таких единиц оказалось $L=21$. В их числе, помимо уже названных шести самых устойчивых, оказались лексические проявления категорий, которые делят между собой 7-й и 8-й ранги устойчивости: «государство» и «сознание» ($f=8$). Ранги с 9-го по 16-й делят лексические формы восьми категорий, имеющих частоту $f=7$: «аспекты», «деятельность», «исследование», «личность», «образ», «отношение», «социальность», «человек». И ранги с 17-го по 21-й делят проявления пяти категорий с устойчивостью $f=6$: «анализ», «восприятие», «мотивация», «общество», «роль».

Далее рассмотрена сочетаемость элементов, включенных в состав структуры, в 99-и единицах наблюдения — в исходных формулировках тем (в названиях) материалов конференции. Их количественное описание дано с использованием коэффициента корреляции Пирсона для качественных признаков; его также называют иногда тетрагорическим показателем связи, или показателем четырехклеточной корреляции.

В данном случае из 210-и парных отношений 91-о отношение (или 43,3%) описывается положительными коэффициентами ($r \geq 0$). При этом 22 положительных коэффициента корреляции подкрепляется статистически. Для $N=99$ единиц наблюдения на трех стандартных уровнях вероятности безошибочных прогнозов пороговые коэффициенты корреляции в данном случае равны: при $p\geq 0,95$ $|r| \geq 0,20$; при $p\geq 0,99$ $|r| \geq 0,26$ и при $p\geq 0,999$ $|r| \geq 0,33$.

Вот четыре самые устойчивые ассоциации между элементами в парах — как совместное появление в одних и тех же формулировках двух соответствующих единиц счета — определенных лексических форм. Статистически неслучайно сочетаются, прежде всего, «восприятие» и «исследование» ($r=0,42$), «аспекты» и «психология» (0,39), «мотивация» и «особенности» (0,36), «политика» и «психология» (0,35).

Во «втором эшелоне» неслучайной ассоциированности находятся пять пар. Две пары — это «восприятие» и «как» ($r=0,31$), «анализ» и «роль» (0,29). И три пары имеют

показатели ассоциированности $r=0,26$: «восприятие» и «образ», «деятельность» и «мотивация», «общество» и «отношение».

Статистически неслучайная ассоциированность остальных тринадцати пар описывается коэффициентами в пределах $r=0,20 \div 0,24$.

Только в двух парах проявилось статистически неслучайное взаимное отталкивание: между «властью» и «политикой» ($r=-0,27$), между «психологией» и «Россией» ($-0,22$).

Далее была дана характеристика предметно-ассоциативной структуры с точки зрения ее композиции, или с точки зрения упорядоченности элементов состава в рамках целого. Для этого использована «ядро-оболочечная модель», в соответствии с которой элементы состава по их взаимным отношениям занимают в рамках целого более или менее центральное положение. При количественном описании композиции использовано допущение об аддитивности (суммируемости) парных отношений каждого элемента в структуре, а корреляционная матрица преобразована в изоморфную ей матрицу угловых расстояний, в радианах (по Фишеру). При этом коэффициент корреляции получает тригонометрическую интерпретацию — как косинус угла между двумя векторами, отображающими пару взятых элементов структуры.

В результате при описании композиции положение каждого элемента в структуре характеризуется средним арифметическим его угловых расстояний (в радианах) ото всех остальных элементов состава. Таким образом, формируется ситуативно-функциональная шкала общности — специфичности элементов в структуре. Она измеряет центральность — периферийность распределения элементов в рамках целого.

В нашем случае в центре структуры с минимальной величиной специфичности ($sp=1,505 \pm 0,034$ рад), локализовано «восприятие». На периферии структуры, с максимальной величиной специфичности ($sp=1,607 \pm 0,020$ рад), локализовано «сознание». Таковы полюса ситуативно-функциональной шкалы общности — специфичности, маркирующей пределы субъективного пространства, отображающего тематику конференции во взятом ее масштабе и объеме.

На втором месте от центра локализована «политика» ($1,530 \pm 0,032$), на третьем — «мотивация» ($1,538 \pm 0,029$), на четвертом — «психология» ($1,546 \pm 0,037$), на пятом и шестом — «как» ($1,552 \pm 0,027$) и «общество» ($1,552 \pm 0,028$). С другой стороны шкалы, от периферии, на втором месте локализована «Россия» ($1,594 \pm 0,024$), на третьем месте — «личность» ($1,591 \pm 0,023$), на четвертом — «роль» ($1,590 \pm 0,026$), на пятом — «анализ» ($1,588 \pm 0,027$), на шестом — «социальность» ($1,579 \pm 0,018$).

Полностью результаты количественного описания предметно-ассоциативной структуры отображаются в виде таблицы, включающей в себя частоту каждого из элементов состава, корреляционную полуматрицу сочетаемости элементов друг с другом и описание композиции — как положения каждого элемента среди остальных во множестве парных отношений с ними. Положение это характеризуется специфичностью, в радианах, и рангом общности, или центральностью положения элемента в структуре.

Для наглядности и большей информативности результаты выявления предметно-ассоциативной структуры отображаются на плоскости в виде корреляционного графа. Тогда ось общности — специфичности изображается в виде вертикального отрезка. Отрезок градуируется в пределах от минимального показателя специфичности до максимального. Минимальному показателю соответствует ранг общности 1, который локализуется снизу отрезка и символизирует центр структуры. Максимальному показателю специфичности соответствует минимальная общность, в данном случае — с рангом 21. Этот показатель локализуется в верхней части вертикального отрезка и символизирует периферию структуры. Вершины графа, обозначенные порядковыми номерами категорий, распределяются вдоль вертикально расположенной градуированной шкалы в соответствии с показателями специфичности всех элементов состава.

В нашем случае это распределение показателей специфичности асимметрично относительно пограничного значения $sp \approx 1,571$ рад и по размаху (см. выше о крайних показателях), и по объему. Двенадцать из 21 показателя находятся в области с преобладанием центростремительных тенденций ($sp < 1,571$) и девять показателей — в области с преобладанием центробежных тенденций: $sp > 1,571$).

Распределение вершин графа по специфичности становится основой для отображения также наиболее устойчивых парных отношений в виде ребер графа. Для большей определенности изображения используется следующая процедура. На рисунке в виде ребер, объединяющих вершины, воспроизводятся только положительные максимальные по величине статистически значимые коэффициенты корреляции от более специфичных элементов к менее специфичным.

В результате выделены четыре ортогональных, хотя и пересекающихся плеяды-«куста» (фактора), различающихся по обобщенности и конкретности и репрезентирующих основные формы исследовательских стратегий, раскрывающих тематику конференции «Психология власти — 2008».

Самый общий («генеральный») фактор перекрывает все пространство структуры от центра до периферии и раскрывается семью категориями. Здесь исходным моментом является «восприятие». Наиболее вероятна его совместность с «исследованиями», а тех — с «человеком». Вероятны также его совместность с соотнесением актуальных фрагментов действительности («как»), в частности, «власти», и с «образами», а тех — с «сознанием». Четыре категории этого фактора локализованы скорее в области с преобладанием центробежных тенденций: «сознание» ($1,607 \pm 0,020$), «образ» ($1,576 \pm 0,025$), «власть» ($1,573 \pm 0,029$) и «человек» ($1,572 \pm 0,025$).

Второй фактор раскрывается пятью категориями. Здесь исходный момент — «политика». Наиболее вероятна совместность «политики» с «психологией», а той — с «асpekтами» (клише: при формулировке темы выделяются «психологические аспекты» того, о чем идет речь). Менее вероятна, но также не случайна совместность «политики» с «анализом» и «ролью». Две категории этого фактора локализованы в области с преобладанием центробежных тенденций: «роль» ($1,590 \pm 0,026$) и «анализ» ($1,588 \pm 0,027$).

Третий фактор раскрывается четырьмя категориями. Здесь исходный момент — «мотивация». Наиболее вероятна совместность «мотивации» с «особенностями»; менее вероятна — с «деятельностью», которая неслучайно сочетается с «человеком». «Деятельность» также сочетается с «асpekтами» и «психологией», а «особенности» — с «восприятием». За счет этих ассоциаций третий фактор пересекается со вторым и с первым. В этом факторе одна категория локализована скорее в области с преобладанием центробежных тенденций — «человек» ($1,572 \pm 0,025$).

Четвертый фактор раскрывается тремя категориями. Здесь исходный момент — «общество». Наиболее вероятна совместность этой категории с «отношениями»; менее вероятна — с «государством». За счет сочетаний «общества» и соотнесения актуальных фрагментов действительности («как»), а «государства» — с «асpekтами» четвертый фактор пересекается с первым и вторым факторами. Все категории фактора локализованы в области с преобладанием центростремительных тенденций.

У трех категорий отсутствуют статистически неслучайные сочетания с другими, поэтому они рассматриваются как самостоятельные факторы, раскрывающие тематику конференции. Это «Россия», «личность» и «социальность».

Таким образом, получается, что в данном случае достаточно очевидна семиотическая определенность полюсов у шкалы центральности — периферийности элементов в структуре. Центральный полюс («восприятие») соответствует эмпирической феноменологии, а периферийный полюс («сознание») конкретизирует теоретические конструкты при научной разработке данной тематики. Общая стратегия научных исследований характеризуется как индуктивная.

Использование элементов графопостроения позволяет говорить о семи основных субъективных конструктах, или факторах. Эти факторы различаются по своей обобщенности и конкретности. Самый обобщенный — фактор собственно психологических исследований, прежде всего, феноменологических. Второй по обобщенности фактор — это фактор политологического подхода, при котором все-таки учитываются «психологические аспекты», в частности, анализируется их роль. Третий фактор — фактор особенностей мотивации человеческой деятельности. Четвертый — фактор отношения общества и государства. Остальные три фактора характеризуются возрастающей специфичностью: это социальность, личность и Россия.

Можно сказать, что семиопсихометрическое структурирование вскрывает «обратную», дополнительную логику категориального моделирования действительности совокупным субъектом научного познания. В познавательном плане исходным, генетически первичным, субъективно общим оказывается эмпирическое, непосредственное, объективно частное: восприятие, политика, мотивация... А производным, вторичным, субъективно частным оказывается теоретическое, опосредствованное, объективно общее: сознание, Россия, личность...

Глазов Л.Г. Истоки Российской геополитической психологии.

В современной геополитике выделяется явная необходимость изучения наследия российских ученых, которые во многом предвосхищали проблематику и методологию этого направления и создавали собственные оригинальные концепции. Большое значение приобретает получение объемного представления о геополитической мысли в национальном контексте и наблюдение за политическими изменениями сквозь призму национальных интересов. Эта статья о научной деятельности ученых, чьи открытия и труды лежат в основе русской школы геополитики классического периода.

1. *Вениамин Петрович Семенов-Тянь-Шанский (1870–1942)*. В своих работах во многом продолжает идеи из антропогеографических работ П.П. Семенова об обусловленности физических и психологических особенностей человека, народов, а также их хозяйственной деятельности географической средой, в которой они обитают. В региональной географии — в страноведении — оба автора видели синтез знаний, соединение наук о живой и неживой природе: изучение тех изменений, которые вносит в природу человеческая культура («Значение России в колониационном движении европейских народов»).

В.П. участвует в первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года. На основе анализа и систематизации статистического материала Семеновым-Тянь-Шанским с коллегами была подготовлена к изданию работа «Россия. Полное географическое описание нашего отечества» (11 томов).

В 1909–1911 гг. выходит в свет фундаментальный труд В.П. и коллег по районированию «Торговля и промышленность Европейской России по районам» (11 томов — один общий и одиннадцать региональных) с описанием 1065 выделенных районов, подробной экономической картой, а также характеристикой ряда историко-культурных и транспортных причин быстрого торгово-промышленного развития. В 1910 году публикуется книга «Город и деревня Европейской России», в которой подробно анализируются типы сельского расселения в зависимости от природных условий (зональные типы) и дается характеристика городов в зависимости от их людности и торгово-промышленного оборота. Автор рассматривает типы заселения сельских местностей в зависимости от физико-географических и исторических условий; описывает схему возникновения и развития городских агломераций, разрабатывает ряд шкал для их

классификации. Впервые появляется карта расселения Европейской России — прообраз будущих дазиметрических карт; типологизируются формы колониальных движений народов Евразии в разные эпохи. Создана ставшая классической типология русского заселения Европейской равнины, по зональному и азональному (т.е. зависимому и независимому от распределения почв и растительности) принципам. Этот труд — «первая в мировой практике георбанистическая монография, во многом предвосхитившая проблематику и отчасти методику этого направления» (П. Полен, 2001).

В 1922 году В.П. Семенов-Тянь-Шанский работает над созданием карты плотности заселения Европейской России, в которой используется дазиметрический метод картографирования (определение плотности заселения не по условным территориальным единицам, а по фактическому материалу об их населенности). С 1930-х гг. подобные исследования, которые могли показать негативные демографические последствия коллективизации, были запрещены.

На основе лекционных курсов в 1928 году издана работа «Район и страна», где обобщены подходы автора к районированию. Он предлагал выделять узлы территории (т.н. «ключи»), к которым тяготеет расселение народов. Эти зоны определяются природными условиями, в итоге влияя на экономический и демографический облик страны.

В.П. привнес в исследования заселения местностей математические методы (дазиметрические карты), обогатил теорию районирования микрорайонированием и методом «ключей», изучал природные факторы в жизни народов. Семенов-Тянь-Шанский считается первым российским теоретиком политической географии и наиболее ярким представителем географического направления русской школы геополитики.

2. *Николай Михайлович Пржевальский (1839–1888)*. В 60-х гг. XIX века началось присоединение Средней Азии к Российской империи. Целью было приостановить захватническое приближение Англии к границам России; к тому же для русского капитализма здесь была просторная область колонизации, крупнейший рынок сбыта промышленных товаров и поставщик сельскохозяйственного сырья. Это определило наступательную политику русского самодержавия, которое до конца века постепенно подчиняло своему влиянию среднеазиатские ханства.

Появилась потребность исследовать этот край. Сюда направлялись исследователи, обычно прикомандированные к посольствам, миссиям, с задачами практического характера: составить карту местности, изучить природные ресурсы области, состав населения, систему управления ханствами и их административное деление.

Первым исследователем природы Центральной Азии был Н.М. Пржевальский, его экспедиции положили начало планомерному ее изучению. Главная заслуга Н.М. — географическое и естественноисторическое исследование Центральной Азии, решение геополитических задач. Во многом благодаря экспедициям Пржевальскому русская географическая наука завоевала большой авторитет во всем мире.

Результатами его первой экспедиции были сочинения: «Об инородческом населении в южной части Приамурской области» и «Путешествие в Уссурийский край» показавшие, что автор, владея свежей методикой полевых работ, умеет завершить их описание значительными обобщениями. Немало места и в других своих книгах он посвящает человеку, экономическим и политическим отношениям, военно-географическому обозрению местностей, используя географию не как простое собрание фактов, а как науку, вскрывающую взаимосвязь явлений и познающую законы устройства земной поверхности.

Одним из первых русских географов Н.М. Пржевальский начал давать страноведческие характеристики посещенных мест, сведения об этнографии. Наряду с описанием природы он рассказывает о населении, его быте, хозяйстве, о селениях и городах.

3. *Дмитрий Иванович Менделеев (1834–1907)*. Директор Главной палаты мер и весов с 1882 г. — Менделеев являлся фактически правительственным советником по науке и разрабатывал программу всестороннего экономического развития империи.

В докладной записке С.Ю. Витте «Об исследовании Северного Полярного океана» в 1901 году Д. И. (по Д.К. Самину, 2002) выдвинул предположение, что на ледоколе можно пройти через полярный бассейн прямо к северному полюсу, считая, что этим помимо большого экономического значения для северо-востока России и Сибири (торговый выход через Ледовитый океан), много выиграет и военно-морская оборона страны (держа сильный флот, не привязанный к каналам теплых стран, вроде Суэцкого).

В работе «К познанию России» анализируются итоги первой всеобщей переписи населения Российской империи (1897 год) и дается прогноз роста народонаселения до 2000 года. Много внимания уделено анализу демографических процессов, оценен хозяйственный вес различных областей России, предсказана суть процессов, которые в современной науке называют мобилизационными.

Менделеев разбирает вопрос «центра страны». После географо-экономических подсчетов он определяет, что центр всей поверхности России лежит на Урале, между Обью и Енисеем, в Енисейской губернии, немного южнее города Туруханска, лежащего в близости от Северного Полярного круга. Центр же населенности для 1897 года находится в Тамбовской губернии, на северо-восток от Козлова и на запад от Моршанска. Он движется к центру поверхности. «Все, что задерживает, будет задерживать это передвижение, — только вредно», — утверждал Менделеев.

В этом труде он размышлял о научном планировании народного хозяйства, перестройке его на индустриальной основе; изучал возможности размещения очагов промышленности ближе к источникам сырья.

В книге он обращает внимание и на социально-политические аспекты, и на изменения во взаимодействии общества с природной средой в связи с промышленным и научно-техническим прогрессом. Исходя из этого, автор «давал не классовую, социально-политическую классификацию исторических периодов (первобытно-общинный строй, рабовладельческий и т.п.), а экологическую: присваивающее хозяйство, сельскохозяйственное, промышленное» (Р.К. Баландин, 2002).

В 1903 году Менделеев пишет «Заветные мысли». В них он размышляет о желательных путях развития России: в геополитической, экономической и научной областях, о народонаселении, внешней торговле, образовании, промышленности и желательном устройстве правительства.

Он указывает две первых надобности России. Во-первых, поправление состояния просвещения русского юношества. Во-вторых Менделеев считал, что бедность происходит от занятия преимущественно первичными промыслами. Необходимым он называл содействие любыми способами быстрому росту промышленности в стране, который увеличит средний достаток жителей; этим будут избегнуты войны ради захвата земли.

По его мнению, народное образование должно быть доступным для всех сословий и не «классическим», а жизненным и практическим. Процветание страны и ее населения Менделеев связывает не только с разумным использованием ее природных богатств, но и с повсеместным распространением науки и просвещения, раскрытием талантов и творческих сил народа. Особое значение он придавал подготовке учителей и профессоров. «Отобратить истинно просвещенных людей, способных самостоятельно и благодушно обсуждать действительность по изучению и по разуму ... их сравнительно малое количество по отношению ко всему населению, судящему по внушению и предрассудкам».

Рассуждая о политике, автор мечтает о будущем: «Россия, держа войско и не поддаваясь утопическим соблазнам «разоружения» может, благодаря своему положению, играть важную роль в общем концерте мирного согласия все стран, и это будет тем легче,

чем плотнее она сблизится с Китаем, так как в этом последнем должно ждать быстрых успехов...»

С горечью Менделеев говорит: «Могу сказать, что знал на своем веку, знаю и теперь очень много государственных русских людей, и с уверенностью утверждаю, что добрая их половина в Россию не верит, Россию не любит и народ мало понимает...»

4. *Петр Николаевич Савицкий (1895–1968)*. Экономист по образованию, участник белогвардейского движения. Эмигрировав в Прагу, там знакомится с трудами Н.С. Трубецкого и с ним лично и предлагает ему учредить новое идеологическое движение: евразийство.

Малоизвестно, что именно евразийцы были первыми русскими авторами, которые начали употреблять термин «геополитика». А.Н. Дугин пишет, что «именно евразийцы первыми обратились к геополитике как к науке, чрезвычайно важной для формирования мировоззрения, политической идеологии и даже культуры. Именно они создали школу русской геополитики».

«Савицкий был главным идеологом и вождем всего направления, уступая руководящие роли в официальных евразийских структурах Н. Трубецкому лишь по соображениям старшинства». «Именно ему принадлежат основные формулы и определения, ставшие руководящими принципами евразийской идеологии». Среди евразийцев именно Савицкий специализировался на геополитике, он — первый ученый, разработавший полноценную и развитую теорию, сформулировавший фундаментальные принципы «специфически русской геополитики, осознающей свою континентальную миссию, радикально противостоящую талассократическим тенденциям и принимающую свою материковую, сухопутную и поэтому универсальную судьбу» (А.Н. Дугин, 1997).

«Месторазвитие» народа (термин П.Н. Савицкого) — взаимосвязь, взаимозависимость его жизни с ее географической основой — определяется автором как один из главных факторов исторического процесса; им разработана теория исторического перемещения цивилизационных центров. Впоследствии главным теоретиком евразийского подхода в этнографии станет Л.Н. Гумилев, ученик П.Н. Савицкого, часто называемый «последним евразийцем».

Евразийская геополитика представляет концептуализацию культурных, духовных и стратегических интересов «географической оси истории» — российских территорий. Савицкий пишет, что качество русской культурной среды («евразийской» в географически-пространственных данных) было усилено и утверждено последовательным напластованием на русской почве азиатско-азиатского (Востока) и европейского (Запада) культурных слоев. Россия воспринималась им как особый культурный и межкультурный мир, развивающийся попеременно, то в борьбе, то во взаимодействии и с Азией и с Европой. Центральное место в его творчестве занимает изучение культурной и геополитической специфики России в ее прошлом и настоящем.

Татаро-монгольское иго Савицкий считал, несмотря на всю его тяжесть, наилучшим исходом для древней Руси, которая, по его мнению, была нестабильна, в силу внутреннего разложения должна была пасть, и должна была пройти через подчинение какой-либо внешней силе — от ига русские унаследовали «чувство континента». Он писал: «Татары — «нейтральная» культурная среда, принимавшая «всяческих богов» и терпевшая «любые культуры», пала на Русь, как наказание Божие, но не замутила чистоты национального творчества... Если бы ее взял Запад, он бы вынул из нее душу...».

«Наряду с фантастическими элементами в евразийстве присутствуют сильные и тонкие интуиции, предчувствия, прогнозы» (И.А. Исаев, 1992). И, «даже если в какой-то степени согласиться с Г. Флоровским, что в евразийстве преобладает «правда вопросов» над «правдой ответов», то и в этом случае остается удивляться, насколько верно и точно эти вопросы поставлены» (С.Ю. Ключников, 1997).

За пределами данного обзора остались еще многие авторы: Д.А. Милютин, М.В. Ломоносов, Н.Я. Данилевский, И.А. Ильин и другие. Предстоит еще многое о них

сказать. Чтобы согласовать существующие геополитические идеалы, обеспечив преемственность геополитических концепций, обсуждение геополитической проблематики должно обращаться к истории исследований русской геополитической школы, где находятся многие обогащающие теорию и практику анализы связи геополитических идей с историческими традициями, социальным контекстом и задачами государства.

***Шелковникова Н.И.* Становление современной политической психологии.**

Политическая психология признана как перспективная область исследования в мировой политической науке. *Политическая психология* (от греч. *politika* — государственные или общественные дела) — область психологии, изучающая психологические компоненты (настроения, мнения, чувства, ценностные ориентации) в политической жизни общества, которые формируются и проявляются на уровне политического сознания наций, классов, социальных групп, правительств, индивидов и реализуются в их конкретных политических действиях (война, терроризм, политические решения, этнические конфликты, восприятие партнеров переговоров), так и внутренней (политическое участие, дискриминация меньшинств, формирование политических ориентаций).

Понятие «*политическая психология*» в современном обществознании употребляется в двух смыслах: как форма *политического сознания* и как *политическая наука*. *Политическая психология* как форма политического сознания представляет собой совокупность духовных образований, которые содержат эмоционально-чувственные ощущения и представления людей о политических явлениях. *Политическая психология как политическая наука* — это отрасль знаний, изучающая социально-психологическое восприятие людьми политических реалий, исследующая механизмы политического поведения граждан, влияние на него сознания и подсознания.

Проблематика политической психологии — механизмы воздействия побуждений, влечений, эмоций и страстей различных социальных групп и целых народов на ход исторического развития, место и роль общественного мнения в политической жизни общества, социальная обусловленность политических настроений масс, динамика их развития. В психологической науке многие проблемы, составляющие предмет политической психологии (политическое воспитание, общественное сознание, психология идеологического воздействия, политическая активность масс и др.), решаются в рамках социальной, педагогической и возрастной психологии, социологии, экономической науки, философии.

Возникновение и развитие политической психологии имело свои особенности в разных политических системах. Объективный подход к анализу проблемы становления и развития политической психологии указывает на то, что впервые она получила признание у зарубежных теоретиков и практиков. Размышления *Аристотеля, Сенеки, Макиавелли, Руссо, Гоббса, Смита, Гегеля* и множества других великих мыслителей легли в основание новой научной дисциплины. Однако все эти мыслители работали в иных теоретических рамках, которые не нуждались в специальном психологическом подходе к политике. Историки и философы, социологи и политологи обратили внимание на то, что в самой политике появилось совершенно новое явление. Помимо вождей, королей, президентов и прочих представителей политической элиты в политике заметное место стали играть народные массы. Одним из первых уделил внимание этой теме француз *Г. Лебон*, написавший «*Психологию народов и масс*», «*Психологию толпы*» и «*Психологию*

социализма». В этот же период появились «Преступная толпа» итальянца С. Сигеле, «Социальная логика» француза Г. Тарда.

Появление на политической авансцене массы как нового субъекта политики было связано с развитием промышленности, ростом городов и сопровождалось серьезными социальными и политическими потрясениями, революциями, забастовками. Г. Лебон увидел в массе угрозу индивидуальности, силу, нивелирующую личность. Среди различных видов массы он в первую очередь исследовал толпу как наиболее спонтанное проявление неорганизованной активности и обнаружил у толпы агрессивность, истеричность, безответственность, анархичность. В работах конца XIX — начала XX века была отмечена лишь негативная сторона массового поведения, те опасности, которые оно несет с собой, но современные исследователи уделяли внимание позитивным аспектам массовых форм политического участия в развитии демократии. Политические психологи второй половины XX столетия много внимания уделяют массовым движениям: от движения за права женщин до экологических движений.

Источником формирования современной западной политической психологии стали идеи психоанализа. Жанр политического портрета использовали авторы самых разных ориентаций, например знаменитая книга Г. Лассуэлла «Психопатология и политика». В России начала века большой популярностью пользовалась книга психиатра П.И. Ковалевского «Психиатрические этюды из истории», в которой представлена целая галерея портретов политических деятелей — от царя Давида до Петра I, от Суворова до пророка Мохаммеда, от Жанны д'Арк до Наполеона. А.А. Бодалев в книге «Как становятся великими или выдающимися» раскрывает закономерности восхождения политиков и других выдающихся личностей современности к собственным вершинам в жизнедеятельности. Большой вклад в создание портретов внес последователь Фрейда, чикагский политический психолог Г. Лассуэлл. В качестве материала для анализа личностей американских политиков он использовал их медицинские карты. Г. Лассуэлл искал, прежде всего, скрытые бессознательные мотивы поступков политических деятелей и находил их в особенностях детского развития, в тех конфликтах, которые оставили в душе будущего политика психологические травмы. Власть же является тем средством, которое компенсирует указанные травмы, что и объясняет ее притягательность.

Политическая психология в России зарождалась в конце прошлого — начале XX века. J.C. Davies в главе «Откуда и куда?» в книге «Handbook of political psychology» описывает знаменательное событие, ссылаясь на работу W. Wilson, опубликованную в 1885 году. В 1908 году появилась книга G. Wallas, называвшаяся «Human nature in Politics».

В России в 1908 году В.М. Бехтерев издает монографию «Внушение и его роль в общественной жизни», а в 1911 году разработал «Предмет и задачи общественной психологии, как объективной науки». В 1921 году В.М. Бехтерев публикует фундаментальный труд «Коллективная рефлексология». Эта работа могла послужить пособием при решении многих государственных вопросов в преддверии новых потрясений, Великой Отечественной войны, но этого не произошло, т.к. труды отечественных психологов оказались невостребованными и забытыми. В 1927 году В.М. Бехтерев умер при загадочных обстоятельствах, а открытые, поддерживаемые государством, исследования по политической психологии в СССР прервались до 1989 года.

Работавший параллельно с В.М. Бехтеревым ученик G. Wallas — H. Lasswell в 1930 году выпустил исследование «Psychopathology and Politics». За это время за рубежом России издается более 300 монографий по изучению связи психологии и политики. По инициативе Jeanne M. Knyton, специалиста по социальной и клинической психологии, редактора первого учебника политической психологии в 1978 году создана Международная Ассоциация политической психологии (ISPP — International Society of Political Psychology). Почетным Президентом ISPP был избран современник

В.М. Бехтерева — *H. Lasswell*. В 1977 году *Margaret G. Hermann* выпускает работу «*Psychological Examination of Political Leaders*», а в 1986 г. редактирует большую коллективную монографию «*Political Psychology*».

International Society of Political Psychology издает свой журнал *Political Psychology*. В настоящее время публикации, посвященные политико-психологической проблематике, появляются во всех престижных изданиях по политологии и психологии. В 1993 году образовалась Российская ассоциация политических психологов, которая является коллективным членом ISPP. В ISPP насчитывается более 1000 членов практически со всех континентов.

В России исследования по политической психологии не прекращались, но формально велись в рамках других научных направлений — социальной, юридической психологии, психологии труда, педагогической психологии. Зарубежный психолог, известнейший специалист *H.J. Eysenck*, выпустил в 1954 году труд «*The psychology of politics*». *J.C. Davies* в своем обзоре обнаруживает исследования психолого-политического характера в исследованиях *Дарвина, Фрейда, Фромма, Мак Дугала, Мюррея, Маслоу, Павлова, Уотсона, Толмена, Скиннера, Эриксона, Пиаже*.

Теоретическая база в советской политической психологии представлена в трудах *Б.Г. Ананьева, С.Л. Рубинштейна, Б.Ф. Ломова, В.П. Зинченко, А.Н. Леонтьева, В.А. Ганзена*. К числу особенностей российской психологии, делающей и отечественную политическую психологию отличной от зарубежной, относится системность описания деятельности человека, представленная в работах *В.Д. Шадрикова, А.А. Крылова, Г.В. Суходольского*, направления, развиваемые в трудах *Г.С. Никифорова, В.А. Ядова* по самоконтролю и саморегуляции личного поведения.

В основу ленинградской школы политической психологии были положены теоретические основы ее основателя — академика *Б.Г. Ананьева* и развитие его идей в работах профессора *В.А. Ганзена*. Исключительный интерес представляет работа *Б.Г. Ананьева «Очерки психологии»*, изданная в 1945 году в Ленинграде, и монография *В.А. Ганзена «Системное описание психологии»*, вышедшая почти 30 лет спустя, лишь в 1984 году. Функции системы глобализации заключаются в изменении психологии и поведения человека за счет контроля над смыслом жизни масс людей (цивилизация и религия), над ценностями (культура и религия), над их жизненными целями (наука и культура), над мощностью жизненной силы этих масс людей (наука и цивилизация). В ленинградской психологической школе принято анализировать человека как носителя индивидуальных свойств, субъектных, личностных и свойств индивидуальности.

Политика как синтез глобальных изменений влияет на человека последовательно представлено в монографиях *А.И. Юрьева «Введение в политическую психологию»* в 1992 году, «*Системное описание политической психологии*» в 1997 году и в коллективной монографии сотрудников кафедры под редакцией *А.И. Юрьева «Стратегическая психология глобализации. Психология человеческого капитала»* в 2006 году.

А.И. Юрьев в 1990 году основал первую в СССР и в России кафедру политической психологии в Санкт-Петербургском государственном университете. Преподаватели кафедры политической психологии принимали активное участие на Всемирном съезде политических психологов (ISPP) в Вашингтон в США. *Э.Б. Ширяев* позднее стал сотрудником кафедры политической психологии университета Дж. Вашингтона, в данное время возглавляет *The Center for Global Studies (CGS) at George Mason University (was founded to promote multidisciplinary research on globalization and international affairs)*.

Доклады российских ученых на конференциях ISPP: Вашингтон, (1990 год), Сант-Яго-де Кампостелло (1995 год), Вашингтон (1993 год) были приняты международным сообществом политических психологов, а учебные и научные планы кафедры политической психологии были утверждены Ученым Советом факультета психологии.

В настоящее время профессор *А.И. Юрьев* — действительный член Российского общества психологов, действительный член Международной ассоциации политической

психологии (ISSP) и член Международного общества политической аргументации и коммуникации (ISSA), Международной ассоциации исследования поведения (АВА), член редколлегии международного журналов *«International Journal of Psychology Research»*, *«Власть»*, *«Вестник политической психологии»*, *«Россия в глобальном мире»*, *«Стратегия России»*, член Координационного совета по социальной стратегии Совета Федерации РФ.

Огромный вклад в работу кафедры политическая психология внесла профессор *О.С. Дейнека* — действительный член Международной ассоциации исследований по экономической психологии (IAREP), действительный член Европейского конгресса психологии, действительный член Интернациональной ассоциация прикладной психологии (IAAP).

На кафедре политической психологии Санкт-Петербургского государственного университета ведется подготовка политических психологов, анализируется историческая и текущая политическая ситуация в России и в мире. Сотрудники кафедры дают консультации, осуществляют экспертизы политических проектов, разрабатывают концепции, документы, участвуют в подготовке новых политических лидеров страны. В 2007 году Министерством образования РФ принято решение о признании научно – педагогической школы политической психологии в СПбГУ. Была открыта докторантура по новой специальности научных работников 19.00.12 — Политическая психология (психологические науки).

Основные направление научных исследований, проводимых в рамках научно-педагогической школы политической психологии: изучение психологических проблем политической жизни общества, изучение теории и методологии политического поведения, закономерностей связи политических явлений и психологических феноменов, психологии политического сознания, принятия политических решений, личности в политике, психологии политических ценностей и политического целеобразования, психологии политического общества, психологической типологии политических партий и общественных организаций, психологии политических коммуникаций, психологии общественного мнения, политической культуры, этики политической деятельности, психологии глобализации, психологии терроризма, психологии человеческого капитала.

Таким образом, на современном этапе *политическая психология представлена как самостоятельная наука.*

Павлов В.Н., к.п.н., доцент. Политические ориентации: экономико-психологический аспект.

Политические ориентации ранее рассматривались в основном как социологические и политологические детерминанты осуществления политического выбора без учета их психологической, в том числе, экономико-психологической составляющей. Также слабо рассматривалась их связь с другими психологическими феноменами, определяющими поведение человека в политической и экономической сферах.

В результате само определение политических ориентаций представляет известную проблему для исследователей. При большом количестве терминов, используемых в психологических научных работах, трудно провести четкое различие между ними, тем более, что существуют неоднозначные взгляды на эту проблему, и исследователи зачастую вкладывают разное содержание в одни и те же термины.

Современная психология определяет политические ориентации как представления людей о соответствующих их потребностям целях политической деятельности и приемлемых средствах достижения этих целей (Г.Г. Дилигенский, 1996).

Цели политической деятельности не могут не касаться экономических аспектов взаимоотношений личности и общества, гражданина и государства, работника и

работодателя. Вышеуказанные взаимоотношения регулируются прежде всего посредством политической деятельности. В структуру политических ориентаций обязательно входят представления об экономических целях и средствах их достижения, которыми руководствуется или пользуется государство.

Однако нельзя забывать об основных источниках любой, в том числе, и политической активности человека, — о потребностях. А.И. Юрьев (1992) отмечает, что именно потребность в ориентации стоит за политической деятельностью, определяя ее жизненно важный для субъекта и его нормального функционирования (прежде всего в плане выстраивания нормальных социальных отношений и связей) характер.

Таким образом, экономические компоненты политических ориентаций мы можем рассматривать со следующей точки зрения: их существование позволяет человеку соотнести себя с другими индивидами и группами, знать в каком направлении проявлять активность, какими методами изменять положение в экономическом пространстве. Одним из основных экономических компонентов политической ориентации является представление об оптимальных формах собственности, которое формируется на биполярной оси: частная собственность — государственная собственность. Как показывают исследования, люди, в целом отрицательно относящиеся к частной собственности, имеют устойчивые негативные социальные установки по отношению к реформам и рыночной экономике.

Проведенное нами кросс-культурное исследование показало, что существуют статистически значимые различия между российскими и шведскими гражданами по вопросу о приемлемой доли частной собственности в экономике государства. Россияне значительно чаще демонстрируют политическую ориентацию, согласно которой частная собственность не должна распространяться на средства производства и на землю, а в экономике должны преобладать предприятия государственной формы собственности. Так, например, 43% опрошенных (n=317, выборка соответствует требованиям репрезентативности по полу, возрасту, образованию, профессиональному статусу) согласились бы с передачей всех крупных предприятий в государственную собственность. Среди граждан Швеции согласны с этим только 6%.

Результат данного исследования может быть объяснен наличием у значительной части российского населения социального стереотипа в виде негативного отношения к частной собственности, который был сформирован в советское, дореформенное время. Не случайно, негативно-презрительный термин «частник» нередко употреблялся гражданами по отношению к владельцам легкового транспорта, хотя большинство автовладельцев честно заработали на свой автомобиль, тратили на него сделанные за долгие годы сбережения.

Общественное мнение в России долгое время формировалось под воздействием идеологических штампов о вреде частной собственности для экономики государства. Официальная пропаганда прежних лет выставляла частную собственность как серьезный дестабилизирующий экономический фактор, ведущий, например, к кризисам перепроизводства. В противовес приводился пример государственной социалистической собственности и обосновывались преимущества плановой экономики. Данный стереотип обладает значительной стойкостью и, как показали исследования, он наиболее часто проявляется у людей, чье экономическое благосостояние за годы реформ значительно ухудшилось.

В ходе исследования выявлены корреляционные связи между пунктами авторского опросника, определяющего различные элементы и уровни политических ориентаций. Одной из наиболее весомых корреляций (на уровне значимости $p=0,001$) явилась положительная корреляция между ориентацией на полностью государственную экономику и представлением о полном, бесплатном медицинском обслуживании. Это может объясняться элементами «социалистического» мировоззрения, тесно переплетенными в сознании некоторой части населения.

Интересной выглядит другая корреляционная связь (тоже на уровне значимости $p=0,001$). Те, кто считает, что законы в государстве должны предусматривать защиту частной собственности граждан, согласны и с положением о том, что государство должно сразу же индексировать зарплаты и пенсии, если повысились цены. В этом случае мы имеем дело с феноменом собственника, стойким нежеланием людей терять что-то свое, кровно заработанное. Причем оказывается неважно, собственность ли это, либо денежный доход. В данной политической ориентации на государство возлагается ответственность за сохранение и того и другого, как в случае насильственного лишения собственности, так и в случае инфляции.

Особо примечательны расхождения в ориентациях между российскими и шведскими гражданами. Получены значимые различия в ответах российской и шведской выборок по 12 пунктам опросника из 52. Российские граждане в большей степени, чем шведские, склонны соглашаться с тем, что государство обязано сразу же индексировать зарплаты и пенсии после повышения цен. Это свидетельствует о том, что в российском менталитете не укрепилась ориентация на модели рыночной экономики. Повышение цен связывается у большей части населения со стремлением государства или продавца «залезть в карман» рядового покупателя. Не принимаются во внимание рыночные механизмы образования цены на тот или иной продукт, такие как спрос, уровень производства, экономические ожидания и т. д. Государство долгое время в приказном порядке «назначало» цены. Тем сильнее был шок рядовых потребителей, когда буквально за один день были «отпущены» цены на все товары, продукты и услуги. Последствия этого шага крайне негативно отозвались на рядовых, законопослушных гражданах, хранивших деньги не в иностранной валюте (что тогда было запрещено законодательно), а в Сбербанке. Многолетние сбережения миллионов людей обесценились буквально за один день. Эти, не такие отдаленные во времени события, стали тяжелым экономическим и, естественно, психологическим ударом для многих россиян.

Крайне негативные воспоминания о той травмирующей ситуации и в какой-то мере ее повторение 17 августа 1998 года привели к тому, что граждане нашей страны хотели бы навсегда застраховаться от повторения подобных событий. Это желание и проявилось при ответе на этот пункт опросника. В экономически благополучной по всем общепринятым стандартам Швеции таких событий, как взлет цен в десятки раз за считанные дни, на памяти ныне живущих поколений просто не было.

В научной литературе (Василик, Козырева, 1997) приводятся данные, указывающие на то, что негативное отношение, например, к частной собственности на землю существовало и до октябрьской революции 1917 года. Они объясняют это влиянием общинной психологии, которая всегда была сильна в России и определялась общинным образом жизни. Так, на Всероссийском съезде крестьян весной 1917 года проект партии кадетов о передаче земли в частную собственность был отвергнут делегатами. А проект общегосударственной собственности на землю получил в поддержку 80% голосов.

Исследования ведущих отечественных экономических психологов (О.С. Дейнека, 1999) выявили значимые корреляции между некоторыми личностными качествами и адаптацией к рынку. В результате ряда исследований выявлены значимые положительные корреляционные связи между таким качеством личности как интернальность и отношением к рыночной экономике. Понятие рыночной экономики в теории и практике неотделимо от понятия частной собственности, которая, собственно, и обуславливает возможность функционирования рынка. Коллективистская тенденция в личности, сформированная у значительной части россиян в процессе массовой социализации в период функционирования социалистической экономики, способствует формированию негативного отношения к рынку, отрицания его как прогрессивного способа организации товарно-денежных отношений.

Практика показывает, что резкая смена политических ориентаций происходит довольно редко, и людям свойственно опираться на устоявшиеся поведенческие и

ментальные стереотипы и привычные схемы. Один из классиков отечественной психологии В.М. Бехтерев еще в начале нашего века исследуя коллективное бессознательное поведение, коллективные рефлексy, сделал вывод о том, что общественное сознание определяется не только тем, как людей воспитывают, но и процессами, которые идут столетиями, входят в менталитет. Прежние стереотипы, по мнению В.М. Бехтерева, могут даже усиливаться при определенных обстоятельствах. Он также считал, что экономическая зависимость одних народов от других, мировой товарообмен, международная промышленность содействовали развитию интернационализма и космополитизма. В данном тезисе В.М. Бехтерев постулировал зависимость национально — государственных компонентов политических ориентаций от типа экономических отношений.

Ряд зарубежных авторов исследовал связь между рыночной и демократической ориентациями. Так, R.M. Duch (1997) сформулировал гипотезу о том, что ориентация на рыночную экономику зависит от степени поддержки, принятия демократических норм. Однако исследования по этому вопросу выявили неоднозначную картину. J.L. Gibson. (1997) исследуя российскую выборку, обнаружил тенденцию взаимосвязи поддержки демократических институтов и позитивной установки на рыночную экономику. Однако эта корреляция относительно невысокая. Только 17,2% опрошенных считают себя строгими приверженцами рыночной экономики и одновременно демократических институтов и процессов. Из числа тех, кто ориентирован на демократические идеалы, в то же время 15,3% являются противниками рыночной экономики. Анализируя результаты, автор делает вывод, что и рыночная, и демократическая ориентации в большей степени определяются образованием, возрастом и удовлетворенностью своим экономическим положением, т. е. демократическая и рыночная ориентации не совпадают.

Другим экономическим структурным компонентом — осью политических ориентаций — является ориентация на определенный тип социальной защиты, при котором государство оказывает значительную или незначительную поддержку определенным слоям населения. Эта ориентация в экономико-психологической и политологической литературе обычно связывается с понятием социального государства. Общим для подходов, рассматривающих понятие социального государства, является сведение его сущностных характеристик к способности властных институтов на практике обеспечивать социальную защиту граждан, сглаживать социальные контрасты в обществе, создавать людям достойные условия существования, посредством справедливого перераспределения валового внутреннего продукта и проведения сильной социальной политики. Обычно выделяют следующие индикаторы социального государства:

- 1) масштабность защиты от стихийных рыночных сил и недостаточного (низкого) уровня доходов населения;
- 2) масштабность социальных прав и социальной поддержки наиболее уязвимых и бедных социальных групп населения;
- 3) удельный вес частных (негосударственных) ассигнований (расходов), направленных на страхование, пенсионное обеспечение, медицинскую страховку и иные социальные нужды населения;
- 4) масштабы индивидуального или коллективного финансирования социальных программ или нужд, включая индивидуальные и коллективные вклады людей в социальном государстве;
- 5) масштабы, в которых система социального обеспечения дифференцирована и организована по различным профессиональным группам и группам социального риска, включая социальные риски, связанные с безработицей, старостью, болезнями и др.;
- 6) емкость фондов перераспределения социальной политики, складывающихся из налоговых поступлений и поступлений в фонды социального страхования от предпринимателей и предприятий;
- 7) масштабы гарантий и обеспечения полной занятости населения.

Описанные индикаторы наиболее часто используются в научных исследованиях, посвященных проблематике определения оптимальной степени социальной защиты населения. Шведская модель экономики в российских печатных изданиях часто упоминается в качестве идеальной с точки зрения такого показателя, как социальная защищенность населения. Причем защита распространяется на все категории граждан, а не только на отдельные немногочисленные прослойки, как у нас (например, на высокопоставленных чиновников или депутатов Федерального собрания). Шведскую модель экономики часто даже называли социалистической, хотя от трактовки термина «социализм» в ней присутствует только высокая защищенность населения, деньги на которую собираются в основном за счет высокого уровня налогов. Именно на такую экономическую модель ориентирована значительная часть наших граждан, утративших возможность поддерживать свое существование на сколько-нибудь приемлемом жизненном уровне.

В описываемом нами исследовании россияне чаще (43% опрошенных), чем шведские граждане (12%) выражали согласие с утверждением, что государство должно компенсировать все убытки вкладчикам обанкротившихся частных компаний. Данную диспропорцию трудно объяснить только разницей в процентном соотношении людей, пострадавших от краха негосударственных компаний в России и Швеции. Основным фактором, определяющим данное расхождение, являются различные представления населения о функциях государства как социальных регуляторах экономической жизни.

Современная экономико-политическая ситуация в России, характеризующаяся неуверенностью в завтрашнем дне в ее психологическом аспекте, заставляет предпринимателей и бизнесменов идти во власть, чтобы обезопасить и сохранить свой бизнес. Суждение о том, что на политическом небосклоне мы видим множество партий, движений, отдельных политиков, обладающих самыми разными экономическими и политическими ориентациями — не более чем миф. Вот почему контент-анализ, изучение программных документов политических объединений в подавляющем большинстве случаев не дает содержательного ответа на вопрос об экономической программе или политической ориентации той или иной партии.

Основным мотивом политического поведения в российской политической жизни является борьба за ресурсы, причем именно экономические ресурсы в подавляющем большинстве случаев играют первостепенную роль. Эта борьба может иметь разную стратегию в зависимости от того, на что ставится акцент — на сохранение своего статуса-кво (контроля за уже захваченными ресурсами), или на экспансию (захват чужих ресурсов). Первая стратегия характерна в большей степени для «партии власти», вторая — для оппозиционных партий, т. е. тех, члены которых не имеют (либо имеют очень ограниченный) контроль за ресурсами.

Политический лидер может скрывать или не формулировать свою истинную ориентацию и опосредованную данной ориентацией экономическую программу, если он уверен, что это поможет ему в достижении его целей, удовлетворении потребностей. Он может руководствоваться в публичных выступлениях советами своих помощников, которые могут рекомендовать ему произвести впечатление политика, обладающего ориентациями, совпадающими (или сходными) с ориентациями той аудитории, перед которой он выступает и за голоса которой борется. Подобные манипуляции не должны вводить исследователя политических текстов и поведения в заблуждение. Изучение экономических и политических ориентаций субъектов политики (политиков) является чрезвычайно сложной проблемой из-за большой вероятности ошибки и практически полной недоступности достоверной информации. Рядовые граждане не имеют мотивации к манипуляции в такой значительной степени, поэтому именно они и являются носителями экономических и политических ориентаций, поддающихся научному изучению и корректному измерению.

Карнышев А.Д., д.пс.н, проф. Стратегическая психология и этнополитический вектор формирования межкультурной компетентности (на примере Сибири)

Одним из известных для страны дел кафедры политической психологии СПбГУ уверенно можно назвать распространение и развитие идей стратегической психологии. Шесть тезисов профессора А.И. Юрьева по концепции стратегической психологии в свое время четко очертили те слабости социально-экономического и политического характера, которые были свойственны отечественной психологии. Одновременно были убедительно показаны сущность и цели принципиально новой отрасли психологического знания: «стратегическая психология изучает Будущее человека, точнее «дальний внешний круг его проблем»... Осознание изменений, а еще важнее, их предвосхищение, антиципация – сегодня такой же залог выживания для человека, народа, государства, как недавно – сохранение вековых традиций».

Полностью соглашаясь с перспективной частью стратегической психологии, хотелось бы расширить понимание значения для нее ретроспективной части. Вектор, направленный в будущее должен иметь своим «исходом» достаточно непротиворечивое и естественное прошлое. Если взглянуть на государства, которые весьма быстрыми темпами идут в Будущее (Япония, Китай), то в их перспективах ясно высвечены тысячелетние традиции. Конфуций двадцать пять веков назад говорил, что его учение о «благородном государственном муже» навеяно заветами древних мудрецов, и только сегодня кое-кто по настоящему понимает, насколько уникальна и перспективна эта нравственная «архаика»

Одним из существенных вопросов развития человека Будущего является формирование его межкультурной компетентности (МК) как способности понимать и принимать «других», строить с ними эффективные контакты. И истоки МК для россиян, на наш взгляд, надо искать в политике и традициях прошлого. Попробуем кратко показать это на примере взаимодействия народов Байкальского региона.

В некоторых исторических и социально – философских «опусах» царскую и советскую Сибирь порой называют «тюрьмой народов», хотя в действительности все чаще всего происходило с точностью до наоборот. Уже первые стычки аборигенов с русскими первопроходцами и конфликты в районах поселений заставили обратить внимание на эти проблемы российских царедворцев. В декабре 1695г. вышел царский указ «О нечинении казней и пыток Сибирским ясачным инородцам ни по каким делам без доклада государю: об охранении их от обид, налогов и притеснений; о посылке приказчиков для ясамого сбора людей добрых по выбору градскому и о наблюдении, чтобы они ясачных людей не грабили, запрещенными товарами не торговали, и вина не курили и не продавали» Соответственно, данная практика воодушевила «инородцев». Вот как, к примеру, описывает реакцию на притеснение аборигенов один из бурятских летописцев: «Когда они обратились с прошением к его величеству государю императору Петру Первому, он оказал великую милость и дал 22 марта 1703 года грамоту-указ. Он строго запретил вышеуказанные дурные насильственные действия русских и приказал, чтобы хоринские буряты владели находившимися во владении землями по рекам Селенга, Уда, Ала, Кудун, Тунгуй, Курба и Хилок и, кроме того, до границ Монголии... После того хоринские буряты стали жить в мире и радости охотой на дичь, разведением скота и т.д. они разбогатели и стали богаты потомством...»

Наличие конфликтов между аборигенами и начинающим укореняться на сибирских территориях русским населением из-за экономических, а подчас и сугубо культурно – языковых причин стимулировало российские властные структуры к более детальному ознакомлению с коренными народами, которые по желанию (или в то время без оногo) входили в состав России. Когда в первой трети 18 века в Сибирь и на Камчатку были организованы научные экспедиции, то вопросы изучения аборигенных народов считались у них весьма значимыми. Для примера приведем предписания из инструкции, данной

Академией наук России Г.Ф.Миллеру при отправлении в Сибирское путешествие (2-я Камчатская экспедиция под руководством Витуса Беринга, начавшаяся в 1733 г.).

1. «Для приращения исторического познания о тех самых народах, через которых предводитель сего путешествия Берингий в своем Камчатском походе проходить будет, наипаче наблюдать надобно, где будут пределы каждого народа, какие границы и не разных ли происхождений и разных родов народы между собою смешаны, или нет.

2. Какие суть начала каждого народа по их же повествованию, какие суть каждого народа древние жилища, переселения, дела и проч.

3. Какая есть в каждом народе вера и имеют ли они какую-нибудь естественную, и какое понятие имеют о боге и о вещах, до спасения принадлежащих, и какие наблюдают обряды при своем богослужении.

4. Должно примечать обычаи и обряды народные, домашние и брачные и проч.

5. Надобно наблюдать и коммерцию, произведения земли, народные искусства, войско, политическое правление каждого народа.

6. Об языке каждого народа надобно сделать несколько примеров, например: переводы господней молитвы, числа, существительные, употребительнейшие имена...

7. Каждого народа и племени несколько человек обоого пола, которых свойства сего народа на глазах и на стане тела видны, вместе с употребительнейшею их одеждою тщательно списаны, также и несколько образцов одежды всякого рода в Санкт-Петербург привезены быть должны.

Читая лишь некоторые из 11 пунктов приведенной памятки и аналогичные наставления местным российским властям, обязательно задумываешься о следующем: имели ли такого рода предписания колонизаторы и первопроходцы из образованных европейских стран, направляющихся в 17-18 веках в Америку, Индию, Юго-Восточную Азию, а тем более захватывая чернокожих рабов по всей Африке?

Приводя примеры религиозного влияния на аборигенов, полезно вспоминать не только их христианизацию, но и указ дочери Петра императрицы Елизаветы, на основе которого в 18-м веке в забайкальские места прибыли 150 буддийских лам из Монголии и Тибета. Именно этот шаг стал официальным началом деятельности буддийской религии в России, центр которой находится под Улан-Удэ и сегодня (Кстати, визит Президента Д.А. Медведева в данный центр позволил говорить о перспективах развития буддизма в нашей стране).

Политику Петра и других царедворцев в отношении аборигенов продолжила Екатерина II. В 1763 году был издан манифест относительно *переписи инородцев в Сибири*, в котором Екатерина Великая объявляла: «Монаршим нашим словом обнадеживаем, что не только все подвластные подданные наши ясачные, равным образом и впредь в империю нашу и в подданство приходящие, содержаны будут в желаемом спокойствии, почему Мы всем нашим верноподданным повелеваем с этими ясачными обходиться ласково, показывая им всякое доброхотство и не чиня им не только каких-либо притеснений, обид, грабительств, но ниже малейших убытков; если же кто за этим Нашим Монаршим повелением дерзнет чинить ясачным народам нашим грабительства и разорения... то повелеваем наистрожайше следовать и с виновными поступать по законам, а обидимых по справедливости защищать без промедления малейшего времени...»

19 век добавил в политику межэтнического взаимодействия с аборигенами новые элементы правового и так сказать,

1.2. ЧЕЛОВЕК В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Решетников М.М., д.пс.н., к.мед.н., проф. Какой кризис мы переживаем? Прогнозирование состояния, поведения и деятельности людей в экстремальных и кризисных ситуациях.

I

В публикуемом материале будут представлены общие закономерности психических и поведенческих реакций людей, развивающихся в условиях острых экстремальных и кризисных ситуаций (с угрозой для жизни, утраты здоровья, материального и социального статуса). Во второй части публикации будет предпринята попытка экстраполяции этих закономерностей на современную социально-экономическую ситуацию, законы и механизмы развития которой, как предполагается, должны быть во многом аналогичными.

В основу предлагаемой гипотезы и прогноза легли многолетние исследования психических и поведенческих реакций больших масс людей в процессе стихийных бедствий, войн, экологических и техногенных катастроф (3–15), а также обобщения других авторов (1, 2, 16–22), посвященные массовой психической травме и кризисным реакциям в социуме.

Характерной особенностью наблюдаемых психических и поведенческих реакций во всех подобных ситуациях является определенная «автономность» их развития и относительно строгая последовательность сменяющих друг друга стадий, реализуемых в своеобразном «навязанном» режиме с достаточно четкими временными рамками и специфическими проявлениями на каждом конкретном этапе. *При этом длительность и специфика первых (острых стадий) в большинстве случаев давала соответствующий прогноз на протяженность и характерные проявления всех последующих.* Эта стадийность, как показывает многолетний опыт исследования массовых психических травм, характерна как для отдельных личностей, так и для больших масс людей, включая тех, кто принимает и реализует общественно значимые решения.

Перечислим эти стадии и дадим их краткую содержательную характеристику.

1. *«Витальные реакции».* При внезапной и мощной психической травме протяженность этой стадии составляет от нескольких секунд до 15 минут. Поведение практически полностью подчинено императиву выживания с характерным сужением сознания, нарушением восприятия времени, силы внешних и внутренних раздражителей. Моральная регуляция в этот период как бы «отключается». Достаточно типична реализация преимущественно инстинктивных форм поведения (ориентированных на спасение в первую очередь самого себя, затем — своей семьи и своего имущества) с последующим переходом в кратковременное состояние оцепенения. Существенно, что выход из этого состояния в ряде случаев связывается с внешним побуждением формальными или неформальными лидерами, роль которых в подобных ситуациях значительно возрастает.

2. Стадия *«Острого эмоционального шока с явлениями сверхмобилизации».* Как правило, она развивается вслед за состоянием оцепенения и длится от 3 до 5 часов. Характеризуется общим психическим напряжением, предельной мобилизацией психических и физиологических резервов организма и личности, обострением восприятия и увеличением скорости мыслительных процессов, проявлениями безрассудной смелости (преимущественно при спасении близких и своей собственности) при одновременном снижении способности к критической оценке ситуации, но сохранении возможности целесообразной деятельности (в ряде случаев — реализуемой хаотически).

3. Затем развивается *«психофизиологическая демобилизация»*, которая, в среднем, продолжается до 3 суток. В этот период обычно приходит более ясное осознание

масштабов той или иной личной или общественной трагедии, которое сочетается с заметным ухудшением психоэмоционального состояния и определенной «аутизацией» («уходом в себя»), преобладанием чувств растерянности и отчаяния, отдельными паническими реакциями (особенно при утратах близких, материального или социального статусов). Резко снижается моральная нормативность поведения, эффективность любой деятельности и мотивация к ней, страдают функции внимания и памяти, преобладают депрессивные тенденции, вплоть до отказа от каких бы то ни было попыток преодоления сложившейся ситуации. Резко возрастает количество ошибочных действий и решений. Возможна ситуационно обусловленная алкоголизация и реализация импульсивных действий преступного характера (в основном — в имущественной и сексуальной сфере). Ярко выражено (в ряде случаев — ничем не обоснованное) чувство вины и потребность его проекции вовне, в первую очередь — переадресация всех обвинений на наличную власть (и персонифицирующих ее лидеров), даже в случаях стихийных бедствий, которых последняя никак не могла предвидеть или предотвратить.

4. *Последующая динамика состояния людей и их способности к рациональной деятельности* определяются как спецификой и длительностью воздействия повреждающих факторов, так и причиненным индивидуальным или общественным ущербом. Вслед за стадией демобилизации (при относительно высокой вариативности сроков — через 3–12 суток) с достаточным постоянством наблюдается развитие «стадии разрешения», в процессе которой постепенно стабилизируется состояние, самочувствие и способность к рациональным решениям и деятельности, как отдельных индивидов, так и социума в целом. Тем не менее, у большинства пострадавших (до 70%) сохраняется пониженный эмоциональный фон, склонность к медлительности, апатии и выраженная потребность вербализации воспоминаний о пережитом (преимущественно - негативного характера с элементами героизации собственной личности или своей референтной группы). Одновременно с этим наблюдается рост психосоматических жалоб, связанных с сердечно-сосудистой и нервной системами, а также желудочно-кишечным трактом. Характерны признаки острого эмоционального «выгорания» и хронического переутомления, даже если для последних нет явных причин.

5. *«Стадия восстановления»* психофизиологических функций, включая активное социальное функционирование, начинается преимущественно с конца второй недели после массовой психической травмы, и наиболее отчетливо проявляется в поведенческих реакциях: интенсифицируется и становится более адекватным межличностное общение, постепенно восстанавливается активная жизненная позиция и формируются предпосылки для новых планов на будущее. В то же время состояние соматической сферы на протяжении многих месяцев может оставаться без существенных позитивных изменений. В последующем у 10–12% пострадавших возможно развитие транзиторных и стойких психопатологических расстройств, которые можно было бы объединить понятием «отставленных реакций», развивающихся примерно через месяц (6-я стадия), и затем переходящих в 7-ю стадию — «отдаленных последствий». В качестве последних заслуживают особого упоминания: групповые и массовые неврозы в форме «вспышек» социальной нестабильности; появление ранее нехарактерных для данной местности, для конкретных категорий населения или социальных групп форм преступности; снижение межнациональной и межконфессиональной толерантности; рост первичной заболеваемости, включая психические расстройства, алкоголизм и наркоманию; падение рождаемости и распад семей. Если массовой психической травме подверглась некая изолированная территориально или та или иная отдельная социальная или национальная группа, описываемые проявления носят преимущественно локальный характер, тем не менее, всегда присутствует некоторая тенденция к генерализации «отдаленных последствий» на «сопредельные социальные пространства». Все эти негативные процессы обычно демонстрируют тенденцию к снижению в течение первых 2–3 лет, а затем вновь начинают нарастать, достигая 150–200% от исходного уровня через 10 лет (21, 22).

II.

Исходя из того, что длительность и специфика первых (острых стадий) в большинстве случаев дает соответствующий прогноз на протяженность и динамику всех последующих, попытаемся экстраполировать установленные ранее закономерности на современный социально-экономический кризис. Примем за исходную точку наших (весьма приблизительных) расчетов период от начала кризиса в августе 2008 до первых реакций ведущих стран мира, направленных на спасение собственных экономик путем массивных финансовых «инъекций» в банковский сектор. Этот период, целью которого было исключительно выживание региональных финансовых систем (то есть, соответствовал периоду «витальных реакций»), составлял от одного до двух месяцев. То, что банки всех стран использовали финансовую поддержку государства не всегда на четко обозначенные цели, в этой ситуации — также, естественно, (витальные реакции не предполагают размышлений о судьбе ближних, морали или нравственности — главное: спасти себя).

Вслед за этим мы явно наблюдали стадию «сверхмобилизации» интеллектуальных и управленческих ресурсов всех ведущих стран мира. Эта стадия, судя по всему (включая итоги форума в Давосе), все еще продолжается, так как никаких сколько-нибудь убедительных и обнадеживающих решений всемирной проблемы пока нет, включая отсутствие каких-либо ясных представлений о причинах и механизмах развития актуального мирового кризиса.

Экстраполируя временные параметры выявленных ранее закономерностей, мы можем предположить, что эта стадия (сверхмобилизации с попытками найти адекватные решения) может продлиться от 12 до 18 месяцев (до 2010 года). Весьма вероятно, что именно такой период потребуется для формирования критической оценки ситуации, при этом, скорее всего, будет осознана потребность отказа от традиционных методов разрешения кризиса и безуспешность попыток возвращения мировой финансовой системы к status quo.

Как бы не хотелось делать прогноз о мало приятной стадии «демобилизация», скорее всего, ее также вряд ли удастся избежать. Можно предполагать распад экономических связей и упадок целых отраслей еще недавно эффективного производства или бизнеса, которые коснутся многих стран. В первую очередь можно было бы предполагать снижение спроса на высоко-затратные и не входящие в перечень жизненно важных товаров и услуг, перепроизводство которых уже давно и всем очевидно. Одновременно с ростом безработицы возможно массовое снижение моральной нормативности населения, рост алкоголизма, преступности и социальной напряженности в обществе. Если не появятся каких-то прорывных идей и решений мирового масштаба, этот период может ориентировочно продлиться до 2012 года.

Последующая социально-экономическая ситуация будет определяться преимущественно степенью причиненного ущерба. Однако к этому периоду существенно повысится способность к реальной оценке ситуации, формированию прорывных идей и рациональных решений, которые, скорее всего, качественно изменят существующий мировой порядок, возможно, включая отказ от «канонических» идей либеральной модели экономики и их последующих модификаций. Вслед за этим начнется стадия восстановления, если исходить из предложенной гипотезы — к 2013 году.

III.

Мы привыкли определять деньги как «всеобщий эквивалент», а в последние десятилетия — еще и как «специфический товар, не подлежащий длительному хранению» (14), и при этом совершенно не учитывается то, что они — отвлеченная категория, такая же, как совесть, нравственность или мораль. Их ценность — имеет исключительно

психологическую природу и существует только в нашем сознании (в природе денег нет)¹. К этому следует добавить, что мы все еще не овладели методами рационального контроля над их использованием и обращением. Составляя часть института свободного рынка, они дают потребителю, казалось бы — самые эффективные, но на самом деле — весьма ограниченные возможности контроля над производством, не говоря уже о распределении прибыли. Порочность этого механизма усиливается в эпоху информационного взрыва путем навязываемого рекламой паранойяльного роста спроса на множество ненужных и многократно превышающих потребности личности и общества товаров и услуг — по сути, не обладающих никакой реальной потребительской стоимостью. Примечательно, что постепенно и сами деньги трансформируются в нечто подобное, приобретая исключительно количественные и утрачивая свои качественные характеристики («всеобщего эквивалента»).

В принципе, нужно быть психологически готовыми к тому, что воспоминания о нынешнем социально-экономическом кризисе, как о чем-то принадлежащем прошлому, будут возможны не ранее 2015 года. Самое главное в этой ситуации — поддержание социальной стабильности в обществе и сохранение доверия к власти, что налагает особые обязательства на все действующие партии и движения, на власть — ответственность за активное предотвращение любых попыток дестабилизации, а на гуманитарное сообщество — за активную социальную терапию. Этот тезис не стоит воспринимать, как призыв «победить кризис введением автократии»; он предполагает, прежде всего, твердую политику государства с опорой на здоровый ресурс общества с постепенным формированием качественно иного уровня общественного доверия и социального партнерства между властью и народом.

Самостоятельной задачей является максимальное раскрепощение частной инициативы и последовательная стимуляция личной ответственности граждан, способных к преодолению затяжного кризисного периода на основе самозанятости в реальном секторе экономики и самообеспечения, в первую очередь, продуктами и товарами первой необходимости. Пока, как представляется, преобладает установка на преемственность и приверженность либеральным ценностям в сочетании со своеобразным консервативным прагматизмом. Причины достаточно очевидны: нет новой идеологии мирового общественного развития и, соответственно, нет идеологии преодоления кризиса, также как и реальной межпартийной и научной дискуссии. Предлагаются многочисленные проекты и предпринимаются попытки сугубо «технических подходов» к проблеме: «Что сломалось и как исправить?» Но главный вопрос состоит в том, что эти «что», «где» и «как» — относятся к тому, чего мы пока не знаем, а именно: не присутствуем ли мы при очередном повороте колеса истории? Мы (россияне) долго привыкали к мысли о безвозвратной гибели коммунизма, но пока даже не допускаем мысли о том, что такая же участь может ожидать и его alter ego. С этой точки зрения, у нас, переживших смерть мифа «о светлом будущем всего человечества», есть некоторое преимущество в оценке наличного состояния «общества потребления и всеобщего благоденствия» (по сути — такого же мифа)².

---

¹ Позволю себе высказать предположение, что существуют особые отношения между такими отвлеченными категориями, как деньги и мораль: чем ниже уровень государственной и общественной морали, тем больше власть денег. Вектор этого процесса достаточно хорошо известен. Однако этот процесс имеет определенные ограничения.

² Мы слишком долго были в плену иллюзии, что «рынок сам все отрегулирует», но первые сомнения уже налицо: лидеры «большой двадцатки» торжественно подписались в Лондоне под декларацией о том, что спасти мировую экономику будут именно методами государственного регулирования. В этом плане у России есть явное преимущество — мы еще не забыли, как это делается. Это, безусловно, не предполагает отмену рынка, но требует его качественного переосмысления.

По каноническому определению, реальный сектор экономики связывается с 3-я факторами: материальным производством, получением прибыли и наполнением бюджета. В условиях затяжного кризиса, вероятно, можно было бы сузить это понятие до «материального производства товаров и услуг, необходимых для обеспечения жизнедеятельности населения», включая образование, науку, культуру и здравоохранение. В этот список, безусловно, должна быть включена оборона, ибо, как свидетельствует история, экономические противоречия во многих случаях перерастают в военные конфликты.

Для всех остальных сфер экономики, даже, несмотря на их важность для наполнения бюджета, таких как сфера развлечений, предметы роскоши, социально-пагубные товары и услуги (алкоголь, табак, казино и т. д.), а также для рекламы, и особенно — рекламы расточительного стиля жизни, следовало бы создать существенные ограничения (не столько законодательные, сколько моральные, с опорой, как уже отмечалось — на здоровый потенциал общества). Несмотря на предололимпийские годы, здесь можно было бы упомянуть и спорт, который уже давно является высоко-затратным коммерческим предприятием, где соревнуются не столько люди, сколько технологии, и все это имеет весьма сомнительное отношение к проблеме сохранения и укрепления здоровья нации. В тоже время требуется особое внимание к социально-психологическим факторам, в первую очередь, пропаганде собственной ответственности (за себя и свою семью) и упорного личного труда граждан, как единственного способа достижения материального и социального благополучия. Многократно декларируемая стабильность социальной поддержки государства, которую Председатель Правительства РФ 26 февраля 2009 назвал «социальным демпингом», вряд ли обладает стимулирующим и мобилизующим эффектом, скорее, — наоборот.

В последние месяцы стал очень модным тезис о санации экономики, в первую очередь убыточных предприятий. Эта, казалось бы, здравая мысль при более пристальном взгляде может оцениваться как адекватная лишь для периода стабильности, как в социуме, так и на рынке труда. Санация, безусловно, нужна, но не столько в экономике, сколько в сфере общественной морали и нравственности на всех уровнях. И в этих обеих сферах требуются прорывные решения. Хотелось бы надеяться, что они возможны. В частности, в то время, когда во всем мире идет сокращение рабочих мест, должно существовать решение, обеспечивающее их увеличение, в том числе не только для граждан страны, но и для уже имеющих и потенциальных мигрантов. Такое решение было бы стратегически чрезвычайно важным, особенно для пост-кризисного этапа развития страны.

В целом, нынешний кризис весьма условно можно именовать «экономическим». Он не связан с неурожаем, перепроизводством, истощением энергоносителей, человеческих, водных или иных ресурсов, включая золотовалютные резервы. Как представляется, его причины непосредственно связаны с кризисом тех гуманитарных концепций, которые лежали в основе формирования современного общества.

В заключение следует подчеркнуть, что здесь излагается только психологический прогноз, который весьма «уязвим» и не может рассматриваться вне связи со всеми другими факторами: экономическими, политическими, социальными, идеологическими, экологическими и т. д. Тем не менее, необходимо особо отметить, что кризис переживает не экономика, а люди и, следовательно, программа антикризисных мер должна, в первую очередь, апеллировать к сознанию людей, к наполнению их жизни содержанием и смыслом. Зачем и ради чего им следует не «потерпеть» еще раз, а преодолеть эту историческую (для нас всех) и жизненную (для каждого) ситуацию. Нет сомнений, что кризис будет преодолен, но уже сейчас нужно думать о том — какими мы выйдем из него?

Литература

1. Боулби Дж. Создание и разрушение эмоциональных связей. — М.: Академический проект, 2004. — 232 с.
2. Калшед Д. Внутренний мир травмы. — М.: Академический проект, 2001. — 368 с.
3. Решетников М.М., Баранов Ю.А., Мухин А.П., Чермянин С.В. Психофизиологические аспекты состояния, поведения и деятельности пострадавших в очаге стихийного бедствия (Спитакское землетрясение) // Психологический журнал АН СССР. 1989. Т. 10. № 4. — С. 125–129.
4. Решетников М.М. Психологические основы прогнозирования эффективности боевой деятельности личного состава // Рукопись диссертации на соискание ученой степени доктора психологических наук. — Ленинград: Военно-Медицинская Академия, 1989. — М.: Инв. № 766-сс Института Психологии РАН (Рассекречено в 2008).
5. Решетников М.М., Баранов Ю.А., Мухин А.П., Чермянин С.В. Уфимская катастрофа: особенности состояния, поведения и деятельности людей // Психологический журнал АН СССР. 1990. Т. 11. № 1. — С. 95–101.
6. Решетников М.М., Баранов Ю.А., Мухин А.П., Чермянин С.В. Психофизиологические аспекты состояния, поведения и деятельности людей в очагах стихийных бедствий и катастроф // Военно-медицинский журнал МО СССР. 1991. № 9. — С. 11–16.
7. Решетников М.М. Как построить индивидуальную программу антикризисного поведения // СПб.: Психологический журнал. 1998. № 10 (37) — С. 12–15.
8. Решетников М.М. Психологические аспекты локальных войн // Россия и Кавказ — сквозь два столетия. — СПб.: Звезда, 2001. — С. 269–277.
9. Решетников М.М. Глобализация — самый общий взгляд // СПб.: Телескоп, 2002. № 1. — С. 3–9.
10. Решетников М.М. Бедность в современной России: анализ проблемы. — М.: Научно-экспертный совет при Председателе Совета Федерации РФ Федерального Собрания РФ, 2003. — С. 131–142.
11. Решетников М.М. Современная демократия: тенденции, противоречия, исторические иллюзии // Психология власти: Материалы международной конференции «Психология власти» под ред. А.И. Юрьева. — СПб.: СПбГУ, 2004. — С. 68–76.
12. Решетников М.М. Психическая травма. — СПб.: Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 2006. — 322 с.
13. Решетников М.М. Психическое расстройство. — СПб.: Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 2008. — 288 с.
14. Решетников М.М. Психология коррупции. — СПб.: Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 2008. — 128 с.
- 15/ Решетников М.М. Неочевидный образ будущего // М.: Стратегия России, № 4 (52) — 2008. — С. 61–70.
16. Фрейд З. Своевременные мысли о войне и смерти // Russian Imago-2001. Исследования по психоанализу культуры. — СПб.: Алетея, 2002. — С. 30–48.
17. Ясперс К. Смысл и назначение истории. — М.: Республика, 1994. — 527 с.
18. Freidman M. Post Traumatic Stress Disorders. The Latest Assessment and Treatment Strategies. — Kansas City: Compact Clinical, 2000. — 108 p.
19. Horowitz M.J. Stress Response Syndromes: Character Style and Dynamic Psychotherapy // Archives of General Psychiatry. 1974. № 31. P. 768–781.
20. Miller T., Martin W., Spiro K. Traumatic Stress disorder // Comprehensive Psychiatry. 1989. Vol. 30. P. 139–148.
21. Najarian L.M. Establishing Mental Health Services in former Soviet Union: the American experience after the earth- quake // Bridging Eastern and Western Psychiatry: 2004. Vol. II. N 1. P. 37–45.

22. Volcan V. Traumatized Societies // Violence or Dialogue? Psychoanalytic Insight on Terror and Terrorism. — London: International Psychoanalytic Association, 2003. — P. 217–247.

Ракитянский Н.М., д.пс.н., проф. Опыт сопоставления менталитета и веры человека в политической психологии*

В последние годы в политической, социальной и научной публицистике появилось слово, ставшее необычайно частым. Слово это — менталитет. Понятие менталитета вряд ли сделалось бы таким популярным, если бы не сопровождалось прилагательными «национальный» и «русский». Именно в таких сочетаниях оно повсеместно используется не только в научных или политических дискуссиях, но и в живой повседневной речи.

Понятие менталитета одно из самых древних. В VII в. до н. э. слово «mens» появляется и затем получает смысловое развитие в санскрите. Оно прошло практически через всю историю человеческой цивилизации — Античность, Возрождение и Новое время. Но только около века назад феномен и понятие *mentalité* народа стали активно изучать и использовать в Европе, в первую очередь, во Франции. Примерно со второй половины XX века в мировой науке формируется устойчивая тенденция изучения национально-психологических особенностей народов посредством понятия «менталитет».

Еще в I веке н. э. глубокое знание менталитета тех, к кому он обращался, отразил в своих посланиях Апостол Павел. Уже в те времена отмечалась необходимость не только знания и понимания различий народов, отличий их нравов и верований, но и воздействий на них. Психологический и духовный аспект этих отличий и характеризует феномен менталитета.

Важнейшая функция менталитета проявляется в том, что он исполняет роль системного психологического интегратора нации. Так, по замечанию Ж. Ле Гоффа, менталитет — это то общее, что есть между Св. Людовиком и мужиком на его землях, между Христофором Колумбом и любым его матросом.

Наиболее выразительно особенности народов проявляются, например, в такой крайней форме конкурентной борьбы, как война. Так, в конце 1943 года, когда стало ясно, что вскоре предстоят военные действия на территории фашистской Германии, Верховное командование Красной Армии стало осуществлять подготовку к борьбе с немецкими партизанами. Советским генералам, русским людям, родившимся еще в дореволюционной России, трудно было представить, что таковых на территории рейха не будет. Немецкий порядок не предполагал подобные формы народного сопротивления иностранным войскам.

Особенности менталитета всегда оказывали влияние на выбор исторического пути развития того или иного народа, на основные мировоззренческие концепции и процесс принятия политических решений. Так, в России к середине XIX в. сложились две системы мировоззрений, которые столкнулись между собой в противоборстве — это были учения «западников» и «славянофилов». Западники верили в идеи прогресса, единство человеческой цивилизации и утверждали, что именно Западная Европа идет во главе этой цивилизации. Славянофилы утверждали, что единой общечеловеческой цивилизации не существует, каждый народ живет своей самостоятельной жизнью, в основе которой лежит некая «национальная идея», «народный дух». Для России этими исконными основаниями

Ракитянский Николай Митрофанович — доктор психологических наук, профессор философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

менталитета являлись православная вера и исходящие из нее принципы правды, справедливости, соборности, святости.

Впервые термин «mentality» встречается в 1856 г. в работах американского философа-трансценденталиста Р.У. Эмерсона, в которых он рассматривает центральное, метафизическое значение души как первоисточника ценностей и истин. По другим данным, этот неологизм упоминается еще раньше, в конце XVIII в. в трудах И.Г. Гердера.

Принято считать, что в научный оборот категорию «mentalité» одним из первых ввел французский этнограф и психолог Л. Леви-Брюль в 1910 году [1]. Первопроходцами в исследовании феномена менталитета также были Э. Дюркгейм, Ш. Блондель, А. Валлон и К. Леви-Стросс. Впоследствии глубокий анализ понятия «менталитет» был предпринят представителями исторической школы «Анналов» Л. Февром, М. Блоком, Ф. Броделем, Д. Ле Гоффом, которые пытались найти инвариантные структуры сознания. Менталитет для них — центральный узел, своеобразный стержень или, говоря современным языком, системообразующий фактор исторического процесса. Для понимания феномена важным является указание французскими учеными на неразрывную связь категорий менталитета с неосознаваемыми компонентами сознания: эмоциями, чувствами, интуицией и верой.

Значительный вклад в развитие теории менталитета внес К.Г. Юнг. Он ввел понятия «коллективное бессознательное» и «архетипы», которые, по его мнению, составляют глубокие корни личностной идентичности, носящие экзистенциальный характер и лежащие в основе менталитета. Несколько позже уже наши современники М.М. Бахтин, Л.Н. Гумилев, Ю.М. Лотман, А.Я. Гуревич, А.М. Панченко, А.С. Панарин, А. Кемпинский, В. Франкл и Э. Фромм и многие другие, оставив богатое научное наследие, не обошли своим вниманием проблему менталитета.

В XIX – начале XX вв. отечественные ученые еще не применяли понятие «менталитет», но разрабатывали представление о нем как о матрице духовной жизни русского народа, основные аспекты которой стали предметом научной рефлексии. Так, для раскрытия духовной структуры общества они использовали как синонимы такие категории, как «национальный характер», «национальный темперамент», «национальное сознание», «национальная психология», «душа народа», «национальная душа», «духовный склад», «дух народа». Структура национальной души раскрывается на примере анализа духовного мира русского народа.

В России научная традиция изучения русского национального характера была заложена М.В. Ломоносовым, М.М. Щербатовым, Н.М. Карамзиным, П.Я. Чаадаевым, И.В. Киреевским, Н.И. Костомаровым, С.М. Соловьевым, В.О. Ключевским, П.И. Ковалевским, Н.Я. Данилевским, В.М. Бехтеревым и другими учеными. Относительно самостоятельным направлением в изучении взаимодействия русского менталитета и православия явились работы таких отечественных религиозных философов конца XIX — начала XX вв., как В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, Г.В. Флоровский, Б.П. Вышеславцев, И.А. Ильин, Л.П. Лосский, Г.П. Федотов, Л.П. Карсавин, В.В. Зеньковский и др. Труды этих авторов дают нам пример блестящего метафизического анализа глубин русской души, они одновременно являются источником и фундаментальной основой современных ментальных исследований.

Исследователями, выразителями и в известной мере творцами русского менталитета, своеобразия русского духа и русского человека были великие русские писатели. Они методами художественного творчества отразили ментальные качества своих героев и мир, в котором они живут, через их национальное мироощущение.

В современной отечественной науке первенство в определении категориального статуса менталитета, а также создание стройной теории менталитета принадлежит А.Я. Гуревичу. Он полагал, что менталитет как обобщенный способ восприятия мира — «мировидение», манера чувствовать и думать, характерная для людей определенной эпохи, должен составлять предмет психологического изучения [2].

Анализируя историю генезиса и развития понятия «менталитет», представляется возможным выделить в нем три основных этапа. Первый этап — имплицитный. Он характеризуется тем, что термин «менталитет» как таковой еще не встречается в научных трудах. Исследователи пользуются такими понятиями, как «этническое сознание», «психика народа», «национальный характер», «дух народа» и др. Второй этап уже связан с активным введением понятия в научный оборот и затем его широким распространением в научном сообществе, художественной литературе, публицистике и в живом разговорном языке.

Начало третьего, нынешнего этапа исследований феномена «менталитет» приходится на 90-е гг. XX века и связано с развитием информационной революции в контексте ускоряющегося процесса глобализации. Принципиальное значение последнего этапа состоит в том, что феномен менталитета стал рассматриваться заинтересованными операторами глобальной политики и ТНК не только как объект изучения, но в первую очередь как объект управления и модификации средствами информационно-психологической войны.

С самого момента появления и введения в научный оборот термина «менталитет» существовало множество подходов к содержательному раскрытию данного феномена, и с тех пор в этом смысле мало что изменилось. Это в значительной мере определяется многозначностью в латинском языке слова *mēns, mentis*, которое переводится на русский язык как ум, мышление, рассудок, душа, совесть, мужество, гнев, страсть, намерение, желание и т. д. [3]. Менталитет, являясь междисциплинарным понятием, одной из фундаментальных категорий современной социальной философии, истории, филологии, социологии, экономики, политологии, психологии и других наук, не имел тогда и сейчас не имеет общепринятого и точного определения. Не в каждом словаре мы найдем это слово.

Исследований, посвященных русскому национальному менталитету, необыкновенно много. В основном в них описывается и с разных сторон обсуждается набор примерно одних и тех же черт характера русского человека. Представляется, что такой подход к изучению русского менталитета уже исчерпал себя, утратил перспективу получения качественно нового знания. Отечественные исследователи остро нуждаются в пополнении понятийного инструментария, который выражал бы глубинные корни особенностей образа мышления, чувствования и поведения этносов, отдельных социальных слоев, групп и личности. Их уже не может удовлетворить использование таких традиционных для науки категорий, как сознание, мышление, деятельность, мнение, настроение и т. д. Требуется инструментальная категория, интегрирующая уникальные природные, психологические, социально-политические и духовные качества народа и конкретного человека, и одновременно дифференцирующая, фокусирующая исследовательское внимание на уникальности и неповторимости таких феноменов, как личность, народ и нация.

Необходимость в новом подходе к изучению русского менталитета обуславливается сложной и уникальной политической и социальной ситуацией в стране. Реформы 90-х г. XX в. по радикальному переустройству российской государственности натолкнулись на ряд непреодолимых проблем, которые своими корнями уходят в глубины русского национального менталитета. Реформаторы не учитывали тот факт, что в реальных конкретно-исторических условиях одним из источников социальной динамики выступает национальный менталитет как универсально-системная духовно-нравственная и психологическая основа, определяющая жизнь общества и поведение людей. Не учитывалось и то обстоятельство, что национальный менталитет обладает способностью не только тормозить политические новации, но и легитимизировать радикальные преобразования, давая им нравственную и духовную санкцию.

Социально-экономические реформы в России вплетены в сложный процесс социально-политической деградации мирового сообщества, которое идет к глобальному

кризису. Атмосфера нестабильности в мире и в стране, кризис ценностей, разрушение исконных нравственных основ обуславливает необходимость изучения психологических и духовных инвариантов русского менталитета, оснований устойчивости и выживания русской культуры в новом тысячелетии. Менталитет нации является важнейшим стратегическим ресурсом страны, в условиях стремительно глобализирующегося мира и массивных информационно-психологических воздействий. Он залог ее суверенного и самобытного существования, гравитационное поле политической истории народа.

Изучение основ русского национального менталитета в его целостности и связи с мировыми процессами дает возможность системного проектирования будущего на основе адекватного понимания сущности и своеобразия национальной культуры и общества. Изучение этого феномена кроме теоретического значения имеет и практический смысл для политиков, экономистов, управленцев, дипломатов, педагогов, военных, правоохранительных органов, спецслужб, различных государственных и общественных институтов, наконец, для рядовых граждан России.

Итак, прежние исследовательские парадигмы менталитета уже не могут удовлетворять современным потребностям и отвечать новым политическим и социальным вызовам. В отечественных психологических исследованиях менталитета последних лет авторы, ищущие новые подходы, опираются уже не только на категории психологии, выражающие те или иные стороны сознания — мышление, память, восприятие, представление, установки, эмоции, воля, умонастроение, но и на более широкие категории. Так, у А.И. Юрьева: «Менталитет человека — это содержательная система, состоящая из жестко связанных между собой элементов: смысла жизни, жизненных ценностей, жизненных целей, жизненной силы» [4]. Или: «менталитет — это глубинные, вековые инварианты национального характера, ценности, архетипические представления, идеалы жизни народа» [5].

Таким образом, в настоящее время формируется философско-метафизическая исследовательская установка, под которой понимается антропологически, психологически и религиозно обусловленные мировоззренческие, аксиологические и онтологические основания веры, мышления, чувствования, поведения и деятельности людей, групп и народов. Философски-метафизическая установка если и не всегда опирается на теоцентрический подход, то, во всяком случае, его учитывает как историческую, культурную, нравственную ценность и духовную реальность.

Менталитет имеет целостный, устойчивый, целевой, ориентирующий, интегрирующий, оппозиционный, мобилизующий и инструментальный характер. Его невозможно свести только к рациональным компонентам человеческого сознания, что практически, так или иначе, отмечают все авторы. Менталитет — это глубинный и поэтому трудно осознаваемый источник и результат мысли и чувства, рассудочного знания и безрассудной веры [6]. Стойкие качества менталитета формируются через посредство верований, обычаев, привычек, жизненных порядков, воспринимаемых от старших поколений и от среды. Они усваиваются пассивно, бессознательно, «на веру» [7].

Менталитет, вырастая из веры, проявляется в разуме, чувстве, воле и самых различных бессознательных установках каждого отдельного члена общества на основе общности языка, воспитания. Этого рода общность выражается посредством категории «мы». Субъективная сторона всякой реально существующей общности людей, чем, собственно говоря, и является менталитет, формируется и конституируется путем двуединого или двустороннего психологического явления, которое мы обозначили оппозицией «мы» и «они»: путем отличия от других общностей, коллективов, групп людей вовне и одновременно уподобления в чем-либо людей внутри.

Существует неразрывная диалектическую взаимосвязь между понятиями «менталитет» и «ментальность». По этому поводу в научном сообществе идет многолетняя дискуссия, которой не видно конца. По нашему мнению менталитет соотносится с ментальностью так же, как и способ выражения соотносится с

содержательно-смысловым наполнением. Ментальность как содержание менталитета всегда стремится к реализации, выходу вовне. Она выражается в единстве познавательной, эмоциональной, волевой и духовной деятельности. Таким образом, представляется возможным определить ментальность как направленность или вектор реализации менталитета в различных сферах жизнедеятельности людей: в быту, творчестве, в социуме, в политике, в религии и т. д. Ментальность как содержание менталитета и его направленность обусловлена, прежде всего, тем, как человек или человеческая общность понимают высший смысл и конечную цель жизни, какую предельную ценность в ней видят. В итоге, содержание и направленность менталитета определяет ту цель, к которой стремится субъект, будь то отдельный человек, группа или народ. Этой целью может быть нравственное и духовное самосовершенствование. Или еще выше — святость, спасение души или вечная жизнь в христианском понимании.

На Западе примерно с середины XX века принято говорить о самоактуализации как высшей цели и смысле человеческой жизни. Там сложилось целое направление, т. н. актуализационный подход, отражающий ментальность западного человека. В рамках этого подхода разрабатывались модели личностной самореализации, продуктивной ориентации, функциональной автономии, компенсации, креативности, развития, идентичности, различные варианты совершенствования человека в рамках трансперсональной психологии и гуманистической парадигмы [8, 9, 10], которая, по словам Г. Честертона стала современной Религией Человечества [11]. И хотя при этом достаточно явно звучала критика современного рынка и его материалистических, поверхностных ценностей и в целом западной демократии потребления [12], «поклонники человечества» тщательно изгоняли из своей религии Бога, чтобы сохранить человека.

Скептически относился к идее самоактуализации и В. Франкл. Он считал, что человеческое бытие всегда стремится за пределы самого себя, всегда устремляется к смыслу. Тем самым главным для человеческого бытия является не наслаждение или власть и не самоактуализация, а скорее осуществление смысла. Здесь он «заодно с Альбертом Эйнштейном, для которого задаваться вопросом о смысле жизни – значит быть религиозным» [13]. Таким образом, традиционный позитивистский подход к изучению менталитета практически исчерпал себя. Этот подход отражает антропоцентрическую, секулярную* ориентацию, опирающуюся исключительно на материалистическую реальность и идею прогресса, которая на рубеже тысячелетий выродилась в идею потребления. С одной стороны, он отражает особенности западного менталитета, с другой — формирует его.

Феномен веры как априорная форма познания и понимания материальной и метафизической реальности всегда был и будет одной из самых глубоких основ менталитета. Для русского менталитета это, возможно, характерно в большей степени. Вера проявляется в базовых структурно-инвариантных ценностях нашей национальной истории и культуры как преемницы русской и советской культур. Этими ценностями являются: правда, как синтез истины и справедливости, соборность как гармония свободы и единства, спасение как примирение обособленности и всемирности.

Феномен веры, в отличие феномена менталитета, мало изучен психологами, как не изучена и связь между ними. Примерно три последних столетия психология оперировала понятиями «рефлексов», «восприятий», «отражений», «ассоциаций» и множеством других «объясняющих» терминов. Открывая и затем, долгое время, используя эти необходимые, но все же частные инструменты научного познания, психологи стремились возложить на них функции «механизмов» психики. Острое желание различных операторов власти управлять людьми лежало в основе т. н. научного взгляда на психику. Ее представляли как

---

* Секулярный (от лат. *saecularis* — мирской, светский). Понятие начало распространяться в Европе в период Реформации. В настоящее время секуляризация рассматривается как глобальный процесс отказа от религиозной веры, замены ее ценностями нерелигиозного, мирского характера.

совокупность состояний, свойств, процессов, рефлексов, функций, механизмов и т.п. Однако, обращаясь к реальной логике детерминации психики и практически участвуя в формировании личности человека, психология вынуждена открывать для себя до сих пор неизведанную, невидимую и нелокализованную реальность [14]. Она обуславливает не только организацию жизненных процессов и психических структур, но и влияет на формирование менталитета народов и наций, на функционирование власти, на политическое устройство государств, их существование и саморазрушение. Именно эта непознанная реальность является судьбоопределяющим фактором и в жизни каждого конкретного человека. Одной из таких фундаментальных жизненных реальностей является феномен веры.

Вера и ее содержание составляет первичную систему знаний, основу ментальной матрицы. Психология веры — позвоночник всей структуры психики не только отдельного человека, но и целого народа [15]. «Только немногие существа, — считает В.А. Кутырев, — являются субъектами своих мыслей. Большинство повторяет чужие. Иметь по всем вопросам свое мнение — задача непосильная. Приходится верить...» [16].

В начале XX в. М. Вебер (1864–1920) был одним из первых в научном сообществе, кто высказал мнение о том, что целостность и силу менталитету придает его базовая конструкция — вера. В частности, он пишет о том, что религиозные идеи решающим образом формировали «национальный характер» [17]. Исследователь психологии народов и масс Г. Лебон (1841–1931) считал, что «из всех сил, которыми располагает человечество, сила веры всегда была самой могущественной, и не напрасно в Евангелии говорится, что вера может сдвинуть горы. Дать человеку веру — это удесятить его силы. Великие исторические события произведены были безвестными верующими, вся сила которых заключалась в их вере» [18].

А.И. Юрьев утверждает, что верить во все сразу или хотя бы во что-либо отдельное — обязательное и неперемное условие жизнеспособности любого человека и любого народа [15]. В течение веков и тысячелетий таким условием была вера в Бога и только потом, по мере секуляризации общества, люди стали верить «во что-то другое... Во что же? В нечто такое, — пишет И.А. Ильин, — что они принимают за главное и существенное в жизни; что *для них* и есть *самое важное*, чем они дорожат и чему служат; что составляет предмет их *желаний и стремлений*. Такое отношение и есть отношение веры; и кто имеет такой предмет, тот верит в него» [19].

Человек нуждается в вере, в выходе за границы обыденно необходимого, за пределы практического интереса. Как мыслящее существо он трансцендентен, и значит, он верой стремится к идеалу, к истине, к тому, чтобы соединиться с причиной всего сущего, т.е. с Богом, и это стремление неистребимо. Вера связана с готовностью человека к действию, а также с выбором, который по своей природе не всегда недоступен интеллекту. Кроме того, вера любого человека всегда экстерииоризирована*. По мнению М.А. Коноваловой, вера определяет нашу жизнь многократно сильнее, чем социальные роли, права и обязанности, следующие из социального положения человека. Вера проявляется в форме самоуправления, которое часто относят к свойствам характера. В случае отсутствия веры нет способности к самоуправлению и, тем более, к саморазвитию. Тогда человек обнаруживает психическую незрелость, пытается негодными средствами разрешить конфликты, не понимает собственных проблем [20].

Феномен веры рассматривается в ключе ее взаимосвязи с процессом познания. Э.А. Тайнов выделяет пять специфических видов человеческого познания: обыденное, художественное, философское, религиозное, научное. Во всех пяти видах познания большую, если не главную роль играет вера как не всегда осознаваемый источник

---

* Экстерииоризация (лат. *externus* — внешний) — вынесение вовне, объективация, воплощение в деятельности и в предметных действиях замыслов, планов, знаний и умений путем перехода внутренних, ранее интерииоризированных действий человека.

познания, который дополняется чувственной интуицией, логическим рассуждением и т. п. [21]. В том, что вера важна для первых четырех видов познания, особых сомнений не возникает. Но на самом деле, не свободны и не могут быть свободны от веры и люди науки. Например, А. Эйнштейн считал, что весь смысл научной деятельности состоит в стремлении понять замысел Божий. Он писал: «в наш материалистический век серьезными учеными могут быть только глубоко религиозные люди» [22]. Вера — это вовсе не противоположность точному знанию. Напротив, не оставляя места сомнению, вера направляет помыслы и действия человека [23]. Э. Фромм в своем труде «Из плена иллюзий» пишет: «Я верю, что разум не может быть действенным, пока у человека нет надежды и веры» [1992. С. 373].

Существует безусловная тесная взаимосвязь двух феноменов: веры и власти. При всей многомерности и неисчерпаемости темы власти практически во всех источниках, так или иначе, имплицитно или явно выражена идея о том, что любая власть построена на вере — доверии подданных своим правителям.

Так, В.В. Ильин и А.С. Панарин отмечают, что «тайна власти состоит, в первую очередь, в культурной (духовной) гегемонии: по-настоящему управляет людьми тот, кто управляет помыслами» [25]. По сути, помыслы людей нерасторжимо связаны с доверием к правителю и в таком случае власть становится не только политической, но и метафизической, духовной силой. А.И. Юрьев пишет о том, что предназначение власти заключается в целеобразовании для общества, дающем ему смысл и форму жизни [26].

Если рассматривать проблему цели как осознанного образа предвосхищаемого будущего, то мы можем утверждать, что достижение этого предвосхищаемого будущего может основываться только на вере в него, т.е. на доверии тем политикам, которые его предлагают. Доверие является безусловной основой власти. Феномен веры в варианте доверия выступает как важнейшее инвариантное основание устойчивой и сильной власти в нашей стране.

Власть содержится в доверии подданных и сама власть есть доверие: нет доверия, нет власти. Если правительство не имеет доверия, оно не имеет власти — максимум, оно имеет доступ только к ресурсам. Такой власти достаточно, чтобы паразитировать на обществе, но недостаточно для принятия развивающих стратегических решений. Как только возникает ситуация, требующая именно глобальных решений, такую «власть» со временем попросту смывает [27].

Суть т. н. «оранжевых» революций, которые проектируют и осуществляют операторы информационно-психологических технологий глобализации по-американски, состоит в создании силы, способной отобрать власть у правителя, потерявшего доверие. Так потеряли власть Э. Шеварнадзе и А. Акаев. Но эти технологии не работают ни в Белоруссии, ни в России, потому что пока нет исходного условия — недоверия к власти в необходимом, критическом количестве. Это значит, что правоохранительные органы, вооруженные силы, спецслужбы так или иначе будут выполнять приказы; министерства и ведомства будут осуществлять повседневное управление страной, выполняя волю правителя. Отнимать доверие у того, у кого оно есть в нашей стране, Запад пока не умеет. Но он продолжает активно работать в этом направлении.

Доверие определяет наличие стабильной и сильной власти. Кто хочет иметь такой ресурс как власть, должен контролировать источник, вырабатывающий этот продукт. Кто не знает источника власти, тот не может иметь власти. Если сейчас принято считать, что источник власти — народ, то правителю необходимо формировать, контролировать и удерживать доверие народа хотя бы на минимально допустимом уровне. Тайный заговор по свержению Н. Хрущева, вынужденный и бесславный уход М. Горбачева и затем Б. Ельцина — следствие многих причин, но одна из главных, если не самая главная — это утрата доверия к правителю.

Т. н. демократические правительства России превратили все СМИ, типографии и школы в источник прибыли. Короток ум временной власти. Сталину типографии несли

убытки не потому, что вождь был плохим хозяйственником. Это был человек другого масштаба, понимавший, что все государственные институты и функции, от экономики до стратегической безопасности, являются следствием состояния менталитета и его ядерного образования — веры. Какой будет вера, таким будет все остальное. Вождь понял этот закон еще в период борьбы за власть. Чем больше большевикам удавалось внушить свои идеи, тем больше изменялось сознание людей в нужную им сторону, тем больше им доверяли. Каждый новый шаг в завоевании доверия прибавлял им власти. Чем больше было у них власти, тем ближе они были к победе.

На этом примере прослеживается прямая связь между доверием и властью. Чем больше доверия, тем больше власти. Абсолютное доверие означает абсолютную власть. Тотальное недоверие означает отсутствие власти или ее скорую утрату. Мы долго исповедовали марксистский принцип о том, что власть государства основана на монополизации насилия. Но насилие без доверия тоже невозможно. Кажется, при чем тут доверие? Какая его связь с насилием? Разве для насилия недостаточно одной только силы? Недостаточно. Таким образом, когда мы говорим о функциях веры, то мы имеем основания полагать, что вера правителю — это основание его сильной власти.

Психология веры самым существенным образом определяет менталитет человека, личную, общественно-политическую и духовную жизнь народов и государств. Важнейшим этапом в формировании и развитии ментальной дифференциации европейской цивилизации стал оформившийся в 1054 г. раскол христианства на Восточную и Западную Церкви. Тогда в католичестве окончательно возобладало стремление к юридической, мирской, внешней стороне понимания веры. Вместе с тем, категория веры неизменно остается центральной во всех христианских конфессиях, она нерасторжимо связана с темами *искупления* в католичестве, *оправдания* в протестантизме и *спасения* в православии.

Поворотным историческим моментом для определения вектора развития основ менталитета романо-германского мира стала Реформация. Принципиальной установкой, объединяющей все реформатские вероисповедания, было стремление не к устранению господства католической церкви в повседневной жизни, а лишь к замене прежней формы господства иной. Причем замену господства необременительного на исключительно жесткую и тягостную регламентацию всего поведения, которая глубоко проникала во все сферы частной и общественной жизни.

Идея призвания, сформулированная М. Лютером, была развита Ж. Кальвином в концепцию о безусловном предопределении, согласно которому Бог от вечности предопределил одних людей к спасению, а других — к гибели. Наиболее непримиримые и пассионарные последователи кальвинизма в Англии дали начало мощному движению пуритан, кальвинистская этика которых поощряла их трудолюбие, расчетливость, скупость, поклонение богатству и презрение к бедности. Уверенность в «богоизбранности», упорство, непримиримость, бесстрашие и религиозный фанатизм — все это основы менталитета пуритан. Пуританизм с его пониманием веры был идеологическим знаменем Английской буржуазной революции XVII века и впоследствии стал фундаментом менталитета капиталистической цивилизации. Таким образом, капитализм пришел в мир с пуританским символом веры, что нашло свое отражение в национальном менталитете не только англичан и американцев, но и значительных групп населения Западной Европы.

Новая эпоха в понимании веры на Западе начинается с развитием в XVII в. материалистического естествознания. Это время, когда стала безвозвратно рваться связь времен. По словам С.Л. Рубинштейна этот период связан с будущим теснее, чем с прошлым [28]. Это время великих рационалистов — Р. Декарта (1596–1650), Б. Спинозы (1632–1677), великих эмпириков — Ф. Бэкона (1561–1626), Т. Гоббса (1588–1679), предшественника и духовного отца позитивизма Д. Юма (1711–1762). Декарт, например, подходит к изучению человеческих страстей, отбрасывая религиозные и вместе с ними

моральные представления. Этим он закладывает основы механистического, натуралистического и детерминистского направления в психологии.

Слова «секуляризация», «обмирщение», «эмансипация», «освобождение», «личностное начало», «индивидуализация» — едва ли не самые частые в исторически-культурных размышлениях начиная с XVII века [29]. Эти ключевые, адекватные эпохе понятия отражают процесс разрушения христианской веры. Идеи Ницше, Шопенгауэра, Маркса, Энгельса, Фрейда и других сняли последние «скрепы» с западного менталитета. Так, были услышаны призывы Ф. Ницше к отказу уже не только от веры, но и от традиционной христианской морали, которая является «моралью рабов», а не «сверхчеловека», и З. Фрейда, где мораль обличается в качестве причины неврозов, а человек освобождается от ее запретов посредством апелляции к «бессознательному».

После Второй мировой войны наступила эпоха веры в радикальный детерминизм и материализм как единственно правильный способ понимания мироустройства. Она знаменовала собой секуляризацию менталитетов основной массы европейских народов, что и было юридически оформлено в Риме 20 октября 2004 г. подписанием Конституции ЕС*, где решающая роль христианской веры в духовном, историческом, культурном, государственном становлении и развитии стран Европы не упоминается.

Христианство во всех его ветвях, прежде всего в католичестве и протестантизме, сыграло исключительно важную роль в становлении евроатлантической цивилизации. Русский же менталитет создан Православием. Издревле православная вера была не только стержнем социального и политического единения народа, она была той основой, на которой формировались такие особенности русского национального менталитета как соборность и государственность. Именно православие укрепляло не только вертикальные связи между элитой и народом, оно же связывало людей и в горизонтальные общности, постепенно образуя из многочисленных племен и народностей русскую нацию и российское государство.

Для формирования русского национального менталитета огромным было значение преподобного Сергия Радонежского. В то время, когда над Русью нависла беда татарского нашествия «грозила превратиться во внутренний хронический недуг», Сергей примирял русских князей и способствовал объединению государства [30]. Сформулированный преп. Сергием фундамент «политического православия» исихастов* придал его идее общенациональный характер. Кроме того, он стоял у истоков русской монастырско-вкладной системы. С. Холмогоров сравнивает ее с прямо противоположной ей католической системой индульгенций [31]. Та была основана на идее индивидуального отпущения грехов, не за счет собственного покаяния, а за счет «сверхдолжных заслуг», которыми, подобно банкирскому дому, распоряжался Папский Престол.

При Сергии и далее монастыри стали центрами святости и просвещения. Беспрецедентной была и их социальная, благотворительная деятельность. Но главная их роль заключалась в том, что они побуждали людей к искренней и безусловной вере в Царствие Небесное. Русь становилась Святой Русью, проходя через тесные врата монашеского послушания и укрепления православной веры.

Когда сегодня удивляются, почему Русь не пережила подъема, аналогичного западному Ренессансу и Эпохе географических открытий, не знают или не учитывают, что она переживала в этот момент свой великий политический, культурный и религиозный

---

* Официальное название Конституции ЕС — Договор о введении Конституции для Европы.

* Исихазм (от др.-греч. ἡσυχία, «спокойствие, тишина, уединение») — особого рода мистическая практика православных монахов (исихастов), в которой применяется безмолвная молитва ради созерцания Божественного света (Фаворского света, который исходил от Христа при преображении на горе Фавор). В основе философии исихазма лежит представление о том, что можно созерцать непознаваемое (Бога) посредством божественных энергий. В 1351 году признан официальным учением православной церкви. Во многом повлиял на духовный подъем на Руси в XIV–XV веков и на освобождение от монголо-татарского ига.

подъем, вложив в монастыри столь же огромные средства, что Запад вложил в океанское мореплавание.

В период усиления Москвы и становления русской национальной государственности в борьбе с внутренними противниками и внешними конкурентами Русь смогла осуществить себя в высшем духовном порыве. Однако такой порыв никогда не бывает слишком длительным. Духовное сверхнапряжение дается нации только в отдельные моменты ее исторического существования. И удивительно скорее то, как долго Русь смогла жить «единым на потребу» и при этом успевать создавать государственную и военную систему, развитие которой стало основным содержанием следующего периода.

Важнейший цивилизационный вызов встал перед Россией после гибели Византии в 1453 г. Требовался четкий ответ на вопрос: каковы теперь ее место и роль в православном мире? Долгожданный ответ был сформулирован ученым монахом Филофеем (ок. 1465 – 1542), который утверждал, что Москва являлась всемирным политическим и религиозным центром православия после падения Византии. Московские государи, согласно этому учению, являются прямыми потомками и продолжателями дела римских императоров

На протяжении веков Россия переживала трагическую историю различных противостояний за чистоту православной веры и непрекращающиеся искания высшей истины и святости. Среди прочего нельзя не упомянуть борьбу с ересями в XV–XVI вв., конфликт между иосифлянами и нестяжателями, церковный раскол. Петр I, упразднив патриаршество и самолично встав во главе русской церкви, таким образом, обусловил возникновение совершенно новых элементов русского менталитета, связанных с феноменом веры. Появилась «светская святость», как некий суррогат религиозной святости, выраженная, прежде всего, в обожествлении монарха. Далее идеи «светской святости», вполне естественные для порвавших со «Святой Русью» верхов, постепенно проникают и в народ, возвращая его к регрессивной, архаической ментальности, в те времена, когда люди поклонялись идолам.

Народ в эпоху «приостановления» святости остановил свой выбор на поэтах — на Пушкине, Лермонтове, Гоголе, Некрасове, Достоевском, Толстом. О том, что поэты — одни успешнее, другие хуже — выдержали испытание, свидетельствует самое время. На них не распространяется срок давности, они признаны и остаются, несмотря на «еретические» попытки ниспровержения, «духовными наставниками» нации. Их книги, подобно творениям отцов Церкви, не подвержены старению и сохраняют качество учительности спустя десятилетия и столетия [32]. Это чисто русская ментальная особенность. На Западе, у католиков и протестантов, ничего подобного нет. Они за ответом на животрепещущие проблемы не обращаются к Гете, Бальзаку или Диккенсу, при всем к ним почтении. На Западе нет светской святости, а в России же ее основания заложил Петр — очевидно, не предполагая таких последствий своей церковной реформы для русского менталитета.

К.А. Абульханова [33] считает, что самую главную черту русского менталитета всегда составляла вера, в принципе свойственная любому народу, но у всех проявляющаяся в различной форме. Однако в русском менталитете образовался необыкновенный синтез веры в другого человека, в общество и в идеал. Русский идеализм сочетал в себе умозрительность, возвышенный характер размышлений, выразившихся в поисках правды, истины и смысла жизни, оторвавшихся от обыденности. Веру русского человека нельзя было назвать оптимистической, но она стала основой особой черты исторического русского характера — терпения.

По словам митрополита Кирилла, Киевская Русь приняла христианство, с одной стороны, в его византийском облике, но с другой — в славянском переводе. Византийское православие, сообщенное нашим предкам на родном и понятном для них языке, не могло не оказать влияния на формирование национального менталитета. В русском православии с самого начала сочеталось универсальное и национальное, и именно это обстоятельство более остальных повлияло на развитие русской религиозно-

национальной особенности менталитета. Русский человек — христианин. Но не всегда в смысле его принадлежности церкви и даже не в смысле его наличного духовно-нравственного состояния, а в смысле тех ценностей, которые являются для него основными [34].

Говоря о религиозной вере нельзя не отметить и ее социальное измерение. Она особым светом освещает нашу жизнь и человеческие дела, является житнетворным корнем культуры. В этом качестве православие в России принадлежит всему народу, в том числе и нашим гражданам другой веры, также атеистам, последователям различных сект и т. д. Русское православие незримо «пропитывает» всю общественную жизнь — семью и школу, экономику и политику. Именно в религиозном сознании возникла важнейшая связующая сила — коллективные представления. Они не выводятся из личного опыта, а формируются только в совместной деятельности и были первой в истории человечества формой общественного сознания. Именно религия порождает для каждого народа культурные нормы и ценностные регуляторы поведения, а также понятие об их нарушении — грехе. Это связывает людей в народ, ведь именно присущие каждому народу моральные и в целом культурные ценности выражают его идентичность, особенности национального менталитета. Догматы православной веры являются основой онтологической безопасности русских людей и, по мнению В.В. Цыганова, они затрудняют манипуляцию сознанием [35].

Как реализуют свою естественную потребность в вере люди, не нашедшие себя в религии? Мы не располагаем достаточно полными и достоверными статистическими данными. Но значительная часть этих людей становится объектом информационно-психологического воздействия со стороны различных сект. И.В. Смирнов, автор «Психоэкологии», приводит следующие данные: «В России к 2003 г. зарегистрировано более 14 000 юридических лиц, по сути являющихся религиозными или квазирелигиозными сектами преимущественно иностранного происхождения. Это почти невидимый фронт информационной войны. Удар этого фронта в основном направлен на дальнейшую дестабилизацию высших психических функций русскоязычного населения...». Но, «как ни странно, — продолжает автор, — русский менталитет все еще пребывает в дремлющем состоянии и серьезно раскачать его, тем более в области нравственной перестройки, смены богов и религии, довольно трудно». Вместе с тем, «на информационной территории России идет информационная война, уже принесшая супостату одну чудовищно немислимую победу» [36].

Менталитет вырастает из веры. Вера, в качестве базисной психической функции, выступает своего рода стержнем, на который нанизывается вся структура личности, если шире — вся структура национального русского менталитета, политическая структура его государственности и т. д. Вера формирует главные и ведущие стремления человека, которые определяют его жизнь, его воззрения, его намерения и поступки. Вера является первичной системой знаний, основой ментальной матрицы, составляет и ее содержание. Более того, она формирует и определяет политическую власть целой страны, экономику, нравственность, духовность, саму жизнь и судьбу народов, государств, каждого отдельного человека.

В то же время, самый серьезный и глубинный раскол нации происходит именно по линии веры. Вера не только основа национального менталитета. Изначально вера — это врожденная способность к самотрансценденции, т.е. к стремлению, переходу нашего «Я» к Богу [37]. Если человек выбирает себе другой предмет веры как высшую инстанцию, то он себя с ней идентифицирует и тем самым программирует свою судьбу. Так, если это деньги и культ потребления — то человек в итоге поклоняется Золотому тельцу. Если это лидер, вождь, гуру или модная т.н. поп-звезда, то это превращается в идолопоклонство, которое давно приняло массовый характер. В среде политических, интеллектуальных и прочих элит в моде вера в себя, в некую «свою звезду» как в конечную инстанцию, когда человек только одержим собой и ему ничего не свято.

В России психологические установки православия свойственны не только религиозным, но, что весьма важно, большинству мирских, светских групп людей. То обстоятельство, что многие десятки поколений наших непосредственных предков в своей жизни ориентировались на одни и те же постулаты веры, а затем и руководствовались ими, неизбежно сказалось известным образом на внутренней жизни или психике последующих поколений, сформировав русский национальный менталитет.

В заключение сделаем следующие замечания. Фундаментальное противоречие нашей эпохи и одновременно главный вызов человеческому сообществу в XXI веке – это противостояние либеральных цивилизационных стандартов западного менталитета, с одной стороны, и ценностей национальных культурно-религиозных идентичностей – с другой.

Россия как современный центр православного Русского мира занимает в этом противостоянии менталитетов особое место.

Именно поэтому важнейшим средством информационно-психологической безопасности страны может стать последовательная и терпеливая, рассчитанная на долгий срок реставрация в Российском государстве исконной системы ценностей, которая, по терминологии А.С. Панарина, должна выстраиваться на тысячелетнем фундаменте «славяно-тюркского синтеза» и традициях «православно-исламского консенсуса».

Рассмотрение проблемы менталитета с точки зрения его связи с феноменом веры может открыть новую страницу в ментальных исследованиях и дать простор для дальнейших научных изысканий по целому ряду направлений. Так, представляется весьма актуальным вектор ментальных исследований с точки зрения информационно-психологической безопасности России.

Современная наука еще далека от понимания феномена веры. Вера всегда будет предметом изучения психологии, философии и других наук. Вера является глубинной основой менталитета как отдельно взятого человека, так и целого народа. Вера как выражение духовной жажды человека, как отражение психологических качеств людей и целых народов, будет оставаться не только предметом острых дискуссий в ближайшем будущем, но и объектом воздействий средствами информационно-психологической войны.

Литература

1. *Леви-Брюль Л.* Сверхъестественное в первобытном мышлении. — М., 1937.
2. *Гуревич А.Я.* От истории ментальностей к историческому синтезу // Споры о главном: Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов». — М., 1993. — С. 459.
3. *Латинско-русский словарь.* — 3-е изд., испр. — М.: Рус. яз., 1986.
4. *Юрьев А.И.* Формула менталитета петербуржцев // Москва–Петербург. Российские столицы в исторической перспективе. — Москва — Санкт-Петербург, 2003. — С. 54.
5. *Ракитянский Н.М.* Семнадцать мгновений демократии. — М.: Стольный град, 2001. — С. 173.
6. *Мазилев В.А.* Ментальность в психологии: новые перспективы // Современные проблемы российской ментальности. — СПб.: Астерион, 2005. — С. 54.
7. *Поршнев Б.Ф.* Социальная психология и история. — М.: Наука, 1966.
8. *Ассаджиоли Р.* Психосинтез. Принципы и техники. — М.: Эксмо-Пресс, 2002.
9. *Гроф С.* Психология будущего. Уроки современных исследований сознания. — М.: АСТ, 2003.
10. *Маслоу А.Г.* Мотивация и личность. Пер. с англ. Татлыбаевой А.М. — СПб.: Евразия, 1999.
11. *Честертон Г.К.* Вечный человек / Гилберт Кийт Честертон; пер. с англ. Н.Л. Трауберг. — М.: РИПОЛ классик, 2006. — С. 108–109.

12. *Фром Э.* Иметь или быть? — М.: Прогресс, 1990.
13. *Франкл В.* Человек в поисках смысла: Сборник: пер. с англ. и нем. / Общ. ред. Л.Я. Гозмана и Д.А. Леонтьева; вст. ст. Д.А. Леонтьева. — М.: Прогресс, 1990. — С. 335–336.
14. *Братусь Б.С.* Образ человека в России XX века // Развитие личности. 2005. № 3. — С. 121–136.
15. *Юрьев А.И.* Психология веры // Стратегическая психология глобализации: Психология человеческого капитала. — СПб.: Logos, 2006. — С. 24–26.
16. *Кутырев В.А.* Философский образ нашего времени (безжизненные миры постчеловечества) — Смоленск, 2006. — С. 220.
17. *Вебер М.* Избранные произведения. — М., 1990.
18. *Лебон Г.* Психология народов и масс. — СПб.: Макет, 1995. — С. 236.
19. *Ильин И.А.* Основы христианской культуры. — СПб.: Изд-во «Шпиль», 2004. — С. 68.
20. *Коновалова М.А.* Системное психолого-политическое исследование свободы человека: Дис. ... канд. психол. наук. — Санкт-Петербург, 2006.
21. *Тайнов Э.А.* Трансцендентальное. Очерк православной метафизики. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Мартис-Пресс, 2002. — С. 54.
22. *Энштейн А.* Собрание научных трудов. Т. 4. — М., 1967. — С. 129.
23. *Введенский А.И.* Статьи по философии. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996.
24. *Фромм Э.* Душа человека. — М.: Республика, 1992. — С. 373.
25. *Ильин В.В., Панарин А.С.* Философия политики. — М.: Изд-во МГУ, 1994. — С. 226.
26. *Юрьев А.И.* Системное описание политической психологии. — СПб.: СПбГУ, 1996. — С. 73.
27. *Проект Россия.* — М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007.
28. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии: В 2 т. Т. I. — М.: Педагогика, 1989. — С. 62–89.
29. *Лихачев Д.С.* Развитие русской литературы X—XVIII веков. Эпоха и стили. — Л., 1973. — С. 138–164.
30. *Ключевский В.О.* Исторические портреты. Деятели исторической мысли. — М.: Правда, 1991. — С. 94.
31. *Холмогоров Е.* Русский националист. — М.: Европа, 2006.
32. *Панченко А.М.* О русской истории и культуре. — СПб.: Азбука, 2000. — С. 56–59, 387.
33. *Абульханова К.А.* Российский менталитет: кросс-культурный и типологический подходы // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. Под ред. К.А. Абульхановой, А.В. Брушлинского, М.И. Володиной. — М.: ИП РАН., 1997. — С. 7–37.
34. *Кирилл митроп.* Православие и русская художественная культура. — В кн.: Вера. Этнос. Нация. Религиозный компонент этнического сознания. — М.: Культурная революция, 2007. — С. 208–218.
35. *Цыганов В.В.* Русская цивилизационная идея // Информационные войны. 2007. № 4.
36. *Смирнов И.В.* Психозекология. — М., 2003. — С. 23–24.
37. *Сонди Л.* Судьбоанализ / Липот Сонди [статья; пер. с нем. А.В. Тихомиров]. — М.: Три квадрата, 2007.

Мешкова Н.В., Ениколопов С.Н. к.п.с.н., доцент. Психологические аспекты различий в идеологиях.

Отправной точкой для понимания различий в психологических основах идеологий являются индивидуальные характеристики. Например, в основе идеологии политического консерватизма находится сопротивление переменам и оправдание неравенства. Принятию такой идеологии способствуют следующие психологические качества индивида: интолерантность к неопределенности, закрытость опыту, низкая самооценка. Подобные характеристики люди воспринимают как стимулы угрозы и неопределенности из окружающей среды в условиях социальной нестабильности. Политический консерватизм помогает индивиду снизить страхи различного содержания: угрозы, потери, смерти и неопределенности. Из теории, разрабатываемой американским психологом А. Круглянским (J. Jost et al., 2003), следует, что, во-первых, неопределенность ситуации является тем фактором, который заставляет индивида держаться знакомого и отстаивать привычное, в результате чего он становится последователем идеологии консерватизма. Между тем, отстаивание привычного тесно связано с неприятием нового. Исследования психической ригидности, проведенные Г.В. Залевским, выявляют два варианта ригидного типа личности. Они отличаются активностью/пассивностью отстаивания старого и преобладанием рациональности/эмоциональности в неприятии нового. У астенического типа ригидной личности выявлены пассивная приверженность привычному, сопротивление новому, эмоциональное его неприятие, неадекватно сниженная самооценка, повышенная инвертированность (Г.В. Залевский, 2004).

Таким образом, принятию идеологии политического консерватизма может способствовать страх новизны. Проведенное нами исследование на отечественной выборке показало, что косвенными показателями страха новизны может являться комплекс характеристик: низкая самооценка полоролевой идентичности (маскулинности у мужчин и фемининности у женщин) и низкий показатель исследовательского поведения в ответ на новизну стимула (характеристика темперамента «поиск новизны» по методике ТСИ-125 К. Клонингера). Исследование было связано с изучением межгрупповой предубежденности, но полученные результаты дают возможность уточнить психологические характеристики, способствующие принятию идеологии политического консерватизма. Хотя на политической арене России отсутствует партия консерваторов, сопротивление переменам и одобрение неравенства в положении доминирующего большинства по сравнению с этническим меньшинством и мигрантами имеют широкое распространение.

Во-вторых, сильная аффективная основа (вышеперечисленные страхи) политического консерватизма заставляет предположить, что идеологические суждения могут стать для индивида сверхценностным образованием (СЦО). Данное обстоятельство поднимает вопрос об устойчивости принятой человеком идеологии. В отечественной политической психологии существует мнение о том, что крайним выражением политического консерватизма может стать компульсивная идея (А.И. Юрьев, 2004).

Под термином сверхценные идеи следует понимать ошибочные либо односторонние суждения или группы суждений, которые вследствие своей резкой аффективной окраски получают перевес над всеми остальными идеями, причем доминирующее значение этих идей держится в течение длительного времени. Они занимают промежуточное место между навязчивыми и бредовыми идеями. Возникают эти идеи не против желания субъекта, а в силу его аффективной потребности в них. Сверхценные мысли — это глубокие убеждения, которые человек ценит и которыми дорожит. Формальные механизмы мышления при этом не нарушаются.

Согласно распространенному мнению, основными качественными характеристиками СЦО являются: высокая степень выраженности аффекта и их доминирующее (либо центральное) положение во всей душевной жизни, определяющие поведение субъекта в ущерб другим целям и интересам личности.

Одним из основных качественных параметров, раскрывающих психологическое содержание психопатологического феномена СЦО, является избыточное ценностно-

смысловое опосредование деятельности в ущерб ее произвольности, неизбежно приводящее к искажению реальности и ущемлению возможностей личностного развития.

Примерами сверценностного образования могут служить фундаменталистская и националистическая идеологии. Как показывают реальные события в социальной жизни, эти виды политической идеологии часто связаны с насильственными действиями.

Идеология представляет собой целостную систему убеждений, которая дает социальной группе рациональное обоснование своего происхождения, существования и целей, на которые она вдохновляет, а также средств для достижения этих целей. Потенциально присущими всем идеологиям крайностям являются паранойяльные и нарциссические аспекты. У фундаменталистских идеологий можно обнаружить такие типичные характеристики, как разделение мира на праведных и неверных, необходимость уничтожить последних, обещание светлого будущего. Сторонники подобных идеологий склонны к ненависти и жестокости. Они чувствуют себя вправе убивать невинных обывателей и испытывают при этом удовлетворение от сознания выполненного морального долга. Идеология фундаментализма оправдывает насилие как необходимое средство и моральное обязательство в борьбе за светлое будущее. В такой системе ценностей индивид стоит ниже общества, и потребности социума важнее всех его желаний (О. Kernberg, 2004).

Другим примером СЦО является маскулинная идеология. В соответствии с этой системой суждений, одобряются нормы мужских ролевых функций, предписывающие жесткость поведения и статус, отвергается фемининность у мужчин. Было выяснено, что психологическими характеристиками, способствующими принятию такой идеологии, являются расхождения в поло-ролевой Я-концепции: между актуальным Я и каким должен быть (P. Theodore, S. Basow., 2000) и между идеальным желаемым маскулинным Я и нежелаемым фемининным (S. Kiliansky, 2003).

В современной психологии не существует общепринятой модели СЦО, а экспериментальных исследований связи СЦО с агрессией крайне мало.

Наше исследование националистически настроенной группы молодежи показало важность маскулинности полоролевой идентичности для испытуемых. Было обнаружено, что национализм и маскулинная идеологии сочетаются у людей, обладающих следующими психологическими характеристиками: негативная картина мира, маскулинизированная полоролевая идентичность, высокая исследовательская активность в ответ на новизну стимула, повышенный уровень агрессии. Полученные данные выявляют проблему соотношения различных видов идеологий у одного и того же индивида, позволяющую понять, как различные виды идеологий могут быть связаны с насильственным поведением.

Шустов А.В. к.пс.н. Модель человека для политической экономики.

В последние годы многие представители гуманитарного знания поднимают вопрос о возрождении политической экономики, которая около века назад была вытеснена, так называемым, «экономиксом», оставившим за рамками научного интереса политические факторы экономической жизни. В условиях нарастающего мирового кризиса одной из важнейших проблем оказывается совершенствование модели человека, которую используют экономисты, а также ее совмещение с моделями, принятыми в смежных гуманитарных дисциплинах: политологии, социологии, истории. Именно в рамках политической психологии, отмечающей 20-летие своего оформленного существования в России, может быть создана такая интегральная модель.

В моем сообщении будет представлен вариант модели человека, которая позволяет одновременно анализировать политические, экономические, социальные явления на основе психологических феноменов, обнаруживающих себя у участников этих процессов.

Во второй части сообщения названная модель будет использована для демонстрации некоторых опасностей традиционных используемых политиками способов преодоления кризисных экономических явлений.

В качестве методологического основания для построения модели человека принимается представление о трех принципиально разных компонентах мира, с которыми имеет дело субъект. Первый — это его «я», психика, то есть собственно сам субъект, частично осознающий себя, а частично действующий внесознательно. Второй — тело субъекта, которое, в отличие от его «я», существует в мире материального, но при этом в силу природы вещей может передавать ему информацию, а также управляться субъектом. И, наконец, третий компонент — это вся остальная внешняя среда, материальная, но отличная от тела человека. Воздействовать на нее субъект может только опосредованно, через свое тело. Знание о том, что другие люди также обладают психикой, для субъекта является лишь гипотезой, не подтверждаемой непосредственно, а являющейся следствием наблюдения за поведением в среде тел других людей.

Важнейшей составляющей психики человека является его картина мира, под которой имеется в виду вся совокупность последовательно формирующихся в онтогенезе и усложняющихся моделей взаимодействия субъекта и среды (по Б.Г. Ананьеву, В.А. Ганзену и А.И. Юрьеву): образ жизни, жизненная позиция, мировоззрение, картина мира. Картина мира — это уникальное и неповторимое отражение субъектом среды, формируемое при его взаимодействии со средой. Объекты и события среды взаимодействуют с телом человека (его перцептивными органами), в результате чего отражаются в психике.

Картина мира состоит из трех принципиально разных для нашего анализа блоков:

1) отражение объектов среды и истории их взаимодействия, событий и закономерностей (картина мира как такового);

2) отражение субъектом себя (своего тела) в среде в прошлом и настоящем (самовосприятие субъекта);

3) моделирование субъектом возможных будущих состояний среды и его собственных состояний и взаимоотношений в среде, причем рассматриваемые субъектом возможные модели будущего располагаются им в иерархическом порядке в соответствии с их оценкой субъектом: от наиболее желательных — к наименее желательным. Поведение субъекта, которое он осуществляет, давая команды телу для воздействия на среду, является средством увеличения вероятности наступления желательного будущего и уменьшения вероятности нежелательного.

Результатом развития человека как субъекта деятельности, личности и индивидуальности являются способности. Способности — это такие особенности субъекта и его тела, которые позволяют тратить на ряд специфических изменений среды меньше энергии и времени, чем при их отсутствии.

Исходя из наличия в картине мира субъекта третьего компонента, введем понятие мечтаний. Мечтания — это такие состояния среды (включая тело субъекта), к достижению которых он стремится в силу сформированной у него картины мира. Однако надо понимать, что далеко не все мечтания субъект пытается воплотить в жизнь с помощью своего поведения. Часть из них, являясь, в принципе, притягательными, воспринимаются им как нереализуемые, по крайней мере, при том текущем состоянии среды, которое он отражает здесь и сейчас. Что же является препятствием для реализации и как субъект выбирает, какие мечтания попытаться сделать реальностью с помощью поведения?

Второй компонент картины мира (отражение субъектом себя и своего тела) содержит представление о своих способностях и о возможностях тела, прежде всего, энергетических. Для совершенствования способностей надо нести энергетические затраты, которые в процессе обучения конвертируются в способности. Иными словами, способности — это преобразованные в устойчивые свойства человека его энергетические затраты. Значит, при формировании поведения базовым параметром для субъекта

является запас энергии, которым он, по его мнению, располагает сейчас и будет располагать в обозримом будущем. Назовем представления об энергетических возможностях тела жизненными силами субъекта.

Субъект соотносит свои мечтания с жизненными силами (и прогнозом их изменения в будущем) и выбирает, на какие мечтания тратить свои жизненные силы (включая затраты на совершенствование способностей, что позволит в будущем с меньшими затратами энергии удовлетворять более «энергоемкие» мечтания). При этом учитывается не только абсолютная приоритетность тех или иных мечтаний, но и удельный вес затрат, которые необходимо нести для достижения желаемых состояний среды. Также важно понимать, что многие мечтания обладают количественными и качественными параметрами, которые можно выбирать: стремиться к употреблению достаточной для организма по калорийности пищи или такой пищи, которая будет еще и удовлетворять тонкий вкус субъекта; иметь возможность ходить в театр раз в год или каждый месяц. Принимая решения о том, как распределить жизненные силы между многообразными мечтаниями (в числе которых присутствуют и побуждающие силы, которые в психологии традиционно называют потребностями) и степенями их удовлетворения, субъект осуществляет сложнейшую работу по уравниванию доступных жизненных сил с мечтаниями и прогнозируемыми затратами на их удовлетворение. В результате часть мечтаний отбирается для того, чтобы попытаться их удовлетворить через поведение, и суммарная прогнозируемая энергоемкость их удовлетворения равна доступным жизненным силам. Такие избранные мечтания далее будем называть желаниями. Желания — это мечтания, которые оценены субъектом по параметру затрат на их достижение и уложены им в пределы жизненных сил.

Таким образом, при нашем понимании желаний они могут быть измерены в объективных единицах, а именно в количестве энергии, которое субъект будет тратить на реализацию поведения, предназначенного для удовлетворения этих избранных мечтаний. (Вопрос о том, действительно ли субъект располагает тем запасом энергии, который отражается в его жизненных силах и который он пытается потратить, является предметом отдельного анализа.) Измеренные в объективных единицах энергии (джоулях) желания равны жизненным силам, которые субъект тратит в своем поведении.

Данная модель требует усложняющего уточнения, которое состоит во введении параметра времени. Выше было сказано о том, что субъект оценивает и использует при формировании поведения не только текущую оценку имеющейся у него энергии, но и прогноз наличия этой энергии в будущем. Моделирование поведения требует распределять затраты жизненных сил во времени, ведь большинство желаний удовлетворяется не благодаря одномоментному действию, а в результате длительной деятельности. Следовательно, в зависимости от горизонта планирования (а он может очень различаться у разных субъектов — от нескольких часов до всего прогнозируемого периода жизни), у разных субъектов будет разный объем желаний, измеренных в энергетических единицах.

Математически объем желаний субъекта может быть выражен с помощью функции, описывающей прогнозируемый человеком изменяющийся во времени объем его жизненных сил, опосредованных коэффициентом способностей (также изменяемым с течением времени). Тогда объем желаний человека в каждый момент времени можно вычислить как интеграл данной функции по основанию времени на том отрезке жизни, который субъект подвергает планированию.

Возможность измерить мотивацию человека в единицах, относящихся к материальному миру, к среде, содержит в себе гигантский потенциал с точки зрения прикладных гуманитарных наук, и, прежде всего, экономики. Как он может быть реализован?

Прежде всего, необходимо отметить, что экономическая наука добавляет в модель еще одну форму преобразования затраченной субъектом энергии (первая уже описанная

— в способности). Это собственность — часть среды, использование которой позволяет удовлетворять мечтания, и право субъекта на использование которой отражено в картинах мира других субъектов. Если одним людям приходится тратить энергию, чтобы удовлетворить мечтания (например, работать за еду), то другие тратят энергию, приобретая собственность (имущество, деньги), которые позже могут использовать для удовлетворения мечтаний уже без соответствующих затрат энергии. Наконец, многие люди не тратят энергию для приобретения собственности (наследники имущества), но имеют возможность с помощью этой собственности, в которую ранее были преобразованы затраты чьей-то энергии, удовлетворять свои мечтания.

Такое понимание собственности, смыкаясь с трудовыми теориями стоимости в экономике, позволяет пойти дальше классических политэкономических представлений. Ведь среда меняется, а собственность, в которую был конвертирован труд, полезна лишь настолько, насколько она может удовлетворять постоянно меняющиеся желания людей. Изменения в картинах мира большого числа людей могут быть, к примеру, следующими: ранее модный фасон платья, производимый предприятием, выходит из моды, и продать созданные запасы готовой продукции становится невозможно. Конвертированная в собственность трудовая энергия всех, кто производил данный товар, внезапно теряет способность удовлетворять мечтания потенциальных покупателей о модном платье. Как при этом распределяется ответственность за сложившуюся ситуацию? Как разные участники (работники, владелец предприятия, кредиторы) будут себя вести и почему? Подобные феномены требуют описания в рамках экономики и решений в рамках политики. Эффективными будут экономико-психологические описания и политико-психологические решения.

Другой феномен связан с традиционным способом выхода из состояния экономического кризиса, который правительства крупнейших стран применяют для решения текущих проблем мировой экономики. Он состоит в стимулировании потребления с помощью денежной эмиссии, увеличения бюджетных затрат и иных мер, которые принято называть кейнсианскими. Но какие последствия имеет стимулирование потребления?

С точки зрения принципа справедливости в общем случае за потребление должен заплатить тот, кто потребляет. Странно было бы, если бы потребляли одни, а платили за это другие. Значит, правительство, стимулируя потребление, тем самым предполагает, что те, кто начнет потреблять в рамках его стимулирующих программ, в будущем заплатят за потребленный товар, то есть понесут какие-то затраты, в конечном итоге энергетические (конвертированные в собственность или прямые). Даже если предлагается стимулировать потребление уже произведенной и застрявшей на складах продукции, необходимость дополнительных затрат энергии каких-то людей сохраняется. Конкретно: реализация товара за счет бюджетных дотаций — это использование средств непричастных к его производству налогоплательщиков, которые могли бы быть использованы для удовлетворения мечтаний этих налогоплательщиков, на удовлетворение мечтаний тех работников и предпринимателей, которые участвовали в производстве дотируемой правительством продукции.

Итак, стимулирование спроса означает неизбежность будущего дополнительного труда. В противном случае эмитированные деньги вызовут инфляцию (когда никто не увеличил производительность, и количество товара не выросло пропорционально объему денежной массы). Инфляция же — это инфляционный налог, который платят пользователи валюты. Следовательно, их реальные доходы уменьшатся, то есть количество и качество удовлетворяемых мечтаний снизится. Дилемма очевидна — либо производительность (прямые затраты энергии или ее затраты через обучение новым технологиям) растет, и суммарный уровень удовлетворения мечтаний не падает, либо производительность не растет, и тогда сокращается уровень удовлетворения в каких-то социальных группах (это зависит от институциональных условий).

Вопрос, оказывающийся ключевым при рассмотрении макроэкономических рецептов, предполагающих стимулирование спроса, таков: готовы ли те, кому правительства «поручают» дополнительно поработать, к этому? Сам Кейнс, описывая предложенный им подход, оговаривал применение бюджетного стимулирования двумя важнейшими условиями. Во-первых, наличием незанятых производственных мощностей (если не на чем больше работать, то увеличить производительность не получится). Во-вторых, наличием высокого уровня безработицы (безработные, считал Кейнс, по определению хотят работать, то есть они готовы увеличить свою производительность, нулевую на текущий момент). Действительно, в 1930-х годах, когда разрабатывалась и впервые применялась технология стимулирования спроса, не существовало серьезной системы социальной защиты безработных. Потерявшие работу люди, оказывались в нищете, им не на что было купить еду. В их картинах мира вполне вероятной была смерть от голода, и они были готовы реализовать любое поведение, позволявшее ее избежать; они были готовы браться за любой труд.

Сегодня картина в ведущих странах мира принципиально иная: системы социальной защиты позволяют поддерживать довольно приличный образ жизни, получая пособие по безработице. Перспектива голодной смерти не маячит в будущем у потерявших свое место. К тому же, первыми зачастую теряют работу менее квалифицированные кадры. В Европе ими оказываются выходцы с Ближнего Востока, в США — из Африки и Латинской Америки. Культура представителей этих народов не требует от них таких высоких достижений, какие предполагаются протестантской этикой североευропейского происхождения. Следовательно, их вполне может устраивать продолжение существования на пособие по безработице, а правительственные стимулы, предполагающие их интенсивный труд и расширение потребления, не приводят к соответствующему изменению поведения.

Стимулы могут не сработать, и дополнительные «стимулирующие» деньги вызовут гиперинфляцию.

Для того чтобы избежать подобных последствий, при разработке мер макроэкономического характера следует использовать эффективную современную модель человека, проводить соответствующие исследования картин мира тех людей, которые должны оказаться объектом правительственного воздействия. Только так можно добиться эффективного управления в политике и экономике в XXI веке.

Бурикова И.С. к.пс.н. Психология позитивной политики: формирование жизненных сил человека*.

Одним из принципов научного знания, является принцип идеализации. Научные теории должны строиться не для реальных, а для идеальных объектов. Именно конструкция идеальной реальности позволяет найти точки соприкосновения всех элементов и задать правильные формулы расчета. Мы не отвлекаемся на вторичные процессы объективной реальности, которые могут помешать нам, вызвав наше внимание только на себя. Реальность намного богаче любого идеального конструкта и даст нам множество совершенно разных уникальных ситуаций, которые мы не будем способны объединить в одну теорию. Именно поэтому построение науки исключительно на анализе полученных эмпирических данных является первобытным «принципом собирательства» доступной информации.

---

* статья написана под влиянием лекций А.И. Юрьева по политической психологии и курсов повышения квалификации по общей психологии под руководством В.М. Аллахвердова.

В рамках школы политической психологии проф. А.И. Юрьева нередко встречаются идеальные конструкты политических явлений. В них ясны формулы, взаимодействие элементов и понятно содержание конструкции политических событий по типу идеализации: «как это должно быть». Считаю целесообразным обратить внимание и на принцип идеализации в реальной политике. Путь, в который мы отправляемся, *психология позитивной политики*.

Психология позитивной политики — это описание идеального государства, идеального отношения власти и общества, идеального баланса свободы и власти. Базой позитивной политики должны стать: 1) психология сопричастности населения (компонент поведения); 2) психология справедливости (рациональный компонент); 3) психология сострадания/совести (эмоциональный компонент). Описав базовые элементы позитивной политики можно составить портрет идеального гражданина, идеальной власти и идеального населения. Только имея образ желаемого будущего можно начинать формировать ту политику, которая должна будет стать идеальной (или бесконечно стремиться к этому идеалу).

Данная статья посвящена первому направлению позитивной политики — формированию человека, а именно качества его работоспособности — жизненных сил. Мы использовали и раскрыли формулу А.И. Юрьева по формированию жизненных сил и ответили на два ключевых вопроса, связанных с реализацией данной формулы.

Формула формирования жизненных сил (проф. А.И. Юрьев)

ЖИЗНЕННЫЕ СИЛЫ = ЦЕЛЬ * СМЫСЛ ЖИЗНИ, где:

Цель — формирование целей на каждый день, неделю, месяц, год (решение дилеммы стратегических, тактических и оперативных целей). Закрепляется в *картине мира* и жизненной позиции человека.

Смысл жизни — формируется через преодоление страха перед смертью с помощью философских, религиозных и психотерапевтических технологий (например, медитация смерти, танатотерапия, философия непрерывных перемен). Обретение радости от самого бытия. Закрепляется в образе жизни человека.

Вопрос 1. Как формулировать цели? На достижении стратегических целей долгие годы строилась и строится вся европейская технологическая цивилизация. В результате чего, страны этой цивилизации оказались на первых местах в мире не только по современным технологиям, комфорту и качеству жизни, а также и по сердечно-сосудистым заболеваниям. Попав под давление сверхидей и сверхцелей, лидеры технологической цивилизации дублируем синдром потребления ради потребления и в области постановки целей. Ученые, политики, бизнесмены, руководители, менеджеры среднего звена и многие другие становятся жертвой идеологии потребления собственных стратегических целей.

Однако успешное действие в настоящем трудно представить без стратегического анализа будущего. Как профессор А.И. Юрьев говорит: «Будущее определяет настоящее». Тогда, как найти баланс для поиска стратегических целей? Наши рекомендации можно озвучить в духе «срединного пути»: 1) ставить стратегические цели и держать их как «направление» нашей деятельности; 2) использовать философию перемен при постановке целей: от оперативных целей «на каждый день» к стратегическим.

Как будет выглядеть процесс целеобразования на практике? Каковы его механизмы? Если я не могу с точностью предсказать будущее, то, как мне поступить с моими стратегическими целями? Они теряют смысл из-за изменений будущего, которые я не способен предсказывать. Если продолжать преследовать избранные цели — то они

могут превратиться в сверхидею и привести к болезни и гипермотивации на достижение конкретной цели. Нет смысла достигать тех целей, которые больше не нужны. Если ставить новые цели, то все, что было сделано для достижения старых целей, обесценивается, и нужно начинать все сначала. Такое развитие ситуации ведет только к потере смысла в происходящем и апатии.

Решение можно найти в создании конкретных оперативных целей на каждый день. Именно это множество конкретных целей можно будет в дальнейшем аккумулировать в единую стратегическую цель, направленность личности. Однако не стоит считать такой подход простым движением от частного к общему. Это не так. Множество оперативных целей развивается по законам торнадо (рис. 1), имея эпицентром ежедневные цели — решение конкретных задач. Оперативные цели формируют наше поведение в целом и отражают состояние наших жизненных сил. Чем больше небольших оперативных целей мы сформулируем, тем больше жизненных сил «накопим». Чем большим количеством жизненных сил мы обладаем, тем большее количество оперативных целей мы сможем достичь.

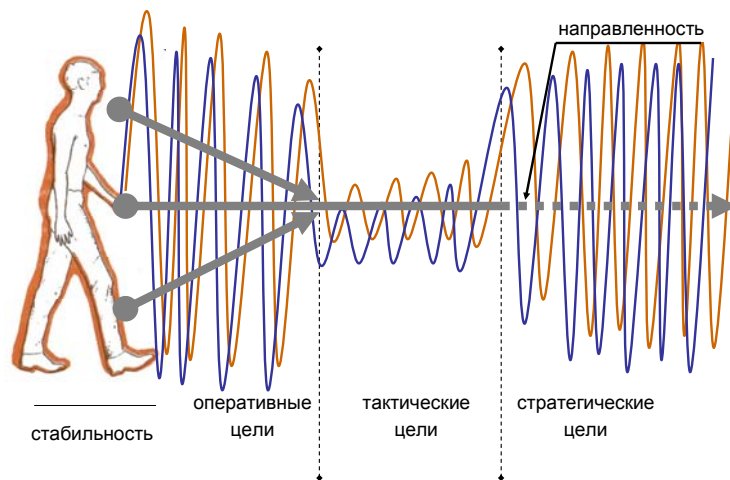

Рис. 1. Формирование стратегических целей через исполнение оперативных задач

Количество достигнутых оперативных целей разгоняет и ускоряет вихри торнадо, сужая их в качественно иную — тактическую цель. Тактические цели формируют сферу нашей основной деятельности, именно они отражают жизненную позицию человека. Качество нашей деятельности, выполнение тактических задач приводит нас к стратегическим целям. Энергия наших жизненных сил на этом этапе может уже не представлять решающего значения. Нашу деятельность усиливает воля, заключенная в активной жизненной позиции. Сочетание воли и направленности личности дает нам силы устоять перед любыми изменениями будущего и скорректировать свою деятельность под адекватную изменившимся условиям стратегическую цель, сохраняя общую направленность личности (рис. 2).

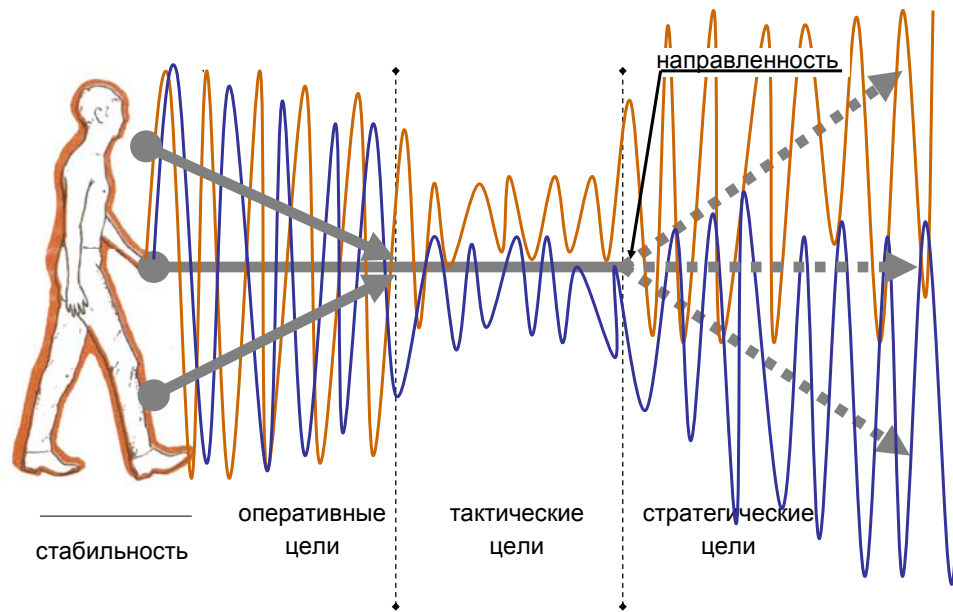

Рис. 2. Сохранение психологической стабильности и направленности личности при разнонаправленных стратегических целях

При такой постановке целей достигается внутренняя уверенность и стабильность: не страшны изменения, нет сверхзадач, а, соответственно и стресса, связанного с обязательностью их выполнения и недостижимостью цели. При этом, направленность человека достаточно твердо и определенно ведет его к образу желаемого будущего. Нам не нужно перестраивать себя и свой образ жизни под новые цели. Достаточно руководствоваться оперативными целями на каждый день, которые формируют цель стратегическую. Важно, что такой подход позволяет постоянно формировать жизненные силы и не уходить в состояние апатии. Жизненные силы формируются за счет успешности и осмысленности поведения человека. Поставленные цели достижимы и осмысленны, виден образ желаемого будущего как общая направленность деятельности.

Вопрос 2. С чего начинать поиск смысла жизни? Блез Паскаль писал, что в человеке есть «слабое звено», внутренняя хрупкость. Хрупкость эта связана с тем, что мы смертны, но в отличие от животных, мы знаем это. Неминуемая смерть как будто ставит нам задачу: что ты делаешь в своей жизни и для чего живешь? Человек может отказаться от решения этого вопроса, но проблема останется и проявится она в страхе перед жизнью, пустотой и незаполненностью существования, хаотическим набрасыванием дел и тревогой. Значение смысла жизни в политической психологии и в жизни государства описано А.И. Юрьевым в коллективной монографии «Стратегическая психология глобализации. Психология человеческого капитала». Одним из доминирующих факторов, влияющих на формирование смысла жизни А.И. Юрьев называет религию.

В ходе исторического и личного развития человека религиозный опыт проходит от указаний, что делать: ритуалы, обряды, инструкции к описанию правил жизни. В итоге человеку дается понимание, как организовывать свой быт, формировать образ жизни (рис. 3). Религия могла бы способствовать пониманию происходящих событий (их смысла) и давать личный смысл жизни человеку. И для этого не нужно объяснять происхождение человека и давать описание несовершенства земной жизни. Религиозные течения обладают совершенно разными эффективными техниками воздействия на психическое. В первую очередь, подразумевается технологии самопознания: медитации,

молитвы и иные формы «диалога» с собой и миром, а также технологии работы с эмоциями.

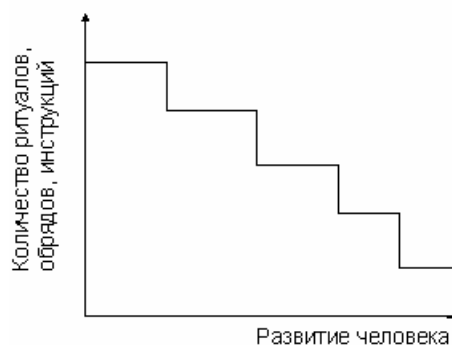

Рис. 3. Изменение соотношения ритуалов, обрядов и инструкций в религии с развитием человека и общества

Для выполнения задачи формирования смысла жизни нет необходимости объяснять устройство мироздания. Наука и религия сейчас как никогда близки к единой точке зрения, только по-разному сформулированной. Думаю, что вряд ли ученые станут возражать против основного постулата, за который борются религиозные течения: «некая сила дала толчок к появлению жизни» и «слишком много сложных условий существует, чтобы именно на планете Земля сложилось (случайно?) такое огромное количество обстоятельств, сделавшее возможным зарождение жизни, не говоря уже о жизни разумной». А что это за сила? Священники говорят — божественная сила, наука говорит — некие процессы, пока точно не известные (уж слишком много абсолютно разных точек зрения и все с доказательствами). Назовем эту первопричину «нечто», и логическое противоречие снято.

В вопросе поиска смысла жизни наука и религия могли бы искать общие пути. Именно объединение технологий работы с духовным и психическим открывает путь к формированию смысла и нахождению конкретных техник и методик для работы с собой. Некоторые психологи и психотерапевты уже сейчас делают самостоятельные шаги навстречу использованию религиозного опыта (экзистенциальная психология). Для начала совместной работы науки и религии над поиском смысла жизни психология должна признать кроме психического наличие «духовного» в человеке, а религия — сместить акцент с интерпретации мироздания к объяснению основных правил жизни человека. Эти два противоречия могут изрядно помешать найти точки соприкосновения.

Таким образом, использование ряда религиозных и психотерапевтических техник может стать отправной точкой в работе по поиску смысла жизни. В этих целях уже сейчас успешно используется медитация смерти, позволяющая пережить свою смерть, перестать испытывать страх перед ней и увидеть смысл, ради чего жить (танатотерапия) а так же философия постоянных перемен — отказ от привязанностей, умение выделять главное. Многие восточные школы медитаций и йоги уже работают в этом направлении. Наиболее эффективным мне представляется сочетание разных технологий самопознания.

В завершении статьи необходимо отметить, что это первый опыт презентации психологии позитивной политики на примере работы с формированием жизненных сил человека. В работе использован принцип идеализации научного знания, с помощью которого представлено описание теоретической модели формирования жизненных сил через постановку целей и обретение смысла жизни.

Коновалова М.А. к.пс.н. Значение свободы для существования политического человека.

Политический человек – краеугольный камень политической психологии. У него есть только ему присущие психологические свойства и особенности, и он существует только в своей, политической среде. Если факт существования человека-оператора в инженерной психологии очевиден в системе «человек-техника», то факт существования политического человека подтверждается только в системе «человек-власть» по объему свобод, который он обретает в этих отношениях. Иначе говоря, для обнаружения, регистрации и измерения политического человека требуются индикаторы, в психологии системно не применявшиеся. К таким индикаторам относятся меры его самоконтроля, саморегуляции, самоуправления и самовоспитания – в итоге: самосознания. Именно эти меры позволяют оценить степень его свобод, а значит меры его «политичности».

Связь между психологическим феноменом – сознанием человека и политическими явлениями – свободой человека, обнаруживалась не только политическими психологами. Например, Д.А. Леонтьев в своей статье «Психология свободы: к постановке проблемы самодетерминации личности»³ отмечает связь между свободой и феноменом сознания. У Э. Фромма свобода выступает как действие, вытекающее из *осознания* альтернатив и их последствий, различения реальных и иллюзорных альтернатив.⁴ По мнению Р.Мэя свобода – это способность человека управлять своим развитием, тесно связанная с *самосознанием*, гибкостью, открытостью, готовностью к изменениям. Чем менее развито *самосознание* человека, тем более несвободным он является, т.е. тем в большей степени его жизнью управляют различные вытесненные содержания, условные связи, образовавшиеся в детстве, которые он не держит в памяти, но которые сохраняются в бессознательном и управляют его поведением. По мере развития *самосознания* соответственно увеличивается диапазон выбора человека и его свобода.⁵ У. Тейджесон в своем синтетическом варианте гуманистической психологии, опираясь на конкретные психологические данные, определяет свободу как переживание самодетерминации, связанное с *самосознанием*. «Психологическая свобода или сила самодетерминации неразрывно связана со степенью и масштабами *самоосознания* (self-awareness) и тем самым тесно коррелирует с психологическим здоровьем или аутентичностью».⁶ Д.А. Леонтьев приходит к выводу, что «осознание как основа свободы» это один из узловых аспектов проблемы свободы: «Безусловно, осознание факторов, влияющих на мое поведение, является решающим в освобождении от их влияния. Но речь идет об осознании не только того, что есть, но и того, чего пока еще нет, - осознании имеющихся возможностей, а также предвосхищении вариантов будущего».⁷

Одним из вариантов практической реализации этих предположений является модель David Nolan, который ссылался на утверждения президента Thomas Jefferson и писательницы Ayn Rand. Они считали, что в основе любой политики лежит регулирование свобод человека – политической, экономической и личностной. Политика характеризуется мерой того, какой объем каждой свободы контролирует власть, а какой объем свобод остается человеку. Такая модель существенно эффективнее одномерной шкалы «левые-правые», протягивающейся от Сталина до Гитлера.

Трехмерная модель David Nolan характеризует условия жизни человека не как точку на прямой, а как объем его реального *жизненного пространства*, определяемый его

³ Леонтьев Д.А. «Психология свободы: к постановке проблемы самодетерминации личности». Психологический журнал. Т. 21, № 1, 2000.

⁴ Фромм Э. Душа человека. М.: Республика, 1992.

⁵ May R. Man's search for himself. N.Y.: Signet book, 1953.

⁶ Tateson W. Humanistic psychology: a synthesis. Homewood (Ill.): The Dorsey Press, 1982.

⁷ Леонтьев Д.А. Указ. Соч.

длиной (размер экономических свобод), шириной (размер политических свобод), высотой (размер личностных свобод). Объем и форма жизненного пространства варьируется тремя свободами человека от нулевого (где нет места даже для его тела), до бесконечно большого (права «человека мира», не ограниченного никакими запретами). Об этом писал И. Берлин: «политическая свобода – это всего лишь пространство, в котором я могу без помех предаваться своим занятиям, Если другие не дают мне сделать то, что без них я сделал бы, я несвободен; а если пространство сужают до минимума, можно сказать, что я подвергся принуждению или даже порабощению»⁸

Разные политические течения (коммунисты, социал-демократы, либералы, консерваторы, фашисты, либертарианцы, анархисты, монархисты), варьируют размеры трех свобод человека, и этим отличаются друг от друга. Они предлагают человеку жить в пространствах разного размера и разной формы. Примером личностных свобод является право человека, например, право «Обладать огнестрельным оружием», экономических свобод – право «не страховать свой автомобиль», политических свобод – право «голосовать или не голосовать на выборах». Теоретически, если свободы человека стремятся к плюс бесконечности, то человек обретает жизненное пространство, ограниченное только его природными возможностями. Но стоит только одной свободе минимизироваться до нуля, как человек полностью утрачивает жизненное пространство и должен физически погибнуть. Между максимальными и минимальными объемами свобод человека находится огромный диапазон и форм жизнеобеспечения человека, которые определяются идеями и программами политических партий. Вся политическая борьба между партиями сводится к величинам свобод и соотношением величин трех свобод между собой.

Психологическое содержание трех видов политических свобод заключается в возможности человека сохранять ясное полное сознание. Уже первые признаки утраты сознания порождают у человека беспокойство, дискомфорт, потерю уверенности в себе, надежды на будущее. Грозные признаки потери сознания тяжело переносятся человеком, вызывая у него страх, панику, ужас. Лишаясь сознания, человек автоматически лишается всех гражданских свобод в форме медицинской изоляции, права на защиту, запрета на профессии, образование, передвижения, проживания. И напротив, лишаясь свобод – он автоматически лишается сознания, потому масштаб его сознания и есть масштаб его жизненного пространства.

По нашему мнению, человек имеет абсолютно надежные психологические индикаторы объема своего сознания: такие, как ощущение самоконтроля, саморегуляции, самоуправления. Иначе говоря, утрата сознания человеком начинается, когда самоконтроль подменяется внешним контролем, саморегуляция - внешней регуляцией, самоуправление - внешним управлением. Так сознание человека подменяется «сознанием» политической власти. Власть добивается ограничения сознания человека ограничением его свобод: самоконтроля – ограничением его личностных свобод, саморегуляции - ограничением экономических свобод, самоуправления – ограничением политических свобод.

В ленинградской психологической школе принято анализировать человека как носителя индивидных свойств, субъектных, личностных и свойств индивидуальности.⁹ Тогда, строго говоря, самоконтроль присущ человеку как индивиду (пол, возраст, свойства нервной системы, конституция), саморегуляция - человеку как субъекту (воля, мышление, аффект, перецепция), самоуправление – человеку как личности (темперамент, характер, направленность, способности), самовоспитание – человеку как индивидуальности (индивидуальная история, индивидуальные особенности, опыт, продуктивность).

⁸ Берлин И. Философия свободы. М., 2001. С. 124.

⁹ Ганзен В.А. Системные описания в психологии. Л., 1984. С. 159.

Первое психологическое измерение свободы: самоуправление личности. (Политическая свобода)

Самоуправление присуще только сильной личности. Сила личности определяется силой веры человека в ценности, имеющие для него решающее значение. Вера человека всегда имеет формулировку. Вера много сильнее, чем социальные роли, права и обязанности, следующие из социального положения человека. Проявляется вера в форме самоуправления, которое часто относят к свойствам характера. Но если мотив не сформулирован словами, то человек не имеет мотива, и его поведение не мотивировано. В этом случае самоуправление ослаблено или отсутствует. Такого человека часто квалифицируют как психически незрелого. В случае отсутствия веры нет способности к самоуправлению. Тогда человек обнаруживает психическую незрелость, пытается негодными средствами разрешить конфликты, не понимает собственных проблем. Отнять у личности политическую свободу – значит лишить человека самоуправления. В таком состоянии он без сопротивления соглашается на введение внешнего управления – ограничение его политической свободы.

Так и иначе об этом догадывались многие выдающиеся ученые. Еще Ш.Монтескье считал, что политическая свобода человека состоит не в том, чтобы делать все то, что хочется. В обществе, где есть закон, свобода может заключаться лишь в том, чтобы делать то, чего должно хотеть, и не быть принуждаемым делать то, чего не должно (по закону) хотеть.¹⁰ Обладание политической свободой поэтому предполагает у него правление законов, при котором гражданин не боится другого гражданина. Иначе говоря, Ш.Монтескье разграничивает политическую свободу, выраженную в государственном строе (и осуществляемую посредством разделения и взаимного уравновешивания властей), и политическую свободу, реализуемую в чувстве уверенности гражданина в собственной безопасности.¹¹ При этом Г.Честертон политической свободой считал возможность открыто выражать то, что тревожит достойного, но недовольного члена общества.¹²

Знатоки политической свободы по обе стороны океана приходили к одним и тем же выводам относительно политической свободы. Ф.Хайек считал, что «Свобода есть не просто отдельная ценность, а источник и условие всех моральных ценностей».¹³ В.И.Ленин совершенно также считал политической свободой, прежде всего, право народа выбирать своих уполномоченных в парламент. Все законы при этом должны предварительно обсуждаться и публично издаваться, все налоги назначаться исключительно органом народного представительства. Политическая свобода означала для В.И.Ленина также право народа выбирать себе чиновников, устраивать обсуждения государственных дел, издавать без всяких разрешений книги и газеты.¹⁴

У них, как и у У.Т.Гоббса, свобода реализовалась в рамках упорядоченного социума, так что наибольшая свобода подданных у него проистекает из умолчаний закона.¹⁵ Если это не соблюдалось, то как отмечал П.Кропоткин: "Самые упорные стачки и самые отчаянные восстания происходили из-за вопросов о свободе, о завоеванных правах, -- более, чем из-за вопросов о заработной плате", -- писал он.¹⁶

По мнению К.Ясперса, пространство действия индивида не только не исключает, но и в обязательном порядке предполагает контакт или взаимодействие с пространством

¹⁰ Монтескье Ш. Избранные произведения. -- М.: Госполитиздат, 1955. -- С. 288--289.

¹¹ Декларация прав человека и гражданина 1789 г. История и современность. -- Советское государство и право, 1989, # 7. -- С. 46.

¹² Честертон Г. Писатель в газете. -- М.: Прогресс, 1984. -- С. 144.

¹³ Hayek F. The Constitution of Liberty. -- Chicago: University of Chicago Press, 1960.

¹⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 7. -- С. 134—135.

¹⁵ Стрельцова Г. Барокко и классицизм -- XVII в. // Человек: мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. -- М.: Политиздат, 1991. -- С. 281.

¹⁶ Кропоткин П. Хлеб и воля. Современная наука и анархия. -- М.: Правда, 1990. -- С. 388.

свободы других. Такой свободе, писал К.Ясперс, обычно присущи два момента: страстное стремление к свободе и трезвость в оценке непосредственно стоящих перед ней целей.¹⁷ Он считал, политическую свободу фундаментальной, предваряющей все иные свободы. По его мнению, воля к созданию основанного на праве мирового порядка ставит своей целью не просто свободу, но политическую свободу, открывающую перед человеком возможность подлинного выбора.¹⁸ И для Р.Рейгана политическая свобода есть наиболее фундаментальное из всех прав человека.¹⁹

А проще всех высказался Д.Хауард. Он считал политическую свободу правом выражать себя полностью и свободно высказывать взгляды, которые могут показаться другим неортодоксальными, еретическими или неприемлемыми.²⁰

Второе психологическое измерение свободы: саморегуляция субъекта. (Экономическая свобода)

Саморегуляция присуща только субъекту труда, которой он овладевает в процессе игры, общения и познания. Жизненная сила субъекта труда определяется производением смысла его жизни на ее цель. Величина этого произведения определяет исход борьбы его мотивов и выбор, который он делает. Психологически это проявляется в первую очередь в интенсивности и продолжительности психологического усилия, которые регистрируются как сила воли, мышления, страстей. Самостоятельность и настойчивость субъекта труда проявляется в форме саморегуляции, которую часто относят к свойствам воли и культуры. Субъект труда легко следует социальным нормам, подчиняется правилам поведения. Но если способность субъекта «держаться психологическое усилие» невелика, он утрачивает способность к саморегуляции. У него возникают трудности социальной адаптации, он начинает пренебрегать общепринятыми нормами деятельности. В случае утраты смысла жизни и цели, субъект теряет свои свойства, главным из которых является способность к саморегуляции. Отнять у личности экономическую свободу – значит лишить человека саморегуляции. В таком состоянии он охотно соглашается на введение внешнего регулирования – ограничение его свободы как субъекта труда. Экономическая свобода – это свобода субъекта от внешнего регулирования, ограниченная только своей способностью преодолевать сопротивление чужой воли.

Поэтому исследователи экономической свободы (хотя они так не всегда ее именовали), понимая ее, как право человека распоряжаться своими действиями, владениями и собственностью в рамках законов, не подвергаясь при этом деспотической власти другого человека.²¹ Н.Бердяев, совершенно согласно с этим писал: "Свобода есть моя независимость и определяемость моей личности изнутри, и свобода есть моя творческая сила, не выбор между поставленным передо мной добром и злом, а мое созидание добра и зла. Самое состояние выбора может давать человеку чувство угнетенности, нерешительности, даже несвободы. Освобождение наступает, когда выбор сделан и когда я иду творческим путем".²² Не удивительно, что в СССР учили, что: «Свобода – возможность поступать так, как хочется. Свобода – это свобода воли».²³

Однако, экономическая свобода означает прежде всего собственную конструктивную активность. Поэтому Д.Талмон писал, что свобода означает практическое решение инициировать что-либо спонтанно.²⁴ Для Д.Дьюи свобода -- это

¹⁷ Ясперс К. Цель -- свобода. -- Новое время, 1990, # 5. -- С. 36.

¹⁸ Ясперс К. Смысл и назначение истории. -- М.: Политиздат, 1991. -- С. 263.

¹⁹ Рейган Р. Свобода, прогресс и мир. -- Международная жизнь, 1988, # 11. -- С. 12.

²⁰ Хауард Д. Два века конституционного правления. -- Америка, 1987, январь, # 362. -- С. 6.

²¹ Локк Д. Сочинения. В 3-х т. Т. 3. -- М.: Мысль, 1988. -- С. 292.

²² Бердяев Н. Самопознание (опыт философской автобиографии). М., "Книга", 1991. С. 61

²³ Краткая философская энциклопедия. М., Издательская группа «Прогресс» – «Энциклопедия», 1994.

²⁴ Talmon J. Political Messianism. -- London: Secker and Warburg, 1960. -- P. 180.

эффективная возможность делать конкретные вещи. Даже Вольтер понимал ее как исключительную возможность действовать.²⁵

И все же, в политическом смысле, важно мнение Д.Ролза о том, что свобода может быть понята, если мы обратимся к трем положениям: субъектам, которые свободны; сдержкам и ограничениям, от которых свобода освобождает; а также к тому, что именно субъекты свободны предпринимать или не предпринимать.²⁶ Точно так же считал Д.Локк, считая свободу естественным правом человека, который не обязан подчиняться воле и власти другого человека.²⁷ Кроме того Д.Локк не признавал за свободным человеком права уничтожить себя или живое существо в своем владении, за исключением случаев, когда такое уничтожение необходимо для более благородного использования, чем сохранение.

Относя свободу к высшим социальным ценностям, он считал, что свобода от деспотической власти настолько существенна, что человек может расстаться с ней, лишь поплатившись за это своей безопасностью и жизнью.²⁸ [Понимая свободу, как право человека распоряжаться своими действиями, владениями и собственностью в рамках законов, не подвергаясь при этом деспотической власти другого человека, Д.Локк ставил свободу гражданского общества выше свободы, которой располагает политическая власть. У него "сообщество постоянно сохраняет верховную власть для спасения себя от покушений и замыслов кого угодно, даже своих законодателей, в тех случаях, когда они окажутся настолько глупыми или настолько злонамеренными, чтобы создавать и осуществлять заговоры против свободы и собственности подданного"²⁹

Третье психологическое измерение свободы: самоконтроль индивида. (Личностная свобода)

Самоконтроль присущ только здоровому индивиду, ведущему здоровый образ жизни. Здоровье индивида не исчерпывается его медицинскими характеристиками – оно имеет экзистенциальную основу в виде смысла жизни. Смысл жизни определяет систему эталонов образа жизни, а самоконтроль устанавливает рассогласование между этими эталонами и контролируруемыми параметрами поведения. Эталоны определяют все: режим дня, структуру свободного времени, стиль общения с окружающими и др. По сути это – овладение процессами собственного поведения, которое и проявляется в форме самоконтроля. Это свобода индивида от искушений, ограниченная только возможностями организма. Если же у человека отбирается право на самоконтроль, то он автоматически лишается системы эталонов, определенной смыслом жизни, и переходит под внешний контроль при помощи иных эталонов, иного образа жизни, иного смысла жизни. Отобрать у человека личностную свободу – значит лишить его самоконтроля.

Для Л.фон Мизеса свобода означала возможность индивида моделировать свою жизнь по собственному плану, который не навязывается ему властями с помощью аппарата принуждения. При этом действия индивида ограничиваются не насилием или угрозой его применения, а только лишь физической структурой его тела и естественными пределами его возможностей.³⁰ Л. фон Мизес писал, что история западной цивилизации -- это история непрекращающейся борьбы за именно таким образом понимаемую свободу

Фундаментальность такой свободы, как самоконтроль доказывается священными текстами. Так согласно Библии, освобождение *от греха* делает человека *свободным для служения Богу* (Рим 6:7,18,20, 22; 7:6). Немногие страницы истории Израиля рассказывают о днях независимости. Гораздо чаще народ находился под гнетом

²⁵ Мир философии. Ч. 2. -- М.: Политиздат, 1991. -- С. 183.

²⁶ Rawls J. A Theory of Justice. -- N.-Y.: Oxford University Press, 1973. -- P. 202.

²⁷ Локк Д. Указ. Соч. с.292.

²⁸ Локк Д. Указ. Соч. с.275.

²⁹ Локк Д. Указ. Соч. с.349.

³⁰ Мизес Л.фон. Антикапиталистическая ментальность. -- N.-Y.: Телекс, 1992. -- С. 3.

чужеземных правителей. В эти тяжелые времена евреи мечтали о свободе (Пс 13:7), особенно это касается периода вавилонского плена (Пс 125:1; 136:1 и след.). Народ Ветхого Завета воспринимал свободу как великий дар Божий, о котором можно и нужно просить Дарителя всех благ. Отношение израильтян к рабам и пришельцам свидетельствовало о том, сколь высоко они ценили свободу. Рабы-евреи не должны были оставаться рабами в течение всей жизни (Иер 34:9; -> Раб).

Если Бог лишал человека или народ свободы, значит вершился суд Божий (Втор 28:58 и след.); 2) Иисус Христос не осуждает стремления к свободе, Он отвергает лишь насильственное достижение ее. Иисус Христос не отвергает и обостренное чувство свободы, заставлявшее смотреть на римлян как на поработителей. Он предостерегает от переоценки земной свободы в ущерб истинной свободе, даруемой Им Самим (Ин 8:31 и след.; ср. 1Кор 7:22). Хотя Благая Весть провозглашает принципы, необходимые для создания такого государственного устройства, при котором, на основании всеобщего подобия Богу, каждый может быть свободным, тем не менее Новый Завет отражает весьма реалистичный взгляд на отношения между рабами и свободными людьми (см. Флм). Поскольку, в ожидании скорого Второго пришествия, социальные вопросы представлялись малозначительными, то и вопрос о реальной форме государственного устройства, более всего соответствующей библейскому представлению о человеке, является в Новом Завете второстепенным. Центральное место занимает вопрос об отношениях между Богом и человеком, т.е. о свободе от греха и спасении. Из этого, однако, не следует, что человек, живя на земле, не должен добиваться справедливости в общественных отношениях.

Есть понятие «свободы от греховного плена». Грех - это рабство, плен (Ин 8:34). Совершив грехопадение, человечество стало несвободным (см. выше). Трагизм положения заключается в том, что большинство людей не подозревает, что в то время как они считают себя свободными, они на самом деле поработены грехом и смерть их неизбежна. Кто, подобно блудному сыну, вовремя очнется от сна и предаст себя в руки единств. Освободителя и Помощника, кто, пройдя путь блудного сына, примет решение (ст. 18), раскается и исповедует грехи (ст. 21), тот возвратится в отчий дом, обретя через веру С. и радость (ст. 24). Это - путь к свободе, путь к Тому, Кто дарует свободу (Ин 8:36). Иисус Христос - Победитель греха, смерти и дьявола (Кол 2:15; Евр 4:15 и след.). Всех, кто следует за Ним, Он "призывает к свободе" (Гал 5:13), которую Он дарует (ст. 1). Обретшие свободу стали рабами Божьими (Рим 6:18). Достижение этого нового состояния связано с изменениями отношений между людьми (Гал 3:28). Окончательную свободу человек обретет после смерти, покинув царство князя тьмы (Ин 14:30).

Четвертое психологическое измерение свободы: самовоспитание индивидуальности (Интеллектуальная свобода)

Самовоспитанием обладает только индивидуальность, что означает - обладание целью жизни, определенной научной картиной мира. Самовоспитание - это самостоятельное свободное развитие человека в определенном направлении. Главным в самовоспитании является то, что это - четвертое измерение свободы, которое никак не контролируется властью. Интеллектуальная свобода имеет природу, которая ныне именуется виртуальной. Т.е. реально определяя всю жизнь человека, она нематериальна, не имеет запаха, вкуса, цвета, веса, не обнаруживается, не регистрируется, не квалифицируется, и поэтому ...не регулируется, не контролируется, не управляется извне индивидуальности.

Уходя из трехмерного несвободного пространства, индивидуальность способна жить в четвертом измерении в своих представлениях, в своем воображении, в фантазиях, которые не менее реальны, чем то материальное пространство, которое власть оставляет несвободному человеку. Поэтому они предвосхищали, предваряли, антиципировали, предвидели то, о чем было запрещено говорить людям, которые не были

индивидуальностями. В четвертом измерении жили все выдающиеся ученые, писатели, поэты, первооткрыватели – все они жили за пределами поля власти. Самовоспитание – это свобода индивидуальности от непонимания, ограниченная только возможностями своего собственного разума и своих знаний о картине мира.

Этим объясняется загадочная фраза Шлегеля: "Земной человек - это определенная, необходимая ступень в ряду организаций, имеющая определенную цель. Эта цель земного элемента на высшей ступени организации - раствориться, перейти в высшую форму, возвратиться в свободу высшего элемента".³¹

Все другие объясняли это проще: «Свобода - способность человека действовать в соответствии со своими интересами и целями, опираясь на познание объективной необходимости». ³² По мнению Р.Люксембург, политическая свобода есть свобода инакомыслия, свобода тех, кто думает по-иному, ибо все социально воспитывающее, очищающее и оздоравливающее зависит именно от этого условия, теряющего свою эффективность в условиях, когда политическая свобода становится привилегией.³³

Проблема индивидуальности в других терминах представлена в размышлениях выдающихся людей. Свобода, писал Х.Ортега-и-Гассет, есть потенциальная возможность интеллекта разъединять традиционно объединенные понятия. Исторически же она была порождена обстоятельствами городской жизни.³⁴ А по мысли Ю.Хабермаса, политическая свобода всегда есть свобода субъекта, который сам себя определяет и сам себя осуществляет, это всегда свобода людей в условиях определенной системы правления. Иными словами, это свобода следовать своему желанию в случаях, когда этого не запрещает писанный закон. В то же время, естественная свобода заключается у него в том, чтобы не быть связанным ничем, кроме закона природы.

Свой опыт жизни представили в понимании свободы многие ученые. Для Б.Спинозы свобода была естественным правом, индивидуальной способностью судить о вещах без принуждения к этому.³⁵ А развернутое определение свободы у Т.Гоббса гласит: "Под свободой, согласно точному значению слова, подразумевается отсутствие внешних препятствий, которые нередко могут лишить человека части его власти делать то, что он хотел бы, но не могут мешать использовать оставленную человеку власть сообразно тому, что диктуется ему его суждением и разумом".³⁶

В наше время политики сами понимают, что «свобода -- это право ставить под сомнение и менять установленный порядок вещей». ³⁷ Это постоянное преобразование рынка, способность всюду замечать недостатки и искать пути их исправления. Это право на выдвижение идей, которые кажутся несерьезными для специалистов, но которые, возможно, найдут поддержку простых людей.³⁸ Это право на претворение в жизнь мечты, следуя голосу своей совести даже в окружении сомневающихся. Это признание того, что ни один человек, учреждение или правительство не владеет монополией на правду, что жизнь человека обладает бесконечной ценностью, и что поэтому она не бессмысленна.³⁹

А вообще, интеллектуальная свобода, как результат самовоспитания индивидуальности, по мнению Ф.Мозера - это: «свобода гражданина думать, говорить и писать».⁴⁰

³¹ Шлегель Ф. Развитие философии в 12-ти книгах. Эстетика. Философия. Критика. М. 1983. Т.2 стр. 186 – 187.

³² Философский энциклопедический словарь. М., «Советская энциклопедия», 1983.

³³ Мушинский В. Личность и политическая культура. -- Советское государство и право, 1989, # 4. -- С. 45.

³⁴ Novak M. The Spirit of Democratic Capitalism. -- London: IEA Unit, 1991. -- P. 14.

³⁵ Мир философии. Ч. 2. с. 237.

³⁶ Мир философии. Ч. 2. с. 175.

³⁷ Рейган Р. Жизнь по-американски. -- М.: Новости, 1992. -- С. 723—724.

³⁸ Рейган Р. Откровенно говоря. -- М.: Новости, 1990. -- С. 353, 373, 394.

³⁹ Рейган Р. Выступление в МГУ. -- USA: Изд-во Информационного агентства США, 1988. -- С. 6.

⁴⁰ История буржуазного конституционализма XVII--XVIII вв. -- М.: Наука, 1983. -- С. 223.

Заключение

Вне всякого сомнения есть прямая связь между свободой человека и его психологическими качествами, т.е. между политикой и психологией. Неверно думать при этом, что свобода только лишь регулирует реальное поведение людей, а люди при этом сохраняют все свои человеческие качества неизменными. В действительности, характер и мера политических свобод прямо формируют человека, который и есть главный продукт гигантского промышленного производства – государства. Какие люди нужны государству, такими оно и формирует их дозированием свобод человека. Время от времени государство осознает, что уровень его конкурентоспособности определяется уровнем мировой конкурентоспособности его граждан. И тогда появляется вопрос – как поднять конкурентоспособность своих солдат, инженеров, спортсменов, бизнесменов, дипломатов? Ответ – расширением национального жизненного пространства своих граждан до масштабов мирового жизненного пространства за счет расширения его свобод: личностных, экономических, политических, интеллектуальных.

Здесь появляется вопрос: а как же Россия, давая своим жителям минимальные свободы, тем не менее, довольно успешно конкурировала на внешних рынках, в войнах, спорте, науке, литературе, искусстве? Откуда появлялись уникальные качества человеческих ресурсов, сделавших Россию всемирно известной, признанной державой? Ответ: есть четвертое измерение свободы – интеллектуальное, которое принадлежит индивидуальности и измеряется мерой самовоспитания человека. Это четвертое измерение свободы, как пространство в школьной геометрии, имеет виртуальный характер. Это и не длина, и не ширина, и не высота. Поэтому государство, власть вообще, никогда не имели инструмента для влияния на интеллектуальную свободу своих граждан.

Четвертое психологическое измерение свободы, которым обладали все индивидуальности во все времена и у всех народов, никогда ранее и до сих пор не регулируется политической властью. Это четвертое психологическое измерение свободы непредсказуемым и неуправляемым образом определяет глобальные изменения в мире, в науке, технике, в культуре, в социальной жизни. Наверное, эта особенность интеллектуальной свободы побуждала основателей факультета психологии Ленинградского университета, академика Б.Г.Ананьева и его учеников, сделать психологию индивидуальности своей ведущей научной проблемой. Связь психологии и свободы – грандиозная тема политической психологии, в которой таятся грядущие изменения мира и человека.

Кривова А.В. к.пс.н. Применение знаний о психологии потребителей в управлении брендом.

Управление брендом — производная от психологии потребителя. В книгах по брендингу содержится огромное количество рецептов того, как превратить торговую марку в бренд, как создать успешный бренд «с нуля» и поддерживать его жизнеспособность на высококонкурентных рынках в течение долгих лет. Одни авторы при создании этих «рецептов успеха» используют собственные теоретические подходы и претендуют на оригинальность, другие не скрывают приверженности теориям своих более успешных коллег. Однако очевидно, что все рекомендации в области брендинга призваны помочь специалистам ответить на один-единственный вопрос: как заставить потребителя выделить какой-либо товар (услугу из группы аналогичных товаров) услуг, запомнить и захотеть (а в идеале — страстно желать) воспользоваться именно им/ей? Об этом свидетельствуют уже сами классические определения бренда: «Бренд — это совокупность ассоциаций, возникающих в сознании потребителей и добавляющих воспринимаемую

ценность товару или услуге»⁴¹. Один из гуру современного брендинга — Жан-Ноэль Капферер⁴² — также признает первичность психологической составляющей в управлении брендом, правда, отмечая при этом и исключительную важность самого товара/услуги.

Традиционно в науке под названием бренд-менеджмент существуют два противоречащих друг другу подхода. Один подход во главу угла ставит потребителя и фокусируется, прежде всего, на отношениях, возникающих между потребителем и брендом, на тех эмоциях, мотивах и ценностях, которые транслирует бренд и воспринимает потребитель. Данный подход можно с уверенностью назвать *социопсихологическим*. Другой подход, измеряя стоимость брендов в любых видах национальных валют, является *экономическим* по своей сути. Оба подхода имеют ярых сторонников. Однако, как справедливо отметил Капферер, «бренды имеют финансовую стоимость, поскольку они создают активы в умах и сердцах потребителей, дистрибьюторов, тех, кто делает заказы и является лидерами мнений». Действительно, именно благодаря особому отношению потребителей, которые в итоге «голосуют своими кошельками», торговая марка становится и остается брендом.

Таким образом, имеются все основания полагать, что брендинг, изначально зародившийся в русле экономики (вернее, в русле маркетинга как части экономики), но по сути своей базирующийся на законах психологии потребителей, является в первую очередь *производной от психологии потребителя* и только потом — подразделом экономики.

Конкретные составляющие психологии потребителя, которые необходимо учитывать в управлении брендом. Знаменитая формула, выведенная еще в 1896 г. для оценки успешности рекламного сообщения, — AIDA (от англ. attention, interest, desire, action — внимание, интерес, желание, действие), несмотря на свою крайнюю упрощенность, справедлива и для управления брендом. В брендинге также важно привлечь внимание, возбудить интерес, вызвать желание получить требуемый товар/услугу, продающиеся под конкретным брендом, и, наконец, побудить потребителя совершить покупку. Однако эта формула лишь констатирует последовательность желаемых *результатов*, не указывая на то, как этих результатов достичь. Неудивительно, ведь в 1896 г., по сути, не было ни рекламы, ни маркетинга, ни брендинга в современном понимании. С тех пор многое изменилось, и над способами привлечения внимания (и, в конечном итоге, побуждения к покупке) на рынке консультирования в области стратегического и оперативного брендинга работают команды профессионалов высочайшего класса — психологов, социологов, маркетологов и дизайнеров. Итак: 1) восприятие (внимание и память); 2) эмоции и чувства; 3) потребности; 4) мотивы; 5) ценности.

Вот основной (но далеко не полный) список психических процессов потребителей. На возможность управлять этими процессами корпорации во всем мире ежегодно тратят не один миллиард долларов.

Важно, что каждый из элементов в этом списке — ключевой. Стоит упустить из внимания хотя бы один из них, создавая будущий бренд, и вы проиграли! Например, можно четко определить воздействие образа бренда на «эмоциональные струны» потребителя, актуализировать нужные потребности и мотивы, опереться на базовые ценности целевой аудитории, но при этом название, логотип или просто форма их презентации будут такими, что у целевой аудитории произойдет сбой в процессе восприятия. До сих пор не могу забыть великолепный ролик, транслировавшийся в

⁴¹ Келлер К. Л. Стратегический брэнд-менеджмент: Создание, оценка и управление марочным капиталом / Пер. с англ. — 2-е изд. — М., СПб., К.: Вильямс, 2005. — 704 с.

⁴² Капферер Ж-Н. Бренд навсегда: создание, развитие, поддержка ценности бренда. — М.: Вершина, 2007. — 448 с.

рекламных блоках по всем федеральным каналам года четыре назад: потрясающая музыка, красивые актеры, завораживающая графика, общее ощущение радостного солнечного дня, удовольствия и одновременно полного удовлетворения. Я смотрела этот ролик с огромным интересом каждый раз, когда его показывали, но после его окончания каждый раз ловила себя на мысли, что так и не запомнила, что в нем рекламировалось. Кажется, какие-то конфеты. Это пример сбоя в целостном процессе восприятия бренда. Такое часто случается, когда форма бренда в целом или конкретного послания, транслируемого им, превалирует над содержанием. Можно легко найти подобные примеры и для остальных составляющих приведенного выше списка.

Методы выявления психологических особенностей потребителей и технология применения этих знаний в практике бренд-менеджмента. К настоящему моменту социальная и политическая психология достигли таких высот, что об особенностях эмоционально-чувственной, потребностно-мотивационной, ценностной сфер, а также о законах восприятия потребителей различных возрастных и социальных групп известно практически все. Методы исследования вышеприведенных психологических характеристик весьма разноплановы: от простого анкетирования до лабораторных психофизиологических исследований высочайшего уровня сложности с обязательной последующей обработкой полученных данных методами математической статистики. Арсеналом этих методов в совершенстве владеют психологи. В данной статье едва ли стоит подробно их описывать. Дело в том, что в брендинге крайне редко возникает необходимость изучения строго психологических характеристик потребителей: в данном направлении, действительно, уже открыто множество законов и закономерностей, что позволяет полностью удовлетворить потребности современных бренд-менеджеров в знаниях подобного рода.

По этой причине ключевой задачей для бренд-менеджмента при выявлении психологических особенностей потребителей является всего лишь точное и полное определение целевых аудиторий⁴³ бренда. После выяснения характеристик пола, возраста, уровня образования, социального статуса, рекламных предпочтений целевых аудиторий проекта в практическом бренд-менеджменте достаточно просто систематизировать уже описанные законы развития психических свойств, состояний и функций для данной аудитории и действовать далее в соответствии с этой информацией.

Решение задачи по определению и описанию целевых аудиторий бренда лежит на стыке экономики, социологии и психологии. Если говорить о методологии, позволяющей выполнить данную задачу, — арсенал практически полностью состоит из социологических методов: это и прямое наблюдение, и контент-анализ письменных и устных высказываний, и анкетные опросы, и интервью, и кейсы и многие другие методы.

Однако даже со 100%-й точностью определив свои целевые аудитории и описав закономерности протекания всех психических процессов для данных аудиторий, бренд-менеджер все же не застрахован от ошибки при создании, например, креативной концепции, включающей элементы визуализации и вербализации характеристик бренда. Самое надежное «средство страховки» от получения недостаточно действенных или просто непригодных для дальнейшего использования результатов на данном этапе — это исследование методами анкетирования либо проведение фокус-группы (участниками группы, естественно, должны выступить представители интересующих вас целевых аудиторий). Результаты фокус-групп могут ошеломить даже видавшего виды специалиста. Например, однажды при тестировании визуальных имиджей на представителях фокус-группы мы с коллегами были поражены тому, как, казалось бы, абсолютно удачное изображение счастливой семьи (мама, папа и ребенок) оказалось «забракованным» одним из участников фокус-группы. Его аргументация удивила всех: «Здесь изображена

---

⁴³ Речь идет именно об аудиториях, т.к. не часто бренд нацелен всего на одну группу потребителей. — *Прим. авт.*

счастливая семья из троих человек. Но это ущемляет интересы людей, у которых нет полной семьи! Почему я, глядя на вашу рекламу, должен чувствовать себя неполноценным?» Признаться, до этого нам и в голову не приходил такой «поворот мысли».

Конечно, тестирование готовых материалов приводит к дополнительным затратам на создание новых концепций развития бренда (в том случае, если тестируемая концепция по итогам исследования будет признана неудачной). Однако эти затраты полностью компенсируются экономией финансовых средств на продвижение «неправильного» имиджа посредством различных каналов коммуникации, а также снижением репутационных рисков компании. Поэтому стандартный алгоритм выявления психологических особенностей потребителей и применения этой информации в процессе создания и управления брендами в холдинге RBI включает в себя семь основных шагов.

1. Определение целей проекта.
2. Определение целевых аудиторий проекта в терминах социодемографических факторов: пол, возраст, образование, профессия, род занятий, семейное положение, доход на члена семьи и т.д. (при помощи методов социологии).
3. Описание (а при недостатке данных в открытых источниках исследование при помощи методов психологии) особенностей: восприятия (внимания и памяти); эмоций и чувств; потребностно-мотивационной сферы; ценностей; представлений, характерных для представителей целевых аудиторий проекта.
4. Сопоставление характеристик, составляющих идентичность (неизменяемую часть) родительского/поддерживающего по отношению к данному проекту бренда (в случае, если создается новый бренд, являющийся дочерним/поддерживаемым по отношению к какому-либо уже существующему или полностью «спроектированному» бренду), с выявленными психологическими особенностями целевых аудиторий проекта (методом пересечения); обнаружение, таким образом, полностью совпадающих характеристик, а также частично совпадающих характеристик и противоречий между характеристиками родительского/поддерживающего бренда.
5. Построение идентичности (сути, ценностей и личности) бренда с опорой на пересекающиеся характеристики, выявленные на этапе 4, и с акцентом на уникальных задачах конкретного проекта.
6. Описание позиционирования (изменяемой части бренда), основанного на идентичности бренда и уникальных задачах проекта.
7. Проверка полученных результатов при помощи анкетирования, фокус-групп и т. д. (при необходимости корректировка результатов с учетом данных проверки).

Эта методика позволяет минимизировать масштаб и количество ошибок в процессе управления брендом. Ее отличие от других алгоритмов, применяемых в современном бренд-менеджменте, — обширная психологическая составляющая, служащая, наряду с традиционными для бренд-менеджмента социодемографическими данными, надежным основанием для создания целостной и непротиворечивой архитектуры нового бренда.

Применение такого алгоритма, безусловно, будет полезным при создании любых брендов или планировании ребрендинга. В брендинге существуют единичные примеры, когда идеальный результат был получен интуитивным путем, что называется, по наитию. Однако применение описанной выше методики практически служит гарантией достижения точных и надежных результатов при управлении брендом.

Применение рассмотренной методики на примере разработки концепции продвижения бренда «Северный город». Чтобы проиллюстрировать применение описанной выше методики, подробно остановимся на описании процесса и результатах разработки концепции продвижения бренда «Северный город», принадлежащего холдингу RBI, на 2008 год.

1. Определение целей проекта. Перед сотрудниками отдела маркетинговых коммуникаций холдинга RBI, а также тремя рекламными агентствами Санкт-Петербурга,

участвовавшими в тендере, стояла задача стимулировать потребителей, сформировав у них убеждение, что покупка квартиры в «Северном городе» — это *просто* (имеется в виду легкость процедур оформления) и она *дает им возможность начать новую жизнь* в более независимом статусе собственника недвижимости. Новая квартира от «Северного города» открывает для людей новые возможности и горизонты. В качестве дополнительной обязательной задачи рекламной кампании было сформулировано: поддержать имидж «Северного города» как ипотечно-ориентированной компании.

2. *Определение целевых аудиторий проекта в терминах социодемографических факторов.* Компания ориентирована на всю аудиторию среднего класса. В терминах социально-демографических характеристик это означает вполне определенные параметры пола, возраста, социального статуса, образования, уровня доходов, семейного положения.

3. *Описание психологических особенностей представителей целевой аудитории.* В данном случае нами принимались во внимание только те психологические особенности представителей целевой аудитории, которые задействованы в процессе выбора и покупки квартиры, в том числе, через ипотеку.

1) *Восприятие.* Привлечь внимание и надолго запомниться в случае, когда речь идет о продаже недвижимости, способно сообщение, созвучное потребностям, мотивам и ценностям целевой аудитории.

2) *Эмоции и чувства.* Здесь важно было учесть, что покупка квартиры представителями среднего класса (а тем более покупка квартиры с использованием ипотечного кредита) — это не эмоциональное действие, а рациональное — выверенное и обдуманное. Однако в восприятии бренда эмоции и чувства зачастую играют ведущую роль. Соответственно, важно, чтобы бренд вызывал у потребителей чувства надежности, доверия и защищенности.

3) *Потребностно-мотивационная сфера.* Основной мотив покупки — иметь свою отдельную жилплощадь, а также расширение, улучшение существующих жилищных условий. В целом же покупка квартиры позволяет удовлетворить несколько различных потребностей человека: в первую очередь это потребность в безопасности; также посредством приобретения собственного жилья могут удовлетворяться (в качестве побочных) потребности в продолжении рода, в любви и дружбе, в признании и уважении.

4) *Ценности.* Основные ценности представителя целевой аудитории: самоуважение;

семейные ценности, дети; материальное благополучие; достижение статуса в обществе; самореализация (свобода, творчество); наслаждение жизнью (проведение свободного времени с удовольствием, путешествия).

5) *Представления.* В результате изучения представлений целевой аудитории в отношении жилья нами были сформулированы характеристики, которыми должен обладать идеальный дом. Выяснилось, что, по сути, потребителю не настолько важно то, что у него будут стеклопакеты с микровентиляцией или, например, радиаторы с регулировкой подачи тепла. Для человека важно то, как смогут все эти новейшие технические приспособления улучшить его среду обитания — сделать дом теплым, безопасным, современным и, наконец, удобным. Совокупность данных характеристик составила новый, утвержденный в компании «Северный город» стандарт, получивший название «Квартиры для среднего класса». Преимущество данного стандарта состоит в том, что он легко трансформируем, в зависимости от ситуации на рынке, ожиданий и требований покупателей. Например, сегодня в опцию «Современный дом» входят такие составляющие, как: эфирное/спутниковое/цифровое телевидение; фильтры очистки горячей и холодной воды; возможность подключения к скоростной выделенной линии Интернета; городской телефонный номер без очереди. Но уже завтра, с развитием современных технологий, наверняка в этот перечень будут добавлены и новые пункты.

Неожиданным «подводным камнем» при продвижении «Квартир для среднего класса» компании «Северный город» стал неудачный нейминг — само название

«Квартиры для среднего класса». Некоторые конкуренты, как только этот стандарт вышел на рынок, сразу «взяли его на вооружение», даже не меняя названия. И «Северный город», вкладывая средства в его продвижение, таким образом, в известном смысле продвигал и всю категорию. С другой стороны, такое положение дел вело к «размыванию» самого стандарта «Квартиры для среднего класса», т.к. далеко не все конкуренты подходили к его использованию так же ответственно, как «Северный город».

Что же касается процесса покупки жилья, то в отношении него у представителей целевой аудитории сформировались представления как о сложном процессе, требующем не только огромных материальных, но также и энергетических и временных затрат.

Этапы 4 и 5 в рамках рассматриваемой нами задачи не реализовывались, т.к. бренд не создавался заново и в ходе кампании 2007 года не планировалось модифицировать его идентичность. Кроме того, бренд «Северный город» не имеет поддерживающего или родительского бренда и выступает на рынке как самостоятельный зонтичный бренд, продвигающий под общим названием группу продуктов. Соответственно, необходимости в проведении этапов 4 и 5 в данном случае не было: мы опирались на уже существующую идентичность (т.е. суть, ценности и личность) бренда «Северный город».

б. Описание позиционирования (изменяемой части бренда), основанного на идентичности бренда и уникальных задачах проекта. В качестве рационального и функционального уровней позиционирования в рассматриваемой рекламной кампании выступали: 1) Сбытовая составляющая: сравнительно невысокая цена за квартиру, купленную при помощи ипотечного кредита, — от 19 тыс. руб. в месяц; 2) акцент на надежности ипотечной сделки при покупке квартиры от компании «Северный город».

Эмоциональный уровень позиционирования нашел свое отражение в основном слогане кампании: «Это уже твоя квартира».

Приобретение квартиры в «Северном городе» — это: подтверждение статуса, самостоятельности, успеха; обеспечение лучшего будущего для детей; возможность начать новую жизнь; гарантия точности, надежности выполнения обязательств; удобство покупки.

С точки зрения *ценностного уровня* позиционирования покупка квартиры в «Северном городе» — это: начало новой жизни: новый статус; новый вид из окон и т.п., уверенность в завтрашнем дне, забота о детях; определенность, безопасность и надежность, социальная ответственность; радость обладания; успех, статус, самостоятельность; свет, простор; удобство, легкость покупки.

В результате работы, проведенной по описанному выше плану, нам на рассмотрение было предоставлено несколько вариантов креативной концепции продвижения бренда «Северный город» в 2007 году.

Победителем тендера стала креативная концепция, предложенная одним из петербургских рекламных агентств (рис. 1). Ее *визуальное решение* позволяет буквально на подсознательном уровне сформировать впечатление о «Северном городе» как о надежной, проверенной и стабильной компании. Важные визуальные элементы — белый фон, дающий ощущение чистоты, надежности; ключи как символ открытой двери в новую жизнь. *Слоган* — «Это уже твоя квартира» (а также «от 19 тыс. руб. в месяц» и «надежная ипотека»).

Рис. 1. Визуальное решение для продвижения бренда «Северный город»

7. Проверка полученных результатов при помощи анкетирования, фокус-групп и т. д. (при необходимости корректировка результатов с учетом данных проверки). Все представленные на тендер варианты отвечали нашему брифу, составленному на основе тщательного изучения социодемографических характеристик целевых аудиторий, а также их потребностей, мотивации, ценностей, эмоций, задействованных в процессе покупки жилья. При оценке итогов тендера приоритетной вначале была определена идея со слоганом «Легкая ипотека» как наиболее точно формулирующая идентичность бренда. Но по результатам проведенных фокус-групп этот вариант не прошел. Участники фокус-групп высказывались: «Вы что, не понимаете, что покупка квартиры — это непростой шаг: столько документов нужно собрать, столько инстанций обежать... И потом понятно же, что ипотечный кредит — это ярмо практически на всю жизнь. Так что покупка новой квартиры — это не «легко», и не надо пытаться нас обманывать, это отталкивает». В то же время вариант-победитель тендера был оценен участниками фокус-групп однозначно положительно: как понятный, внушающий доверие и надежный, таким образом, он оказался идеально соответствующим всем поставленным задачам. Выбранный вариант победил в силу своей простоты и понятности. Речевой модуль «уже» дополняется сравнительно небольшой цифрой — 19 тыс. руб.

Победивший вариант действительно прекрасно работает. Результат говорит сам за себя: «Северный город» за время проведения данной кампании (с февраля по ноябрь 2007 год) сумел сохранить четвертое место в рейтинге самых известных петербургских строительных компаний⁴⁴ при медиабюджетах значительно более низких, чем у основных конкурентов.

***

Создание новых брендов и вывод их на рынок — занятие крайне увлекательное, и я желаю всем российским коллегам успехов в этой интересной и непростой работе. Думайте и узнавайте новое о вашем потребителе, о том, как он мыслит, что чувствует, что привлекает его внимание, а что приводит в состояние волнения и трепета, — и результатов не придется долго ждать!

Понукалина А.А. к.соц.н.доцент. Субъект политической деятельности.

Политическая психология в России способна и должна решать практические задачи государственного масштаба. Наиболее значимые для страны задачи сформулированы В.В. Путиным в его Послании Федеральному собранию 2007 года. Здесь говорится о том, что

⁴⁴ При его составлении учитывалось как спонтанное, так и подсказанное знание. — Прим. авт.

каждый гражданин должен стать реальным участником общего созидательного процесса. Стране нужно «общее дело», способное консолидировать гражданское общество в интересах всех. Это значит, что должна быть сформирована атмосфера, когда массовое сознание направлено на приоритеты, определённые в Послании. Для этого должны быть сформированы социальные установки на единство и участие в «общем деле».

Поскольку в Послании сформулированы положения политической идеологии, отвечающей вызовам современного мира, то её реализация возможна, когда каждый станет субъектом политической деятельности, чтобы стране занять достойное положение в мире, сохранив суверенитет. В.В. Путин, следовательно, полагает, что суверенитет может и не сохраниться, если не будет выполнен ряд условий, которые должны способствовать переменам к лучшему для большинства. Такие условия предоставляют каждому шанс законным образом улучшить свою жизнь, если каждый приумножит трудом богатство своей Родины.

Ключевые понятия данной политической идеологии – Родина, труд, лучшая жизнь, общее дело, созидание, духовное единство – должны стать ориентирами в воспитании субъекта политической деятельности. Формирование соответствующих качеств психики личности имеет одну из основных целей – развития чувства сопричастности с судьбой государства, которое должно стать предметом гордости, как об этом говорится в Послании.

В.В. Путин считает необходимым разработать и предложить стране «Глобальный план», за реализацию которого власть должна нести особую ответственность. Осуществление такого плана и будет «общим делом». Однако, самого «Глобального плана» ещё не достаточно для успеха. Власть должна сделать всё, чтобы убедить подавляющее большинство граждан в его эффективности и полезности для каждого. Это уже практическая задача политической психологии, от решения которой зависит благополучие страны.

В качестве оснований «Глобального плана» можно рассматривать «Концепцию социально-экономического развития России до 2020 года», принятую Правительством РФ и декларирующую безальтернативность инновационного пути развития страны (построения инновационного общества). Одним из достоинств Концепции является её антикризисная направленность, поскольку она учитывает глобальные вызовы современности. Один из глобальных вызовов в наше время – мировой кризис, называемый обычно финансовым кризисом. Однако существуют и другие интерпретации его сущности, имеющие непосредственное отношение к проблемам формирования массового сознания.

В статье В. И. Мунтияна (СНГ и мировой кризис, журнал «Инновации», СПб, 12.12.08) дана оценка кризиса, который был предсказан десять лет назад, в его монографии («Экономическая безопасность Украины»). Он пишет: «Структура, масштаб и природа этого кризиса не имели ранее аналога. Это кризис не только финансовый, экономический, социальный. Это также кризис существующих теорий и концепций, образа мышления, моральных ценностей и духовности».

Такая оценка ставит по существу научно-практические задачи наряду с другими науками перед политической и социальной психологией, психологией личности, педагогической психологией, равно как и перед акмеологией. В тексте «Концепции социально-экономического развития России до 2020 года» мы находим формулировки всего множества актуальных задач.

В решении таких задач современная психология должна отвечать на глобальные вызовы, которые оказывают существенное влияние на личность человека, на массовое сознание. Такие вызовы выступают в качестве факторов динамики психического нормообразования и типологизации психики личности человека нынешней эпохи жёсткой конкуренции развитых и развивающихся стран в борьбе за свою жизнеспособность.

«Концепция 2020» ставит стратегические цели по лидерству России в определённых областях, это государственная программа действий по ключевым для страны сферам, что предполагает, в первую очередь, развитие человеческого потенциала. Важнейшие направления долгосрочного планирования - инновационное развитие и новое качество человеческого капитала, поскольку качество человеческого капитала является одним из наших конкурентных преимуществ. Развитие человека, окружающей его социальной и природной среды – это ключевая задача долгосрочного развития.

Ключевым фактором развития должна стать система образования и её качество. Вложение средств в образование должно решать основополагающую задачу обеспечения постоянного воспроизводства тех, кто способен инновации производить, воспринимать и внедрять, поскольку **инновационную экономику должен создавать инновационный человек**. Важнейшим аспектом политической деятельности в нынешних условиях становится инновационная деятельность и субъектом политической деятельности должна быть инновационная личность, формирование которой есть одна из главных политических задач.

Чтобы у нас появился «инновационный человек» следует строить общество нового типа. Это - инновационное общество, где интеллект и творческий потенциал человека являются ведущим фактором экономического роста и национальной конкурентоспособности, что означает производство новых идей, новых технологий и социальных инноваций, как об этом говорится в Концепции. Имеются в виду управленческие инновации, инновации во всех сферах экономики и общественной жизни. Главная черта инновационного общества - обеспечение социального лифта для талантливых людей. Должна быть создана среда, которая побуждает к раскрытию творческих способностей человека и поощряет инновационное поведение каждого человека.

Одним из главных условий развития системы высшего профессионального образования является вовлеченность студентов и преподавателей в фундаментальные и прикладные исследования. Это позволит не только сохранить известные в мире российские научные школы, но и вырастить новое поколение исследователей, ориентированных на потребности инновационной экономики знаний. Фундаментальные научные исследования должны стать важнейшим ресурсом и инструментом освоения студентами компетентностей поиска, анализа, освоения и обновления информации.

В нынешних условиях решающим фактором общественного развития становится психологическое знание, возрастает роль высших учебных заведений в формировании личности, адекватной современности. Следовательно, задача формирования личности профессионала в системе вузовского образования, как задача научно-практическая, становится одной из наиболее важных и перспективных в плане выхода нашей страны из общемирового кризиса.

Актуальной становится научная проблема исследования социопсихологических личностных качеств студенческой молодёжи и создания модели качеств, которые способствовали бы достижению успехов молодыми специалистами в их профессиональной деятельности и в жизни как гражданами своей страны. В рамках разработки и реализации вузовских программ ведутся (нами, в том числе) исследования тех качеств, которые необходимо развивать и формировать у молодого поколения, в частности студентов высших учебных заведений. Исследования основываются на концепции рабочей модели личности студента вуза, разработанной в соответствии с требованиями времени.

Нами разработана социопсихологическая модель личности студента высшей школы, где за основу выбраны качества личности интеллигента и конкурентоспособность личности; способности к саморазвитию, самообразованию; трудолюбие и работоспособность; уровень творческого потенциала. К ним добавляются качества

мышления: его тип, самостоятельность, тип принятия решения, показатели творческого мышления.

Качества личности интеллигента образуют систему высокогуманных и прогрессивных гражданских, нравственных и интеллектуальных качеств в единстве с высокой общей культурой личности.

Конкурентоспособность личности представлена совокупностью шкал, в которую включены такие способности и личностные качества как: четкие цели и ценностные ориентации, трудолюбие, независимость, стрессоустойчивость.

По данным, полученным из двух тестовых процедур, можно построить профиль личности профессионала в двух измерениях (идеальном и реальном) в виде графического изображения.

Уровень творческого потенциала личности представляется одним из важнейших качеств современного специалиста. Дело в том, что основным фактором развития человека на определённом этапе жизненного пути является фактор саморазвития. Если человек будет получать знания только в «готовом» виде, то в конечном итоге он разучится самостоятельно думать, принимать решения, бороться с трудностями жизни. Человек по своей природе способен сам осваивать и усваивать опыт человечества и творить новое. Знания и умения, которые добываются в ходе активного поиска и самостоятельного решения проблем, становятся более прочными, а человек приобретает способности видеть, ставить и разрешать нестандартные проблемы. Следовательно, в формировании личности необходима активизация творческого потенциала личности и, значит, нужна его диагностика.

Кроме того, в психодиагностике студентов оцениваются характеристики ВНД, тип темперамента, определяющий динамику активности человека, акцентуированность характера, способности. Это необходимо с целью учёта индивидуально-личностных особенностей каждого при выборе средств формирования социопсихологических качества профессионала.

В рамках рассматриваемой образовательной идеологии одной из основных задач вуза является задача формирования и развития рассмотренных качеств в образовательном процессе. Для того чтобы выполнить поставленную задачу, необходимо осуществлять социопсихологическое сопровождение образовательного процесса, предполагающее возможность управления формированием требуемых качеств личности. Одна из разновидностей подобного сопровождения – адекватные формы психологического образования студентов разных специальностей.

На кафедре психологии и акмеологии СГТУ разработаны структура и функции учебных занятий, ориентированных на решение такой задачи. Организационно занятия делятся на теоретические и практические. Роль теоретических занятий полифункциональна: рассматривая вопросы, касающиеся определения фундаментальных понятий психологии, студенты приходят к осмыслению предметов и явлений окружающего мира, формируется представление о многогранности структуры личности, приобретаются знания о психических явлениях, что помогает адаптироваться в постоянно расширяющемся для студентов социуме.

В задачу практических занятий входит изучение индивидуально-психологических и индивидуально-психофизических особенностей человека, черт личности. Но это не просто констатация наличия или отсутствия каких-либо признаков, а еще и диагноз, позволяющий определять местоположение студента на «оси континуума» тех или иных качеств по степени их выраженности. Полученные на практических занятиях данные позволяют ставить и решать задачи оптимизации процессов как обучения, так и воспитания. Практическое занятие - это и определение готовности к обучению, выявление детерминирующих причин неуспеваемости и нарушений в личностной сфере, реализация индивидуального подхода.

Таким образом, на учебных занятиях, которые проводятся по плану и не требуют дополнительного времени, происходит фактически управление формированием качеств личности современного профессионала, а не просто пассивная передача знаний студентам, и, в определённом смысле, коррекционная работа. На основе имеющегося опыта такой работы появляется возможность решения ряда теоретических и методических задач создания вузовской системы психологического сопровождения образовательного процесса, имеющего одну из главных целей – формирования профессионала как инновационной личности и субъекта политической деятельности.

1.3. ПОЛИТИКА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПСИХОЛОГИИ

Шустов А.В. к.пс.н. Роль психологической науки в современной системе гуманитарного знания.

Экспоненциальное увеличение объема информации в современном мире, сочетающееся с беспрецедентным расширением количества и дальности горизонтальных коммуникаций, делают неизбежным качественный скачок в гуманитарных науках. В результате грядущих изменений стержневое положение среди них займет психология, роль которой в гуманитарном знании будет подобно роли физики в естествознании.

Еще 200 лет назад возможности распространения информации были ограничены скоростью скачущей галопом лошади. Для подавляющего большинства простых людей вся новая информация относилась к событиям, происходящим в радиусе нескольких десятков километров. Все прочее было скорее предметом стабильных во времени легенд, передававшихся устным образом. У представителей привилегированных классов информации об отдаленных в пространстве событиях было больше, чем у народа. Однако разнообразия в этих фактах было мало, и энциклопедичность знаний, как и универсальная компетентность, могли быть достигнуты усердием при наличии такого стремления.

К сегодняшнему дню возможности большинства простых людей в Европе, Северной Америке и многих в Азии и Южной Америке увеличились на несколько порядков. Они без особых усилий могут узнать подробности происходящего в любой точке планеты, в том числе, посмотреть на высококонтрастную фотографию этого места, сделанную со спутника. В быту количество информации⁴⁵, обрушивающееся на среднестатистического человека, существенно превышает его возможности по ее обработке. Человек не успевает включать новое в свою картину мира. В свою очередь, развитая демократическая традиция лишила его бесправной, но во многом комфортной безответственной жизни⁴⁶. Количество решений, которые человек ежедневно вынужден принимать в современном мире, и за которые ему приходится отвечать (что является обратной стороной свободы), пожалуй, сравнимо с количеством решений его прапрадедов, которое им приходилось принимать за год. Естественно, для ответственного принятия каждого решения нужно собрать валидную информацию и качественно ее обработать. Количество времени, доступное современному человеку, не позволяет ему это делать. Точнее, не позволяет делать самостоятельно.

Как следствие, возникли и постоянно развиваются методики упрощения процесса принятия индивидуальных поведенческих решений. Во многих из них используются

⁴⁵ Самый очевидный пример — реклама.

⁴⁶ В традиционном обществе поведение было гораздо более сильно предопределено культурой, чем сейчас.

существующие социальные институты⁴⁷. Трудящиеся в качестве их элементов индивиды⁴⁸, каждый в своей функциональной ячейке, обрабатывают большие объемы информации и дают человеку готовые решения по тем вопросам, которые он не может изучать в деталях. Универсальные решения стандартных ситуаций оказываются единственным выходом для современного человека, перегруженного информацией и ответственностью за свое поведение.

Сложившаяся ситуация порождает неизбежное противоречие между индивидуальной системой предпочтений и универсальными решениями, предлагаемыми общественными институтами. Более того, многие подобные решения предполагают лишение индивида права на несогласие с решением, которое принял общественный институт. Государство как наиболее мощный инструмент универсализации принятия решений за гражданина имеет легальное право на принуждение несогласных индивидов к использованию выработанного универсального решения.

Как следствие, приемлемость универсальных решений⁴⁹ для индивида в первую очередь зависит от того, насколько человек, занимающий функциональную ячейку в общественном институте, способен учесть индивидуальные предпочтения этого индивида, и, в принципе, нацелен ли он на это.

Существующая модель передачи права граждан на принятие решений общественным институтам обладает важным недостатком. Каждое решение общественного института⁵⁰ принимает конкретный человек («чиновник» в широком смысле). «Чиновник» принимает решение на основании собственного понимания, на основе собственной картины мира и желательного направления изменений. Представим себе, что он недостаточно качественно анализирует ту информацию, которую ему другие члены общества доверили за них обработать и принять решение. Несоответствие его понимания решаемой проблемы и понимания людей, которые будут пользоваться принятым им решением, умножает его ошибку, если таковая совершается, в то количество раз, сколько есть несогласных с его решением. Ведь если решение человек принимает только для себя, то и ошибка навредит только ему. Если решение принимается одним для многих, то значение ошибки неизмеримо увеличится. При этом большинство решений, принимаемых «чиновниками», их лично напрямую не касается⁵¹. Значит, уровень их мотивированности на вдумчивую и аккуратную обработку информации оказывается намного ниже, чем у граждан, которых затронет принятое ими решение. Вероятность ошибки растет.

Еще более существенной эта проблема становится из-за доступности «чиновничьих» должностей людям с низкими морально-нравственными качествами. Требовать от начальника не назначать аморальных лиц можно, но выполнить такое требование практически очень тяжело. Мошенники, стремящиеся во властные институты, всеми силами выдают себя за честных, а, заняв позиции во власти, быстро находят себе подобных и подключаются к сети взаимной поддержки. Результаты своей антиобщественной деятельности они скрывают, внося бесчисленные помехи⁵² в информационные потоки, используемые честными гражданами. Такие помехи

⁴⁷ К ним относятся и традиции, складывающиеся внутри социальных групп, и законодательные предписания, ограничивающие возможность индивида принять «неверное» решение.

⁴⁸ В случае неформальной социальной группы это ее лидер, а в случае органа власти — полномочное лицо.

⁴⁹ Кстати, индивидуальность предпочтений выражается еще и в том, что разные индивиды склонны по-разному распределять свое право на принятие личного решения о том, что они хотят и готовы изучать в деталях, о чем принимать решения самостоятельно, а что готовы отдать на откуп общественным институтам.

⁵⁰ Закон, налог, объем и направление социальной помощи, запрет на определенные виды поведения и т. д.

⁵¹ Это связано и с узкой специфичностью функций «чиновников», и с существующими у них привилегиями, то есть возможностью не подчиняться тем правилам, которые они установили для «простых смертных».

⁵² Ложь, подлог документов, манипуляции, скрытие существенной информации и т. д.

увеличивают объем несоответствия универсальных решений, вырабатываемых общественными институтами, интересам массовых пользователей.

Мошенникам помогает целый ряд обстоятельств психологического свойства. Одно из них⁵³ связано с тем, что люди низкого морально-нравственного уровня легко идут на соглашения с другими себе подобными, когда у них есть возможность получить выгоду: их мало что ограничивает⁵⁴. Наоборот, люди честные, высокого морально-нравственного уровня при взаимодействии с другими отстаивают свои многочисленные убеждения⁵⁵, ограничивающие возможность договориться. Высокоморальным людям договориться в большинстве сложных ситуаций, предполагающих распределение редких ресурсов (с чем чаще всего имеют дело общественные институты), сложнее, чем аморальным, и это облегчает достижение аморальными своих целей.

Другое обстоятельство обозначается мной как «теорема о вертикальной миграции». Как известно, перед ответственными лицами властных институтов регулярно встают вопросы о распределении редких ресурсов⁵⁶, или же проблема выбора из двух и более плохих решений⁵⁷. Какое бы решение ни было выбрано, чьи-то интересы оно будет ущемлять. Чем выше уровень чиновника, тем больше потенциально обиженных принятым им решением. В таких условиях люди высокого морально-нравственного уровня чувствуют себя крайне дискомфортно и пытаются избежать необходимости решать, кому в этот раз будет плохо (или не так хорошо, как другим). Потому происходит естественная миграция людей высокого морально-нравственного уровня⁵⁸ с высоких уровней общественного управления вниз или вообще за его пределы — в частную сферу, где отвечать надо только за себя. В то же время, люди низкого морально-нравственного уровня вполне комфортно себя чувствуют при принятии любых решений, так как их нравственное чувство не страдает при принятии решения о том, кому будет плохо. Они с большим удовольствием занимают в монополярной⁵⁹ властной иерархии высокие посты, позволяющие принимать масштабные решения и затевать перераспределение общественных возможностей в свою пользу. Отсутствие сложностей в обеспечении взаимопомощи с себе подобными аморальными личностями, о чем уже было сказано⁶⁰, облегчает им достижение своих целей. Конечно, это не значит, что все, кто находится высоко во властной иерархии, аморален. Эта «теорема» показывает, что вероятность сохранения аморальной личности на ответственной должности по собственной инициативе выше, чем высокоморальной. Значит, доля аморальных людей во власти скорее всего будет выше, чем в среднем по обществу.

Сегодня анализ информационных искажений, которые вносят лица низкого морально-нравственного уровня в работу общественных институтов, находится на периферии гуманитарного знания. Таких лиц рассматривают, как правило, как чужеродный элемент, который нужно обнаружить и удалить⁶¹. Тот факт, что они интегрированы в систему, и их механическое изъятие из нее невозможно без ее

⁵³ Его доказательство может быть названо «Теоремой о горизонтальном взаимодействии».

⁵⁴ Точно не ограничивают переживания по поводу последствий их действий для общества.

⁵⁵ Такие люди серьезно переживают по поводу последствий принимаемых ими решений. Указанные убеждения определяют выбор правильных, по их мнению, с точки зрения общественных интересов, решений. При этом их визави, столь же озабоченные моральными критериями, могут иметь другое мнение по поводу наилучших для общества решений, и разногласия мешают им договориться.

⁵⁶ Например, распределение бюджетных средств.

⁵⁷ Например, как пройдет новая дорога или где построить новый дом.

⁵⁸ Известно, что многие представители советской гуманитарной элиты, ставшие депутатами в 1989–1990 годах, вскоре в ужасе покинули властные коридоры.

⁵⁹ Именно монополярный характер политической власти во всех нынешних системах государства, невозможность гражданину индивидуально выйти из-под власти аморального чиновника дает последнему возможность пользоваться общественными ресурсами.

⁶⁰ «Теорема о горизонтальном взаимодействии».

⁶¹ Борьба с коррупционерами.

разрушения, встречается лишь в публицистических рассуждениях, но не в широкой научной дискуссии⁶². Необходим микроанализ общественных институтов, который требует рассмотрения поведения на уровне отдельных индивидов.

Теория показывает, а практика подтверждает: современные общественные институты⁶³ не в состоянии удовлетворить всех членов общества, так как в своих универсальных решениях не могут отразить все разнообразие индивидуальных предпочтений, и потому реализация последних в современном обществе всегда ограничена. Формально человек обладает свободой, но фактически его свобода выбирать индивидуально приемлемое решение (не ущемляющее свободу других) ограничена⁶⁴.

Более самостоятельные люди, ощущающие ограничения со стороны общественных институтов, поддерживают такие программы общественного переустройства, которые дают им больше свобод⁶⁵. Как известно, они представлены политическими либеральными направлениями. В свою очередь, люди с более патерналистским мышлением⁶⁶ чувствуют недостаток предлагаемых им универсальных решений и требуют больше защиты⁶⁷ со стороны общественных институтов. Их симпатии при реализации демократических процедур отдаются политическим силам социалистических направлений. Однако последовательная смена⁶⁸ политических программ, реализуемых монопольным, единым для тех и других правительством, с неизбежностью приводит к тому, что сначала одни, а затем другие, оказываются недовольны. Если же смена управляющей политической силы в силу каких-либо причин не происходит, то часть граждан остаются постоянно неудовлетворенными.

Вместе с тем, в современном мире технические возможности коммуникации⁶⁹ настолько расширились, что появилась возможность выстраивать индивидуальные профили⁷⁰ работы с информацией. Лица, имеющие высокий уровень личных либеральных установок, могли бы брать на себя решение большинства вопросов, а лица, обладающие более высокой зависимостью от социума, смогли бы потреблять больше готовых «пакетов» от общественных институтов. Так становится возможным быть решение проблемы индивидуальных различий в политических установках. При этом все будут иметь удобные для них форматы взаимодействия с другими членами общества.

Будущее социальных институтов⁷¹ видится мне в демонополизации политического управления, в рамках которого связанные горизонтальными связями разнообразные институты придут на смену вертикально организованным универсальным иерархиям. По каждому вопросу разными однородными институтами будут предлагаться разные решения. Каждый индивид сможет однажды выбрать решение того института, «чиновник» которого ближе ему по духу, а потому и универсальное решение этого

⁶² Единственное исключение — социологический анализ коррупции с ее глубоким проникновением в структуру общественного управления. Однако он ограничивается констатацией факта и не раскрывает путей решения этой проблемы.

⁶³ Речь идет о государственных институтах, обладающих монополией на легальное применение силы.

⁶⁴ «Демократический» выбор не является по-настоящему свободным, так как если мои индивидуальные предпочтения отвергаются большинством и не могут быть реализованы одновременно с их предпочтениями, то я должен либо попытаться изменить предпочтения большинства, либо смириться с игнорирующим мои предпочтения принятым «демократическим» решением. При этом большинству не интересно «возиться» с моими маргинальными проблемами, что подталкивает меньшинство к экстремизму.

⁶⁵ Низкие налоги, минимальный контроль со стороны правительственных институтов.

⁶⁶ Характер предпочтений определяется особенностями социализации. Его не следует как-то оценивать.

⁶⁷ Развитая система социальной помощи, серьезный правительственный контроль за всеми потенциально опасными для граждан субъектами.

⁶⁸ «Последовательная смена политических команд у власти» — наиболее популярное сегодня определение демократии на Западе.

⁶⁹ Интернет.

⁷⁰ Выбор: что из всех стоящих перед конкретным человеком вопросов он хочет решать сам, а что готов доверить общественному институту и взять у него в виде готового продукта.

⁷¹ Подробнее см.: Шустов А.В. После государства, СПб., 2008.

«чиновника» в большинстве случаев подойдет индивиду. Люди с более патерналистскими предпочтениями будут пользоваться решениями тех институтов, в которых «чиновники» принимают «для себя» более опекающие решения. Людей, склонных к самостоятельности, никто не будет принуждать пользоваться этими же решениями, предполагающими высокую степень опеки. Для них другие аналогичные институты, в которых решения «и для себя тоже» готовят «чиновники» с большей самостоятельностью, подготовят универсальное решение, соответствующее их представлениям. Таким образом, универсальные решения, помогающие индивидам справиться с обработкой гигантского объема информации, окажутся гораздо более индивидуализированы, чем сегодня.

Что это будет означать для гуманитарных дисциплин? В результате перевода принятия решений на более индивидуализированный уровень уменьшатся возможности по использованию обобщающих (игнорирующих микропроцессы) моделей, которые сегодня повсеместно используются в социологии, экономике, политологии, исторической науке. Повысится важность моделей, которые строятся на основе анализа работы психики отдельных лиц, типичных или ключевых. Приведенный в настоящем сообщении разбор процессов, протекающих в процессе функционирования общественных институтов, является иллюстрацией того, как психологический анализ их работы позволяет увидеть то, что не видно с привычного ныне антропоморфного институционального⁷² уровня. Можно ожидать, что в ближайшие годы роль психологической науки в изучении общественных процессов существенным образом возрастет. Описание общественных процессов, осуществляемое в социологии, экономике, политологии, истории и других гуманитарных дисциплинах, будет базироваться на анализе различий в индивидуальных, хотя и подвергающихся типологизации, алгоритмах взаимодействия индивидов со средой.

Ситнова И.В., к.соц.н. Категория «политический капитал».

Следует отметить, что в XX в. категория «капитала» вышла за пределы экономической сферы. Появились концепции «человеческого капитала»⁷³, «социального капитала»⁷⁴, «культурного капитала»⁷⁵, «политического капитала»⁷⁶ и т. д. Исходной посылкой разработки концепций «капиталов» с прилагательными стала «теория кругооборота форм капиталов» К. Маркса. Она рассматривала процесс труда как взаимодействие двух факторов: во-первых, объективного или вещественного, т.е. средств производства; во-вторых, субъективного или личного, т.е. рабочей силы⁷⁷. Средства производства (сырье, топливо, машины и т.д.) представляют собой «постоянный капитал», который включает в себя как овеществленный труд⁷⁸, так и ограниченные

⁷² Применение к общественным институтам обиходных формулировок, изначально адекватных индивиду («государство должно», «общественный интерес»), вводит большинство специалистов и простых людей в заблуждение. Теряется понимание того, что согласие президента или губернатора, что «государство должно», не означает с неизбежностью соответствующих действий чиновника-исполнителя, которых президент или губернатор зачастую добиться не в силах. Наоборот, если голова человека считает, что он должен сделать шаг вперед, то у него нет шанса двинуться в противоположном направлении.

⁷³ Беккер Г. Человеческий капитал (главы из книги) //США: экономика, политика, идеология. 1993. № 11. С. 107–119. — № 12. — С. 86–104.

⁷⁴ Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии.

⁷⁵ Бурдьё П. Социальное пространство и генезис «классов» // Бурдьё П. Социология политики / Пер. с фр. Ю.М. Ледовских / Сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993. С. 55–97.

⁷⁶ Бурдьё П. Политическое представление: Элементы теории политического поля // Бурдьё П. Социология политики / Пер. с фр. Е.Д. Вознесенская / Сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993. С. 179–230.

⁷⁷ Брегель Э.Я. Политическая экономия капитализма. М.: Издательство «Международные отношения», 1968. С. 80.

⁷⁸ Те же самые машины являются результатом труда, т.е. получены в результате овеществления труда.

природные ресурсы (земля, вода, полезные ископаемые). Рабочая сила или, если точнее, способность не просто к абстрактному труду, а к преобразовательной деятельности, является «переменным капиталом»⁷⁹. К. Маркс доказал, что «постоянный капитал» служит лишь предпосылкой для создания прибавочной стоимости, тогда как «переменный капитал» *создает* прибавочную стоимость⁸⁰. Сама стоимость выступает не просто в виде какой-то совокупности вещей, а является суммой величин общественных, выражающих «производственные» отношения между социальными контрагентами. В рамках марксистской теории в качестве таких контрагентов выступают антагонистические классы капиталистов (владельцы «сумм стоимости») и наемных рабочих (в результате труда которых производится «прибавочная стоимость»).

Таким образом, раскрытие социального и исторического характера капитала К. Марксом послужило в свою очередь источником для определения таких форм капитала, которые бы отражали способности человека и все многообразие его деятельности в политической, социальной, культурной и других сферах. Способности человека отражают следующие формы капитала: физический, культурный, человеческий. Многообразие форм человеческой деятельности в ее общественном, социальном выражении находит свое воплощение наряду с общеизвестным «экономическим» в форме «социального», «политического», «административного» и «символического» капиталов⁸¹.

Так, В. Радаев выделяет «физический капитал»⁸², связанный с состоянием здоровья, уровнем работоспособности хозяйственных агентов, а также их внешними физическими данными. Физический капитал воплощается в способности к труду, т. е. в наличии необходимых физических и психических качеств, позволяющих рабочей силе реализовать свое предназначение в трудовом процессе⁸³.

Концепция «культурного капитала», предложенная французским социологом и политологом П. Бурдьё, рассматривает в качестве ресурса, так называемое, практическое знание, которое позволяет человеку распознавать стратегии и принципы действия других контрагентов. Другими словами, человек познает все «правила игры» — формальные и неформальные, а также возможности их нарушения, что позволяет ему осуществлять взаимодействие с другими⁸⁴.

Ранее в рамках неоклассической экономической теории Г. Беккер разработал концепцию «человеческого капитала», который представляет собой совокупность накопленных профессиональных знаний, умений и навыков, получаемых в процессе образования, а также повышения квалификации⁸⁵. Инвестиции в «человеческий капитал», в свою очередь, впоследствии могут принести доход в виде заработной платы, процента или прибыли⁸⁶.

⁷⁹ Маркс К. Капитал: критика политической экономии. Т. 1. Кн. 1. Процесс воспроизводства капитала М.: Государственное издательство политической литературы, 1953. С. 216.

⁸⁰ Брегель Э.Я. Ук. Соч. С. 80–81.

⁸¹ Радаев В. Понятие капитала, форма капиталов и их конвертация // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 4. С. 20–32.

⁸² не в смысле англоязычного «physical capital», под которым обычно понимается вещная часть производственного капитала (машины, оборудование, здания, сооружения).

⁸³ Радаев В. Понятие капитала, форма капиталов и их конвертация // Экономическая социология. 2002. С. 24.

⁸⁴ Радаев В. Понятие капитала, форма капиталов и их конвертация // Экономическая социология. 2002. С. 24; Бурдьё П. Формы капитала // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики / Сост. научн. ред. В.В. Радаев. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. С. 521–528; Bourdieu P. Forms of Capital // The Sociology of Economic Life. /Ed. Granovetter M., Swedberg R. Boulder: Westview Press, 2001. P. 98–102.

⁸⁵ Беккер Г. Человеческий капитал (главы из книги) // США: экономика, политика, идеология. 1993. № 11. С. 107–119; № 12. С. 86–104; Радаев В. Понятие капитала, форма капиталов и их конвертация // Экономическая социология. 2002. С. 24.

⁸⁶ Беккер Г. Человеческий капитал и личное распределение доходов: аналитический подход // Беккер Г. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории: Пер. с англ. / Сост., научн. ред., послесловие Р.И. Капелюшников. М.: ГУ-ВШЭ, 2003. С. 90–144.

Следует отметить, что П. Бурдье включал «человеческий капитал» Г. Бэккера в свою концепцию «культурного капитала». По его мнению, «изначально определение человеческого капитала, несмотря на его гуманистическую коннотацию, не выходит за рамки экономизма и упускает из виду, помимо прочего, тот факт, что академический продукт экономического действия зависит от культурного капитала, ранее инвестированного семьей»⁸⁷. В нашем исследовании мы несколько абстрагируемся от выше указанных форм инкорпорированного в индивидууме капитала, под которыми мы будем понимать, прежде всего, «человеческий капитал» (ЧК), включая «культурный капитал» (КК) и «физический капитал» (ФК).

Общим в этих трех вышеуказанных формах является воплощение их в работнике или, если воспользоваться термином П. Бурдье, инкорпорирование. Способ воспроизводства и накопления данных форм капитала заключается в процессе обучения и других форм социализации. На основе этих капиталов появляются менее связанные с индивидуумами, а воплощенные в самом взаимодействии между ними, формы капиталов.

Прежде всего, имеется в виду такая дискуссионная форма, как «*социальный капитал*»⁸⁸. Социальный капитал получил широкое распространение в обществоведении благодаря работам Дж. Лури, П. Бурдье, Х. Флэпа, Н. де Графа. Основное отличие социального капитала от других капиталов состоит в его происхождении. Если физический и человеческий капиталы принадлежат индивидам, то социальный капитал возникает и функционирует в контексте отношений между индивидами. В частности, Дж. Лури показал, что социальный капитал необходим для концентрации человеческого капитала. Ю. Бен-Порат использовал метафору «F-связи» (family, friends, firms) с целью продемонстрировать влияние семейных, корпоративных и личных отношений на экономический обмен. Социальный капитал, прежде всего, означает уровень доверия между гражданами данного сообщества, а в конечном итоге, влияет на их способность к коллективному действию, к активному участию во всех сферах жизнедеятельности общества. В большинстве случаев социологи, начиная с Зиммеля и кончая Гидденсом, определяют доверие как элемент (или форму) веры, которая заключается в уверенности в действиях других людей, основанная на чувстве⁸⁹. Р. Патнэм, один из ключевых авторов, задавших тон дискуссии о социальном капитале, определяет социальный капитал как: «... характеристики социальной жизни — сети, нормы и доверие, — которые побуждают участников к более эффективному совместному действию по достижению общих целей»⁹⁰. «Социальный капитал» воплощается не в самом человеке, а в его устойчивых и неустойчивых относительно горизонтальных взаимодействиях с другими людьми. Он воплощается в разветвленных социальных связях или «иными словами, с членством в группе»⁹¹.

В свою очередь, В. Радаев выделяет так называемый «*административный капитал*», который основывает на вертикальном характере взаимоотношений, где одни контрагенты регулируют доступ «к ресурсам и видам деятельности других агентов, используя особые позиции власти и авторитета»⁹². Он существует в виде позиции в организационных иерархических структурах.

⁸⁷ Бурдье П. Формы капитала С. 522–523.

⁸⁸ Fine B. Social Capital versus Social Theory. Political economy and social science at the turn of the millennium. London; New York, 2001. P. 26–27.

⁸⁹ Веселов Ю.В. Социологическая теория доверия // Экономика и социология доверия / Под ред. Ю.В. Веселова СПб: Социол. об-во им. М.М. Ковалевского, 2004. С. 19.

⁹⁰ Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. М.: Ad Marginem, 1996. С. 207–211; Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 122–139.

⁹¹ Бурдье П. Формы капитала С. 528.

⁹² Радаев В. Понятие капитала, форма капиталов и их конвертация. С. 28.

Отталкиваясь от концепции К. Маркса, П. Бурдьё вводит также понятие «политический капитал» и связанный с ним «символический капитал». Для П. Бурдьё политический капитал является формой символического капитала, кредитом, основанным на *вере и признании*, точнее, на бесчисленных кредитных операциях, с помощью которых агенты наделяют человека (или предмет) той самой властью, которую они за ним признают⁹³. Символическая власть, в свою очередь, есть власть, которую тот, кто ей подчиняется, *даёт* тому, кто ее осуществляет, своего рода кредит, которым один наделяет другого и, вверяя ему, вкладывает тем самым свое доверие в него. Другими словами, политический капитал означает воплощенную (или инкорпорированную) способность одних контрагентов к мобилизации, а других — к участию в коллективных действиях⁹⁴.

Тем не менее, сводить «политический капитал» только к некоему кредиту доверия (веры и признания), по всей видимости, нельзя. Со времен М. Вебера широко распространено понимание власти, согласно которому для поддержания властных отношений необходима легитимность. Существует масса исторических примеров политических практик, где осуществлялась нелегитимная политическая власть. Например, легитимность режима Лукашенко в Белоруссии оспаривается ныне как зарубежом, так и внутри этой страны. Ч. Линдблом отмечает, что «любая мера контроля может быть использована либо в качестве метода прямого контроля, либо в качестве метода достижения повиновения (власти)»⁹⁵. Другими словами, политическая власть достигается не только посредством некоего убеждения или «символического капитала».

В свою очередь, «символический капитал» обозначает способность человека к производству мнений. Он воплощается в наличие легитимной компетенции, т. е. признаваемого права интерпретировать смысл происходящего: говорить, «что есть на самом деле» (например, какова «истинная ценность» того или иного капитала). Это также способность навязывать определенное понимание другим агентам. Важнейшую роль в его функционировании играет манипулирование разными способами оценок, имеющихся потенциальных ресурсов (символическое насилие). В этом отношении, по мнению П. Бурдьё, все прочие виды капитала зависят от символического капитала⁹⁶.

Общим для вышеуказанных четырех форм капитала является акцент на взаимодействии между контрагентами, а их различие связано с типом и характером процесса обмена: вертикальная или горизонтальная ориентация сетей (как метафоры устойчивого характера интеракций и транзакций контрагентов или процесса обмена), а также различная степень институционализации. Так, тесное переплетение форм «политического капитала» и «административного капитала» можно объяснить по нашему мнению тем, что в первом процесс политического делегирования еще преобладает над авторитарно установленными позициями в организационных иерархиях. Процесс обращения «политического капитала» в «административный капитал» впервые показал Р. Михельсон, сформулировав «железный закон олигархии», который гласит, что любая система лидерства не совместима с главнейшими постулатами демократии⁹⁷. Это с одной стороны.

⁹³ Бурдьё П. Политическое представление: Элементы теории политического поля // Бурдьё П. Социология политики: Пер. с фр. Е.Д. Вознесенская / Сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993. С. 179–230.

⁹⁴ Радаев В. Понятие капитала, форма капиталов и их конвертация. С. 28.

⁹⁵ Линдблом Ч. Политика и рынки. Политико-экономические системы мира / Пер. с англ. М.: Институт комплексных стратегических исследований, 2005. С. 32.

⁹⁶ Бурдьё П. Политическое представление: Элементы теории политического поля // Бурдьё П. Социология политики: Пер. с фр. Е.Д. Вознесенская/Сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993. С. 179–230; Бурдьё П. Делегирование и политический фетишизм // Бурдьё П. Социология политики: Пер. с фр. Ю.М. Ледовских / Сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993.

⁹⁷ Михельс Р. Необходимость организации // Диалог. 1990. № 3. С. 56–59.

С другой стороны, разделение «политического капитала» и «административного капитала» является во многом аналитическим, т. к. по своей природе в обоих случаях мы имеем дело с той или иной формой властного контроля над человеческим поведением. Поэтому, по нашему мнению, основным отличием указанных форм капитала является уровень участия социальных факторов. Так, публично-государственная политика, как пишет А.А. Дегтярев, представляет собой «целеориентированную ... совместную деятельность» множества «индивидов и их групп по легитимному разрешению общественных проблем при руководящей и интегрированной роли институтов государственной власти», тогда как в корпорации мы имеем дело с существенно ограниченным их числом⁹⁸.

В целом, пишет В. Радаев, капитал в самом широком виде можно определить как «накапливаемый хозяйственный ресурс, который включен в процессы воспроизводства и возрастания стоимости путем взаимной конвертации своих разнообразных форм»⁹⁹. В исходном политико-экономическом определении капитал обладает следующими конституирующими свойствами: хозяйственный ресурс существенно ограничен, но обладает способностью к накоплению и конвертации (т. е. превращаться в денежную форму). Стоимость воспроизводится и возрастает (прибавочная стоимость) в процессе непрерывного кругооборота форм¹⁰⁰.

В наиболее явном, чистом виде капитал проявляет себя в экономической форме благодаря высокой степени овеществления и формализации. В процессе обращения экономический капитал проходит три стадии, образуя соответственно три формы: денежный капитал (финансовые средства), производственный капитал (совокупность средств производства и рабочей силы) и товарный капитал (готовые продукты). Таким образом, в ходе постоянного кругооборота капитала происходит соединение преобразовательной деятельности человека или живого труда и средств производства, что ведет к появлению добавленной стоимости¹⁰¹.

Кругооборот экономического капитала обеспечивается двумя факторами: во-первых, наличием системы прав собственности (то, что К.Маркс называл, концентрацией капиталов у капиталистов посредством института частной собственности); во-вторых, существованием такого эквивалента как деньги, которые позволяют любую потребительскую стоимость товара привести к некоему общему знаменателю, чаще всего в форме меновой или денежной стоимости (т. е. цены)¹⁰².

Не проясненным до сих пор в «капиталистской» тематике в ее широкой постановке остается вопрос, почему происходит вычленение такого количества форм капитала. Нам кажется, что искать ответ на этот вопрос нужно в существовании множества способов координации. Данная проблематика исследуется в рамках подхода «экономики конвенций» (Л. Тавено, Л. Болтански), которая рассматривает, как акторы строят системы координации для осуществления своей деятельности. Фактически построение систем координации заключается в поиске того или иного способа построения формы эквивалентности, которые позволяют измерить или калькулировать, а на более высоком уровне — «оценивать и распознавать качества людей и вещей»¹⁰³. Различные построения форм эквивалентности или порядки обоснования ценностей ведут, в конечном итоге, к появлению различных форм капитала. Так, «экономический капитал» основывается,

⁹⁸ Дегтярев А.А. Принятие политических решений. М., 2004. С. 28.

⁹⁹ Радаев В. Понятие капитала, форма капиталов и их конвертация. С. 21.

¹⁰⁰ Там же. С. 21.

¹⁰¹ Маркс К. Капитал. Т. 2. Кн. 2 С. 59; Брегель Э.Я. Ук. Соч. С. 196–201.

¹⁰² Большинство современных экономических школ рассматривают стоимость как меновую, а не в рамках «теории стоимости», которую предлагал К. Маркс.

¹⁰³ Тавено Л. Организованная комплексность: конвенции координации и структура экономических образований // Экономическая социология: Новые подходы к институциональному и сетевому анализу. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. С. 24–25.

прежде всего, на рыночном порядке, который обосновывает следующие положения: 1) частная собственность; 2) обмен товарами как форма экономической связи между производителями «здесь и сейчас» (т. е. на рынке); 3) деньги как форма эквивалентности.

Таким образом, акторы в ходе обмена ресурсами создают или воспроизводят определенную формулу эквивалента, который позволяет измерить, распознать, соотнести качества людей и вещей, т. е. кругооборот капитала. Без этой процедуры оборот акций, транзакций и ресурсов просто будет невозможен. В этом случае, как отмечал К. Маркс, происходит его «затвердевание» в виде «сокровищ», «безработицы» и «нераспроданных товаров»¹⁰⁴. В свою очередь, кругооборот капитала ведет к неравномерному распределению его среди акторов и институционализации в виде стратификационной системы, т. е. иерархии акторов в зависимости от контролируемого ими объема капитала¹⁰⁵. Так как форм капитала существует несколько, то каждой из них соответствует своя система стратификации.

Кругооборот капиталов также приводит к формированию соответствующих локальных полей (локальных социальных порядков или пространств), которые, если следовать П. Бурдьё, можно определить как относительные позиции агентов или акторов в социальном пространстве. Каждый из них размещен в позиции (т. е. в определенной области данного «пространства»), и это пространство можно описать как поле сил, точнее, как совокупность объективных отношений сил, которые навязываются всем входящим в это поле и которые несводимы к намерениям индивидуальных агентов или же к их непосредственным взаимодействиям¹⁰⁶.

По всей видимости, порядки ценностей и формы эквивалентности вырабатываются в рамках символического капитала. Однако фиксация этих порядков, а также построение общей иерархии эквивалентов (т. е. определение, например, что можно обменивать на деньги, а что нет) составляет, вероятно, основную проблему интеграции акторов (как в социальном пространстве, так и в совмещенном с ним физическом пространстве). Эта проблема усугубляется постоянной конкуренцией акторов не только из-за ограниченных ресурсов, но иерархии порядков ценностей и форм эквивалентов. Например, можно ли оценить деятельность государства как производство услуг для населения? По мнению Л. Тавено, выходом из этой ситуации и стало создание «организаций и институтов как сложных образований, специально созданных для достижения компромисса». Одним из таких образований является государство, которое претендует, перефразируя М. Вебера, на монопольное определение порядка ценностей и иерархии форм эквивалентов для всех форм капиталов, социальных локальных порядков (полей) и акторов¹⁰⁷.

«Государство — пишет П. Бурдьё, — есть завершение процесса концентрации различных видов капитала: физического принуждения или средств насилия (армия, полиция), экономического, культурного, символического — концентрации, которая сама по себе делает из государства владельца определенного рода метакapи́тала, дающего власть над другими видами капитала и над их владельцами»¹⁰⁸. Другими словами, государство концентрирует различные виды капитала (которая идет вместе с формированием соответствующих им полей) в собственно политический капитал, позволяющий ему властвовать над различными полями и частными видами капитала, а

¹⁰⁴ Маркс К. Капитал. Т. 2. Кн. 2. С. 47–48.

¹⁰⁵ Радаев В. Понятие капитала, форма капиталов и их конвертация. С. 23; Радаев В.В., Шкартан О.И. Социальная стратификация. 2-е изд. М.: Аспект-Пресс, 1996. Гл. 3.

¹⁰⁶ Бурдьё П. Социология политики: Пер. с фр. Н.А. Шматко / Сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993. С. 53–54.

¹⁰⁷ Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 645–646.

¹⁰⁸ Бурдьё П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля // Поэтика и политика. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. М.: Институт экспериментальной социологии, СПб.: Алетейя, 1999. — С. 125–166.

главное — над обменным курсом между ними и тем самым над отношениями между их владельцами.

Следует отметить, что хотя государство и претендует на монополию порядка или, другими словами, на монополизацию права господства, ему не всегда удается достичь этого. С одной стороны, из-за сопротивления и конкуренции со стороны иных акторов и агентов, а с другой — из-за угрозы перегрузки государства, так как оно не способно полностью охватить регулированием и управлением все многообразие сторон жизни общества. Попытка достичь такой тотальности (например, в СССР в 1917–1987 гг.) приводит, по всей видимости, в конечном итоге к кризису. Впрочем, как отмечали П. Кенис и В. Шнейдер еще в начале 1990-х гг., тенденция к расширению государства и связанная с этим сложность в различении государственных и негосударственных политических групп была характерна для экономически и демократически развитых стран¹⁰⁹.

Кроме того, государство не сводимо только к функционированию административного капитала. Претензии государства на монополию господства невозможны без концентрации «политического капитала», кругооборот которого обеспечивает собственно признание его гегемонии другими акторами, прежде всего, в определении системы эквивалентов и ценностного порядка, структурирующих все остальные локальные социальные порядки и формы капитала. Государство не только выражает и представляет обозначаемую группу, но и конструирует ее. Так, СССР конструировал общность «советский народ», а Российская Федерация, устами ее первого президента Б. Ельцина, — «россиян». Благодаря чему мы не только сами осознаем себя (самоопределяемся), но и обеспечиваем свое внешнее существование посредством участия в разных формах коллективного действия, на которые оно нас мобилизует.

Государство, как мы определили, существует на пересечении политического и административного капиталов. Рассмотрим содержание политического капитала. Постоянная форма «политического капитала» в чистом виде представляет собой доверие, которое зависит от представлений, мнений и верований акторов в отношении контрагента, что именно он является выразителем их интересов¹¹⁰. Неустойчивость постоянной формы ставит ее владельца в зависимость от переменной составляющей «политического капитала», а именно труда по производству политической продукции: политических решений, проблем, программ, анализов, комментариев, концепций, событий. Владелец «политического капитала» в процессе своего труда преобразует его в «символический капитал», закрепляя за собой право интерпретировать смысл происходящего, навязывая определенное понимание другим акторам, конструируя тем самым определенный социальный порядок¹¹¹. В результате, политик получает прибавочную стоимость в виде увеличения как числа сторонников, так и их готовности к коллективным действиям за пределами группы, сообщества, партии, которую тот символизирует.

Постоянная форма политического капитала, выражаемая в виде доверия, является, по-видимому, результатом кругооборота социального капитала посредством символического капитала. Именно на этот момент в структуре политического капитала обращают внимание А.А. Галкин и Ю.А. Красин. «Решающую предпосылку более или менее нормального функционирования общественной системы образует такое состояние массового сознания, при котором институтам политической власти и руководящим ими лицам делегируется определенная сумма полномочий, позволяющая реализовать властные функции. Делегируя ее, общество, или, по меньшей мере, его наиболее влиятельная часть,

¹⁰⁹ Kenis P., Schneder V. Policy Networks as Analytical Tool for Policy Analysis. P. 35.

¹¹⁰ Бурдые П. Делегирование и политический фетишизм // Бурдые П. Социология политики: Пер. с фр. Ю.М. Ледовских / Сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993.

¹¹¹ Радаев В. Понятие капитала, форма капиталов и их конвертация. С. 28; Bourdieu P. Forms of Capital. P. 100.

признают тем самым право политических институтов принимать обязательные решения (...) и, соответственно, декларируют готовность подчиняться этим решениям»¹¹².

Иными словами, общество оказывает власти политическое доверие. По мнению А.А. Галкина и Ю.А. Красина, именно на этой базе основываются такие феномены политической системы (режима), как согласие (несогласие), подчинение (неподчинение), законопослушание (аномия) и т. д.¹¹³.

Тем не менее, политическая власть сложный феномен и не может быть сведена только к символическому. Фактически для осуществления политической мобилизации могут быть использованы и другие виды капиталов: административный, человеческий и экономический.

Переменный политический капитал воплощается посредством производства символического капитала, что, в свою очередь, позволяет включить в кругообращение административный, человеческий, социальный капиталы и экономический капитал¹¹⁴. Другими словами, лидер задействует всю систему селективных стимулов, чтобы упрочить и увеличить политический капитал. Таким образом, существует своего рода антиномия, внутренне присущая политическому: чем более обездолены акторы, тем меньше они могут объединиться в группу, т. е. в силу, способную заявить о себе, высказываться и быть услышанным иначе как отказавшись от своих прав в пользу того или другого представителя (железный закон олигархии).

Государство, аккумулируя административный и политический капиталы, устанавливает различные порядки ценностей и эквивалентов — товарно-денежные (рыночные) (Д-Т-Д'), распределение (Распр.) или изъятие (Изъят.), включается в кругооборот различных форм капитала.

Таким образом, можно определить *политический капитал общества*, с одной стороны, как совокупность ресурсов (экономических, социальных, административных, символических и др.), позволяющих государству претендовать на участие в политических процессах общества с целью создания благоприятных условий хозяйственно-экономической деятельности, а, с другой стороны, как отношение с другими субъектами политического процесса (государствами) по поводу распределения и перераспределения властного доминирования в условиях их непрерывной конкуренции с целью приобретения конкурентных преимуществ в глобальном мире.

Александров (Натаров) В.И. к.п.с.н., доцент. Национальная идея как основа политики сотрудничества государства и гражданского общества: социальные и психолого-политические основы лояльности-благонадежности.

Общие, различные и существенные свойства политической психологии и профессиональной деятельности обнаруживаются в сложных взаимосвязях и взаимозависимостях в мировоззрении, сознании и поведении конкретного человека. В этой связи представляет интерес исследование наиболее дискуссионных вопросов политической психологии, сформулированных А.И. Юрьевым (1992). Методологический подход, обоснованный в теории системного описания политической психологии (А.И. Юрьев, 1992), позволяет исследовать психологическую структуру взаимосвязей политической и профессиональной деятельности руководителей высшего звена, которые были объектом проведенного исследования — более 500 генеральных директоров Северо-

¹¹² Галкин А.А., Красин Ю.А. Россия: Quo Vadis? М.: Издательство Института Социологии РАН, 2003. С. 31.

¹¹³ Галкин А.А., Красин Ю.А. Ук. соч. С. 31.

¹¹⁴ см. формулу № 3.

Западного региона РФ, которые повышали профессиональную квалификацию в центре «Комплексной защиты информации» по курсу «Кадровое обеспечение защиты Государственной тайны и Национальных интересов».

Предмет исследования. Социально-психологические и психолого-политические аспекты кадрового обеспечения экономической и информационной безопасности как лояльности и благонадежности персонала по отношению к национальным и государственным интересам, которые интегрируются в нашем исследовании как национальная идея в политике профессиональной деятельности директоров (В.И. Александров, 2008).

Национальная идея (НИ) — это синтез отражения социальных потребностей определенных групп общества, характеристики истории развития ментальностей социальных слоев, проявление нравственно-психологического и интеллектуального состояния общества и конкретных национальных лидеров, что, в целом, отражает степень образованности, просвещенности, духовного расцвета, жизненной активности и гражданской ответственности, социальной и гражданской зрелости населения.

В случае отсутствия общей НИ, определяющей национальную политику государства и уровень социально-психологической зрелости гражданского общества, наблюдается кризис по всем выше перечисленным параметрам, что проявляется, во-первых, в кризисе во взаимоотношениях между государством и обществом; во-вторых, в переходе государства от функций развития и управления к распределению материальных ресурсов и контролю гражданским обществом, что, в третьих, создает законодательную базу для бюрократического криминала, коррупции.

Именно руководители организаций стоят на острие всех выше перечисленных проблем. Поэтому разработка политических аспектов Национальной Идеи, как, во-первых, лояльность, доверие власти и, во-вторых, благонадежность, законопослушность относительно нормативно-законодательной базы нашего государства, является основной задачей политической психологии, закономерности которой могут наиболее эффективно использоваться для развития конкурентности России как государства, так и создания и управления зрелого гражданского общества.

Следует отметить, что национальная идея на уровне конкретного человека, руководителя проявляется как мотивационная система поведения личности относительно выбора методов и средств удовлетворения основных потребностей. На социальном уровне — уровне организации, группы, общества, государства — НИ на уровне конкретного человека проявляется как система нравственной, морально-этической регуляции профессионального поведения и системы основных ценностей человека, которые определяют смысл и значение собственного поведения и поведения, как окружающих людей, так и явлений окружающей среды. И, в целом, на основе НИ работает система определения «свой-чужой», «друг-враг» и другие системы идентификации.

Кроме того, следует отметить, что не разработанность или недостаточная определенность национальной идеи на психологическом уровне (ценности семьи), социальном (профессиональная самореализация), духовном (морально-этические, обще человеческие ценности) оставляет в качестве регуляторов поведения члена или групп общества только материальные ценности. Другими словами, в случае недостаточной разработанности НИ, основными ценностями как в обществе, так и в государстве становятся ценности материальные и, наиболее часто, деньги. Личные интересы руководителей преобладают над интересами государства как основная причина коррупции, низкой лояльности и благонадежности кадров организации.

На материальном уровне организации человека, группы, общества, государства «каждый—каждому» является конкурентом, поэтому в государстве начинают преобладать центростремительные силы, а у членов общества отсутствует мотивация для создания социальных институтов и профессиональных сообществ, создание которых и определяет гражданскую социально-психологическую зрелость общества в целом и активную

гражданскую или профессиональную позицию каждого члена зрелого общества в частности. Кроме того, НИ позволяет минимум в три раза повысить эффективность управления, государством и организованность, активность общества. Определяющая роль в этом процессе принадлежит политической психологии: будут ли научные законы использоваться для повышения конкурентности государства или для повышения эффективности манипуляции общественным, индивидуальным сознанием населения в интересах «людей у власти» и эффективности обслуживания тех, «у кого есть деньги», вместо интересов государства и общества?

Отсутствие НИ ведет к тому, что такие основные сферы жизнедеятельности как здравоохранение, образование, деятельность правоохранительных органов и прочие вместо выполнения своего профессионального долга, начинают заниматься бизнесом — зарабатывать деньги и не служить обществу, а обслуживать «выше стоящих» начальников, что резко снижает конкурентность государства и сдерживает развитие гражданского общества. Поэтому в постиндустриальном, информационном обществе повышается роль профессиональных аспектов политической психологии — борьба с коррупцией и криминалом.

Увеличение роли психологов в политике связано с тем, что эффективность политики все более определяется информационно-коммуникативными технологиями влияния на общественное или индивидуальное сознание граждан, общества. И чем более зрелым становится общество, тем более акцент влияния переносится на индивидуальное сознание и самосознание и, следовательно, возрастает роль политической психологии как средства развития конкурентности государства и профилактики, политического урегулирования конфликтов в обществе. Общенациональная идея является той «вертикалью власти» между индивидуальным, общественным сознанием, интересами гражданского общества и государственной политикой. Другими словами, «вертикаль власти» как ответственность государства перед обществом и гражданская ответственность членов общества перед обществом, на основе общенациональных ценностей как детерминант принятия решений на всех уровнях организации общества и государства (ветвях власти).

Возрастает не только роль политической психологии в развитии конкурентности государства, но и увеличивается ответственность психологии как науки и профессионального психологического сообщества в целом, перед развитием гражданского общества в постиндустриальную эпоху, когда основным ресурсом развития, как общества, так и государства, являются информационно-коммуникативные технологии и, особенно, в сфере образования, просвещения, политики, идеологии и СМИ.

Национальная идея определяет миссию государства и основную систему ценностей, как систему критериев, «правил игры» на основе которых разрабатываются и принимаются стратегические и тактические управленческие решения на основе принципов ко-эволюции, как на уровне конкретных организаций и людей, так и на правительственном уровне разрабатывается нормативно-законодательная база для жизни государства и гражданского общества. Роль политической психологии в построение бесконфликтного взаимодействия между Государством и Гражданским обществом велика.

Система ценностей на основе национальной идеи формирует доверие к государственным органам на всех уровнях организации общества и государственной власти. Национальная идея и миссия государства распределяет функции контроля, управления, полномочия и ответственности между обществом и государством. На основе национальной идеи определяется миссия государства и распределяются полномочия, функции; определяется смысл и значения деятельности всех государственных органов и ветвей властей, что делает открытой и понятной систему ценностей для принятия управленческих решений, как на уровне государства, так и на уровне отдельных социальных институтов и организаций; как в сфере бизнеса, так и в некоммерческих, государственных организациях и компаниях.

В заключение отметим, что, по результатам проведенного нами исследования, именно формулировка Национальной идеи переводит профессиональную и научную деятельность и, особенно в политической психологии, в практическую плоскость — от теории к практике, — определяя общественную и государственную значение и смысл психологии как науки в целом. Именно политическая психология может здесь внести наибольший вклад. От позиции политической психологии в решении этого вопроса будет определяться отношение общества к научно-профессиональному психологическому сообществу, и, в целом, доверие общества к государству, в построение открытого гражданского общества.

Блинов В.В. к.пол.н. Политико-психологический анализ консервативных ценностей в современной России.

Современная Россия находится в уникальном положении, поскольку на протяжении XX века ей пришлось дважды сменить направление политического развития. В этой связи наиболее актуальным вопросом для современного российского общества становится определение ценностей, способных консолидировать нацию. С начала 90-х гг. и по сей день в России главным на повестке дня оказывается вопрос поиска национальной идеи. Идеологи российской власти при ее выработке прошли эволюцию от обещаний построить жизнь как на Западе до понимания необходимости опоры на традиционные ценности.

Само понятие «консерватизм» зародилось в конце XVIII — начале XIX вв. для обозначения идей и политического курса ряда сил, выступающих за сохранение старого общественного устройства Европейских государств. Впервые в лексикон его ввел Р. Шатобриан, который в 1818 году стал издавать журнал «Консерватор». Смысл понятия в тот исторический период был ясен, и оно не вызывало полемики. Но с течением времени консерватизм начинает демонстрировать неоднозначность, поскольку он меняет ценностное содержание. Если такие идеологии, как либерализм или социализм, за последние двести лет в целом сохранили идейную основу, то консерватизм продемонстрировал склонность к ценностному перевоплощению. Только на Западе он прошел трансформацию от патерналистских и клерикальных идей до либеральных ценностей.

По причине идейной гибкости консерватизм — крайне неоднозначное для исследовательской оценки явление. Оно занимает особое место среди других идеологических течений, поскольку в его основе лежит не только определенная идейная платформа, но и особый психологический тип его последователя. Подобная специфика обусловила трудности толкования консерватизма, тем более определение его содержания на отличной от Запада почве современной российской политики.

Перспективным целесообразно назвать изучение консерватизма в предметной области психологической науки, поскольку в рамках этой дисциплины существует обширный багаж эмпирических методов в отличие от политологии и истории, на полях которых сегодня ведутся дискуссии о природе консерватизма.

Политико-психологический подход основан на «функциональной» трактовке политической идеологии и «субъективистском» направлении в изучении ценностей, что предполагает анализ консервативных ценностей в результате их соотнесения с психологическими качествами личности.

В представленном исследовании, проведенном в 2007 гг. сотрудниками кафедры Политической психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, на основании обобщения положений классиков социологии и политической психологии К. Манхейма, М. Оукшота, В. Парето и Г. Уилсона была разработана психологическая модель консерватизма как

совокупности психологических качеств, определяющих ценностные предпочтения. Она включила в себя определенные психологические качества. На уровне когнитивных стилей:

а) синтетичность мышления — восприятие действительности в виде целостности, элементы которой трактуются как части единого организма;

б) ригидность мышления — склонность мыслить в рамках жесткой системы координат, слабо воспринимаемая новое знание;

в) конкретность мышления — тенденция оперировать конкретными, опирающимися на повседневный опыт категориями.

На уровне установок:

г) установка на иерархию — склонность предпочитать иерархическую организацию, когда отношения построены на принципе подчинения;

д) установка на авторитет — тенденция ориентироваться на непререкаемый авторитет, предписывающий обязательные к исполнению правила;

е) установка на неприятие «чужих» — оценка окружающих людей по критерию свой – чужой с неприятием «чужих»;

ж) установка на самопожертвование — готовность принести себя в жертву ради исповедуемых идеалов;

з) анти-гедонистическая установка — склонность воспринимать стремление к удовольствию как проявление негативных качеств человека.

Указанные психологические качества были соотнесены с эмпирическими методиками, позволяющими осуществлять психологическую диагностику:

– анализ структуры высказываний для диагностирования синтетичности мышления;

– тест на свободные ассоциации для выявления ригидности мышления;

– анализ содержания высказываний для определения конкретности мышления;

– метод фокус-группового интервью для диагностирования психологических установок;

– метод формализованного интервью для определения ценностных предпочтений.

Использование этих методов позволило провести стандартизированную диагностику когнитивных стилей, выявить характер психологических установок, а также составить развернутое описание ценностных предпочтений респондентов.

В рамках исследования в 2007 г. было опрошено 10 рядовых сторонников от каждой политической партии, представленной в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации III и IV созывов: КПРФ, «Родина», ЛДПР, «Единая Россия», «Яблоко» и СПС, что дало возможность наиболее широко охватить все разнообразие политических предпочтений в современной России: от либерального до лево-патриотического крыла. Все 60 членов политических партий были рекрутированы по принципу случайности и проживали на момент исследования в г. Москве.

Специфика выборочной совокупности обусловлена тем, что анализ психологических характеристик рядовых сторонников политических партий позволяет проанализировать ценностные предпочтения российского общества в наиболее выраженном виде на примере активных последователей основных идеологических течений. Когнитивные стили и установки являются универсальными психологическими свойствами личности, определяющими ценности индивида независимо от его статусных характеристик. Это позволяет сформировать выводы относительно содержания консервативных ценностей в массовом сознании российского общества на примере рядовых сторонников парламентских политических партий.

По результатам исследования было установлено, что наибольшую выраженность когнитивных качеств, близких консервативной модели демонстрируют представители лево-патриотического крыла: КПРФ и «Родина». Рядовые сторонники партии «Единая Россия» не показали общих характеристик, а активисты СПС и «Яблоко» дали результаты противоположные консервативной модели.

Тенденция, выявленная в результате диагностики когнитивных стилей, схожа с показателями фокус-группового исследования психологических установок. Сторонники партий СПС и «Яблоко» продемонстрировали противоположную консервативной модели выраженность психологических качеств, среди членов партии «Единая Россия» не прослеживалась общность мнений, а установки сторонников лево-патриотических партий «Родина» и КПРФ наиболее соответствовали консервативной модели.

Проведенный политико-психологический анализ дает возможность сделать вывод, что психологической модели консерватизма, на уровне когнитивных стилей и установок соответствуют сторонники лево-патриотических партий «Родина» и КПРФ.

Рассмотрим данные формализованных интервью, во время которых респондентам задавались вопросы об их ценностных предпочтениях.

Члены партии СПС и «Яблоко» в подавляющем большинстве ответов называли наиболее важными ценностями: права человека, свободу, личную независимость. В своих выступлениях они отметили, что выступают «...за преобладание формальных политических институтов в противовес реально распространенным неформальным практикам», говорили о необходимости «...идти путем модернизма в противовес консервации сложившихся порядков».

Доводы сторонников либеральных партий могут быть объяснены не только спецификой либерального стиля мышления, но и особенностями существующего политического момента в России. На сегодняшний день кроме абстрактных идеалов прав и свобод человека, которые не могут быть аргументировано обоснованы, а лишь приняты последователями как аксиома, либералы мало к чему могут апеллировать в своих идеологических посылах. Если в начале 90-х гг. главным доводом в пользу либерального выбора было обещание построить такую же жизнь как на Западе, то сейчас, после разочарования общественности в либеральном курсе, основным аргументом остается утверждение, что либеральные ценности являются правильными априори. Максимум, на который либеральные теоретики способны пойти в своей аргументации, — утверждать, что беды нынешней России связаны с незавершенностью изначально взятого курса на модернизацию общественного строя, и страна нуждается в т. н. «Достройке капитализма».

У рядовых членов партии «Единая Россия» отсутствует четкая идеологическая идентификация. По результатам данной работы, а также ряда исследований, проводимых сотрудниками кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова, установлена следующая особенность сторонников существующего политического курса. Активисты «пропрезидентских» политических организаций в своей аргументации используют разнопорядковые «негативные» ценности, каждая из которых построена с использованием отрицания: «не» допустить развала страны, «не» позволить вмешиваться другим странам во внутреннюю политику России, «не» подорвать национальную культуру, «не» допустить возвращения «уровниловки», «не» позволить доминировать национал-социалистическому популизму.

Такая идеология «от противного» говорит о том, что сторонники «пропрезидентского» курса в современной России оказываются не в состоянии отчетливо определить направление развития страны. Настоящая ситуация в значительной мере обусловлена действиями идеологов нынешней власти, которые с одной стороны говорят о том, что Россия должна идти своим путем, а с другой — идеалом общественного развития объявляют все тот же набор либеральных ценностей. В постулатах «суверенной демократии» В. Суркова сторонники сильного государства увидят одобрение своим устремлениям в термине «суверенная», либералы же смогут сослаться на обоснование необходимости «демократии». Подобная двусмысленность представляет собой попытку понравиться сторонникам разных идеологических течений. Эта стратегия главным недостатком имеет отсутствие отчетливых идеалов, и, как следствие, отсутствие представления о позитивной системе ценностей среди своих последователей.

Идеологические послы современной российской власти опираются на противоречивые положения, так как одновременно утверждают приоритет противостоящих друг другу начал общественного устройства: индивидуального и общегосударственного. Отдавать предпочтение им обоим в одинаковой степени нельзя, поскольку существует немалое количество ситуаций, в которых они вступают в противоречие и которые требуют однозначного ответа: допустимо ли ради общественного блага жертвовать благами индивидуальными? И можно ли ради поддержания суверенитета «закручивать гайки» в демократических институтах?

К сожалению, двойное отрицание в идеологической аргументации пропрезидентского политического курса остается всего лишь отрицанием и не предполагает синтеза качественно новой общественной системы, что самым непосредственным образом отражается на образе мыслей сторонников пропрезидентских политических сил.

Следует сказать, что такая государственная идеология в состоянии существовать лишь в условиях государственной монополии на рынке СМИ, когда наличие логически противоречивых посылов компенсируется невербальными способами воздействия на аудиторию. Но эта аргументация является крайне уязвимой в условиях равноправной конкуренции с другими идеологическими концепциями.

Если проанализировать ценностные предпочтения сторонников партий КПРФ и «Родина», то мы сможем обнаружить, что они сосредоточены вокруг двух основных ценностных блоков: социалистических и «державнических».

Первыми в списке ценностей большинства членов партии КПРФ оказались: «справедливость», «коллективизм», «благополучие народа», а также «сильное государство». Все эти идеалы общественного устройства являются, по мнению коммунистов, традиционными для России и в наибольшей степени были реализованы в советский период истории. Учением, содержащим набор универсальных правил, объясняющих устройство мироздания, сторонники КПРФ назвали диалектический и исторический материализм. При этом они уточнили, что «...государственные структуры должны следовать этому учению, невзирая на возможность отсутствия общественного одобрения».

Сторонники партии «Родина» в качестве главной ценности единодушно назвали «здоровье нации». Наряду с этим они отметили социалистические идеалы: «социальные гарантии» и «благополучие народа», а также «державнические»: «патриотизм» и «сильное государство». Эти ценности были отнесены членами партии «Родина» к традиционным для российского общества. Устройство мироздания, по мнению активистов партии «Родина», наиболее верно отражено в Православной религии. В том случае, если кто-то отказывается следовать ее предписаниям, государство, по их мнению, должно использовать принудительные меры.

В результате проведенного политико-психологического анализа представляется возможным заключить, что психологические инварианты консерватизма в современной России близки социалистическим и «державническим» идеалам. Эта тенденция обнаруживает себя независимо от расхождения в ориентации активистов лево-патриотических партий на постулаты марксизма и догматы православия. Такое расхождение может быть объяснено тем, что российское общество на протяжении одного столетия дважды было вынуждено сменить общественные идеалы, сохранив традиции, на которых они основаны. Эти традиции восходят к идее централизованного государства и идее общности, выражающейся в социалистических идеалах «коллективизма», «социальной справедливости» и «равенства».

Бианки В.А. к.п.н., Серавин А.И. Специфика партийности и мандатности выборов в местное самоуправление.*

На выборах 2005 года в органы МСУ Ленинградской области от партий было избрано 365 депутатов, то есть всего 16%, а кандидаты от «Единой России» заняли 10% мест. Понятно, что это было связано с другой системой выдвижения (не было льгот для партий), и с тем, что партии еще не окончательно закрепили свое доминирование в политической жизни, но, тем не менее, эти цифры очень показательны.

Аналитиками, властями, СМИ результаты выборов осени 2009 будут анализироваться в партийном разрезе, как минимум потому, что все уже привыкли оценивать их именно так. Кроме того, федеральные и региональные парламентские выборы, хотя пройдут еще не очень скоро (Госдума — декабрь 2011 года; ЗакС Ленобласти — март 2012 года), но, почти гарантированно будут носить партийный характер. Результаты следующего цикла выборов 2011–2012 гг. в регионе будут существенно зависеть от «контроля территории» партиями. Лучший способ этого контроля — через симпатизантов, то есть активных сторонников, склонных распространять свою позицию.

Судя по слухам, «ЕР» в Ленобласти поставила себе планку получить 80% мест (чтобы превзойти Петербург). Однако это очень маловероятно.

Разумеется, оптимальный способ «завязать» на себя этих сторонников и повысить их профессионализм — стимулировать их участие в местных выборах с приданием их кампаниям партийного характера. Подробно взгляды авторов изложены в работе по партийному строительству (В.А. Бианки, А.И. Серавин Психология и практика регионального партстроительства. СПб., 2006. См. на сайтах bianki.ru и seravin.narod.ru).

Несмотря на столь очевидные и сильные доводы в пользу гиперактивной роли партий на предстоящих выборах, есть ряд оснований, которые приведут к тому, что партийный элемент в кампании будет не очень существенным.

1. Чем ниже уровень выборов, тем выше роль личности кандидата и ниже роль его партийной принадлежности. Кроме того, на мажоритарных выборах, пусть и на многомандатных, также выше влияние личности кандидата.

2. Существуют традиционные сложности с централизованным (на уровне региона) текущим партийным финансированием. Это объясняется низкой значимостью такого источника финансирования как партийные взносы рядовых членов. Финансирование же от бизнесменов регионального и федерального уровня носит целевой характер, а местные выборы в целом их обычно не очень интересуют, особенно с учетом сложной схемы избрания глав МО и глав администраций МО обоих уровней. Крупный бизнес интересуют преимущественно те МО, на которых расположены их предприятия.

3. Сложности кардинально усилились из-за кризиса. Денег мало практически у всех, многие компании — на грани банкротства.

4. «Единая Россия», в силу своего специфического характера «партии людей власти» будет стараться включить в свои списки максимальное число действующих глав МО и глав администраций. В свою очередь, главы и главы администраций во многих МО будут формировать свои списки по внепартийному принципу.

Еще более склонны будут игнорировать партийную принадлежность кандидатов руководители предприятий — поддержка ими кандидатов, в том числе и финансовая, будет преимущественно определяться фактором личной лояльности. Во многом, руководству районов и поселений, также как и бизнесменам, будет даже проще управлять новым

* (на основе материалов книги Бианки В.А., Серавин А.И. Местные выборы кризисной осени 2009 (на примере Ленинградской области). — СПб., 2009.

составом депутатов, если они будут представителями разных партий, так как в случае, если большинство в составе совета принадлежит одной партии, то эти депутаты будут вынуждены во многом подчиняться указаниям областного партийного руководства, а не своих непосредственных «кураторов» и спонсоров.

1. Кандидаты от «Единой России» будут стараться опираться преимущественно на свой личный авторитет или на авторитет глав поселений, глав районов, руководителей предприятий; при этом партийную принадлежность они будут стараться не выпячивать. Будет также заметная часть кандидатов от «ЕР», которая считает, что, раз они выдвинуты от «партии власти», то им ничего не надо делать (это также снизит общую активность партийной кампании).

2. «Областной» рейтинг «ЕР» не очень высокий (2 года назад на региональных выборах «ЕР» не набрала даже 40%). Даже в тех МО, в которых кандидаты от «ЕР» будут противостоять командам действующих глав администраций МО, они вряд ли будут вести чисто партийную кампанию.

3. Также снизит гипотетическую роль «ЕР» то, что реальная власть принадлежит не партии, а отдельным ее членам. Очевидно, что роль Путина в решениях «ЕР» на федеральном уровне существенно выше роли Грызлова, та же ситуация и ниже.

4. «Справедливая Россия», ЛДПР и КПРФ подвержены принципиальным сложностям с финансированием.

5. В целом, у всех партий крайне мало активно работающих местных, первичных партийных организаций.

Отметим, что следует ожидать большое числа скандалов, связанных с процессом выдвижения кандидатов от «ЕР» (в особо конкурентных МО — и от других партий), как в связи с вышеуказанной «раздробленностью» вертикали, так и с тем, что определенная категория лиц, знакомых (пусть и поверхностно) с руководством регионального отделений партий, главами районов, руководством области, будут активно «торговать местами». Отметим, что такая практика часто заканчивается обманом и скандалом.

В Ленинградской области таких громких скандалов как, например, в Петрозаводске (на проходивших выборах мэра) или Санкт-Петербурге (история с главами Василеостровского и Фрунзенского района; депутатом ЗакС Войтановским; кандидатом в МСУ Д.Б. Грызловым) ожидать сложно. Это связано с непрямым механизмом избрания на посты глав и глав администраций МО; а также с низким уровнем развития информационного пространства (почти везде — 1 или 2 районные газеты, всего 2 общеобластные газеты, отсутствие интереса у СМИ Петербурга к частным событиям Ленобласти).

Тем не менее, как в любой избирательной кампании, устоявшийся баланс влияния в области будет подвергнут испытаниям. Принципиально может обострить ситуацию уже неоднократно звучавшая в СМИ информация о возможной отставке губернатора Сердюкова. Хотя, без дополнительной «раскрутки» этой темы, она не будет влиять на выборы, так как уже много раз не подтверждалась.

Несмотря на перечисленные доводы, поясняющие, что партии не будут вести активной партийной кампании в области, мы надеемся на то, что стратегический подход при принятии решений все же будет доминировать, и раздел 8 этого пособия «Организация регионального и районного штаба» будет ими востребован.

Для оценки возможного влияния партий на результаты выборов в МСУ, для каждого муниципалитета можно подсчитать результаты голосования по партийным спискам на выборах депутатов Законодательного собрания Ленобласти 2007 года в границах муниципальных образований (на сайте избирательной комиссии Ленинградской области <http://www.leningrad-reg.vybory.izbirkom.ru> можно посмотреть результаты по каждой УИК, расположенной на территории конкретного МО). Сравнив результаты выборов в ЗакС по партспискам по данному МО со среднеобластными, можно получить оценку специфики партийной ситуации в МО. Отметим, что такая специфика косвенно

учитывает активность работы партии и кандидатов от нее на данной территории, но очень условно показывает перспективу результатов на местных выборах в силу отличающегося механизма организации кампании и психологи принятия решения избирателем.

Отдельной спецификой обладают многомандатные округа. Самое важно для определения того, как цель «победа» должна быть выражена количественно, в числе голосов, — четко понимать отличие ситуации многомандатных выборов и одномандатных. На многомандатных выборах, с учетом отсутствия партийных списков, избиратель может проголосовать за любой «набор» кандидатов, по числу мандатов, «разыгрываемых» на этом округе. Одномандатные выборы – столкновение личностей, многомандатные – столкновение команд (гипотетических — партийных).

Позволим себе упомянуть одну норму закона, описывающую исключение из этого механизма. В МО, где есть и округа с разным числом мандатов, на каждом округе избиратель имеет право голосовать только за минимальное из этих чисел количество кандидатов. То есть, если в МО есть 3 и 4 мандатные округа, то, хотя от одного из округов избирается 4 кандидата, но избиратель может голосовать только за 3.

Хотя 61,6% округов в области являются одномандатными, по ним избираются только 25,4% депутатов (то есть четверть депутатов избирается по одномандатным округам, а $\frac{3}{4}$ — по многомандатным).

Самым распространенным способом попадания в местный совет является пяти мандатный округ (19,9% округов, 41,1% депутатов). Третье место по доле избранных депутатов занимают 10-мандатные округа (всего 3,6% от числа округов, но 14,8% от суммарного числа депутатских мандатов).

Доля голосов (%), необходимая для победы, зависит от:

- числа мандатов (чем больше мандатов — тем меньшая доля голосов нужно для победы);

- уровня конкурентности (чем выше конкурентность, тем больше кандидатов и меньше порог прохождения, следовательно, при высокой конкурентности ниже порог прохождения);

- типа поселения (сельское/городское/райцентр).

Соответственно, число голосов, необходимое для победы, зависит также еще и от числа пришедших на участки избирателей (явка в %, помноженная на число избирателей в округе).

Так как ситуация в каждом конкретном МО очень сильно варьируется по всем указанным параметрам, мы укажем лишь формулу для получения усредненного показателя установки кампании:

$$\text{уст} = 0,972 - 0,015 \times \text{кол} - 0,082 \times \text{конк},$$

где «уст» — это установка, «кол» — это количество мандатов в округе, «конк» — индекс конкурентности ситуации в муниципалитете.

Расчеты, которые легли в основу указанной формулы основывались на среднем результате победителей прошлой кампании. Для вычисления формулы был использован регрессионный анализ. Точность предсказания — 81,4% (ошибка более чем на 10% только в 12% случаев).

При этом для прогноза того, сколько следует набрать для победы, мы рекомендуем пользоваться таблицами, созданными нами на основе результатов выборов. В этих таблицах, в том числе, указаны следующие показатели: результат лидера (максимальный из победителей), средний результат победителей и порог прохождения (минимальный результат победителей). Отметим, что для одномандатного округа максимум, среднее и минимум совпадают.

Для многомандатных выборов следует ставить себе цель набрать хотя бы среднее число голосов, которое на прошлых выборах у победителей. По явке также оптимально

ориентироваться на показатели прошлых выборов, стараясь оценить изменение ситуации за 4 года.

Бианки В.А. к.пс.н. Наброски списка ключевых методологических проблем психолого-политических исследований.

Данный текст является лишь призывом систематизировать реально используемые в практике политико-психологических исследований методологические основания. Представляется, что, будучи озвученными, они в критическом большинстве случаев окажутся внутренне противоречивыми и/или неполными.

1. Проблемы, связанные с предметом

1.1. Проблема существования предмета. Значительная часть методологических проблем вытекает из ситуации пограничности как собственно психологической науки, так и политической психологии в особенности.

Психология «находится между» философией и биологией, при этом, как у биологов, так и у философов есть сомнения в существовании обособленного предмета психологии — психики (ключевое сомнение биологов — отсутствие физического субстрата). Любой человек находит для себя некие основания своего существования, оправдание не бессмысленности своей деятельности, так что существование психики не может быть доказано философами и биологами, потому что они уверены в первостепенности своих дисциплин, а психологам, потому что их доказательства вытекают, прежде всего, из самого факта их занятия этим предметом.

Уверенность в существовании такой дисциплины как политическая психология основана на постулате, что политика есть особая система, в которой проявления психики человека достаточно своеобразны, чтобы изучать их отдельно. На самом деле подобный постулат содержит в себе два положения: политика есть особая реальность (не сводимая к психическим проявлениям активности, поведения, деятельности отдельных людей) и психика человека проявляется в этой реальности принципиально особым образом. Эти два постулата дают право говорить о существовании «политического общества» и «политического человека».

1.2. Проблема пересечения предмета и инструмента исследования. И политика, и психология – те темы, о которых любой человек чувствует себя вправе судить. Формально требования к любому политическому психологу должны быть запредельными с точки зрения возможности объективной интроспекции, но это не возможно. Отражение личности исследователя в его теоретических и методологических взглядах носит крайне существенный характер (причем всех характеристик психики, начиная от свойств темперамента и характера, и заканчивая его убеждениями, картиной мира и смысложизненными ориентациями). Причем процесс декларирования всего того, что может повлиять на научные воззрения автора невозможно. Представьте себе научную статью, начинающуюся с комплексного психологического портрета автора, включая психобиографию и профиль личности по всем известным методикам. Данная проблема в политической психологии еще острее, чем в общей — эксплицитировать все свои внутренние политические убеждения мало кому удастся даже при активном желании.

1.3. Проблема нестабильности предмета. Меняется или не меняется психика? Насколько отличаются личностные характеристики человека Средневековья и Возрождения от человека постиндустриальной эпохи? И отличаются ли только значения этих параметров или сами параметры претерпели изменения? В случае выбора второго варианта ответа на предложенный вопрос очень легко сделать логический вывод о существовании психосферы, психоценоза как самостоятельной системы. Проблема

субстрата в этом случае становится еще более принципиальной. Если субстрат психики индивидуума не очевиден, то проблема субстрата психосферы еще более не доступна.

Второй аспект проблемы нестабильности предмета психологии — неявная необходимость каждого исследователя определиться с «идеалом психики», то есть принять решение о своих взглядах на эти изменения. Например, рассматривая конкретную, узкую в масштабах обсуждаемых в данном тексте проблем, проблему влияния на человека процесса глобализации, сразу перед любым ученым встает вопрос *моральной оценки* процесса глобализации, так как выводы любого исследователя, и даже само направление исследований всегда будут лежать либо в русле поиска механизмов сопротивления глобализации как *навязываемого* процесса, либо поиска возможностей повысить адаптированность к *объективному* явлению.

2. Проблемы, связанные с моделями объектов и систем

2.1. *Проблема комплексного детерминизма.* Находясь вне рамок марксистских представлений о том, что политика — концентрированное выражение экономики, возникает вопрос о принципиальной возможности выделить в отдельную систему политоценоз. Основания для игнорирования экономической системы при анализе системы политической должны быть озвучены исследователями и очевидны представителям смежных дисциплин.

Ключевым обоснованием для изучения и прогнозирования развития экономических систем или политических систем является убеждение (с точки зрения автора — *аксиоматическое* убеждение), что частные характеристики единичных объектов достаточно отражены на общем уровне, чтобы их не исследовать. Однако низкая достоверность экономических прогнозов (понимаемая как *сбываемость*) с периодом упреждения даже год-два говорит о том, что изучение только экономической системы не возможно.

2.2. *Проблема моделей, предопределяющих результат.* Постановка вопроса о возможности вывода теорий из фактов для автора является психологически не обоснованной. Во-первых, пытаясь понять, что значат те или иные цифры, человек всегда будет не явным образом использовать весь свой опыт — и научный, и личный, соответственно, основания выстроенной теории всегда будут не сводимы к научным фактам, а, во-вторых, сама методика получения фактов, особенно психологических, основывается на некоторой теории, точнее модели, которая во многом предопределяет то, какие факты будут получены и как именно они будут проинтерпретированы.

Понимание влияния на результат метода исследования и имплицитных, зачастую не научных, моделей, должно приводить к поиску методологических подходов, в минимальной степени имеющих такие недостатки и к максимальному эксплицированию оснований работы каждого исследователя.

Примером подобного методического подхода (обращаю внимание — именно методического, а не методологического), который позволяет минимизировать влияние модели второго уровня на результат является психосемантический подход, ориентированный как раз на выявление структуры взаимосвязей, а не основывающийся на ее постулировании. С точки зрения общих принципов познания, возможно, именно в русле связанных с языком (и шире — с сознанием) концепций и лежат основы нового методологического подхода.

2.3. *Проблема управляемости.* Возможно, эту проблему стоило отнести к ключевым для предмета политической психологии кругу проблем (в чем-то эта тема затронута в п. 1.3). Насколько объективны изменения, а насколько они управляемы? Насколько даже постулирование наличия психоценоза, и, тем более, политоценоза, позволяет говорить о наличии объективных законов развития этих систем, не подвластных воле индивидов, их составляющих? (В данном случае имеются законы глобального

характера, определяющие долгосрочное развитие систем, а не правила, частные законы, действующие по принципу «действие $\Rightarrow$ результат»).

2.4. Проблема разрыва между теориями и методами. Это важная проблема, хотя она и носит более частный характер, чем другие озвученные в этом тексте. Проблема заключается в том, что большинство исследователей не озабочено тем, что формально они опираются на одну теорию, а используют методiku, в основе которой лежит другая теория и другой методологический подход. Методологически если и не некорректно, то, по крайней мере, рискованно, сочетать методики, созданные на основе бихевиористской или другой позитивистской концепции с аргументации теоретической модели в терминах, например, экзистенциальной психологии.

2.5. Проблема обоснованности интегральных показателей. Каким образом, измеряя параметры психики индивидуумов, мы получаем информацию о состоянии психики группы? Этот вопрос особенно важен для политической психологии. Социологический подход, ограничивающийся рассмотрением групп, не позволяет в должной мере оценить то, в каком соотношении находятся эти группы, как они взаимодействуют между собой, и к какому результату в рамках системы большего порядка (например, страна), приведут определенные значения тех или иных показателей.

Рассмотрим эту проблему подробнее на примере модели психолого-политической стабильности (по умолчанию предположим, что читатель знаком с этой моделью, разработанной профессором А.И. Юрьевым). Каким образом, даже получив значения по репрезентативной выборке, мы можем оценить, как поведет себя система в целом?

Применительно к модели психолого-политической стабильности А.И. Юрьева, возникает вопрос — каким образом, даже оценив психолого-политическую стабильность тех или иных групп населения, вычислить вероятность изменения ситуации в целом? Ведь очевидно, что, например, нестабильность незаметной с точки зрения доли в численности населения группа бизнес-элиты, особенно в случае консолидированного поведения может принципиально повлиять на ситуацию.

3. Проблемы, связанные с фактами

3.1. Проблема операционализации переменных. В значительной части случаев единственный путь реалистичной операционализации психолого-политических переменных — использование косвенных методов анализа (например, определение параметров психологического состояния по внешне наблюдаемому поведению, анализ убеждений по публикациям или публичным выступлениям, реконструкция профиля личности по тексту или биографии). Проблема доказательства обоснованности выводов, сделанных по некоей репрезентации психологических переменных является принципиальной для психологии в целом, и в особенности, политической психологии.

3.2. Проблема сбора фактов. Экономические факты принципиально более доступны. Психологические факты, особенно ретроспективные, практически недоступны. Сбор актуальных психологических фактов затруднен не развитостью методического аппарата, отсутствием методологического консенсуса (данных разных исследователей чаще всего не сопоставимы), отсутствием и практической невозможностью создания банка общедоступных данных, в сочетании с высокой стоимостью целевого сбора данных под конкретный проект.

3.3. Проблема уникальности фактов. Любой политический факт является уникальным. Произойдя, он становится историческим фактом, а история не знает сослагательного наклонения. Особенность политической психологии в том, что именно в ее рамках возможно зарождение теорий исторической психологии, которые будут иметь эмпирическое обоснование. Скорость событий в современном мире и доступность существенных объемов информации о них может позволить это сделать.

4. Предложение по решению (избеганию) озвученных проблем

Суть предложения состоит в том, чтобы скопировать физико-математическую методологическую парадигму. Мы создаем систему аксиом, выводим из нее значительное количество теорем, правил, следствий, и смотрим, насколько это полезно для практики политического управления (на наш взгляд, политическая психология, с очевидностью, прикладная дисциплина). Неважно, существуют ли реально системы, устроенные по законам геометрии Лобачевского, важно, что для некоторых систем мы можем себе позволить основываться на этой системе аксиом. Это своеобразный «цинично-постмодернистский подход», в чем-то является прямым аналогом классического метода проб и ошибок, только применительно не к поиску фактов и выведению правил, а к теоретико-методологическим основаниям психологической науки в целом. При этом у исследователей должно быть понимание, что они занимаются не постижением собственно конечной истины, а поиском удачной проекции истины.

Наибольшая сложность применения такого подхода заключается в том, что результаты каждого эмпирического исследования должны быть напрямую проверяемы. Любое исследование должно заканчиваться прогнозом или правилом с четко описанным механизмом проверки на соответствие действительности. Такой механизм апробации научных результатов как «доклад на конференции» следует считать не состоятельным. Одна из сотен проблем воплощения этого правила — необходимость проведения только серьезных, фундаментальных исследований, требующих существенного финансового обеспечения.

Постулирование своих интуитивных представлений в качестве аксиом, из которых исходит автор, также следует признать необходимым, при понимании, что в полной мере это сделать невозможно.

Необходимо постулировать аксиоматическую систему политико-психологической науки, которая бы являлась непротиворечивой, достаточной и не избыточной. На наш взгляд, очевидно, что одними из ключевых аксиом должны стать положения, обосновывающие само существование такой научной дисциплины.

Важным требованием к подобной системе аксиом является то, что она должна стать единым философско-методологическим подходом, имеющим под собой как математический аппарат, так и контуры модели психики.

Конфисахор А.Г. к.п.н., доцент. К вопросу о психологических характеристиках элиты современной России.

Значение политической, экономической, научной, творческой и иных элит в современной России являются темой, вызывающей столкновение различных мнений, взглядов и подходов. При этом нет единого понимания и оценки роли элиты в общественных процессах. Для анализа понятия «элита» мы считаем необходимым получить ответы на следующие ключевые вопросы:

1. Что такое элита?
2. Как должна формироваться элита?
3. Из кого должна формироваться элита?

Ответ на первый вопрос и прост, и сложен одновременно. Существует множество исследований, посвященных этому понятию и большое число определений термина «элита». Мы предлагаем следующее определение. Элита — это лучшие из лучших представители профессиональных, научных, интеллектуальных и социальных групп, признанные как в своих, так и в других сегментах общества. На одной из конференций автор этих строк в очередной раз предложил такое понимание термина, что вызвало яростные возражения участников, которые дружно заявили, что элита — это все те, кто или принимает решения, или участвует в их разработке. Для многих именно такое

понимание является основным и из него следует все остальное: роль элит в жизни общества; решаемые ими задачи; вопросы воспитания и образования и т. д. Подмена понятий, изменение их смысла и содержания приводит к негативным последствиям и для всего общества, и для каждого человека в отдельности, ведь известно, что «как корабль назовешь, так он и поплывет». Поэтому мы настаиваем именно на предложенном нами определении элиты.

Что должны воплощать в себе представители истинной, а не самозванной элиты, с чем ассоциироваться? По-нашему мнению, к элите (в любой сфере) могут быть отнесены только избранные люди, отвечающие определенным требованиям. К элите можно причислить только человека, обладающего, в первую очередь, непререкаемым авторитетом. Отметим, что обладание властью вовсе не означает наличия авторитета, так как мы часто видим представителей власти, не обладающих авторитетом также как и чрезвычайно авторитетных людей, не обладающих формальной властью. Авторитет должен опираться на три базовые составляющие.

Во-первых, авторитет должен опираться на мудрость, знания, возможность предвидения и выхода за пределы непосредственно данного, на понимание глубинной сущности происходящих процессов, так как элиты должны составлять проекты и планы, рассчитывая будущее страны и общества. Элита должна видеть именно глубинные скрытые закономерности там, где простые люди наблюдают лишь поверхностные и внешние проявления, не представляя и не зная всех закономерностей протекающих внутри процессов. Они должны видеть и дальше, и шире, и глубже, вследствие чего способны предвидеть и просчитать надвигающиеся события, тогда как подавляющее большинство людей ведут себя в соответствии базовыми, в первую очередь, физиологическими потребностями, не видя всей картины и всех проблем.

Во-вторых, истинный авторитет может быть только у того, кто способен ради удовлетворения потребности в самоуважении и самореализации, ради стремления до конца отстаивать собственное мнение, ради достижения и признания рисковать и жертвовать всем: и здоровьем, и достатком, и даже жизнью. Для подавляющего большинства, не способного к таким поступкам и жертвам, предпочитающего подчиняться и признавать чужое превосходство, эти люди буквально обретают ореол недостижимости, становясь кумирами. Естественно, что цели должны соответствовать идеалам общества, а для их достижения использоваться адекватные средства, опирающиеся на ясное и полное сознание, системную и объективную картину мира, на высшие психические функции человека.

И, наконец, авторитет должен опираться на понятие «справедливость», без которой обладание истинным авторитетом категорически невозможно.

Кроме авторитета, представители элиты должны иметь (но не обязательно) особые харизматические черты, позволяющие заражать и увлекать людей, делая их единомышленниками, сторонниками и союзниками. Приведем некоторые из этих харизматических черт личности:

- обмен энергией, при которой харизматическая личность излучает энергию, заряжая ей окружающих;
- внешние данные — харизматический лидер не обязательно красив, но привлекателен, обладает обаянием, прекрасно держится;
- независимость характера, проявляющаяся в том, что в своих устремлениях и установках они не полагаются на других, уверены в себе, в своей миссии, не оглядываются на традиции и устоявшееся общественное мнение;
- риторические способности, умение хорошо и чрезвычайно убедительно говорить, обладание высокой способностью к межличностному общению, способность заразить своими идеями и увлечь других за собой;

- искренне воспринимают восхищение окружающих от своей личности и буквально питаются им, чувствуют себя комфортно при выражении восторга, что является для них огромным стимулом;
- достойная и уверенная манера держаться, всегда выглядят собранными, владеющими ситуацией и не теряются при различных изменениях и наступлении неожиданных событий.

Отметим, что харизматическими чертами могут обладать не все представители элиты. Например, одним из ярчайших представителей научной элиты являлся академик Д. Сахаров. При этом, что он вовсе не был харизматичной личностью. Более того, для представителей профессиональных, научных, интеллектуальных социальных и иных элит одни черты могут быть значимы, тогда как другие не играют никакой роли. Таким образом, элита определяется авторитетом как базовой, ключевой и необходимой характеристикой и харизмой, как вспомогательной и дополнительной.

Особый вопрос, на который необходимо дать ответ: «Какое воспитание и образование должна иметь элита?». Интересно, что для представителей научной, военной, технической или творческой элиты ответ совершенно очевиден и ни у кого не вызывает сомнений. Разве что представители творческих профессий могут не иметь соответствующего профильного образования. При этом вопрос о специальном воспитании и образовании, направленном на формирование политической элиты, практически не рассматривается. Конечно, мы прекрасно знаем о существовании Академии Государственной службы и ее многочисленных филиалах, которые готовят специалистов и чиновников для системы государственного управления, и без соответствующего диплома нельзя занимать должности выше определенного уровня. Но готовят в этих учебных заведениях именно специалистов и чиновников, а никак не элиту. Для подготовки политической элиты необходима научная разработка и внедрение системы специального политического воспитания и политического образования потенциальных лидеров. Подчеркнем, что формирование элиты без специфического политического воспитания и образования практически невозможно.

Политическое воспитание определяется сопряжением средств труда как с инвариантными, неизменными характеристиками людей, так и изменяемыми параметрами, зависящими от обычаев и нравов, вкусов и привычек людей, которые являются специфическими для каждого региона. К средствам труда политика относятся исследуемые в рамках политической психологии механизмы интеллектуальной экспансии, правового регулирования, экономического принуждения и физического подавления.

Политическое образование определяется сопряжением предмета труда с идеями переустройства общества, изменением системы политических, социальных, экономических и других отношений, корректировкой образа жизни и жизненной позиции людей. Предметом труда в политике является психическое, физическое, социальное, экономическое и духовное состояния общества. Политическая элита должна обладать системой фундаментальных знаний и умений, направленной на достижение необходимых результатов и не допускающей ухудшения состояния людей, так как постижение закономерностей возможных реакций людей (зачастую нелогичных и даже парадоксальных) на различные политические идеи является сутью политики.

Мы еще раз подчеркиваем, что представители истинной элиты должны обладать непререкаемым авторитетом, харизматическими чертами, иметь особое образование и воспитание. При этом одной из ключевых функций элит является консолидация общества, а их действия и решения не должны вызывать споров, непонимания и несогласия, разночтения и недовольства. Если наблюдается и происходит подобная реакция, то можно говорить о решениях должностных лиц, которые естественным образом подвергаются сомнению, но никак не о действиях элиты, опирающихся на непререкаемый авторитет. И от отношения к элитам во многом зависит формирование образа государства.

В качестве комментария к вышесказанному приведем некоторые примеры отношения к элитам и их действиям со стороны достаточно значимых и влиятельных людей.

Рассмотрим ответы, публикуемые в журнале «Власть» под рубрикой «Вопрос недели» в феврале-марте 2009 года.

«Власть», № 6 от 16 февраля 2009. Не пора ли премьер-министру ответить за результат антикризисных мер

Сергей Митрохин, *лидер партии «Яблоко»*. Вряд ли отправит, ведь Путин — его работодатель. Он пригласил Медведева на этот пост. Так с работодателями не поступают.

Дмитрий Орешкин, *руководитель аналитической группы «Меркатор»*. Не исключено, что все решится в ближайшие шесть-девять месяцев.

Оксана Дмитриева, *депутат Госдумы («Справедливая Россия»)*. Для начала надо отправить в отставку финансовый блок.

Николай Злобин, *директор российских и азиатских программ Центра оборонной информации США*. Уже пора об этом задуматься.

Андрей Бунич, *президент Союза предпринимателей и арендодателей России*. Думаю, пока этого не знает даже сам Медведев. Но все, что делает правительство по борьбе с кризисом, все неправильно.

Станислав Белковский, *политолог, президент Института национальной стратегии*. Да, поскольку выбор у Медведева небогат.

Владимир Кашин, *депутат Госдумы, заместитель председателя президиума ЦК КПРФ*. Нет, но не исключено, что Владимир Владимирович сам уйдет в отставку.

«Власть», № 7 от 23 февраля 2009. Отставки губернаторов. Дмитрий Медведев провел несколько кадровых перемещений, отстранив от должности губернаторов

Андрей Молчанов, *зампред комитета Совета федерации по экономической политике, предпринимательству и собственности*. Президенту виднее.

Виктор Батурин, *Генеральный директор компании «Интеко-агро»*. В правительстве — всех на перековку!

Борис Надеждин, *член федерального политсовета партии «Правое дело»*. Нужно серьезно почистить силовой блок.

Иван Мельников, *первый зампред ЦК КПРФ*. Мозги лучше заменить.

Николай Харитонов, *первый зампред комитета Госдумы по аграрным вопросам*. Еще много кого.

Михаил Крутихин, *партнер компании RusEnergy*. Всех полковников и подполковников КГБ в отставке с постов топ-менеджеров нефтяных и газовых компаний.

Александр Лебедев, *владелец Национальной резервной корпорации*. Нужно менять всех, кто отвечает за сельское хозяйство.

Александр Четвериков, *депутат Госдумы, основатель группы «Агрохолдинг», совладелец ООО «УК «Красная поляна»*. Губернаторов нужно переводить на контрактную основу, а критерием оценки их работы должны быть конкретные цифры.

Анатолий Локоть, *член комитета Госдумы по местному самоуправлению*. 90% правительства, начиная с Кудрина.

Михаил Виноградов, *президент фонда «Петербургская политика»*. Полпредов в федеральных округах и тех, кто задействован в международных организациях, давно утерявших смысл, — СНГ, ОДКБ, Союзе России и Белоруссии.

Сергей Марков, *зампред комитета Госдумы по делам общественных объединений и религиозных организаций*. Ющенко, Саакашвили и Качиньского. А у нас давно пора убрать Кудрина и Игнатъева, потому что эти люди делают все для того, чтобы деньги не дошли до реального сектора экономики.

«Власть», № 8 от 2 марта 2009. Некоторые итоги первого года президентства Медведева. Чего ему не хватает?

Александр Торшин, *заместитель председателя Совета федерации*. Жесткости. Виталий Гинзбург, *академик РАН, лауреат Нобелевской премии*. Трудно сказать — может быть, гуманизма и внимания.

Владимир Буковский, *писатель-диссидент*. Законных выборов. Его взяли и назначили, поэтому, как следствие, нет ни самостоятельности, ни авторитета.

Николай Петров, *пианист*. Результатов. Главным образом в отношении борьбы с коррупцией.

Игорь Коган, *председатель правления Оргрэсбанка*. Времени, высоких цен на нефть, грамотных помощников, но их сегодня всем не хватает.

Александр Коржаков, *депутат Госдумы, в 1991–1996 гг. руководитель службы безопасности президента России*. Карьерного опыта.

Николай Рябов, *депутат Госдумы*. Стратегического мышления.

Сергей Антуфьев, *губернатор Смоленской области*. Медведеву пока что не хватает жесткости по отношению к подчиненным, которые не справляются со своими обязанностями.

Анатолий Гавриленко, *президент Российского биржевого союза*. Знакомства с профессиональными участниками финансового рынка, руководителями компаний, которые управляют десятками миллионов долларов.

Адольф Шаевич, *главный раввин России*. Опыта.

Сергей Филатов, *в 1993–1996 годах руководитель администрации президента РФ*. Последовательности.

Олег Пашенко, *депутат заксобрания Красноярского края, член фракции «Справедливая Россия»*. Содержательности, самостоятельности, смелости, сподвижников.

Ольга Алимова, *депутат Саратовской облдумы, секретарь саратовского обкома КПРФ*. Мужественности. Не выглядит он серьезным мужчиной, способным принимать судьбоносные для страны решения. Куда чаще он выглядит подростком с умными глазами, школьным отличником, которого невесть за какую провинность учитель поставил в угол. А такой грустный отличник никак не ассоциируется с президентом России.

Илья Яшин, *член бюро движения «Солидарность»*. Самостоятельности и легитимности. Год назад он был назначен президентом, но за прошедшее время президентом так и не стал. Владимир Шахрин, *лидер группы «Чайф»*. Поступков, которые помогли бы нам, гражданам России, понять, что он за человек.

«Власть», № 9 от 9 марта 2009. Справедливость власти

На прошлой неделе начался процесс по новому уголовному делу против Михаила Ходорковского и Платона Лебедева.

Гарегин Тосунян, *президент Ассоциации российских банков*. Свободы.

Сергей Байдаков, *заместитель мэра Москвы*. Товарищ Ходорковский должен отбывать срок в соответствии с решением суда.

Олег Вьюгин, *председатель совета директоров МДМ-банка*. Милосердия и со стороны общества, и со стороны власти.

Никита Белых, *губернатор Кировской области*. Справедливого решения, а не тех, которые выносят нынешние суды.

Михаил Трепашкин, *адвокат, бывший сотрудник ФСБ*. Освобождения.

Олег Нилов, *глава фракции «Справедливая Россия» в заксобрании Санкт-Петербурга*. Великой благодарности со стороны всех «коллег по цеху», которые должны сидеть рядом на скамье. А то он один за всех тянет ляжку.

Владимир Брынцалов, *предприниматель*. Да его отпускать давно пора.

Александр Воловик, *президент нефтегазовой корпорации «Би-Газ-Си»*. Боюсь, он может рассчитывать только на сочувствие общества.

Александр Лебедев, *владелец Национальной резервной корпорации*. Помилования.

Кирилл Янков, *заместитель руководителя Федерального агентства по управлению особыми экономическими зонами*. Объективного и беспристрастного рассмотрения дела. Как и любой гражданин страны. Я думаю, что он мог бы принести больше пользы экономике России в других качествах.

Григорий Сергиенко, *Исполнительный директор Российского топливного союза*. Справедливого суда.

Виктор Илюхин, *заместитель председателя комитета Госдумы по конституционному законодательству и госстроительству (КПРФ)*. Прекращения издательств.

Олег Сысуев, *первый зампред совета директоров Альфа-банка, в 1997–1998 гг. вице-премьер*. Чтобы его оставили в покое.

Виктор Геращенко, *в 1998–2002 гг. председатель Центробанка*. Справедливого отношения, а не травли, как сейчас.

Виктор Ерофеев, *писатель*. Милосердия.

«Власть», № 10 от 16 марта 2009. Не слишком ли много церкви

Вячеслав Позгалев, *губернатор Вологодской области*. Катастрофически мало.

Тамара Морщакова, *советник Конституционного суда*. Много, но не там, где нужно. Церковь ведет очень активный диалог с властью в ущерб общению с народом.

Евгений Сабуров, *научный руководитель Федерального института развития образования*. С точки зрения здоровья общества надо держаться от РПЦ подальше.

Владимир Платонов, *председатель Мосгордумы*. Это не вопрос вкуса — много или мало, здесь может быть только одно — соответствует Конституции или нет.

Геннадий Зюганов, *лидер КПРФ*. Много кампанейщины и профанации в отношениях церкви и власти.

Сергей Гинзбург, *режиссер*. Церковных функционеров много. Для меня церковь и патриархия — разные вещи. Церковь — это, прежде всего, вера. А участие патриарха в сборищах власти — это политика.

Николай Злобин, *директор российских и азиатских программ Центра оборонной информации США*. Слишком, и чем больше роль церковной вертикали, тем меньше реальной веры в Бога.

Эдуард Лимонов, *лидер запрещенной Национал-большевистской партии*. Страна превращается в клерикальную.

Владимир Познер, *телеведущий*. Стремление РПЦ к власти, к влиянию на всех и все и через ТВ, и через школу меня не удивляет.

Эдуард Краснянский, *писатель*. Чересчур много, многие политики, не задумываясь, бросились в лоно церкви.

Гейдар Джемаль, *председатель Исламского комитета России*. Дальше будет еще больше. Нынешняя элита рвется в мировой истеблишмент, а там церковь играет огромную роль.

Елена Андреева, *президент холдинга охранных предприятий «Бастион»*. Много, и особенно там, где бюджет распределяется или разговор о собственности ведется.

«Власть», № 11 от 23 марта 2009. Алексей Кудрин успокоил население: рубль будет укрепляться, а доллар — падать

Геннадий Гудков, *первый заместитель председателя комитета Госдумы по безопасности*. Не верю ни в рубль, ни в Кудрина.

Александр Котенков, *представитель президента в Совете федерации*. Пока вынужден доверять, хотя я не уверен ни в одной из валют.

Василий Бочкарев, *губернатор Пензенской области*. Если не верить в свою валюту и не претворять эту веру в жизнь, то не стоит быть гражданином России.

Денис Киселев, *в 1995–1999 гг. заместитель председателя Центробанка России*. Нет. Я же вижу реальную ситуацию с текущим сальдо платежного баланса, знаю прогноз по оттоку капитала.

Ольга Ускова, *президент компании Cognitive Technologies, президент НАИРИТ*. Если государство хранит основной объем финрезервов в иностранной валюте, то о каком доверии может идти речь?

Владимир Сорокин, *коммерческий директор компании «АльфаСтрахование»*. Рубль будет крепнуть только в том случае, если остальные валюты будут падать, а нефть – дорожать.

Михаил Хазин, *президент компании экспертного консультирования «Неокон»*. Я не верю в рубль. И тем более при той политике, которую сегодня ведут Игнатьев и Кудрин.

Виктор Звагельский, *депутат Госдумы*. Мы обязаны верить, если не будем — разрушится наша экономика.

Михаил Ефремов, *актер*. Никогда не верил. Рубить его надо сильнее. И чем быстрее, тем лучше для народа и для страны.

Дмитрий Ананьев, *председатель комитета Совета федерации по финансовым рынкам и денежному обращению*. Конечно, это наша национальная валюта, а национальную валюту, как и родину, не выбирают.

Шмелева И.А., к.п.н., доцент. Экологическая политика и психология устойчивого развития, как проблемы политической психологии.

Академик Н.Н. Моисеев десять лет тому назад писал, что современная политическая наука находится в процессе трансформации, перехода к новой планетарной парадигме. Ключевой проблемой XXI века окажется проблема организации совместной жизни разных цивилизаций на непрерывно беднеющей планете, цивилизаций, имеющих разные шкалы ценностей и лежащие в их основе разные духовные миры. Разработка стратегии, обеспечивающей в перспективе ко-эволюцию человека и окружающей среды, является самой фундаментальной проблемой науки за всю историю человечества. Важными компонентами такой стратегии являются: научно-техническая, экономико-социальная, нравственно-культурная и политическая составляющая. Очень важной задачей становится сознательное формирование политики глобальной безопасности, базирующейся на междисциплинарном и политологическом осмыслении планетарных процессов. В этих условиях необходимо понять место и роль России в новой геополитической ситуации, складывающейся на планете, ее возможные перспективы.

Как отмечают исследователи, глобализация и устойчивое развитие в настоящий момент представляют собой две концепции, два ключевых понятия, которые преобладают в дискуссиях, касающихся настоящих и будущих трансформаций общества. Глобализация имеет отношение к широкому кругу феноменов, включая всемирную взаимозависимость экономических, информационных и коммуникационных систем, а также глобальную взаимозависимость проблем окружающей среды. Концепция «Устойчивого развития» призвана сделать видимыми взаимоотношения между экологическими, экономическими и социокультурными измерениями систем поддержки жизнедеятельности отдельного индивидуума и всего человечества.

Доклады Римскому клубу были положены в основу концепции «Устойчивого развития» (Sustainable Development), впервые представленной Всемирной комиссией ООН, возглавляемой премьер-министром Норвегии Г.Х. Брутланд (1987) и озаглавленной «Наше общее будущее». Смысл концепции раскрывается как «развитие, которое

обеспечивает удовлетворение потребностей ныне живущих поколений без ущемления возможностей будущих поколений». На конференции ООН в Рио де Жанейро (1992) по окружающей среде и развитию было подчеркнуто, что развитие человеческого сообщества на глобальном, региональном и локальном уровнях должно быть ориентировано на всеобщую цель — удовлетворение основных потребностей и обеспечение достойного уровня жизни всех живущих на земле людей в настоящее время и в будущем. При этом утверждалось, что поддержка и сохранение тенденций глобального устойчивого развития возможны только при достаточной активности человеческого сообщества на локальном и региональном уровнях, а поддержание такой активности может быть обеспечено реализацией принципов демократического участия граждан в подготовке, осуществлении и принятии политических решений в соответствии с принципами равенства.

Анализируя проблемы целеполагания и целеустремленности в политике, А.И. Юрьев (2006) упоминает работы и доклады Римскому клубу и справедливо отмечает, что все прогнозы будущего, сценарии развития экономик, использования ресурсов являются вторичными по отношению к главному ресурсу политики — человеческому ресурсу. Л. Круз (Kruse, 2006) справедливо подчеркивает, что глобализация и устойчивое развитие — это проблемы не только политики в области окружающей среды, социальных наук и менеджмента, но и проблемы психологии. По его мнению, психология (к сожалению, отметим, что западная, а не российская) восприняла концепцию устойчивого развития как этический императив управления природной и антропогенной системами. Исследования в данной области являются междисциплинарными по своей основе, аспекты их взаимосвязи со смежными областями прикладной психологии постоянно расширяются. По мнению П. Штерна (Sctern, 2004), наряду с пониманием индивидуального поведения по отношению к окружающей среде, психология может разобраться в таких проблемах, как создание институтов и систем поддержки экологической политики и экологического менеджмента, а также обеспечения эффективного ответа на глобальные изменения на индивидуальном, организационном и правительственном уровнях. При этом необходим междисциплинарный подход, в котором психологические концепции будут взаимоувязаны с концепциями экономики, социологии и политики.

Понимание роли психологии в решении глобальных проблем привело вначале 90-х гг. XX столетия к появлению в рамках ООН международной исследовательской программы «Психология глобальных изменений в окружающей среде», которая выполнялась под руководством профессора К. Паулика (Германия). В последующем, она послужила основой развития постоянно действующей международной программы International Human Dimensions of Global Environmental Change (IHDP) — «Международные человеческие измерения глобальных изменений в окружающей среде». Известно, что до 1986 г. все программы международных исследований по глобальным изменениям окружающей среды (в частности, климата) были преимущественно естественнонаучными. С 1988 г. к программам Международного совета по социальным наукам, выполнявшимся с участием программ ЮНЕСКО и нескольких университетов, были привлечены представители ряда социальных наук: политических наук, антропологии, социологии, демографии, экономики, психологии, системных исследований. В 1991 г. руководителем проекта К. Пауликом были обобщены результаты международных междисциплинарных исследований по данным проектам (Pawlik, 1991). Изначально, междисциплинарные исследования были сконцентрированы вокруг следующих вопросов: а) социальные аспекты (размерность) использования ресурсов; б) восприятие и оценка глобальных условий окружающей среды и глобальных изменений; в) влияние местных, национальных и интернациональных социальных, экономических и политических структур и институтов на глобальную окружающую среду; г) использование земель; д) производство и потребление энергии;

е) индустриальный рост; ж) безопасность окружающей среды и экологическое, устойчивое развитие.

Далее были определены шесть ключевых аспектов исследования: 1) оценка и оценивание естественной и искусственной (урбанистической и не урбанистической) окружающей среды; 2) исследование поведения человека в условиях природных и техногенных катастроф и экологического риска; 3) исследование экосистемных воздействий на человека и его ценности; 4) развитие и валидизация поведенческих индикаторов качества окружающей среды; 5) исследование макроэффекта (изменения климата и погодных условий) на поведение, настроение и психологические индикаторы; 6) развитие и валидизация методов сбора психологических данных и методов анализа данных, пригодных для приложения в полевых условиях (развитие методологии полевых психологических исследований).

Предполагалось, что результаты перечисленных международных исследований должны проявиться в а) увеличении индекса выживания населения; б) глобальном и локальном увеличении продолжительности жизни; в) увеличении потребления жизнеобеспечивающих продуктов (пища, размер и качество жилища, отдых, путешествия) при использовании природных ресурсов и вовлечении в производство отходов потребления (метаболизма); г) влиянии СМИ на процессы глобальных изменений; д) оценке глобальных изменений с точки зрения междисциплинарного психологического исследования.

Традиционно психологическая размерность глобальных изменений считалась зависимой от индивидуальной или коллективной этики: индивидуальной способности разрешать конфликты (например, конфликт между общим ростом потребления и снижением потребности в самоудовлетворении); способности человека думать и действовать ответственно на межпоколенном уровне. Проведенные исследования показали, что здесь имеются и дополнительные психологические проблемы, требующие специального рассмотрения, присутствие которых подтвердилось в дальнейших исследованиях (Pawlik, 1991; Uzzel, 2000). Проблемы были рассмотрены на примере глобальных изменений климата.

1. *Проблема глобальных изменений с точки зрения психофизической проблемы.* Был выявлен низкий уровень соотношения «сигнал–шум» (слабая распознаваемость сигнала) в проблеме глобальных изменений. Было отмечено, что сигналы глобальных изменений (например, климата) находятся за порогом человеческого восприятия и человеческой памяти. Реакция может быть только опосредованной через *когнитивное осознание проблемы* и более традиционно (вторично) — через *профессиональные и общественные коммуникации*. Соответственно был сделан вывод о том, что человеческая реакция на глобальные изменения (например, климата) — это не результат реакции человека на психофизическом уровне, а результат *социальной коммуникации*. Временной интервал между человеческой деятельностью и ее заметным влиянием на изменения в окружающей среде может измеряться годами и десятилетиями, часто выходя за рамки одного поколения.

2. *Низкая эффективность (с субъективной точки зрения) поведения, оберегающего окружающую среду.* Была выявлена субъективно наблюдаемая характеристика вклада каждого конкретного агента в глобальные изменения в окружающую среду. Экологически-ориентированное поведение человека характеризуется достаточно низкой или близкой к нулевой стоимостью с монетаристской, индивидуалистской точки зрения. Наблюдаемый вклад на индивидуальном уровне достаточно мал. Как правило, оно находится за пределами существующих систем поощрения, налогообложения или личной выгоды. Аналогичная ситуация возникает и в ситуации «общественной дилеммы» при совместном использовании ресурсов. Таким образом, если эффект не может быть проконтролирован — появляется *темпоральный (временной) градиент и проблема отсроченного вознаграждения*. Поэтому возможным направлением решений этой

проблемы может быть также стратегия развития системы общественных и профессиональных коммуникаций и системы поддержки переработки информации, через которые возможно влияние на ситуацию.

3. *Психофизика низковероятных событий.* В экспериментальных условиях было выявлено, что субъекты систематически недооценивают относительную частоту редких событий, что вытекает из последствий субъективной вероятности (Канеман, 2006), с опорой на включенный в эту оценку когнитивный механизм. Здесь и возникает психологическая проблема: когнитивные механизмы, лежащие в основе переработки человеком информации о событиях с низкой частотой (вероятностью возникновения), в основном связаны с формированием установок и определяются установками поведения. Даже если абсолютная частота случайных природных катастроф, таких как ураганы и наводнения, возрастает, как предсказывается в соответствии с глобальными изменениями климата, их относительная частота все-таки будет недооцениваться субъективно, как функция низкого абсолютного уровня их возникновения.

4. *Проблема социальной дистанции между действующими лицами (агентами) и жертвами глобальных изменений.* В ситуациях глобальных изменений в окружающей среде зачастую существует социальная дистанция между действующими лицами (агентами) и жертвами глобальных изменений; социальное обучение является функцией межличностной дистанции (ближайшей зоны) между социальными партнерами. При решении проблемы глобальных изменений (например, климата) действие происходит в рамках пространственных и временных социальных дистанций. Было выявлено, что механизмы непосредственного социального научения в данном случае не работают, так как объективные и субъективные пространственные и временные расстояния между действующими лицами и жертвами лежат далеко за пределами дистанции, необходимой для социального научения, взаимной идентификации и ответственности. Дистанцированность агента действия и жертвы — еще одна характеристика глобальных изменений, как например, изменения климата. В решении этой проблемы также выявилась *роль коммуникации и влияния средств масс-медиа* на человеческое поведение на больших пространственных и временных расстояниях.

Таким образом, результаты проекта продемонстрировали особую значимость социального уровня взаимодействий в решении глобальных проблем и необходимость разработки психологических аспектов политики в решении глобальных экологических проблем.

К началу XXI столетия стало очевидным, что некоторые отрасли психологии могут внести свой вклад в решение проблем *устойчивого развития*, поскольку концентрируют внимание на проблемах взаимодействия человека с окружающей средой, на условиях его жизнедеятельности и поведения, рассматривая индивида и группу (социальную общность) в качестве субъектов привносимых в среду изменений. Направление, обозначенное как «Психология устойчивого развития» (Schmuck, Shultz, 2002; Boney, Bonaiuto, 2002), было заявлено, как новое стратегическое направление. Поворот психологии к проблемам устойчивого развития может быть охарактеризован переходом от таких частных проблем как восприятие среды, ее познание и оценка, конкретное поведение в конкретной окружающей среде, к проблемам более широкого плана, таким как сохранение ресурсов и энергии, сокращение потребления, стимулирование деятельности по рециклированию, изменение жизненного стиля, вплоть до проблем глобального масштаба, таких как изменение климата, управление ограниченными природными ресурсами, проблем перенаселенности и бедности, разрушения ландшафтов, сокращения источников питьевой воды, разрешения глобальных конфликтов в окружающей среде.

При этом расширился диапазон теоретических и эмпирических исследований. Одной из ключевых стала проблема системного психологического описания экологического сознания (И.А. Шмелева, 2006), проблема эмпирического изучения установок про-экологического поведения и потребительского поведения, изучения

инвайронментальных ценностей различных социальных групп, в том числе представителей бизнеса, политики, власти. Согласно теории ценностей Ш. Шварца (Schwartz, 1992, 2005), ценностные типы организованы в виде биполярных осей и могут вступать в противоречия и конфликтные отношения. Так, биполярными оказываются ось *самовозвышения*, включающая ценности *власти* и *достижений* и ось *самотрансцендентности*, включающая ценности *универсализма* и *доброты*. Принимая во внимание, что именно *универсализм* рассматривается как *инвайронментальная* ценность, обуславливающая психологические, практические и социальные последствия действий по отношению к окружающей среде и глобальным проблемам, соотношения *универсализм-власть* в структуре ценностей представителей социальных групп, определяющих экологическую политику, может рассматриваться как индикатор эколого-политической зрелости конкретного местного или регионального сообщества.

Проблема крайне актуальна для России в связи со значительным отставанием и противоречивостью экологической политики.

Соловьева М.А. к.пс.н. Политическая культура: психологическое измерение.

Единство страны и политическая стабильность государства во многом зависят от политической культуры. Политическая культура, затрагивая все грани общественной жизни, оказывает влияние на формирование и функционирование политических институтов, задает направление политическому процессу, является фундаментом, на котором строится здание реальной политики. Кроме того, пути, по которым движется нация в поиске ответов на жизненно важные вопросы бытия, во многом определяются ее политической культурой.

Субъектом политической культуры выступает человек, обладающий политическим сознанием и проявляющий себя в политическом поведении, — человек политический. Следует отметить, что человек политический, в отличие от дополитического, интересуется политикой как конструкцией власти и осознает ее влияние на общество, а также формулирует свое отношение к действующим механизмам власти и добивается изменений в функционировании власти в своих интересах (S.M. Lipset, 1959; K-R. Seong, 1993; J.C. Torres, 1993; А.И. Юрьев, 1996, 2004). Таким образом, взаимодействие политического человека с властью носит осознанный характер. Это означает, что отношения с властью политический человек преломляет сквозь призму своего сознания. Лишаясь этой особенности, человек политический превращается в человека дополитического, а политическая культура приобретает черты культуры дополитической. Такому превращению способствует политика, ориентированная на низшие психические функции и формирующая поведение на основе неполного или искаженного сознания человека (В.М. Аллахвердов, 2004; А.И. Юрьев, 1996, 2004).

Представление о феномене политической культуры появилось одновременно с возникновением науки о политике. Так, известные римские государственные деятели-философы (Марк Тулий Цицерон, Вергилий, Луций Анней Сенека, Корнелий Тацит) размышляли о путях достижения единства между гражданами и полисом. Эту сложную политическую проблему предполагалось решить посредством повышения уровня политической культуры отдельных индивидов, жаждущих «хлеба и зрелищ» и не интересующихся политикой, с целью воспитания из них сознательных граждан. Таким образом, сформировать политическую культуру предполагалось путем превращения человека дополитического в человека политического.

В последующем — в эпоху Возрождения — задача превращения дополитической культуры в политическую волновала таких мыслителей, как Ф. Петрарка, Т. Мор, Н. Макиавелли и М. Монтень.

Так, например, Н. Макиавелли характеризуя психологию населения разных стран, подчеркивал, что для устройства политических систем большое значение имеют складывающиеся в народе традиции, представления, стереотипы, и призывал учитывать связь между психологическим состоянием общества и методами осуществления государственной власти. Он утверждал, что население страны необходимо обучать политическому поведению так же, как и профессии, а от успешного политического деятеля требовал специальных знаний для профессионального исполнения политики. Примером политического человека, по мнению Макиавелли, может служить политический человек Греции и Рима, в процессе воспитания приобретающий такие качества как моральная стойкость, сила воли, великодушие, преданность и, главное, дух общности, гражданское чувство, забота о безопасности, могуществе и славе своего отечества. В целенаправленном формировании политического человека автор видел основную воспитательную задачу, стоящую перед государством с целью преодоления негативной природы человека.

Большинство идеологов Нового времени (Ф. Бэкон, Т. Гоббс, Д. Локк, Д. Вико) по-новому осмысливали вопросы политического устройства общества. Так, согласно взглядам Т. Гоббса, существует три основных типа государства в зависимости от того, кому принадлежит власть в обществе — это монархия, демократия, аристократия. Исходя из особенностей каждого типа государства, автор выделял три типа организации политической и духовной жизни общества, т.е. три прототипа политической культуры общества.

В дальнейшем один из главных идеологов эпохи Просвещения, правовед, драматург, моралист Ж.-Ж. Руссо обосновав принцип естественного равенства людей и концепцию «общественного договора» Т. Гоббса и Д. Локка, укрепил ценностные и правовые основы западного общества. Критикуя морально-нравственные и политико-экономические устои общества, превращающие общество в дополитическое и ввергающее государство в бездну, Ж.-Ж. Руссо призывал воспитывать граждан, прививая им нравственность и гражданскую добродетель.

В целом, политический человек того времени характеризовался как свободный и инициативный, разумный и рациональный, располагающий правом собственности, а также преследующий свои, в основном социально-экономические интересы, и борющийся за власть с целью их максимального удовлетворения. Отметим, что именно в этот период закладываются основы гражданского общества и ценностно-смысловое содержание современной западной политической культуры.

В России понятие «политическая культура» стало широко использоваться в общественно-политическом дискурсе на рубеже XIX–XX вв. (М. Острогорский, А. Милов, А. Рыкачев, П. Струве, А. Луначарский, Н. Бухарин). Особое место феномен политической культуры занимает в работах русских религиозных философов в связи с размышлениями об особенностях национального характера и его влиянии на стиль взаимоотношений между обществом и государством (Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Вяч. Иванов, И.А. Ильин, Н.О. Лосский, Г.П. Федотов, П.А. Флоренский, С.Л. Франк).

На современном этапе развития отечественной науки после признания междисциплинарной значимости политической психологии все больше внимания уделяется психологическим аспектам общественно-политических явлений, в том числе, и политической культуры (В.А. Решетников, 1991; М.Х. Фарукшин, 1991; А.А. Федосеев, 1994; В.В. Крамник, 1995; И.Б. Градинар, 1996; Н.А. Головин, 1998; В.О. Рукавишников, 1998; К.С. Гаджиев, 1999; Е.Б. Шестопал, 1999; Г.Л. Кертман, 2000; Д.В. Ольшанский, 2001; М.И. Шилобод, 2001).

Наше исследование, посвященное описанию психологической составляющей феномена политической культуры (М.А. Соловьева, 2006), позволило рассматривать политическую культуру как специфическое психолого-политическое явление, а также выявить психологическое своеобразие молодежной и «взрослой» политических

субкультур. Психологическая составляющая представлена взаимосвязанными категориями «политическое сознание» и «политическое поведение», каждая из которых включает в себя ряд компонентов. Так, политическое сознание представлено такими компонентами как смысл жизни, ценности жизни, цель жизни и жизненная сила. Политическое поведение может быть реализовано в виде политической активности, политической работы, политического труда и политической деятельности.

Эмпирическое исследование политического сознания и политического поведения представителей двух важнейших политических субкультур — молодежной и «взрослой» — позволило описать их специфику. Молодежная политическая субкультура заслуживает, на наш взгляд, особого внимания, поскольку молодежь, находясь в общем контексте социально-политических изменений, имеет в то же время особый статус, определяемый ее социально-психологическим своеобразием.

Итак, молодым людям по сравнению со взрослыми свойственен более высокий уровень осмысленности жизни ($p \leq 0,01$) и более рациональный подход к жизни ($p \leq 0,01$), а также удовлетворенность своим существованием в целом, ориентация на эмоционально положительное восприятие жизни и созидательную активность. В отличие от представителей старшего поколения они убеждены, что способны вносить изменения в свою жизнь и свободно принимать решения, а также воплощать их в жизнь. Помимо этого, молодые люди демонстрируют наличие долгосрочных жизненных целей и выраженное стремление к их реализации, что позволяет говорить об общей активности и жизненной силе, присущей молодежи.

Ценностная сфера политического сознания молодежи характеризуется противоречием, обозначенным нами как «ценностный диссонанс». Этот феномен заключается в стремлении молодых людей достигать традиционных для российской культуры ценностей-целей, направленных на сохранение и развитие общества, с помощью ценностей-средств индивидуалистической направленности, культивирующих независимость и автономию личности. Это свидетельствует об обновлении в сознании молодых людей системы ценностей-средств, что можно рассматривать как поиск молодежью способа адаптации к меняющимся социально-политическим условиям в стране. Однако такое противоречие может осложнять отношения молодого человека с социумом и с самим собой.

Структурные особенности ценностной сферы политического сознания молодежи обозначены нами как «социальная экстраверсия». Этот феномен заключается в том, что достижение ценностей-целей, которые являются экзистенциальными категориями, для молодых людей представляется возможным посредством ценностей-средств, имеющих ярко выраженный социальный вектор и предполагающих высокую степень социальной активности. Взрослых же людей отличает «социальная интроверсия», т. е. наличие рефлексии, сосредоточенности на внутреннем мире и духовных переживаниях.

Признаками, дискриминирующими молодежную субкультуру от «взрослой», являются ценности, связанные с активным поиском смысла жизни и жизненных целей, с самоопределением и достижением успеха в обществе. При этом, ориентируясь на собственные жизненные цели и планы, молодые люди не соотносят их с общественными целями, а свое будущее — с будущим страны. Помимо этого, для молодых людей не являются приоритетными ценности, связанные с поисками духовности и внутренней гармонии. Все это можно рассматривать как элементы политико-культурной незрелости молодежи.

Оценивая современную российскую культуру, молодые люди проявили эклектизм, обнаружив в ней элементы трех типов культур: традиционного, современного и динамично развивающегося. Эта оценка соответствует реальной ситуации в обществе, поскольку современное российское политико-культурное пространство характеризуется крайней степенью гетерогенности и неопределенности, затрудняющей самоопределение молодежи (преодоление кризиса идентичности).

Из всех видов и форм политического поведения молодые люди, в первую очередь, ориентированы на политическую деятельность, т. е. интересуются политикой, анализируют политические процессы и оценивают решения политических лидеров. Так, например, 68% респондентов имеют свой взгляд на общественно-политические проблемы и пути их разрешения, а 22% студентов даже выразили готовность заниматься политической деятельностью профессионально. Отметим, что 66% молодых людей относятся с интересом и почтением к традициям своей страны и чувствуют гражданскую ответственность за судьбу близких.

В системе политического целеобразования молодые люди, прежде всего, ценят целеполагание и целесообразность в политике. Высокая значимость для молодых людей категории целеполагания означает, что ими активно востребована четкая и непротиворечивая государственная политика относительно национальных ценностей и приоритетов, формирующих и формулирующих цели и идеалы современной России. В свою очередь, целесообразная политика — это политика, соизмеряющая реальность достижения политических целей в рамках жизни определенного поколения людей. Как показали результаты исследования, целесообразная политика, как для молодых, так и для взрослых людей — это политика, направленная на удовлетворение потребности населения в сохранении жизни на территории совместного проживания и на регулирование социально-экономического взаимодействия, а также сохраняющая культурные традиции и политическую память российской нации. В целом, отражением целесообразной политики на уровне политического поведения является политическая активность граждан страны.

Несмотря на выраженный интерес к политике в целом и готовность участвовать в политической жизни страны, молодежь не проявляет политическую активность, что можно трактовать как политическую апатию. Например, только 4% респондентов участвуют в митингах и демонстрациях и лишь 5% молодых людей состоят в политической партии или общественно-политическом движении. В отличие от молодежи представители старшего поколения характеризуются не только выраженным интересом к политике, но и существенно более высоким уровнем политической активности ($p \leq 0,001$).

Отсутствие политической активности молодежи, на наш взгляд, обусловлено несколькими факторами. Во-первых, молодые люди, ориентируясь на собственные жизненные цели и планы, не осознают значимость общественных целей в своей жизни и свое будущее не соотносят с будущим страны. Во-вторых, отчуждение молодежи от политической сферы при общей социальной активности и целеустремленности является одним из возможных следствий противоречивости государственной политики и идеологии. Такого рода противоречия, отражаясь в виде «ценностного диссонанса» в политическом сознании молодых людей, влекут за собой политическую апатию в их поведении. В свою очередь, политическая апатия и отсутствие опыта участия в политической жизни страны препятствует формированию политически зрелого сознания.

Подводя итоги, отметим, что достижение новым поколением носителей российской политической культуры истинной политико-культурной зрелости, а также адекватная потребностям общества реализация потенциала их политической активности возможны при проведении последовательной и непротиворечивой государственной политики, задающей политико-культурный вектор развития общества. Особое внимание в системе политического целеобразования следует уделить элементам целесообразности и целеполагания, предполагающим формирование политики относительно национальных ценностей и приоритетов, целей и идеалов современного российского государства.

В рамках концепции государственной молодежной политики должны быть предусмотрены меры, направленные на разрешение противоречий в ценностной сфере молодежи, на пропаганду средств, адекватных целям, а также на координацию общественных и личных целей. При реализации стратегии молодежной политики относительно формирования системы ценностей молодежи необходимо ориентироваться на методы убеждения и доказательства, избегая при этом манипулятивных способов

воздействия на молодежную аудиторию. При разработке государственных стандартов высшего профессионального образования необходимо учитывать наличие и характер проявлений политико-культурной незрелости студенческой молодежи. В связи с этим, в цикл гуманитарно-социально-экономических дисциплин (ГСЭ) следует включать учебные дисциплины, помогающие молодым людям ориентироваться в политико-культурном пространстве общества с целью достижения ими политико-культурной зрелости.

Самуйлова И.А. к.п.с.н. Разработка психологических основ осуществления публичной политики.

Начало XXI столетия ознаменовалось проведением череды реформ в различных областях общественной жизни страны — в экономике и социальной сфере, коммуникативно-информационной, культурной, этнонациональной и экологической политике, политике безопасности.

Программа и приоритеты органов власти, механизмы и технологии их воплощения реализуются в публичной политике государства, которая, в свою очередь, должна находить адекватное отражение в сознании граждан страны для достижения целей избранного политического курса.

Однако, согласно результатам многих исследований, граждане России оказались скорее дезориентированы глобальными изменениями в мире и проводимыми реформами, чем готовы принимать активное участие в реализации принятых решений.

Как следствие, особое значение сегодня приобретает исследование характера обратной связи с населением с целью поиска точек соприкосновения и взаимодействия общественных интересов граждан и публичной политики государства.

Термин «публичная политика» («public policy») занимает видное место среди ряда новых терминов, которыми за последние пять-десять лет пополнился словарь отечественной политической науки. Данное словосочетание сегодня активно используется не только в научном дискурсе, где публичной политике посвящаются статьи, конференции, форумы, но и в словаре действующих и бывших политиков, общественных деятелей, аналитиков, комментаторов, а также в обыденной речи. Изучением проблемы публичной политики занимаются различные академические институты и солидные исследовательские центры.

Серьезным недостатком большинства современных исследований в этой области является то, что они проводятся с использованием преимущественно политологического, социологического или философского понятийного аппарата без привлечения соответствующего теоретико-методологического инструментария психологической науки.

Анализ содержания, который вкладывается в термин «публичная политика» разными учеными, демонстрирует серьезные различия в его трактовке.

«Публичная политика» в смысле «государственная» подчеркивает убеждение, что именно государство в современном политическом мире представляет собой главный публичный институт, призванный объединить все разрозненные интересы социальных групп.

«Публичная политика» в смысле «общественная» подчеркивает формирование и реализацию этой политики в интересах общества, а также отдельных социальных групп, которые нуждаются в общественной поддержке.

«Публичная политика» с точки зрения процедуры принятия политических решений подчеркивает ее «прозрачность», «открытость для публики».

«Публичная политика» в смысле «politics», то есть целенаправленное осуществление властным органом определенного политического курса, направленного на достижение определенного социального эффекта, требует обязательной «расшифровки», указания — либо на конкретного политического фактора, который эту политику

осуществляет («публичная политика Кремля», «публичная политика РАО ЕЭС»), либо на конкретную социальную сферу, в которой она реализуется, — «публичная политика в области образования», «жилищная публичная политика».

Обобщая существующие точки зрения на предмет публичной политики, к настоящему моменту, выделяют два принципиально разных представления местных органов власти о публичной политике, зависящих от роли власти в обществе.

«Закрытая публичная политика». Власть считает, что именно она определяет пути развития общества, а общество должно быть просто поставлено в известность, «проинформировано» о том, куда и как оно должно развиваться. В этом случае публичная политика — это информирование населения.

«Открытая публичная политика». Власть считает, что только во взаимодействии с обществом можно определить цели и пути развития. Политика в таком случае определяется в диалоге с различными общественными силами, а публичная политика — это уже не просто «информирование» общества, а вовлечение общества в принятие властных решений.

Для проведения открытой публичной политики местным органам власти необходимы достижение согласия с местным сообществом, обеспечение его консолидации в решении стоящих перед ним проблем и участия в реализации выбранной политики. Это достигается с помощью установления неформального «договора», выработки согласованных и приемлемых для всех общественных групп представлений о целях и путях развития через привлечение общественных ресурсов к решению местных проблем.

Несмотря на то, что феномен публичной политики сложился в российской политической практике и закрепился в общественном сознании, описание этого термина в том объеме, которое соответствует его значению в общественной жизни, до сих пор проработано недостаточно.

Констатируя слабость состояния публичной политики в современной России для полноценного выполнения ею своих функций и обеспечения реальной причастности общества к формированию и реализации государственной политики, многие исследователи отмечают недостаточное изучение конкретных механизмов формирования и осуществления публичной политики.

В число актуальных задач разработки психологических основ осуществления публичной политики входят: определение психологической структуры публичной политики, присущих ей психологических функций и свойств, выявление психологических предпосылок и механизмов ее формирования.

Согласно позиции петербургской школы политической психологии, каждое массовидное явление (аудитория, партия, парламент, нация) характеризуется своим доминирующим психологическим параметром (эмоцией, мышлением, памятью, восприятием.) и имеет свои индивидуальные психологические механизмы (А.И. Юрьев, 1992, 1996).

Знание психологической специфики осуществления публичной политики ее агентами (творцами, исполнителями, распространителями политики) позволит учесть психолого-политический характер массовидных явлений, разработать критерии эффективности функционирования каждого из них.

При эффективной политике поведение каждого из агентов публичной политики может быть позитивным, конструктивным, мирным, созидательным, а при неэффективной — привести к деструктивным, агрессивным, разрушительным последствиям.

Диагностика некоторых психолого-политических феноменов, возникающих вследствие осуществления публичной политики в конкретных областях общественной жизни современной России, (например, в жилищно-коммунальной сфере, культуре, здравоохранении, образовании), позволит оценить эффективность и сформулировать

прогноз о психолого-политических последствиях осуществления публичной политики в конкретной сфере современной России.

Конфисахор А.Г. к.пс.н., доцент; Рождественская К.В. Принципы эффективности политической власти.

Это сладкое слово «власть»... С самого начала времен она ослепляла людей и манила своими удивительными дарами, которые часто оказывались лишь миражами, и люди погибали, будучи не в состоянии признать это. Стремление к ней заставляло людей идти на самые страшные и бесчеловечные поступки, убивать своих близких, сравнивать с землей процветающие города, уничтожать целые народы. Под очарование власти подпадали миллионы, стремились к ней тысячи, но добивались ее благосклонности лишь немногие. И даже этим немногим, избравшим власть своим божеством и отказавшимся в ее пользу от других человеческих ценностей, часто удавалось лишь на мгновение почувствовать ее волшебный вкус, а затем она, словно смеясь над их честолюбием, отнимала у них все, с таким трудом полученное, и дарила свое расположение уже другим фаворитам... Люди знали о ее переменчивом характере и опасностях, поджидающих тех, кто избрал для себя этот путь, но власть туманила их рассудок и завлакивала их глаза, и они боролись за нее, расправляясь с другими и погибая сами. И, конечно, чем ближе люди подбирались к ней, тем невыносимее и больнее было терять ее.

Но были и те, кто, добившись власти, каким-то образом укрощали ее и удерживали в своих руках на протяжении долгого времени. Эти люди не были какими-то особенными, иногда они даже уступали в чем-то своим конкурентам, но почему-то именно их власть одаривала своими богатствами и не спешила расставаться с ними. А они не просто сохраняли власть, но и эффективно распоряжались ею.

Что же такое эффективная власть? Можно предположить, что власть является эффективной при соблюдении политиком каких-то определенных принципов, использовании определенных механизмов. Способы достижения власти могут быть разными, способы удержания имеют общие черты. Власть пронизывает не только все наше существование, все мысли, чувства, отношения. Она пронзает время. С лица земли стираются целые государства, а на их месте возникают другие, рушатся старые истины, а взамен приходят новые знания, меняется образ жизни людей, их привычки, ценности, стремления, но неизменным остается стремление к власти. И принципы эффективности власти, соответственно, так же остаются неизменными.

Нам представляется необычайно интересным попытаться приподнять таинственный занавес, скрывающий от любопытных глаз принципы, благодаря которым власть становится эффективной. Цель нашей работы — рассмотреть и проанализировать эти принципы, попытаться систематизировать их и найти исторические примеры, особенно ярко их иллюстрирующие.

Разумеется, в данной работе мы рассмотрели далеко не все существующие принципы эффективности власти, но попытались выделить наиболее существенные и значимые из них. Несомненно, работу в этом направлении стоит продолжать — ведь выбранная тема, несмотря на свою исключительную актуальность в современных условиях глобализации и постоянных изменений в мировой политике, незаслуженно мало исследована и рассмотрена в отечественной науке.

Понятие власти

Что же такое власть? Мы часто используем это слово, не задумываясь над его смыслом. На самом же деле, содержание этого понятия является весьма проблематичным

и к нему существуют различные концептуальные подходы. Эти подходы многочисленны и разнообразны.

Томас Гоббс, к примеру, рассматривал власть, как средство достичь блага в будущем, а жизнь — вечное и неустанное стремление к власти, прекращающееся только со смертью. Макс Вебер определял власть как возможность индивида осуществить свою волю вопреки сопротивлению других. Е. Лассуэлл и А. Каплан видели власть, как акт воздействия на кого-либо или как акт, предопределяющий другие действия. Х. Аренд считала, что власть принадлежит не одному отдельному человеку, а только группе людей, действующих совместно. То есть власть, по ее мнению, это способность человека взаимодействовать с другими людьми. П. Моррисс полагал, что власть это действие, как процесс, направленный на изменение кого-то или чего-то. Р. Даль рассматривал власть, как возможность одного человека заставить другого сделать то, что последний по своей воле не сделал бы. С. Лукс замечал, что власть — это воздействие одного индивида на другого, причем первый затрагивает интересы второго, покушается на его автономность. И это далеко не все определения власти.

При всем разнообразии концепций власти, во всех них есть общие моменты. В термин «власть» всегда вкладывают понятие о действии. Кроме того, власть всегда включает в себя понятия «способности» и «возможности» — обладание властью подразумевает способность влиять на результаты и последствия действий, которые, в свою очередь, влияют на жизнь и интересы людей. Конечно, природные явления тоже могут затрагивать существование и интересы человека, но, в отличие от политических явлений, они происходят стихийно. Отсюда следует, что власть также включает в себя понятие «намерения».

Интересно, что множество исследователей сходится на том, что содержание понятия власти не определено и неопределимо в принципе. Подобно таким концептам, как «свобода», «справедливость», «равенство» и так далее, понятие власти всегда будет вызывать разногласия и споры, которые не подлежат разрешению. Для политиков оно будет обозначать что-то одно, для ученых — другое, а каждый отдельный человек будет подразумевать под ним что-то свое, отличное от других, так что эти споры бесперспективны, но, тем не менее, они будут вестись всегда.

Приверженцы другой точки зрения считают, что тезис о неопределяемости власти является слишком категоричным и вызывающим. Они указывают на то, что если понятие власти по сути своей неопределимо, то все научные дискуссии и поиски заведомо обречены, а любой, кто пытается сформулировать концепцию власти, берется за безнадежное дело. Соответственно, возникают трудности и с применением этого понятия. Как же можно изучать и использовать то, чему нет определения? По этому поводу Т. Болл пишет, что «тезис о *сущностной* оспариваемости концепта власти зиждется на том, что до сих пор *фактически* не было найдено взаимоприемлемого согласия относительно содержания и применения данного концепта. Однако на основании множества примеров несогласия ... можно лишь заключить, что противоречия *действительно существуют*, но это вовсе не значит, что они должны существовать *всегда*. Самое большее, что можно с уверенностью констатировать: «власть» — понятие, которое *постоянно* будет вызывать споры» (Т. Болл, 1999, с. 40).

Принципы эффективности власти

Как показывает история, завоевать власть гораздо проще, чем удержать и грамотно распорядиться ею. Под контролем политика должны быть практически все сферы, ведь каждая мелочь и каждая незначительная на первый взгляд ошибка может привести к неожиданным и необратимым последствиям. Имеющий власть должен «встраиваться в высокий темп жизни, ее изменений, формировать инструменты контроля, осуществлять прямую и косвенную регуляцию взаимодействия людей и системы общественных

отношений, поддерживать оптимальный режим общественного существования» (А.Г. Конфисахор, 2004, с. 82)

Отношение к существующей власти и к властителям, а также ее восприятие населением, безусловно, субъективно и зависит в первую очередь от того, как власть и люди, ею обладающие, представлены в сознании человека, какие эмоции вызывают и т.д. От отношения к власти соответственно зависит и ее эффективность, а так же устойчивость, успешность и возможность, в конце концов, добиться поставленных целей. Чтобы выработать у населения правильную, а точнее, нужную реакцию на действия власти, на поступки ее представителей и прочее, нужно опираться на так называемые принципы эффективности власти.

Принципы эффективности власти действуют только в совокупности. К сожалению, в настоящее время политики понимают эти принципы не так полно, как хотелось бы. Результаты исследований, описанные в книге А.Г. Конфисахора «Психология власти», показывают, что наибольшее согласие у политиков вызывают принципы, значение которых лежит на поверхности не вызывает сомнений (например, принцип поддержки, понимания и легитимности). Другие же принципы, такие как скрытность, сохранение и адекватность, не получили достаточного понимания, хотя на самом деле было бы опасно недооценивать их значение для эффективности власти.

Рассмотренные ниже принципы мы попытались соотнести с элементами общенаучного пентабазиса (табл. 1). Остановимся на них подробнее.

Таблица 1
Система принципов эффективности власти

Действенность Адекватность Твердость		Реальность Предусмотрительность Понимание
	Принципы эффективности власти	
Сохранение Своевременность Мера		Легитимность «Антифортиссимо» Поддержка

Принцип сохранения является одним из базовых принципов. Можно долгие годы добиваться власти, ставить ее превыше всего остального, положить все силы для достижения ее... И, достигнув, потерять за несколько мгновений. Во избежание этого, нужно осознавать, что не только достижение власти, но и ее сохранение является одной из важнейших задач политика. Именно власть должна рассматриваться как единственная и подлинная ценность, за которую стоит бороться до конца. Все остальные ценности являются лишь производными от власти и с ее потерей также теряются безвозвратно. Отсюда должно быть ясно, что достигнутую власть нужно удерживать и умножать любыми возможными и невозможными способами. Безусловно, это требует стабильности, устойчивости, пролонгируемости власти, ее независимости от ситуативных факторов.

Принцип сохранения нужно рассматривать как один из основных принципов, на котором базируются несколько других. Казалось бы, его необходимость не подлежит сомнению, но тем не менее, исходя из результатов исследования, описанных в вышеназванной книге А.Г. Конфисахора, следует, что принцип сохранения не получил достаточного понимания у политиков, и, следовательно, умение им пользоваться тоже отсутствует.

Если мы обратимся к Макиавелли, то обнаружим, напротив, что многие его идеи были направлены именно на сохранение власти. Четко понимая необходимость не только достигнуть, но и удержать власть, в своем сочинении «Государь» он указывает на необходимость использовать любые средства для достижения поставленных целей. Гоббс также акцентирует на этом внимание — с властью не расстанутся добровольно, за власть борются, власть удерживают всевозможными способами.

Самые гениальные идеи не получают признания, самые смелые проекты канут в небытие, самые достойные из властителей потерпят крах в своих начинаниях, если в силу разных причин общество будет не готово их принять. Таким образом, *принцип своевременности* имеет немаловажное значение для эффективной власти. Он подразумевает исключительность политика, его незаменимость в данный исторический момент. Иными словами, не власть нужна политику, а политик власти. Этот принцип часто используется при проведении политических компаний. Стремящийся к власти политик создает и пробивает в массы идею того, что именно он и никто другой сможет распорядиться властью наиболее разумно и эффективно. Так же политик распространяет идеи о своих исключительных и уникальных способностях, необходимых для решения важнейших проблем, стоящих перед людьми. Таким образом, создается необходимая поддержка со стороны населения.

Историческим примером успешной игры на принципе своевременности может служить восхождение к власти Наполеона Бонапарта. Появись он в другое время, достиг бы он таких высот или, по крайней мере, был бы его взлет столь стремительным? Скорее всего, нет. Но в годы насилия и террора Франция, истощенная революцией и войнами, ждала своего героя, который бы возродил великую некогда страну. И этот герой появился в образе молодого офицера Наполеона Буонапарте.

После того как в июле 1794 года Робеспьер был свергнут и обезглавлен, в обществе наступило полнейшее смятение, породившее удивительный политический феномен, так называемую, Первую Республику. Государство имело пять глав, называвшихся директорами, верхнюю и нижнюю палату, а также некоторое подобие кабинета министров. В это же время продолжается война со странами антифранцузской коалиции, а сопротивление роялистов становится все более опасным. Тогда-то генерал Буонапарте и совершает то, чего от него ждало правительство: жестоко подавляет попытки роялистов захватить власть, благодаря чему завоевывает доверие директоров. Затем следует успешная итальянская кампания, затем египетская.

В отсутствие Наполеона во Франции наступили не лучшие времена для директории. Антифранцузская коалиция продолжала попытки вторгнуться на территорию страны и сдерживать ее натиск было все сложнее. Финансовое положение тоже оставляло желать лучшего и директора теряли доверие своего народа. И поэтому «Когда 16 октября 1799 года Бонапарт прибыл в Париж, все почувствовали, что прибыл спаситель Франции. Вопрос состоял не в том, будет ли он действовать и брать власть в свои руки, а в том, когда и как он это сделает». (К.Ф. Мекеваль, К. Dthb, 2002, с. 17).

Далее перед нами встает вопрос *меры* — центральный в практике власти в отношении и цели, и средств, и персонального обеспечения. Иными словами, носитель власти должен соблюдать меру во всем, в том числе в вышеперечисленных ограничительных принципах: легитимности, реальности, «антифортиссимо», предусмотрительности.

Необходимость использования этого принципа подчеркивал еще Платон в своем сочинении «Государство». Его видение меры, как одной из высших добродетелей, перекликается с идеями и других греческих философов: Сократ призывал своих сторонников к мере как к величайшей этической ценности, Аристотель рассматривал умеренность как обязательную характеристику философа, так же вопрос меры рассматривался стоиками, эпикурейцами.

Не последнюю роль в осознании необходимости принципа меры играют самоконтроль, выдержка и некоторые другие волевые качества личности. Человек с недостаточно развитыми волевыми качествами может четко осознавать, в какой момент стоит остановиться, но, тем не менее, не сделает этого. Человек, имеющий контроль над своими импульсами и желаниями, осознающий необходимость ограничить какую-либо деятельность, скорее справится с поставленной задачей.

Теперь рассмотрим *принцип действенности*. Бездействие — вот одна из самых страшных ошибок, которую может допустить политик. Неполное использование возможностей, ресурсов и средств власти ведет к тому, что вся система властных отношений постепенно замедляет свою работу, а затем перестает работать вовсе. Бездейственность, нерешительность власти может повлечь за собой ужасные последствия для государства и для политиков в частности. По данным исследователей, наименьшей популярностью у населения пользуются те политики, которые бездействуют перед лицом важных событий. Таким образом, активность и энергичность является важным условием при создании имиджа политического деятеля.

Итак, власть должна быть решительной и дееспособной, должна не пасовать и не склоняться перед обстоятельствами, а справляться с ними. Только в этом случае можно говорить об эффективной власти.

В истории существует немало примеров, как действенной, так и бездейственной власти. В качестве примера бездейственной власти можно вспомнить последнего российского императора Николая II. При всех своих прекрасных человеческих качествах как политик он не может являться примером для подражания, и его основная ошибка — это как раз незнание и, соответственно, неприменение принципа действенности. С его стороны не было предпринято никаких активных попыток бороться за власть, удерживать ее, не было и шагов к тому, чтобы хоть как-то изменить ситуацию. И какие бы оправдания этому поведению не выдвигались, мы должны понимать, что для политика подобная пассивность недопустима, вне зависимости от причин.

Принцип адекватности подразумевает под собой адекватную реакцию на действия оппозиции. Оппозиция есть всегда, независимо от государственного строя, поскольку всегда находятся люди, недовольные существующей властью. Для борьбы с властью они используют самые разнообразные способы и средства, и от того, каким образом власть реагирует на их действия, зависит восприятие самой власти. Итак, действия власти должны быть адекватными действиям оппозиции. Если оппозиция выражает свое недовольство, критикуя власть в различных печатных изданиях, то и реакция власти должна быть соответствующей. Если оппозиция прибегает к экстремальным мерам, то и власть должна использовать формы экстремальной политики. Адекватная реакция на действия оппозиции является одним из способов завоевания авторитета.

Далее обратимся к *принципу твердости*. Власть ценится за логичность, последовательность, несгибаемость, связность действий и готовность идти при необходимости на крайние меры. Носители власти не должны бояться идти на риск, ведь не притязавший на многое, вечно ищущий компромиссов политик не вызывает симпатий и не сможет найти поддержку, когда она ему понадобится. Вечно блефующий политик однажды попадет в собственные сети, а политик, придерживающийся принятого решения, будет внушать почтение и уважение.

Кроме того, принцип твердости воспитывает волю, устраняет нерешительность, способствует адекватному повышению самооценки (как и возвышению в глазах других, безусловно), а также стимулирует восстановление «Я-Концепции».

В качестве примера можно вспомнить Петра I, который никогда не шел на компромиссы и всегда добивался поставленных целей, какими бы невероятными они не казались с первого взгляда. Он превратил Россию в могущественную империю, воздвиг на болотистых берегах Невы прекраснейший город и полностью перевернул сознание людей

своего времени. Только человек с необычайной твердостью духа и силой воли могут провести такие преобразования за столь короткий период времени.

Далее перейдем к *принципу легитимности*. Безусловно, любой политик при реализации своих планов должен опираться на закон и подводить законодательную базу под все свои действия. Если властные структуры начинают творить беззаконие, то это в конечном счете ведет к беззаконию в самом обществе, утрате веры людей в справедливость и, разумеется, к негативному отношению к существующей власти. Напротив, опирающаяся на законы власть получает необходимую поддержку со стороны населения, что обуславливает стабильность политической системы. Итак, власть не должна допускать нарушения законов ни со своей стороны, ни со стороны людей.

В качестве примера можно привести любых политиков, которые осуществляли свои намерения, лишь подведя под них соответствующую законодательную базу. Так делали и Наполеон, и Сталин и многие другие.

Принцип «антифортиссимо», который мы хотели бы рассмотреть далее, подразумевает под собой, что сила власти не равна власти силы. Иными словами, лучший тип вершения власти — правозаконный, как уже отмечалось в принципе легитимности. Сила — это крайнее средство удержания власти, которое можно использовать лишь тогда, когда остальные способы уже испробованы и не принесли должных результатов. Власть, которая стремится к долговому существованию, должна всегда оставаться терпимой, избегать надрывности и идти на крайние меры только в самых чрезвычайных ситуациях (разумеется, здесь ни в коем случае нельзя забывать про принципы адекватности и легитимности, а терпимость не должна переходить во вседозволенность).

Теперь перейдем к *принципу поддержки*. Идеи политиков, как бы хороши или плохи они ни были, могут разделяться или не разделяться людьми, составляющими население страны. Власть, а, следовательно, и властители, переживают разные времена, и иногда власти бывает особенно необходима поддержка населения. Поэтому есть необходимость создания и поддержания слоя людей, которые разделяли бы все идеи, вносимые политиками. Эти люди должны быть обязаны существующей власти всем тем, что они имеют, действующие законы должны быть их законами. Именно по этим законам должна быть построена их жизнь и именно существующей власти они должны быть обязаны своим положением, своими успехами, своим благосостоянием. И, безусловно, эти люди должны понимать, что вместе с исчезновением существующего строя, исчезнет все то, что они имеют, то, чего они смогли достичь. Именно тогда эти люди будут оказывать властям необходимую поддержку.

Наполеон Бонапарт, к примеру, отлично понимал всю необходимость поддержки некоторых категорий населения властями, чтобы затем эти люди оказались на его стороне. Так, в 1802 году он вплотную занялся проблемой амнистии эмигрантов, уехавших из Франции в годы революции. Результатом стал Декрет об отзыве эмигрантов. В том же году он занимается реорганизацией и учреждением университетов, выделяя огромные суммы на открытие новых школ, академий и лицеев, а также на различные виды стипендий. Таким образом, он заручился поддержкой не только научных кругов, но, что немаловажно, студентов и выпускников средних школ, то есть людей, наиболее легко впадающих в крайности и способных при неблагоприятных условиях создать серьезную оппозицию существующей власти.

Интересно отметить, что выполнение принципов легитимности и поддержки ведет к образованию нового типа отношений между политиками и народом — к появлению доверия, которое играет важную роль в восприятии власти населением. Но при этом не стоит забывать еще один из важнейших принципов эффективности власти — *принцип реальности*. Власть ни в коем случае не должна основываться на несбыточных и нереализуемых планах. Политики должны четко осознавать, что является выполнимым, а что нет, и не ставить целей, достижение которых заведомо невозможно.

Здесь стоит сделать небольшую оговорку относительно религий, на примере которых можно попытаться опровергнуть этот принцип. Действительно, они как раз обещают немислимые вещи, далекие от нашей реальности, но при этом религии занимают большое место в жизни большинства людей и власть Церкви не подлежит сомнению. Однако не стоит объединять политику и религию воедино. Не будем забывать, что религиозные убеждения — частное дело граждан, программа же властителей это «руководство к социальному действию, ее установки практичны, ибо вовлекают массы в непосредственное творение жизни».

Принцип предусмотрительности, по сути, является уточнением предыдущего принципа. При принятии любого решения носители власти должны руководствоваться холодным, трезвым и точным расчетом и ни в коем случае не эмоциями, чувствами и темпераментом. Политик должен ожидать любого поворота событий и иметь план действий для каждого из них. Ни что не должно застать его врасплох.

Не выполнение этого принципа можно рассмотреть на примере нападения японцев на Перл Харбор. Соединенные штаты оказались абсолютно неподготовленными к этой атаке, что привело к немислимым потерям. В чем же причина? В той ситуации необходимо было учитывать любые возможные повороты событий. Но в силу тех или иных причин, учтены они не были. Более того, когда министру военно-морских сил США сообщили об этом нападении, он воскликнул: «My God, it can't be true! This [message] must mean the Philippines» (M. Cottam, 2004, с. 37).

Власть, ее действия и итоги, должны быть понятны людям или, по крайней мере, люди должны думать, что понимают ее. То есть объектам власти должна быть понятна конечная цель правительства. В этом и заключается *принцип понимания*, который соответствует понятию идеологии в обществе.

Но нужно понимать, что людям никогда не предоставляется информация такой, какова она есть, во всей ее полноте. Чаще всего информация приходит неполной, вырванной из контекста, перепутанной и пр. А поскольку довольно сложно собирать по крупицам необходимую информацию, чтобы попытаться построить целостную картину и сформировать свое отношение к ней, большинство людей идет иным путем и попросту додумывает недостающие сведения. Из-за этого часто формируется неправильная картина происходящего. Но с другой стороны, эту проблему тоже можно обратить в преимущество, что и делается различными политтехнологами и специалистами в области PR — подается информация, с помощью которой люди «понимают» происходящее так, как это нужно представителям власти. Если учесть, что на протяжении многих десятилетий в нашей стране не приветствовались размышления и рассуждения на политические темы, сделать это не так уж сложно. Так достигается принцип понимания.

Заключение

Может ли политик, строго придерживающийся вышеперечисленных принципов, стать успешным и может быть даже великим властителем? На этот вопрос слишком сложно ответить однозначно. Полагаем, что у человека должны быть помимо всего прочего некоторая предрасположенность к власти — не к политике, а именно к власти. Возможно, это слишком смелое заявление, но, как уже отмечалось, симпатии власти сложно понять: почему она выбирает именно этого человека, а не того, казалось бы, более подходящего? Безусловно, принципы эффективности власти могут помочь человеку добиться и удержать власть, но он не должен слепо следовать им. Он должен ощущать и понимать их может быть даже на подсознательном уровне, и принимать единственно верное решение, которое подсказывает ему его холодный рассудок. Вот почему мы часто использовали словосочетание «играть на принципе», а не «следовать принципу».

В данной работе мы попытались проиллюстрировать большинство принципов историческими примерами, ведь следует понимать, что забывая историю, мы сознательно

обрекаем себя на повторение чьих-то ошибок. А ведь этого можно было бы избежать, принимая во внимание огромный опыт, накопленный нашими предками. Поэтому следует изначально застраховать себя от подобного рода неприятностей и воспользоваться этим опытом, а уже затем принимать разного рода решения, касающиеся настоящего времени.

Разумеется, в данной работе мы рассмотрели далеко не все принципы эффективности власти. Их много, и они как бы перетекают один в другой, представляя силу только в совокупности. Мы попыталась лишь выбрать самые основные из них и осветить в данной работе. Сомнительно, что когда-нибудь станет возможным описать их все, когда будет казаться, что все уже учтено и систематизировано будут возникать новые принципы и дополнять этот список. Ведь когда дело касается власти, невозможно учесть и просчитать все. У нее слишком переменчивый и сложный характер, так что мало кто возьмется предсказать ее поведение максимально точно. Одно можно сказать наверняка — до скончания веков власть будет будоражить людское воображение и управлять людьми, которые будут искренне верить, что это они управляют ей и искать способы распорядиться ей наиболее эффективно.

Голубкова О.А. к.фил.н., доцент. Образ политики глазами студентов-психологов Государственного Университета – Высшей Школы Экономики Санкт-Петербургского филиала.

Интерес к политике как области психологического исследования вызван тем, что психологические феномены сопутствуют политическим. Это социально-психологические установки, поведение, поступки и особенности личности (Гозман, Шестопап и др.).

Если предмет исследования политической психологии как науки психологами более ли менее определен, то психологическое содержание образа политики еще требует уточнения.

На практических занятиях по политической психологии студентам-психологам мною было предложено определить понятие «политика» вербальным и невербальным способами. В результате на вербальном уровне политику студенты-психологи воспринимают как определенный вид деятельности и взаимоотношений на государственном уровне, определяя политику как «искусство», «войну и жизнь в целом», «власть в кулаке», «ограничение своды в угоду меньшинства», «вечное столкновение интересов». Изображение «политики» позволило получить эмоционально насыщенную информацию, которая не всегда осознается рисуящим, но, несомненно, отражает его субъективное восприятие. Интересно то, что образ политики у всех респондентов был связан с тревожностью, практически, изображая человека или людей, студенты заштриховывали голову. Во всех рисунках присутствовало наличие головы человека, тело же зачастую либо совсем отсутствовало, либо было изображено линиями. Можно предположить, что политику на невербальном уровне в первую очередь студенты-психологи воспринимают как форму мыслительной деятельности человека. Интересен еще один момент.

Несмотря на то, что даже те, кто воспринимают политику как столкновение интересов или ущемление прав других, в своих рисунках не используют агрессивные элементы. Возможно, что если несколько лет назад политика воспринималась молодежью как «грязная», «агрессивная» (Шестопап, Гозман, 1996), то в настоящее время она имеет, скорее всего, позитивный оттенок. В рисунках студентов-психологов отделения психологии факультета менеджмента СПбФ ГУ-ВШЭ, в одних случаях, политика была изображена как вид деятельности (заседания, труд, управляемый один или группой людей), в других — как символ власти (флаги, трехглавый орел и т. п.). В одном случае,

политика была изображена в виде сжатого кулака. Однако даже это изображение скорее отражает закрытый, возможно непонятный ее характер. Штриховка прикрытой ладони дает нам информацию о тревожности по этому поводу. Присутствует еще один момент, на который следует обратить внимание: во всех рисунках политика воспринимается как целостный образ, а не как разрозненные объекты.

Из выше сказанного можно сделать следующий вывод: в своих рисунках студенты проявили большую степень лояльности к ныне существующей политике и некоторую обеспокоенность (наличие элементов тревоги и статичности в рисунках, несмотря на изображение деятельности) по поводу непонимания, как она может проявиться в будущем.

Семёнов В.Е. д.п.н., проф. Мировой кризис, как закономерное порождение антидуховного капитализма и противостояние ему в России

Истоки современного мирового кризиса и его диагноз почти 70 лет назад убедительно описал и объяснил великий социолог, в сущности, христианский социолог и политический психолог (как теперь очевидно) Питирим Александрович Сорокин в своей книге «Кризис нашего времени»: «“Допустимо всё, что выгодно”, – главный нравственный принцип нашего времени. Он дополняется болезненной озабоченностью утилитарными ценностями... Отсюда наше помешательство на деньгах, наша бессовестная борьба за богатство... Удачливые стяжатели составляют нашу аристократию... Когда общество освобождается от Бога и от Абсолюта и отрицает все связующие его моральные императивы, то единственной действенной силой остается сама физическая сила... Без всякого раскаяния, угрызения совести, сожаления, сострадания уничтожаются миллионы людей, ... обрекаются на все виды лишений, только из-за того, что само их существование является непредсказуемым препятствием для реализации жажды власти, богатства, комфорта или какой-либо другой чувственной ценности... Без перехода к идеациональной (по сути, религиозной. – В.С.) этике и праву, без новой абсолютизации и универсализации ценностей общество не сможет избежать этого тупика. Таков вердикт истории в отношении прошлых кризисов чувственной этики и права, и таким должен быть приговор в отношении настоящего кризиса». (Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., Политиздат. 1992., С. 504)

Написано в 1941 году, но, оказывается, этот мировой кризис перехода от одной социально-культурной эпохи к другой продолжается до сих пор. В том числе в России, особенно в России. Наша страна сделала более чем семидесятилетний «социалистический зигзаг», чтобы оказаться на задворках того же, но еще более нецивилизованного сенсуалистского (чувственного, потребительского) капитализма, который описывал П.А. Сорокин.

Односторонние успехи в сфере сырьевой экономики в стране, еще до финансово-экономического мирового кризиса 2008 года, сопровождалось нарастанием нарастает духовно-нравственного кризиса, который выражается в культе денег и повсеместной коррупции, высоких показателях преступности, проституции, самоубийств, широком распространении разводов и детской беспризорности, эпидемии наркомании и СПИДа, алкоголизации населения, в росте таких аномалий как гомосексуализм и педофилия. Этот кризис находит свое интегральное выражение в демографическом состоянии страны, продолжающемся убывании ее населения, в преобладании смертности над рождаемостью. В стране наблюдается спад производства, трудовой морали и ответственности, а также засилье «желтой» прессы и вульгарной рекламы, сцен насилия, жестокости и порнографии на телевизионных и киноэкранах, примитивизация русского языка, легализация

нецензурной речи в СМИ, художественной литературе и искусстве, общая американизация и своеобразная колонизация культуры и науки.

А ведь в социалистическом обществе, преодолевшем троцкистские и тоталитарно-экстремистские аномалии, ничего подобного духовно-нравственному и промышленно-экономическому кризису современной России трудно было представить. К сожалению, вместо необходимого совершенствования и духовно-нравственного очищения социалистического общества со второй половины 80-х годов XX века под псевдонимом перестройки происходило его подтачивание и разрушение как врагами извне, так и «пятой колонной» изнутри. Вместо одухотворения, гуманизации социализма произошла реставрация тупикового аморального социума эпохи упадочной потребительской культуры и заката капитализма. Россия оказалась прицепленной к кризисному, идущему вразнос поезду Запада в качестве даже не вагона, а цистерны с нефтью и газом. Современный западный капитализм, уже откровенно отказавшийся от духовных и христианских ценностей и нередко простой человеческой нравственности, как издыхающий вампир, пытается продлить свое существование, обманывая и развращая все народы и страны вокруг себя и используя их в качестве своих доноров.

Концепция социокультурной динамики П.А. Сорокина, как нам представляется, неплохо соотносится и согласуется с нашей концепцией российской (по сути, и мировой) полиментальности. (Семёнов В.Е. Российская полиментальность и социально-психологическая динамика на перепутье эпох. СПб. Изд. СПбГУ. 2008.) Идеациональная, идеалистическая и сенсуалистская разновидности культур, сменяющие друг друга в общественно-историческом развитии, по Сорокину, во многом совпадают с религиозным (для России прежде всего православным), коллективистским (социалистическим) и индивидуалистическим (прозападно-капиталистическим) российскими менталитетами в нашей концепции. Однако в типологии автора существует еще один аномальный, но реальный и универсальный криминально-клановый (мафиозный) менталитет, а также псевдоменталитет как конгломерат, смешение «осколков» всех четырех базовых менталитетов. Поэтому, по нашему мнению, преобладание российско-православного, более чем 900-летнего менталитета, в 1917 году было революционно сменено своеобразным экстремистски-идеалистическим (идеологическим, социалистическим) менталитетом и в 1991 году контрреволюционно сменено индивидуалистическим (сенсуалистским, прозападно-капиталистическим) менталитетом в смешении с криминально-мафиозным менталитетом (так называемая «великая криминальная революция, по С. Говорухину).

Проанализированный и объясненный П.А. Сорокиным мировой кризис перехода от чувственной к идеациональной эпохе социально-культурной динамики подразумевает смену вульгарно-материалистических гедонистических ценностей духовно-нравственными ценностями. Россия, к счастью, такие ценности имеет, и, сверх того, они стали развиваться именно на сломе социалистического строя. Тысячелетие христианства на Руси в 1988 году совпало с началом перестроечного кризиса в СССР. Репрезентативные исследования (ВЦИОМ, ИнОП) свидетельствует о том, что в настоящее время свыше 60% людей в России идентифицируют себя с православием, а всего – 70-72% населения принадлежат к той или иной конфессии (и ещё более 10% верят в Бога внеконфессионально). (Там же, С. 183). При этом президент и премьер-министр страны позиционируют себя в качестве православных христиан. В 2008 году произошло объединение Русской Православной Церкви и Русской Православной Церкви за рубежом. Безусловно, в современной православии идут непростые процессы, но, главное, есть основа, есть большинство людей в России, которые хотели бы быть православными по духу, в отличие от коррумпированной олигархическо-чиновничьей «элиты». Если сенсуалистские, потребительские, во многом проамериканские чернушно-порнушные антихристианские СМИ и рекламу и, прежде всего, телевидение в России, возможно сделать более нравственными и патриотичными, если возникнет политика поощрения

идеологии правды, добра и труда, социальной справедливости, если власть сумеет решиться на настоящую борьбу с коррупцией и пороками, то Россия, безусловно, подымется и отрезвится от «газово-нефтяного валютного наркоза».

Религиозное возрождение в России является несомненной реальностью конца XX-начала XXI веков. Помимо чисто религиозной, прежде всего, православной, церковной жизни, возникло и расширяется общественное движение, связанное с религией. Например, только в Санкт-Петербурге мы имеем Межвузовскую ассоциацию духовно-нравственного просвещения «Покров», объединяющую свыше 40 вузов Петербурга и других городов, православное сообщество предпринимателей «ДелоРус», «Собор православной интеллигенции Санкт-Петербурга», «Союз православных ученых», сообщества православных врачей, психологов, писателей, экологов, православные благотворительные организации и фонды, различные молодежные православные клубы; издается множество православных газет и журналов, работают православные радиостанции. Другие конфессии также имеют свои сообщества и СМИ, но в гораздо меньшем количестве и масштабе. Православный и социалистическо-коллективистский менталитеты преобладают в современном российском обществе, несмотря на деморализующую роль олигархического квазирынка и олигархических СМИ, поощряющих индивидуалистско-капиталистический и криминально-мафиозный менталитеты. Наш анализ свидетельствует, что две трети среди основных телевизионных каналов (21 канал) игнорируют главные православные праздники Рождества и Воскресения Христова (хотя более 60% российского населения считают себя православными). Эпопея с безнравственным навязыванием фактически языческого проекта 400-метровой башни Газпрома в городе Святого Петра – Санкт-Петербурге, которая должна вознестись над всеми христианскими соборами – духовными доминантами города, вызвала массовое возмущение горожан, которое свидетельствует о непонимании властью истинной ментальности народа (по данным репрезентативного опроса, проведенного сотрудниками НИИКСИ под руководством автора, за строительство башни выступают только 13% петербуржцев среди 1200 опрошенных).

Поэтому вполне закономерно, как показало наше исследование в 13 вузах Санкт-Петербурга в 2008 году (выборка 1310 человек), что студенты – будущая элита российского общества, несмотря на аморальную промывку мозгов в течение двух последних десятилетий, – предпочитают преимущественно духовно-нравственные и просоциальные ценности и принципы. Они хотят построить в нашей стране, прежде всего, общество свободы и предпринимательства (48%), социальной справедливости (47%), правды и добра (35%) и, в последнюю очередь, общество потребления и комфорта (20%). (Семёнов В.Е. Социально-психологический портрет современного петербургского студенчества // Социальная психология сегодня: наука и практика (материалы Межвузовской научно-практической конференции) СПб. Изд. СПбГУП. 2008.)

Таким образом, реальный выход России из системного кризиса связан, в первую очередь, с обретением духовно-нравственных ценностей большинством населения. Для России в контексте всей ее истории это, прежде всего, православная вера и возрождение соответствующей ментальности, основанной на социально-исторической памяти народа. Однако власть должна наконец осознать, что духовность и нравственность – это не очередная хитроумная пи-ар технология, а сущность российского государства, если оно стремится преодолеть кризис и стать «конкурентно способным» как любят говорить наши руководители.

В заключение отметим, что ключевое значение проблем нравственности в современной России подчеркивают такие психологи как основатель первой в стране кафедры политической психологии профессор А.И. Юрьев, профессор Н.М. Ракитянский, целый ряд социальных психологов во главе с директором института психологии РАН профессором А.Л. Журавлевым и др

Липецкая М.С. Подходы к решению региональных политических проблем Финляндии.

Инновационная система Финляндии – одна из самых развитых в мире. Расходы на НИОКР составили в 2007 году свыше 5,7 млрд евро (или 3,45 % ВВП страны), что является самым высоким показателем в Европе.

Во многом эти показатели были достигнуты благодаря проводимой национальной инновационной политике. Первые программы технологического развития были приняты еще в 1970-е гг, следующий этап развития – 1983 г (создано агентство ТЕКЕС, проведена реформа профессионального образования). Следует отметить, что реализация данных проектов не учитывала региональные особенности территорий. Благоприятное сочетание факторов технологического развития в отдельных регионах привело к их ускоренному развитию вследствие реализуемых мер, в то время как на других территориях (периферийных, приграничных, слабоосвоенных районах) процесс развития «экономики знаний» тормозился неразвитостью инфраструктуры, отсутствием научных центров и квалифицированных трудовых ресурсов. В результате существенно усилилась дифференциация территорий не только по уровню развития инновационных отраслей, но и по общим показателям социально-экономического развития, которая сохраняется до сих пор, о чем свидетельствуют результаты проведенных социально-экономических исследований [1].

Необходимость усиления внимания на региональную компоненту в политике инновационного развития Финляндии обсуждалась на уровне Правительства республики с конца 1980-х гг. В 1990-е годы реализуется новый подход к государственной инновационной политике, предусматривавший перенесение части задач по инновационному развитию с национального уровня на региональный с целью создания территориально сбалансированной НИС. В регионах Финляндии были созданы необходимые институты развития – т.н. Центры знаний¹¹⁵, в функции которых входило: выявление основных конкурентных преимуществ региона в сфере НИР и НИОКР; создание условий для создания инноваций и коммерциализации знаний; развитие региональных бизнес проектов с вовлечением регионального сообщества; обеспечение доступа местного бизнеса к новым научным разработкам; способствование обмену информацией между наукой, бизнесом и инновационными предприятиями. [2] В 2002 году в стране действовало 22 центра знаний во всех регионах, в разработке которых находилось 45 перспективных направлений исследований. Только за три года (1999 – 2002) было создано более 5,7 тыс. новых рабочих мест; образовано более 300 новых компаний; начато производство более 1,4 тыс. новых товаров и услуг. В 2003 году на деятельность центров знаний государством было направлено более 8 млн. евро (средства распределяются на грантовой основе), в программах центров участвовали более 3 тыс. малых и средних предприятий (далее – МСП); к руководству проектами привлечено более 1,5 тыс. менеджеров и ученых [3]. Можно утверждать, что на сегодняшний день Центры знаний не только формируют региональную инновационную политику, но и в целом обеспечивают динамику инновационного развития регионов.

Рассмотрим основные сходства и различия в осуществлении инновационной политики на уровне отдельных регионов Финляндии. Среди основных сходных черт можно назвать:

---

¹¹⁵ В 1994 году была реализована правительственная программа по развитию центров знаний на территории Финляндии (Centres of Expertise Programme), основная задача которых состояла в наиболее полном использовании разработок в определенных сферах науки и техники, создания новых рабочих мест, выработки долгосрочных стратегий регионального развития в сфере НИОКР

1. *Программный подход.* Реализация политики проводится на основании разрабатываемых Центрами знаний долгосрочных региональных программ и стратегий технологического развития, в которых прописаны цели, задачи, набор мероприятий. Необходимо отметить, что основную долю мероприятий данных региональных стратегий и программ составляет не прямое финансирование инновационных организаций, а создание условий для развития приоритетных секторов - поддерживающих институциональных структур, кластерных и сетевых форм сотрудничества и пр.

2. *Системный подход.* Большинство регионов развивают инновационную активность с помощью построения региональных инновационных систем (далее – РИС). Основа этих систем – создание долгосрочных связей между университетами, политехническими институтами и местной промышленностью. Центрами такой системы, как правило, выступают крупные университеты (или консорциумы вузов по примеру региона Хяме). Необходимо отметить, что роль ключевого участника РИС предъявляет и новые требования к самим университетам – это должны быть открытые исследовательские структуры. В качестве основных элементов системы также выступают научные парки. Велика роль в РИС малых инновационных фирм, которые являются основными разработчиками инновационного продукта и создают «критическую массу» инновационных секторов [2]. Инновационные программы многих регионов направлены на сбалансированное развитие всех элементов региональных инновационных систем.

3. *Проектный подход.* Средства, выделяемые Центрам знаний, расходуются на конкретные проекты и распределяются на грантовой основе.

4. *Кластерный подход¹¹⁶ и формирование сетей.* Можно утверждать, что на сегодняшний день на рынке технологий и инноваций конкурируют не отдельные компании, а территориальные кластеры. Специализированные компании становятся все более зависимыми от дополнительных знаний других организаций. Для получения новых знаний бизнес вступает в альянсы с различными участниками, включая клиентов, поставщиков, университеты, институты технологий и других. Инновационные кластеры в регионах Финляндии включают в себя независимые производственные и сервисные фирмы (включая их поставщиков), создателей технологий и ноу-хау (университеты, научно-исследовательские институты, инжиниринговые компании), связующих рыночных институтов (брокеры, консультанты) и потребителей, взаимодействующих друг с другом в рамках единой цепочки создания стоимости. Основа формирования конкурентноспособного кластера – организация сетевого взаимодействия между его участниками. На достижение этих целей направлены мероприятия большинства региональных инновационных программ. Причем высокое значение имеет не только образование организационных сетей, но и поддержка неформального (социального) сетевого взаимодействия.

Среди различий в региональных инновационных политиках регионов Финляндии можно выделить:

1. Хотя в целом цели инновационных политик отдельных территорий повторяют государственные приоритеты в этой области, во многом проводимые меры направлены на решение специфических территориальных проблем. Так, в восточных районах страны это содействие конверсии базы хозяйства (сглаженный переход с традиционной индустриальной экономики на высокотехнологичные отрасли); в северных и центральных районах – содействие занятости населения и снижение миграционного оттока, в наиболее экономически развитых южных территориях – Уусима и агломерация Турку-Сало – это

---

¹¹⁶ В программе ОЭСР по НИС промышленные кластеры определяются как производственные сети тесно взаимосвязанных фирм, объединенных друг с другом в производственную цепочку, в рамках которой создается добавленная стоимость. Кластерный подход стал популярным в Финляндии после того, как он впервые был использован для разработки промышленной политики страны в 1991–1993 годах [4]

способствование интеграции региональных инновационных кластеров на глобальные рынки и создание конкурентноспособного на мировом рынке инновационного продукта.

2. Различны и отраслевые приоритеты, которые выбираются в зависимости от экономической специализации региона, специфики научных школ, потребности регионального бизнеса в разработках и технологиях, квалификационном составе населения и пр.

- В Восточной Финляндии приоритетными направлениями технологического развития являются технологии для лесной отрасли, АПК, обработки материалов, защиты окружающей среды (что связано со спецификой региональной экономики), а также информационные и коммуникационные технологии, в том числе мультимедийные, что объясняется специализацией местной научной сети;
- В регионе Оулу приоритетными отраслями названы телекоммуникации и электроника (обусловлено наличием мощного технопарка Технополис, резидентами которого помимо Нокиа являются Эриксон, Кэнон, Фуджитцу и другие ТНК); производство медицинской техники (объясняется наличием высокотехнологичного кластера в экономике), а также технологии защиты окружающей среды;
- Юго-Западная Финляндия (Агломерация Турку-Сало) концентрируется на поддержке уже развитых в регионе информационных и коммуникационных технологий, биотехнологий и исследований в области экономики;
- Столичный регион – агломерация Хельсинки является крупнейшим и наиболее значительным центром бизнеса, науки и техники, образования и культуры в Финляндии, соответственно, в число приоритетных кластеров включены все высокотехнологичные отрасли, развитые в стране (цифровые технологии, технологии бизнеса и коммуникации, технологии защиты окружающей среды, технологии производства продуктов питания, био- и медицинские технологии, технологии нано- и микро- систем, технологии производства новых материалов, туризм.

3. В соответствии с разными целями и приоритетными отраслями фиксируется и разнообразие поставленных в программах задач и реализуемых мероприятий:

- В Восточной Финляндии реализуются меры, направленные на решение задач повышения качества работы МСП, увеличения иностранных инвестиций в местные МСП, доступа на рынки основных промышленных отраслей путем заключения транснациональных альянсов, обеспечения трансфера технологий, повышения добавленной стоимости конечного продукта, производимого в регионе, развития использования ИКТ в периферийных районах;
- Северные регионы Финляндии проводят мероприятия, связанные с развитием сетевого сотрудничества между производителями и потребителями инноваций, организацией крупных публичных мероприятий по развитию приоритетных отраслей, содействие осуществлению совместных проектов, поддержка малых инновационных фирм (к примеру, регион Оулу);
- Схожий набор мероприятий реализует регион агломерации Турку - проводимые меры направлены на развитие сотрудничества между компаниями и университетами, одним из результатов которого уже стало создание крупнейшего в Финляндии кластера биотехнологий на базе научного парка Турку.
- Из систем программных мероприятий, которые реализуют регионы юга, следует особо выделить систему мероприятий провинции Хяме (центр в г.Лахти), где сетевая структура региональной образовательной системы, а также

близость наиболее конкурентоспособных финских регионов (прежде всего, столицы), позволили применить уникальную модель инновационной политики, направленной на развитие сетевого взаимодействия. Задачи этой политики – развитие практико-ориентированных инновационных продуктов, а также обеспечение передачи научного знания в инновационные процессы. Реализация региональной программы позволила региону построить инновационный модуль, который работает на обеспечение предприятий и госсектора не только самой провинции, но и соседних регионов. Сетевое сотрудничество позволило Хяме позиционировать себя как «регион с лучшими в Финляндии возможностями разработки практико-ориентированных инноваций; передовой разработчик технологий для государственного сектора; международный центр знаний в сфере экологии; центр креативной культуры».

Представляется, что используя опыт регионов Финляндии в построении инновационных систем можно сделать следующие предложения по совершенствованию политики инновационного развития регионов Российской Федерации:

- Необходима селективная поддержка инновационных отраслей. Это могут быть отрасли, вклад которых в экономику и рынок труда города особенно высок (отрасли специализации), или наиболее быстро развивающиеся отрасли с высоким потенциалом роста, в которых уже имеется определенный «задел». Эффективной представляется реализация кластерной политики
- Развитие сетевой культуры, способствование сетевому взаимодействию организаций и отдельных физических лиц (ученых, бизнесменов и пр.). На это может быть направлено проведение крупных конференций, международных технологических выставок, организация форумов, конгрессов и пр. Темы конгрессов, вероятно, должны представлять определенный интерес не только для самих ученых, но и для бизнеса. Целью данных мероприятий должно стать обеспечение коммуникации между производителями и потребителями инновационного продукта.
- Проведение политики привлечения инвестиций и кадров в инновационную сферу, разработка механизмов рекрутинга инновационных фирм, создания для них наиболее выгодных условий, разработка льготных программ и пр.
- Развитие кадрового потенциала высокотехнологичных отраслей, разработка новых программ подготовки инновационных кадров.
- Формирование «инновационной городской среды» - развитие городской среды, создание демократичной и открытой среды, обеспечивающей формирование в ней неформальных сетей.

Источники литературы:

Липецкая М.С. «Особенности развития и региональные различия в формировании инновационной системы Финляндии», Материалы конференции «Современные проблемы теории и практики общественной географии», СПб, 2008

П. Химанен, М.Кастельс. Информационное общество и государство благосостояния. Финская модель, М., 2002

Пилипенко И.В. Конкурентоспособность стран и регионов в мировом хозяйстве: теория, опыт малых стран Западной и Северной Европы, М., 2005

Proposed Guidelines for Collecting and Interpreting Technological Innovation Data: Oslo Manual. Paris: OECD, Eurostat, 1997

Портал «Инновационные регионы Европы», <http://www.innovating-regions.org>

1.4. МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

***Митчин К.К.* Теория политического мышления, как проблема высокой сложности и системности методологических средств научной психологии.**

Вопрос о сути политического мышления — один из основных вопросов стоящих на повестке дня, диктуемой растущим дисбалансом технической оснащенности человечества и катастрофическим отставанием методологий гуманитарных наук. Фактически с каждым десятилетием горизонт нашего планирования непрерывно меняется с каждым новым витком изобретений, меняющих перспективы человечества вместе со снижением контроля и управления развитием человека. Это означает, что политическая система управления непрерывно испытывает перегрузки, нарастает вероятность катастроф планетарного масштаба: финансовых (финансовые институты, цены), технологических (средств производства и потребления), психологических (образ жизни и воспроизводство человечества). Вопрос о мышлении (Логосе) — древний и наследуется научной психологией от таких великих философов как Гераклит, Парменид, Платон, Аристотель, Кант, Гегель, Гуссерль, Витгенштейн, Хайдеггер, Фуко, Делез. Но, окидывая взглядом доступную обзорную историю «психологии мышления», можно констатировать, что современный научный аппарат психологии даже после грандиозных научных прорывов XX века в понимании мышления, не вмещает все требуемые методологические средства постановки этого вопроса. Сам научный аппарат, как теоретический, так и эмпирический, не имеет той вариативности, что обнаруживает описываемый объект. Границы этого вопроса явно шире и много сложнее выразительности средств теоретизирования, применяющихся в психологии. О.К. Тихомиров писал: «Мышление не отделено резкой границей от других психологических явлений, а психологический подход к его изучению тесно переплетается с подходами других наук... ясно главное: термином «мышление» в психологии обозначаются качественно разнородные процессы» (О.К. Тихомиров, 2005).

В этом вопросе, как и в вопросе о сути сознания, мы не имеем методологического решения проблемы самоописания объекта исследования. Самописание здесь не означает интроспекцию. Самописание означает включение самого мыслительного процесса ученого с его средствами мышления в объект описания, который, по традиции оппозиционной схемы «субъект-объект», предполагается внеположным исследователю. А ведь именно возможность охватить создаваемой теорией мышления самого мыслящего исследователя является принципиальной для оценки широты и эвристического потенциала теории. Как бы мы не условливались относительно независимости исследователя, он объективно вынужден прибегать к средствам понятийной абстракции самого же мышления, как описываемого им объекта. Мы охватываем понятием «мышление» широкое неоднородное феноменологическое поле и, вследствие этого, не схватываем понятием конкретного объекта. Мало того, что нет возможности провести четкую границу между феноменами сознания, мышления и памяти, без обращения к эпистемологическим универсалиям, таким как «процесс», «структура», «функция», «операция», «система», «значение», «смысл», «цель», «средство», так еще и обращение к ним затрудняет удержание единого объекта с фиксированными границами, т.к. сами эти универсалии являются высокими абстракциями. Очень может стать, что этот уровень абстракции вообще является последним и не преодолимым. Очень может быть, что выше него научное методологическое понимание вообще не может подняться. Не потому, что наше понимание неразвито, а потому, что существуют закономерности мышления, диктуемые языковыми средствами презентации предметов мысли.

В решении этой методологической задачи мы должны обращаться ко всему арсеналу средств систематизации. И, в первую очередь, конечно же, к системным

средствам как единственному обретению научной методологии последних десятилетий. Здесь мы встречаем две трудности, связанные с самим мыслящим исследователем. Первая состоит в невозможности определиться в собственных первичных основаниях и руководящих принципах.

Вторая трудность, состоит в принципиальной сокрытости процесса мышления другого человека. Исследователь вынужден идти двумя путями. Первый путь — искать аналогии в окружающем его мире для описания процесса мысли, и, тем самым, попадать в ловушку метафорического языка, поскольку аналогия никогда не способна описать точное устройство иного по сути явления, а лишь оттенить некоторые его нюансы. Вторым путем — искать закономерности мышления на широком пласте явлений и стремиться выразить их в единых принципах. Каждый путь дополнительно обусловлен тремя важными обстоятельствами. Во-первых, по ряду общих характерных признаков мышление как эволюционно приобретенная способность живых организмов, оказывается не столь уникальным для человека, как казалось до исследований в зоопсихологии обезьян, дельфинов, крыс, голубей, птиц семейства врановых, насекомых. Если считать, что мышление как психологический процесс, обрабатывает сигналы и преобразовывает их в информацию, то мы расширяем его присутствие до всех сигналов, которые могут быть учтены в формировании программ поведения, что явно не так. Если же замыкать его в границах языка, следуя раннему Витгенштейну, то, как объяснить эффект опережающей эмоциональной реакции, свидетельствующей о нахождении верного решения волновавшей человека проблемы, осознание испытуемым верного решения, и оформление речевого самоотчета. Совершенно явно, что реальный процесс мысли и язык находятся в отношениях «асфальтового дорожного полотна и знаков дорожной разметки». Асфальтовое покрытие может быть сколь угодно широким и качественно разнородным, выходя за границы разметки транспортной полосы. Уникальным так же остается необъяснимое саморазвитие человеческого мозга и человеческого языка. Это означает, что описывать мышление приходится через включение его в более широкий феномен жизни. Теоретической базой тут может быть только системный эволюционизм. Во-вторых, пласт психологических явлений с признаками участия мышления столь велик, что с большим трудом можно найти явления, в которых не участвует мышление, если не как ведущий психический процесс, то как сопутствующий. Соответственно, и общий для всех явлений принцип найти крайне трудно. Этот принцип будет иметь характер свехобобщения, а это возможно, лишь прибегая к максимально емким понятиям, что тут же отразится на практической значимости таких принципов, от которых невозможно будет непосредственно без редукции переходить к конкретным научным исследованиям. Поэтому описание мышления возможно лишь комплексом принципов с обязательным описанием их отношений друг к другу. Сами эти принципы, описывающие мышление, должны быть выстроены в схему, отражающую их конкретные взаимосвязи, что пока невозможно сделать. Каждый из предлагаемых на сегодняшний день принципов появляется на основе разных теоретико-онтологических предположений. В качестве примера можно привести «гештальт» и «деятельность». В-третьих, необходимо обращаться к экспериментальным исследованиям для поиска на конкретных примерах единых закономерностей, что естественно требует первоначального наличия гипотезы относительно устройства исследуемого объекта.

Из выше изложенного выясняется, что положение наше очень напоминает положение на поверхности ленты Мебиуса, когда мы замечаем, что теоретическое знание о мышлении порождается тем же методом, что и толковые словари. Сейчас в разных школах психологии имеется целый ряд категорий, объясняющих сущность мышления через разные понятийные конструкции. Существуют широко известные типологии, такие как «практическое/теоретическое», «наглядно-действенное/словесно-логическое/наглядно-образное», «дискурсивное/схематическое», «продуктивное/репродуктивное».

Некоторые практикующие психологи даже говорят о таких типах мышления, как «эмоциональное мышление», значение которого вообще остается загадкой. Однако наличие типологий, по факту, мало помогает исследовать область явлений политического мышления. Отсутствие теории позволяет высказывать сомнения касательно необходимости самого понятия «политическое мышление», имея в виду угрозу попадания в бесконечность типов мышления, выделяемых по профессиональному признаку: «юридическое мышление», «экономическое мышление». Эти опасения пропадают, когда появляется четкое понимание отличия объектов политической деятельности от объектов других профессий, а так же отличий объекта политической психологии от объектов и методов других разделов, включая в Социальную психологию. Именно эти отличия дают методологические основания для построения теории политического мышления.

Задачи, решаемые политическим мышлением, отличаются от задач, моделируемых в проводимых экспериментах, тем, что, в отличие от последних, не имеют единственного верного решения, а ветвящееся дерево последствий не охватить научными средствами регистрации и учета. Профессор А.И. Юрьев в 1992 году писал: «Самое существенное отличие методов исследования политической психологии следует из масштабности и натуральности политических явлений и сопутствующих им психологических феноменов. Масштабность заключается в том, что удаление во времени политического стимула (S) от психологической реакции (R) часто измеряется годами, десятилетиями, иногда столетиями. Политика создала для психологии самые продолжительные лонгитюдальные эксперименты» (А.И. Юрьев, 1992).

Верность или близость к верному решению политических задач видна лишь с истечением времени, когда последствия принятых решений развернутся во всех смежных областях. Это означает, что для выделения психологических закономерностей между принятием политического решения и его последствиями нам потребуются определить такие категории как «цель» и «интерес» в терминах системной методологии, которые позволяют вычленять в действительности единый система-комплекс политических процессов. Сделать это не так просто, как кажется на первый взгляд. Определение этих понятий в системном подходе возможно только вместе с выделением универсальных принципов, позволяющих существовать и целенаправленно всем живым системам, т.е. понятие «цель» неразрывно связано с понятием «жизнь» и не может быть удовлетворительно раскрыто вне проблемы системного описания живой материи как субстанции, обладающей внутренней активностью. Менее основательные определения не раскрывают никаких дополнительных средств теоретической и практической работы, чем те, что уже существуют в политических науках, и поэтому в нашем случае просто бесполезны. Так же обстоит дело и с понятием «интерес», которое адресуется к древнему понятию «благо». Однако наиболее важным остается вопрос о воспроизводстве онтологий в живых системах.

При изучении политических явлений мы имеем дело с развитыми формами мышления, исследование которых дополнительно затруднено экстремальным характером политической деятельности, что на протяжении многих лет подчеркивает проф. А.И. Юрьев в своих работах. Ответственность политика чрезвычайно велика, закономерности его мышления фактически являются ядерным психологическим процессом порождения и осуществления политики. Исследования таких процессов сродни исследованиям атомных реакторов, с одной лишь разницей, что атомные реакторы уже построены в соответствии с теорией атомного ядра, а теория политического мышления еще не построена, отчего политические средства управления, поддержания порядка и контроля над жизнедеятельностью человека применяются без строгого расчета последствий. По сей день остаются реальными угрозы применения ядерного и бактериологического оружия, возникновения в разных регионах мира геноцида, религиозного фанатизма, террористических актов и т.п. Туманными остаются перспективы достижения единообразного политического устройства во всех регионах

планеты, и способы урегулирования принципиальных разногласий относительно форм человеческого общежития.

Данная статья призвана показать, что создание теории «политического мышления» — задача описания сверхкомплексного объекта на пределе возможностей научной методологии. В отечественной политической психологии работами В.А. Ганзена и А.И. Юрьева создана теоретико-методологическая основа для осуществления этой задачи. Как ожидается, мы получим дополнительный внутренний раздел общей теории политической психологии. Отдельной встает вопрос о практической применимости такой теории, которая для ее понимания, освоения и применения потребует от профессионального политического психолога владения сложным аппаратом методологических знаний на экспертном уровне. Но и современный мир характеризуется все большим усложнением, поэтому нет ничего удивительного в том, что человеку придется пересматривать собственную организацию и наращивать ее сложность.

Моторин Д.И. к.пс.н. Событийный подход к исследованию социально-политических процессов.

Проблема политического управления социальными процессами в условиях глобальных изменений в современном мире становится как никогда актуальной. Реализация государством функции по управлению общественным развитием до сих пор не является результатом претворения в жизнь научно обоснованных теорий, а определяется талантом, опытом, искусством политиков, управленцев всех звеньев властных структур. Подобная ситуация характерна для государств практически всех типов общественно-политического устройства и принципов организации экономических отношений.

Для политической психологии возможность научного управления обществом, на наш взгляд, может рассматриваться как одна из основных теоретических проблем дисциплины. В качестве одного из подразделов практической системы политической психологии мы предлагаем рассмотреть *труд субъекта политики* как психологический и социальный феномен. При этом основная гипотеза данной работы звучит следующим образом: *эквивалентом труда политика является приращение социальной организации*. В контексте данной работы термин *политический труд* является синонимом термина *политическая деятельность*, предложенного А.И. Юрьевым (А.И. Юрьев, 1992).

Для доказательства данной гипотезы кратко рассмотрим труд как экономический и физический феномен (Д.С. Конторов, И.В. Михайлов, 1999). Открытый К. Марксом закон прибавочной стоимости может быть проинтерпретирован в свете организации производственной деятельности человека как существа интеллектуального и творческого. Чтобы понять природу прибавочной стоимости труда политического деятеля, необходимо вникнуть в природу труда, и, в частности, его интеллектуальной компоненты. Часто мы называем трудом как действия гребца в лодке, так и деятельность менеджера, управляющего предприятием или, например, деятельность депутатов ГД РФ. В первом случае это, безусловно, неверно. Люди совершающие любые действия, регламентируемые жестко заданной программой (инструкцией, алгоритмом, генетическим кодом), которую они не в силах изменить, выполняют определенную *работу* (в физическом смысле). Эти действия не имеют ничего общего с трудом или целенаправленной деятельностью. Трудовая же деятельность определяется оперативной программой, которую человек формирует силами воображения, представления, интеллекта. Такая программа должна соответствовать конкретным условиям труда и быть прогностичной, учитывая вероятные варианты их изменения. Именно поэтому прибавочная стоимость как результат такого труда сначала представляется, прогнозируется, т.е. формируется на чисто информационном уровне — силой воображения, мыслительными способностями и

интеллектом, и только затем тоже силой ума определяются действия для реализации прогноза в материальной сущности.

Анализируя труд как физический и экономический феномен, можно увидеть, что он образует класс процессов, который характеризуется коэффициентом полезного действия (КПД) больше единицы. И, действительно, в труде потребляемая энергия меньше той, которая выделяется в среду, т. е. производится процессом. Экономический феномен — КПД труда — исчисляется как отношение выходной стоимости к входной и это отношение также больше единицы. Наконец, как психологический феномен, КПД продуктивного, творческого труда определяется отношением числа удовлетворенных потребностей (сравнительная мера) к затраченным интеллектуальным и психическим силам. Для разных видов труда он может быть существенно выше единицы. Данный феномен объясняется способностью производительного труда перераспределять естественные потоки энергии, организуя их особым образом. Закон «КПД труда больше единицы» в принципе характеризует всякий труд, но четкую количественную оценку находит в области труда, направленного на производство материальных благ жизнеобеспечения, т. е. производственного труда. Непроизводительный труд (научный, учебный, воинский, и, в особенности, политический), плохо поддается количественной оценке и может быть оценен качественно или в сравнительной мере. Соответственно, процесс формирования КПД труда в политической сфере чрезвычайно специфичен и сложен. Тем не менее, исторический опыт показывает, что именно продукты труда политиков в форме общей организации социальных и экономических процессов могут оказать значительное и долгосрочное влияние на развитие общества. КПД труда субъекта политики зависит от того, насколько конкретная идея о том или ином варианте переустройства общества, изменения общественного строя, перестройки экономических отношений в государстве соответствует форвардным ожиданиям общества, состоянию и готовности к изменениям общественных отношений в конкретный исторический момент.

Зачастую для доказательства преимущества той или иной стратегии развития государства в качестве аргументов приводятся доводы о сходном пути развития стран при близких показателях определенных параметров их описания. Например, одно время среди политологов было модно сравнивать Россию с Бразилией (и в целом, страны группы БРИК) и рассматривать идею о схожести путей их развития только потому, что в них проживает примерно равное число жителей. У них огромные незаселенные территории и большие запасы полезных ископаемых. При этом на основе исторического опыта развития двух стран делаются выводы о способе действий в другое время, другой ситуации, и масштабах.

На наш взгляд, для качественной оценки возможной величины КПД труда субъектов политики необходимо сравнивать развитие стран или регионов имевших общий исторический опыт и сходные базовые показатели, такие как национальный, религиозный состав населения, географическое положение. В современной истории есть несколько хорошо известных примеров близких по многим показателям стран, но выбравших совершенно различные курсы политического и экономического развития. Это ГДР и ФРГ после второй мировой войны; Испания и Португалия, примерно в тот же период; Северная и Южная Кореи после противостояния на корейском полуострове; и уже в новейшей истории — Калининградская область РФ и страны Балтии, например, после распада СССР. Гетерохронность развития близких по начальным условиям государств очевидна. Их вероятная причина — в разных по качеству продуктах труда организационных и управленческих структур этих стран. КПД страны в целом как сложноорганизованной системы всегда выше единицы, если социум не стагнирует или не деградирует. По оценкам Д.С. Конторова и И.В. Михайлова, значения среднего КПД социума и КПД производящей его части составляют, соответственно, 2,6 и 12,1 для развитых стран (таких как ФРГ и Южная Корея); 1,2 и 3,2 — для развивающихся стран; 1,9 и 6,3 — для России. При этом в качестве долгосрочной глобальной тенденции можно отметить неуклонную

все убыстряющуюся интеллектуализацию труда, еще больше увеличивающую данный коэффициент. Применительно к предмету данной работы из этих цифр следует, что КПД трудовой деятельности политика может (и должен) быть существенно выше единицы. Анализ приведенных сравнительных оценок позволяет говорить, что численно КПД политика может достигать нескольких единиц.

В производственной сфере прибавочная стоимость (физически — избыточное полезное действие) формируется из-за увеличения «бюджета» используемой энергии посредством управления потоками мощности. В социальной сфере увеличение энергии происходит за счет усложнения организации социальных процессов. Истинный смысл закона о «КПД труда» применительно к сфере политики состоит в умении политика вовлекать в полезный процесс внешние источники энергии, т. е. определенным образом организовывать творческие силы и интеллект других людей, являющихся объектами политического управления. В этом смысле «хороший» закон или управленческое решение — это правило, повышающее организованность социальных структур в регламентируемой сфере. Таким образом, политический труд является процессом высоко негетерогенным, концентрирующим энергию в физическом и социальном пространстве в форме продуктов производства и организации социальных процессов. При этом операционализируемой мерой организации может рассматриваться энерго- или трудосбережение.

В физической теории эволюции систем (В. Эбелинг, А. Энгель, 2001) известен ряд факторов, при наличии которых систему можно отнести к непрерывно эволюционирующей. Практически по всем формальным признакам (а их В. Эбелинг и А. Энгель выделяют более десяти) социально-политические системы можно отнести к сложным, многосвязным, неравновесным, необратимым эволюционирующим системам. Из этого промежуточного вывода следует ряд фундаментальных следствий, не всегда учитываемых при разработке стратегии развития, в частности, России. Главным следствием является то, что при управлении такими системами никакое изменение текущего состояния (т. е. настоящего) неспособно избавить от влияния предыстории, которое в большей части никак не проявляется в настоящем. Будущее системы (желательное будущее) через политические формы управления изменяет настоящее, создавая для будущего свою *ориентированную предысторию*, которая корректирует направляющие функции (в виде конкретных законов, планов и стратегий развития отдельных подсистем общества) и проявится в наиболее удобный для реализации момент.

Политика влияет на бытие и сознание общества, корректируя и изменяя условия действия законов социума (как физик меняет условия эксперимента). Для политической психологии феномен управляемости социальными системами из прошлого через будущее в настоящем очевидно интересен ввиду опосредованности этих процессов психологическими характеристиками людей, участвующих в реализации всех форм политического взаимодействия — это опережающее реальный темп эволюции социума изменение установок, ценностей, ожиданий (представлений о будущем), устойчивых форм поведения. Такие социально-психологические процессы могут являться «маркерами», признаками зарождения новых устойчивых структурных элементов еще не проявленного в настоящем общества будущего.

Возвращаясь к высказанной нами гипотезе, остановимся на характеристике общей для любого процесса управления, в том числе, и политического. По форме, управление — это обмен информацией между управляющей и управляемой системами. По сути, процесс управления — это упорядочение системы, усложнение ее структуры путем перевода ее подсистем из одного состояния в другое. При этом, поскольку одной из основных задач управления является сохранение качественной определенности системы (человеческое общество должно оставаться «человеческим» во всех смыслах этого слова), упорядочивающее политическое воздействие выступает как приведение социума в соответствие с присущими ему объективными закономерностями и тенденциями, характеризующими эту качественную определенность. Для политического управления это

означает, что информационные сигналы, продуцируемые субъектом политики и воспринимаемые обществом должны по содержанию управленческого импульса соответствовать или, по крайней мере, не противоречить фундаментальным правилам эволюции социума – в данном случае, закону усложнения структуры и закону накопления энергии (в любых формах). К сожалению, далеко не все политические управляющие воздействия соответствуют исполнению данных целевых функций. Такие сигналы увеличивают энтропию управляемой системы, снижая ее организацию и рассеивая энергию в окружающую социальную среду.

В общем случае энтропия представляет собой величину, характеризующую меру отклонения социальной системы от ее эталонного состояния (Л.Г. Демидова, 1995). Для социальных систем эталонное состояние не может быть установлено аналитическим путем. Существует множество теорий социального развития, тем не менее, оптимальное состояние может быть качественно определено путем широкой общественной дискуссии, профессионального экспертного анализа. В рамках данного подхода высокоэнтропийное информационное сообщение — это сигнал, увеличивающий дезорганизованную сложность управления. Люди, руководствуясь в своей деятельности подобными сигналами попадают в высоко энтропийные (мало определенные и рискованные) ситуации. Именно высокая энтропия сигнала (в управленческом смысле) характерна, на наш взгляд, для всех видов контрпродуктивной информации, рассматриваемой в рамках стратегической психологии (А.И. Юрьев, 2006). Это особенно характерно для фальсифицированной, дезориентирующей и дезинтегрирующей информации, так как подобные сигналы, воспринятые объектом управляющего воздействия, в свою очередь, могут вызывать высокоэнтропийный ответ и даже цепную реакцию (таков механизм инициации многих биржевых крахов и стихийных народных волнений), еще больше снижая общую организацию социальной структуры.

Может показаться странным, что мы отождествляем управленческие информационные сигналы, продуцируемые субъектом политики, и простые информационные сообщения. На наш взгляд, для этого есть основания. Прямое отношение управления и информации вполне прозрачно: субъект политики в качестве средства управления использует направленные и определенным образом организованные информационные сигналы. Тем не менее, любое информационное сообщение, воспринятое большим числом людей, является с необходимостью и одновременно управляющим. Любое информационное сообщение потенциально несет в себе эмоциональный заряд, побуждение к активности, в любом случае оставляя след в памяти, влияя на установки, интересы, образ мира. По закону больших чисел малое по абсолютной величине сигнала управленческое воздействие, воспринятое большим числом людей, аккумулируется и влияет на целевые функции их поведения.

К сожалению, у большинства традиционных аналитических процедур в области психологических исследований «человека политического» существует систематический недостаток, состоящий, на наш взгляд, в факте несоблюдения ими критерия экологической валидности. Это чаще всего проявляется в том, что аналитическая процедура редуцирует предмет политико-психологического исследования до уровня, на котором скачкообразно меняется его качественная специфика. В результате исследования политического мышления, установок, ценностей, поведения в целом, в отрыве от реального человека, переживающего и погруженного в реальное политическое событие, становится поиском некой теоретической абстракции, превратно представляющей подлинную реальность психики. Хорошо известно, что экспериментальные данные в политике трудно повторяемы, нестабильны, во многом ситуативны и индивидуальны. Практически нет возможности постановки идеализированных экспериментов, свободных от многочисленных неучтенных влияний среды. Поэтому часто исследования идут путем локализации задач, частных экспериментов и ограничения областей применения результатов. Явный недостаток политико-психологических исследований высокого

уровня обобщения требует, на наш взгляд, введения в категориальный аппарат политической психологии новых объяснительных сущностей. Они должны быть способны отразить, с одной стороны, психологическую специфику политического субъекта, а с другой, адекватно описывать человека в реальной политической ситуации. Такой конструкт должен синтетически включить в себя нижние уровни формализации политических процессов и явлений. Безусловно, объяснительный конструкт высокого уровня обобщения проиграет узконаправленным объяснительным категориям в описании специфики тех или иных явлений, зато он позволит связать существующие концепты с такими свойствами реальных социальных систем, как комплексность, динамичность, неравновесность, необратимость (историчность), влияние предыстории, а также целевых функций их развития.

До введения нового объяснительного конструкта, условимся об обозначении трех исходных понятий. Под политикой нами понимается *концентрированное выражение деятельности по управлению* какой-либо из сфер общественных отношений. Договоримся называть совокупность всех субъектов политического взаимодействия (вне зависимости от специфики используемых ими средств труда и их результатов) *политическим макросубъектом*. Совокупность объектов политики, воспринимающих управленческие информационные сигналы и реагирующих на них (вне зависимости от специфики реакции) — *политическим макрообъектом*. Тогда искомый конструкт должен быть способным отразить единичное политическое взаимодействие между *политическим макросубъектом* и *политическим макрообъектом*. Таким конструктом может быть *единичное политическое событие* (или просто *событие*).

Событие — это комплексная функциональная единица, отражающая единичное поведенческое проявление политического субъекта в реальных исторических условиях. Политическое событие (равно как и связанные между собой потоки или констелляции событий) в рамках данного подхода может рассматриваться и как самостоятельный объект психологического исследования, а также и как мощный аналитический конструкт, позволяющий в рамках единого теоретико-методологического подхода описывать и объяснять особенности сложных реальных процессов политического взаимодействия между различными политическими субъектами современного стремительно эволюционирующего общества.

Исходным источником эмпирических данных для исследования может быть непрерывный во времени поток сообщений о состоявшихся политических событиях — *событийный поток*. В современном мире при сверхизбыточном развитии средств массовых коммуникаций/информации существует виртуальный аналог, отражающий событийные потоки — информационные ленты новостей. Действительно, так как политическое взаимодействие — это концентрированное управленческое действие в какой-либо области общественной жизни, то контакт субъекта и объекта политики всегда является событием для дальнейшего функционирования рассматриваемой системы, что, в свою очередь, почти всегда находит отражение в новостных лентах информационных агентств. Если проводить аналогии с функциональным устройством психики, то новостные ленты могут рассматриваться в качестве некоего эквивалента потока сознания общества.

Учитывая очевидную дуалистичность природы события (как фрагмента содержания психической жизни человека, отграниченного единым гештальтом смысла; и как момента объективного процесса изменения физических (социальных) объектов), психолого-политический аспект его описания потенциально открывает интересные возможности к рассмотрению основного вопроса философии. К сожалению, формат работы не позволяет подробно развернуть данные размышления.

Как объект психологического исследования, на наш взгляд, политическое событие может быть успешно описано с использованием варианта системного подхода, предложенного В.А. Ганzenом.

Построение целостной системы политических единиц, безусловно, дело будущего наук о политике, но применительно к исследованию потоков политических событий можно наметить принципиальные подходы к решению этого вопроса. Сообщение о событии — это всегда взаимное отношение между отправителем и получателем. Любая социально-политическая информация несет на себе след классовых, национальных и иных отношений, отпечаток потребностей, интересов, психологических черт социальной группы, общества, отношения, в котором информация отражает и которое пользуется информацией. Событийный поток целесообразно описывать структурно, используя три базовых аспекта информационного сообщения, традиционно выделяемых в теории информации.

1. Количественная и структурная сторона, т. е. определение количества информации, соподчинений и отношений между элементами сообщения. Это — метрический и синтаксический аспект информации. Для социально-политической информации данный аспект информационных сообщений может быть количественно оценен путем: а) отнесения сообщения к проявлению одного из четырех видов политического взаимодействия (А.И. Юрьев, 1992); б) временной направленности сообщения (повествовательное, ретроспективное, незавершенное сообщения).

2. Содержательная сторона, т. е. определение того, что означают входящие в сообщение символы для принимающей стороны. Два сообщения одинакового объема и структуры очевидно могут обладать различной значимостью. Это – семантический аспект информации. Для политически значимой информации содержательная сторона сообщений о событиях может быть оценена такой мерой, как *социальная энтропия сообщения*. Эта мера обобщенно отражает разрушение, сохранение или создание новых связей в целостной структуре социума. Интуитивно понятно, что информационные сообщения о пожаре в хранилище редких книг, военных действиях с человеческими жертвами или убийстве популярного политического деятеля несут энтропию, близкую к максимальной, тогда как сообщение о разработке новой стратегии развития экономики, революционном научном открытии или международном договоре о сотрудничестве являются высоко неэнтропийными сообщениями.

3. Оценочная сторона, т. е. полезность и значимость принятого сообщения. При одной и той же значимости важность и польза сообщения могут зависеть от условий, в которых находится получатель. Это — прагматический аспект информации. Ясно, что для политически значимой информации данный аспект не может быть оценен одной единицей, общей для всех субъектов, воспринявших сообщение. Прагматический аспект может быть оценен экспертными методами с аналитическим разбиением политического макросубъекта на отдельные группы, способные реагировать сходным образом (социальные группы с близкими интересами политическими установками или доходами, например).

При исследовании структуры событийных потоков могут быть выявлены достаточно большие повторяющиеся *симптомокомплексы событий*. Возможно, на первых этапах исследовательской работы ввиду очевидной многосвязности и сложноподчиненности политических процессов гносеологический принцип «причинности» при анализе и интерпретации выявленных закономерностей может быть использован с большими ограничениями. На наш взгляд, целесообразнее было бы применять принцип *функциональной зависимости признаков явлений*, предложенный Э. Махом. Возможно, многие выявленные связи могут показаться случайными. Но что такое случайность? Это значит, что сегодня нам не известен характер многих реально существующих взаимозависимостей. Поэтому такие процессы (и события) для нас происходят случайно, но это вовсе не значит, что скрытых закономерностей не существует. Если, например, между планированием и подготовкой военной операции США-Израиля в Иране как симптомокомплексом событий и ростом числа коррупционных уголовных дел в РФ будет выявлена определенная связь, то это, скорее всего, случайная

флуктуация. Но если такая связь будет выявлена, например, с масштабными кризисными процессами в американской экономике, то такую зависимость можно попытаться содержательно описать и проинтерпретировать.

Информация является эквивалентом разума, поэтому массовая информация вполне может рассматриваться в качестве эквивалента социального разума, определенным образом отражая логику реальных связей и взаимовлияний между подсистемами социума. Современным наукам об обществе эта логика до сих пор не вполне ясна, о чем свидетельствуют многочисленные неудачные попытки разработок глобальных прогностических моделей развития цивилизации, как впрочем, и реализации долгосрочных стратегий развития отдельных стран и регионов.

Событийный подход к исследованию многосвязной структуры общественных отношений обладает тем преимуществом, что способен вскрыть закономерности организации длительных рядов событий (имеющих и историческое значение и исторический же масштаб), отражающих динамику эволюционных процессов разной природы. Изложенные теоретико-методологические принципы могли бы стать основой достаточно развернутой *исследовательской программы* (в значении, который придал этому термину И. Лакатос). А событийный подход в целом, на наш взгляд, обладает значительным описательным, эвристическим, а возможно и объяснительным потенциалом.

Дейнека О.С. д.пс.н., проф. Методология экономико-психологических исследований на кафедре политической психологии СПбГУ.

Важность экономико-психологических компетенций для политического психолога очевидна. Экономическая психология описывает психологические феномены, законы и механизмы важнейшей части жизнедеятельности общества — сферы хозяйствования. Она дает представление о взаимообусловленности экономического и политического сознания и поведения. Ученые отмечают вклад экономической психологии в обеспечение эффективного политического влияния, правомерность поиска параллелей между процессами регулирования экономической, социальной и политической деятельности. Стратегическая цель политики — повышение благосостояния народа или конкретных социальных групп — нуждается в разработке таких разделов экономической психологии как «психология собственности» и «психология денег», поскольку собственность и все виды капиталов (природный финансовый, человеческий) являются основой благосостояния. Политические цели исследуются с учетом средств их достижения, психологической цены экономических реформ, преобразований и инноваций.

В отечественной науке экономико-психологические параметры в политическом измерении человека исследовали А.И. Юрьев (1992, 1996); М.К. Бункина, В.А. Семенов (1998); О.С. Дейнека, (1999, 2009); В.М. Соколинский (1999); В.В. Спасенников (2003); А.Д. Карнышев, К.С. Жуков, В.Ф. Шестак (2004), М.М. Решетников (2009) и др. Большой вклад в развитие экономико-психологических компетенций, востребованных политическими психологами, внесли своими работами А.Л. Журавлев, А.Б. Купрейченко, А.И. Китов, А.Н. Лебедев, В.П. Позняков, Т.Д. Бурменко, А.Н. Демин, И.Ю. Киселев, В.К. Потемкин, И.В. Андреева Э.Х. Локшина, Л.В. Шульгина и другие замечательные ученые.

Ценность экономико-психологического знания в политике возрастает на фоне резко усилившейся роли экономической стороны жизни человека и ее экспансии в другие сферы жизни, прогрессирующей «психологизации» и «политизации» экономики, а также осознания глобальных процессов и связанных с ними изменений в жизнедеятельности общества. Чем сложнее экономический организм (в зависимости от стадии научно-

технического прогресса или цикла развития), тем в большей степени он является продуктом политики: от нее зависит и во многом ею определяется.

При этом для политического психолога важно учитывать, что экономическая наука особенно подвержена политическому и психологическому влиянию крупных чиновников, государственных и общественных деятелей, ученых, оказываемому в соответствии с их собственными воззрениями, убеждениями и интересами (Б.А. Райзберг, 2005). Не удивительно, что макроэкономический уровень анализа в экономической психологии особенно требователен к исследователям и ожидает от них беспристрастности, тщательности и ответственности.

В программах вузов и университетов экономическая психология появилась сравнительно недавно. В Санкт-Петербургском университете научное чутье основателя первой в России кафедры политической психологии А.И. Юрьева позволило ввести эту дисциплину в программу учебных дисциплин кафедры. Благодаря этому в СПбГУ появилось новое направление — экономическая психология, была защищена первая докторская диссертация (Дейнека О.С. Экономическая психология в политической психологии России переходного периода). Постоянно проводятся эмпирические исследования под нашим руководством, защищаются дипломные работы и кандидатские диссертации. На факультете психологии СПбГУ открыта авторская магистерская программа «Экономическая психология». Она создана с учетом доказательств тесной связи и взаимопроникновения экономики и политики и дополняет аннотированную магистерскую программу «Политическая психология», выделяя психологию той части политики, которая называется экономической политикой и, в первую очередь, связана с психологическими проблемами и последствиями макроэкономических решений. Поэтому общие для обеих программ курсы, необходимые для образования специалистов в области политической психологии, сочетаются в программе по экономической психологии с блоком специальных дисциплин экономического цикла. Магистерская программа «Экономическая психология» обеспечивается не только силами психологического факультета, но и преподавателями с экономического, юридического факультетов и факультета социологии.

Исследовательская активность в области экономической психологии осуществляется нами с опорой на методологические позиции, конкретизирующие принципы научной психологии для объекта экономической психологии. К ним относят принципы культурно-исторической обусловленности экономической жизнедеятельности; субъектности; диалектического единства экономического сознания и поведения; взаимосвязи экономических и социально-психологических явлений; единства теории, эмпирии и практики (В.П. Позняков, 2004); оперативности (своевременность научных разработок, обновление эмпирики и чувствительность к новациям); беспристрастности; системности (О.С. Дейнека 2005).

Эмпирические исследования по экономической психологии проводятся в рамках традиционного для кафедры политической психологии системного подхода, который находит конкретизацию в применении комплексного, сравнительного и междисциплинарного подходов. Системный подход позволяет избегать редукции (что совместимо с применением простых, но психологически и экономически грамотных моделей и схем) и помогает осознать дисбалансы и перекосы в организации хозяйства. Практические исследования с использованием уровневого, ресурсного, типологического (в том числе гендерного) подходов позволяют увидеть новые грани и возможности психологического анализа экономической реальности.

Уровневый подход способствует уходу от фрагментарности психологических исследований в экономике и экономической политике, усиливая стремление ученых к целостности и стратегической направленности экономики. Разобщенность микро- и макроэкономического уровней исследования в теоретической экономике длительное время проецировалась на избыточную автономность отечественной экономики от политики.

Психология способна предоставить определенные возможности для объединения макро и микроэкономического уровней анализа отражения хозяйственных процессов. Если на языке экономики макросистема не может быть описана категориями микроэкономики и наоборот, то образ экономической реальности, являясь целостным и гетерогенным, в индивидуально-своеобразной семантической организации значений в упрощенном виде содержит компоненты обоих уровней. В наших эмпирических исследованиях человеческий фактор экономики изучается на всех уровнях хозяйствования (личности, семьи, организации, страны, нации).

Ресурсный подход в экономической психологии делает акцент на основных ресурсах субъекта хозяйствования как условии его эффективности (О.С. Дейнека, 2005).

Продуктивным является использование экономического понятия «редкость» ресурса, ресурсный контроль в регуляции предпринимательской деятельности и др. Характерной особенностью современной экономико-политической жизни является не просто ограниченность ресурсов, но и осознание их нарастающего дефицита. На фоне активного движения ресурсов, обмена ими и осознания проблемы их дефицита усиливается психологическая потребность в координации субъектов хозяйствования.

Личностный подход в экономико-психологических исследованиях продиктован тем, что политический аспект личности требует учета блока экономико-психологических реальностей. Нами исследуются экономические мотивы, интересы, ценности, способности и готовность личности к адаптации в новых социально-экономических условиях. В эмпирических исследованиях, выполненных нами (О.С. Дейнека, 1999, 2001, 2003), а также соискателями под нашим руководством (В.М. Редькина, 2003; С.П. Иванова 2003; А.А. Максименко, 2004) выявлены типические черты ценностно-нормативной системы современной российской молодежи, учет которых необходим в современной политике. В исследованиях Д.И. Моторина (2007) под руководством А.И. Юрьева изучалось влияние такой подструктуры личности как «интеллект на успешность экономического прогнозирования».

Типологический подход как вариант личностного подхода оправдан на фоне усиления неопределенности в экономической и политической сферах жизни, а также прогрессирующего разнообразия товаров, услуг, информации и коммуникаций. Он в обобщенном, моделирующем виде привносит в хозяйственную деятельность «человеческий фактор» (с учетом геополитических, культурно-исторических и психологических факторов менталитета), облегчает поиск целостности в том, как задаются рамки протекания хозяйственной деятельности, и как к ним адаптируются субъекты хозяйствования. На нашей кафедре (с опорой на уровневую типологию преобладающей мотивации В.Н. Машкова (2003), а также типологий А. Мюллера-Армака (1999), Р. Андерсона, П. Шихирева (1999)) хозяйственно-психологические типы были эмпирически исследованы и применены в психологии предпринимательства (О.С. Дейнека, 2005) и в анализе системы управления общественными финансами (А.Е. Николаев, 2006).

Ключевое понятие современной экономической психологии, изучающей экономическую политику, — это «баланс». Понятие, которое в инженерно-техническом знании не подвергается сомнению, все еще не слишком популярно в современном гуманитарном знании. Это обусловлено преобладанием «экономического детерминизма» в поле современных хозяйственных идеологий, согласно которому, основополагающая цивилизаторская роль отводится экономике. Кризисный период может быть благоприятным для выравнивания балансов в экономической политике. Это касается баланса сфер экономики (производства, обмена, распределения и потребления), баланса в системе «бизнес-государство» (и в связи с учетом хозяйственной идеологии, учетом ситуации), баланса стратегии и тактики (стратегических и тактических ресурсов).

Экономическая психология постоянно обогащает политико-психологическое знание за счет конкретных концепций прикладного характера. Центральными среди них

являются концепции принятия решения в условиях неопределенности. Для случаев, когда человек вынужден действовать в условиях ограниченной информации и дефицита времени, важны концепции, которые помогали бы диагностировать конкретные и систематически направленные отклонения от оптимальных решений, ошибки в суждениях. В мировой экономической психологии (с опорой на закономерности общей и социальной психологии) исследован ряд когнитивных предубеждений, которые оказывают влияние на принятие решения. Знание этих предубеждений, построение стратегий по их преодолению могут способствовать достижению более объективных результатов в соответствии с ценностями общества, организации, личности.

Как особый вид решений, исследованный в экономической психологии, следует рассматривать такие решения, в которых придается значение результатам, полученным в разное время. Г. Лоуенштейн называет их межвременным выбором. В экономической психологии более популярным является понятие временного предпочтения. Фундаментальным экономическим вопросом, с которым сталкиваются отдельные люди, семьи, организации и даже целые народы, является вопрос о том, израсходовать капиталы сейчас или же сохранить и вложить их, чтобы потратить позже. Временные предпочтения являются важнейшим компонентом стратегической политики страны, фирмы и фактором развития личности.

Современная практически-ориентированная экономическая психология – это, прежде всего, поиск балансов интересов хозяйствующих субъектов, а значит, это методология и поиск методов экономических коммуникаций, договоренностей, координации и сотрудничества в хозяйствовании. Особенно важны для политического психолога отношения в системе «бизнес-государство» и в системе «гражданин-государство». Востребованы дальнейшие исследования в области психологии налогового поведения и налоговой политики, психологии занятости и безработицы. «Общий пирог» — это не только налоговые поступления, но и эффективное расходование бюджетных средств и, наконец, экономическая культура субъектов хозяйствования. Как подчеркивал Э. Фромм, рассуждая о социальном характере, формирование важных для общества качеств личности возможно и целесообразно. Задача психологов — прогнозировать возможность культивировать в обществе в условиях современного рынка психологию «гражданской ответственности» и «государственного мышления», бережливости (хотя бы в определенных сферах хозяйствования) и стремления к порядку.

В настоящее время потенциал применения экономико-психологического знания в рамках теории и практики политической психологии не исчерпан. Развитие экономической психологии в русле политико-психологического знания чрезвычайно плодотворно для обеих дисциплин (экономической и политической психологии).

Плющ А.Н. к.пс.н. Синергетическая методология и теория политической психологии.

Нормативным требованием в методологии науки является инвариантность научной картины мира к системе отсчета. Научная картина мира строится в децентрированном пространстве, в котором ни одна из индивидуальных точек не является привилегированной. Классическая наука, как мы ее знаем, исходит из гипотезы: все, что существует, может быть познано одним и тем же образом любым исследователем. При проведении своих изысканий он находится в позиции внешнего наблюдателя, вне изучаемого явления. Неклассическая наука предполагает по отношению к явлению позицию, как внешнего, так и внутреннего наблюдателя, что приводит к принципу дополнительности (и относительности). Синергетическое понимание мира основано на признании субъектной позиции наблюдателя, когда его действия изменяют тот мир, в котором он находится, и который, в свою очередь, обуславливает поведение субъекта. В

такой трактовке точка отсчета не может быть неизменной, потому что ее пределы и основа для сравнения результатов беспрестанно видоизменяются. Субъект, меняющий порядок социального мира, — это понимание, отражающее сложность, хаотичность, децентрированность современного мира.

Синергетическая методология предполагает изучение объектов в сложноорганизованной среде, другими словами, изучение системы в метасистеме. Локальные ракурсы наблюдения позволяют выделить следующие возможные детерминанты развития системы: внутренняя логика саморазвития наблюдаемой системы, логика межсистемного взаимодействия, выполняемая функция в метасистеме. Подобный подход, связанный с идеей тринитарности, позволяет перейти от рассмотрения изолированных объектов к целостному «объемному» анализу их жизнедеятельности и функционирования, представляя этот процесс как самоорганизацию коммуникаций с внешним миром.

Учет сложности мира, в который погружен индивидуальный субъект, и способов взаимодействия с ним, позволяет рассматривать индивида не как отдельно взятый объект, искусственно изъятый из контекста бытия, а как «человека-в-мире». Можно выделить три типа подпространств социальной организации общества, в которых реализуются социальные коммуникации субъекта: 1) пространство индивидуальных субъектов; 2) пространство групповых субъектов (организаций индивидуальных субъектов, имеющих сходные политические интересы); 3) социетальное пространство как ограниченная совокупность индивидуальных и групповых субъектов, объединенных общими правилами жизнедеятельности. В такой трактовке, политическое устройство общества будет определяться политическими субъектами, действующими в политической среде, которая задается организацией общества в целом.

В зависимости от типа социального подпространства можно выделить основные цели деятельности политических субъектов. В пространстве индивидуальных субъектов — это легитимация своего присутствия в политической среде, начиная с артикуляции своих интересов. В следующем сегменте социальной организации — занятие определенного места в имеющейся политической системе на основе имеющихся ресурсов. Структурирование политической системы обусловлено соотношением сил основных политических субъектов. Вместе с тем, деятельность политических субъектов задается интересами целостного общества, существующего в рамках некоего социального дискурса. Он обуславливает особенности организации социума в единое целое, другими словами его структуриацию, предлагая модель организации общества, правила коммуникации политических субъектов, цели развития общества. Таким образом, за политическими устремлениями индивидуальных субъектов к улучшению бытующего образа жизни и замене политической команды, осуществляющей управленческую функцию, могут стоять пожелания смены форм общественной организации и смены курса общественного развития.

Индивидуальный субъект воспроизводит действительность в рамках дискурса, транслируемого социумом, воссоздает социальный порядок своей деятельностью и осмысливает свои коммуникации с миром, внося поправки в собственную модель действительности. Для каждой ролевой позиции, в которой может находиться субъект, существует свой ситуативный вариант модели мира. Интегративная целостная модель мира конструируется путем совмещения различных «ролевых» моделей, доступных субъекту. Основными компонентами организации интегративной модели являются: социально принятая модель мира, набор позиций субъекта, отличающихся точкой зрения, механизм согласования ментальных моделей разных типов. Процесс конструирования модели изменяющегося, «разворачивающегося» мира позволяет представить ее (как и окружающий мир) в виде саморазвивающейся структуры. Таким образом, субъектный дискурс, описывающий действительность, задается как триединый процесс развертывания представлений о мире: а) представления о событиях в мире; б) имплицитные соображения

об устройстве мира, задающие возможные для субъекта наборы позиций; в) субъективная система коррекции своих воззрений, в результате чего происходит согласование имеющихся картин реальности в рамках метамодели. При этом практичность индивидуального дискурса постоянно корректируется образом жизни субъекта, обменом мнений с другими субъектами и соотношением с циркулирующими в обществе дискурсами.

Обретение человеком своего способа видения мира оборачивается системой согласования субъективных моделей действительности с другими членами общества. Наличие сходных моделей политической действительности приводит к становлению группы приверженцев определенных политических взглядов. Устройство общества предполагает существование разнообразных общественных групп, обладающих различными типами дискурсов, коммуникации которых и конструируют общее социальное пространство.

Мы выделяем три типа социумов, отличающихся способами принятия социетального дискурса: моноцентричный, полицентричный, синергетичный. Общество, где существует единственный центр трактовки официального дискурса, обычно связанный с властью, принадлежит к моноцентричному типу. Согласование точек зрения в обществе, где существуют несколько влиятельных политических субъектов, обусловлено сиюминутным соотношением сил. Доминирующая в данный момент политическая группировка, которая занимает более высокое место в социальной иерархии, может навязывать свое видение другим. Но оно будет ограничено временем пребывания ее на вершине власти. Поэтому метадискурс полицентричного общества включает в себя точки зрения влиятельных субъектов политической структуры. Синергетичный тип социума предполагает отсутствие явного центра, ответственного за трактовку метадискурса. Общая позиция рождается из сотрудничества и учета мнений разнообразных политических субъектов, как оформленных в институциональные структуры, так и существующих в латентном состоянии. Это приводит к постоянным коррекциям социального метадискурса, точнее его непрерывной изменчивости, поскольку в основу его организации положены не только дискурсы политических организаций, но и воззрения индивидуальных субъектов. Их точки зрения не являются постоянными, а, опираясь на жизненный опыт субъектов, на их участие в деятельности групп, чьи мнения приходится учитывать, на возможное переосмысление господствующего дискурса, непрерывно трансформируются. Метадискурс такого общества будет определяться не столько согласованием дискурсов политических субъектов, обусловленным организацией системы власти, сколько привлекательностью для индивидуальных субъектов модернизирующихся дискурсов как формальных, так и неформальных структур. Это и обуславливает рассредоточение центра принятия метадискурса в обществе синергетичного типа.

Понятно, что и устройство таких обществ будет различным. Для традиционного общества присуща жесткая социальная структура с ограниченным набором позиций для индивидуального субъекта, с низкой социальной мобильностью между классами. В современном обществе меняется организация социальной жизни. Структура изменяющегося социума не может оставаться постоянной, соответственно, меняются и возможные роли субъекта. Высокая дифференциация социальной структуры проявляется в одновременном и фрагментарном участии субъекта во многих несвязанных между собой группах, задающих набор его ролей. Причем эти группы могут быть временными и не иметь четких границ. Многообразие выполняемых ролей может привести к ситуации, когда интересы ни одной из групп не могут быть поставлены субъектом во главу угла на длительное время, а на первый план выходит согласование групповых интересов в рамках субъективного метадискурса. Ситуация множественного выбора изменяет не только традиционные определения реальности, но и способы их конструирования. Разнообразие групповых дискурсов как следствие условий быстрых социальных изменений является

фактором их ускорения и потому способствует подрыву привычных определений реальности, сопротивляющихся эффективным инновациям.

Человек со своими воззрениями возникает как продукт соответствующего социума. В процессе социализации человек интериоризирует социальный мир. Таким образом, он не только находится в обществе, но и «общество» (его модель) находится в нем как часть его внутреннего бытия. Кардинальные изменения в социальной структуре могут иметь своим результатом сопутствующие изменения психологической реальности. Как существующий социальный порядок задает потенциально возможную организацию индивидуального сознания, так и субъектный дискурс, выраженный в совместной деятельности, может трансформировать социальное устройство. Модификация взглядов граждан ведет к увеличению количества сторонников этого дискурса и, соответственно, к изменениям в раскладе политических сил, следствием чего может быть изменение организации социума.

Социетальный дискурс является самоподдерживающимся благодаря самолегитимации в результате его объективного существования в данном обществе. Вследствие того, что все социальные конструкты, созданные человеком, не являются абсолютно само собой разумеющимися плюс столкновения интересов, неизбежные в процессе институционализации, и конкуренция между социумами различной организации приводят к появлению групп, носителей альтернативных версий определения реальности. Такие группы могут представлять практическую угрозу институциональному порядку, который легитимирован официальным типом дискурса, если не существует концептуальных механизмов интеграции взглядов этих групп в существующий социетальный дискурс. Следует подчеркнуть, что концептуальные механизмы поддержания общества сами являются продуктами социальной деятельности и вряд ли возможно их понять вне социальной практики и имеющегося дискурса.

Выводы. В рамках тринитарной модели мы уходим от бинарного противопоставления индивида и общества, народа и власти, психического и социального. Современное общество рассматривается как структура, где объединение разнонаправленных групп политических интересов составляет целостность, если индивидуальные субъекты, составляющие эти группы, пронизаны общей идеей построения совместного общества. В таком социуме общие интересы по организации целостного общества превалируют над частными интересами составляющих его групп. Одним из следствий, вытекающим из такого рассмотрения, является то, что базовые основания организации общества будут обуславливать особенности функционирования социума. В современном обществе любые выборы в государственном масштабе — это, помимо высказывания отношения к политической силе, осуществляющей оперативное управление обществом, еще и способ легитимации существующего устройства и функционирования государства. То есть, в основе таких выборов в неявной форме лежат основополагающие принципы обустройства жизни общества.

Поэтому на Украине вопросы статуса русского языка, вступления в НАТО будут постоянно выноситься на выборы, пока не будет предложен способ учета интересов граждан, отстаивающих точку зрения, отличную от официальной. То, что эти проблемы не в фокусе внимания обычных граждан, не означает их вторичность. Для функционирования государства, в первую очередь важен даже не конкретный способ разрешения этих проблем, а то, насколько учтены интересы граждан, их выражающих. Иначе получается, что в обществе существуют привилегированные политические субъекты, чьи интересы превалируют над интересами других социальных групп. Такое решение фундаментальных вопросов организации социума не создает возможности для построения успешного общества, имеющего стратегические перспективы в мультикультуральном мире.

Разина Т.В. к.пс.н., доцент. Возможности применения психологического тестирования специалистами-политологами. Теоретический, методический и практический аспекты.

В политологических исследованиях часто необходимо изучение не объективных политических реалий, а субъективных психологических компонентов. Практика показала, что существует дефицит профессиональных психологов, знакомых со спецификой политической деятельности и способных адекватно отвечать на запросы политологов. Особенно эта проблема актуальна для провинции. Целесообразно и перспективно, на наш взгляд, научить политологов грамотно использовать некоторые психологические инструменты и адекватно оценивать границы и возможности своей компетентности. По нашим наблюдениям, политологи часто применяют их, но без достаточной методологической и методической базы. В итоге теряется специфика данных методов, и они дают недостоверную информацию или не показывают вообще никаких результатов. Все это снижает престиж и значимость психологических исследований и психологии как науки.

В данной работе мы хотим остановиться на возможностях и ограничениях психологического тестирования в политологии. Часто политологи (как и представители других специальностей, и даже, некоторые психологи) недооценивают, скептически относятся к психологическим тестам, или же, наоборот, впадают в другую крайность — идеализируют тест и ждут от него ответов на все вопросы. Подобного рода явления связаны с недостатком объективной, профессиональной информации о психодиагностике и тестировании. В первую очередь политологу следует ясно представлять, что же такое психологический тест и какие он имеет разновидности.

Важно подчеркнуть два основных момента. Во-первых, тест — это стандартизованная измерительная методика. Во-вторых, она направлена на выявление скрытого психического свойства, черты, особенности. Поэтому построение любых психологических тестов базируется на теории психологических измерений (А.Н. Гусев, Ч.А. Измайлов, М.Б. Михалевская, 1998; Ч.А. Измайлов, М.Б. Михайловская, 1983), а каждая серьезная тестовая методика базируется также на определенной психологической теории, которая дает описание того или иного феномена, явления психики, т. е. дает теоретический конструкт. В ряде случаев тесты могут иметь не только диагностическую, но и информационную функцию: в личности человека, прошедшего тест, могут начаться изменения (в конструктивном или деструктивном направлении). Даже если не произойдет серьезных перемен, то настроение испытуемого, его психическое и физическое состояние, самооценка могут существенно подвергнуться самоанализу. Поэтому любое тестирование должно проводиться со строгим соблюдением этических норм, инструкций и производиться специально подготовленным человеком.

Психологическая диагностика почти никогда не ограничивается только тестами. Используются наблюдение, беседа, интервью, эксперимент). Предполагается обобщение данных, их интерпретация, что в итоге приводит нас к формулировке психологического диагноза, который может ставить только профессиональный психолог. Однако психологическое тестирование может быть использовано и для других задач, в частности, для психологической оценки. Производится определение уровня выраженности интересующей черты или особенности психики. Отдельные виды оценки изучаемых качеств может осуществлять и специалист смежных с психологией сфер деятельности при условии тесного сотрудничества предварительной консультации с профессиональным психологом.

Исследователь должен применять лишь те методики, которые он имеет право использовать в соответствии с уровнем своей компетентности. Существует три условных группы тестов относительно квалификации пользователя.

Первая группа тестов — для самопознания, для развлечения. Они могут быть использованы людьми вне зависимости от их профессии. Применять такие методики для диагностической работы нельзя, поскольку они не имеют теоретического конструкта, не проходили психометрических проверок, их нормы составлены приблизительно, интерпретации носят умозрительный характер.

Вторая группа — тесты, которыми могут пользоваться специалисты смежных областей (учителя, врачи, социальные работники), в том числе, и политологи. Это методики направлены на выявление какой-то отдельной черты характера или способности. Они разрабатываются на научной основе, имеют теоретический конструкт, проходят необходимые психометрические проверки, что обеспечивает их валидность и надежность.

Важно, чтобы при выборе таких методик диагносты пользовались специальными психологическими изданиями, выпущенными в научно-производственных центрах «Иматон», «Психодиагностика». Это связано с тем, что при перепечатке методики в сборник зачастую совершается большое количество ошибок, отсутствуют необходимые составные части теста. Наиболее часто это наблюдается в сборниках тестов, выпущенных в период 1991–2000 гг., когда выпуск литературы психологического содержания был во многом бесконтролен. В последние годы ошибок в сборниках становится меньше, хотя информация о методиках по-прежнему остается недостаточной. Необходимо сверять выбранные методики с методиками в других сборниках на предмет расхождений. Любая диагностическая методика, тест должны иметь краткое руководство, где излагаются теоретические основы исследуемого феномена, тестовые вопросы (или тестовые задания), ключи, правила подсчета и обработки, тестовые бланки, нормы, интерпретации. Важно, чтобы приводимые нормы (по параметрам возраста, профессии) подходили и для вашей выборки.

Желательно перед использованием тестов посоветоваться со специалистами-психологами, предварительно потренироваться в использовании методик, составить ряд возможных вопросов, которые могут возникнуть у испытуемых, заранее приготовить ответы. Важно всегда соблюдать все требования по проведению методики, по обработке результатов и интерпретации в соответствии с представленными нормами, четко и подробно давать инструкцию, не отступая от варианта, предложенного разработчиками теста.

Тестами третьей группы могут пользоваться только профессиональные психологи — лица, получившие высшее психологическое образование и (желательно) прошедшие специальную подготовку перед использованием того или иного теста. Это связано с тем, что подобного рода методики имеют наибольшее воздействие на личность испытуемого. Обработка и интерпретация результатов в самом случае требует значительных психологических знаний, умения мыслить психологически, опыта психологической работы и конкретное умение правильно обращаться с определенной тестовой методикой в частности. Среди подобных тестов можно назвать тесты интеллекта, проективные методики и личностные многофакторные тесты-опросники.

Необходимо сказать еще несколько слов в отношении тестирования на компьютере. Сама процедура взаимодействия испытуемого с компьютером может являться фактором, искажающим результаты. До сих пор существуют достаточно большие группы людей, которые испытывают стресс или хотя бы настороженность при работе на компьютере. Естественно, это оказывает влияние на результаты тестирования. Даже если испытуемый прекрасно умеет работать на компьютере, форма предъявления материала и ответа оказывает влияние на результаты. Если тестирование ведется по Интернету, то это может вызывать непредвиденные задержки при переходе от вопроса к вопросу, отвлечение испытуемого от процесса работы.

Огромное значение имеет соблюдение диагностом этических принципов психодиагностики. В данной работе мы не будем останавливаться на них подробно,

поскольку этому вопросу уделено достаточно места в специальной литературе (Л.Ф. Бурлачук, 1993; П. Клайн, 1994; А.А. Бодалев, В.В. Столин, 2003). Следующим немаловажным аспектом является соблюдение всех требований и этапов процедуры психологического тестирования, без чего мы не можем быть уверены, что результаты будут достаточно валидны и надежны. Обычно, точность тестирования никогда не достигает 100% и колеблется в зависимости от мотивации испытуемого, особенностей конкретного теста, правильности его применения и обработки результатов, их интерпретации.

В итоге, несмотря на то, что, политолог не имеет морального права, а также достаточной квалификации и психологических знаний для использования тестов третьей категории, составления психологических характеристик и заключений, он может самостоятельно проводить значительный объем психодиагностических работ.

В первую очередь, это предварительный отбор. Мы можем скомплектовать группу лиц с высоким уровнем выраженности некой черты или способности (например, коммуникативной). Мы используем конкретную методику, которая позволяет выявить именно эту черту, и отбираем только тех, у кого результаты по тестам превышают средний уровень коммуникативных способностей. Результаты этой диагностики, однако, носят весьма «грубый», приблизительный характер.

Возможно, проведение первичной профессиональной диагностики. Для этой цели используется, например, опросник профессиональных предпочтений (адаптация всемирно известного теста «Self-Directed Search»), построенный на основе теории Дж. Холланда (А.Н. Воробьев, И.Г. Секин, В.И. Чирков, 1997). Также для определения сильных и слабых сторон личности работника, его профессиональных черт, возможностей, можно использовать методику диагностики психологического типа Д. Кейрси (Б.В. Овчинников, И.М. Владимирова, К.В. Павлов, 2003).

Ориентируясь на составленные психологами профессиограммы, политологи могут осуществлять целенаправленный подбор лиц определенной трудовой сферы. Для выполнения данной работы очень важно использовать качественно составленные психологические профили. Мы можем порекомендовать, например, работу Е.С. Романовой «99 популярных профессий. Психологический анализ и профессиограммы» (Е.С. Романова, 2003). При сравнении реальных испытуемых с идеальным профилем желательно пользоваться теми же методиками, с помощью которых разрабатывался данный профиль.

Политологи также могут применять тестирование для изучения широких тенденций в больших группах испытуемых. Мы предлагаем Вам ознакомиться с практикой применения теста исследования макиавеллизма личности (В.В. Знаков, 2001), который является адаптированной русскоязычной версией шкалы Mach-IV (F.L. Geis, 1978).

Данный тест будет полезен политологу, поскольку макиавеллизм это «... склонность человека манипулировать другими людьми в межличностных отношениях ... субъект скрывает свои подлинные намерения; вместе с тем с помощью ложных отвлекающих маневров он добивается того, чтобы партнер, сам того не осознавая, изменил свои первоначальные цели» (В.В. Знаков, 1999). Такие субъекты более эффективно обманывают других, успешнее влияют на людей, их не останавливают нравственные запреты. Таким образом, лица с высоким уровнем макиавеллизма будут более успешны в деятельности политика, управленца, менеджера, юриста.

Мы предположили что, во-первых, наличие макиавеллизма как черты личности определяет выбор сферы профессиональной деятельности, во-вторых, в процессе обучения по выбранной специальности уровень макиавеллизма будет расти, если эта специальность предполагает высокие показатели данной личностной черты. В исследовании, проведенном в 2008–2009 гг. среди студентов Сыктывкарского государственного университета, приняли участие 493 студента 1–4 курсов факультетов

политологии, психологии, истории, математики, управления и финансово-экономического. В первую группу (с предположительно высоким уровнем макиавеллизма) входили студенты факультетов политологии, управления, финансово-экономического. Во вторую группу (с предположительно низким уровнем макиавеллизма) входили студенты факультетов психологии, истории, математики.

В отношении первой гипотезы по результатам статистического сравнения с использованием U-критерия Манна-Уитни, различий в уровне макиавеллизма на первых курсах в контрольной и экспериментальной группах нет. Следовательно, лица, поступившие на специальности, требующие высокого уровня макиавеллизма, и лица, обучающиеся специальностям, не требующим высокого уровня макиавеллизма, не имеют значимых отличий по этому параметру. Используя параметрический t-критерий Стьюдента, мы установили, что в группе историков уровень макиавеллизма значимо выше, чем в группе психологов. Чтобы дать адекватную интерпретацию этому несоответствующему гипотезе эмпирическому факту, необходимо провести контрольное исследование на аналогичной выборке историков. Результаты могут объясняться и действием фактора пола (согласно исследованиям мужчины обладают большей выраженностью уровня макиавеллизма, чем женщины (В.В. Знаков, 2001, с. 11), а в выборке психологов преобладают женщины, в выборке историков — мужчины.

В отношении второй гипотезы по результатам предварительного исследования (сравнения средних) мы вынуждены констатировать отсутствие роста уровня макиавеллизма в процессе обучения в исследуемых группах. Относительно стабильный рост (подтвержденный статистическими процедурами с помощью критерия Крускала-Уоллиса) наблюдается только на выборке политологов, но ее размер весьма мал ($n=41$), поэтому данные результаты не могут считаться достаточно надежными.

Таким образом, в исследовании уровня макиавеллизма мы обнаружили достаточно интересные эмпирические факты, которые требуют дальнейшей проверки. Это открывает возможности для других интереснейших исследований данного феномена, имеющих не только теоретическое, но и практическое значение. В итоге, мы можем сказать, что психологические тесты при условии их грамотного, корректного и профессионального использования могут быть серьезным и эффективным методом, инструментом работы политолога в области решения различных практических и теоретических задач.

Пушкина М.А. к.п.с.н. Диагностика психолого-политической стабильности общества, как вид психологического тестирования.

В настоящее время проблема диагностики психологического состояния населения страны или региона стоит крайне остро. Существуют общепринятые стратегии оценки состояния населения в режиме реального времени. Во-первых, используется сбор и оценка статистических данных. К сожалению, эти методы оценки состояния населения дают только косвенную информацию о ситуации. При этом информация может запаздывать на один-два года, что не позволяет оперативно реагировать в режиме реального времени на изменения психологического состояния населения. Во-вторых, распространены опросные методы (анкеты, интервью). «Опросы — весьма распространенный прием в социально-психологических исследованиях, вызывающий, пожалуй, наибольшее число нареканий. Обычно критические замечания выражаются в недоумении по поводу того, как же можно доверять информации, полученной из непосредственных ответов испытуемых, по существу из их самоотчетов» (Г.М. Андреева, 1990). Г.М. Андреева минимизирует значение непосредственных ответов испытуемых, которые могут отражать не реальное положение дел, а сиюминутные тенденции (степень утомления, мотивация участия в исследовании, социально одобряемые ответы) тем, что необходимо четко

руководствоваться методическими материалами для разработки вопросов. Однако полемика о достоверности результатов, которые получаются с помощью опросов, особенно по неоднозначным ситуациям (такое как отношение, мотивация, поведение населения), до сих пор является спорным моментом, как для отечественных, так и для западных методологов. Поэтому опросы можно использовать как вспомогательный метод оценки психологического состояния населения. Третье, экспертная оценка состояния населения. Как и опросные методы, экспертная оценка находится под давлением субъективных факторов.

Помимо вышеназванных методов исследования в психологии еще существует такой диагностический инструмент, как психологическое тестирование. Тесты в отличие от опросных методов — измерительная методика, направленная на выявление скрытого свойства интересующего объекта путем одного или нескольких кратких испытаний (заданий). Тесты лишены субъективизма и не такие громоздкие, как экспериментальные методы психодиагностики. Можно выделить тесты, направленные на диагностику личности (или индивидуальные тесты) и тесты, направленные на диагностику группы. Причем, если индивидуальные тесты достаточно хорошо разработанная область психодиагностики, то диагностика группы, в основном, сводится к социометрии и ее разновидностям, либо получению средних результатов по группе с помощью индивидуальных тестов.

На кафедре политической психологии Санкт-Петербургского государственного университета под руководством проф. доктора психологических наук А.И. Юрьева разработаны методологические подходы к диагностике психологического состояния больших масс людей. Предложена методология разработки нового вида психологического тестирования — тестирования состояния общества (наряду с индивидуальными тестами и тестами, направленными на диагностику группы). Пример такого тестирования — методика экспресс-диагностики психолого-политической стабильности региона (страны). Методика позволяет получать оперативно и достоверно данные о психологическом состоянии населения. На основе этих данных строится обобщенный профиль психологической реакции населения на ситуацию политических/социальных конфликтов и подсчитывается коэффициент психолого-политической стабильности региона (страны).

Методика измерения психолого-политической стабильности состоит из трех блоков вопросов. Цель первого блока вопросов — узнать, насколько проблемы межэтнических отношений (или социального неравенства) актуальны для респондентов. Постановка вопросов — самоотчеты респондентов.

Второй блок вопросов – собственно психолого-политическое описание состояния политической стабильности. Эта часть методики состоит из вопросов, сформулированных на основе модели психолого-политической стабильности общества А.И. Юрьева. Вопросы имеют косвенный характер и соответствуют четырем факторам социальной подчиненности населения (политическое иждивенчество, политическая адаптивность, политический консерватизм и политическое безразличие). Так же анализируется четыре фактора социальной агрессивности населения (политическое творчество, политическое соперничество, политический радикализм и политическая инициатива). Форма постановки вопросов — утверждение с вариантами ответов «да», «нет». На основе анализа этого блока вопросов строится обобщенный профиль психологической реакции населения на ситуацию межэтнических конфликтов и подсчитывается коэффициент психолого-политической стабильности.

Третий блок вопросов искусственно моделирует ситуацию социального или политического конфликтов. Испытуемый высказывает свои предложения по решению конфликта. При последующей обработке ответы респондентов методом экспертной оценки относятся к пяти видам стратегий поведения в конфликтных ситуациях: соперничество, избегание, приспособление, компромисс, сотрудничество (классификация Томаса).

Методика направлена на диагностику состояния общества, оценку способности населения сохранять спокойное поведение, невзирая на неблагоприятные внешние или внутренние условия. Область применения методики — диагностика состояния отдельной группы населения (в том, числе население региона, страны). При этом рассматриваются разные плоскости дестабилизирующей ситуации: модальность, интенсивность, быстроту протекания интересующих процессов. Психолого-политический подход позволяет не только анализировать текущее положение дел, но и делать прогнозы развития ситуации, а также выработать рекомендации по оптимизации процессов. При этом можно анализировать локальные ситуации. Психолого-политический подход рассматривает легитимность государственной власти как следствие политической стабильности, поэтому меры, направленные на повышение политической стабильности приводят к повышению уровня легитимности государственной власти.

Диагностика психолого-политической стабильности — это пример психологического тестирования больших масс людей для получения оперативной информации. Методика диагностики психолого-политической стабильности региона прошла несколько этапов апробации, в том числе в феврале 2004 года в Санкт-Петербурге проведено исследование психолого-политической стабильности в области межэтнических отношений: «Вероятность влияния межнациональных конфликтов на психолого-политическую стабильность в Санкт-Петербурге»; в мае 2005 года — «Объективное измерение политической стабильности в Санкт-Петербурге по параметрам психического состояния населения». Прогнозы и выводы, сделанные на основе данных исследований, полностью подтвердились.

Анисимова Т.В. к.пс.н., доцент; Самуйлова И.А к.пс.н. Политическая коммуникация как предмет психологического исследования на факультете психологии СПбГУ¹¹⁷.

Значимость политической коммуникации для жизни общества была осознана зарубежными исследователями в конце 40-х — начале 50-х гг. XX столетия. Это время считается началом изучения явлений политической коммуникации во многих странах, мира, поскольку именно тогда появились фундаментальные работы в этой области, равно как и сам термин «политическая коммуникация».

Иная ситуация складывалась в отечественной науке. Долгое время, практически до начала 90-х годов, популярность термина «политическая коммуникация» не отражала ни теоретической разработанности, ни эмпирической представленности проблем политической коммуникации в отечественной литературе. Монополией на изучение любой речевой коммуникацией владели лингвисты.

В отечественной психологии с исследованием речевой коммуникации и текстов связаны имена таких известных авторов как Н.И. Жинкин (анализ внутреннего строения текста), И.Ф. Неволин (выделил смысловые зоны текста), Т.М. Дридзе (информативность и логико-композиционные показатели) и др. Среди исследователей, прямо или косвенно занимающихся исследованиями политической коммуникации, можно обозначить представителей психосемантического и психолингвистического направлений (А.Н. Баранов В.Ф. Петренко, Шмелева, Т.Н. Ушакову, Н.С. Павлову, В.А. Цепцова, К.И. Алексева, Г.Г. Почепцова).

На факультете психологии проявили интерес именно к политической коммуникации 20 лет назад (Т.В. Анисимова, Л.Ю. Никифорова, Н.М. Ракитянский,

---

¹¹⁷ Статья выполнена при поддержке РГНФ, проект № 080400346а

И.А. Самуйлова, Н.О. Свешникова, Н.В. Щербакова). Этому процессу предшествовало создание кафедры политической психологии и начало обучения студентов этой специальности. Трудно поверить, но в начале 80-х гг. XX века отечественная научная традиция, а соответственно и публикации по политической коммуникации не были распространенными. Сегодня, наоборот, такие исследования многочисленны, а в области политической психологии — традиционны.

Перечислим последовательно основные темы политической коммуникации, которые уже пройдены и еще актуальны как предмета исследования на факультете психологии СПбГУ.

1. Обсуждение проблемы определения и описания особенностей политической коммуникации как вида профессиональной коммуникации полностью не завершено. Исследователи просто договорились ограничиться пониманием политической коммуникации в «широком» и «узком» смысле. Сегодня большинство исследователей согласны с Р.Ж. Шварценбергом (1992), который предложил одно из наиболее полных толкований сущности политической коммуникации, определив это понятие как «процесс передачи политической информации, благодаря которому она циркулирует от одной части политической системы к другой и между политической и социальной системой».

«В значительной своей части политическая коммуникация составляет сферу компетенции специализированных учреждений и институтов, таких как средства массовой коммуникации, правительственные информационные агентства или политические партии. Тем не менее она обнаруживается во всякой обстановке социального общения: от бесед с глазу на глаз — до обсуждения в палатах национального законодательного органа» (The Dictionary of Political Analysis, 1982).

Сущностной стороной политической коммуникации является передача, перемещение, оборот политической информации, т. е. тех сведений, которыми в процессе конкретной общественно-практической деятельности обмениваются (собирают, хранят, перерабатывают, распространяют и используют) «источники» и «потребители» — взаимодействующие в обществе индивиды, социальные группы, слои, классы. Политическая информация представляет собой совокупность знаний, сообщений о явлениях, фактах и событиях политической сферы общества. С ее помощью передается политический опыт, координируются усилия людей, происходит их политическая социализация и адаптация, структурируется политическая жизнь (Вершинин, 2001).

2. Следующее направление исследований начала 90-х гг. связано с восприятием аудиторией публичных политических выступлений. 90-е гг. XX века — эпоха разрушения старой и несформированности новой политической культуры. И неудивительно, что следствием того явилось политическое бескультурье и соответствующий язык, который по своей лексике не отвечал тем требованиям, которые обычно предъявляются к речам «серьезных государственных мужей».

Невысокий уровень языковой культуры, так называемого «среднего» современного политика. Отсутствие специальной подготовки, недостаточно развитыми процессы самоконтроля и практическим осознание того, что мера «загрязненности языка» мало сказывается на степени воздействия на аудиторию.

Мы вынуждены признать, что до недавнего времени нередко большего успеха достигали те, кто использовал в выступлениях популизм: грезы обещаний, нагнетание презрения к оппонентам и безответственность за реальность превозносимых проектов. И, как во времена античности, именно речами прокладывалась дорога к пьедесталу признания. Общеизвестно, что популизм приходит тогда, когда имеется дефицит лидеров и налицо политическая неискушенность людей. Как только политика из неадекватного состояния переходит в адекватное, становится средством осуществления замыслов по благоустройству жизни людей, то в публичных речах возрастает значение здравого смысла и достоверной обоснованности излагаемых в них положений (Шепель, 1994). Как

следствие, особенно актуальным становится вопрос о формировании новой культуры речи, адекватной протекающим в обществе процессам.

Актуализация проблемы повышения культуры политической речи в России, действительно, привлекла внимание общественности (стали издавать специальные словари для публичных политиков) и государства (попытки решения проблемы законодательно). Такие усилия привели к тому, что сегодня в публичной политике стали происходить позитивные сдвиги: официальная публичная речь стала более правильной. Не последнюю роль сыграл здесь и фактор политической реальности, а именно повышение важности политического языка в век информационных технологий и, как следствие, необходимость овладения той властью, которую политический язык способен предоставить его опытному пользователю. Необходимость совершенствования речевой коммуникации также диктуется усилением тенденции к глобализации информационных процессов, где на особом положении находятся способность налаживать эффективное сотрудничество и конструктивный диалог на всех уровнях.

3. Следующая волна исследований речевых коммуникаций касается анализа языкового поведения «политиков-риторов», психологического «критического дискурс-анализа». Критический дискурс-анализ (КДА) — новое направление исследования речевой коммуникации. В 1994 году ученые, занимающиеся критическими исследованиями, объединились в международную сеть CRITICS: Centers for Research Into Texts, Information and Communication in Society (Центры изучения текстов, информации и коммуникации в обществе). В настоящее время критические исследования активно проводятся в Великобритании группой ученых Ланкастерского университета «Язык, идеология и власть» под руководством Нормана Фэклоуза (N. Fairclough), в Австрии исследовательским центром «Дискурс. Политика. Идентичность» под руководством профессора Венского университета Рут Водак (R. Wodak), в Голландии в Амстердамском университете группой студентов и аспирантов под руководством Т. Ванн Дейка (T. Van Dijk). Настоящий бум критических исследований политического дискурса наблюдается в Испании и Латинской Америке. Это направление теперь уже представлено и в России, а с 2003 года — на факультете психологии.

КДА обращается к социальным проблемам и полагает, что дискурс формирует общество и культуру, выполняет идеологическую функцию. Действия же контролируются нашим разумом, поэтому, если мы можем влиять на разум, на знания людей с помощью дискурса, то мы способны косвенно контролировать некоторые их действия. Таким образом, в рамках КДА контроль над дискурсом рассматривается как форма социальной власти (Гаврилова, 2002).

Психологически обозначенное направление обусловлено усилением тенденции к субъективной интерпретации политической реальности в выгодном для политика аспекте. Сегодня любой политик, имея доступ к средствам массовой коммуникации, может осуществлять воздействие на аудиторию посредством использования языка, информируя и интерпретируя текущие события с целью принятия своей точки зрения, наращивания политической мощи и извлечения определенных политических дивидендов.

4. Сегодня можно говорить и о следующем этапе исследований — медиатизированной политики, под которой понимается нахождение средств массовой информации (СМИ) между властью и обществом, когда СМИ действуют не просто как канал, по которому продвигается политика, а как активный участник процесса формирования политики.

В США первые политические рекламные телевизионные ролики появились уже в 1952 году во время предвыборной президентской кампании между А. Стивенсоном и Д. Эйзенхауэром. Телевизионные дебаты между Дж. Кеннеди и Р. Никсоном стали хрестоматийным примером «сильного» влияния телевидения на результаты политических выборов. С тех пор список факторов «сильного» влияния СМИ на процесс принятия политических решений только расширяется. Исследования на кафедре политической

психологии еще раз показали, что использование телевидения в политике остается, хотя само телевидение меняется — становится все более «развлекательным». Эта тенденция диктует необходимость освоения новых способов и форм передачи политической информации.

Изменение общественных приоритетов, образа жизни людей привело к формированию более потребительского общества, более мобильного и сложного, более культурно фрагментированного, менее обращающего внимание на партии и менее идеологически разрозненного, менее готового подчиняться. Это общество приобрело такую форму государственного устройства, в центре которого находятся СМИ. Такое общество обращает особое внимание на СМИ, которые делают новости. Зрителя интересует, какие политические события выбирают эти СМИ для освещения в своих новостных передачах, какие акценты расставлены этими СМИ на выходе по поводу тех проблем и персонажей, которые ассоциируются с освещаемым событием.

Политические партии и некоторые политики извлекли из этого урок. Через новостные СМИ они стали стараться повлиять на восприятие избирателями ключевых проблем и событий дня, поскольку все это является залогом их политической эффективности и политического успеха. С позиции партии происходит попытка более систематично планировать, представлять и применять их идеи к тем проблемам, с которыми они встречаются, используя возрастающую зависимость всего общества от СМИ с целью увеличения влияния партии. В этом также одна из причин, почему политики вынуждены все более профессионально подходить к политическим коммуникациям с использованием новостных СМИ (Бламлер, 2002).

5. После периода изучения языкового поведения политиков-риторов, под «научный прицел» исследователей речевой коммуникации попали психологические особенности политических лидеров, которые позволяют понять проводимую ими политику.

Практическое отсутствие доступа к объекту исследования компенсируется разработками дистантных методов, которые отчасти представлены различными вариантами анализа вербальной деятельности политика: как устных (спонтанных) выступлений, так и письменных текстов, которые, как известно, готовятся заранее. Слова политика и опирающиеся на них показатели признаются приемлемыми способами изучения его личности.

С психологической точки зрения довольно много могут рассказать о говорящем политике методы мотивационного, контент- и интенмент-анализа, «трансформационная грамматика», анализ когнитивной сложности и когнитивных стилей, операционального кода и концептуальной сложности. Несмотря на то, что выполненные дистантные исследования психологических характеристик политика в большей степени опираются на опыт зарубежных коллег (эта проблема широко представлена в работах D. Graver (1976), W. Weintraub (1989), D. Winter (1988, 1991, 1992, 1993), M. Hermann (1983, 1991), H. Alker (1991), L. Sigelman (1991), S. Walker (1995) и мн. др.), собственные эмпирические данные, полученные на материале речей ведущих политиков России, дают основания для научного обобщения.

Так, использование метода интенмент-анализа, который был разработан в Центре психологии речи и психолингвистики Института психологии РАН (1995, 1998, 2000), позволяет выстраивать интенциональный профиль политика на основании анализа его выступлений, и, таким образом, выносить суждения о его направленности, о том, как он относится к себе, к своим противникам, к аудитории, к ситуации; выявляет его истинные намерения в казалось бы завуалированных обращениях (Ушакова, Павлова, 1996, 2000).

Намерения не только выражаются, но еще и воспринимаются. Представление аудитории о намерениях, зашифрованных в речах ведущих российских политиков, является отражением протекающих в обществе процессов. Наши исследования (с 2001 г. по настоящее время), показывают, что, во-первых, респонденты практически одинаково оценивают специфику намерений, присущих политикам с разными убеждениями, и, во-

вторых, отношение к политику существенно не сказывается на оценке его намерений. Это говорит о том, что независимо от политических пристрастий аудитория непроизвольно чувствует то, что хочет сказать политик на самом деле, что он имеет в виду. Представление о намерениях политика, которые он проявляет в своей речи, может быть как ярким и отчетливым, так и размытым, не столь очевидным. В данном случае эмпирически зафиксирована еще одна тенденция последних лет — незнание большинством респондентов позиции некоторых политиков федерального масштаба, неполное представление об их намерениях, отсутствие информации в памяти аудитории о политических убеждениях тех, кто влияет на вопросы внутренней и внешней политики (Самуйлова, 2002, 2005).

Создание мотивационного профиля политического деятеля (в основе — метод мотивационного анализа политических текстов, разработанный Д. Уинтером) выявляет общую тенденцию его поведения — подбор советников, характер отношений на международной арене, настойчивость в достижении поставленных целей, вероятность возникновения конфликтных ситуаций, границы сотрудничества — и позволяет сделать вероятностный прогноз его политического поведения.

Некоторые параметры операционального кода могут рассказать о том, как политик склонен рассматривать мир: как дружественный или враждебный, как гармоничный или конфликтный, а также какие средства он склонен использовать для достижения конкретных политических целей. Когнитивная сложность демонстрирует масштаб сознания политика, указывает на узость-широту его суждений, что существенно сказывается на возникновении или урегулировании конфликта. Считается, что своевременное выявление падения когнитивной сложности в высказываниях политического руководства может быть серьезным индикатором вероятного возникновения конфликта и поводом задуматься о возможных способах его недопущения.

При организации исследований на тему проявления психических особенностей политического ратора в его речи также возникают свои специфические проблемы. Начиная со спорности предположения о проявлении психологических характеристик политика в его речи в связи с высокой вероятностью написания политических текстов специалистами (что М. Hermann обозначила как «эффект призрачного письма») или же обязанностью представлять не личную, а официальную позицию (партии или государства), и заканчивая сложностями в отношении формулирования прогноза поведения политика на основании анализа его вербальной продукции.

Анализ психолого-политических исследований, направленных на изучение личности говорящего по его речи, позволяет утверждать, что нейтрального вербального поведения нет. Как и всякое социальное действие, речь проявляет сложившийся на личностном уровне характер мировосприятия и понимание личностью собственной роли в социуме (Ушакин, 1995). Даже в условиях строго рациональной политической дискуссии личность, ее эмоциональные и мотивационные особенности занимают важное место в процессах речевой коммуникации (Латынов, 1994).

В целом, можно отметить, что в настоящее время за рубежом сложилась более-менее общая традиция оценки психологических характеристик политика по его вербальной продукции (выделены ключевые компоненты изучения личности политика, сформулированы критерии анализа политических текстов). В отечественных работах пока не наблюдается тенденции к стандартизации и обобщению полученных результатов. Несмотря на то, что к настоящему моменту в отечественной психологии накоплен богатый материал для оценки личности человека по его речевым характеристикам, дистантная оценка личности политиков в России проводится в основном на базе зарубежных исследований.

20-летний опыт работы сотрудников кафедры политической психологии по теме политической коммуникации обобщил практикум, в котором были представлены

основные методы психологического анализа политической коммуникации, на материале текстов и выступлений современных отечественных политических лидеров дано пояснение к их практическому использованию (Анисимова, Никифорова, Самуйлова, Щербакова, 2007). Теории и эмпирические исследования, посвященные современной отечественной и зарубежной политической коммуникации, представлены в пособии по психологии политической коммуникации (Анисимова, 2004). В настоящее время готовится пособие по практической политической риторике, где планируется осветить вопросы, связанные с психологией создания и произнесения публичного политического выступления.

Указанные в статье направления исследований речевой коммуникации характерны для петербургской школы политической психологии. Сегодня они сосуществуют, отражая тем самым главные тенденции исследований: а) период расширения тематики начинает сменяться периодом погружения и поиском новых граней традиционных тем; б) анализ проблем психолого-политических речевых коммуникаций возможен только во взаимосвязи системы языка, политических проблем и конфликтов в обществе.

В условиях динамичной, нестабильной политической ситуации в России анализ, критическое осмысление проблем речевой коммуникации необходимы как обществу, так и самим политикам. Обществу — для улучшения понимания имеющихся многочисленных политических разногласий, по которым люди вынуждены регулярно принимать решения, осуществлять выбор. Политикам — для понимания причин успешности или неудач собственных публичных выступлений.

Защиринская О.В., к.пс.н., доцент. Невербальная экспрессия как средство психологического влияния на субъектов коммуникации^{*}

В контексте общественного сознания существует определенный стереотип эмоционального поведения личности. Его изучение связано с проблемами невербальной экспрессии человека как средства психологического влияния на окружающих людей. Эта тематика вызывает профессиональный интерес у психологов, в частности, в связи с изучением политической коммуникации (А.И. Юрьев, 2008; Т.В. Анисимова, И.А. Самуйлова, 2009).

Особенности невербальной экспрессии обусловлены влиянием биологического и социального факторов, которые обуславливают возникновение различных вариаций лицевой экспрессии (Е.П. Ильин, 2002). Присущие людям эмоциональные реакции и состояния, коммуникативные качества эмоций просматриваются в разных ситуациях общения: типичных и нетипичных. Человек демонстрирует разные по значению эмоциональные реакции и состояния, но в повседневной жизни он находится под влиянием эмоционального стереотипа.

Аффективные переживания и связанные с ними социальные действия считаются индивидуально изменчивыми, но при всем своем многообразии они остаются закономерными (В.С. Дерябин, 1974).

Отмечается, что каждый субъект общения, испытывая ту или иную эмоцию, может невольно передавать свое настроение, переживание другим людям. Так, например, возникают всеобщая радость, веселье, паника (Е.П. Ильин, 2002).

Аналогичную точку зрения в своих исследованиях высказывали В.Н. Мясичев (1960) и П. Фресс (1975). Эмоциональное заражение может распространяться не только на

---

^{*} Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Когнитивные особенности невербальной коммуникации умственно отсталых школьников»), проект № 07-06-00382а.

конкретного партнера по общению, но и на группу людей. Им было выделено два типа заражения эмоциями:

Первый тип соответствует тем случаям, когда одна и та же ситуация вызывает у одного, а затем у нескольких индивидов, одинаковую реакцию страха, гнева или радости. В этом случае наличие группы вызывает усиление аффективных состояний и эмоциональных реакций.

Второй тип более специфичен и соответствует тем случаям, когда эмоция возникает, в то время, как сама ситуация не затрагивает эмоциональную сферу индивида. Одним из ведущих компонентов, вызывающих эмоциональную реакцию, автор считает отождествление субъектом себя с третьим лицом, переживающим подобные эмоции в этой ситуации «здесь и сейчас».

В рамках данного подхода, «все, что облегчает идентификацию, усиливает заразительность эмоций. С одной стороны, идентификация возникает тем чаще и проявляется тем сильнее, чем ярче выражены внешние эмоциональные проявления. С другой стороны, все, что сокращает социальную дистанцию между двумя или несколькими индивидами, усиливает заразительность эмоций» (П. Фресс, 1975, с. 714–715).

Было выявлено три вида эмоционального поведения, возникающего в процессе общения: резонирование, отстраненность и диссонирование (В.В. Бойко, 1996).

Под эмоциональным резонированием понимается способность личности откликаться на различные эмоциональные состояния партнеров. Эмоциональный резонанс между партнерами вызывает сложение их энергий, заключенных в эмоциях, и стимулирует дополнительный психологический эффект взаимодействия — синергизм. При эмоциональной отстраненности человек, в ответ на эмоциональное состояние окружающих, проявляет невыразительные, приглушенные эмоции. Данный вид эмоционального поведения в общении может быть следствием эмоциональной ригидности как свойства человека. И, наконец, эмоциональное диссонирование характеризуется, как отмечает В.В. Бойко, демонстративным выключением личности из эмоциональной атмосферы общения или проявлением эмоций, противоположных по смыслу ситуации взаимодействия.

Благодаря общению поступок одного человека становится обстоятельством жизни других людей, а их экспрессивные действия в свою очередь сказываются на поведении данного человека (Б.Г. Ананьев, 1960).

В базальной системе эмоциональной регуляции выделяют следующие уровни (В.В. Лебединский, М.К. Бардышевская, 2002): оценки интенсивности средовых воздействий; аффективных стереотипов; экспансии; аффективной коммуникации; символических регуляций.

Первый уровень аффективной регуляции осуществляет наиболее примитивные функции адаптации. Аффективная ориентировка на этом уровне направлена на оценку количественных воздействий среды: изменения температуры окружающего и самого тела, уровень освещенности, высота звука, скорость движения, которое воспринимается как перепад интенсивности.

На втором уровне (стереотипов) аффективное взаимодействие со средой усложняется. К оценке интенсивности воздействия добавляется его оценка по качеству. На этом уровне аффективная система берет под контроль весь спектр внешних и внутренних ощущений, дифференцирует, упорядочивает и индивидуализирует их, вырабатывая аффективные предпочтения. Связь с соматикой делает этот уровень особенно чувствительным к ритмическим процессам, находящимся на стыке физиологического и психического. К особенностям этого уровня также относят наличие стойкой и яркой аффективной памяти.

На третьем уровне (экспансии) аффективная система сталкивается с новыми свойствами среды и новыми, более сложными задачами. На смену сенсорному полю, где

системой отсчета являются ощущения собственного тела, приходит пространственно-предметное, состоящее из отдельных физических объектов, находящихся на определенном расстоянии друг от друга.

На четвертом, более других интересующем нас уровне, среда качественно изменяет свои свойства. «Другой» с его целями, поступками и переживаниями становится наиболее значимым фактором в эмоциональной жизни индивида, поэтому конкретный приспособительный смысл этого уровня заключается в налаживании аффективного взаимодействия с окружающими. Эта цель достигается, прежде всего, за счет способности воспринимать и адекватно интерпретировать эмоциональные состояния партнеров по общению. С помощью речи и паралингвистических средств — интонации, мимики, выражения глаз, определенных поз — осуществляется обмен эмоциями: от элементарного заражения своим состоянием до передачи самых сложных переживаний. Данный уровень является ведущим в эмоциональном взаимодействии с другими людьми. «Он вносит новые смыслы в работу нижележащих уровней» (В.В. Лебединский, М.К. Бардышевская, 2002, с. 627–628).

Основная функция пятого уровня эмоциональной регуляции — овладение собственными переживаниями. Это достигается за счет включения в аффективный процесс интеллектуальных операций, благодаря которым происходят дифференциация, обобщение и трансформация аффективных явлений.

Невербальное поведение рассматривается как частично представленное самому субъекту общения. Он не видит напряжения своих мышц, пластики своих поз, экспрессии своего лица. Партнер по взаимодействию может наблюдать за его невербальным и формировать психологически многозначный образ. Очевидность невербального поведения для партнера по общению приводит к развитию функций маскировки действительных переживаний и отношений. С целью маскировки своего "Я" человек использует различные "невербальные маски". Но как бы успешно он их не применял, действительные переживания непременно проявятся в неконтролируемых комплексах движений, в используемых «невербальных штампах», «невербальных привычках» (В.А. Лабунская, 1999).

Идентификация эмоций. В процессе онтогенеза развивается способность использования эмоциональной экспрессии в качестве средства общения (В. Шеннум, 1982; Д. Бьюдженталь, 1982). Обнаружено увеличение с возрастом контроля выражения отрицательных эмоций и неизменность его в отношении положительных эмоций (К. Малатеста, Дж. Хейвиленд, 1982). С возрастом улучшается распознавание эмоций по выражению лица (Ф. Ленард, 1960; Э. Форрай-Банлаки, 1960).

Развернутые проявления фундаментальных эмоций, как правило, характеризуются изменениями лица. У взрослых людей по ряду причин мимические изменения не так очевидны, как у детей, и иногда не проявляются совсем (К. Изард, 1991).

При изучении понимания лицевых паттернов различных эмоций обнаружено, что успешному декодированию неречевой информации способствует связь реакции на лицевую экспрессию партнера по общению с воспроизведением его мимики. Данный процесс уподобляется «эмоциональному заражению, или резонансу» (Е.П. Ильин, 2002). Таким образом, для распознавания и идентификации паттернов лицевой экспрессии человек использует два канала — зрительный, который производит опознание с помощью гностических нейронов нижневисочной коры, и проприоцептивный, оценивающий паттерны собственной лицевой экспрессии и служащий обратной связью (подкреплением) реакции на информацию со зрительного канала.

Ссылаясь на исследование Д. Савицки и М. Сима (1974), которые предьявляли испытуемым стандартизированные одноминутные фрагменты видеозаписи беседы между социальным работником и подростками, изображавшими малолетних преступников, К. Изард (1991) иллюстрирует связь между лицевой экспрессией и тем впечатлением, которое человек производит на окружающих. В упомянутом исследовании лицо каждого

из подростков выражало определенную эмоцию — печаль, гнев или радость, либо обнаруживало полное отсутствие эмоций. Испытуемым сообщали о преступлении, якобы совершенном каждым из подростков. Эти преступления были одинаковы по своей тяжести. Испытуемых просили определить, какого наказания они заслуживают. Было обнаружено, что подросткам, чье лицо выражало печаль, участники эксперимента присуждали более мягкое наказание, нежели тем, на чьем лице были написаны гнев или радость.

В качестве условия овладения языком эмоций, рассматривается усвоение общепринятых в данной культуре форм их выражения, а также понимание индивидуальных проявлений эмоций у людей, с которыми человек живет и работает (Я. Рейковский, 1979). Отмечается, что большинство людей способно без особых затруднений овладеть типичными нормами выражения эмоций. На этом основании понимание эмоционального смысла, заключенного в мимике, жестах, голосе не вызывает затруднений.

Невысокая точность опознания, полученная в экспериментах с идентификацией эмоций по фотографиям, объясняется тем, что суждения об эмоциональном состоянии других людей обычно основаны не только на наблюдениях за выражением лица, но и на наблюдении за жестами и голосом. Одновременно с этим важно иметь данные о ситуации общения. Одинаковое мимическое выражение, наблюдаемое в разных ситуациях, будет получать субъективную интерпретацию. Часто утверждение, что какой-то человек выглядит печальным в значительной степени, объясняется знанием ситуации, в которой он оказался, позиционным отражением именно такой эмоции (Я. Рейковский, 1979).

Для оценки успешности распознавания эмоций необходимым представляется учет, как общей ситуации, так и индивидуальной экспрессии: «в изолированно взятом выражении лица напрасно ищут раскрытие существа эмоции; но из того, что по изолированно взятому выражению лица, без знания ситуации, не всегда удастся определить эмоцию, напрасно заключают, что мы узнаем эмоцию не по выражению лица, а по ситуации, которая ее вызывает. В действительности из этого можно заключить только то, что для распознавания эмоций, особенно сложных и тонких, выражение лица служит не само по себе, не изолированно, а в соотношении со всеми конкретными взаимоотношениями человека с окружающим» (С.Л. Рубинштейн, 1946, с. 566).

Замечено, что внешний облик и действия людей могут по-разному отвечать этико-эстетическим требованиям, сформированным у человека (при этом они могут оставаться полностью неосознанными). Партнеры по общению могут вызывать друг у друга неодинаковое эмоциональное отношение. Возникнув, это отношение вносит свои коррективы в дальнейшее формирование у индивида образа каждого из тех людей, с которыми он взаимодействует, акцентируя внимание на тех или иных их особенностях (А.А. Бодалев, 1983).

С эволюционной точки зрения, внешняя экспрессия эмоций представлялась бы бесполезной, если бы люди не могли декодировать эти сигналы и адекватно реагировать на них. Следовательно, у человека должен быть специальный механизм их декодирования, обладающий способностью дифференцировать паттерны лицевой экспрессии, а также идентифицировать их как сигналы конкретных эмоциональных состояний (Н.Н. Данилова, 2000).

Вышеупомянутый механизм изучался шведским ученым У. Димбергом (1988). Было установлено, что лицевая экспрессия, в зависимости от знака эмоции, по-разному влияет на эмоциональное состояние у партнеров по общению. Она может воздействовать и на уровне подсознания, когда человек не отдает себе отчета в событии и факте его воздействия. В ходе вышеупомянутого эмпирического исследования выяснилось, что лицевые паттерны особенно сильно действуют на людей, проявляющих социальный страх. При восприятии фотографий они усиливают признаки отрицательных эмоций и ослабляют признаки положительных эмоций.

При рассмотрении периферических изменений, охватывающих при возникновении эмоций всего человека, было обнаружено, что они распространяются на систему мышц лица и всего тела, проявляются в, так называемых, выразительных движениях (мимике – выразительные движения лица; пантомимике – выразительные движения всего тела и «вокальной мимике» – выражение эмоций в интонации и тембре голоса), благодаря которым можно судить об изменениях эмоционального состояния партнеров по общению (С.Л. Рубинштейн, 1946). Суждения об эмоциональном состоянии на основании выражения лица представляются по большей части сбивчивыми и ненадежными. Смех и улыбка обычно не вызывают сомнений или расхождения в суждениях. Относительно легко опознается выражение презрения. Удивление и подозрение, а также страх и гнев труднее дифференцировать по выражению лица. Данные особенности объясняют частыми изменениями лицевой мускулатуры. У людей при выражении различных эмоций наблюдаются значительные индивидуальные различия и для тонких оттенков чувств трудно установить какой-либо единый способ мимического исполнения (К. Лэндис; М. Шерманн; А. Фелеки по С.Л. Рубинштейну, 1946).

В исследовании В.Н. Куницыной (1973) использовался метод словесного портрета. Установлено, что 14-летние подростки неодинаково пользуются каналами экспрессии для идентификации эмоций. В частности, легче дать общую оценку экспрессии человека по ее динамике в процессе общения, чем при анализе отдельных средств экспрессии.

Представляется недостаточным изучать выражение эмоций в общении лишь на основании анализа мимических проявлений экспрессии: «в изолированно взятом выражении лица напрасно ищут раскрытие существа эмоций; но из того, что по изолированно взятому выражению лица, без знания ситуации не всегда удается определить эмоции, неправильно заключают, что мы узнаем эмоции не по выражению лица, а по ситуации, которая ее вызывает. В действительности из этого можно заключить только то, что для распознавания эмоций (особенно сложных и тонких) выражение лица служит не само по себе, не изолированно, а в соотношении со всеми конкретными взаимопониманиями человека с окружающими» (С.Л. Рубинштейн, 1999, с. 567).

Люди достаточно точно опознают по выражению лица такие эмоции, как радость, удивление, страдание, гнев, несмотря на их индивидуальные различия у разных коммуникаторов. Много ошибок возникает при узнавании презрения и страха. Презрение нередко путают с гневом (Е.П. Ильин, 2002).

В некоторых исследованиях были выделены общие для всех модальностей эмоций условия их идентификации по мимике (В.А. Барабанщиков, Т.Н. Малкова, 1988).

Для разных эмоций выделяют свои оптимальные зоны идентификации (К. Изард, 1991; Е.П. Ильин, 2002). Выражение эмоций горя и страха в области глаз идентифицируется легче, чем в нижней части лица. Экспрессивные характеристики гнева или спокойствия обнаруживаются в области лба. Эмоции радости, отвращения, сомнения максимально точно опознаются по изменениям в нижней части лица.

Умение распознавать индивидуальные «выразительные движения» человека и правильно интерпретировать их человек научается лишь в процессе более или менее длительного и близкого общения (С.Л. Рубинштейн, 1946). По мнению, С.Л. Рубинштейна, мало плодотворно, с научной точки зрения, ставить в абстрактной форме вопрос о том, какова относительная значимость в общем выражении лица верхней и нижней его части, в частности глаз (точнее, глазных мышц) и рта (точнее, мышц рта).

В некоторых исследованиях показано, что наблюдателю труднее распознать эмоции у лиц со склонностью к отрицательным эмоциональным переживаниям, так как для них склонны подавлять внешние проявления своих эмоций, чем люди, им свойственно подавлять выражение своих эмоций. Определена закономерность: чем больше человек склонен контролировать выражение своих эмоций, тем труднее их распознать другому человеку. Человек, склонный к положительным эмоциональным

переживаниям, меньше контролирует свои эмоции. Они легче начинают распознаваться наблюдателем (И.А. Переверзева, 1989).

В исследованиях было показано, что у человека в процессе взаимодействия с другими людьми формируется система эталонов восприятия экспрессивного поведения, которые сравниваются друг с другом по содержанию, структуре, уровню обобщенности, типичности. Само содержание эталона, количество признаков, входящих в эталон, свидетельствует о познавательных возможностях субъекта, о его умении сознательно вычленять признаки экспрессии того или иного состояния. Отмечается, что эмоции лучше опознают люди с развитым невербальным интеллектом, эмоционально подвижные, больше направленные на окружающее, чем на самих себя. Люди необщительные, эмоционально неустойчивые, с развитым образным мышлением, более старшие по возрасту успешнее опознают отрицательные эмоциональные состояния (В.А. Лабунская, 1999).

Изучение невербальной экспрессии может являться основой для создания различных психотренингов для подготовки будущих политиков с целью их успешного воздействия на широкую аудиторию людей.

Кузнецов А.Н. к.тех.н.; Соловьева О.В.; Джумагулова Т.Н. к.пс.н.; Семькина Е.Ю. к.пед.н. Подготовка молодежного актива к участию в политических акциях.

В современных условиях активизации общественной жизни остро стоит проблема подготовки кадров для проведения общественно-политических акций. Кроме того, результаты выборов различных уровней в последнее десятилетие показали не большую активность молодежи. Хотя, следует отдать должное, в последнее время, благодаря молодежным подразделениям различных политических партий, политическая активность молодежи растет. Для развития активной политической и жизненной позиции молодежи необходимо, чтобы с молодежью также работали молодые люди, их ровесники. В связи с этим актуальность подготовки лидеров общественных движений, организаторов и проводников общественно-политических акций, молодежных лидеров вообще остается приоритетной. В этом смысле интересен опыт подготовки молодежных лидеров ОАО «Магнитогорский металлургический комбинат» для проведения различных политических акций, например, для работы с молодежью во время выборов. Программа «Формирование актива молодежного движения обществ Группы компаний ОАО «ММК» была запущена по инициативе ОАО «ММК» с целью подготовки молодежного актива из молодых специалистов комбината для участия в предвыборных программах представителей ОАО «ММК».

Целью настоящей программы является развитие навыков социального взаимодействия активистов, умения организовать и повести за собой молодых людей. В соответствии с целью были поставлены задачи: развивать понимание роли активиста молодежного движения в реализации поставленных корпорацией задач; осознавать и доносить до молодых работников комбината роль молодежи в политической жизни города; научиться организовывать и реализовывать различные политические мероприятия; уметь взаимодействовать в команде единомышленников.

Настоящая программа — это совместный проект Корпоративного центра подготовки кадров «Персонал» ОАО «ММК» и ОАО «ММК». Большинство участников программы являются представителями Союза Молодых Металлургов ОАО «ММК». Программа реализуется силами специалистов Центра «Персонал», приглашенных экспертов, политологов и преподавателей. Активное участие в реализации программы

принимают специалисты Управления информации и общественных связей ОАО «ММК». Обучение по программе проходят около 90 человек.

Методологической основой программы явились комплексный и системный подходы (Б.Г. Ананьев, Б.Ф. Ломов, В.А. Ганзен.), принцип соотнесения политических явлений и психологических феноменов (А.И. Юрьев). Положение о том, что «структура психики человека определяет структуру деятельности объектов политики» заставляет нас пристально отнестись не только к обучению формальным правилам проведения политических акций, но и к развитию психологических качеств «проводников» политических идей.

Для достижения эффективности в общественной деятельности человеку необходимы лидерские качества, умение работать с людьми, аналитичность и оригинальность мышления, высокий самоконтроль поведения, эмоциональная устойчивость, решительность и инициативность, т.е. в психологической структуре личности можно выделить такие составляющие, как интеллектуальные, эмоционально-волевые, коммуникативные и лидерские качества.

По нашим исследованиям слушателей этой программы мы выяснили, что они эмоционально устойчивы, общительны, для них характерен высокий самоконтроль, способность доминировать, смелость, высокая нормативность поведения, радикализм, что соответствует требованиям к личности организатора. В то же время молодые люди обнаружили средние показатели по развитию лидерских качеств, творческого потенциала, уверенности в себе, коммуникативных умений. Недостаток творческого потенциала связан, по-видимому, с тем, что они работают в большой корпорации, со строгими правилами, сложной технологией и условиями труда. Творчество молодых специалистов ограничено условиями и содержанием их деятельности.

Поэтому, кроме поставленных выше задач, программа предполагает развитие необходимых молодежному лидеру коммуникативных навыков, уверенности в себе, способности влиять на других, способности к эмпатии, активному слушанию, воспитанию инициативы, умений пользоваться своим интеллектом, развитие творческих способностей. Также в необходимых случаях проводится индивидуальная коррекция качеств личности, подающихся формированию и развитию.

У молодежных лидеров ярко выражена карьерная ориентация управления. Главное для них — управление: людьми, проектами, любыми бизнес-процессами. Центральное понятие их профессионального развития — власть и осознание того, что от них зависит принятие ключевых решений. Молодые люди с карьерной ориентацией на менеджмент склонны считать, что цели относительно карьеры не достигнуты до тех пор, пока ими не занята какая-либо ступень служебной лестницы, на которой они могли бы управлять различными сторонами деятельности предприятия: производством продукции, разработками и т.д. Ключевыми ценностями и мотивами молодых людей выступают возможности для лидерства, повышение уровней ответственности и вклад в успех своей организации.

Таким образом, программа подготовки актива молодежного движения, как в содержательном, так и в методическом плане, сочетает в себе теоретические знания, практические формы и методы работы, психологическую подготовку, развитие политического мышления, развитие личностного потенциала.

До начала программы были проведены двухдневные организационно-деятельностные игры на выявление уровня подготовки участников, по результатам которых были сформированы группы. Организация игр предполагала как групповые, так и индивидуальные задания участникам, в ходе которых были созданы условия для проявления навыков: работы с информацией, публичных выступлений, установления контактов, работы в команде, организационных, управленческих и коммуникативных умений и навыков. Участниками были продемонстрированы также мотивационные и ролевые предпочтения в групповой деятельности. Организационно-деятельностные игры

позволили выявить лидерский потенциал участников, их организационные и исполнительские качества. В процессе игр некоторые участники продемонстрировали неприятие целей и задач программы, неумение работать в группе, индивидуализм и формальное отношение к обучению по программе, воспринимая его лишь как средство для возможного карьерного роста. Такие люди по окончании организационно-деятельностных игр были отчислены из программы.

Программа состоит из следующих блоков: информационно-аналитические семинары, тренинги, итоговые мероприятия (контрольные этапы), в том числе, в полевых условиях.

Информационно-аналитические семинары представляют собой формат занятий, в котором приглашенные эксперты (в области политтехнологий, пиара) освещают те или иные аспекты ведения предвыборной борьбы, агитации, публичных дискуссий, пиара и т. д. Такие семинары проводятся в большой аудитории для всех участников программы одновременно.

Большое место в обучении занимает тренинговая работа и практические семинары. Тренинги проводятся с целью отработки навыков управления собой, командообразования, развития коммуникативных навыков, навыков влияния на людей, организации рг-акций, деловых мероприятий и праздников, создания инновационных проектов. Практическая тренинговая работа охватывает весь спектр интеллектуальных, коммуникативных, творческих, управленческих навыков, необходимых в будущей общественной работе. Приоритет данной форме работы был отдан также в связи с тем, что в отличие от традиционного обучения информационно-когнитивный компонент не является ведущим, что делает обучение в программе более интересным и позволяет легче перейти от воспроизведения знания к его реализации на практике.

Важной частью подготовки молодежного актива является психологическая подготовка к работе с различными социальными группами населения и различным уровнем политической активности, что последовательно реализуется в ходе всех тренингов, вне зависимости от их конкретных целей и задач.

Обучение предполагает рейтинговую систему оценок обучающихся. После каждого тренингового занятия участник группы получает балл (рейтинг), соответствующий его общей эффективности и продуктивности в данный тренинговый день и его вкладу в работу группы. Система рейтинговых оценок позволяет увидеть динамику формирования навыков, обозначенных в программе, а также дает необходимую информацию относительно обучаемости каждого из участников.

Программа предполагает промежуточный и итоговый контроль. После каждой сессии проводится промежуточный контроль в виде конкретного практического задания (но не учебного) задания. Оценку выполненному заданию дают представители ОАО «ММК» — заказчики, политтехнологи, представители отдела общественных связей, социологи, разработчики программы, представители политических движений. Здесь также соблюдается принцип комплексности и системности. В качестве контрольных заданий были предложены различные мероприятия. Например, проектирование и презентация предвыборного штаба (это задание было конкурсным). Общий итог первого контрольного мероприятия таков: команды в целом продемонстрировали высокий уровень креативности. Однако в преобладающей части оказались неспособны удерживать заданную цель деятельности. В итоге презентации были проведены красочно и эффектно, но не эффективно с точки зрения достижения поставленной цели — показать себя и «продать» себя в качестве предвыборного штаба. Таким образом, обозначилась проблема, связанная с недостаточной ориентацией участников на адресата.

Вторым промежуточным контрольным мероприятием стала деловая игра «Аудитория и проблема». Каждой подгруппе давалось задание подготовить план мероприятий по агитации и привлечению социально неактивных групп населения к участию в выборах за весьма ограниченное время, защитить свой проект, ответить на

вопросы других подгрупп и преподавателей. Для достижения цели, поставленной перед подгруппами, необходимо было продемонстрировать знание основ агитации, креативность, практичность и реалистичность, уверенное поведение, умение удерживать внимание аудитории, психологически грамотно отвечать на вопросы и замечания оппонентов. По завершении защиты своего плана мероприятий, участникам предлагалось проанализировать выступления подгрупп. В результате работы участники предложили несколько продуктивных и новых идей, но, вместе с тем, опирались и на уже известные и часто используемые мероприятия, ставшие классическим в политических технологиях. Для некоторых молодых людей оказалось весьма затруднительным публичное выступление. Большинство выступавших вместо ответа на вопрос вступали в полемику. Так обозначилась необходимость обучения агитаторов работы с возражениями и сопротивлениями.

Третьим промежуточным контрольным мероприятием стало задание для групп разработать, организовать и провести 22 августа 2009 года мероприятия в любом месте города Магнитогорска или его окрестностей, посвященные популяризации праздника День российского флага, отмечаемого именно в этот день. Группы подготовили и провели свои мероприятия в различных оживленных местах города, а одна группа — на местном курорте оз. Банное, расположенном в 50 км. от города.

Поскольку программа продолжается, то другие контрольные мероприятия будут проведены по мере дальнейшей реализации проекта: деловые игры, социальные проекты, акции флеш-моб.

Итоговым контрольным мероприятием станет комплексная деловая игра «Поединки штабов», позволяющая проявить все основные навыки, полученные слушателями в процессе обучения.

Таким образом, в результате обучения по программе «Формирование актива молодежного движения обществ Группы компаний ОАО «ММК» молодые специалисты будут иметь представление о роли молодежного актива; о политических организациях и движениях города, страны; об особенностях реализации социально значимых проектов, предвыборных кампаний; о закономерностях построения работы с различными группами.

Они будут знать 1) сущность понятий, связанных с социальной деятельностью и предвыборными технологиями; 2) основы построения коммуникаций; 3) основы подходов оказания влияния на личность, группы и коллективы; 4) способы формирования и поддержания положительного образа кандидата; 5) алгоритм организации мероприятий и методы контроля их эффективности.

Участники научатся обеспечивать выполнение поставленной задачи собирать, аргументировано оппонировать в споре; отстаивать свою точку зрения, интересы группы; противостоять манипулятивному влиянию.

2 КРУГЛЫЙ СТОЛ. Практика политической психологии: реальность, возможности, перспективы

Ведущая – к. пс. н. Бурикова И.С.

Ученый секретарь: к.пс.н. Коновалова М.А

2.1. ПСИХОЛОГО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Бианки В.А. к.пс.н., Серавин А.И. Специфика партийности и многомандатности местных выборов.

(на основе материалов книги Бианки В.А., Серавин А.И. Местные выборы кризисной осени 2009 (на примере Ленинградской области).- СПб., 2009)

На выборах 2005 года в органы МСУ Ленинградской области всего 365 депутатов было избрано от партий, то есть всего 16%, а кандидаты от «Единой России» заняли всего 10% мест! Понятно, что это было связано и с другой системой выдвижения (не было льгот для партий), и с тем, что партии еще не окончательно закрепили свое доминирование в политической жизни, но, тем не менее, эти цифры очень показательны.

И аналитиками, и властями, и СМИ результаты выборов осени 2009 будут анализироваться в партийном разрезе – как минимум потому, что все уже привыкли оценивать их именно так. Кроме того, и федеральные, и региональные парламентские выборы, хотя пройдут еще не очень скоро (Госдума – декабрь 2011; ЗакС Ленобласти – март 2012), но, почти гарантированно будут носить партийный характер. И результаты следующего цикла выборов 2011-2012 годов в регионе будут существенно зависеть, в том числе, от «контроля территории» партиями. А лучший способ этого контроля – через симпатизантов, то есть активных сторонников, склонных распространять свою позицию.

Судя по слухам, «ЕР» в Ленобласти поставила себе планку получить 80% мест (чтобы превзойти Петербург), однако это очень маловероятно.

Разумеется, оптимальный способ «завязать» на себя этих сторонников и повысить их профессионализм – стимулировать их участие в местных выборах с приданием их кампаниям партийного характера. Подробно взгляды авторов изложены в работе по партийному строительству (Бианки В.А., Серавин А.И. Психология и практика регионального партстроительства.- СПб, 2006. См. на сайтах bianki.ru и seravin.narod.ru).

Несмотря на столь очевидные и сильные доводы в пользу гиперактивной роли партий на предстоящих выборах, есть ряд оснований, которые приведут к тому, что партийный элемент в кампании будет не очень существенным.

1. Чем ниже уровень выборов, тем выше роль личности кандидата и ниже роль его партийной принадлежности. Кроме того, на мажоритарных выборах, пусть и на многомандатных, также выше влияние личности кандидата.
2. Существуют традиционные сложности с централизованным (на уровне региона) текущим партийным финансированием. Это объясняется низкой значимостью такого источника финансирования как партийные взносы рядовых членов. Финансирование же от бизнесменов регионального и федерального уровня носит целевой характер, а местные выборы в целом их обычно не очень интересуют, особенно с учетом сложной схемы избрания глав МО и глав администраций МО обоих уровней. Крупный бизнес интересуют преимущественно те МО, на которых расположены их предприятия.

3. Сложности кардинально усилились из-за кризиса. Денег мало практически у всех, многие компании – на грани банкротства.
4. «Единая Россия», в силу своего специфического характера «партии людей власти» будет стараться включить в свои списки максимальное число действующих глав МО и глав администраций. В свою очередь, главы МО и главы администраций во многих МО будут формировать свои списки по внепартийному принципу. Еще более склонны будут игнорировать партийную принадлежность кандидаты руководители предприятий – поддержка ими кандидатов, в том числе и финансовая, будет преимущественно определяться фактором личной лояльности. Во многом, руководству районов и поселений, также как и бизнесменам, будет даже проще управлять новым составом депутатов, если они будут представителями разных партий, так как в случае, если большинство в составе совета принадлежит одной партии, то эти депутаты будут вынуждены во многом подчиняться указаниям областного партийного руководства, а не своих непосредственных «кураторов» и спонсоров.
5. Кандидаты от «Единой России» будут стараться опираться преимущественно на свой личный авторитет или на авторитет глав поселений, глав районов, руководителей предприятий; при этом партийную принадлежность они будут стараться не выпячивать. Будет также заметная часть кандидатов от «ЕР», которая считает, что, раз они выдвинуты от «партии власти», то им ничего не надо делать (это также снизит общую активность партийной кампании).
6. «Областной» рейтинг «ЕР» не очень высокий (2 года назад на региональных выборах «ЕР» не набрала даже 40%). Даже в тех МО, в которых кандидаты от «ЕР» будут противостоять командам действующих глав администраций МО, они вряд ли будут вести чисто партийную кампанию.
7. Также снизит гипотетическую роль «ЕР» то, что реальная власть принадлежит не партии, а отдельным ее членам. Очевидно, что роль Путина в решениях «ЕР» на федеральном уровне существенно выше роли Грызлова, та же ситуация и ниже.
8. «Справедливая Россия», ЛДПР и КПРФ подвержены принципиальным сложностям с финансированием.
9. В целом, у всех партий крайне мало активно работающих местных, первичных партийных организаций.

Отметим, что следует ожидать большого числа скандалов, связанных с процессом выдвижения кандидатов от «ЕР» (в особо конкурентных МО – и от других партий) как в связи с вышеуказанной «раздробленностью» вертикали, так и с тем, что определенная категория лиц, знакомых (пусть и поверхностно) с руководством рег.отделений партий, главами районов, руководством области, будут активно «торговать местами». Отметим, что, чаще всего, такая практика заканчивается обманом и скандалом.

В Ленинградской области таких громких скандалов как, например, в Петрозаводске (на проходивших выборах мэра) или Санкт-Петербурге (история с главами Василеостровского и Фрунзенского районов; депутатом ЗакС Войтановским; кандидатом в МСУ Д.Б.Грызловым) ожидать сложно. Это связано с непрямым механизмом избрания на посты глав МО и глав администраций МО; а также с низким уровнем развития информационного пространства (почти везде – 1 или 2 районные газеты, всего 2 общеобластные газеты, отсутствие интереса у СМИ Петербурга к частным событиям Ленобласти).

Тем не менее, как в любой избирательной кампании, устоявшийся баланс влияния в области будет подвергнут испытаниям. Принципиально может обострить ситуацию уже неоднократно звучавшая в СМИ информация о возможной отставке губернатора Сердюкова. Хотя, без дополнительной «раскрутки» этой темы, она не будет влиять на выборы, так как уже много раз не подтверждалась.

Несмотря на перечисленные доводы, поясняющие, что партии не будут вести активной партийной кампании в области, мы надеемся на то, что стратегический подход

при принятии решений все же будет доминировать, и раздел 8 пособия авторов «организация регионального и районного штаба» будет ими востребован.

Для оценки возможного влияния партий на результаты выборов в МСУ, для каждого муниципалитета можно подсчитать результаты голосования по партийным спискам на выборах депутатов Законодательного собрания Ленобласти 2007 года в границах муниципальных образований (на сайте избирательной комиссии Ленинградской области <http://www.leningrad-reg.vyborgy.izbirkom.ru> можно посмотреть результаты по каждой УИК, расположенной на территории конкретного МО). Сравнив результаты выборов в ЗакС по партспискам по данному МО со среднеобластными, можно получить оценку специфики партийной ситуации в МО. Отметим, что такая специфика косвенно учитывает активность работы партии и кандидатов от нее на данной территории, но очень условно показывает перспективу результатов на местных выборах в силу отличающегося механизма организации кампании и психологии принятия решения избирателем.

Отдельной спецификой обладают многомандатные округа. Самое важное для определения того, как цель «победа» должна быть выражена количественно, в числе голосов, – четко понимать отличие ситуации многомандатных выборов и одномандатных. На многомандатных выборах, с учетом отсутствия партийных списков, избиратель может проголосовать за любой «набор» кандидатов, по числу мандатов, «разыгрываемых» на этом округе. Одномандатные выборы – столкновение личностей, многомандатные – столкновение команд (гипотетических – партийных).

Позволим себе упомянуть одну норму закона, описывающую исключение из этого механизма. В МО, где есть и округа с разным числом мандатов, на каждом округе избиратель имеет право голосовать только за минимальное из этих чисел количество кандидатов. То есть, если в МО есть 3 и 4 мандатные округа, то, хотя от одного из округов избирается 4 кандидата, избиратель может голосовать только за 3.

Хотя 61,6% округов в области являются одномандатными, по ним избираются только 25,4% депутатов (то есть четверть депутатов избирается по одномандатным округам, а $\frac{3}{4}$ – по многомандатным).

Самым распространенным способом попадания в местный совет является пяти мандатный округ (19,9% округов, 41,1% депутатов). Третье место по доле избранных депутатов занимают 10-мандатные округа (всего 3,6% от числа округов, но 14,8% от суммарного числа депутатских мандатов).

Доля голосов (%), необходимая для победы, зависит от:

- числа мандатов (чем больше мандатов – тем меньшая доля голосов нужна для победы);
- уровня конкурентности (чем выше конкурентность, тем больше кандидатов и меньше порог прохождения, следовательно, при высокой конкурентности ниже порог прохождения);
- типа поселения (сельское / городское / райцентр).

Соответственно, число голосов, необходимое для победы, зависит также еще и от числа пришедших на участки избирателей (явка в %, помноженная на число избирателей в округе).

Так как ситуация в каждом конкретном МО очень сильно варьируется по всем указанным параметрам, мы укажем лишь формулу для получения усредненного показателя установки кампании:

$$уст = /0,972/ - /0,015/ X / кол / - /0,082/ X / конк$$

Где «уст» - это установка, «кол» - это количество мандатов в округе, «конк» - индекс конкурентности ситуации в муниципалитете.

Расчеты, которые легли в основу указанной формулы основывались на среднем результате победителей прошлой кампании. Для вычисления формулы был использован

регрессионный анализ. Точность предсказания – 81,4% (ошибка более чем на 10% только в 12% случаев).

При этом для прогноза того, сколько следует набрать для победы, мы рекомендуем пользоваться таблицами, созданными нами на основе результатов выборов. В этих таблицах, в том числе, указаны следующие показатели: результат лидера (максимальный из победителей), средний результат победителей и порог прохождения (минимальный результат победителей). Отметим, что для одномандатного округа максимум, среднее и минимум совпадают.

Для многомандатных выборов следует ставить себе цель набрать хотя бы *среднее* число голосов, которое было на прошлых выборах у победителей. По явке также оптимально ориентироваться на показатели прошлых выборов, стараясь оценить изменение ситуации за 4 года.

Шиманович А.С. Информационная реальность как объект информационных войн.

Современная геополитическая обстановка все больше привлекает внимание исследователей к феномену «информационные войны». Появление нового вида мобильности — «информационной», переход к постиндустриальному обществу, в котором главной ценностью является «информация», существование таких СМИ, которые обладают неограниченным влиянием на аудиторию — все это обеспечивает наибольшую эффективность информационной войны по сравнению с другими видами борьбы.

Под информационной войной мы понимаем: комплексный и системный процесс целенаправленного воздействия непосредственно на информационную систему или опосредованно, через информацию, на информационную реальность противника.

В своем определении мы предложили в качестве «объекта» использовать некий новый конструкт: «информационная реальность». Чем вызвано введение этого термина?

Во-первых, в качестве объекта информационной войны, большинство исследователей совершенно справедливо выделяют сознание человека. Правда, возникает большая сложность в понимании самого сознания. В данном случае, этот термин подчеркивает важный момент: информационная война воздействует не на поведение, а на сознание, которое в свою очередь воздействует на поведение. Однако отношение между сознанием и поведением опять остается за гранью рассмотрения и вызывает большие споры.

Во-вторых, многие специалисты отмечают, что воздействие происходит не на индивидуальное сознание, а на коллективное, массовое. И опять отметим, что феномен массового сознания противоречив и очень сложен в построении моделей воздействия. А для нас важным является построение модели информационного воздействия.

В своей работе мы опираемся на принцип полионтичности как признание множественность миров и существования промежуточных реальностей.

Идея полионтичности не нова. Многие философы стояли на этой позиции. Например, в мировоззрении Фомы Аквинского сосуществуют душа мыслящая, душа животная и душа растительная.

Итак, мы предлагаем выделить некие 4 условные реальности:

- объективная реальность — мир вещей.
- субъективная реальность — мир естественных первичных образов.
- виртуальная реальность — мир моделей поведения.
- информационная реальность — мир искусственных образов.

Как можно заметить, в качестве объекта психологического воздействия мы выбрали информационную реальность. Данный термин иногда упоминается в научной литературе, но требует специального объяснения.

Существование двух первых реальностей отмечали многие философы и психологи (начиная с Платона). Виртуальная реальность тоже часто употребляемый термин. Но необходимо развести последние два понятия.

Руководитель Центра виртуалистики Института человека РАН Н.А. Носов, понимает виртуальную реальность как реальность, обладающую такими свойствами, как порождённость, актуальность, автономность, интерактивность (Носов, 2000). Из этого делаются следующие выводы:

1. Виртуальная реальность создается активностью другой реальности.
2. Виртуальная реальность существует «здесь и теперь».
3. Виртуальная реальность обладает своим временем и пространством и существует по своим законам.
4. Виртуальная реальность может взаимодействовать со всеми другими реальностями.

К чему приводит погружение человека в «виртуальную реальность»? К чему приводит использование автомобильных и иных тренажеров (которые являются примером виртуальной реальности)? Ответ на этот вопрос очевиден. Человек не усваивает символические характеристики виртуальной реальности, куда он погружается. Он усваивает модели поведения.

Символическое содержание он усваивает при погружении в другую реальность. Такой реальностью является информационная. Именно в этой реальности происходит формирование так называемых искусственных образов. Именно на эту реальность направлено воздействие информационных войн.

Из этого следует, что информационная реальность порождает виртуальную, так как человек, погружаясь в мир искусственно созданных образов, изменяет модели поведения. И здесь перед нами открывается модель воздействия информационных войн на поведение человека.

Информационная реальность настроена на поток, она непрерывна, как непрерывен поток информации. Она открыта, поэтому изменчива. Она едина, так как согласована, при рассогласовании происходит нарушение всей информационной реальности. Она дифференцирована, так как могут существовать полярные образы, или между ними могут находиться промежуточные.

Используя разработанные В.А. Ганзеном системный подход и пентабазис СПВЭИ, мы описали виртуальную и информационную реальность, соотнеся их характеристики с основными характеристиками (временем, пространством, энергией, информацией).

Рассмотрим соотнесение характеристик виртуальной и информационных реальностей с временными, пространственными, энергетическими и информационными характеристиками.

1. Актуальность. Актуальность – это существование во времени виртуальной реальности. Соответственно ее мы относим к категории «времени».

2. Порожденность. Порожденность – это привлечение энергии извне, из других реальностей, для создания виртуальной реальности. Совершенно очевидно соотнесение данной характеристики с категорией «энергия».

3. Автономность. Автономность – это существование виртуальной реальности относительно других реальностей. Это место виртуальной реальности среди других, то есть отражение некой пространственной структуры. Ее мы соотносим с категорией «пространство».

4. Интерактивность. Интерактивность – это взаимосвязь виртуальной реальности с другими реальностями. Это есть некий обмен информацией между реальностями.

Поэтому совершенно справедливо соотнести данную характеристику с категорией «информация».

5. Непрерывность. Непрерывность – это существование информационной реальности во времени. Здесь самое главное то, что информация – это поток, непрерывный во времени. Поэтому мы соотносим данную характеристику с категорией «времени».

6. Открытость. Открытость – это характеристика информационной реальности как системы, открытой для воздействия, которая получает энергию извне для своего существования, но и использует собственную энергию при перестройке образов. Это отражение информационной реальности в категории «энергия».

7. Согласованность. Согласованность – одна из самых важных характеристик. Согласованность означает некую пространственную целостность информационной реальности, согласованность ее внутренних элементов. При рассогласовании происходит разрушение информационной реальности, так как происходит хаотичное переструктурирование образов. Мы соотносим данную характеристику с категорией «пространство».

8. Дифференцированность. Дифференцированность – это характеристика информационной реальности как носителя информации. Это характеристика той самой информации, которая реализуется в данной реальности. Поэтому дифференцированность – это информационная характеристика.

Кроме того, совершенно очевидно, что информационная реальность выполняет функцию отражения и опирается на такие психические процессы как представления, мышление и речь, а виртуальная реальность регулирует поведение и опирается на мотивы, волю, действие. Субъективная реальность – это естественные образы, то есть перцептивные. А объективная реальность регулирует поведение человека через аффективную сферу человека, так как эмоции всегда предметны. В итоге мы получаем соотнесение данных четырех реальностей со структурой сознания по В.А. Ганзену.

Это соотнесение очень важно, так как оно позволяет разработать программу исследования. Так, мы исследуем воздействие на информационную реальность, соответственно – на образы представления.

В мае 2009 года нами было проведено экспериментальное исследование по изменению представлений о различных государствах как союзниках и противниках у студенческой молодежи Петербурга в процессе информационного воздействия. Исследование проводилось на кафедре политической психологии СПбГУ под научным руководством ст. преподавателя кафедры политической психологии, к.п.н. Самуйловой И.А.

Гипотеза исследования: у студентов в процессе направленного информационного воздействия происходит изменение представлений о том или ином государстве как о союзнике или противнике.

Методы исследования: семантический дифференциал с предметно специфичным набором шкал, методы математической обработки данных.

В исследовании приняли участие 100 студентов СПбГУ в возрасте от 18 до 25 лет следующих факультетов: психологический, исторический, филологический, восточный, менеджмента, юридический, экономический. Выборка была уравнена по полу. В результате формировались 5 групп по 20 человек каждая. Две группы экспериментальные. Три группы контрольные.

Испытуемым предлагалось оценить предложенные страны (Македония, Парагвай, Конго, США, Белоруссия) по предложенным шкалам семантического дифференциала. Шкалы семантического дифференциала были отобраны согласно полученным данным специального исследования. Основной контрольной группе предъявлялась просто новостная сводка, где не упоминались государства, оцениваемые испытуемыми. Далее двум контрольным группам предъявлялась общая информация (словарная статья, карта,

символика) о Парагвае и Македонии соответственно. Двум экспериментальным группам предъявлялся специально составленный информационный материал о Парагвае и Македонии. В материалах о Парагвае мы использовали такие распространенные методы информационного воздействия, как критика в отношении России, нелицеприятные высказывания, эффект ореола (встреча с человеком, который негативно воспринимается в стране, в нашем случае с Ющенко). В материалах о Македонии использовались следующие методы: выступление от имени президента, как поддержка России в вопросах внешней политики (признание независимости Южной Осетии и Абхазии). Отбор именно этих двух стран был продиктован тем, что об этих странах четких представлений как о союзниках и противниках нет, поэтому проследить их изменение в процессе информационного воздействия легче. После этого процедура оценки стран повторялась. Условия проведения эксперимента были построены так, чтобы испытуемые в процессе заполнения не могли получить какую-либо другую информацию.

В результате в представлениях были выделены 2 фактора, которые объясняют 71,2% общей дисперсии.

Первый фактор (40,9% общей дисперсии) был назван «враждебность», и в него были включены следующие шкалы: друг, противник, оппонент, злой, представляющий угрозу, агрессивная политика. То есть этот фактор полностью соответствует тем результатам, которые мы получили в предыдущем исследовании.

Второй фактор (30,3% общей дисперсии) был назван нами «подчиненность». Наибольшую факторную нагрузку в нем имели следующие шкалы: незначимый, подчиняющийся, активный, сильный.

Далее нами проверялась гипотеза на нормальность распределения. Не было найдено статистически значимых отличий в оценке государств по этим факторам от нормального распределения.

Далее нами проверялась гипотеза о различиях оценок до и после предъявления. В итоге было получено статистически достоверное отличие ($p < 0,05$) в контрольной группе № 1 в оценках: по фактору «подчиненность» Парагвая; в экспериментальной группе №1 в оценках: по обоим факторам Парагвая; в экспериментальной группе №2 в оценках: обоих факторов Македонии. В контрольной группе различий выявлено не было.

При простом предъявлении новостной сводки образы представлений о государствах как союзниках и противниках не изменяются. Изменение представлений о подчиненности Парагвая при предъявлении общей информации о данном государстве можно объяснить восприятием карты. Представление о том, где именно находится данное государство и есть ли у него выход к морю, часто отсутствуют. В тоже время на карте был отмечен и малый размер государства, и отсутствие выхода к морю. Это могло повлиять на изменение представлений о нем как подчиненном государстве. В то же время представления о нем как о противнике не изменяются. При предъявлении справочной информации о Македонии образы представления также не изменяются.

Но при предъявлении направленных материалов происходит изменение образов представлений о государствах, о которых мы предъявляли информацию испытуемым. Так изменяются представления о Македонии и Парагвае как о союзниках или противниках, и как о подчиняющихся или самостоятельных государствах. Заметим, что изменение происходит согласованно: при уменьшении оценок по фактору «враждебности» снижаются оценки по фактору «подчиненности» и наоборот.

Из результатов проведенного исследования нами были сделаны следующие выводы:

1. В процессе направленного информационного воздействия происходит изменение представлений о государствах как о союзниках и противниках.
2. Эффективно как направленное информационное воздействие для создания представления о государстве как союзнике, так и направленное на создание представлений о стране, как противнике.

3. В процессе информационного воздействия изменяются представления о государстве сразу по нескольким факторам.

Васильев А.Л. Особенности юношеского восприятия политической власти (на примере центральной и местной власти).

Радикальные политические, экономические и социальные изменения, происходящие в нашем обществе, требуют от личности осознания их необратимости и значительности, а также их оценки и выработки наиболее адаптивных стратегий поведения. Одним из существенных изменений является привлечение граждан к активному участию в становлении гражданского общества, в частности, в форме участия в политических выборах различного уровня. В связи с этим возникает необходимость в анализе процессов восприятия политических лидеров различными слоями населения. Оценка личностью политической власти является одним из сложнейших процессов, определяющих взаимоотношения политической системы и личности.

Как отмечают ряд исследователей (Шестопад Е.Б., Гозман Л.Я.), образ власти является комплексным психологическим феноменом, в котором предлагается выделять такие составляющие, как образ власти, существующий в данный момент (реальная власть) и образ власти идеальной, нормативный образ (власть, какой она может быть). Во всех этих составляющих наиболее значимыми характеристиками оказываются личностные особенности олицетворяющих их лидеров. Акцентирование внимания электората на личностных особенностях политиков связано, с одной стороны, с несформированностью, противоречивостью политического сознания граждан, а с другой, усугубляется отсутствием четких идеологических программ у самих лидеров (Дилигенский Г.Г., Юрьев А.И.).

В свою очередь, современная молодежь – политическое будущее нашей страны. Через несколько лет именно молодежь будет определять облик России в целом. Как будет жить наша страна, кто будет ею управлять, будет ли и дальше продолжен курс по активной поддержке социальных и экономических преобразований? Ответы на эти вопросы во многом зависят от активной гражданской позиции молодых. Поэтому своевременно и актуально, 2009 год по указу президента Российской Федерации Медведева Д.А., будет проведен под эгидой Года молодежи, целью которого является развитие творческого, научного и профессионального потенциала молодежи, ее активного привлечения к проведению социально-экономических преобразований в стране, воспитания чувства патриотизма и гражданской ответственности у молодых людей. В силу вышесказанного, считаем тему данной работы актуальной, отвечающей социальным запросам и потребностям науки.

Целью нашей работы выступило изучение особенностей юношеского восприятия политической власти, специфики образов идеального и типичного политического лидера в представлениях современной молодежи на примере центральной и местной власти.

В качестве методологической основы исследования выступили:

- две исследовательские тенденции, отражающие роль обывателя в политическом процессе: представление о гражданине как об объекте – как о «простом винтике политической машины» (Easton D., Almond G., Verba S., Greenstein F.) и как активном субъекте, сознательно участвующем в политической жизни общества на основе глубинных потребностей и убеждений (Renshon S., Fiorina M., Flanigan W., Zingale N.);
- положение отечественной психологии о субъекте как носителе предметно-практической деятельности и познания (индивид или социальная группа), источнике активности, направленной на субъект (Рубинштейн С.Л., Гальперин

П.Я., Леонтьев А.Н., Анцыферова Л.А., Брушлинский А.В., Абульханова-Славская К.А.);

- «концепция прототипов» Кэнтора Н. и Мишель У., согласно которой социальная реальность категоризируется и выделяются абстрактные образы и наборы черт, характеризующие так называемые чистые случаи или прототипы, с которыми впоследствии сопоставляются образы конкретных политиков.

При проведении исследования были использованы следующие методы:

1. Критический анализ литературы.
2. Метод семантического дифференциала Осгуда Ч.
3. Метод ранжирования, заимствованный из практического руководства Алексева П.А., Алексеевой Л.Ф.
4. Методика «Неоконченные предложения», разработанная Саксом и Леви, подвергшаяся авторской адаптации, отражающей цели и задачи исследования.
5. Метод контент-анализа.
6. Методы математической статистики (G-критерий знаков и коэффициент ранговой корреляции Спирмена).

В выборочную совокупность вошли студенты Братского филиала Иркутского государственного университета в количестве 60 человек, из которых 30 – юноши и 30 – девушки. Возраст участников исследования от 19 до 23 лет. Специальности испытуемых – психология, журналистика, прикладная информатика, социально-культурный сервис и туризм.

На основании проделанной работы мы обнаружили, что большинство юношеской части электората относится к политической власти индифферентно, безразлично, среднее число респондентов относится к ней негативно, наименьшее число респондентов – положительно. Причем такая тенденция присуща как по отношению к политическому процессу, в общем, так и к центральной или местной политической власти, в частности.

По результатам методики семантического дифференциала было обнаружено, что для юношеской части электората в образе идеального политического лидера важно, чтобы присутствовали следующие показатели: активность, организованность, ум, уверенность. Чуть менее значимыми для юношеской аудитории оказались такие качества в образе идеального политического лидера, как четкость, громкость, последовательность, упорядоченность, польза, энергичность, прагматичность, воля, серьезность, живость, сила, бодрость, оптимистичность, способность вызвать интерес, соответствие современности. По категории «доступный – недоступный» в образе идеального политического лидера молодежь занимает больше нейтральную позицию, что говорит о том, что идеальный политический лидер не должен быть до конца доступен электоральным массам. Также были выявлены критерии с промежуточной позицией: «красивый – безобразный», «сложный – простой». Испытуемые пришли к мнению, что образ типичного политического лидера, представителя центральной власти демонстрирует умного, серьезного, уверенного человека. Типичный политический лидер, по мнению молодежи, в меру активный, организованный, последовательный, энергичный, мыслящий, волевой, живой, сильный, бодрый, оптимистичный, интересный и современный, но не достаточно внешне привлекательный. В целом юношеская аудитория оценивает представителей центральной власти положительно. Образ типичного политического лидера, представителя центральной власти далек от образа идеального политического лидера и отстает от него практически по всем показателям. Так, он демонстрирует себя менее четким, активным, организованным, современным, умным, бодрым, оптимистичным, волевым, сильным, гораздо менее интересным и доступным. Единственным показателем, по которому типичный представитель центральной власти соответствует идеальному политическому лидеру, является серьезность. Кроме этого, типичный представитель центральной политической власти показал превосходство над идеальным образом по параметру «сложный – простой», что может говорить о том, что молодежь хочет видеть у

власти более простой, и от того более доступный образ. В образе типичного представителя местной власти в меру представлены все категории, предложенные методикой. Он воспринимается достаточно активным, организованным, умным, полезным, энергичным, волевым, серьезным, живым, сильным, бодрым, оптимистичным, уверенным. Все параметры входят в зону средних положительных значений, не задевая крайних позиций. Максимально высоко представителя местной политической власти молодежь оценила по параметру «мыслящий – эмоциональный», минимально по – «красивый – безобразный». В общем, юношеская аудитория воспринимает типичного представителя местной политической власти положительно. Тенденция в отношении местной политической власти такая же, как и в отношении – центральной. Образ типичного представителя местной политической власти уступает практически по всем показателям образу идеального политического лидера, причем по некоторым параметрам, весьма существенно. Единственным параметром, по которому типичный представитель местной власти превосходит идеального политического лидера – «сложный – простой». Таким образом, типичный политический лидер, причем как представитель центральной, так и представитель местной политической власти, не соответствует образу идеального политического лидера. Однако, результаты, полученные с помощью метода ранжирования, показывают обратную картину, демонстрируя соответствие типичного политического лидера требованиям юношеского электората к идеальному политическому лидеру. Причем соответствует как типичный представитель центральной власти, так и местной. Данное противоречие между результатами методик связано, по нашему мнению, с различными категориями оценки политических лидеров. Это говорит о том, что на оценку электоратом политических лидеров во многом играет система категорий, в которых происходит оценка.

Кроме этого было выявлено, что представления о типичных политических лидерах, представителях центральной и местной власти в юношеской части электората не имеет значимых различий, причем вне зависимости от того соответствует ли типичный политический лидер представлениям об идеальном политическом лидере или нет. Юношеский электорат не проводит существенных различий между местным и центральным политическим лидером.

Научно-практическая значимость работы находит свое отражение в возможности применения полученных данных для стимуляции молодежной среды к политической активности, пробуждения их интереса к политической жизни страны и формирования возможностей для политической самореализации граждан, что может выступить одним из важных факторов, формирующих адекватные ожидания в отношении политической власти. Это в свою очередь может способствовать развитию в нашей стране гражданского общества.

Ермолин А.В. к.п.с.н.; Плехова И.А. Особенности исторической памяти студентов.

Историческая память является одной из главных составляющих осознания человеком своего собственного «Я», своей семейной родословной, истории своего народа, а также понимания своего места, своей роли в культурной и национальной общности страны, и даже во всем мире. Роль исторической памяти студентов весьма велика в формировании патриотического отношения к своей стране, к своей Родине, особенно в наши тяжелые времена, когда духовные ценности молодых людей уходят на второй план, выдвигая на первое место ценности материальные, когда создается новая политическая система общества, в формировании которой большинство студентов не желает принимать участия. Особо значимой данная проблема выглядит на фоне беспрецедентных попыток

фальсификации исторических событий, формирования извращённого, ложного исторического менталитета с целью демонизации имиджа России.

Для определения содержательного наполнения исторической памяти современной молодёжи нами было проведено исследование группы студентов 1 - 5 курсов гуманитарного и электротехнического факультетов ВятГУ (n=115) с помощью авторской методики, состоящей из 25 вопросов, 10 из которых являются закрытыми, 15 – открытыми. Содержательно вопросы разделены на следующие разделы: отношение к событиям истории России, отношение к историческим персонажам, отношение к своей родословной, отношение к истории своего родного города, отношение к историческим знаниям. Это деление помогает респондентам лучше ориентироваться при ответе на вопросы. Данное исследование проводилось анонимно, респонденты указывали лишь свой пол и курс. Гипотеза – в процессе социализации личности студента при обучении в вузе наблюдаются существенные качественные изменения исторической памяти в отношении событий прошлого мирового, национального и регионального масштабов, определяющие их политически нейтральный менталитет.

1. Отношение студентов к историческим событиям.

Наибольшее количество выборов из перечня самых важных событий в истории России получила Великая Отечественная война (75,4% студентов младших курсов, 77,6% студентов старших курсов), крещение Руси (57,9% студентов младших курсов, 51,7% студентов старших курсов) и Октябрьская революция (26,3% студентов младших курсов, 43,1% студентов старших курсов). Распределение представлений о символах гордости разделились следующим образом: студенты младших и старших курсов отдали первое и второе место соответственно победе в Великой Отечественной войне (59,6% студентов младших курсов, 65,5% студентов старших курсов), достижениям в космонавтике - полету Гагарина в космос (33,3% студентов младших курсов, 63,8% студентов старших курсов). Третье место у студентов младших курсов занимают спортивные достижения (21,1%), у старших курсов изобретение радио Поповым (20,7%). Распределение представлений о событиях в истории России, вызывающих чувство горечи и стыда, распределились следующим образом: младшие курсы видят в репрессиях советского периода (21,1%), в Октябрьской революции (21,1%), в Русско-Японской войне (12,3%) самые печальные события за всю историю России. Старшие курсы, как и младшие, видят события, вызывающие чувство горечи и стыда, в репрессиях советского периода (32,8%), дополняя их опричниной Ивана Грозного (20,7%), которая, как известно, тоже покалечила миллионы судеб людей. Стоит отметить, что 1/5 опрошенных студентов (19,3% студентов младших курсов и 20,7% студентов старших курсов) считают, что таких событий вовсе нет, так как историей своей страны нужно гордиться, а «не плакать о ней». Судя по этим данным, историческую гордость у большинства студентов вызывают, прежде всего, победа над фашизмом и достижения в сфере отечественной науки и техники, в сфере спорта. Что касается отрицательных представлений об историческом прошлом, то они, в основном, связаны с политическими событиями, покалечившими судьбы миллионов человек и ослабившими страну и государство. Октябрьская революция 1917 году сегодня вызывает много споров не только у исторических исследователей, но и у обычных граждан России. Это доказывают результаты опроса, по которому студенты младших и старших курсов на первом месте в Октябрьской революции видят стихийное стечение обстоятельств (47,4% студентов младших курсов, 39,7% студентов старших курсов), а дальше мнения младших и старших курсов разделились. Так, младшие курсы склонны видеть в Октябрьской революции заговор большевиков (19,3%) и переворот, совершенный кучкой интеллигенции (8,8%), а старшие курсы - первую успешную социалистическую революцию (22,4%) и народное восстание (15,5%).

2. Место России в мире и отношение студентов к своей стране.

В понятии «великая мировая держава» студенты младших курсов видят патриотизм народа (63,2%), оборонную мощь страны (63,2%), большое влияние на мировую

экономику и торговлю (61,4%), а старшие курсы – большое влияние на мировую экономику и торговлю (67,2%), оборонную мощь страны (58,6%) и высокий уровень культуры, духовного развития России (51,7%). Студенты младших и старших курсов видят Россию в качестве великой мировой державы после победы в Великой Отечественной войне (64,9% студентов младших курсов, 79,3% студентов старших курсов), в годы правления Петра I (56,1% студентов младших курсов, 53,4% студентов старших курсов) и после Отечественной войны 1812 гг. (38,6% студентов младших курсов, 29,3% студентов старших курсов). Печально, что лишь пятая часть опрошенных (22,8% студентов младших курсов и 25,9% студентов старших курсов) считают, что Россия является мировой державой в настоящее время. Современное состояние России студенты оценивают по-разному. Так, они склонны считать, что нынешнее состояние России заслуживает и гордость, и горечь одновременно (45,6% студентов младших курсов и 55,2% студентов старших курсов). Зато, студенты младших курсов испытывают по отношению к России больше гордости (29,8%), чем горечи (12,3%), а старшие курсы – больше горечи (19%), чем гордости (15,5%). Несмотря на такое отношение к сегодняшней России, большинство студентов заявило, что считают себя патриотами России (это 77,2% студентов младших курсов, 79,3% студентов старших курсов). Под понятием «патриотизм» они подразумевают любовь к Родине, преданность своей стране (64,9% студентов младших курсов, 84,5% студентов старших курсов), уважение к истории страны и памяти народа (59,6% студентов младших курсов, 72,4% студентов старших курсов). Кроме этого, студенты младших курсов считают, что «патриотизм» - это готовность к самопожертвованию ради своей страны (56,1%) а студенты старших курсов – бережное отношение к культуре своего народа (62,1%).

Интересно отношение и к ходу истории, к желанию его изменить. Большинство студентов (56,1% студентов младших курсов, 60,3% студентов старших курсов) ничего бы не хотели изменять, так как то, что было – то прошло. Они уверены, что жить нужно сегодняшним днём, творя добро на пользу своего близкого и далекого будущего. Но есть студенты, которые считают, что, если бы была такая возможность, то они бы обязательно изменили ход некоторых событий, таких как Октябрьская революция (7% студентов младших курсов, 6,9% студентов старших курсов), распад СССР (3,5% студентов младших курсов, 8,6% студентов старших курсов). Кроме этих событий, студенты младших курсов хотели бы поменять перестройку и современную политику России (по 7%), а студенты старших курсов – свержение Николая II (5,2%).

3. Отношение студентов к историческим персонажам.

Студенты наиболее высоко оценивают деятельность Петра I (68,4% студентов младших курсов, 84,5% студентов старших курсов), который оказал огромное влияние на формирование государственности России, на ее превращение в великую мировую державу. Далее следует В.В. Путин (45,6% студентов младших курсов, 39,7% студентов старших курсов), который смог вывести страну на новый виток развития. Здесь, стоит отметить, что студенты заинтересованы современным развитием страны, деятельностью первых лиц государства. На третьем месте по значимости положительного вклада в историю России у студентов младших курсов оказался Александр II (29,8%), а у студентов старших курсов – И.В. Сталин (37,9%).

По наибольшему отрицательному вкладу в историю России у студентов на первом месте Б. Н. Ельцин (36,8% студентов младших курсов, 39,7% студентов старших курсов). Второе место и третье место получил И. В. Сталин, имя которого многие связывают с беспочвенными репрессиями (это 31,6% студентов младших и 25,9% старших курсов). В тройку деятелей, внесших наибольший отрицательный вклад, также вошли В.И. Ленин (22,8%), на которого большинство студентов возлагают ответственность в совершении Октябрьской революции и М.С. Горбачев (32,8%). Интересный факт, что имя И. В. Сталина было названо 37,9% студентов старших курсов в качестве деятеля, внесшего наибольший положительный вклад, и 25,9% студентов тех же старших курсов в качестве

деятеля, внесшего наибольший отрицательный вклад в историю России. Так, отвечая на вопрос о положительном вкладе политических деятелей, студенты ассоциировали имя Сталина И. В. с победой в Великой Отечественной войне (33,3% студентов младших курсов и 46,6% студентов старших курсов), а на вопрос о об отрицательном вкладе вспоминали Сталина и связанные с ним бесчеловечные репрессии (64,9% студентов младших курсов и 46,6% студентов старших курсов).

Наибольший положительный вклад среди военных деятелей внесли такие знаменитые люди, как Суворов А.В. (63,2% студентов младших курсов, 74,1% студентов старших курсов), Кутузов М. И. (45,6% студентов младших курсов, 60,3% студентов старших курсов) и Жуков Г.К. (59,6% студентов младших курсов, 58,6% студентов старших курсов). Среди учёных первое и второе место получили Менделеев Д. И. (52,6% студентов младших курсов, 79,3% студентов старших курсов) и Ломоносов М.В. (40,4% студентов младших курсов, 62,1% студентов старших курсов). На третьем месте у студентов младших курсов оказался Попов А.С. (29,8%), а у студентов старших курсов – Сахаров А. Д. (29,3%).

Таким образом, в исторической памяти студентов сохраняются и развиваются представления о героических событиях в истории России, о событиях, которые влекут за собой повсеместные изменения, как во внутренней, так и во внешней политике государства, о выдающихся деятелях науки, техники и о ярких достижениях страны. Эти представления сказываются на жизни современного общества, они способствуют развитию патриотизма среди молодежи. Но наряду с яркими положительными картинками историческая память студентов хранит и картины кровавых войн не только России с другими странами, но и внутренних войн, которые возникали в борьбе за власть, репрессий, которые повлекли за собой огромное количество человеческих жертв. Эти воспоминания, наоборот, отталкивают студентов от своей родной страны, от родного государства, стирают их национальные чувства, гордость за свою страну и любовь к ней и ее гражданам.

4. Отношение к своей родословной, к истории своего родного города.

42,1% студентов младших курсов и 44,8% старших заявили, что в их семьях составлялась родословная, и что они могут назвать ФИО своих родственников от 3 до 6 колена. Больше половины опрошенных сознались, что в их семье родословная не составлялась (50,9% студентов младших курсов, 53,4% студентов старших курсов). Причинами плохого знания своей семьи студенты посчитали то, что у них нет ни заинтересованности, ни мотивации (21,1% студентов младших курсов, 41,4% студентов старших курсов), нет возможности изучения своей родословной (7% студентов младших курсов, 13,8% студентов старших курсов). Большинство студентов призналось, что у них нет фамильных реликвий (68,4% студентов младших курсов, 84,5% студентов старших курсов). Зато очень интересны ответы тех студентов, у которых фамильные реликвии имеются. Среди этих фамильных ценностей коллекции монет, медная монета Екатерины II, фотоальбомы, бабушкины веретена, хронометр, Библия, икона Божьей матери, прабабушкин сарафан, медали и ордена.

В последние годы в нашем городе развернулась дискуссия по вопросу о возвращении г. Кирову исторического названия – Вятка. Чтобы принять правильное решение, определить свою позицию в данном вопросе, нужно знать историю названия города, в котором ты живешь. Так, 78,9% студентов младших курсов и 87% студентов старших курсов сказали, что знают историю своего родного города. То есть, можно сказать, что, отвечая на следующий вопрос «Вятка или Киров?», они давали осознанный ответ. За возвращение городу прежнего названия выступили 12,3% студентов младших курсов и 22,4% старших курсов, считая, что «Вятка» - это историческое название города, а С.М. Киров не такой уж выдающийся человек, чтобы его именем называть город, в котором он не только не родился, но даже ни разу не бывал. За сохранение названия «Киров» выступили 68,4% студентов младших курсов и 69% старших курсов,

обосновывая это тем, что на переименование города уйдет огромное количество денежных средств, и лучше потратить эту сумму на более разумные цели. Кроме этой, названы и многие другие причины.

5. Отношение к историческим знаниям.

На вопрос «Удовлетворяет ли Вас качество преподавания истории в школе?» большинство студентов ответило, что качество преподавания истории их удовлетворяет (71,9% студентов младших курсов, 63,8% студентов старших курсов). Те, кого не удовлетворяло преподавание истории в школе, назвали несколько причин: это нехватка знаний, наглядности, времени, систематизации знаний, практики, объективности и достоверности, альтернативных взглядов, а также неопытности учителей и отсутствия заинтересованности учителя в своем предмете. Наиболее интересными темами в истории России для студентов младших курсов являются «Жизнь и деятельность царей, ханов, князей» (38,6%), «История советского общества» (29,8%) и «Жизнь, быт, обычаи, традиции, устное творчество» (28,1%), а для студентов старших курсов – «Жизнь выдающихся ученых и полководцев» (39,7%), «История древней Руси, становление централизованного государства» (39,7%) и «Жизнь и деятельность царей, ханов, князей» (37,9%). Свои исторические знания студенты оценивают следующим образом. По истории России студенты оценивают себя, в первую очередь, на «4» (56,9% студентов младших курсов, 67,2% студентов старших курсов), затем на «3» (28,1% студентов младших курсов, 22,4% студентов старших курсов) и на «5» (12,3% студентов младших курсов, 8,6% студентов старших курсов). На «2» оценивает себя лишь один студент старшего курса. По степени эрудиции в области всеобщей истории большинство студентов оценивают себя на «3» (57,9% студентов младших курсов и 62,1% студентов старших курсов), затем на «4» (26,3% и 24,1%) и на «2» (8,8% и 13,8%). На «5» оценивают себя лишь 4 студента младших курсов (7%).

Таким образом, результаты исследования показали возрастную динамику отношения студентов к историческим личностям, фактам, процессам, явлениям, закономерностям в связи с процессом их социализации в вузе, приобретением новых политических ориентаций, знаний и просто политического обывденного опыта. Можно сделать вывод, что с возрастом студенты делают упор на значимость событий и личностей, которые своим существованием играют огромную роль в истории своего государства. Кроме этого, с возрастом студенты менее критично начинают относиться к тем или иным событиям, имеют более сдержанную, нейтральную точку зрения. Именно поэтому, у них преобладает относительно нейтральное отношение к современным политическим реалиям, они не склонны быть ни оптимистами, ни пессимистами по отношению к истории России, и остаются аполитичными субъектами на основе индифферентной исторической памяти.

Кудряшова М. Представление о государственной символике как элементе образа государства.

В исследованиях Свешниковой Н.О. обнаружено, что государственная символика имеет сильную смысловую нагрузку при формировании образа государства. Это информация о государстве, которая находится в подсознании человека. Именно поэтому крайне важно изучать представление о государственной символике у жителей страны. Особенно актуально изучение представления о государственной символике у молодежи, так как политические деятели находятся в постоянном поиске путей развития общества, и одним из таких путей является развитие патриотических идей у молодого поколения.

Государственная символика складывалась в течение многих веков, поэтому она непосредственно связана с историческим и культурным наследием России. Флаг и герб

являются для человека символическим представлением о своей стране. Оно формируется посредством воспитания, обучения, социализации. Человек осознает свою принадлежность к стране, когда с детства видит проходящие под символикой страны заседания, международные переговоры, крупные спортивные события. Образ государства, имеющийся у граждан страны, является также характерной особенностью его имиджа.

На кафедре политической психологии факультета психологии СПбГУ нами под руководством доцента Свешниковой Н.О. было проведено исследование, целями которого было изучить историю государственной символики Российской Федерации, понять какой она несет в себе смысл, а главное, как она воспринимается молодежью 18-30 лет и есть ли связь между их представлениями о родине, государстве и России и их представлениями о наглядной государственной символике. Выборка для данного исследования составила 35 человек в возрасте от 18 до 30 лет, имеющих высшее образование или получающих его в данный момент. Для проверки того, что эти люди имеют сложившуюся жизненную позицию и не индифферентны по отношению к своей стране, был использован тест смысложизненных ориентаций (СЖО), разработанный Д.А. Леонтьевым, и опросник черт национального характера – методика Свешниковой Н.О. и Ананьевой Е.А. Для выявления связи между представлениями молодых людей о родине, государстве и России и о наглядной государственной символике Кудряшовой М.А. и Свешниковой Н.О. была разработана методика, включающая в себя четыре части:

1. Определение понятий Россия, Родина и государство;
2. Приведение ассоциаций к изображению государственного герба и флага РФ;
3. Приведение ассоциаций к 25 цитатам на тему родины, выбранным из летописных произведений и поэзии XIX века;
4. Распределение этих 25 цитат по трем категориям: относящимся к прошлому, настоящему и будущему.

По результатам СЖО было выявлено, что респонденты имеют высокий уровень осмысленности жизни. Их жизнь не проходит бесцельно, она насыщена интересными событиями. Респонденты показали стремление к самореализации и уверенность в том, что они могут сами управлять своей судьбой.

Полученные результаты по опроснику черт национального характера показали, что респонденты считают свою страну особенной и богоизбранной и, в общем, имеют позитивное отношение к ней. При этом они не проявили яркого предпочтения родному языку и отрицания других языков. Также выяснилось, что очень немногие поддерживают идею о стремлении к абсолюту.

При математической обработке результатов теста СЖО и опросника черт национального характера был использован критерий двусторонней корреляции ро-Спирмена. В результате были выявлены значимые корреляции на уровне 0,05 и 0,01. Была выявлена взаимосвязь между всеми показателями смысла жизни. Что касается значимых корреляций внутри опросника черт национального характера, то они показали, что человек, хорошо относящийся к государству, считает это государство и себя как его гражданина богоизбранным и наоборот. Пространственная экспансия и российская экспансия были восприняты почти как идентичные понятия, при этом с российской экспансией также связано предпочтение родного языка и ориентация на первое лицо государства. Также была выявлена закономерность, что чем больше человек стремится достичь совершенства, тем реже он идет на риск, а соответственно, чаще просчитывает свои шаги, чем уповает на удачу и свою интуицию.

Корреляции характеристик между результатами двух тестов показали, что чем старше люди из выборки, тем больше они склонны доверять своим моральным инстинктам, а не следовать порой абсурдным законам. Кроме того, выяснилось, что люди, считающие, что они сами творят свою судьбу и несут ответственность за свои поступки, уверены в том, что и их страна является сильной, значимой и самодостаточной.

При обработке авторской методики было получено большое число ассоциаций, данное на 25 цитат о родине, но благодаря повторяемости и синонимичности, их число удалось сократить до 120 и распределить по 12 семантическим гнездам:

1. Корни человека
2. Патриотические чувства
3. Защита родины
4. Идеалы
5. Предопределенность
6. Тяжкая доля
7. Православность
8. Родные просторы
9. Образ России через исторические персоналии
10. Образ России через исторические события и явления
11. Образ России через фольклор
12. Глава государства.

В результате исследования получилось, что большая часть респондентов (80%) упомянула при описании России слова, связанные с корнями человека, его исторической принадлежностью. Также неоднократно в качестве ассоциаций были упомянуты слова, определяющие патриотические чувства (у 71% респондентов). Кроме того, для 66% опрошенных Россия ассоциируется с родными просторами. Почти 100% респондентов указали, что Родина для них это дом, семья, Россия-матушка, а также высшая ценность, которую необходимо защищать.

Понятие государства для большинства респондентов – это его правовое определение, связанное с первым лицом государства, его властными полномочиями. Кроме того, респонденты отметили, что государство служит защитником своих граждан.

Судя по разнообразию ответов, наглядная государственная символика вызвала у респондентов наиболее сильные эмоции. Можно отметить, что герб оценивался людьми более позитивно и ярко, в то время как флаг часто ассоциировался у опрошенных с понятием тяжелой доли. Вероятно, это можно объяснить тем, что исторически герб более близок русскому народу, чем флаг, и имеет более глубокие корни.

Изображение герба РФ всколыхнуло у респондентов патриотические настроения, подчеркивающие значимость Родины. Также герб часто ассоциировался у испытуемых с историческими персоналиями и событиями, что показывает его большое историческое значение.

Изображение флага РФ вызвало у респондентов наиболее противоречивые эмоции, но в их ответах часто проявлялось состояние предопределенности, наряду с воспоминаниями о родных просторах.

При обработке результатов четвертой части методики выяснилось, что большую часть цитат люди склонны относить к прошлому. Возможно, испытуемым было сложно отгородиться от того, что данные цитаты взяты из классических произведений, написанных более 100 лет назад, таких как стихотворения и поэмы Пушкина А.С., Тютчева Ф.И., Есенина С.А., Некрасова Н.А. и летописных произведений, которые почти в 100% случаев были отнесены респондентами к прошлому. К настоящему испытуемые были склонны относить цитаты о любви к родной стране (например, взятые из поэмы С.А. Есенина «Русь»), а к будущему – цитату из известнейшего стихотворения А.С. Пушкина «К Чаадаеву». Это говорит о том, что респонденты не видят настоящее в негативном свете, и в будущее смотрят с надеждой.

Таким образом, на нашей выборке мы выяснили, что наглядная государственная символика действительно является значимой для молодых людей в возрасте от 18 до 30 лет. Она вызывает ассоциации, схожие с ассоциациями, возникающими при прочтении цитат о Родине. Для большинства респондентов герб это что-то родное и близкое. Флаг был воспринят либо индифферентно, либо даже с негативной окраской, и вызвал

ассоциации разобщенности и навязанности. Для молодых людей флаг ассоциируется со временами перестройки, причем некоторые даже писали фамилию первого президента России Б.Н. Ельцина в качестве ассоциации с флагом.

Результат проведенного пилотажного исследования показал, что государственная символика Российской Федерации исторически близка молодежи и имеет глубокий смысл, поэтому человеку легко ассоциировать ее с собой, осознавать ее важность. А это в свою очередь означает то, что молодые люди не теряют связи со своими корнями и идентифицируют себя и государство, в котором они живут.

Резников Е.Н. д.п.н., проф. Нравственно-психологические типы личности русских в настоящее время.

Для выявления психологического облика русских было опрошено более 750 респондентов, из числа русских, проживающих в Костромской области, но после «отбраковки» для математической обработки было использовано 610 анкет. Выборка включала респондентов из всех 23 районов области (она учитывала возрастной, социальный и гендерный подходы). После анализа ценностных ориентаций русских (в городе и сельской местности) из 56 ценностей-целей были взяты 4 наиболее фундаментальные из них, определяющие стратегию личности в общественной и экономической жизни российского общества – «Национальное чувство», «Свобода», «Стремление зарабатывать деньги нечестным путем» и «Вера в Бога». Выбор ценностей определялся тем, что каждая ценность, по нашему мнению, представляет определенный тип личности.

Используя коэффициент ранговой корреляции Спирмана, нами были выявлены корреляционные связи между названными выше ценностями с остальными 55 ценностями-целями. Для составления типа личности использовались корреляционные связи со всеми ценностями-целями русских на уровне $p < 0,05$. Таким образом, у нас получилось, что каждому типу личности соответствуют определенные ценности-цели. Для надежности для каждого типа личности мы сравнивали результаты корреляционного анализа по городской и сельской выборкам и выбирали те корреляции, которые проявлялись в обеих выборках. Последовательно рассмотрим полученные результаты и проинтерпретируем их.

1. Результаты анализа коэффициента ранговой корреляции Спирмана между ценностью «Национальное чувство» со всеми ценностями-целями. Проявление «Национального чувства» предполагает гражданско-патриотическую позицию личности. Для данного типа могут быть присущи достаточно высокие «Нравственно-психологические ценности», он (она) является хорошим семьянином, в «Семье соблюдаются национальные традиции» и личность «Оказывает взаимную поддержку представителям своей национальности». Работа ему (ей) по душе и он (она) заботится о повышении своего профессионализма. Из ценностей «Материально обеспеченной жизни» корреляционная связь только с «Наличием квартиры», «Наличием стабильной, хорошо оплачиваемой работы» и «Наличием сбережений, вкладов и акций» (на «черный день»). Вполне естественно, что у данного типа личности имеются связи со многими ценностями шкалы «Расширение кругозора» и с «Законопослушанием». Среди горожан имеется корреляционная связь со «Свободой». В данном случае «Свобода», на наш взгляд, выступает как ценность, связанная с демократическим развитием общества. Данный тип может быть назван как «Гражданско-патриотический».

2. Результаты анализа коэффициента ранговой корреляции Спирмана между ценностью «Свобода» и всеми ценностями-целями. Проявление ценности «Свобода» у данного типа личности предполагает, что у нее основополагающими должны быть корреляционные связи из шкалы «Ценности демократического общества». Вместе с тем,

имеется связь только с ценностью «Любовь как физическая близость». Кроме того, у представителя данного типа имеются корреляционные связи с «Наличием стабильной, хорошо оплачиваемой работы», «Наличием автомашины», «Наличием сбережений, вкладов и акций» и «Наличием драгоценностей». Из шкалы «Расширение кругозора (стремление к познанию)», включающих 9 пунктов (позиций), проявляется лишь одна корреляционная связь с «Совершением туристических поездок».

Таким образом, по данному типу личности, в основе которой лежит ценность «Свобода» можно сказать, что корреляционных связей на достоверном уровне не очень много. Ценность «Свобода» имеет достоверные корреляционные связи с ценностями из шкалы «Материально обеспеченная жизнь» («Наличие автомашины» и «Наличие драгоценностей»), а из «Нравственно-психологических ценностей» — с «Самоуважением» и со «Стремлением зарабатывать деньги нечестным путем».

По нашему представлению, данный тип личности понимает и использует демократическую ценность «Свободу» как инструмент для улучшения личного благосостояния, что может в некоторых случаях приводить и к ее компрометации. К данному типу, по-видимому, принадлежат две категории граждан — предприниматели и коррупционные чиновники среднего звена. Судя по отсутствию корреляционной связи с «Наличием квартиры», можно предположить, что эта проблема у представителей данного типа решена. Данную личность условно можно назвать как «Ограниченно-корыстный тип».

3. Результаты анализа коэффициента ранговой корреляции Спирмана между ценностью «Стремится зарабатывать деньги нечестным путем» и всеми ценностями-целями. Данный тип личности имеет многочисленные достоверные корреляционные связи с ценностями из следующих шкал: «Проявление заботы о членах семьи», «Ценности демократического общества» («Свобода» среди горожан), «Деловая жизнь как возможность продвинуться по службе (сделать хорошую карьеру)» и «Любовь как физическую близость».

Судя по позициям шкалы «Повышение культуры», представитель данного типа развит и постоянно расширяет кругозор, что доставляет для него удовольствие. Достаточно много корреляционных связей у представителя данного типа со многими позициями шкалы «Нравственно-психологические ценности» («Долг», «Стыд», «Совесть», «Честь» и «Достоинство»). Это дает основание предполагать, что такую личность не беспокоит «Совесть», «Честь» и «Стыд», что она «Зарабатывает деньги нечестным путем».

Данную личность можно назвать как «Интеллектуально-развитый без моральных ограничений тип».

4. Результаты анализа коэффициента ранговой корреляции Спирмана между ценностью «Вера в Бога» и всеми ценностями-целями. У типа личности, основополагающей ценностью которого является «Вера в Бога», корреляционные связи на достоверном уровне проявляются в «Заботе о членах семьи, требующих поддержки». Вполне объяснимо, что у верующего человека проявляются положительные ценности, связанные с «Оказанием взаимной поддержки представителям своей нации» и со «Стремлением зарабатывать деньги честным путем». Многочисленные корреляционные связи у представителя данного типа личности с «Нравственно-психологическими ценностями» и «Религиозными ценностями» («Долгом», «Виной», «Стыдом», «Совестью», «Честью» и «Счастьем») свидетельствуют о положительной направленности данной категории лиц. Данную личность можно назвать «Морально-религиозный тип».

Выводы. 1. С помощью коэффициента ранговой корреляции Спирмана нами были выявлены корреляционные связи на достоверном уровне между такими ценностями как «Национальное чувство», «Свобода», «Стремление зарабатывать деньги нечестным путем», «Вера в Бога» и другими ценностями-целями в городской и сельской выборках. На основе выявленных корреляций нами были выделены и описаны 4 типа личности.

Такой подход в определенной степени представляет новизну и его можно назвать прогностичным, поскольку выявленные типы личности могут представлять практический интерес.

2. Проявление «Национального чувства» предполагает гражданско-патриотическую позицию личности. Для данного типа могут быть присущи достаточно высокие «Нравственно-психологические ценности», он (она) является хорошим семьянином, в «Семье соблюдаются национальные традиции» и личность «Оказывает взаимную поддержку представителям своей национальности». Работа ему (ей) по душе и он (она) заботится о повышении своего профессионализма. Из ценностей «Материально обеспеченной жизни» корреляционная связь только с «Наличием квартиры», «Наличием стабильной, хорошо оплачиваемой работы» и «Наличием сбережений, вкладов и акций» (на «черный день»). Вполне естественно, что у данного типа личности имеются связи со многими ценностями шкалы «Расширение кругозора» и с «Законопослушанием». Среди горожан имеется корреляционная связь со «Свободой». В данном случае «Свобода», на наш взгляд, выступает как ценность, связанная с демократическим развитием общества. Данный тип может быть назван как «Гражданско-патриотический».

3. Судя по корреляционным связям между «Свободой» и ценностями-целями в городской и сельской выборках, вырисовывается тип личности, для которой характерны «Самоуважение», «Репутация» и «Положение в обществе и на работе» (как внешние признаки «солидности» личности). Кроме того, имеется связь ценности «Свобода» с ценностью «Жизнь с комфортом» («Наличие автомашины», «Наличие сбережений, вкладов, акций» и «Наличие драгоценностей») и «Туристические поездки», базирующиеся на «Наличии стабильной, хорошо оплачиваемой работы».

В городской выборке имеется корреляционная связь ценности «Свобода» со «Стремлением зарабатывать деньги нечестным путем». Данную личность условно можно назвать как «Ограниченно-корыстный тип».

4. Достоверные корреляционные связи ценности у типа личности, ценность которой «Стремление зарабатывать деньги нечестным путем», связаны с родственниками, с расширением кругозора и повышением культурного уровня (естественно, с работой в Интернете), а также с некоторыми нравственно-психологическими особенностями. Данный тип личности среди горожан имеет в городе достоверные корреляционные связи с ценностью «Свобода». В целом, судя по результатам, можно предположить, что данный тип личности представляет собой молодого человека, расценивающего «Свободу, как возможность «заработать деньги нечестным путем». Такой тип можно условно назвать как «Интеллектуально-развитый тип без моральных ограничений».

5. По нашему мнению, судя по количеству достоверных корреляционных связей «Вера в Бога» с духовно-нравственными качествами человека, данный тип личности отличается от остальных типов достаточно высокими нравственно-психологическими качествами. Если городской тип личности связан с гражданско-патриотической позицией (национальная независимость страны), то у сельского типа этого не наблюдается. Данную личность можно назвать «Морально-религиозный тип».

Шумская Л.И. д.пс.н., доцент. Психологические особенности политической социализации современных студентов: сравнительный анализ результатов белорусско-российского исследования.

Важнейшим стратегическим ресурсом общественного развития является молодежь. Получить ответ на вопрос о том, каким будет общество завтра, можно лишь при наличии научно обоснованных данных о том, как это завтра представляет себе молодое поколение, с какими ценностями, идеалами, убеждениями, знаниями и навыками оно входит в самостоятельную жизнь.

Современная молодежь характеризуется как «поколение сети», процесс социализации которого обуславливается в значительной степени спонтанным влиянием информационных источников. При несомненных достоинствах включения личности в мировой информационный поток следует учитывать и такие негативные последствия, как резкое возрастание степени манипулятивного воздействия на нее, осуществляемого с помощью современных информационных технологий. Его результатом может стать разрушение индивидуальной психологической защиты личности, традиционных представлений о добре и зле, нравственности и справедливости, разбалансированность социального поведения.

В свою очередь новые социально-экономические условия жизни востребовали людей инициативных, волевых, способных принимать самостоятельные решения в различных нестандартных ситуациях. Социально-инфантильный тип личности уходит на задний план, теряя перспективу реализации своих жизненных планов и программ.

Возникает настоятельная необходимость осуществления целенаправленной прогнозной деятельности в отношении молодежи. Четкие научные представления о сущности перемен, происходящих в сознании современных молодых людей, позволят не только определить стратегические направления построения государственной молодежной политики, но и избежать просчетов и ошибок в ее реализации.

В качестве примера обратимся к анализу результатов сравнительного комплексного социологического и социально-психологического исследования жизненных ориентаций студентов, проведенного в октябре–декабре 2008 г. под нашим научным руководством Центром системных исследований проблем молодежи БГУ совместно с факультетом философии и социальных наук, гуманитарным факультетом БГУ, факультетом глобальных процессов МГУ имени М.В. Ломоносова, факультетом психологии и социальной работы РГСУ и факультетом психологии СПбГУ. В исследовании приняли участие 919 студентов I–IV курсов вышеназванных факультетов БГУ, МГУ имени М.В. Ломоносова, СПбГУ и РГСУ. Изучение жизненных ориентаций студентов ведущих университетов Беларуси и России представляет особый интерес по ряду причин:

во-первых, именно студенчество олицетворяет собой наиболее перспективную социальную группу современной молодежи, ее интеллектуальное ядро;

во-вторых, студенты ведущих вузов – основной потенциал будущей руководящей элиты своих стран. Сравнительный анализ жизненных диспозиций и устремлений наиболее интеллектуального и общественно активного слоя молодежи позволит более эффективно обеспечить определение стратегии дальнейшего сплочения наших стран;

в-третьих, результаты исследования позволяют на научной основе получить ответ на вопрос, в какой мере молодежь Беларуси и России сохранила сходство и каковы различия их жизненных ориентаций;

в-четвертых, полученные эмпирические данные и сделанные на их основе заключения могут быть использованы в дальнейшем при проведении аналогичных кросскультурных исследований среди студентов и других категорий молодежи содружества стран СНГ с последующим анализом общностей и различий в их жизненных ориентациях.

При формировании выводов и заключений мы обратились к данным проведенных во второй половине 90-х годов XX в. – начале XXI в., эмпирических исследований российских (С.И. Григорьев, Е.М. Дубовская, В.П. Леньшин, В.Е. Семенов, В.В. Сериков, О.А. Тихомандрицкая, В.Г. Харчева, Ф.Е. Шереги) и белорусских (Е.М. Бабосов, И.В. Котляров, С.Д. Лаптенко, А.И. Левко, В.А. Новикова, Л.И. Шумская) ученых.

Результаты исследования свидетельствуют об отсутствии принципиальных расхождений в ключевых жизненных ориентациях белорусских и российских студентов при наличии определенной специфики, отражающей принадлежность участников опроса к конкретному вузу и специальности. Это, на наш взгляд, выступает проявлением

устойчивости мощных духовных и культурно-исторических традиций, объединяющих наши народы на протяжении многих столетий.

В социальных и политических ориентациях современных студентов находят отражение те сложнейшие противоречия, которые характеризуют специфику формирующихся рыночных отношений. Обратимся к наиболее типичным особенностям новых проявлений личностных диспозиций студентов, которые необходимо учитывать при выработке основ государственной молодежной политики и ее реализации на современном этапе.

Приоритетные позиции в иерархии ценностей студентов, согласно полученным в исследовании данным, занимают любовь, семья, здоровье, самореализация себя как личности, свобода, профессиональная компетентность, патриотизм. Исследование в очередной раз подтвердило тот факт, что на смену приоритетным общественным установкам личности (гражданская активность, забота об общественном благе, коллективизм), характерным для предыдущих поколений, приходит жизненный прагматизм, переориентация на профессиональные и индивидуально-личные ценности (самореализация, здоровье, семья, друзья, материальное благополучие). Главными побудительными мотивами поступления в вуз выступают профессионально-познавательные мотивы («интерес к избранной специальности», «возможность наиболее полно реализовывать свои способности», «престижность вуза и избранной специальности»). Мотивы социального и гражданского плана («возможность чувствовать себя нужным, полезным людям», «став специалистом активно содействовать социально-экономическому развитию своей страны») уступают по значимости профессиональным и индивидуально-личным мотивам.

Вместе с тем результаты исследования свидетельствуют о присущей для основного большинства участников опроса конструктивной гражданской позиции с отчетливо выраженной патриотической ориентацией. Подавляющее большинство опрошенных белорусских и российских студентов связывают социальные ожидания с возможностью самореализации себя в своей стране, своем государстве. Отъезд в другую страну рассматривается ими, главным образом, как возможность пройти стажировку, получить дополнительную подготовку, или решить определенные материальные задачи. На вопрос «Если бы у Вас сегодня появилась реальная возможность уехать, в том числе в другую страну, то как бы Вы поступили?», ответы респондентов распределились следующим образом – «уехал бы на учебу и стажировку» – 43,2%, «уехал бы на время, чтобы заработать» – 29,0%, «не уехал бы ни при каких обстоятельствах» – 8,1%. Только 11,5% от общего числа опрошенных выразили намерение уехать в другую страну на постоянное место жительства.

Одновременно сделан вывод об опосредованном характере проявления у современных студентов гражданских мотивов. Так, отвечая на вопрос «Готовы ли Вы работать на процветание своей Родины с полной отдачей?» из 919 опрошенных белорусских и российских студентов 54,7% высказали следующее мнение: «да, при условии, что Родина тоже разделяет мои заботы». Налицо формирование нового типа отношений между государством и личностью и, соответственно, государством и молодежью, определяемого как «социальное партнерство». Сущность данного типа отношений составляет последовательный учет интересов обеих сторон и обеспечение условий для их реализации в практике социальной жизнедеятельности.

Выявлено нарастание среди молодежи индивидуалистических ориентаций с основополагающим принципом «Ваши проблемы»: к категории «коллективист», человек команды отнесли себя 39,1% от общего числа опрошенных; 40,2% характеризуют себя как «индивидуалиста, одиночку». Вместе с тем, согласно выводам белорусских ученых Ж.И. Кравцовой, С.Д. Лаптенка, И.В. Котлярова, Л.Г. Новиковой, для нашей молодежи традиционная славянская общинность оказалась не потерянной, а скорректированной в

соответствии со временем, а проявляющийся в молодежной среде индивидуализм не агрессивный и не отгороженный.

Природа актуализации индивидуалистических ориентаций среди современной молодежи связана, в первую очередь, с радикальной сменой на рубеже XX–XXI вв. социально-экономических основ жизнедеятельности наших стран. Переход от социалистического к рыночному укладу жизни объективно влечет за собой снижение степени персональной защиты личности со стороны социальных институтов государства и общества. Принцип патернализма, выступавший при социализме в качестве одного из ключевых механизмов регуляции взаимодействия в диаде «общество–личность», фактически, утратил свою актуальную значимость.

Формирующийся рыночный тип отношений ориентирован на инициативу и активность самой личности, ее способность и готовность самостоятельно, то есть, индивидуально принимать решения, выстраивать персональную стратегию собственной жизни. Но при этом необходимо учитывать и те негативные проявления, которые возникают при устойчивой индивидуалистической ориентации личности. В этом случае наблюдается уход личности от общественной активности, снижение значимости для нее таких категорий, как взаимопомощь, поддержка, сопереживание, смещение ценностных приоритетов с общественных, социально значимых на субъективно личные. Крайним выражением индивидуализма является актуализировавшаяся, начиная с 90-х годов XX в. «идеология приватизма», направленная на внедрение в молодежную среду морали вседозволенного, эгоистического отношения к жизни. Молодежь должна не только учиться ясно осознавать социально разрушительный характер таких принципов, как «твоя проблема», «работать на себя, а не на других», «решать свои вопросы», но и вырабатывать реальные навыки коллективного взаимодействия.

Находит подтверждение существенно актуализировавшаяся среди современной молодежи установка на эмансипацию – стремление к самостоятельному принятию решений, самостоятельному поиску своего жизненного пути, неприятие прямого воспитательного воздействия со стороны родителей и педагогов. Такая позиция молодого поколения характерна не только для их отношений со взрослыми, но и с референтной средой, олицетворяемой дружеской компанией. На вопрос «Как Вы обычно поступаете, если в чем-то не согласны со своей дружеской компанией?» 80,7% от общего числа опрошенных (919 человек) ответили следующее: «поступаю так, как считаю нужным, независимо от мнения большинства» и только 3,9% готовы «принять точку зрения большинства: раз их больше, значит, правы они».

В этой связи нельзя не отметить тот факт, что многие идеалы и модели поведения старшего поколения утратили для молодежи свой актуальный личностный смысл, а поиск новых социально востребованных идеалов, воплощенных в образы популярных у молодежи героев литературы и СМИ, пока ощутимых результатов не дал. Если исходить из социальных ожиданий наиболее активной части молодых людей, то такой идеал должен соответствовать их представлениям о человеке, который сделал себя сам, который устремлен рассчитывать, в первую очередь, на себя и который располагает для этого реальными личностными ресурсами и возможностями для их полноценной реализации.

Исследование позволило установить существенный рост значимости для молодежи религии, веры. Если по данным проведенного нами в 1997 г. опроса среди белорусских студентов на высокую степень значимости для них религии, указали 16% из 3438 респондентов, то результаты опроса, проведенного среди белорусских и российских студентов в 2008 г. показывают, что к этой категории отнесли себя уже 61% респондентов.

В качестве ведущих мотивов обращения к религии, вере участники белорусско-российского исследования называют следующие:

- религия помогает сохранить государственность, культуру, традиции народа, объединяет людей;

- религия способствует нравственному улучшению людей;
- религия дает человеку утешение и смирение.

Полученные данные свидетельствуют о существенном усилении духовно-просветительской, нравственной и компенсаторной роли религии в обществе. Ее побудительными детерминантами выступают, с одной стороны, трансформация мировоззренческой парадигмы молодого поколения, обусловленная изменением ценностных основ жизнедеятельности общества, а, с другой, изменение характера отношений между церковью, государством и обществом, ориентация на социальное партнерство и конструктивный диалог. Так, все университеты, в которых проводилось наше исследование (БГУ, МГУ им. М.В. Ломоносова, СПбГУ, РГСУ), целенаправленно сотрудничают с православной церковью в деле духовного и нравственного воспитания студенческой молодежи. Таким образом, исследование со всей очевидностью подтвердило обусловленность процесса политической социализации молодежи складывающейся социальной ситуацией развития. Успешно управлять этим процессом целесообразно на основе системного научного прогноза.

Назрела необходимость расширения практики проведения интегративных социологических и социально-психологических исследований проблем социализации (политической, профессиональной и т.д.) современной молодежи, что позволит обеспечить их коллективное решение на новом методологическом уровне. Ключевым условием эффективности прогнозной деятельности в отношении молодежи является ее востребованность со стороны государственных органов управления. Встает задача актуализации государственного заказа на мониторинговые исследования процесса политической социализации молодежи.

***Седнева М.А.* Отношение российских граждан к политическому маркетингу в экономической политике.**

Руководствуясь неопределенностью при определении возможных целевых групп политических маркетологов и при выборе маркетингового инструментария для работы с ними, было проведено исследование отношения представителей различных групп населения Российской Федерации к политическому маркетингу в экономической политике страны. Целью исследования было выявить наиболее эффективные подходы к построению политической коммуникации представителями политических партий с различными группами граждан. В результате исследования, проведенного при помощи многофакторного опросника, были выявлены основные факторы отношения к политическому маркетингу, объединившие в себя оценку утверждений опросника представителями определенных групп населения. Факторы формировались, основываясь на таких критериях, как отношение респондентов к политическому маркетингу и экономической политике Российской Федерации, а также их политической активности в целом.

В качестве теоретической базы проведенной работы выступила теория отношений В. В. Мясищева, определяющая отношение как индивидуальную, сознательную, избирательную, основанную на опыте психологическую связь субъекта с различными сторонами объективной действительности, выражающуюся в его действиях, реакциях и переживаниях, образующуюся в процессах деятельности и являющуюся движущей силой личности, а также концепция политического маркетинга Е. Г. Морозовой, понимающей его как определенную концепцию практической политики и управления, снабженную набором технологически отточенных знаний и умений в сфере изучения общественных потребностей, предложения отвечающих этим потребностям политических и

управленческих решений, реализации принятого курса вплоть до получения желаемого результата.

Целью практической части проведенной работы было выявить отношение граждан Российской Федерации как целевой аудитории политиков к политическому маркетингу как к определенной концепции практической экономической политики и управления в целом и к применению его технологий при работе с массами, в частности.

В соответствии с целью, были сформулированы следующие задачи исследования:

1 – выделить целевые группы, пользуясь критерием отношения граждан к экономической политике государства и к применению технологий политического маркетинга,

2 – выявить различия между целевыми группами в отношении к использованию инструментария политического маркетинга в коммуникациях политиков с массами и разработать соответствующие рекомендации по работе с ними.

В качестве объекта исследования выступили совершеннолетние граждане Российской Федерации, проживающие в городах Москва и Санкт-Петербург, в возрасте от 18 до 67 лет, всего 106 респондентов, из них 52 мужчин и 54 женщин. Выборка формировалась с соблюдением принципа квотности, согласно данным последней государственной переписи населения 2002 г., с использованием базы Федеральной Службы Государственной Статистики по распределению населения г. Москвы и г. Санкт-Петербурга по половозрастному признаку

Для проведения исследования был разработан опросник «Отношение к технологиям политического маркетинга», состоящий из 34 утверждений (степень своего согласия с утверждением каждый респондент оценивал по семибалльной рейтинговой шкале) и анкетной части. В качестве основных методов анализа данных использовались факторный анализ и корреляционный анализ.

В результате факторного анализа полученных с помощью опроса респондентов данных было получено 6 факторов с различным весом: 2 основных фактора («Эффективность экономической политики» и «Доверие политическому маркетингу»), 2 фактора с меньшим весом («Помощь государства в политическом выборе» и «Политическая цензура») и 2 дополнительных фактора («Построение образа политика» и «Локус контроля»). С помощью анализа полученных факторов и корреляционных связей между утверждениями, вошедшими в каждый из факторов, удалось сделать ряд выводов об определенных взаимосвязях между отдельными отношениями личности к различным аспектам политического маркетинга и к экономической политике, проводимой в России, в целом.

Репрезентативная выборка целевой для политиков аудитории граждан, проживающих в столицах Москве и Санкт-Петербурге, распалась на две основные группы: группу «массовых средних граждан», доверяющих президенту либо иным авторитетным для них фигурам, согласных с необходимостью политической цензуры и являющихся подходящими объектами для применения технологий политического маркетинга, а также - более узкую группу «интеллектуальных скептиков» с низким уровнем лояльности представителям государственного аппарата, не готовым доверять свою судьбу государственным деятелям, но занятым поиском объективной информации о реальных планах и «чистоплотности» политиков.

Представители первой группы склонны давать позитивную реакцию на политический PR и применение рекламных технологий. «Массовому» гражданину импонирует сильный президент с декларируемой твердой позицией, способный постоять за себя и за свой народ, взять в свои руки свободу осуществления политического выбора, являющуюся, по Э. Фромму, как и всякая свобода выбора, одной из самых больших проблем среднестатистического человека. Представители данного сегмента не против проводимой правительством «зачистки» информационных сообщений и новостных сводок

от антиправительственной либо не соответствующей официальной позиции государства информации, так как согласны с тем, что то, что нежелательно правительству, нежелательно и народу, забота о котором лежит на плечах президента. Значительная часть данной аудитории отдает право своего голоса на правительственных выборах на откуп государству, считая, что и здесь более правильное решение смогут принять лица, уполномоченные президентом. В целом, представители «массового» сегмента занимают недостаточно активную гражданскую позицию, посещая избирательные участки только в том случае, если процесс голосования организован удобно для них и не отнимает много времени и сил. Следовательно, для того, чтобы получить на выборах голоса лояльных политикам граждан, рекомендуется обращать большее внимание не только на массированные рекламные кампании, призывающие участвовать в голосовании, но и на распространение индивидуальных приглашений с указанием места и времени проведения голосования; процесс выборов также должен быть организован в соответствии с принципом максимального удобства для подавляющего количества потенциальных избирателей, что, возможно, потребует перераспределения бюджетных средств в сторону индивидуальной работы с потенциальными избирателями и наиболее эффективной организации процесса выборов (проведение голосования на большем количестве избирательных участков, в удобный для избирателей диапазон времени, с большей гибкостью при нахождении гражданина вдали от своего избирательного участка и пр.) вместо выделения значительных финансовых ресурсов на проведение массовых кампаний в поддержку выборов в СМИ.

В отличие от «массовой» аудитории, целевая группа «интеллектуалов» требует того, чтобы с ними были предельно честны и делились политической информацией, не пытаясь данную информацию изменять и интерпретировать с помощью инструментов маркетингового позиционирования. Этим людям необходимо иметь наиболее полный доступ к данным, публикуемым авторитетными изданиями либо получаемым из уст авторитетных деятелей политики и науки, уровень доверия к которым высок. Для того, чтобы завоевать доверие целевой группы «скептических» граждан (а также сохранить лояльность первого, «массового», сегмента), особенно в ситуации экономического кризиса, когда маркетинговые бюджеты ограничены, предоставляется хорошая возможность пересмотреть методы политического маркетинга, разрабатывая менее затратные, но не менее экономически и психологически эффективные инструменты, делающие упор не на количество, но на качество маркетинговых коммуникаций (например, обратиться к усилению информационных сообщений, отказавшись от «черного» PR).

Помимо этого, важно обращать внимание на отдельный подсегмент «интеллектуальной» группы граждан, желающий быть информированным об изменениях, происходящих в стране, а также быть услышанным и иметь возможность высказать свое мнение касательно данных изменений и принимаемых решений. В основном, данный подсегмент составили мужчины старшего возраста с активной политической позицией. Представители данной группы отмечают нецелесообразность и примитивность политической цензуры, которую стоит заменить на более эффективные инструменты политического маркетинга, обратившись к богатейшему экономико-психологическому инструментарию в области построения коммуникаций с потребителями политических идей, решений, кандидатур, программ и пр. В частности, для того, чтобы заручиться поддержкой аудитории «интеллектуалов», способной оказывать влияние на представителей «массового» сегмента, целесообразно устраивать информационные мероприятия в режиме встреч политически активных представителей населения с государственными деятелями, предполагающих возможность диалога.

При работе с сегментом «интеллектуальных скептиков», необходимо помнить о принципе информационного и деятельного обмена: получая информацию и обладая возможностью присутствовать на определенных мероприятиях, от представителей

данного сегмента необходимо требовать собственной политической активности, так как на текущий момент для них характерна позиция политического абсентеизма и бездеятельной критики действий политиков. Для этого важно прививать гражданам, вошедшим в состав данной группы, чувство личной ответственности за происходящее в стране и вовлекать их в политическую жизнь, используя соответствующие сообщения, которые могут доноситься до референтной группы на специально организованных мероприятиях, а также - в местах скопления «интеллектуальных скептиков», например, в университетах и исследовательских институтах, а также – через наиболее часто используемые ими источники получения информации (в первую очередь, Интернет, пресса с репутацией независимой, предвыборные брошюры с программами партий), которые должны быть изучены более подробно.

Филимоненко Ю.И., к.пс.н., доцент. Психологические качества «истинного» лидера.

Психологические качества лидера уже давно исследуются и в теоретическом, и в практическом планах. Однако в теории лидерства до настоящего времени так и не сложилось сколько-нибудь общеприемлемой и масштабной концепции. Эмпирические исследования только демонстрируют ее отсутствие разнообразием и противоречивостью своих итоговых результатов.

В своей работе мы опирались на представление о существовании комплекса неспецифических психологических (преимущественно – личностных) качеств, которые делают претендента на властные полномочия «истинным» лидером в восприятии потенциальных последователей. В этот комплекс включены качества, формирующие две смысловых подгруппы: «сила» (в самых разных ее проявлениях) и «свойскость» (т.е. умение восприниматься «своим» для последователей, принадлежащим к общему «Мы», говорящим и действующим как последователи и т.д.).

В сложившейся практике изучение лидерских качеств соотносится прежде всего с задачами отбора «правильных» претендентов на властные полномочия, подгонки имеющегося претендента под ожидаемый населением образ и т.п. Представляется гораздо более интересным рассмотрение образа лидера в качестве диагностического инструмента. Качества, выделяемые социальной группой как «истинно» лидерские, прежде всего, говорят о социально-психологическом состоянии этой группы, о тех ценностях, которые для нее наиболее значимы в актуальной жизненной ситуации.

Наиболее удобной апробированной методикой, пригодной для изучения конкретного набора психологических качеств «истинного» лидера, является личностный дифференциал (ОСА). В этой методике два итоговых шкальных показателя («Сила», «Оценка») напрямую соответствуют названным выше подгруппам.

Инструкция испытуемым к заполнению дифференциала предусматривала следующее: «Представьте себе человека, которого Вы смогли без какого либо сомнения считать «истинным лидером» – т.е. таким человеком, которому можно довериться полностью, который действительно способен в кризисной ситуации увидеть оптимальный для всех выход из нее, который, прежде всего, будет деятельно заботиться об общем благополучии, а не о своих сугубо личных интересах». Особенности этого сугубо личного представления испытуемый далее отображал в своих ответах.

В рамках эмпирического исследования собраны данные по национальным подгруппам: этнические русские – граждане РФ (108 чел.) и граждане Латвии (59 чел.); этнические англичане – граждане Великобритании (43 чел.); этнические литовцы – граждане Литвы (25 чел.); этнические латыши – граждане Латвии (26 чел.).

По общей выборке испытуемых образ «истинного» лидера складывается, из следующих характеристик: добросовестный (6,5 среднегрупповой балл в 7-балльной

шкале), решительный (6,5), уверенный (6,5), сильный (6,4), независимый (6,4), энергичный (6,4), самостоятельный (6,4), деятельный (6,3), честный (6,3), невозмутимый (6,1). Как и предполагалось, половина качеств, средние оценки по которым гарантировано отличаются от неопределенных, относятся к суммарному показателю «Силы» личностного дифференциала.

Вычисление средних значений по методике ОСА для отдельных национальных подгрупп показало, что существуют характерные особенности образа «истинного» лидера, очень психологически понятные и обусловленные именно спецификой актуальной жизненной ситуации или сложившихся национальных традиций. Так самым важным качеством для русских испытуемых оказалась «решительность» лидера, для англичан – «честность» и «справедливость», для латышей и литовцев – его «независимость».

В авторской методике ОСА испытуемые каждое психологическое качество оценивают как бы независимо от остальных качеств, т.е. могут приписать хоть всем качествам балл, максимальный из возможных. Следующим этапом исследования испытуемым (русские – граждане РФ) предлагалась модифицированная форма методики ОСА, в которой качества сравнивались попарно, и каждой паре нужно было избрать только одно из них, как более важное для лидера. Таким путем планировалось получить более дифференцированные и точные оценки значимости разных психологических качеств.

Результаты этого этапа исследования, проводившегося преимущественно на испытуемых с высшим образованием, показывают, чего ожидают интеллектуалы в современной кризисной ситуации от лидера: он должен быть честным (8,2 балла в 11-балльной шкале), справедливым (8,0) и уверенным (7,1). При этом они совершенно не рассчитывают на его открытость (3,0), отзывчивость (3,2) и дружелюбие (4,0).

Таким образом, углубленное исследование показывает, что в избранном социальном слое происходит переход от представлений о «истинном» лидере как «железной руке» и формируется образ скорее добросовестного специалиста в области управления.

Бендас Т.В. д.пс.н., доцент. Сексуальная привлекательность политических лидеров в восприятии обычными людьми.

Согласно разрабатываемой нами концепции о моделях лидерского поведения, сексуальная привлекательность лидера имеет важное значение в конкурентной модели, а также в двух ее разновидностях: маскулинной (с позитивным знаком) и фемининной (с негативным), и не имеет значения – в кооперативной модели лидерства.

При восприятии политического лидера простые избиратели (наивные испытуемые) сознательно или неосознанно оценивают его по многим параметрам, исходя из имеющейся у них имплицитной модели лидерского поведения. Сексуальная привлекательность – один из таких важных параметров. При этом, оцениваются не только представители противоположного пола (для гетеросексуальных испытуемых), но и своего (если при этом снять напряжение, сообщив испытуемым, что измеряется не их сексуальная ориентация, а просто их мнение о лидере).

На протяжении последних 7-ми лет (с 2002 по 2009 годы) нами проводилось исследование на улицах г. Оренбурга и других городов Оренбургской области. Студенты-психологи, собиравшие эмпирический материал, подходили к обычным людям на улице и просили их назвать 10 политических лидеров современности (мужчин и женщин) и затем оценить их сексуальную привлекательность по 100-балльной шкале.

Выделялись 4 категории респондентов: молодые мужчины; молодые женщины (обе категории - примерно 20-30-летнего возраста); мужчины зрелого возраста и женщины зрелого возраста (обе категории - примерно 40 или 50 с небольшим лет).

Во все годы женщин-политиков называли в целом редко и чаще всего - Хакамаду, а затем – Матвиенко (в последнее время – еще и А.Меркель, Тимошенко, Новодворскую, К.Райз также жен Барака Обамы и Билла Клинтона – Мишель и Хилари). Ирина по сексуальной привлекательности несколько опередила Валентину, первую как привлекательную женщину оценивали, прежде всего, молодые мужчины (молодые женщины также оценивают ее достаточно высоко), а вторую - молодые женщины и мужчины зрелого возраста. Валерию Новодворскую называли редко и ее считали привлекательной женщины зрелого возраста.

По результатам 2002-2003 годов среди мужчин-политиков наиболее высоко оценивали сексуальную привлекательность 8-ми человек: 1) Путина (но прежде всего - зрелые женщины и мужчины - 1 место, молодежь дает ему оценку в 2 раза ниже, хотя и достаточно высокую - 1-е или 2-е место), 2) затем - Немцова (молодые женщины ставили его на первое место, зрелые женщины - на 2-е после Путина, молодые мужчины - на 3-е после Путина и Жириновского, зрелые мужчины - на 2-е после Путина), 3) Жириновского (молодые мужчины ставили его на 2-е место после Путина), 4) Касьянова (молодые женщины давали ему 3-е место после Немцова и Путина), 5) Шойгу (3-е место у зрелых мужчин после Путина и Немцова), 6) Кириенко, 7) Явлинского (4-е место у молодых мужчин и совершенное неприятие у зрелых), 8) Чубайса (он нравился молодым женщинам и совершенно не нравился зрелым мужчинам). Остальные политики либо назывались редко, либо их привлекательность оценивалась очень низко.

Интересно сравнить указанные результаты с последними данными, полученными в апреле 2009 года.

Было опрошено 295 человек, среди которых 4 вышеупомянутые категории составляли (в скобках указан средний возраст по каждой категории): молодые мужчины (27.4 года) – 21 %; молодые женщины (27.6 лет) – 23 %; мужчины зрелого возраста (49.1 год) – 29 % и женщины зрелого возраста (45.1 год) – 27 %.

Понятие «лидер современности» не уточнялось, и испытуемые называли любые имена, в том числе и тех, кто уже давно умер (как Иван Грозный, к примеру). Хотя теоретически в список лидеров могли быть включены 2950 человек (если допустить, что никто из респондентов не будет повторяться), реальное же число названных лидеров было значительно меньше – 102 человека, почти все из них – мужчины (женщин в этом списке было всего 15). Поскольку ограничений для выбора имен не делалось, назывались как российские политические лидеры, так и зарубежные.

Среди полученных оценок можно выделить 2 основания.

1. Популярность лидера (неважно, с каким знаком – позитивным или негативным), которая определялась частотой упоминания (в скобках указан % респондентов, упомянувших его в списке лидеров современности). Приведем имена 10 лидеров в порядке убывания их популярности: 1) Путин (в среднем – 94.1% респондентов, а если исключить мужчин зрелого возраста, то остальные категории упоминали имя Путина в 100% случаев!); 2) Медведев (81.8%); 3) Жириновский (68.9% в среднем и 100% - для женщин зрелого возраста); 4) Обама (50.7%); 5) Зюганов (44.3%); 6) Тимошенко (37.3%); 7) Ельцин (31.5%); 8) Ющенко (28.5%); 9) Горбачев (27.1%) и 10) Явлинский (17.6%).

Как можно видеть, некоторые политические лидеры, весьма популярные в недавнем прошлом, не вошли уже в «десятку 2009 года». Снизилась популярность Шойгу, а также правых политиков – Немцова, Чубайса, Хакамады, Кириенко, Явлинского, Касьянова и др.

В то же время появились новые популярные имена: новый американский лидер-президент и 2 украинских: президент и премьер-министр. Среди интересных результатов также – большая популярность Путина, по сравнению со всеми упомянутыми лидерами, в

том числе – и по сравнению с президентом России Медведевым. Феноменальной является также стабильная популярность Жириновского.

2. Вторая оценка – сексуальная привлекательность политического лидера. И здесь несколько меняются ранговые места указанных лидеров (в скобках указан средний балл сексуальной привлекательности по 100-балльной шкале): 1) Тимошенко (75.2 балла); 2) Путин (73.4); 3) Медведев (69.1); 4) Жириновский (56.9); 5) Обама (55.0); 6) Явлинский (49.9); 7) Горбачев (38.2); 8) Ельцин (36.6); 9) Ющенко (35.8); 10) Зюганов (33.5 балла).

Если принять во внимание обе оценки – популярность и привлекательность – то можно выделить 7 типов политических лидеров.

А. Высоко популярный и высоко привлекательный лидер – к этому типу можно отнести Путина и Медведева (оба особенно популярны среди молодых женщин – их оценки обоих лидеров - 83.2 и 80.2 балла соответственно).

Б. Высоко популярный лидер с умеренной привлекательностью – Жириновский (хотя это справедливо, прежде всего, для женщин, мужчины же оценивают его привлекательность амбивалентно – молодые – скорее, высоко, а зрелые – скорее, низко – 71.6 и 42.2 балла соответственно).

В. Умеренно популярный и умеренно привлекательный лидер – Обама. Наиболее высоко его привлекательность оценивают мужчины зрелого возраста, а наименее – женщины того же возраста (64.3 и 48.7 баллов соответственно).

Г. Низко популярный, но высоко привлекательный лидер – это, конечно, Юлия Тимошенко. Нам представляется, что такие противоречивые результаты объясняются, прежде всего, полом этого политика. Мужчины (как молодого, так и зрелого возраста) оценивают средне популярность Тимошенко, а женщины – низко. А сексуальную привлекательность более высоко оценивают мужчины и женщины зрелого возраста (80.8 и 85.8 баллов соответственно), по сравнению с молодыми мужчинами и женщинами (64.2 и 70 баллов соответственно). Как правило, никакая другая женщина-политический лидер не получала таких высоких оценок по сексуальной привлекательности, сложился даже стереотип, что такая женщина лишена женственности и привлекательности. И Ю.Тимошенко представляет собой пример нового политического лидера-женщины.

Д. Противоположный предыдущему типу - умеренно популярный, но низко привлекательный лидер – к этому типу можно отнести Зюганова. Его стабильная популярность на протяжении ряда лет носит, скорее, характер негативный (хотя для молодых женщин он достаточно привлекателен – 55 баллов, остальные категории испытуемых оценили его привлекательность очень низко – менее 30 баллов).

Е. Низко популярный лидер со средней привлекательностью – это Явлинский (наиболее низко его оценивают молодые женщины, а наиболее высоко – немолодые мужчины – 40 и 62 балла соответственно).

Ж. И, наконец, низко популярный и мало привлекательный лидер, который может иметь умеренную оценку привлекательности у отдельных категорий испытуемых – к этому типу можно отнести Горбачева (достаточно высоко привлекательного для молодых мужчин – 43.6 баллов), Ельцина (самые высокие оценки получены у молодых женщин – 42.2 балла), Ющенко (привлекательного для немолодых женщин).

По-видимому, большинство испытуемых рассматривают лидера в рамках конкурентной модели и маскулинной его разновидности (позитивно связанной с маскулинностью). Фемининная же модель также имеет место в случае с Ю.Тимошенко, когда высокая привлекательность снижает популярность женщины-лидера.

Нам представляется полезным опрос респондентов о сексуальной привлекательности лидера в прикладных целях. С помощью таких оценок можно получить представление о неосознаваемых элементах восприятия политического лидера, а также дополнительную информацию о феномене фейс-контроля. Поскольку человек склонен к обобщающим оценкам, вполне вероятно, что сексуальная привлекательность

политического лидера (которая, казалось бы, не имеет прямого отношения к его деятельности) может оказывать влияние и на оценку его политической программы.

Степанова Е.Е. Влияние жизненных целей и ориентаций молодёжи на их интерпретацию интеллектуальной экспансии.

Кризис формирования новых целей в современном российском обществе сейчас особенно ощутим в сфере политики. «Если целеобразование вообще дифференцировать на оперативное, тактическое и стратегическое, то только политическая деятельность имеет своим предметом стратегическое целеобразование общества. Анализ уставов многочисленных политических партий России показывает, что большинство из них не являются политическими в буквальном смысле слова из-за отсутствия в них чёткого целеобразования» (А.И.Юрьев). Таким образом, многие из тех, кто должен ставить цели, определяя путь дальнейшего развития общества, оказываются едва ли способны сделать это или, по крайней мере, выразить в соответствующих документах.

Важно отметить также, что, по мнению некоторых современных исследователей, люди зачастую отдают предпочтение той или иной партии не как носителю некоей картины мира, идеологии или политической программы, а как некоему брэнду, торговой марке, следуя за громким названием или слоганом. Но если это так, то разработка идеологической базы политических партий и, в частности, презентация политических целей, вообще теряет смысл.

В 2005 году нами было проведено исследование, в число задач которого, кроме прочих, входила проверка того, насколько серьёзно относятся идеологи политических партий к проблемам целеобразования, и насколько эти проблемы значимы для их потенциальных последователей. Задачами данного исследования также являлись разработка методики, позволяющей оценить степень соответствия конкретных проявлений интеллектуальной экспансии – текстов программ политических партий – особенностям целеобразования и смысложизненных ориентаций объектов политики, а также характеристика связи между интерпретацией людьми предлагаемых политическими партиями целей и особенностями их смысложизненных ориентаций. Таким образом, результатом исследования должны были стать ответы на следующие вопросы:

- Какие цели заявляют в своих программах различные политические партии
- Какие из них люди принимают как близкие, свойственные им самим
- Исходя из вышесказанного, насколько проведение интеллектуальной экспансии различными политическими партиями соответствует жизненным целям объектов политики.

Объектом исследования стали студенты факультета психологии СПбГУ с первого по пятый курс. Такой выбор неслучаен. В скором будущем именно эта возрастная группа будет определять своим участием в выборах, каким путём пойдёт развитие России. При этом можно предположить, что студенты СПбГУ обладают достаточными знаниями и способностями к самостоятельной постановке жизненных целей, чтобы не делать свой политический выбор вслепую. Тогда суть основного компонента интеллектуальной экспансии, проводимой политическими партиями, состоит в том, чтобы предложить те цели, взгляд на мир и систему ценностей, которые этой группе наиболее близки. В связи с этим особенно интересно проследить, какая партия из представленных ныне предлагает цели и ценности, близкие современной молодёжи.

В ходе исследования использовались следующие методы:

- Опросник смысложизненных ориентаций Д.А.Леонтьева
- Опросник политических ориентаций «П-тест»

- Контент-анализ текстов программ политических партий
- Контент-анализ развёрнутых ответов на вопросы авторской анкеты, разработанной на основе пентабазиса В.А.Ганзена

По итогам исследования был сделан ряд выводов. В частности, по результатам контент-анализа ответов респондентов на вопросы анкеты на тему жизненных целей и текстов программ политических партий можно утверждать, что мнения респондентов и политических партий в наибольшей степени совпадают в вопросах о цели и средствах её достижения. Интересно отметить, что партией, мнение которой в наибольшей степени совпадает с мнением респондентов, является КПРФ. Таким образом, гипотеза о несоответствии структуры целеобразования российской молодёжи и структуры целеобразования, представленной в программах политических партий, подтверждается лишь частично.

По результатам корреляционного анализа была выявлена связь между значениями некоторых шкал теста смысложизненных ориентаций и результатами анкетирования на тему жизненных целей. Таким образом, гипотеза о наличии связи между смысложизненными ориентациями и структурой целеобразования молодёжи подтверждается.

По результатам корреляционного анализа также была выявлена связь между результатами анкетирования на тему жизненных целей и шкалой «экономические свободы» теста политических ориентаций. Таким образом, гипотеза о связи структуры целеобразования и политических ориентаций молодёжи подтверждается лишь частично.

Сравнивая средние значения групп контент-анализа ответов респондентов различного возраста и результатов анализа текстов программ политических партий, можно сделать следующие выводы:

- Студенты, отвечая на вопрос о цели своей жизни, ориентируются прежде всего на сферу субъекта – труд. Их основные жизненные цели связаны с работой и карьерой. Из политических партий цели, связанные с этой сферой, ставит КПРФ, и, в меньшей степени, «Единая Россия». Партия «Родина» и ЛДПР в текстах своих политических программ делают акцент скорее на сотрудничестве, взаимодействии с другими людьми и социальными единицами, что относится, согласно системному подходу В.А.Ганзена, к сфере личности.
- Аргументируя выбор той или иной цели, студенты всех курсов, кроме второго, связывают её с перспективами дальнейшей самореализации, то есть, сферой индивидуальности. Важно отметить, что тексты политических партий затрагивают в основном индивидуальную, субъектную и личностную сферы, уделяя сфере индивидуальности гораздо меньше внимания.
- Отвечая на вопрос о средствах достижения цели, студенты, кроме представителей второго курса, называют средства, связанные со сферой субъекта, т.е. трудом. Они уверены, что достигнут своей цели, если окончат Университет и найдут высокооплачиваемую работу. Аналогичного мнения придерживаются и политические партии, за исключением «Единой России». Их средства достижения цели также лежат в сфере субъекта и связаны с трудом и обеспечением занятости населения.
- При ответе на вопрос о людях, которые могут помочь респондентам в достижении цели, большинство называет друзей, знакомых, некие неформальные контакты, то есть, тех, кто относится, согласно системному подходу, к сфере личности. На эту же сферу делает акцент КПРФ, говоря о россиянах как о соратниках и товарищах. Остальные рассматриваемые партии в большей степени подчёркивают трудовые возможности людей и их статус граждан страны, то есть, сферу субъекта.
- Отвечая на вопрос о планировании и прогнозировании своего будущего, большинство респондентов пишет о возможностях самосовершенствования и творческого развития, а также о постановке новых целей, что относится к сфере индивидуальности. Интересно отметить, что ни одна из рассмотренных политических партий не считает

эту сферу, то есть, творческое развитие и самореализацию граждан, основной в своих планах на будущее.

Исходя из результатов проведённого исследования, можно дать ряд практических рекомендаций политическим партиям, чья программа рассчитана на молодую аудиторию. Прежде всего, можно порекомендовать сделать в программе акцент на возможность самореализации и творческого развития как страны в целом, так и каждого её гражданина. Далее, необходимо помнить, что жизненные цели и планы молодёжи тесно связаны с их профессиональной самореализацией, и предложенная в программе цель, к примеру, обеспечение специалистов высокооплачиваемой работой, привлечёт к партии новых сторонников из этой возрастной группы.

Необходимо особо отметить, что способности человека к самостоятельному созданию новых целей тесно связано с его развитием как индивидуальности. Таким образом, можно сказать, что именно люди, склонные к самореализации и способные к самостоятельным нестандартным решениям, могут стать наиболее активными сторонниками политических партий и вернуть, казалось бы, утраченный интерес молодёжи к политической жизни страны.

***Чешуина Т.В.* Политическая мотивация как психологическая детерминанта понимания политической информации.**

Демократическая форма правления, выдвинутая в качестве эталона глобального политического развития, подразумевает, что свободный гражданин государства делает рациональный выбор на основе ясного и полного понимания политической информации. Однако, специалистам по политической коммуникации очевидно, что это – идеальная теоретическая модель. В реальности понимание политических выступлений часто затруднено по нескольким причинам. Во-первых, публичная политическая информация далеко не всегда преследует явную презентацию целей говорящего. Более того, за представленными целями (всеобщее благо, справедливость и пр.) часто подразумеваются групповые интересы, этой группой тщательно скрывающиеся. Во-вторых, частично по причине завуалированности интересов ратора, большинство людей оценивают потери своего личного времени выше, чем возможный выигрыш от анализа политического выступления или текста. Восприятие выступлений и текстов происходит в условиях минимизации затрат и времени, информация воспринимается, как правило, однократно, бегло, целостно и поверхностно.

Однако, “гуманитарные состояния” (реакция на политическую информацию) граждан явно недооцениваются. Это подтвердили проведенных нами исследований эмоциональной составляющей восприятия политической информации (Чешуина, 2007). Из них можно заключить, что в условиях российской действительности имеет место высокая критичность текстов. Ошибка политических лидеров состоит в том, что основная часть политической информации дается с упором на эмоции, “понимание” выступает синонимом “восприятия”, а часто и сводится к нему. Здесь совершенно упускается смысловая составляющая, информация становится неинтересной субъекту политики, у него угасает мотив реализовать свои потребности через участие в политических процессах.

По данным ВЦИОМ (18.01.2009) на вопрос “Как бы Вы оценили информацию об экономическом кризисе, которую Вы получаете от телевидения, радио, из газет и журналов?” больше половины опрошенных критически оценило информацию, предлагаемую в СМИ. 40% ответило, что СМИ недостаточно откровенно и полно освещают экономический кризис, не дают необходимой информации о происходящем; по

мнению 21% СМИ зачастую преувеличивают последствия кризисных явлений, разжигают страсти на пустом месте и только 28% подаваемая информация кажется объективной.

Результаты нашего исследования показали, что для потенциального избирателя более ценным является соответствие текста актуальной, пусть и негативной ситуации, чем идеальной политической реальности. Это подтверждает представление когнитивной психологии о том, что человек - потребитель политической информации - является активным субъектом восприятия. Человек не пассивный хранитель информации, а обладающий познавательной активностью индивид, стремящийся ее получить, переработать и трансформировать (Kelly). В свою очередь познавательная активность связана с потребностью в ориентации, направлена на выявление объектов и способов удовлетворения других базовых потребностей и является важным звеном эффективной регуляции деятельности людей.

Проблема понимания оказывается универсальной и имеет немаловажное значение практически во всех сферах общественной и личной жизни, и, особенно, в политике. Познавая определенное содержание, имеющее публичное значение, граждане чувствуют себя причастными к общему делу, формируют отношение к социальным проблемам других и избирают одно из решений социально-политической проблемы, которое, по их мнению, понятно и одобрено другими.

Таким образом, перед нами встала необходимость исследовать смысловую, познавательную составляющую восприятия политической информации. В рамках диссертационной работы нами было проведено исследование с целью выявления психологических факторов, влияющих на понимание политической информации. Для обработки результатов использовался компьютерный пакет SPSS.

Для “логического описания” понимания мы использовали схему Ганзена, а также классификацию видов понимания, предложенную А. И. Юрьевым, а именно: восстановление разрушенной информации (временной аспект); воспроизведение предшествующей информации (энергия); предвосхищение последующей информации (3) и реализация предъявляемой информации (4) (Юрьев, 1992). Исходя из данных видов понимания, нами были разработаны модификации методик, направленных на диагностику понимания – метод подстановки понятий (“простые и сложные аналогии”), метод узнавания понятия, метод определения понятий (закрытые тестовые задания) сравнения понятий и метод исключения лишнего, метод определения, а также метод интерпретации понятий. Анализ понимания политических терминов проводился в рамках психолингвистического подхода.

В нашем исследовании мы исходили из научного определения понятия (термина) как знания существенных свойств предметов и явлений окружающей действительности, а также существенных связей и отношений между ними (Усова), а также представления о процессе мышления как о процессе оперирования понятиями (терминами). Это связано с многозначностью слов естественного языка, которые характеризуются высокой экспрессивностью и, что особенно важно, огромным количеством неформальных подтекстов. Причем иногда эти контексты настолько завуалированы, что без их знания не возможно понять текст в целом. Научное же мышление стремится к некоторой осознанности и относительности использования. Поэтому, можно говорить о научном термине как о слове, относительно которого можно с полной ясностью сказать какое понятие им определяется. Предложенные научные термины отбирались путем экспертного отбора из словарей политической лексики.

Для выделения психологических детерминант нами был разработан авторский опросник измерения политической мотивации и “Многофакторный опросник личности Кеттела (форма С)”. Опросник на политическую мотивацию состоял из 9 вопросов, классифицируемых по трем шкалам, по видам мотивов (эмоциональный блок - интерес, когнитивный блок - осведомленность и коммуникативный блок – активность). Оценки, данные испытуемыми по каждой из трех шкал, переводились в баллы в соответствии со

шкалой (1, 2, 3, 4, 5) и суммировались. Оценки по каждой из трех шкал, переводились в баллы в соответствии со шкалой (1, 2, 3, 4, 5) и суммировались.

Результаты исследования выявили взаимосвязь между определением политических понятий и такими характеристиками личности как независимость в суждениях и поведении, развитость воображения, высокий творческий потенциал человека. Скорее всего, это связано с тем, что человек, менее поддающийся влиянию и манипуляциям из СМИ, в большей мере склонен к восприятию научных фактов, а также научному подходу в понимании терминов, а развитое воображение помогает ему домыслить недостающие компоненты. Испытуемые, у которых выше творческий потенциал, более развито воображение, высокая независимость суждений и поступков способны лучше понимать, определять и обобщать политические термины.

Полученные результаты выявили наиболее существенную связь понимания политической информации и политической мотивации.

Под политической мотивацией нами понимался “набор психологических факторов и причин (мотивов), побуждающих людей к политической активности” (Ольшанский, 2002). Пассивное поведение граждан может быть вызвано: как с объективной невозможностью влиять на политические решения, так и неспособностью, добровольным нежеланием принимать в них участие. Одним из ярких примеров расплывчатости политической мотивации может служить социокультурный гибрид российского общества 2000-х годов - “авторитарно-демократический тип массового сознания” (Поливаева, 2008).

Так по данным ВЦИОМ (11.01.2009) участие в общественной и политической жизни считают важным только 50% опрошенных. В свою очередь уровень политической активности россиян постоянно снижается (Мониторинговые исследования ВЦИОМ 2004 - 2008). Единственной востребованной формой влияния на власть остаются выборы. Практически невостребованными являются формы, связанные с традиционными институтами - партиями, общественными организациями, митингами, забастовками. Ведущие мотивы участия россиян в общественно-политической жизни: стремление изменить жизнь к лучшему (граждане, оценивающие свое материальное положение как хорошее, граждане среднего и старшего возраста) и интерес. Уровень интереса и политической активности снижается из-за восприятия политики как сферы деятельности элит, где от представителя масс ничего не зависит, соответственно и реализовать себя в этой сфере он не считает возможным.

Итак, для потенциального избирателя первоочередным является соответствие текста актуальной, пусть и негативной ситуации. Поэтому для повышения общественно-политической мотивации политическим лидерам необходимо обратиться к смысловому контексту политической информации, ориентироваться на понимание публичной информации реципиентами, стимулируя интерес к политической сфере жизни.

Багрунов В.П. к.п.с.н. Опыт постановки голоса политического и общественного деятеля.

Постановка проблемы. Политика наряду с другими государственными функциями включает и властно-управленческую, и организаторскую деятельность людей. Большую часть политической информации массы людей получают «с голоса» своих лидеров, и доверяют ему только в том случае, если их голос звучит мощно, четко, красиво, убедительно.

В 1994 году после многолетних (начиная с 1973 года) теоретических поисков и собственной вокальной практики автору статьи удалось создать технологию возрождения природного голоса человека, основанную на простых приемах, доступных даже для детей

дошкольного возраста. В 2009 году получен патент №2361282 СПОСОБ РАЗВИТИЯ И НАСТРОЙКИ ГОЛОСА.

История проблемы. Науки о голосе не было, и нет до сих пор. Именно поэтому неверно определена природа голоса, а также и сам источник голоса, вследствие чего ни в одной из областей человекознания нет таких низких практических результатов, как это имеет место в работе с голосом.

Исторически сложилось так, что с середины 19 века и по настоящее время теория и практика проблемы голоса является прерогативой вокалистов и обслуживающих их физиологов и фониатров. До сих пор в ходу утверждение самого известного в мире вокального педагога Мануэля Гарсия-сына (1803-1905), автора миоэластической теории фонации, что природой голоса является звук, который издают голосовые связки под воздействием воздушной волны. Вторым важнейшим постулатом школы Гарсия его последователей является требование глубокого диафрагматического дыхания. Ложное понимание природы голоса в совокупности с этими двумя незыблемыми до сих пор постулатами (голосовые связки +глубокое дыхание) являются, на наш взгляд, главной причиной не только упадка певческого искусства, но и причиной неисчислимых бед для людей, для которых голос является важным инструментом деятельности (преподаватели, общественные деятели, политики).

Решение проблемы. В 1994 г. нами была выдвинута нейробронхиальная теория образования голоса, которая основана на результатах опытов русского ученого Ильи Грузинова и анализе творчества Ф.И.Шаляпина, непревзойденного великого русского певца, практически самоучки. И.Грузинов, в своих уникальных опытах над только что погибшими воинами на Бородино в 1812 году доказал, что человеческий голос порождается колебанием мембранозной части трахеи, а не голосовыми связками. Необходимо отметить, что о порождении голоса трахеей писал в своих «Анатомических тетрадах» Леонардо да Винчи (1510 г.)

В настоящее время этот фундаментальный факт не принимают во внимание современные «теоретики» (В.П.Морозов, 2008 и др.) во многом потому, что этот феномен ставит под большой вопрос все традиционные методы работы с голосом, которые, как правило, не развивают, а разрушают голос. Подтверждением того, что произвольная мышечная система не имеет отношения к генерации звука, является мощный голос (до 110 дБ) новорожденного младенца, так как в момент рождения у человека произвольная мышечная система еще не функционирует. Потеря природного голоса начинается с трехлетнего возраста, когда ребенок, познавая окружающий мир, начинает связывать свои физические усилия со звуком: больше силы – больше звука, например: хлопанье в ладошки. У взрослого человека природный голос сохраняется в редчайших случаях: приблизительно, у одного из тысячи. Такие люди, как правило, жители сельской местности. У остальных людей необычайной силы звук возникает лишь в моменты сильнейших стрессов: в эти моменты срабатывает древняя, гладкая мускулатура, а новая, произвольная система не принимает в этом участие. Убийственными фактами для связочной теории голосообразования является наличие голоса у прооперированных больных при отсутствии не только голосовых связок, но и гортани в целом, также потеря голоса при респираторных заболеваниях (трахеите и бронхите), в то время как голосовые связки здоровы.

Результаты:

1. Природа голоса заключается не в извлечение звука, а в передаче информации с помощью звука. Этот вывод переворачивает технологию работы с голосом: надо работать не с пустым звуком, а со смыслом звука. «Вся сила голоса в интонации» постоянно говорил и доказывал своим творчеством Ф.Шаляпин. Однако, методы великого певца до сих пор игнорируются. Проблема голоса на 99% - психологическая, а не физиологическая.

2.Звук голоса возникает не в гортани с помощью голосовых связок, а порождается в груди колебанием мембранозной части трахеи.

Выдвинутая нейробронхиальная теория:

1. Кардинально меняет технологию работы с голосом: снимаются мышечные напряжения с дыхания и гортани, и голос сразу же начинает изменяться по всем параметрам. Положительные изменения в голосе наблюдаются уже через 2 часа после начала занятий.

2. Объясняет многие ранее непонятные факты и феномены, среди которых и ответ на вопрос о природе феномена Шаляпина.

3. Позволила создать общедоступную методику, при которой происходит возрождение природного голоса в результате смены физической модели громкости звука, на психическую, интонационную модель. Занятия по этой методике приводят не к усталости, а напротив, оздоравливают и усиливают все функции организма. Человек забывает, что такое болезнь.

Главным практическим выводом теории является новое представление о голосе, как важнейшей регуляторной системы всех функций жизнеобеспечения человека. Это свойство голоса обеспечивается звуковыми вибрациями, которые обладают ценнейшими свойствами, и одновременно воздействуют на все структуры и функции организма (от макушки головы до пяток). Эти волны, как и все природные процессы, могут нести противоположные заряды. При рождении каждый человек является обладателем уникального природного голоса, благотворно действующего на все системы организма. В дальнейшем, начиная с трехлетнего возраста, этот природный голос у 99,9% людей исчезает, но он восстанавливается с помощью разработанной методики.

Методика настолько проста и доступна, что ею легко овладевают уже дети дошкольного возраста. Особенно она полезна для беременных мам в плане улучшения внутриутробного развития ребенка. Есть все основания считать, что продолжение «голосовых дуэтов» матери и ребенка в последующие три года приведут к сохранению природного голоса ребенка на всю оставшуюся его жизнь. Есть также основание предположить, что такие занятия с ребенком позволят ему выйти на совершенно новые, невиданные ранее горизонты физического и психического развития. По нашей гипотезе у современного человека 90-95% резервов психики заблокированы механической моделью голоса, которая образуется практически у всех людей, начиная с 3-х летнего возраста. Поэтому, если не дать образоваться механической модели голоса, то эти 90-95% резервов психики будут работать на человека. По сути, начнется новый этап эволюции человека. Это не голословно, а подтверждается примерами учеников, открывших у себя способности, о наличие которых они не подозревали.

За 15-летний период нами и нашими последователями не только в России, но и странах ближнего и дальнего зарубежья обучено более 1000 человек. Десятки тысяч человек занимаются по дистанционному курсу развития голоса. Сравнительные записи, компьютерные обработки голоса, отзывы прошедших обучение показывают, что в результате обучения в короткие сроки происходит воссоздание его природного звучания, улучшаются все параметры голоса (тембр, выносливость, громкость, диапазон, интонационная пластичность, дикция), а также открываются безграничные возможности регулирования голосом самых разнообразных функций жизнедеятельности организма. Улучшаются способности к саморегуляции, нормализуется сон, выявлен высокий антидепрессивный эффект, увеличивается устойчивость к инфекционным заболеваниям; ускоряются процессы регенерации тканей; открываются новые способности (хореографические, декламационные, певческие); улучшается слух в целом, а также речевой, музыкальный и интонационный слух; резко улучшаются коммуникативные способности, самочувствие; появляется стремление к саморазвитию.

Возрождение природного голоса необходимо каждому человеку, но в первую очередь тем, кому по роду деятельности необходимо быстрое восстановления физиологических функций (согласно опытам моего австралийского ученика, врача Бориса Голембо, это происходит через две минуты).

Методика получила высокую оценку среди кандидатов в Государственную Думу, которые летом 1998 года проходили высшие политические курсы при кафедре политической психологии СПбГУ. На это событие оперативно откликнулись ИЗВЕСТИЯ статьей Сергея Краюхина «Для успеха необходим хорошо поставленный голос».

В настоящее время идет успешное внедрение методики в спорте высших достижений (шахматы: гроссмейстеры Е.Алексеев, Н.Витюгов, А. Шиманов).

В августе 2002 года вышла книга автора методики «Азбука владения голосом» (1000 экз.). В 2006 г. – второе издание (10000 экз.) О результатах деятельности Школы Природного Голоса сообщалось в средствах массовой коммуникации (газеты, в передачах на радио и телевидении – 10 передач: ОРТ, РТР, НТВ -2, ТНТ-2, СПБ, СТС, СТО-2.)

Вот некоторые отзывы деятелей искусства и ученых:

...В чем секрет уникальной методики Владимира Багрунова? Самое главное и основное - общедоступность, возможность объяснить и раскрыть безграничные возможности голоса, рассказать понятными, простыми словами новую, выдающуюся теорию о красоте, силе человеческого голоса. Его методика насыщена, общечеловечна, любой слушатель, после курса, становится здоровее, счастливее, увереннее, внутренне богаче, чище, красивее. Актный зал Национального художественного музея Республики Саха (Якутия) все три дня мастер-классов В.П. Багрунова был переполнен. Надо заметить, что данный музей недавно посетили Президент РФ Владимир Путин и генеральный директор Государственного Эрмитажа Борис Пиотровский. //23 сентября 2007. .... С уважением, композитор, продюсер, заслуженный деятель искусств Республики Саха (Якутия) Валерий Шадрин//

....Считаю что, открытый Владимиром Багруновым, феномен "природного голоса" в связи с его очевидной социальной перспективностью требует немедленного и всестороннего изучения. Считаю, что научные исследования, проводимые в рамках "Школы Природного Голоса Владимира Багрунова" заслуживают государственной и общественной финансовой поддержки и внимания. //15 октября 2007 Ведущий научный сотрудник "Института Мозга Человека" Доктор биологических наук Ю. З. Полонский//

Тщательный анализ психофизиологических литературных и исторических архивных данных, результатов наблюдений позволили В.П. Багрунову отойти от традиционных схем обучения певческому искусству и предложить свою теорию "правильного" дыхания, обуславливающего постановку "правильного" голоса. Взгляды автора не совпадают с мнением большинства специалистов, помогающих овладеть певческим искусством. И тем более они не находятся в согласии с признанными физиологическими механизмами дыхания. Авторская методика "настройки" голоса также возвращает утраченный с годами голос. Анализ содержания книги приводит к убеждению, что механизмы дыхания и голосообразования неразрывно связаны и изучать их необходимо комплексно. //24 ноября 2007 . Руководитель лаборатории нейроэкологии НИИ экспериментальной медицины РАМН, профессор, д.б.н., действительный член Российской Академии медико-технических наук Суворов Н.Б.//

В настоящее время в России удалось привлечь внимание сотрудников двух петербургских научных учреждений: Институт Мозга Человека РАН, НИИ экспериментальной медицины РАМН.

На базе ООО «БОГИОН» создана Школа Природного Голоса Владимира Багрунова, представители которой работают, как в России, так и в ближнем и дальнем зарубежье. Действуют несколько сайтов школы. www.bagrunov.ru и др. Результаты работы школы активно обсуждаются в Интернете. Методика активно внедряется в странах ближнего и дальнего зарубежья, особенно в медицинском аспекте.

Выводы.

Из за физиологического, по сути механистического подхода к проблеме голоса, наблюдаются отрицательные практические результаты во всех учебных заведениях, связанных с развитием голоса.

Проблема голоса – это чисто психологическая проблема, так как сама природа голоса является информационной, и она должна стать предметом психологии. Однако, многочисленные попытки (с октября 1994 года и кончая июнем 2009 года) привлечь интерес к данной проблеме руководства родного для меня факультета психологии СПбГУ, в котором я учился и работал с 1964 по 2001год, оканчивались неудачей. Именно поэтому считаю, что контроль и внедрение инноваций должно стать прерогативой государственной политики.

Павлова Н.С., к.п.н., доцент. Соотношение политических и экономических представлений населения о сути государственных реформ.

Проблема исследования экономических представлений в отсутствие целостной теории реформ, которая признавалась бы всеми, может считаться достаточно значимой. Именно с представлениями связана функция целеполагания, заключающаяся в определении ориентиров для объективного анализа ситуации, в которой находится общество. В научно-теоретических и практических целях представляется важным исследование образа сегодняшней экономической ситуации, который, по мнению, в частности, Л.Я.Гозмана, не менее важен, чем сама ситуация. В ряде источников в последнее время высказывалась мысль о необходимости изучения экономических представлений с целью приведения их к социально-необходимому, нормативному состоянию.

Экономические представления - это комплексно организованная система образов, являющихся субъективным отражением объективной экономической реальности.

В настоящий момент одной из самых актуальных и острых сфер реформирования является сфера налогообложения. Психологический анализ отношения к налогам может рассматриваться в качестве одного из способов прогнозирования реакций населения на определенные мероприятия экономической политики. Например, в руководстве по экономической психологии приводятся результаты масштабного многонационального исследования факторов, проведенного в 80-е гг. Анализ результатов построен на предположении о том, что в основе проблемы сбора налогов лежит налоговый менталитет.

Налоговый менталитет - это нормы, установки и представления, разделяемые налоговыми властями и налогоплательщиками каждой нации. Оказывается, чем больше противоречий между налоговым менталитетом и системой налогообложения, тем менее эффективной является жестокость по отношению к нарушителям системы, вызывая еще большее сопротивление чем то, которое данная система имела целью преодолеть.

В последнее время, в т.ч. и в экономически развитых странах наблюдается разрушение налоговой морали. Динамика налогового поведения в США показала, что граждане все больше обманывают налоговые органы и все меньше испытывают чувство вины по этому поводу. Одна из главных причин - представление о том, что именно средний класс платит налогов больше, чем получает выгод от правительства, т.к. государственный бюджет перераспределяет их доходы двум другим группам - бедным и богатым. Богатым потому, что у них есть возможность легального избегания налогов (межнациональное перемещение капитала, возможность пользоваться услугами “дорогих”

консультантов и т.п.). Таким образом, в данном случае представление о несоблюдении принципа “вклад-отдача” вызывает чувство несправедливости и, как следствие, уменьшение вклада.

В связи с данной тенденцией одной из перспектив продуктивного решения проблемы налогообложения может являться попытка учета фактора справедливости.

Для изучения данного вопроса нами был проведен эксперимент, в ходе которого рассматривалось отношение населения к налогам в контексте справедливости.

В качестве метода исследования использовался специально разработанный опросник с семибалльной шкалой. Выборку составили служащие государственных и коммерческих структур в количестве 52 человек.

Нравственная составляющая оценки системы налогообложения сопровождалась представлением о ней как о несправедливой (степень согласия 6.09), несмотря на высокую степень согласия (5.84) с тем, что налоги- неизбежное и разумное явление экономической жизни. При этом максимальное согласие с утверждением, что каждый гражданин имеет право на информацию о том, куда идут средства от налогов (6.87), сочеталось с невысоким показателем знания о том, каковы принципы нынешней системы налогообложения (3.22).

Поиск когнитивных механизмов, включенных в формирование отношения к налогам в контексте справедливости, позволил выделить следующие. Прежде всего, это механизм сравнения в разных его проявлениях и механизм идентификации собственной экономической ситуации с экономической ситуацией в стране, связи микро- и макроэкономического компонентов экономического сознания. Так, степень согласия с утверждением “социально-экономическая справедливость - это то, что дает человеку возможность чувствовать, что он не хуже других” - достаточно высока (5.19) и значимо связана с метафорическим представлением о справедливости как о налоге, который должны платить наиболее предприимчивые, и высокозначимо с тем, что человек близко к сердцу принимает неблагополучие в экономике страны.

Те, кто в большей степени ориентированы на пропорциональную справедливость рынка, демонстрируют представление о том, что справедливость - это своего рода “общественный договор” между людьми с различным доходом. В то же время связь степени согласия с утверждением о том, что в справедливом обществе люди получают деньги только за реально выполненную работу без привилегий и исключений, с утверждением “рыночная система не бывает справедливой” показала, что миф о пропорциональной справедливости рынка потихоньку развенчивается. При этом испытуемые склонны соглашаться, что их доход не соответствует их усилиям.

В то же время срабатывает механизм подравнивания вкладов и отдач, часто являющийся причиной уклонения от налогов, который действует и на микроуровне, и на макроуровне.

Итак, судьба реформ зависит от способности властей заручиться доверием граждан, формируемым в связи с их глобальными и локальными установками, которые во многом ориентированы на соблюдение принципа справедливости. Необходимо прогнозировать возможность возникновения у людей ощущения хаоса и беспорядка, непредсказуемости ситуации и слабости от равнодушия властей, которые могут толкать на агрессивные действия, на самоизоляцию, формировать идеологию “войны каждого против всех”. Нужна разработка стратегии формирования более позитивного образа текущей ситуации, в том числе, и в сфере налогообложения.

Васильева В.П., Место и особенности мотивации власти в системе направленности личности политика и государственного чиновника

Политика и государственная служба — два вида деятельности, напрямую связанные с реализацией властных полномочий. От профессиональной и личностной

компетенции носителей государственной власти зависит эффективность государственной политики. Важное место в феномене личностной и профессиональной компетентности занимает направленность личности. Нас интересует то влияние, которое оказывает мотивация власти на направленность личности политика и государственного чиновника. Не секрет, что в сферы деятельности, связанные с властью, идут прежде всего люди с выраженным мотивом власти.

Выявление соотношения мотивации власти и направленности личности ставит перед исследователем несколько вопросов. Во-первых, какова иерархия мотивационных образований в структуре направленности. Во-вторых, как зависит от сформированной в онтогенезе мотивации власти эта иерархия. В-третьих, как реализуется власть в различных ситуациях в зависимости от онтогенеза мотивации власти.

Обратимся к определению и структуре направленности, отображающим наше понимание этого феномена. Направленность — относительно устойчивая иерархия всех мотивационных образований, определяющая основные жизненные выборы, связанные с отношением к себе, другим людям и миру. Мы считаем, что направленность личности проявляется посредством установок, убеждений / предубеждений, идеалов, ценностей, целей.

Установка (аттитюд) — готовность действовать определенным образом, основанная на когнитивной оценке объекта или ситуации и эмоциональном отношении к ней.

Убеждения — представления о мире, эмоционально переживаемые как правильные, основанные на фактических знаниях, документах, научных данных и побуждающие к действию в соответствии с собой.

Предубеждения — представления о мире, эмоционально переживаемые как правильные, основанные на некритически усвоенных чужих идеях или обобщении единичного опыта.

Цель — осознанный желаемый результат прогнозируемого будущего.

Идеал — образ, который служит эталоном, часто заведомо недостижимый.

Ценности — представления о благе на субъективной шкале добра и зла.

Идеалы, поскольку их ценность неоспорима, являются по теории М. Рокича терминальными ценностями. Именно ценности являются вершиной в структуре диспозиций системы установок. При этом ценности детерминируют все нижележащие диспозиции. Кроме того, мы считаем, что в центре структуры направленности личности расположены именно ценности, которые порождают все прочие мотивационные образования и обуславливают их проявление в жизнедеятельности индивида. Ценности определяют систему оценок, в соответствии с которой индивид оценивает окружающую действительность, и принципы, по которым индивид организует свое взаимодействие с другими людьми и миром. Убеждения и предубеждения являются императивной словесной формой выражения оценочной шкалы и принципов, правил поведения. Убеждения и предубеждения в свою очередь порождают установки.

Ценности являются фильтром для целей и способов их достижения. А согласно теории М. Рокича, цели и средства их достижения есть два вида ценностей — терминальные и инструментальные. Особое место в этой структуре занимают интересы. Мы считаем, что интересы не всегда полностью обусловлены ценностями, например любопытство. Однако чаще всего индивида интересуют те аспекты окружающей действительности, которые соотносятся с его ценностями, соответствуют или противоречат им.

Рассмотрение онтогенеза ценностей личности позволяет нам увидеть особенности взаимодействия элементов структуры направленности. Прежде всего обратимся к источникам формирования ценностей. Первый — базовые потребности личности, второй — ценности значимых людей, прежде всего родителей. Опыт удовлетворения и фрустрации базовых потребностей приводит к формированию реально действующих, но

не всегда осознаваемых ценностей. В соответствии с ними индивид ставит цели и выбирает способы их достижения. Убеждения, предубеждения и установки как результат функционирования таких ценностей также часто не осознаются. Интроекция ценностей значимых людей формирует осознаваемые ценности. Они чаще всего остаются на уровне декларации, при этом производят впечатление реально действующих. Эти ценности облекаются в императивы предубеждений, влияют на складывание осознаваемых убеждений и установок. Цели, поставленные в соответствии с такими ценностями, беспелляционны и средства их достижения бескомпромиссны.

Если направленность определяется ценностями, то иерархию мотивационных образований в направленности можно рассматривать как иерархию ценностей, сформулированных в виде принципов, оценочных суждений, убеждений и предубеждений, порождающих установки, интересов, целей и способов их достижения. Вводя в эту схему власть мы получаем иерархию мотивационных образований, основанных на мотивации власти.

Мотивация власти может проистекать из фрустрированных потребностей как компенсаторный механизм и из ценностей значимых людей, которые являлись представителями династии властимущих (в этой ситуации власть — это норма жизни, вынуждающая индивида строить свою жизнь по ее законам), либо транслировали ребенку императивы на власть как универсальное средство или средство достижения важных для них самих целей. Компенсаторная природа власти и императивы на власть как универсальное средство жизни или образ жизни приводят, на наш взгляд, в формированию отношения к власти как самоценности. В данном случае происходит смещение мотива на цель (по А.Н. Леонтьеву), то есть власть выступает средством, но за ним не видны цель и потребность. Поэтому власть оценивается как беспрекословное абсолютное благо и ее достижение и обладание ею воспринимается как конечная цель. Если значимые люди транслировали ребенку необходимость обладать властью ради использования ее ресурсов, то власть воспринимается как средство достижения целей и реализации ценностей. Также и компенсаторный характер власти может порождать отношение к ней как средству. В зависимости от вида мотивации власти в иерархии структурных элементов направленности личности будут выделяться и влиять на проявление власти либо ценности, либо способы достижения цели.

Более подробное рассмотрение влияния мотивации власти в зависимости от онтогенеза на иерархию структурных элементов направленности личности приводит нас к описанию способов реализации власти в различных ситуациях.

Первый вариант соотношения власти и иерархии структурных элементов направленности личности основан на мотивации власти, в основе которой лежат следующие факторы: А) фрустрация потребности в безопасности вследствие присутствия в онтогенезе индивида насилия в любом проявлении, что приводит к возникновению у него психологической травмы и формированию компенсаторного механизма выхода из нее в виде абсолютизации ценности власти; Б) принадлежность индивида к династии властимущих, это означает, что ребенок с рождения находится в социальной среде, обладающей властью, в которой власть является неотъемлемой частью жизни, независимо от его желания; В) убеждение родителей в том, что власть обладает высочайшей ценностью и заслуживает того, чтобы к ней стремиться и обладать ею, то есть возведение самоценности власти в категорический императив. Эти три особенности онтогенеза индивида приводят к формированию у него такой мотивации власти, которая рассматривает власть как абсолютную ценность.

Самоценность власти как императив порождает принцип поведения «власть — лучший инструмент безопасности (или я, или меня)», который формирует оценочную шкалу с критериями, определяющими кто сильный, а кто слабый. Следствием такого категорического разделения мира на сильных и слабых являются убеждения и предубеждения, отражающие понимание своего места в мире и своих ресурсов,

обеспечивающих власть: есть господа и плебеи; сила есть, ума не надо; сила не в мышцах, а в голове и т. п. Далее складываются установки, как готовность проявляться в мире определенными убеждениями и предубеждениями образом: подавлять, конкурировать, побеждать любой ценой; преклоняться перед сильным, презирать слабого; «съесть», как только кто-то, кто был выше и сильнее, ослабел; сместить, подсадить и т. п.

Отношение к власти как самоценности порождает интерес ко всему, что связано с ситуацией власти: к средствам власти, моделям управления и, конечно, к своим ресурсам и их развитию с точки зрения обладания и реализации власти. Эти интересы будут доминировать над остальными.

Интересы и принципы, сформированные в этой системе ценностей, побуждают индивида ставить перед собой цели на достижение власти (при этом важно определить, где эта власть может осуществляться, над кем и посредством чего) и на саморазвитие в области влияния, силы, управления, исходя из своих ресурсов и других ценностей. Для достижения этих целей индивид будет подбирать такие средства, которые согласовываются с его установками. Поэтому основное внимание он уделит инструментам власти и инструментам развития.

Таким образом, мотивация, ставящая власть на вершину системы ценностей индивида, обуславливает эгоцентрическое поведение.

Если с этой точки зрения посмотреть на деятельность политика и государственного чиновника, то мы увидим, согласно исследованиям Д. Мак-Клелланда, Дж. Вероффа, Д. Винтера, Т. Адорно и др., следующие поведенческие особенности: постоянно находится в состоянии повышенного напряжения в связи с опасениями не достигнуть, потерять положение и влияние; склонность к злоупотреблению алкоголем; готовность и способность обманывать, манипулировать, оказывать давление, шантажировать и т. п. и оправдывать подобные действия со стороны других; участие в сговорах; готовность рисковать; стремление завершить разговор на своей позиции; наличие друзей, восхищающихся им и признающих его абсолютное первенство; стремление произвести впечатление сильного человека; приобретение символов власти — вещей, подчеркивающих статус владельца; заискивание перед начальством и тоталитарные решения или видимость демократии по отношению к подчиненным; поддерживает законопроекты, удовлетворяющие собственные интересы или значимых для него групп и т. д.

Таким образом, мы видим политика или госчиновника, который желает обладать властью и демонстрировать ее.

В основе второго варианта соотношения власти и иерархии структурных элементов направленности личности лежит отношение к власти как средству. Такое значение власть приобретает вследствие А) фрустрации потребностей, когда индивид обнаруживает, что обладание властью позволит ему компенсировать неудовлетворенные потребности, и Б) императива значимых для индивида людей на власть как средство достижения важных прежде всего для них целей. Способ поведения значимых людей, использующих власть в своих интересах, интериоризируется ребенком и становится стереотипом его поведения. К такому личностному смыслу власти может привести также желание отомстить за обиды, доказать, что можешь чего-то достичь, что-то совершить, что не хуже или даже лучше других и т. п.

При таком отношении к власти иерархия структурных элементов направленности личности отличается от первого варианта. В основе структуры также лежат ценности, но они разнообразные и не сводятся к абсолютизации власти. Ценности порождают интерес к сферам деятельности, где индивид может реализоваться, что придаст ему ощущение наличия власти, и интерес к другим людям с точки зрения их соответствия его ценностям, что позволяет выявить уровень ресурсов их и собственной власти.

Исходя из ценностей индивид формулирует цели, которые могут быть социентрированными, то есть направленными на развитие общества благодаря

реализации «новаторских» идей индивида, либо сугубо эгоцентрированными, которые не принимают во внимание социальные потребности общества. Цели также зависят от принципов индивида.

Принципы в данной структуре вытекают из ценностей и отражают стремление донести до социума свои «правильные» и «прогрессивные» принципы. Они оказывают непосредственное влияние на оценочную шкалу, которая напрямую также связана с ценностями. При этом оценочная шкала как набор критериев, в соответствии с которым индивид оценивает других людей, будет двойственной: частная, сформированная индивидом под задачи и цели, требующие власти и общая, вытекающая из ценностей, система оценок. Поскольку проявления власти присутствуют практически во всех сферах жизнедеятельности индивида, то обе системы оценки будут функционировать одновременно, а это означает, что действия власти будут в большей степени, чем в первом варианте, социально ориентированны.

Оценочная шкала и принципы формируют убеждения, суть которых сводится к вере в высоту своих идей и их безусловную важность и полезность для общества. Как следствие складываются установки, которые направляют индивида к тем объектам, которые позволяют ему быть первым, лучшим, идеальным, принимать на себя ответственность за человечество в виде миссионерства и служения идеи, прежде всего своей.

Интересы, цели и установки в совокупности приводят к выбору средств, которые позволяют индивиду через власть реализовать цели.

Поведенческие особенности политика и государственного чиновника с таким отношением к власти могут быть, согласно упомянутым исследованиям, следующими:

1. При социоцентрированных целях и установках: сдержанность в проявлении агрессии, готовность осуждать агрессивность в других; приобретение символов власти, престижных атрибутов; при групповом взаимодействии больше говорят и, по оценкам участников, оказывают на других большее влияние; поддерживает законопроекты, удовлетворяющие интересы общества, общественных групп, собственного электората и т.д.

2. При эгоцентрированных целях и установках: приобретение символов власти, престижных атрибутов; сверхрационализм; стремление к манипулированию другими; отсутствие привязанностей; безжалостность; цинизм; поддерживает законопроекты, удовлетворяющие собственные интересы или значимых для него групп и т. д.

В первом случае перед нами политик или госчиновник, желающий обладать властью ради использования ее ресурсов на благо общества. Во втором, мы сталкиваемся с политиком или чиновником, стремящимся обрести и удержать власть ради тех благ и выгод, которые он получает, обладая властными полномочиями.

Предложенная нами концепция позволяет осуществлять прогноз личностной и профессиональной компетентности политиков и государственных чиновников как на стадии отбора кандидатуры на должность и для решения политических задач, так и в процессе их профессиональной аттестации.

2.2. ПСИХОЛОГО-ПОЛИТИЧЕСКА ОЦЕНКА И ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Щербакова Е.Е., д.пед.н., к.ис.н., проф. Круковска И.Н. О соответствии требований к имиджу и личностным характеристикам политика.

Сегодня, говоря о практике политической психологии, о её реальности, возможностях и перспективе, нужно учитывать сложившееся отношение к политике в обществе. Бытующее долгое время выражение: «политика – грязное дело», отошло в прошлое. Общество по мере возможности пробовало понять политиков как личностей и следовать тезису: «голосуй сердцем». Жизнь показала, что такая практика срабатывает лишь отчасти. Проведённый нами в Н.Новгороде экспресс–опрос на базе Гуманитарно–художественного института Нижегородского архитектурно–строительного университета, выявил новый тезис, тиражируемый социумом: «хороший человек – это не профессия!». Так что же ожидает общество от политиков завтрашнего дня? Выводы по исследованиям общественного мнения показывают, что граждане в этом вопросе в основной массе, имеют определённое мнение, которое обязаны учитывать социальные и политические психологи и которое полностью соответствует реалиям сегодняшнего дня и ожидаемого будущего.

Самое главное требование к политику – наличие у него объективного государственного мышления, что включает в себя:

- понимание причинно-следственных связей в процессах, протекающих в государстве и международных отношениях;
- принятие решений улучшающих качество жизни и регулировку общественных отношений всех социальных слоёв;
- высочайший уровень профессионализма;
- высокий уровень синтетического интеллекта;
- высокий личностный морально-нравственный уровень.

К сожалению, данным требованиям среди политиков, известных широкой общественности соответствуют лишь единицы.

В результате, например, закон о психиатрии был принят, по утверждению депутатов, в интересах инакомыслящих политиков. Но у нас давно многопартийная система и плюрализм мнений. В результате, тысячи граждан лишились конституционно законной медицинской помощи и социальной поддержки, а их родственники остались один на один со своей бедой и годами обивают пороги инстанций, видя как у их близких разрушаются высшие психические функции и наступает деградация личности в отсутствие своевременного лечения. Или - в законе о перепланировке жилых помещений забыли вставить слово «капитальная». В результате перепланировкой, подлежащей дорогостоящей регистрации стал считаться лист гипсокартона. Вроде бы мелочь! Но население, столкнувшись с этой проблемой, шлет проклятия в адрес депутатов и сомневается в их умственной полноценности с одной стороны, и подозревают в злом умысле с другой.

А получение любых справок об имуществе стоит в соотношении к зарплатам и пенсиям столько, что возникает законный вопрос: «а куда идут налоги на недвижимость, если все справки в органах государственной регистрации – платные?» И таких вопросов, окрашенных сильными отрицательными эмоциями в социуме накопилось великое множество.

В связи с этим в политической психологии остро встаёт вопрос о противоречии в понятиях «слыть и быть», то есть вопрос о соответствии предвыборного имиджа политика

и его реальных личностных характеристик. Информационный натиск на умы и эмоции избирателей во время предвыборной кампании, как правило, сменяется постепенным разочарованием в дальнейшем, что приводит к депрессивным настроениям в обществе по отношению ко всему обществу, и выражается в вопросе: «Если это первые, то какие же тогда последние?»

Налогоплательщики вправе рассчитывать на помощь современной науки в претворении в жизнь их требований к личности политика. Практически все политики заявляют о том, что нужно делать, но мало кто знает и понимает – как.

Исходя из всего вышперечисленного очевидно, что политическая психология должна выработать на основе последних достижений чёткие и ясные критерии профессиональной идентичности, методологию профессионального отбора и подготовки политиков, иначе в долговременной перспективе девизом политической психологии могут стать строки Тютчева: «Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется...».

Степанова Е.Е. Целеобразующая сила образа события, представленного в СМИ, как фактор политического целеобразования аудитории

По мнению А.И.Юрьева, «из множества отношений, связывающих людей, политическими являются только отношения произвольные, имеющие в своей основе чётко сформулированную цель». Именно поэтому рассмотрение процесса целеобразования объектов и субъектов столь специфической деятельности, как политика, является крайне важным.

В постиндустриальном обществе информация играет ключевую роль во взаимодействии субъектов и объектов политической деятельности. Всё чаще проблемы мировой политики становятся зависимыми от её приёма, передачи, обработки и интерпретации. Г.Г.Почепцов считает, что последствием этого стала возрастающая зависимость правительств от своего населения. В свете этого особенный интерес представляет исследование процесса создания новых целей объектами политики. Именно они являются основными потребителями информации и задают тон дальнейшему развитию политического процесса.

Необходимо помнить, что способностью к целеобразованию обладают далеко не все объекты политической деятельности. Целеобразование напрямую зависит от получаемой людьми информации. При этом ключевую роль в развитии способности человека к целеобразованию играет образ события, создаваемый СМИ. Под образом события мы понимаем искусственно созданную в рамках СМИ и предложенную аудитории интерпретацию произошедшего события, призванную сформировать у неё определённое отношение к этому событию.

Анализируя связь между образом события и политическим целеобразованием аудитории, можно говорить о целеобразующей силе образа, то есть степени его влияния на процесс формирования адекватных целей деятельности человека. Эта сила, побуждающая аудиторию к формированию новых целей, является результирующей влияния образа события на все элементы структуры процесса целеобразования.

Так, образ события должен влиять на целеполагание – способствовать осмыслению человеком того места, которое он занимает в экономической, социальной, производственной структуре мира. В нём должна содержаться информация, стимулирующая информационно-познавательные, когнитивные процессы человека, осмысливающего адекватность своего состояния. Образ события, влияющий на целенаправленность, должен содержать информацию о возможностях осознанного выбора развития человека в сторону некоего теоретического или реального образца, при этом в

идеале учитывая личностные особенности объекта воздействия. При создании целеобразующего образа события нельзя забывать и о целеустремлённости, то есть учитывать волевые качества человека, его способность преодолевать препятствия, а также о целесообразности, то есть готовности человека израсходовать для достижения своей цели некие ресурсы, ограниченные, прежде всего, психосоматическими возможностями самого человека.

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что образ события, созданный СМИ с целью научить аудиторию самостоятельно создавать новые цели политической деятельности, должен обладать следующими свойствами:

- Способствовать осознанию человеком своего места в структуре мира
- Содержать информацию о возможностях осознанного выбора дальнейшего пути развития человека
- Информировать человека о препятствиях, ожидающих его в процессе достижения цели. Создаваемая цель должна быть достижимой.
- Давать объективную оценку количества ресурсов, которые придётся потратить человеку для достижения цели.

При этом человек, способный на самостоятельное целеобразование, сможет сам оценить свою готовность как преодолеть препятствия, так и затратить определённые ресурсы на достижение цели, созданной им под влиянием предложенного СМИ образа события.

Все четыре вышеперечисленных пункта – составляющие единой оценки человеком самого себя, поставленной им цели и окружающей реальности, в частности, реальности политической. Именно от образа события, представленного авторитетным для аудитории средством массовой информации, зависит, будет ли эта оценка объективной, а отражение человеком реальности и своего в ней места – адекватным. Поэтому планируемое нами исследование образов событий, представленных в СМИ, как факторов целеобразования аудитории и выработка критериев оценки предлагаемого СМИ информационного продукта имеет не только научную, но и чрезвычайную практическую ценность.

Клюев Ю.В. к.фил.н., доцент. Психологические феномены политической информации.

Экономическая глобализация привела к резкому витку развития информационно-коммуникативной среды. Человек и мир находятся в плену информации. Слово устное и письменное все больше понимается не только и не столько как инструмент производства социальной информации, сколько как средство производства *материально ценной информации*, имеющей значение для осуществления и планирования государственной политики и бизнеса. СМК способствуют мгновенному обмену сообщениями, человек практически всегда знает о любых событиях, происходящих в разных точках планеты.

Феноменология и стремительное развитие информационного общества поставили перед политиками необходимость активно и неформально участвовать в процессе вербальной коммуникации. Текущие и перспективные основания оставаться востребованным в иерархии власти зависят не только от лояльности руководителю, возглавляющему конкретный государственный орган, но от способностей и возможностей конкретного лица, наделенного полномочиями общения с населением и средствами массовой коммуникации, компетентно осуществлять эти полномочия. Субъекты политического взаимодействия вынуждены функционировать в максимально открытом для людей информационно-коммуникативном пространстве. Попытки руководителя избежать прямой коммуникации с населением (переложить значительную часть функций по общению с журналистами на пресс-секретаря, пресс-службу, службу по связям с

общественностью, комитет по работе со средствами массовой информации и др. структуры) психологически негативно воспринимаются в обществе.

Известные государственные деятели, политики прекрасно понимают силу слова и упреждают возможное недоверие населения налаженной системой постоянного общения с людьми через средства массовой коммуникации. Регулярно и компетентно функционирующая в социуме политическая информация обеспечивает устойчивость системы государственного управления. Политической информацией будем считать передаваемые через средства коммуникации вербальные письменные и устные сообщения, раскрывающие социальные практики взаимодействия людей в национальной политической сфере в ареале национального государственно-территориального устройства. Политическая информация является частью социальной (логической) информации, возникшей в результате человеческой деятельности, мышления и речи. Основным инструментом социальной информации является вербальная коммуникация. С помощью логической информации формируется человеческое знание, представление об окружающем мире и социуме.

Социальная информация позволяет: 1) фиксировать предметы, явления, события; 2) изучать их феноменологию (результаты происходящих в социуме событий); 3) прогнозировать варианты развития человека и социума, человека и человека, социальных групп (возможности субъектно-объектных и объектно-субъектных, субъектно-субъектных и объектно-объектных взаимодействий).

Ситуативный характер применения логической информации в различных социальных практиках свидетельствует о ее дробности, позволяет делить ее на виды.

1. *Текущая* информация – это набор биологических и социальных сведений, получаемых и воспринимаемых индивидом в данный момент времени. Текущая информация усваивается человеком на уровнях физиологического и психического восприятия. Физиологический уровень включает следующий ряд: зрительный/визуальный, слуховой/аудиальный, осязательный/восприятие «на ощупь», обонятельный/восприятие по запаху. Психический уровень – это самый сложный механизм аккумуляции, переработки, передачи физиологической информации, наращивания социальной информации. Основные психические процессы по сбору, обработке, хранению, трансляции информации идут в коре головного мозга, который управляет сознательными, бессознательными, подсознательными действиями индивида. Головной мозг – высший психический актив индивида, своеобразный сейф, накапливающий представления и знания об окружающей природной и социальной среде. Нормально функционирующий головной мозг позволяет аккумуляцию и переработку накопленных знаний и представлений человека в духовной сфере вообще (что приводит к порождению мыслей, суждений, слов, высказываний) и в сферах социальной и производственной в частности (что проявляется в возможностях человека применять знания, навыки, умения в быту, на работе, в социуме).

2. *Ретроспективная* информация – это любые сведения, которые сигнализируют человеческому мозгу о завершении события, о том, что оно состоялось. Ретроспективная информация включает важнейшее свойство индивида – память, которая позволяет человеку осознанно (целенаправленно) или неосознанно (внезапно, против его воли) обращаться к событиям личной, социальной, политической жизни, возобновлять их в своем воображении, вспоминать их. Ретроспективная информация уложена в ячейки мозга компактно и сжато, что позволяет человеку припомнить происшедшее.

3. *Потенциальная* информация – способна, при воздействии на нее разных социальных операторов (граждан, политиков, общественных и государственных организаций) приобретать признаки текущей информации, но в данный момент времени находящаяся в своеобразном резерве социума. Потенциальная информация обладает гипотетическими признаками структурности. Для ее систематизации, обобщения, необходимы логические и физические операции, совершаемые субъектом

информационного взаимодействия – оператором информационных действий. В коммуникативной сфере операторами информационных действий могут выступать главный редактор, журналист, репортер, пресс-секретарь, специалист по связям с общественностью, рекламист, общественный, политический деятель и др. Череда последовательных информационных действий, совершаемых информационными операторами и направленных на создание систематизированного, обработанного, законченного сообщения, составляет информационный процесс. Информационный процесс подчиняется законам построения информационного сообщения. Ход информационного процесса зависит от творческой, идеологической, корпоративной задачи, выполняемой конкретным оператором (коммуникатором) на конкретном этапе и на конкретном участке конструирования информационного сообщения.

Функционально операторы информационного сообщения могут быть разделены на основные типы. Операторы-руководители разрабатывают информационную концепцию, определяют информационную политику организации, фирмы, СМК, дают творческие и технологические задания операторам-коммуникаторам, операторам-дизайнерам. Операторы-коммуникаторы выполняют поручения операторов-руководителей, непосредственно работают в коммуникативном поле с фактами и источниками сообщений: собирают и обрабатывают информацию, формируют тексты (газетно-журнальные, аудиовизуальные, электронные) для всех видов СМК. Операторы-дизайнеры выполняют оформительскую и технологическую функции: разрабатывают композиционно-графическую модель издания, осуществляют техническую верстку информационных сообщений в единый информационный блок (текущий номер издания, теле-, радиопередачи, ленты новостей и т. д.).

4. *Расчетная/проективная* информация – приращиваемая, дополнительная, прогнозная, новая. Появляется в результате информационного воздействия на аудиторию посредством СМК и фольклора. Расчетная информация не обладает признаками системности, носит свободный характер, поскольку в меньшей степени регулируется и структурируется работниками СМК, не зависит от их действий.

Функции логической информации:

1) *оперативная* – заключается в обеспечении, посредством вербальных сообщений, быстроты обмена новыми знаниями между людьми;

2) *консолидирующая* – заключается в обеспечении функциональной слаженности человеческих сообществ, возможности их сплочения, связывания отдельных их представителей в единую информационную систему, функционирующую и управляемую на основе единого информационного пространства;

3) *производственная (технологическая)* – заключается в обеспечении человеческих сообществ знаниями, способствующими совершенствованию профессиональных навыков, процессов изготовления орудий труда, средств потребления, средств производства, производства средств производства.

Планетарный характер современной социальной информации заключается в ее свойствах: вездесущности, доступности, массовости.

Признак *вездесущности* заключается в том, что благодаря СМК (газеты, журналы, телерадиовещание, информационные агентства, интернет-издания) и устному народному творчеству/фольклору (рассказы, слухи, сплетни, домыслы, вымыслы, анекдоты и т. п.), информация обладает проникающей во все сферы человеческой деятельности способностью. Информация существенно влияет на все сферы человеческой деятельности (+информация), присутствует во всех сферах жизни (человек+информация, группа+информация, общество+информация). Отсутствие информации (–информация) о событии, явлении, факте также является своеобразной информацией, способной тревожить аудиторию, внушать ей страх, формировать представление о неустойчивости государственной, политической системы (человек–информация, группа–информация, общество–информация). +Информация является своеобразным аккумулятором,

питающим биологические и общественные механизмы функционирования индивида и социума. –Информация полезна аудитории только тогда, когда она компенсируется +информацией. +Информация и –информация, как правило, уравнивают друг друга благодаря основным видам верстки новостей: тематической и проблемной. Следующая информация занимает место предыдущей последовательно, что формирует у зрителя, слушателя, читателя иллюзию завершенности, полноты каждого из представленных в информационном блоке сообщений. В целом принцип вездесущности информации означает ее безграничность в коммуникативном поле. Информацию невозможно сделать стопроцентно закрытой, недоступной, хотя она может быть фрагментарной, дозированной, недостоверной.

Признак *доступности* информации можно рассматривать двояко. Доступность сообщений обеспечивается гарантией свободы распространения информации и техническими средствами их сбора, обработки, доставки. Информация доступна благодаря: 1) свободному доступу операторов информации (коммуникаторов) к ее источникам, фактам, событиям; 2) свободному доступу и свободному выбору потребителями информационных носителей и информационных сообщений; 3) внедрению новой журналистской техники. Гарантией широкой доступности информации является запрет на цензуру. В технологическом арсенале работников СМК находятся современная цифровая видео- и аудиотехника, оборудование для монтажа, средства мобильной и стационарной связи, электронная почта, телефакс, ресурсы интернета.

Признак *массовости* информации заключается в том, что практически любое событие, факт общественной жизни становится публичным массовым достоянием. В условиях информационного общества информация теряет признаки интимности, закрытости, становится достоянием всех. В признаке массовости информации заложены как достоинства, так и недостатки. Достоинства состоят в том, что с помощью массовости достигается эффект всеобщей информированности населения о тех или иных событиях местной, региональной, национальной, международной жизни. Например, взрыв на Чернобыльской атомной станции (1986 г.) от восприятия на уровне местной аудитории вырос до уровня восприятия мировой общественностью. Благодаря планетарному резонансу техногенной трагедии, хотя и с запозданием, были предприняты дополнительные меры безопасности и защиты ликвидаторов аварии и населения (поставки специального оборудования, эвакуация жителей из зоны катастрофы, последующие социальные льготы).

Тем не менее, признак массовости информации может порождать негативные ситуации. Например, массированное одностороннее информирование населения о вооруженных и иных конфликтах. Политически и экономически однообразная информация преследует цель сформировать стереотипное, как правило, ложное общественное мнение, повлиять на ход реальных событий информационными атаками, информационной войной. Результатом информационных войн часто становятся реальное размежевание народов и государств, эскалация напряженности в разных уголках мира. Непрерывный поток однообразной информации парализует приток альтернативной информации, противостоит справедливому политическому дискурсу. Например, односторонне (в пользу действий руководства Грузии) освещались многими западными СМК события грузино-югоосетинского конфликта (август 2008 г.); американскими политиками и СМК в сознание граждан других государств был введен стереотип, что Ирак располагает химическим оружием (2006 г.).

Приведенные выше примеры (Грузия, Южная Осетия, Ирак) демонстрируют, как разные страны пытаются добиться геополитических успехов не только и не столько путем вооруженного противостояния, сколько путем информационного и психологического давления. В коммуникативистике и журналистике получили распространение термины: «информационная война», «психологическая война». Смысл и суть информационной войны состоит в том, что друг другу противостоят не только и не столько военные

машины разных стран, их дипломатические ведомства, сколько национальные информационные системы, включающие организационную и творческую структуру государственных и негосударственных средств информации.

В масштабах противоборствующих информационных систем первоочередное значение приобретает не форма собственности редакций средств массовой коммуникации, а осуществляемая этими редакциями информационная политика, социальные практики взаимодействия СМК с национальной властью конкретного государства. Например, информационная политика радиостанции «Эхо Москвы» (как самоорганизующейся информационной системы) в период конфликта «Грузия – Южная Осетия» (август 2008) была не пророссийской, а прогрузинской. В целом можно говорить, что информация в современном мире стала важнейшим инструментом, мощным оружием в руках конкретных политических систем.

Страны перешли на уровень информационных и психологических войн в киберпространстве. Именно эти войны, какими бы иллюзорными, виртуальными не были, определяют репутационный успех/неуспех конкретной национальной информационной системы, а значит, и конкретного государства, его внутренней и внешней политики.

Инструментами, орудиями, проектами информационных войн являются не только средства коммуникации, но и лидеры государств, предъявляющие национальному и мировому сообществам дискурсивные политические модели своего поведения (выступления, дела, поступки, тактические и стратегические решения, деятельность в целом как внутри государства, так и на международной арене).

Гусев А.В. к.фил.н. Политическая психология в союзном строительстве.

Реалии сегодня таковы, что борьба вокруг интеграции Беларуси и России выливается в информационную войну со всеми присущими ей методами и средствами ведения. Поэтому решение проблемы обеспечения информационной безопасности Союзного государства Беларуси и России является насущной необходимостью и отвечает национальным интересам двух стран. Под информационной войной понимаются действия, предпринимаемые для достижения информационного превосходства в поддержке национальной военной стратегии посредством влияния на информацию и информационные системы противника, при одновременном обеспечении безопасности и защиты собственной информации и информационных систем.

Возникающие противоречия по вопросам строительства Союзного государства Беларуси и России во многом инспирируются извне в направлениях, обозначенных содержанием понятия «информационная война» в практическом действии. Информация, размещенная на Интернет-сайтах, в ряде случаев создает потенциальную или реальную угрозу национальной безопасности государства, которая в большинстве своем, прикрываясь фразеологией о свободе, внушает совершенно губительные для общества стереотипы.

Вот почему строительство Союзного государства Беларуси и России связано с созданием единой информационной системы, которая должна быть ориентирована на мобилизацию общественного мнения двух стран в сторону понимания исторической обусловленности союзности как атрибутивного признака белорусской и российской государственности, отвечающей национальным интересам двух братских народов. Актуальность данного вопроса заключается в том, что противодействие союзному строительству, инспирируемое различными политическими группировками и обслуживаемыми их средствами массовой информации внутри Беларуси и России, имеет характер управляемой информационной войны, которая стремится свести на нет усилия двух государств в интеграционном процессе. Показательный пример: резолюция

Парламентской Ассамблеи НАТО, принятая в марте 2006 года. Там написано о том, что членам НАТО необходимо объявить Беларуси информационную войну.

Или еще один штрих. На Украине, например, работают более 2 тысяч неправительственных организаций США. Главная их задача – переформатировать сознание украинцев так, чтобы все как один устремились в НАТО. Эти организации создают из России образ главного врага. Именно они придумали так называемый «голодомор», «разоблачают» планы России, которая якобы стремится отхватить у Украины ее территории, фашистских пособников делают национальными героями. Они ведут открытую информационную войну против России. И противостоять этому можно лишь с позиции государственного понимания необходимости формирования единой информационной системы Союзного государства Беларуси и России.

Существующие информационные проекты в рамках Союзного государства («Союзное вече», «Союз», тележурнал «Союз», журнал «Союзное государство», ТРО «Союз» и т.п.) не могут в необходимом объеме соответствовать потребностям информационного обеспечения процесса союзного строительства. Более того, их деятельность практически локализуется, особенно в России, усилиями мощной контрпропаганды со стороны контролируемых олигархами российских средств массовой информации.

Именно поэтому необходима политическая воля руководства двух государств по установлению государственного (общественного) контроля над средствами массовой информации с целью исключения возможности манипулирования общественным сознанием, внедрения ложных стереотипов и идей. Целесообразно было бы создание союзного телеканала с равным правом управления России и Беларуси на нем и имеющего широкую сеть вещания, в том числе и в других странах СНГ. Нерешенными остаются вопросы, затрагивающие деятельность печатных средств массовой информации, прежде всего региональных, на страницах которых союзная тематика либо не представлена совсем, либо подается тенденциозно, исходя из сиюминутной политической конъюнктуры.

Проблема строительства Союзного государства усугубляется противодействием агентуры влияния западных государств, прежде всего, на территории России. Антисоюзные операции этих сил часто блокируют стремление России и Беларуси к интеграции с последующим дистанцированием политической элиты от понимания целесообразности союзного строительства. Именно политическая элита сегодня является основным объектом внимания; управление ею, как показывает опыт, обеспечивает проникновение антисоюзной психологии в структуры высшего государственного управления России, что сродни поражению в войне и оккупации. Примечательно, что объект тайного влияния не должен подозревать о методах воздействия и целях управления им. Вследствие этого создается иллюзия достоверности получаемой информации, лежащей в основе принимаемого решения.

Сложность данной проблемы требует постоянного мониторинга процесса принятия государственных решений с целью получения возможности оценки их последствий. Обязательным в данном случае является формирование системы компенсационного информационного воздействия на часть политической элиты России и Беларуси, социальные слои и общества.

Вышеуказанные действия по обеспечению национальных интересов Беларуси и России требуют оперативности и политической воли; их осознанная необходимость является залогом успеха в строительстве Союзного государства Беларуси и России.

Рулина Т.К. к.п.н., доцент. Провинциальность общества как психотравма политического развития.

В начале 20 века Н.Бердяев в книге «Судьба России» писал: «Великая Россия всё ещё оставалась уединенной провинцией в жизни мировой и европейской, её духовная жизнь была обособлена и замкнута». Он сетовал, что русский народ как будто хочет не столько свободного государства (европейский идеал), сколько свободы от государства, свободы от забот о земном устройстве. По этому поводу философ замечал: «Россия не приспособлена к материальному и духовному благополучию, в ней нет сознания средней культуры». Это замечание послужило основой его широко известной характеристики: «страна неслыханного сервилизма и жуткой покорности, страна, лишенная прав личности и не защищающая достоинства личности». Стигма «раболепия, основанного на самоуничижении», приписываемая «сменовеховской» философией всей российской социальной общности, имеет свои идеологические источники и историю пролонгации в настоящем.

Психическая история общества предопределила симптомокомплекс политической зависимости как «сплав» социальной отверженности, идеализма, ригидности, неверия в собственные силы. По мнению В.А.Шкуратова, становлению инверсивного («провинциального») самосознания российского социума способствовал не эволюционный, а «скачкообразный» путь развития русского Просвещения (письменной культуры), обеспечивший сохранность дописьменного архаического отношения к письменной культуре (к культуре рационализации) большей части населения России. Дописьменное отношение общества к письменному слову создает предпосылки для развития бюрократии (власти чиновников) и сакрализации властной идеологии, основанной на господстве императивов. Советскую логократию А.Безансон назвал тупиком идеократии, при котором формируются отношения, поведение и действие, не имеющие внешних обязательств и замкнутые на себе самих, что является психологическим основанием «замедления» институциональных изменений общества. Эти представления служат объяснением «неслиянности идеологических объяснений мира и бытовых установок индивида, которые составляют сферу его личной жизни».

Действительность идеологии исходит из механизмов символической и воображаемой идентификаций, то есть способа, каким идеология функционирует как дискурс, как «способ тотализации». Действительно, введение интервенций «узловых точек» смысла позволяет дискурсивным механизмам конституировать поле идеологических значений, но любое смысловое поле изначально уже «стянуто» сетями ментальностей, коллективных фантомных систем восприятия и понимания реальности (бессознательных социально-психологических установок).

В исследовании перцепции мобилизационной политики власти в типичном провинциальном (Самарском) регионе России (Проект РФФИ № 07-06-00451) выявлены социально-психологические концепты перцепции как рессентиментных установок по отношению к политической инновации, ведущих к контрмобильности, социальной аномии и политическому абсентизму, то есть к формам гражданского пассивизма и конформизма по отношению к непринимаемой политике власти. На основе теорий мобилизации (мобилизационной теории этногенеза Л.Гумилева, концепции социального мобилизирующего действия Г.Блумера, мобилизационного потенциала А.Этциони, тотальной мобилизации Э.Юнгера, патопсихологии и патографии модернизации Ф.Гиренка, «второй современности» Дж. Армиджа) сформированы и обоснованы конструкты теоретической модели анализа: императив мобилизации, мобилизационная политика, мобилизационная психология, «провинциальность» как пограничье сознания личности на стыке двух конфликтующих между собой культур. Конфликтная гибридность политического сознания рассматривается следствием конфликта статусов и ролей личности, возникающего в ситуации психологической интерференции неассимилятивных

по отношению друг к другу культур. Модернизируемое общество в сравнении с образцом модернизации (гражданским обществом Запада) приобретает характеристики «провинциальности»: венаходимости, ничейности, патовости, инфантильности, фантомности, лиминальности и др.

Выявление ментальных конструкторов перцепции как "психических инстанций" (политического бессознательного (Лакан), специфичных для внутрикультурных групп российской провинции, установило сохранность смысловых скрипт политического бессознательного традиционалистски досубъектного характера и реакционность общественного понимания радикальных политических инициаций власти. Типологизирование групповых референций восприятия мобилизационной политики государства, представляющих собой отношенческие позиции к целям и формам мобилизации, к её властным инициаторам, к собственному опыту адаптации к мобилизации выявило феномен «провинциала» как территориально-фантазматического субъекта, характерным признаком которого является гибридно-двоесмысленная структура сознания: имманентно-традиционалистская ментальность (реакционный этос политического бессознательного) и невротическая психотравма рессентиментного характера, порождаемая чувством приниженности, требующим жестких компенсаций.

Политическая невротизация личности «провинциала» проявляется в неспособности к автономной саморегуляции поведения, нечувствительности к идеологическим противоречиям, непроницаемости для инокультурного опыта, в архаическом мистицизме, установке на стагнацию и стабильность как защиту от изменений, что объясняется коллизией нерелефлексивности слоев психики индивида, «обрабатываемых» идеологией и бессознательным общества.

Отсутствие территориальной репрезентации позволяет провинциальной ментальности служить маркером отсталости, неаутентичности, вторичности, мимесиса, эпигонства как на стыке с другими культурами, так и на уровне самосознания общества. Свобода апеллирования к понятию «провинция» в российском дискурсе говорит о том, что сигнификат утратил связь с геополитическим денотатом и обращается в ментальной сфере того слоя социума, который позиционирует себя как современный, актуальный, соответствующий интеллектуально элитарным нормам развития, то есть «непровинциальный». Однако именно потребность в общественной «отстройке» от вторичности, эпигонства, неспособности к инновации свидетельствует о симбиотической связи общественного сознания с ущербностью его социокультурной роли. «Провинциальность» как культурно-исторический фантазм невротического генеза, утратив реальную геополитическую принадлежность, переместился в сферу социально-политической идентификации, став при этом неврозом и хронополитическим «тавром» недосубъектных групп. Таким образом, комплекс «провинциальности» сохраняет временную связь переживания подданничества центру, столице как невротический тип групповой идентичности.

Анализ результатов исследования выявил типологические феномены социальной инерции в политическом сознании трех возрастных когорт (молодежи, людей зрелого возраста и пожилых). Это боязнь утраты привычных образов жизни, фобия личностной автономии и индивидуальности, деперсонализированный рессентимент к власти. В сознании респондентов всех групп ретроспективный анализ быстрых изменений реальности протекает как инверсия (объяснение настоящего прошлыми ментальными константами). Все возрастные когорты характеризуются политическим невежеством вследствие коллапса критического мышления в сфере политики. Ориентация на сохранность идентификационных моделей (традиционалистского Символического) побуждает пожилых полагаться на автоматизмы верований (Реального), в то время как молодежь и люди зрелого возраста определяют свое поведение идеологическими образами (Воображаемым). Во всех случаях личность выступает жертвой политического невежества и давления нереализованных потребностей бессознательного генеза. Тоталистски

понимаемая политическая мобилизация варьируется в гомогенном регистре биполярных смыслов морали: правильного и неправильного, полезного и бесполезного, справедливого и подлого, правдивого и лживого, добра и зла. Ресентиментная деформация личности и общества как политических субъектов проявляется зависимостью от власти в её деперсонализированном образе.

Инверсия представлений респондентов о норме развития задается политическими императивами как принудительном подражании инокультурному образцу, что подкрепляет психоисторический комплекс социальной неполноценности («провинциальности») и бессознательного ресентимента к обновлению. Мобилизационная установка идеологии на соответствие западно-европейскому образцу способствует инверсивности политического сознания общества. Мобилизационная политика государства в условиях антиномичного «невротизма» социального сознания ведет к деконсолидации и деконвенциализации общества, к росту социокультурной «провинциальности», несмотря на пропаганду этоса апологетики и мессианства.

Навязанный России характер импульсов модернизации предопределяет вынужденно форсированный темп развития общественного сознания, при котором задачи государства и психологические возможности социума далеко не во всем совпадают.

Н.Бердяев утверждал, что «историческая судьба русского (российского) народа была несчастной и страдальческой, и развивался он катастрофическим темпом, через прерывность и изменение темпа цивилизации». Прерывистый характер модернизационной политики вызывал к жизни необычайно устойчивые детерминанты психологической идентификации общества и личности в экстремально неблагоприятных условиях в течение длительных исторических периодов. Отсутствие политического и экономического согласия общества и власти лишали его ментальной возможности развиваться по благополучному сценарию. Хаос умственных и духовных установок тоталитарного, авторитарного и демократического типов сознания, выявленный в исследовании, свидетельствует о противоречиях «ломки» социальной идентичности общества и её радикальной дезинтеграции, что выражается отсутствием общественных мобилизационных импульсов к социальным преобразованиям, переходящим в политический абсентизм. Конфликт автоматизмов политического мышления указывает, что рационализирующее начало властных инициаций малоэффективно как противовес по отношению к коллективным представлениям и психологическому генотипу. У всех респондентов выделяется общая деформация перцепции политических императивов: квазиосведомленность о правовых аспектах гражданина, пристрастность к коллективным оценкам, дуализация образа власти на персоны и политику. На уровне возрастных групп содержательные различия перцепции выявляют дифференциацию взглядов, убеждений, жизненных стратегий, особенностей трансформации и воспроизведения идеологического компонента. Однако их общность как порождение подданнической политической культуры, основанная на покорности и угодничестве, состоит в неспособности к принятию политической культуры индивидуальной морали.

Слабая дифференциация политических интересов общества «провинциалов» могла бы быть преодолена генерированием ожидаемых идей, но насаждение политических феноменов инокультурного геноза при отсутствии социально-политической базы (общество негативистской политической культуры, психотравма мобилизации, неразвитость гражданских традиций и политической оппозиции, преобладание личности, предрасположенной к авторитаризму) приводит к невозможности мобилизационного принуждения к переменам в поведении.

Несовместимость реального опыта общества с мобилизационными императивами власти в случае психотравмы самопонимания оборачивается или самооправданием (псевдорационализацией), или вытеснением рациональности (ресентиментом). Вывод Т.Адорно о том, что отчуждение подавляющей политической системы в целом канализируется против всех, кто её представляет, олицетворяя субъективизм зависимой и

неудовлетворенной позиции массы с обертонами фатализма бесполезности изменений, в целом, подтвержден двухлетним исследованием специфики перцепции мобилизации. Общая тенденция личного дистанцирования от политики свидетельствует о бессознательной деидентификации большинства с идеологией общественного изменения. Воспроизводство досубъектной личности со «стигмой» неуверенности в себе и своих перспективах проблематизирует вероятность трансформации русско-российского общества в европоцентричное.

Дефицит автономного мышления и субъектной активности личности обусловлен принадлежностью к культуре, её социальным нормам, и отрыв мобилизационных императивов от объекта влияния обрекает политические стратегии модернизации общества на судьбу утопии.

Сушкевич А.Е. Рассмотрение кросс-политической коммуникации как средства обеспечения эффективности власти.

Проблема политической коммуникации в современном обществе стоит достаточно остро: информационному полю и той информации, которая циркулирует в нем всегда уделялось значительное внимание, ввиду особой важности последствий такой циркуляции как для каждого человека, так и для всего общества. Политическая коммуникация является неотъемлемой частью существования политического человека, проявляющего себя в системе человек-власть-общество, в каждом аспекте проявления политического: власть; цель и проект общества; иерархия в распределении общественных функций; правовая система; коллективная идентификация; ценностная система; легитимация насилия и защита от него. Проблемы построения взаимодействия на межгосударственном уровне (особенно в условиях глобализации), внутригосударственном уровне (особенно в условиях многонационального государства), на уровне отдельных общностей людей (по национальному, территориальному или другому признаку, что стоит отличать от кросс-культурной коммуникации) являются достаточно актуальными.

Любой человек, вступивший на тропу профессиональной политики, будет непременно осуществлять ее в форме диалога с человеком, который нуждается в помощи и поддержке власти. (Юрьев А.) По замечанию проф. Юрьева такой диалог не осуществляется напрямую, только со страниц газет, с экранов ТВ, с трибун митингов и др. Главной причиной отсутствия прямого диалога политиков или служащих, выступающих от имени политики, является отсутствие теоретической и практической подготовки к диалогу. Процесс взаимодействия политического человека и власти сам по себе уже является коммуникативным актом (Хабермас Ю.), который в силу специфики включенных в него людей имеет собственное своеобразие и особенности.

Коммуникация, в общих чертах понимается как специфический обмен информацией, в результате которого происходит процесс передачи информации интеллектуального и эмоционального содержания от отправителя к получателю. Присутствие в системе коммуникации феномена власти может ставить вопрос о рассмотрении такого явления как кросс-политическая коммуникация, принципиально отличного от иных видов коммуникативных процессов.

Как одну из сторон коммуникации рассматривают её как средство индуцирования одним человеком в другом некоторых внутренних (психических, ментальных, духовных) состояний, и, следовательно, в качестве средства управления поведением другого человека. (Вартазарян С.) Кросс-политическая коммуникация – явление, порожденной феноменом власти, так же как и политический человек. Поэтому рассмотрение данной проблемы возможно только с учетом всей полноты системы власти.

Научная разработка проблемы кросс-политической коммуникации является предельно актуальной. Глава III известной работы К. Маннгейма «Идеология и утопия» имеет название «Может ли политика быть наукой?» с подзаголовком «Проблема теории и практики». В 20-х годах XX в. Маннгейм ставит вопрос: «Почему до настоящего времени не было политической науки?», который с не меньшим правом может быть поставлен и сегодня. «Наше знание, — писал Маннгейм, — распространяется почти на все, и в каждой области знания существуют методы передачи и сообщения имеющихся данных. Неужели именно та сфера человеческой деятельности, от которой зависит наша общая судьба, окажется недоступной для научного исследования и скроет от него свои тайны? Загадочность этой проблемы невольно вызывает тревогу. В настоящее время можно отметить, что отсутствие эффективного диалога привело к потере управляемости процессами, происходящими в обществе и стране, что в условиях перехвата инициативы антиобщественными формированиями может привести к значительным социальным изменениям и перерождению общества. Реально существующее общественное недовольство при отсутствии нормальных каналов взаимодействия по линии «власть-общество», создает угрозу стабильности власти и нарушают ее нормальное функционирование. (Юрьев Д.). Поэтому подготовка людей занятых в процессе обеспечения потоков кросс-политической коммуникации, изучение психологических феноменов определяющих данное явление, на научной основе является достаточно актуальным.

Рассмотрение проблемы кросс-политической коммуникации не может быть осуществлено без рассмотрения феномена власти как такового.

Практика показывает, что власть, порождая политического человека, представляет из себя систему отношений из двух сторон: политика, осуществляющего властные отношения, и гражданина, по отношению к которому применяются властные действия. Политик действительно обладает властью над человеком в той мере, в какой он может заставить его делать то, что он сделал бы иным образом. У власти есть источники, которые применяются в формах: 1) - вознаграждения, 2) - принуждения, 3) - нормативной власти, 4) - власти эталона (харизматическая власть), 5) - знатока (власть мудреца), 6) - информационной власти (владение информацией о том, что произойдет с человеком в будущем). У власти есть свои носители власти, выполняющие свои функции (А.И.Юрьев).

- наукокрания (власть знающих над незнающими)
- демократия (власть большинства над меньшинством)
- партократия (власть организованных над неорганизованными)
- плутократия (власть имущих над неимущими)
- райтокрания (власть пишущих над читающими)
- автократия (власть сильных над слабыми)
- технократия (власть умеющих над неумеющими)
- бюрократия (власть уполномоченных над неуполномоченными)

Психологическая природа власти такова, что политический человек находится в условиях одновременного и совместного воздействия на него разнородных факторов. Человек одновременно находится в поле власти бюрократии, наукокрании, райтокрании, плутократии, демократии, партократии, технократии, автократии. Все они взаимодействуют между собой, вступают в отношения, простирающиеся от попыток взаимного уничтожения до попыток слияния. Наличие общих точек соприкосновения, а, следовательно, взаимодействие и информационные потоки между системой носителей власти и политическим человеком образуют специфическую форму взаимодействия, изучение которой является важным для построения эффективного взаимодействия и повышения эффективности власти.

Сергунова С.А. К вопросу о женском лидерстве.

Во всем мире наблюдается постепенная «феминизация власти», т.е. процесс постепенного увеличения количества женщин во властных структурах. Во многих странах паритетное представительство мужчин и женщин во всех структурах власти становится нормой, причем представительство реальное, закрепленное не только в законодательных актах, но и в практике отправления власти на всех ее уровнях.

Широкий выход женщин на политическую арену влечет за собой не только научный, но и практический интерес – анализ проблематики гендерных различий в различных сферах деятельности, в том числе и в феномене лидерства. Думается, что с учетом специфики женской и мужской природы их лидерство имело и будет иметь некоторые особенности, которые нуждаются в объективном изучении.

Как правило, особенности лидерского поведения, состав и структура индивидуально-типологических особенностей и личностных черт политического лидера рассматриваются без учета их гендерного наполнения. В тех же случаях, когда сферой внимания исследователей становится гендерное измерение политики основной интерес в женском лидерстве уделяется, прежде всего, изучению различных аспектов женской политической карьеры и проблемам женского политического участия: влияние процесса социализации на развитие женской политической карьеры; специфика женского пути в политику; причины низкого уровня представительства женщин в политике; барьеры, препятствующие успешной политической карьере женщин; профессиональное и личностное становление женщин-политиков в период политической деятельности; совмещение профессиональных и семейных ролей женщин – политиков.

Недостаточно изученным и дискуссионным в совокупности исследований политического лидерства остается вопрос о влиянии фактора пола на специфику реализации лидерства.

Анализ литературных данных показывает, что, говоря о гендерных аспектах феномена лидерства, многие авторы склоняются к тому, что сущность лидерства универсальна безотносительно к гендерным и любым иным его проявлениям. В тоже время, не проводя жестких различий между мужским и женским лидерством, исследователи не отрицают, что существуют некоторые особенности, обусловленные разницей психологической структуры личности у мужчин и женщин.

Если говорить о «лидерстве» вообще, то результаты исследований свидетельствуют о том, что специфика проявляется в разной выраженности тех или иных компонентов лидерства у мужчин и женщин и обусловлена, прежде всего, различиями в самом восприятии (понимании) лидерства (лидерской роли) мужчинами и женщинами, ценностных ориентациях, пространствах смыслов.

Завоевание власти для женщин-лидеров не является самоцелью. Лидерство для них, в большей мере – возможность самореализации. Они в меньшей мере настроены «делать карьеру». Для них работа не ради собственного продвижения по службе, престижа, а ради идеи, ради конкретного дела. Тем самым, для женщин лидерство имеет, прежде всего, социальную направленность.

В обобщенном варианте у женщин-лидеров (по сравнению с лидерами-мужчинами) более выражены следующие характеристики:

1) Ориентация на взаимодействие, а не на соперничество. Их стиль руководства в большей мере, чем мужской, отличается демократичностью. Они больше, чем мужчины-лидеры, уделяют внимания «фактору персонала», более склонны считаться с интересами и мнениями членов коллектива и в меньшей мере демонстрируют дистанцию власти.

2) Их лидерский стиль в большей мере отличается гибкостью, пластичностью. Они более восприимчивы к изменениям, чаще демонстрируют смешанные стратегии поведения. В тоже время чаще проявляют себя бюрократами.

3) Женщины-лидеры более склонны к нахождению компромиссов, более осторожны, чем мужчины, избегают слишком «рисковых» стратегий, предпочитают использовать «неагрессивные» формы конкурентной борьбы.

4) Они более эффективны в рутинных условиях, в сферах, связанных с общением.

5) Женщина-лидер более эмоциональна, эмпатийна, интуитивна, ответственна и дисциплинирована, по сравнению с лидером-мужчиной.

Возможно, именно этой спецификой женского лидерства можно объяснить результаты некоторых исследований эффективности средних и мелких частных предприятий, проведенных в странах ЕЭС. В частности, установлено, что предприятия, руководимые женщинами, оказались в среднем в лучшем финансово-экономическом положении, нежели аналогичные предприятия, возглавляемые мужчинами.

В завершении следует отметить, что существующее сегодня многообразие теорий, объясняющих причины гендерной диспропорции лидерства между лидерами – мужчинами и женщинами, отсутствие целенаправленных разработок проблемы женского лидерства не позволяют описать данное явление во всей его уникальности.

Гудзик С.В. Политический имидж как прикладной аспект политической психологии.

В системе политического знания в последние десятилетия особую актуальность приобрело направление, за которым закрепилось название «политическая имиджелогия». В центре его внимания – проблема формирования «политического имиджа как искусства целенаправленного управления впечатлением в системе властных связей и отношений» (Политические исследования №4, 2009).

В новую эпоху имиджмейкинг стал неотъемлемой частью современной политики. Ведущие политики все активнее приглашают в свои команды в качестве помощников и консультантов психологов – специалистов по манипуляции сознанием и поведением людей. И, как результат их деятельности – «люди сегодня голосуют не за реальных политиков, а за удачные имиджи, которые созданы профессиональными психологами» (Д.В. Ольшанский, 2002).

Возрастание роли психологов в политике связано с тем, что политика все больше становится виртуальной. Достоинства лидеров часто определяются не их реальными достижениями, а тем впечатлением, которое они производят на избирателей.

Многообразие значений английского слова *image* невозможно свести к привычному для русского языка понятию «образ». Имидж – не просто образ. Это специально моделируемое целенаправленное отражение образа уже созданного профессионалами на основе некоторой реальности.

Принято считать, что для создания имиджа политика наиболее важны следующие характеристики: уверенность в себе и своем деле, исключительность, хорошее знание проблем людей и путей их разрешения, решительность, энтузиазм, умение провоцировать положительные эмоции, энергичность, напористость, высокие моральные качества, способность влиять на людей и т.д. Но целостный имидж состоит из ряда конкретных имиджевых моделей («микроимиджей»), которые, в итоге раскрывают создаваемый «образ». По мнению ведущих имиджмейкеров, для того, чтобы «целостный имидж был емким, броским и запоминающимся, конкретные модели имиджа должны включать не больше 3-4 слагаемых» (Д.В. Ольшанский, 2002).

Если обратиться к современной практике имиджмейкинга, то в американской модели при создании политического имиджа важнейшими считаются следующие три характеристики политика:

- высокий интеллект (от обширных знаний и блестящего образования до сильной интуиции и здравого смысла);
- большой внутренний потенциал (сила личности, решительность, целеустремленность, энергия, воля и т.д.);
- высокие нравственные качества (честность, порядочность, верность слову).
- В российских имиджевых моделях создатели целостного имиджа политика делают акцент на следующие факторы:
  - личность (харизма, направленность, интеллект, нравственность, потенциал);
  - отношения (к стране, народу, соратникам, самому себе);
  - поведение и деятельность (лидерское, в экстремальных ситуациях, в обыденной жизни).

Однако, в современной практике имиджмейкинга встречаются и более сложные имиджевые модели.

Имидж, по своей сути, психологический феномен. Модель имиджа политика включает три основных психологических уровня. На первом уровне – внешние параметры образа человека, структуры, события или явления; публично демонстрируемые внутренние качества. На втором уровне располагаются собственно политические характеристики, отражающие взгляды, позиции, программные устремления политика, а также его связи, принадлежность к партии, организации и т.д. В создаваемую модель на третьем психологическом уровне специально включаются скрытые параметры для внушения аудитории позитивного отношения к носителю создаваемого имиджа.

Психологическая сущность политического имиджа выявляет его важные отличительные особенности, которые необходимо учитывать при его создании (Д.В. Ольшанский, 2003). Во-первых, политический имидж должен обязательно формироваться под конкретную задачу, а во-вторых, он должен соответствовать социальным ожиданиям масс. Последнее – самое главное условие формирования эффективного имиджа.

Формирование эффективного политического имиджа – процесс сложный, длительный, зависящий от множества факторов. Исследователи чаще называют следующие (А.А.Деркач и др., 2003):

1. В политическом имидже должны обязательно быть черты победителя.
2. Необходимо, чтобы в политическом имидже присутствовали «черты отца».
3. Стереотипная (вариабельная и многоплановая) многоплановость имиджа.
4. Открытость имиджа как эффективная обратная связь.
5. Наличие эффективных коммуникаций.
6. Окружение.

Психологические исследования политических имиджей подсказали конкретные пути формирования привлекательного имиджа политика. Теоретики и практики имиджологии считают, что привлекательный имидж политика должен обязательно целенаправленно формироваться. Стихийный процесс возникновения может сделать имидж не только не эффективным, но даже совсем иным, не тем, какой нужен. Привлекательность имиджу политика придают такие компоненты, как присутствие в образе ценимых в народе качеств, знание социальной структуры общества, интересов, потребностей, социальных ожиданий людей и слоев населения, источников их тревоги, доминирующих настроений, социальных установок и стереотипов.

Большинство имиджей связано с политикой, поэтому их часто рассматривают и как политическое явление (Е.Б.Шестопал, 2002). Несмотря на то, что первые имиджи появились в торговой рекламе, политический имидж никогда не строится по законам рекламы товаров и услуг. Если реклама требует гиперболизировать достоинства и скрывать недостатки, то имиджология настаивает на психологической целостности имиджа. Имидж должен демонстрировать как достоинства, так и недостатки своего носителя. Соотношение достоинств и недостатков в создаваемом образе должно быть представлено в пользу первых. А недостатки декларируют только те, которые меркнут на

фоне достоинств, либо делают политика более человечным. Только целостный имидж политика вызывает к нему доверие.

Современная ситуация развития общества по-новому раскрывает социальные и планетарные (геополитические, геофизические и др.) процессы, предлагает по-другому рассматривать соотношение психического и социального при создании политического имиджа. «Выявление более широкого спектра факторов, участвующих в процессе формирования имиджей, ...позволяют под новым углом зрения увидеть не только роль субъекта в социальных процессах, но и иначе оценить технологические особенности управления и манипулирования сознанием в общественной и политической жизни» (Корпоративная имиджелогия №1, 2009).

В рамках развиваемого социально-психологического подхода имидж политика функционирует, как «интегральное образование, включающее в себя когнитивную, наглядно-образную, семиотическую, аффективную компоненты и проявляет себя как неравновесная система, устойчивость и изменения которой определяются проявляемыми социо-психологическими характеристиками политика, социальным самочувствием и социальным настроением электората, а также спецификой социально-событийного фона. Компоненты имиджа зависят от внутренних (социально-психологических) или внешних (социально-событийных) факторов» (Е.А.Петрова, 2009).

Соотношение характеристик политика, электората и социально-событийного фона определяет динамику политического имиджа. Основным фактором динамики является «соотношение позитивных и негативных оценок политика, полученных в результате сбора прямой (наблюдение) или косвенной имиджформирующей информации (опросы общественного мнения, рейтинги «доверия-недоверия»). Исследователями определены значимые факторы, влияющие на динамику политического имиджа (Е.А.Петрова, 2009):

- хорошее социальное настроение реципиента (положительное влияние);
- плохое социальное настроение реципиента (отрицательное влияние);
- события из жизни известных людей, спорта, науки, праздников и развлечений (сильное отрицательное влияние);
- события за рубежом (сильное положительное влияние);
- военные конфликты (сильное отрицательное влияние);
- положительная оценка политика в опросах общественного мнения (прямое влияние);
- отрицательная оценка политика в опросах общественного мнения (слабое влияние);
- позиционирование на фоне событий, связанных с катастрофами, преступлениями, скандалами (малоэффективное влияние);
- позиционирование на фоне событий, связанных с жизненным уровнем населения и решением социальных проблем (малоэффективное влияние);
- хорошее социальное настроение реципиента (прямое влияние);
- плохое социальное настроение реципиента (обратное влияние).

Проблема формирования привлекательного или эффективного политического имиджа и сегодня остается одной из самых интересных и популярных, сохраняет за собой статус актуальной и привлекает внимание исследователей и практиков. Об этом свидетельствуют многочисленные научно-практические публикации, в которых много конструктивных рекомендаций, помогающих решать практические задачи. Результаты исследований, анализ деятельности успешных политиков, характер их общения, публичные акции, открытые имиджмейкерские технологии оставляют надежду, что данное направление в политической психологии ожидают интересные перспективы

3 КРУГЛЫЙ СТОЛ. «Новые тенденции в политической психологии через 20 лет развития»

Ведущий – к. пс. н. Моторин Д.И.

Ученый секретарь: к. пс. н. Пушкина М.А.

3.1. ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ

Бутузов В.Ю. Этнический и религиозный фактор в структуре человеческого капитала (на примере некоторых северо-кавказских республик).

В вопросе определения качества человеческого капитала одними из основных факторов, которые необходимо учитывать, несомненно, являются этнические и религиозные составляющие. Как имеющие наиболее длительное воздействие во времени эти факторы оказывают существенное влияние на все психологические качества населения входящие в понятие человеческий капитал.

Этнос, как системная целостность лежащая на границе социосферы и биосферы, представляет собой устойчивый человеческий коллектив, оказывающий решающее влияние на формирование психологии отдельной личности и коллективного стереотипа поведения в целом. Любой человек, живущий на земле, в значительной степени является продуктом своего этноса. Основной психологический продукт, который формирует этническая система, это стереотип поведения отдельных индивидов. И ни один человек на земле в полной мере не может быть свободен от этого стереотипа. Но то, насколько силён стереотип поведения, зависит от многих факторов. В частности, моноэтническим или полиэтническим является регион проживания, на какой стадии развития находится тот или иной этнос, насколько выражена межэтническая напряжённость в регионе, как долго тот или иной человек провёл в составе своего этноса, не покидая региона и т.д.

Так как этнические коллективы имеют биологические корни (как функционирующие по законам самоорганизации, и наиболее долго живущие социальные системы на земле), то цели их существования являются иррациональными. Поэтому человеку свойственно бессознательно реагировать на реальные или мнимые угрозы безопасности этноса и искать в его лоне последнее прибежище в трудные времена. Этномобилизующая функция проявляется в том, что человеческое поведение определяется бессознательными импульсами (инстинктивно), хотя всегда и объясняется какими-то разумными мотивами.

Все иррациональные цели в этносе рационализируются через призму социальных категорий. Это категории *справедливости, добра, красоты и истины*. В каждом этносе приняты свои категории, или даже правильнее сказать, что они сами формируют этнос, с их помощью происходит управление этносом. На уровне личности эти категории определяют веру человека - то, что для него незыблемо и что направляет его поведение. Любой этнос начинается тогда, когда иррациональные цели рационализируются, и их удовлетворение начинает приобретать специфическую для данного этноса окраску под действием категорий Справедливости, Добра, Красоты, Истины. В целом все эти категории формируют неповторимый, в каждом конкретном случае, стереотип поведения, а разрушение этих категорий ведет к гибели этноса.

Данные категории являются продуктом всей истории этноса и формировались также под влиянием приспособления этноса к окружающему географическому и социальному ландшафту. Категория *справедливости* регламентирует в основном поведение и деятельность членов этноса, их возможность обладания теми или иными ресурсами, их права и обязанности. Категория *добра* регламентирует поведение членов этноса, их отношения между собой, но не так жестко и формально, как категория изобилия, а пользуясь для своего выражения таким инструментом, как общественное мнение, и выражая свои принципы в терминах «хорошего» и «плохого». Категория *красоты* регламентирует не столько поведение членов этноса и их взаимоотношения, сколько их отношение к жизни, к окружающему миру, эмоциональную сторону их сознания. Эта категории в большей степени, чем остальные, объединяет членов этноса и противопоставляет их окружающему миру. Стиль архитектуры, одежда, единый образец человеческой красоты и стремление ему подражать - все это делает членов одного этноса внешне похожими и отличает от других. *Истина* - это высшая из категорий этноса. По своей природе она настолько абстрактна, что не имеет прямого отношения к поведению и деятельности, а регламентирует в основном сознание, способность человека к рациональному мышлению, а также поддерживает и закрепляет три другие категории.

Все эти категории формируются в результате длительного исторического процесса и ложатся в основу этнической культуры (основного механизма, посредством которого человеческие коллективы адаптируются к окружающей среде). Благодаря культуре человек получает такой образ окружающего, в котором все элементы мироздания структурированы и соотнесены с самим человеком так, что каждое человеческое действие является компонентом общей структуры. Этнос адаптируется к реальному миру тем, что всему в мире дает свое название, определяет его место в мироздании. Так формируется *этническая картина мира* - основополагающая компонента культуры этноса, индивидуальная в каждом конкретном случае.

Но этническая картина мира может сильно меняться с течением времени. Неизменными оказываются лишь логически не объяснимые, принятые в этнической картине мира за аксиому, блоки, которые внешне могут выражаться в самой разнообразной форме. На их основе этнос выстраивает новые картины мира, которые обладают наибольшими адаптивными свойствами в данный период его существования. Эти неизменные блоки являются *этническими константами* или центральной зоной культуры.

Этнические константы обязательно включают следующие бессознательные образы:

- локализацию источника зла;
- локализацию источника добра;
- представление о способе действия, при котором добро побеждает зло.

Таким образом, этнические константы - это некий внутренний, не осознаваемый ни членами этноса, ни внешними наблюдателями культурный стержень, в каждом случае уникальный и определяющий согласованность действий членов этноса. Именно этот стержень является основой этничности, и вокруг него кристаллизуется этническая традиция в различных ее модификациях.

Этническая система неизбежно реагирует уже на любую угрозу национальной традиции – автоматически включаются этнозащитные механизмы. В современном мире необходимым условием для запуска этнозащитных механизмов является не только наличие межэтнической напряженности, но и интенсивное информационное воздействие СМИ, пропагандирующих идеи глобализации. Такие идеи на этническом уровне воспринимаются как угроза целостности этноса и активизируют этноконсолидирующие процессы.

Для Кавказа во все времена было характерно четкое и неукоснительное следование национальным традициям. Национальная традиция оставалась на протяжении всей истории главным средством сохранения собственной уникальности и независимости, в

регионе с очень плотным населением и активными межэтническими контактами. Сама природа Кавказа активно способствовала сохранению национальной неповторимости. Горный ландшафт, труднодоступная местность позволяли жить обособленно любому коллективу. Недаром Кавказ - это самый многонациональный регион России, где отдельный этнос может занимать лишь одно ущелье или, даже, всего несколько аулов. Горы надёжно укрывали от непрошенных гостей и от чуждого культурного влияния. В то же время то, что в местные этносы постоянно вливалась новая кровь (за счёт браков с представителями соседних народов, или за счёт военной добычи) не позволяло им превратиться в реликтовые этносы, и они на протяжении всей истории сохраняли высокий уровень активности. В зоне столь интенсивных межнациональных контактов для взаимопонимания и мирного сосуществования неизбежно должен был выработаться некий универсальный способ взаимодействия. Так выкристаллизовался феномен кавказской культуры, которая для стороннего наблюдателя кажется чем-то единым и монолитным, но местные жители чётко определяют национальные границы по уникальному в каждом отдельном случае стереотипу поведения. Несмотря на такую мозаичность и пестроту национального состава, кавказская культура адаптировала под себя всё пришлое население, (среди кавказцев много некоренных народов), однако парадоксальным образом в этой адаптационной модели всегда сохранялась национальная уникальность. Русские, также, закрепились на Кавказе только благодаря казакам, полностью перенявшим местную культуру. Причём закреплялись на Кавказе только этнические группы готовые к жёсткой конкурентной борьбе, в условиях которой протекала вся жизнь местного населения. Необходимость этой борьбы обуславливалась жёсткостью, как природной среды, так и социального окружения и тот, кто был не готов к конкурентной борьбе либо ассимилировался местными народами, либо вытеснялся из региона. Таким образом, кавказская культура традиционно воспитывала в человеке психологические параметры необходимые для успешной конкурентной борьбы, формируя, таким образом, определённые качества человеческого капитала.

Но сегодня кавказская культура, как и весь мир, столкнулась с вызовом новой реальности. XXI век ознаменовался небывалым расцветом информационных технологий. Практически никакие природные препятствия уже не могут служить барьером для распространения нового информационного пространства. Человечество не сталкивалось за всю свою историю со столь интенсивным, разнообразным и всепроникающим информационным воздействием.

Естественно, что эта новая реальность вступает в конфликт с устоями выработанными веками. Красивая картинка с самых разнообразных экранов властно вторгается в жизнь, манит своей привлекательностью, зовёт испытать новые ощущения, приглашает отказаться от всего устаревшего и жить также весело и беззаботно как «весь остальной мир». В результате смысл жизни, определяемый, в том числе, через национальную культуру, разбивается в сознании человека на локальные, никак не связанные между собой цели. В результате отдельная личность начинает функционировать хаотично, происходит размывание традиции, нарушается структура этносов. И этнические системы отвечают на этот вызов времени закономерным срабатыванием этнозащитных механизмов. Функционирование этих механизмов может проявляться в самых разнообразных формах, но главная их цель сохранить функционирование этноса, как единой системы.

В силу инертности бытового сознания и закономерности функционирования этнозащитных механизмов (когда источник напряжённости чётко не локализуется, и проявляется на индивидуальном уровне лишь как тревожное состояние) в национальных проблемах на Кавказе, чаще всего, обвиняются соседи. Источником бед объявляются беспочвенные притязания, желание навязать свой образ жизни, кровожадные планы «просто навредить нам и разложить нашу молодёжь» со стороны соседнего народа или федерального центра. Данный стереотип очень живуч, ведь проще всего обвинять в

собственных проблемах реальных людей, которые находятся в зоне досягаемости, тогда и решение всех проблем кажется легко достижимым – изменить других, чтобы нам стало лучше. Но постепенно растёт понимание того, что корни проблем лежат гораздо глубже.

Поэтому среди молодёжи, которая не находит себя в условиях бесцельного функционирования в хаотическом режиме идеологии потребления, и среди тех, кто уже минует границы молодости, наблюдается значительное повышение интереса и возврат к старым, зачастую уже забываемым, национальным традициям. Этот возврат может выливаться в самые разнообразные формы и иметь совершенно противоположный вектор. Так, в Северной Осетии эта тенденция характеризуется повышением религиозности. При этом, с одной стороны, эта религиозность развивается по пути унификации национальных религиозных воззрений с христианством и полной их адаптацией под христианство (идёт строительство храмов, монастырей, местным святым находят место в традиционной православной иконографии), а с другой, осетинское единобожие отвергает христианство и считает его чуждым и привнесённым извне. Причём, зачастую, большинство участников ритуальных действий, поездок по святым местам, бытовых религиозных обычаев объяснить смысл происходящего не могут (хотя в культурном контексте все эти действия наделены определённым смыслом), но все считают, что участвовать в этих мероприятиях и соблюдать обычаи необходимо. То есть возрождение традиции происходит, прежде всего, не на рациональном, а на эмоциональном уровне. Удовлетворяется, в первую очередь, потребность в национальном единении. Именно так, через мобилизацию национального единства и возврат к ценностям, которые помогали сохраниться этносу в течении веков, видится здесь возможность преодоления нестабильности и повышения конкурентоспособности в условиях стремительно развивающегося современного мира.

В Чечне, после того как источником всех бед была объявлена ваххабитская идеология, чуждая местному суфистскому исламу (по сути, была проведена переинтерпритация направления развития, но сама активность основной массы местного населения была сохранена и направлена в другое русло) республика в значительной степени очищена от незаконных бандформирований. А в результате беспрецедентной поддержки Р. Кадырова из центра, ему удалось полностью избавиться от политических противников или вытеснить их из Чечни. Небывалая концентрация власти в одних руках позволяет президенту Чечни воплощать в жизнь классическую формулу «друзьям – всё, врагам – закон». В результате каждый получил то, что хотел, федеральный центр – «конституционный порядок», а недавние боевики – всю власть в республике. В определённой степени такая централизация способствует объединению народа, а финансовые вливания из центра позволяют направить его активность в мирное русло. На сегодняшний день население республики объединено идеями построить самый красивый город на Кавказе и доказать, что способны добиваться успехов и в мирной жизни. Чеченский этнос, как наиболее активный на Кавказе на сегодняшний день, стремится материализовать свои преимущества в конкурентной борьбе строительством в мирной сфере и не только восстановить разрушенную столицу республики, но и сделать Грозный во всех отношениях самым передовым городом в регионе. Данная идея на сегодняшний день является доминирующей и этномобилизующей. Но существенным дестабилизирующим фактором может оказаться экономическая ситуация в Чечне, где кроме торговли и строительства нет почти никаких средств заработка – все заводы за время войны были разобраны на нужды местного населения и металлолом. Кроме того, существенным сдерживающим фактором в осуществлении этих планов является «узкая» специализация значительной массы населения Чечни, тяготеющей к работе в силовых структурах. Но в случае серьёзных затруднений в планах мирного строительства в республике из неё неизбежен отток значительной части населения, настроенной на конкурентную борьбу, и добивавшейся в этой сфере значительных успехов, благодаря укоренившейся традиции активно поддерживать друг друга по этническому признаку за пределами исторической родины.

После того, как основная масса боевиков была вытеснена из Чечни, они нашли благоприятную почву для активных действий в соседних республиках. Ингушетия – самый маленький субъект РФ, дотационный регион с наибольшей плотностью населения, у которого отсутствует чёткая граница с Чечнёй (в советское время это была единая республика Чечено-Ингушетия), имеющий неурегулированные территориальные проблемы с Северной Осетией – стала очень привлекательным местом для боевиков. Полученное от советских времён наследство, в виде произвольно рисуемых границ между республиками и практики выселения целых народов, оставляет в душе народа незаживающую рану и позволяет манипулировать общественным сознанием в деструктивных целях. Состояние тревоги за сохранение национальной идентичности, подпитываемое влиянием нового информационного пространства, умело используется боевиками для расшатывания ситуации и дискредитации линии республиканского правительства на построение ингушской государственности мирным путём. Боевики настаивают на том, что накопившиеся проблемы возможно разрешить только вооружённым путём. Масла в огонь подливают и внутренние клановые противоречия, и противоречия внешнего курса (с кем из соседей объединяться и объединяться ли вообще). Для кавказских республик вообще характерна клановая организация власти. И тем, кто недостаточно близок к клану находящемуся у власти, рассчитывать в экономическом плане особенно не на что. Но кавказцы традиционно ориентированы на определённые стандарты жизни. Возможность достойно обеспечивать семью здесь является делом чести. Непреодолимые клановые барьеры заставляют наиболее непримиримых брать в руки оружие и добиваться смены власти. И если, например, в Чечне и Кабардино-Балкарии элиты довольно надёжно контролируют власть (это в частности было продемонстрировано во время событий в Нальчике в 2005г.), то в Ингушетии и Дагестане властные элиты не так мощны, а противостоящие им кланы довольно сильны.

Ошибки, совершённые ещё прошлым руководством Ингушетии приводят к тому, что деструктивные процессы в республике продолжают развиваться. Растёт уровень дезорганизации на этническом уровне, когда значительная часть населения считает сложившуюся ситуацию несправедливой и не понимает, чего хочет и какие цели перед ними ставит руководство, но при этом готова и активно стремится участвовать в жизни этноса. Руководство республики в этой ситуации оказывается в очень тяжёлых условиях, когда сохранять существующий порядок уже нельзя, а быстрые изменения могут привести к ухудшению ситуации и потере контроля над происходящим. Ситуация крайне накаляется из-за активности в республике боевиков, которые активно используют для пропаганды своих идей религиозный фактор.

Религиозный фактор имеет огромное значение в формировании психологических качеств составляющих понятие человеческий капитал. Тысячелетняя история религиозных систем позволила им накопить неоценимый опыт по отшлифовке определённых психологических качеств, перед которым меркнут даже научные достижения в этой сфере. Главным психологическим продуктом, который производят религии, является Вера.

Для того чтобы человек активно действовал на протяжении жизни и добивался поставленных целей, вера ему просто необходима. Без веры, убеждающей в том, что человек способен сделать что-то или добиться чего-либо, он просто нежизнеспособен. Величайшие успехи в истории человечества в построении государств, на полях сражений, в науке были достигнуты благодаря вере целых народов и отдельных безумцев, продолжавших стремиться к цели несмотря ни на что. Так же как величайшие трагедии были связаны с потерей веры – когда люди теряли уверенность в будущем, а знания не превращались в убеждения, рушились цивилизации. Вера, таким образом, представляет собой стержень человеческой психики, который обрастает всеми остальными психологическими свойствами личности. Люди без веры существовать не могут и любой человек во что-то должен верить.

Религиозные системы призваны культивировать веру не столько в её бытовом плане (верить во что-то в жизни), сколько в глобальном. Религиозная вера призвана оторвать человека от земли и сориентировать его в вечности и бесконечной вселенной. Вера, как «осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом» объясняет смысл жизни человека в Высших категориях, объявляя земное существование лишь промежуточным этапом, испытания которого надо успешно преодолеть, чтобы наследовать жизнь вечную. Поэтому вера уже в земной жизни формирует в человеке «вечные» и незабываемые психологические качества.

Основные составляющие личности: темперамент, характер, направленность, реализация способностей - это воплощение веры человека и её силы. Именно вера, стоящая за проявлениями яркой личности, вызывает доверие к человеку, позитивно характеризует его устойчивость и надежность. Влияние веры столь сильно, что за неё не задумываясь идут на смерть. Вера овладевает человеком и управляет им вплоть до полного самоотречения. Человек, обладающий верой в Бога психологически чрезвычайно силен. Давно замечено, что верующие люди психологически более устойчивы в периоды серьезных кризисов, они не застревают на неудачах и удивительным образом эти неудачи становятся ключом к достижениям более высокого уровня. Бесплодная трата времени, с точки зрения неверующего, на молитвы и посещение культовых сооружений парадоксальным образом приводит к увеличению свободного времени, упорядочиванию жизни, удалению из неё бесполезной суеты и как следствие человек успевает гораздо больше сделать и добиться большего. В конечном итоге вера разрешает загадки, которые ставят в тупик теоретический ум.

Однако религиозный фактор в политике может использоваться в самых разнообразных целях. К религиозным ценностям апеллируют, как правило, все противоборствующие стороны, и конфессиональная аргументация находит отклик у населения. Но значимых успехов в политической сфере, по-видимому, смогут добиться те, кто смелее пойдет на привлечение религиозных ценностей в светские институты власти. Данный путь вытекает из религиозного ренессанса, который сейчас переживают многие страны мира. Причём подъём религиозных настроений наблюдается не только в исламских странах, к чему мы уже привыкли, но и во многих странах, где большинство составляют христиане.

Северный Кавказ в этом смысле повторяет общемировую тенденцию. Так в Северной Осетии наблюдается повышение интереса к христианству, а в других республиках рост исламских настроений, всё больше людей объясняют смысл собственной жизни через религиозные ценности. В Чечне новой доминантой возрождающейся столицы стала грозненская мечеть, такой же доминантой для национальной культуры становится ислам. Среди населения наблюдается повышенный интерес к религии, и он носит не только, как это чаще всего бывает, поверхностный характер, но сопровождается и более глубоким постижением духовных основ ислама, проникновением его во все сферы жизни. И этот фактор в республике, где национальная традиция не ослабевала все эти годы, может оказаться определяющим в стремлении поднять республику из руин и двигаться дальше в созидательном направлении.

С помощью поддержания веры в этносе формируются категории истины. Укрепление этой категории может свидетельствовать о том, что этническая система выходит на высокий уровень организации, когда уже не требуется постоянного управленческого вмешательства, а этнос начинает функционировать в режиме, когда людям не требуется ни указывать, как и что они должны делать, ни создавать обстановку, которая побудила бы их к деятельности. Единственное, что надо делать - это поддерживать в них веру в правильности их пути.

Но более значимой и достоверной причиной религиозного ренессанса следует считать противостояние идеям глобальной унификации. В условиях, когда новая информационная реальность зримо вторгается в жизнь любого народа и стирает

культурные границы, этнические системы в поисках идеологии способной противостоять этой универсализации обращаются к идеям проверенным тысячелетней историей. Религиозные учения, в конечном счёте, оказываются единственной идеологией способной противостоять цивилизации потребления. В результате вера становится ассиметричным ответом на вызов глобализации.

Таким образом, в современном мире наряду с глобальными изменениями значительно возрастает роль этнических и религиозных факторов. Эти факторы в той или иной степени оказывают влияния на все базовые способности человеческого капитала: жизнеспособность, работоспособность, способность к инновациям, способность к обучению. Поэтому любая оценка человеческого капитала должна производиться с учётом этнической и религиозной психологических составляющих.

Список литературы:

1. Бутузов В.Ю. Политическая психология этнических отношений. СПб., 2002.
2. Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера земли. М., 1993
3. Зимичев А.М. Психология политической борьбы. Л., 1991
4. Лурье С.В. Историческая этнология. М., 1998.
5. Объективной реальности // Вестник СПбГУ. 2000. Сер.6. Вып.1.
6. Психологические составляющие человеческого капитала (опыт измерения качеств человеческого капитала на примере двух регионов РФ). Под ред. А.И. Юрьева, СПб., 2009.
7. Юрьев А.И. Системное описание политической психологии. СПб., 1997.
8. Юрьев А.И. Современная проблема психологии: неисследованные эквиваленты

Быкова А.Ю. Психолого-политические последствия современной демографической политики.

Основной чертой демографической ситуации в России на сегодняшний день является резкая убыль коренного населения. Причинам этих процессов посвящено множество работ и исследований в различных областях: медицине, социологии, психологии, демографии.

Демографическая политика, как целенаправленная деятельность государственных органов и иных социальных институтов в сфере регулирования воспроизводства населения, призвана повлиять на эти процессы, предотвратив убыль, изменив тенденции численности и динамику структуры населения.

Целеполагание в современной демографической политике является важной проблемой, поскольку вопрос о динамике численности не исчерпывается проблемой рождаемости, смертности или миграции. Целеполагание в демографической политике, прежде всего, опирается на социально-экономическую доктрину развития государства. Таким образом, демографическая политика рассматривается в качестве инструмента для достижения общества в целом определенных показателей: уровня жизни, темпов развития, геополитической безопасности и прочее.

В связи с этим интересны, например, взгляды известного советского демографа А.Я.Кваша, легшие в основу политики в области народонаселения СССР, который критерием эффективности демографической политики называет эффективность экономики в целом, а в качестве целей рассматривает социально-политические цели развития общества.

Современная демографическая политика, в сравнении с советской политикой, принципиально иначе рассматривает вопрос о целеполагании, выделяя в качестве главного критерия эффективности количественные показатели численности населения.

Это видно, например, по «Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» принятой в 2007г.

На сегодняшний день в демографической науке существует две научные школы, представляющие противоположные взгляды на проблему численности населения: школа индустриального кризиса семьи (В.А. Борисов, А.И. Антонов, В.Н. Архангельский, В.М. Медков, А.И. Кузьмин, А.Б. Синельников и другие) и школа демографического перехода (А.Г. Вишневский, А.Г. Волков, Е.М. Андреева, С.В. Захаров и другие). В основе этих школ лежит принципиально разный взгляд на проблемы современного общества, и, как следствие, разные предпосылки к демографической политике в России.

Сущность теории демографического перехода составляет идея изменения типа воспроизводства населения в связи со сменой экономических отношений. При этом изменение репродуктивного поведения является необратимым последствием. Представителями данной теории была предложена модель постепенной трансформации семьи как социального института. Согласно этой модели первоначально широкое распространение получают юридически не оформленные союзы, затем происходит переход от детоцентристской модели семьи к индивидуалистической, с одним ребенком, переход от превентивной контрацепции к сознательному планированию и, наконец, переход от унифицированной модели семьи к плюралистической.

А.Г. Вишневский, наиболее известный представитель этой школы в России, отмечает, что в связи с развитием современной системы рыночных отношений в обществе кристаллизуется идея свободы как идея рационального, индивидуально мотивированного выбора.

Эта идея накладывает отпечаток и на процессы, происходящие в семье, как общественном институте. В современном обществе производственная функция семьи перестала быть ведущей. Ей на смену пришли потребление и организация досуга. Функция социального контроля и социализации также претерпели значительное изменение в связи с развитием специализированных общественных институтов (школ, детских садов и т.д.). В связи с этим изменилась роль детей. Если раньше уровень благосостояния семья зависел преимущественно от количества детей в семье, то теперь он зависит от индивидуального труда. Поэтому возросла роль детей как объекта опеки и заботы. Так же произошли существенные изменения института брака. Анализ этого вопроса посвящен ряд работ Л.Е. Дарского. В настоящее время, прежде всего в связи с изменениями традиционных форм регулирования добрачных половых связей, брак, как форма отношений, регулирующая деторождение, теряет свое значение. Происходит смещение акцента с правовых аспектов брака, на психологические. Если раньше вступление в брак было напрямую связано с началом немедленного и нерегулируемого деторождения, то в связи с появлением и развитием внутрисемейного регулирования брак, как психологически, так и практически перестает быть связанным с наличием детей, а сами дети рассматриваются как препятствие к удовлетворению других потребностей.

Исходя из вышесказанного, демографическая политика, по мнению представителей данной школы, должна ориентироваться на структурные изменения, произошедшие с институтом семьи и принцип свободы, как основной ценности в индустриальном обществе. Меры демографической политики, в этом ключе, могут быть направлены, прежде всего, на миграционные процессы, которые должны восполнить неизбежную депопуляцию коренного населения.

Иного взгляда на проблему воспроизводства населения придерживаются представители школы индустриального кризиса семьи. По мнению приверженцев этой школы, основным социальным институтом, ответственным за воспроизводство, по-прежнему остается семья. Кризис семьи как формы общественных отношений вызван текущей стадией исторического развития индустриального общества (отсюда название школы). В связи с этим демографическая политика рассматривается как система мер,

направленная на минимизацию негативных влияний общества на семью и, как следствие, повышение рождаемости.

В основе представлений о возможности преодоления кризиса семьи лежит концепция «потребности в детях». Например, Антонов А.И., рассматривая современную семью, отмечает, что причиной малодетности является не кризис института брака и семьи, а длительное отсутствие возможности в обществе удовлетворения потребности в детях. Происходящие сложные социальные процессы и потрясения, а также пропаганда, сместили акцент с семьи на личность. Пропаганда индивидуального успеха, улучшение условий жизни усиливают внесемейные ориентации, а не потребности в детях и наделяет экзистенциальным смыслом не семью, а карьеру.

Соответственно, если целью демографической политики является увеличение численности населения за счет поддержания института семьи, то целесообразно ориентироваться на те социальные группы, которые в условиях индустриального общества рассматривают семью как источник экзистенциального смысла. Такой группой на сегодняшний день, являются люди, обладающие религиозным мировоззрением. Согласно результатам исследования А.Б. Синельникова, религиозные люди в целом терпимее относятся к среднедетности и многодетности и демонстрируют высокие показатели по шкале желаемого числа детей. Однако стоит отметить, что различия в реальном демографическом поведении для религиозных людей и нерелигиозных не существенны. Исключение составляют лишь люди, с ярко выраженной религиозной направленностью (около 4% от общего числа верующих). Таким образом, целесообразно рассматривать данную группу в качестве ресурсной, а меры демографической политики направлять, прежде всего, на количественное увеличение числа ее представителей.

Другими словами, непременным условием осуществления современной демографической политики является рост религиозности в обществе, который приведет к укрупнению социальной группы, обладающей позитивными репродуктивными установками, основанными, прежде всего, на религиозном мировоззрении.

Религиозное мировоззрение и его частный случай, религиозное сознание, имеет ряд особенностей, прежде всего психологических, отличных от светского мировоззрения. Постараемся описать наиболее существенные из них, поскольку подробный анализ религиозного сознания не является задачей данной статьи.

Современное представление о феномене религиозного сознания складывается на основе двух методологических традиций: религиоведческой и психологической. Этим обусловлено противоречие, возникающее при попытке объединить эти два подхода и выстроить единую стройную концепцию, описывающую религиозное сознание как особый феномен. Тем не менее, общим для них является представление о том, что для верующих характерна специфическая система ценностных ориентаций, отличающаяся тем, что в ней главную роль играют идеи и нормы, вытекающие из религиозной веры. При подобной субординации ценностей все реальные социальные ценности, вытекающие из потребностей и интересов человека, рассматриваются как второстепенные.

Психологическая традиция в рассмотрении феномена религиозного сознания представлена работами известных психологов (З.Фрейд, К.Юнг, Э.Фромм и ряда других) для которых религиозное сознание не являлось собственно предметом исследования и рассматривалось как частный случай работы сознания в рамках ведущей для каждого из исследователей теории личности.

Так, например З.Фрейд, опираясь на свою теорию личности, считал религиозность разновидностью невроза, признаком которого является снижение уровня критического мышления. К. Юнг считал религиозность врожденным качеством, поскольку вера в сверхъестественное является, по его мнению, проекцией бессознательных процессов. Э.Фромм, рассматривал религиозность как один из защитных механизмов, к которому сознание прибегает, чтобы справиться с чувством неопределенности и тревоги. Описывая

такой тип личности Э.Фромм отмечает, что главной ее особенностью является неспособность быть творческой, свободной и независимой от окружения.

С развитием психологии как науки предмет исследования постепенно смещается с субъективного мира человека на объективные, наблюдаемые характеристики – поведение, вызываемого внешним воздействием. Открытия, сделанные И.П. Павловым, И.М. Сеченовым, В.М. Бехтеревым дали науке новое направление для исследования, область, в которой единицами анализа становится не личность в целом, а стимул и ответные реакции организма. В связи с этим, У. Уэллс и Д. Траут, оценивают религиозность как вид поведения, способствующий выживанию и приспособлению к среде, или как фактор оптимизации биологических процессов в организме. Так же Ф.Скиннер и А.Бандура, выделяют религиозное поведение как один из видов оперантного поведения, определяемого событиями, следующими за реакцией. Т.е. религиозное поведение осуществляется потому, что оно однажды имело место быть в сопровождении подкрепляющих стимулов.

По мере развития медицины теории инстинктов и условных рефлексов теряют свою актуальность и предметом исследования вновь становится личность. Это находит свое отражение в работах Г.Олпорта, который как и Э.Фромм, рассматривает религиозное сознание как следствие рационализации, к которой человек прибегает в процессе развития своей личности. В этом смысле религиозность является ранней стадией развития личности. Похожие взгляды высказывал А.Маслоу, который связывал религиозность с особенностями мотивации личности, различая мотивацию развития и мотивацию дефицита.

Современные представления психологов о религиозном сознании во многом являются синтетическими. Речь идет прежде всего о таких исследователях, как Э. Эриксон, Д. Винникот и А. Ризутто. Все они приписывали наибольшую важность при формировании человеческой личности периодам младенчества и раннего детства, а проецируя свой подход на проблемы религии, видели в ней инфантильное стремление укрыться под сенью материнского или отцовского божества. В этом отношении, а также в признании исключительно важной роли бессознательного они являются, несомненно, наследниками З. Фрейда.

Религиоведческая традиция в исследовании религиозного сознания представлена работами отечественных авторов и несет на себе в целом отпечаток марксистской идеологии, однако результаты исследований не становятся от этого менее значимыми.

В частности Угринович Д.М., идеолог марксистского подхода к психологии религии, подчеркивал, что вера не является имманентной характеристикой сознания. Под воздействием условий жизни у личности создаются определенные психические состояния, которые делают его предрасположенным к усвоению религиозного мировоззрения. Стрессовые ситуации, связанные с глубокими эмоциональными переживаниями и снижением уровня критического (научного мышления) делают любого человека ситуационно предрасположенным к восприятию религии. В некоторых случаях под влиянием обстоятельств религиозность приобретает постоянный характер. Эти тезисы были подтверждены серией уникальных исследований, проводившейся на территории бывшего СССР в рамках антирелигиозной политики (В.В. Королевым, В.С.Соловьевым, Н.С.Василевской, Р.Г.Маршаевым, И.И.Фурсиным и многими другими).

В тоже время современные исследования мозга (Г.Г.Ершова, П.Ю. Черносвитов, В.В.Аршавский, Ротенберг В.С., Бондаренко С.М. и другие), дают основания говорить о своего рода биологической предпосылке религиозности, в том случае, если рассматривать религиозное мировоззрение как способ моделирования картины мира. Функциональная асимметрия мозга является предпосылкой для возникновения различных типов восприятия и обработки информации (правополушарные и левополушарный тип) и, как следствие, разных типов мышления и мировоззренческих позиций, т.к. в онтогенезе четко прослеживается смена отношений между исходно доминирующим типом восприятия -

правополушарным, на более позднее – левополушарное. Отличие в восприятии информации полушариями заключается в том, что правое полушарие, более древнее, воспринимает информацию комплексно, образно и более однозначно, в то время как левое более склонно к знаковой информации, отрывочной, позволяющей моделировать ситуацию и дающее неоднозначные оценки.

Отдельно я бы отметила концепцию религиозного мышления В.В.Можаровского, как единственную в своем роде работу, посвященную анализу исключительно религиозного мышления в монотеистических религиях. В качестве наиболее существенной характеристики мышления выделяется догматичность. Под догматичностью понимается выделение из всего информационного пространства совокупности идей и возведение их в абсолютную степень, формируя, таким образом, упрощенное смысловое пространство, подразделяющееся на «верное» и «неверное». Такая форма мышления предполагает наличие качественной характеристики – абсолютной достоверности, и количественной – всеобщности, т.е. распространяется на всех представителей данного менталитета. Воля, как психологический феномен, выступает важным компонентом религиозного менталитета, поскольку неестественный характер мышления вынуждает вырабатывать специальный механизм саморегуляции.

Суммируя представления об особенностях религиозного сознания, отметим, что люди, обладающие религиозным мировоззрением, имеют ряд особенностей, выражающихся как на уровне мышления, так и на уровне поведения. К этим особенностям относят: догматичность и эгоцентричность мышления, низкий уровень критичности при восприятии информации, высокий уровень предсказуемости поведения, особым образом организованный волевой процесс, предполагающий внешний локус контроля в виде специального социального института – церкви, низкий уровень тревожности, ориентация на групповые нормы и высокий уровень самоуважения.

Вернемся теперь к вопросам демографической политики.

Как рассматривалось выше, непременным условием осуществления современной демографической концепции является рост религиозности в обществе с целью укрупнения социальной группы, обладающей позитивными репродуктивными установками, основанными, прежде всего, на религиозном мировоззрении. Т.е. меры демографической политики, прежде всего, должны быть направлены на рост этой группы. Однако, появление в обществе такой группы не может не отразиться на всех сторонах жизни общества, в том числе политической. Некоторые характерные черты этого процесса можно наблюдать сейчас в связи с увеличением в обществе религиозных настроений в целом.

С начала 90-х годов в России отмечается всплеск интереса к религии. По оценкам ВЦИОМ на 2006г. 84% россиян осознают себя в той или иной степени верующими. Для сравнения, в 70-хх годах в СССР к верующим относилось лишь 11% городского населения и около 20% сельского. При этом 63% опрошенных причисляют себя к православным, 6% к мусульманам и по 1% к католикам и буддистам. Для сравнения в 1992 г. лишь 34% жителей России причисляли себя к православной конфессии. Стоит отметить, что православие, по данным ВЦИОМ, рассматривается респондентами чаще всего не как религиозная концепция, а как национальная традиция. В связи с этим реальные замеры степени религиозности православных (соблюдение обрядов, посещение церкви и т.п.) дают гораздо более скромные результаты численности данной конфессии.

Причинами такого всплеска интереса к религии называют:

- процесс демократизации 90-хх годов, открывший возможность для свободного выражения своих религиозных предпочтений, что было невозможно в рамках господствующей марксистской идеологии;

- активные миграционные процессы из стран с традиционной мусульманской религией (Азербайджан, Средняя Азия), в связи с которыми возникла необходимость поиска основания национальной и культурной идентичности;

- активизация внутриконфессиональных процессов, что привело к резкому увеличению количества сект, новых течений традиционных культов и т.п. (классификация по кн. «Религия и Политика» А.А. Нуршалаев; А.Ал. Нуршалаев)

В связи с этими процессами остро встает вопрос о взаимоотношениях между религией и государством, о роли религии в жизни современного общества, ее формы институциональной организации – Церкви и ряд других. Если обратиться к опыту других стран, то можно констатировать что на протяжении всего XX века в мире отмечалось нарастание процесса секуляризации. Прежде всего, это связывалось с тем, что ряд функций религии перешли государству. Однако в современной социологии религии не существует однозначного понимания процесса секуляризации и перспектив развития религии в будущем.

Так, П.Бегрер оценивает процесс секуляризации в целом как негативный и предрекает возвращение религии, как важного социального института. По его мнению, помимо секуляризации общественных институтов (отделение церкви от государства, создание системы светского образования, снижение интереса в искусстве к религиозным сюжетам) идет процесс секуляризации индивидуально сознания. При этом секуляризация неразрывно связана с плюрализмом мнений, в том числе религиозных, что ведет к утере смысла, дезориентации индивида, а в широком смысле нестабильности общества.

Иная точка зрения, согласно которой религия будет ослабевать по мере роста науки и образованности, на сегодняшний день является господствующей. Ее представители выделяют в процессе секуляризации два важных компонента: во-первых, десакрализацию восприятия окружающего мира, а во-вторых, рационализацию мышления. В результате развития критического и рационального мышления происходит демифологизация информационного пространства, в том числе библейских мифов, что, в целом безусловно ведет к вырождению религии.

Еще одна точка зрения предполагает, что секуляризация как процесс ведет к трансформации религии, однако это не говорит об утрате ее значения для общества. Такой взгляд на процесс секуляризации поддерживают Т.Парсонс и Р.Белл. Согласно Т. Парсонсу секуляризация ведет не к утрате религией своего значения для общества, а к сужению и трансформации этого значения. Соответственно упадок традиционной религиозности может вести и ведет к возникновению новых форм религии, отвечающих потребностям современного общества, возникают новые формы религиозности. Американский социолог Р.Белл полагает, что с возрастанием сложности социальной организации религия претерпевает эволюцию, обретая, таким образом способность не только укреплять существующие социальные структуры, но и, изменяя сложившиеся нормы и ценности, способствовать дальнейшему развитию общества.

Исследование секуляризации позволили выявить следующую закономерность: чем интенсивнее проходит процесс секуляризации, тем острее становится потребность в развитии институтов права как внешней регуляционной силы. Логично предположить и обратный процесс: чем слабее роль институтов права, тем больше потребности в религии, как социальном институте, обеспечивающем регулятивные процессы в обществе.

Так в современной России рост общей религиозности совпал с экономическим и ценностным кризисом в обществе, ростом уровня безработицы, падению производства, кризисом правовой системы. Именно на фоне этих процессов наблюдается увеличение политического влияния религиозных организаций, прежде всего Русской православной церкви.

Стоит отметить принципиальные различия в подходе к целеполаганию между политикой и религией. Религиозные деятели в своих действиях опираются не на прагматические принципы, а на идеологические, фиксированные в текстах. Таким образом, там, где политики будут руководствоваться принципом целесообразности и минимизации расходов, религиозные деятели, прежде всего, будет опираться на идеальный, нравственный образ ситуации, не взирая на возможные затраты.

В настоящее время рост политического влияния Русской православной церкви выражается в основном в передаче РПЦ ряда государственных функций, в частности воспитательной. Это можно проиллюстрировать, например, решением президента Дмитрия Медведева о поддержке в экспериментальном порядке в общеобразовательных школах новой дисциплины «Основы православной культуры», увеличении выступлений в СМИ православных религиозных деятелей по вопросам, не связанным напрямую с вопросами религии, введение института военных священников и ряд других мер.

Таким образом, причиной усиления роли Русской православной церкви является рост общего числа верующих, маркирующих себя в качестве православных для обозначения национальной принадлежности. Поэтому важно понимать, что при качественном изменении структуры религиозности современного общества, на которую направлена современная демографическая политика, эта роль не только усилится, но и приобретет качественно иной характер, поскольку позволит открыто осуществлять интеллектуальную экспансию в политическом пространстве. В этом ключе не лишне напомнить, что единственной легитимной формой власти Русская православная церковь считает *монархию*, что и закреплено в соответствующих юридических документах.

Пушкина М.А. к.п.н. Демографическая безопасность страны и парадигма вертикальных связей в построении современной семьи.

Общество выработало уникальный механизм воспроизводства населения – институт семьи. Именно в семье закладывается основа системы принципов и правил сохранения физического и психического здоровья человека, то есть формируется основа здорового образа жизни¹¹⁸. В дальнейшем эта основа, заложенная в семье, определяет всю судьбу человека. Насколько здоровый образ жизни будет заложен в семье, настолько в дальнейшем человек будет успешен и жизнеспособен, настолько эффективно он сможет участвовать в формировании следующего поколения.

Задача государства помочь семье в формировании жизнеспособного человека со здоровым образом жизни. Такой подход обеспечит стабильное существование страны в будущем. С жизнеспособным населением страна процветает и гармонично развивается, без жизнеспособного населения, когда нарушены психологические и физические основы здорового образа жизни, страна погибает. Это может выражаться в разгуле преступности, анархии, деградации населения, в процессах старения населения, спада рождаемости на фоне относительного экономического благополучия, причем это экономическое благополучие в долгосрочной перспективе подвергается серьезному риску. Приведем несколько исторических примеров значения семьи в обеспечении жизнеспособности человека и как следствие выживание нации. Когда в Новый Свет устремились переселенцы, то выжить и преуспеть смогли в основном те, кто уехал целой семьей – ирландцы, итальянцы, поляки, голландцы. Те, кто приезжал поодиночке, либо спивались, либо уходили в банды, либо умирали в драках и так далее. Взаимопомощь в семье была крайне эффективна и тезис, что выжить одиночке легче исторически не оправдался. Другой пример по сохранению нации с помощью семьи из Советской истории. На этот исторический факт обратил внимание А.И. Солженицын. Во время репрессий в отношении чеченского народа, Сталин не разъединял семьи, то есть переселение шло целыми семьями. В итоге на новом месте, семья не только выживала, но и, сохраняя свои культурные особенности, передавала их следующим поколениям с основными

¹¹⁸ Юрьев А.И. Теория стратегической психологии // «Стратегическая психология глобализации» (Психология человеческого капитала) Сборник. Под научной редакцией проф. Юрьева А.И. Санкт-Петербург, «Логос», 2006

принципами выживания. Впоследствии, несмотря на тяжелейшие потери, чеченский народ в кратчайшие сроки смог восстановиться.

Наиболее универсальный состав семьи, для обеспечения функции передачи информации между поколениями, – традиционная семья. В России традиционная семья – это семья с жесткой половозрастной иерархией, подчинением женщин мужчинам, младших – старшим¹¹⁹. Семья является самостоятельной экономической единицей, где общие интересы превалируют над интересами личности. Отличие традиционной семьи в том, что вместе проживают несколько супружеских пар, связанных кровным родством, с детьми, несколько поколений, причем пожилое поколение ухаживает и воспитывает молодежь (большой состав семьи). Именно при таком подходе старшие поколения имеют максимальные возможности для передачи информации подрастающему поколению для обеспечения жизнеспособности индивида.

Индивид - наименьшая единица в системе вида, сохраняющая о нем информацию во времени¹²⁰. Основные отношения человека в системе вида - отношения между родителями и детьми, отношения предков и потомков, т. е. отношения прежде всего временные. Информация, передаваемая между поколениями в семье, касается всех аспектов жизни. Правила быта и безопасного поведения: как заниматься уборкой, как мыть посуду, как ухаживать за младенцами, как лечить синяки и царапины, как собирать грибы, как проверить температуру воды без градусника, как сварить яйцо всмятку; что является безопасным, что нет при общении с незнакомыми людьми и много другое. Передача информации происходит кропотливо изо дня в день, практически все время общения. В процессе воспроизводства населения традиционная семья очень гармонично решает несколько задач¹²¹:

(1) механическая репродуктивная задача – обеспечение физических условий для рождения детей;

(2) задача воспитания человека - передача от поколения к поколению основных культурных кодов, установок, ценностей, традиций, позволяющих человеку войти в общество, выжить в нем и стать активным его членом (процессы социализации молодого поколения)

(3) поддержание жизнеспособности человека на протяжении всей его жизни путем создания эмоционального комфорта и достойных социально-экономических условий.

Это далеко не полный перечень функциональной нагрузки на институт семьи в обществе. Любые исторические эксперименты подменить институт семьи более «современными» механизмами формирования жизнеспособного населения имели либо локальный эффект, либо терпели полный крах. Например, в Германии была попытка формирования нового человека – арийца. У матерей отбирали младенцев и воспитывали их в соответствии с концепцией нового человека. Эксперимент пришлось прекратить из-за явных признаков нежизнеспособности воспитанного подобным образом человека.

Роль семьи была и остается первостепенной, базисной по отношению к другим институтам, участвующим в формировании жизнеспособного населения. Однако традиционная семья в современных условиях разрушается, уступая свои позиции. Экономическое развитие и улучшение бытовых условий столь радикально изменило форму организации частной жизни, что это привело к качественному изменению процессов формирования человека, в том числе кардинальному изменению института

¹¹⁹ Шнейдер Л. Б. Психология семейных отношений. Курс лекций. — М.: Апрель-Пресс, Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. — 512 с. (Серия «Кафедра психологии»)

¹²⁰ Ганзен В. А. Системные описания в психологии. // Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. - 176 с. /

¹²¹ Антонов А. И., Дорохина О. В., Медков В. М., Новоселова Е. Н., Проневская И. В., Синельников А. Б., Соколова Г. В. Социология Семьи // М. ИНФРА-М. 2005.

семьи и полному уничтожению традиционной семьи, которая стала экономически не оправдана.

Можно выделить несколько причин разрушения традиционной семьи:

1) *Изменение роли женщины в производственной сфере*¹²². В экономически развитых странах пересмотрены морально-этические основы взаимоотношения полов. Женщине не надо, как прежде, уделять огромное количество времени ведению домашнего хозяйства, при этом она экономически независима от мужчины. Огромное количество юридических документов, в том числе и международных, таких как документы ООН, устанавливают равноправие между мужчинами и женщинами. Без сомнения защита права женщин – это величайшее достижение XX века. Однако экономическая независимость женщин побуждает их резко ограничивать число детей, чтобы не терять доходы. А также изменить традиционные формы воспитания детей, заменяя их на «облегченные» варианты с меньшими временными затратами.

2) *Инвестиции в человеческий капитал*. Как ни странно, традиционный институт семьи и брака входит в противоречие с экономической реальностью. Сложность заключается в том, что рождение и воспитание детей для семьи и для отдельного человека равняется «потерянному доходу» («упущенной выгоде»). Вложение в собственное образование, здоровье, карьерный рост приносят в денежном эквиваленте гораздо больший доход, то есть являются более выгодными инвестициями, чем затраты времени и средств на семью и детей. Причем как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе.

3) *Государственная политика социальной поддержки*. Развитие государственных и частных программ медицинского и пенсионного обеспечения, как ни парадоксально, так же способствуют ослаблению семейных связей и разрушению института семьи. Тенденция такова, что пожилым людям в экономически развитых странах удобнее и экономически выгоднее жить отдельно от своих взрослых детей. В то же время и дети, в соответствии с идеей свободы личности, стремятся жить отдельно от родителей, это экономически выгодно, модно и удобно. Общество берет на себя заботу о пожилых людях. Тем самым, разрушаются вертикальные связи между поколениями.

4) *Появление и популяризация новых форм семьи*. Не последнюю роль в процессе появления новых нетрадиционных форм семьи сыграли либерализация половых отношений и так называемые «культурные» революции. Приведем одну из классификаций новых форм семьи¹²³

1. Монородительская семья - подразумеваются семьи, глава которых не имеет супруга или супруги и при этом имеет детей

2. «Сериальная моногамия»: повторные браки, новое распределение ролей, «разводные цепочки» («divorce chains»);

3. «Коммуны» различного типа, нетрадиционные стили жизни

4. «Открытый брак» – супруги принципиально считают необходимым иметь внебрачные сексуальные связи – образуются союзы нескольких пар, обменивающихся сексуальными партнерами (swinging).

Необходимо отметить, что новые формы семьи работают на выполнение какой-либо одной (или несколько) функций семьи. При этом все новые формы семьи не выполняют главной функции – формирования жизнеспособного индивида. Так как новые формы семьи не могут обеспечить главное условие формирования жизнеспособного индивида: передачу информации от поколения к поколению.

Наивно было бы полагать, что есть возможность возвращения к традиционной семье. Ведь традиционная семья помимо своих явных плюсов, содержит ряд ограничений

¹²² Силласте Г. Г., Кожамжарова Г. Ж. Социальная дискриминация женщин как предмет социологического анализа. // Социс. 1997. № 31.

¹²³ Голод С.И. Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб, 1998.

неприемлемых в современном мире: жесткое распределение ролей в семье, единоначалие, где женщины и дети безусловно подчиняются главе семьи, ограничение самореализации личности и другое.

«Тенденции, возникшие в 60-е годы прошлого столетия и наблюдаемые на протяжении последних десятилетий во всех развитых странах, кардинальным образом меняют семью»¹²⁴. В первую очередь изменения затрагивают состав семьи. Идет процесс уменьшения числа членов семьи. Самый распространенный тип семьи в экономически развитых обществах – это нуклеарные семьи с минимальным числом детей¹²⁵. Однако это не последняя стадия модернизации института семьи и можно ожидать дальнейшее снижения числа членов семьи до двух человек или полного отсутствия семьи.

При этом государство неосознанно подталкивает свое население к формированию малых форм семьи. Это связано и с экономическими подходами – в современном обществе потребителей существует подход к оценке человека и его эффективности по индивидуальному уровню дохода. Естественно индивидуальный уровень дохода несемейного бездетного человека, выше, чем семьянина. Даже в жилищной политике государство поддерживает идею нуклеаризации семьи. До сих пор строились в основном квартиры из 2-3 комнат, рассчитанные на супругов с 1-2 детьми. Или однокомнатные квартиры для одиночек.

Изменения, происходящие в современной семье, не обратимы, их необходимо принять, как новые условия развития института семьи.

Ученые-демографы отмечают, что состояние института семьи напрямую в краткосрочной перспективе не связано с экономическим процветанием страны. Деградация института семьи может проходить на фоне интенсивного экономического роста. Однако все достижения экономики сводятся на «нет», когда вследствие разрушения традиционного уклада семьи, рано или поздно встает вопрос о воспроизводстве жизнеспособного населения. То есть в долгосрочной перспективе разрушение традиционного уклада семьи, разрушение связи поколений и механизма передачи «опыта жизни» может негативно сказаться на демографическом состоянии страны.

В результате мы имеем два противоположных процесса. С одной стороны, достижения цивилизации разрушают традиционный уклад семьи. С другой стороны, без традиционной семьи разрушается связь поколений и не работает универсальный механизм передачи культурных кодов от поколения к поколению, которые позволяют формировать жизнеспособного индивида со здоровым образом жизни. Система образования не может заменить семью при формировании базовых основ отношения к жизни у ребенка, определенных жизненных установок, формирующих физическое и духовное здоровье. Встает вопрос о демографической безопасности страны вследствие разрушения традиционного уклада семьи.

Выход из данной ситуации – поддержание на государственном уровне идеи вертикальных связей семьи - связь поколений. Создавать условия не только в отдельности по поддержке материнства и детства, защите пожилых и инвалидов, но и создавать условия для сплочения поколений внутри одной семьи. То есть провозгласить идею большой, сложной семьи, как самой эффективной ячейки общества, а не просто защищать нуклеарную семью, состоящую из родителей и детей. В такой форме институт семьи можно сохранить в современных глобальных условиях, причем сложная большая семья будет эффективно выполнять свою функцию передачи информации от поколения к поколению и способствовать формированию жизнеспособного человека со здоровым образом жизни.

---

¹²⁴ Никольская Г.К. Семья в условиях постиндустриального общества (на примере США)// журнал "Мировая экономика и международные отношения", 2006, №8, с. 71-80

¹²⁵ Сидельников А.И. Типы семей и демографическая политика в России // журнал «Демографические исследования», №4, М, 22.07.2006

Необходимы конкретные шаги государства по популяризации идеи связи поколений, а не просто поддержке семьи. Концепция «папа, мама, я – спортивная семья» - это концепция поддержания малой нуклеарной семьи, которая может привести к демографической катастрофе. Требуется концепция здоровой большой семьи с привлечением старшего поколения к воспитанию молодежи, и заботе молодежи о старшем поколении. И в России, как ни в какой стране Европы возможна реализация данной концепции связи поколений.

Санатов Д. В. Географическая и экономическая база для социального и психологического исследования человеческого капитала Архангельской области

Архангельская область – один из самых крупных по площади и численности населения субъектов Северо-Западного федерального округа России. Территорию Архангельской области отличают суровые климатические условия при значительных запасах природных ресурсов.

Система расселения Архангельской области имеет длительную историю развития, но современный вид она приобрела главным образом в 1930-1950-х годах, когда были созданы основные промышленные центры области и сформирована система культурно-бытового обслуживания.

Для современной системы расселения области характерно дисперсное размещение населенных пунктов, наличие больших территорий, не имеющих постоянного населения, и крупных городов, образующих вокруг себя локальные системы расселения.

Как утверждает Г.М.Лаппо, ведущей и интегральной частью территориальной структуры народного хозяйства, на исследование которой во многом ориентирована экономическая география, является опорный каркас. Он представляет собой сочетание главных фокусов (центров) хозяйственной, социальной и культурной жизни страны, а также соединяющих их социально-экономических линий¹²⁶. Такими центрами в Архангельской области выступают Архангельск и Северодвинск, Котлас, Плесецк, Онега, Вельск и Карпогоры.

Система расселения Архангельской области полицентрична, при этом локальные системы расселения имеют слабые связи между собой (в силу большой удаленности друг от друга, низкого качества связывающих их транспортных инфраструктур, различиях в экономической специализации и ряда других причин).

Среди проблем развития системы расселения Архангельской области следует отметить отсутствие целостности каркаса расселения (в виду низкой интенсивности связей между локальными системами расселения), наличие демографических проблем (естественная и миграционная убыль населения, дефицит трудовых ресурсов) и невысокий уровень освоенности территории.

Уровень развития экономики и состояние базовых секторов предопределяет внутренние различия между районами и городами области. Тем не менее, различные территории области можно объединить в 9 зон расселения на основе схожести экономической специализации и наличия плотных экономических связей: Приморская, Онежская, Плесецкая, Няндомская, Центральная, Вельская, Мезенская, Пинежская, Котласская.

---

¹²⁶ Концепция опорного каркаса территориальной структуры народного хозяйства: развитие, теоретическое и практическое значение. Г.М.Лаппо.

Большая часть территорий Архангельской области имеет лесохозяйственную и деревообрабатывающую специализацию. В южных районах области развито сельское хозяйство и пищевая промышленность. Для крупных городов характерно развитие транспорта и машиностроения.

Разделение территории области на 9 зон демонстрирует хозяйственные различия различных территорий области. В то же время, следует отметить, что в каждом населенном пункте присутствует в том или ином виде лесозаготовка и лесопиление (даже в тех населенных пунктах, где эта отрасль не обозначена). Это объясняется тем, что значительная территория Архангельской области расположена в зоне тайги и поэтому обладает большими запасами лесных ресурсов.

Практически для всех крупных населенных пунктов области характерна значительное снижение численности населения, что связано с высоким уровнем миграционного оттока и высокой естественной убылью населения.

В дальнейшем будет происходить усиление трансформации дисперсной системы расселения, которую Архангельская область унаследовала из 19 века, в полицентрическую – миграционные потоки сельского населения будут направлены в несколько основных областных центров: Архангельск, Северодвинск, Котлас, Коряжма, Мирный, Няндама, Вельск.

С другой стороны процесс урбанизации и роста крупных и средних городов Архангельской области может значительно замедлиться и приобрести обратное направление. Исходя из расчетов Т.Г.Нефедовой и А.И.Трейвиша, в начале 2000-х годов Северо-Западный регион начал испытывать процесс дезурбанизации, для которого характерно снижение аттрактивности крупных городов¹²⁷. Процесс дезурбанизации имеет множество причин, среди которых истощение сельского населения, экономический кризис в крупных городах и другие. При этом, ситуация аналогична для Архангельской области.

Несмотря на некоторый подъем значимости крупных городов в 2000-е годы, обусловленный улучшением экономической конъюнктуры базовых секторов экономики, в настоящее время циклический спад в мировой экономике может привести к очередной коррекции тренда развития системы расселения – развороту к стадии контрурбанизации.

Тем не менее, можно утверждать, что в долгосрочной перспективе (свыше 10-15 лет) роль крупных городов останется доминирующей в формировании опорного каркаса расселения области и её экономического и социального развития. Такое положение крупных городов обусловлено рядом причин, среди которых:

1. Высокая концентрация деятельности в городах по причине наличия транспортных и географических предпосылок, высокой плотности коммуникации;
2. Повышенный, в отличие от сельской местности, уровень жизни за счет доступности большого перечня городских сервисов и услуг (коммунальные инфраструктуры, развитые объекты социального и культурно-бытового обслуживания и проч.);
3. Повышенные экономические эффекты от создания деятельности в городах (эффект масштаба).

Как утверждает известный социолог Джейн Джейкобс, которая активно занималась исследованием закономерностей городского развития, города, находясь на пересечении торговых путей, способствуют «смешиванию» людей, идей и продукции, что, в свою очередь, приводит к созданию новых видов деятельности и росту производительности труда.

Современные экономисты и экономико-географы, такие как М.Портер, Дж.Хендерсон, П.Кругман и другие, по-разному подходят к определению конкурентоспособности различных территорий. В то же время они указывают на высокую

---

¹²⁷ «Теория «дифференцированной урбанизации» и иерархия городов в России и на рубеже 21 века», Т.Г.Нефедова и А.И.Трейвиш.

значимость наличия на рассматриваемой территории промышленных кластеров¹²⁸ и крупных городских образований¹²⁹.

В соответствии с существующими представлениями в экономике и экономической географии самые большие миграционные потоки будут направлены в промышленно развитые и урбанизированные территории. Для Архангельской области это означает, что движение мобильной части населения будет направлено либо за пределы региона в крупные федеральные центры (Москву, Санкт-Петербург), либо в пять основных узлов расселения области, если будут предприняты соответствующие меры (см. табл. 2):

- Архангельский узел (города Архангельск, Северодвинск, Новодвинск);
- Котласский узел (Котлас, Коряжма, Сольвычегодск, Ильино-Подомское);
- Плесецкий узел (Мирный, Плесецк, Североонежск, Савинский);
- Няндомский узел (Няндом, Каргополь, Коноша).
- Вельский узел (Вельск-Октябрьский).

Таблица 1. Удельный вес опорных узлов системы расселения Архангельской области в некоторых демографических показателях и промышленном производстве¹³⁰

Наименование узла	Доля в общей численности населения области, тыс. чел.	Доля населения трудоспособного возраста, %	Доля в объеме промышленной продукции, млн. руб.
Архангельский узел	46,2%	48,8%	58,6%
Котласский узел	11,5%	11,3%	15,7%
Плесецкий узел	4,9%	4,8%	2,1%
Няндомский узел	6,8%	6,4%	2,0%
Вельский узел	7,4%	6,8%	1,9%
Онежский узел	3,0%	2,9%	3,4%
Карпогорский узел	3,5%	3,2%	1,5%

Именно эти территории, имеющие высокие показатели развития промышленного производства и повышенную долю городского населения, претендуют на улучшенные показатели экономического роста и социального развития. Они будут формировать опорный каркас системы расселения Архангельской области, концентрируя экономическую деятельность и сосредотачивая социальную, культурную и административную функции перед прилегающими территориями, если соответствующие меры поддержки найдут отражение в государственной региональной политике.

Литература

1. Концепция опорного каркаса территориальной структуры народного хозяйства: развитие, теоретическое и практическое значение. Г.М.Лаппо. 2. Официальный сайт Администрации Архангельской области, 2007 г. // <http://www.dvinaland.ru/>. 3. «Теория «дифференцированной урбанизации» и иерархия городов в России и на рубеже 21 века», Т.Г.Нефедова и А.И.Трейвиш. 4. «Конкуренция», М.Портер, Издательский дом «Вильямс». 5. «Making sense of clustering: regional competitiveness and economic development». J.Cortright, The Brookings Institution. 6. Муниципальная Россия, В.Н.Лексин, А.Н.Швецов. 7. Федеральная служба государственной статистики (Росстат). «Регионы России. Социально-экономические показатели. 2006», 2007 г. 8. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Архангельской области. «Обрабатывающие, добывающие производства и электроэнергетика Архангельской

¹²⁸ Кластер - группа географически локализованных и взаимосвязанных компаний, взаимодополняющих друг друга и усиливающих конкурентные преимущества отдельных компаний и всей группы в целом («Конкуренция», М.Портер, Издательский дом «Вильямс», с.258).

¹²⁹ Making sense of clustering: regional competitiveness and economic development. J.Cortright, The Brookings Institution.

¹³⁰ Муниципальная Россия, В.Н.Лексин, А.Н.Швецов.

области за 2005-2007 гг.», 2008 г. 9. Сайт Администрации города Коряжма, 2007 г. // <http://www.koradm.ru/>.

3.2. ПСИХОЛОГО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ

Халитов Р.Г., Юсупов И.М. д.п.с.н., проф. Психосоциальный диссонанс-индикатор политической нестабильности общества.

В современности темп развития технократической цивилизации экспоненциально растет. При этом общественное, государственное, политическое развитие отстает от него, что создает проблемы в организации политической деятельности. Ключевым моментом в политике становится управленческая деятельность и разрешение постоянно возникающих противоречий и конфликтов в работе с малыми и большими социальными группами, обществом в целом. Центральным становится изучение механизмов формирования, развития субъектов взаимодействия, взаимодействия между личностями, малыми и большими социальными группами, обществом. В связи с этим возникают задачи организации политической деятельности и разработка методологии политической психологии.

В числе механизмов формирования личности нами были выделены:

- социальная категоризация - упорядочивание объектов социального окружения путем распределения социальных объектов по группам, имеющим сходство по значимым для индивида критериям;
- идентификация личности с социальной группой (СГ), в которой осуществляется деятельность личности; внешняя и внутренняя, формальная и неформальная;
- адаптация к новым условиям деятельности (к СГ), к новой нормативной деятельности: формальной и неформальной; внешней и внутренней;
- социальное сравнение (оценка) - установление различий социально-психологических представлений о нормах личности и социальной группы;
- рефлексия и возникновение психосоциального диссонанса – внутреннего и внешнего, как психологических барьеров, преодоление которых ведет к развитию личности;
- выбор пути развития: либо новообразование, либо психологическая защита и психическая напряженность, которая может привести к стрессу, психосоматическим отклонениям и т.д.

Так образуется элементарный цикл взаимодействия: категоризация – идентификация – адаптация – оценка – рефлексия – диссонанс – выбор.

Как итог: появляются новые психологические конструкты (личностные качества) либо стимулируются психологическая защита и психическая напряженность (стрессобразующий фактор), которые приводят к стрессам, девиациям, психосоматическим отклонениям и т.д.

В цикле взаимодействия точкой бифуркации выступает психосоциальный диссонанс, по определению, - несоответствие значений индивидуальных (или групповых) представлений нормам взаимодействия (деятельности-поведения, отношения-общения) - эта точка выбора траектории развития субъекта взаимодействия.

Нами разработана нелинейная модель психосоциального диссонанса; в качестве меры которого выбраны коэффициенты диссонанса, представленные аналитическими моделями по средним значениям и стандартным отклонениям исследуемой

психологической конструкции. Мера межгруппового диссонанса описывается интегральными формулами. Аналитические выражения в предлагаемой модели позволяют вычислять не только индивидуальные, но и вводить групповые характеристики с последующим их вычислением (В.В.Васина, Р.Г.Халитов, И.М.Юсупов).

Психосоциальные характеристики субъектов взаимодействия можно разделить на две составляющие: на компетенции (знания, умения, навыки, способности, личностные качества) и мотивы («ключи», которые запускают активность). Отсутствие любой из составляющих не дает ожидаемого результата в политике.

Групповые компетенции – это экстерииоризированные обобщенные способы действий группы, обеспечивающих продуктивное выполнение деятельности. Например, для разных групп (слоев) электората взаимодействие с ними должно проходить на разных уровнях компетенции: политические партии, кабинет министров, электорат и т.д. могут быть компетентны или не компетентны в политической деятельности.

«Формирование системы мотивов – главное поле битвы между всеми странами мира!» (А.И.Юрьев). Задачей субъектов политической деятельности (депутатов, партий, чиновников, народа) становится нахождение и осмысление мотиваторов, - с нашей точки зрения, мотиваторы состоят по смыслу во многом, из норм компетенций, позволяющих достигнуть цели либо поменять её.

Развивая идеи Е.П.Ильина, мы представляем структуру мотива: блок «Потребности» → блок «Внутренний фильтр» - мотиваторы → Целевой блок (удовлетворенные потребности в виде предмета или процесса).

Первый блок: потребности запускают активность – «хочу».

Второй блок: активность, количественно изменяясь, проходит через интервал общественных возможностей - «могу» и социальных норм – «должен» - мотиваторы.

Третий блок: в результате потребности либо удовлетворены, либо неудовлетворены, что в свою очередь приводит к трем возможным вариантам: а) пересматриваются потребности; б) пересматриваются мотиваторы; в) не удовлетворенные потребности загоняются в подсознание как психологическая защита (проекция, перенос и т.д.), и при этом оно становится стрессообразующим фактором.

Нормы (мера) мотиваторов существуют в обществе, или в социальной группе. Разрыв норм субъектов политической жизни приводит к психосоциальному диссонансу, который и предопределяет развитие личности, социальных групп и общества в целом. А в международных отношениях – психосоциальный диссонанс приводит к напряженности, конфликтам, войнам.

Описанное выше политическое взаимодействие рассматривалось в горизонтальном плане, но взаимодействие имеет вертикальную иерархию.

Структуру психосоциальных характеристик субъектов и их взаимодействия можно представить четырехуровневой моделью:

1 – сепарабельный (предметный, материальный, физиологический) уровень: соматическая, предметная составляющая субъекта;

2 – энергетический (эмоциональный) уровень: эмоциональная составляющая субъекта;

3 – информационный уровень (понятийный, конвенциональный): ментальная составляющая субъекта;

4 – несепарабельный (трансцендентный, квантовый) уровень: экзистенциальная составляющая, миссия субъекта.

Любые психологические задачи в политике можно рассматривать в ракурсе этих четырех уровней. Взаимодействие происходит на всех четырех уровнях одновременно, но в каждый данный момент доминирует какой-то один уровень.

Соответственно четырем уровням строится взаимодействие с субъектами политической деятельности (политическими лидерами, командами, электоратом и т.д.):

На первом сепарабельном уровне взаимодействие осуществляется через материальное стимулирование субъекта, конкретные действия, продукцию и т.д.

На втором энергетическом уровне взаимодействие субъектов политикой деятельности – это создание эмоционального комфорта, адекватного для конкретных социальных ситуаций. Возможно, полевое психоэмоциональное воздействие средствами массового искусства и техники.

Третий информационный уровень – создание аффирмации, использование НЛП-технологий в mass-media и т.д.

Четвертый несепарабельный уровень – осознание субъектами политической деятельности их предназначения, которое они и должны реализовать, например, создать и реализовать общенациональную идею – миссию нации.

Анализ аналитических записей психосоциального диссонанса субъектов взаимодействия и экспериментальные исследования позволили нам выделить следующие обобщенные, системообразующие принципы:

1) Принцип релятивизма, который утверждает относительность множества представлений у людей и социальных групп, относительность нормативного взаимодействия. При оценке компетенции субъектов взаимодействия норма, мера оценки зависит от точки зрения, системы отсчета, от принадлежности к политической партии, социальной группе, от идентификации с этой группой.

Мотиваторы каждого из слоев электората отличаются друг от друга, отсюда возникает психосоциальный диссонанс: интересы разных слоев могут находиться в конфронтации, что вызывает напряженность в обществе. Поэтому задачей политиков становится сближение норм представлений субъектов политической деятельности.

2) Принцип инертности – сопротивление изменению устоявшимся в социальных группах нормам и нормативной деятельности. Инерция – мера сохранения групповых представлений. Она создает устойчивое состояние субъекта политической деятельности, является мерой адаптированности. При попытке изменения представлений требуется приложить усилия, воздействующие на субъект. Это вызовет сопротивление изменениям со стороны субъекта политической деятельности. Но для развития, изменения, прогресса необходимо преодолеть инерцию представлений. Эти изменения будут растянуты во времени и вызовут финансовые расходы.

Официально объявленные в августе 1991 года политические реформы не привели к резкой и коренной ломке сложившихся стереотипов. Первые секретари компартий бывших союзных республик и сотрудники обкомов КПСС – носители устоявшихся представлений об экономике, управлении и политическом устройстве – сохранили свой статус, сменив «вывеску», политический имидж и ориентиры. Народные массы, особенно, поколения, выросшие при советской власти, до сих пор вспоминают «лучшие времена». Этот психосоциальный диссонанс между существующей реальностью и представлениями о прошлом жизнеустройстве еще долго будет тормозить прогресс.

3) Принцип вероятности социально-психологических явлений означает, что все социально-психологические закономерности имеют не только вероятностно-статистический характер, но и несут на себе смысловую нагрузку. Попытки чрезмерной формализации в социально-психологическом исследовании с подсчетами до второго и третьего знака – не более чем схоластика (В.Е.Семенов). Все явления природы, в том числе и социальной, имеют вероятностный характер, которые переживаются субъектом и несут для него личностный смысл (В.В.Налимов).

Предлагаемая нами модель психосоциального диссонанса основана на трех высказанных принципах. Совокупность концептуальных положений и принципов, дает возможность не только численно исследовать компетенции и мотиваторы субъектов взаимодействия, но и дать смысловую интерпретацию их политической деятельности.

В предлагаемой нами статье вводится новое понятие «психосоциальный диссонанс» и его математическая модель. В отличие от когнитивного диссонанса,

введенного Л. Фестингером, область проявления этого феномена расширена до межличностных, межгрупповых отношений в любых малых и больших социальных группах. Нелинейная математическая модель позволяет количественно вычислять несоответствие представлений субъектов взаимодействия (личности, социальных групп, сообществ) нормам, принятым в этих социальных группах. Формульное описание дает возможность в политической жизни предопределить место субъектов взаимодействия в психосоциальном пространстве, а введенная авторами мера диссонанса разрешает по количественным измерениям определять качество отношений, как между, так и внутри социальных групп: политических партий, движений и разных слоев электората. Без проведения трудоемких социопсихологических обследований возможно прогнозировать надвигающиеся конфликты, как в малых, так и в больших социальных группах. Обследования, проведенные в 2003 – 2009 годах по комплексу психометрических методик на массиве 842 человека, подтвердили «валидность» математической модели.

Актуальность предлагаемого метода определяется возможностью предвосхищать надвигающиеся кризисные состояния общества, коллективов и других социальных групп в современном быстроменяющемся мире.

Александров М.В. д.мед.н.; Серавин А.И. Депутаты ЗАКС и МСУ как превентивная мера стачки и снижения социальной напряженности в городах с градообразующими предприятиями.

«Политика – это концентрированное выражение экономики» В.И. Ленин.

Зачем нужны депутаты градообразующему предприятию? - В целях экономии и эффективного расходования собственных средств.

Что такое депутат? Депутат любого уровня – это прежде всего участник распределения тех денежных средств, которые поступили в виде налогов на данный уровень власти (уровень организации государства).

Современная политика государства в социальной сфере может быть сравнена с продовольственной политикой СССР. Почему в СССР была дешевая колбаса – потому, что в структуру цены не вкладывались транспортные расходы. Государству достаточно было все произвести и отвезти в Москву, а уж сами жители Центральной России, Нечерноземья, Поволжья приедут за колбасой, зубной пастой, туалетной бумагой и проч. и развезут до конечных потребителей – отвезут домой. Государство перекладывало бремя транспортных расходов на своих граждан.

Сейчас мы видим аналогичную алогичную модель в социальной сфере. Врач, медсестра, учитель, воспитатель детского сада, педагог высшей школы и среднеспециальных учебных заведений – это не труд на благо государства за достойное вознаграждение от государства, а разновидность нищеты. Возьмем для примера здравоохранение. Зарплату подняли только для нескольких категорий врачей: участковые в поликлинике и врачи скорой помощи. Врач-специалист (ЛОР, невролог, эндокринолог и т.д.) в той же поликлинике получает униженные 10000. Зайдя в поликлинику, больницу и мы видим разруху. Другой пример – образование. Зайдите в обычную дворовую школу, обычный детский сад – все аналогично. И вот в этой ситуации население нашло выход – добровольно возложила на себя бремя расходов по содержанию детских садов и школ, т.е. само несет бремя расходов по социальному обеспечению себя самого. Так появляются выборы в школе и в детском саду или возникают попечительские советы (если это «продвинутые» родители – и хотят на свои деньги отремонтировать классы, а не «тупо» отдавать директору школы в карман). Так процветает мздоимство в любой государственной больнице или поликлинике. А куда врачу и медсестре деваться?! Им надо кормить семью. Идите сами за 5-6 тысяч выносите горшки, перестилайте

умирающих раковых больных, дежурьте через день, потому что штат заполнен на 1/3. Так процветают выборы в институтах – каждый экзамен или зачет имеет свою таксу, а кроме этого еще есть обязательная «помощь кафедре». Потому что зарплата доцента с тридцати летним стажем аж 12000. Исключения из выше перечисленного лишь подчеркивают правило.

Но это – лирика. Главный результат государством достигнут: при таких нищенских зарплатах и в полуразвалившихся зданиях пресловутые бюджетники работают. ВУЗы работают, врачи лечат, нянечки утирают сопли и выносят горшки, школа выдает результаты ЕГЭ с максимальным баллом. А граждане страны сами за все это платят из своей зарплаты. Вместо государства, вместо Чиновника.

Какое это имеет отношение к собственнику крупного предприятия? Существующая модель – модель двойного налогообложения собственника. С зарплаты работника работодатель и так уже заплатил налоги. Для работодателя работник обходится зарплата плюс налоги. Работник этого не понимает и, отдав часть зарплаты на обеспечение своего соцпакета, требует повышения зарплаты у работодателя. Но работодатель не включал в зарплату работника оплату детского садика, выборы в школе и мздоимство врачей. Замыкается порочный круг.

Но. Выход – есть! «Не можешь воспрепятствовать – надо возглавить!» (М.М. Жванецкий). Можно и должно КОНТРОЛИРОВАТЬ расход бюджета своего региона через ФРАКЦИЮ своих депутатов.

Таким образом, собственнику крупного градообразующего предприятия НАДЛЕЖИТ в ОБЯЗАТЕЛЬНОМ порядке иметь свой блокирующий пакет в законодательной власти соответствующих субъектов федерации и органов местного самоуправления (МСУ). Собственник и так уже заплатил налоги («каждый четвертый рубль в бюджете этого города – мой!») под лживым прикрытием того, что он тратит эти деньги на социальные нужды своих работников и членов их семей. Но до работников эти деньги не доходят. Работники сами в складчину содержат социальную инфраструктуру, их эффективная заработная плата падает и они требуют ее повышения. Повышение зарплаты работникам неизбежно приводит и к повышению налогов – затраты собственника растут в прогрессии. Отказ собственника повышать зарплату ведет к повышению социальной напряженности и в перспективе может вылиться в стачку.

Исходя из опыта можно смело утверждать, что собственнику «дешевле» провести во власть фракцию своих депутатов. И, что самое удивительное, казалось бы такая крамола, как «продвижение своих депутатов» преследует благородную цель - в результате достигается справедливое распределение бюджетных средств. Собственнику выгодно, что бы больше денег из бюджета, который наполнен его же деньгами (в виде налогов), шло на социальные нужды работников, а не на удовлетворение потребностей чиновников. Тут очень важен психологический аспект: собственник с большей частью денег, уплаченных в виде налогов, внутренне расстался. Мы говорим о порядочном собственнике, который поддерживает Президента и его позицию «о социальной ответственности бизнеса»...

Итак, у собственника крупного предприятия есть ЭКОНОМИЧЕСКАЯ необходимость продвижения в законодательную власть региона подконтрольных ему депутатов.

И вот здесь возникает суровое, но разрешимое противоречие.

Современная Россия – чиновничье государство. Сегодня распределение бюджетных средств осуществляет Чиновник-управленец в регионе. Он никогда добровольно не отдаст эти деньги. Хотя бы потому, что на всех эти деньги не рассчитаны. Если чиновник перестанет их распределять, то тогда у инспектора РОНО кабинет будет такой же нищий, как класс в школе, специалист-жилищник позавидует каморке дежурных сантехников и т.д. Заметьте – опорный пункт милиции (рабочее место участкового милиционера) или районное отделение милиции, даже кабинеты в прокуратуре – такие же убогие, как школы и поликлиники (если и там и там не поставлено мздоимство в

промышленном масштабе). Потому что милиционер бюджет не делит, он – такой же «гражданин с протянутой рукой», как и учитель.

Чиновник достигает своего благополучия формированием послушной Думы из «бюджетников», которые «стоят перед ним навтыяжку». Поэтому в думах (советах) сидят врачи, учителя, директора школ, профсоюзный лидер ФНПР и пара пенсионеров для приличия. Трагедия нашей страны в том, что депутаты у нас по-прежнему «народные». Не зря в самых демократичных республиках – в Афинах и в Риме в период расцвета демократии – был имущественный и возрастной ценз для сенаторов. Потому, что собственник первый кто не заинтересован в низкой социальной напряженности. В нашей стране Чиновник произвел захват власти и привел подконтрольных ему депутатов. Собственнику следует идти теми же методами, но, как уже говорилось, цель у него – благородная.

Таким образом, для эффективного достижения поставленной цели – контролирующей пакет в Думе (Совете, ЗакСе и проч.) не следует идти в лобовую атаку и вести 5-6-7 депутатов (25% +1 от списочного состава Думы), работающих на градообразующем предприятии. Партия чиновников этого не допустит, а выборы на сегодняшний день – партийные. От предприятия необходимо провести минимум (!) 2 человека – это вопрос принципиальный, политический! Это – дань уважения чиновника Предприятию-Кормильцу. Остальные депутаты во фракции предприятия должны быть аффилированы и подконтрольны вплоть до сложения полномочий при занятии неадекватной позиции.

Таким образом, при существующей модели «управляемой Чиновником демократии» для собственника существует четкое экономическое обоснование потребности в подконтрольной фракции депутатов регионального парламента: это позволит собственнику снизить бремя двойного налогообложения. Чиновник найдет массу доходчивых витиеватых и политически грамотных доводов, чтобы воспрепятствовать этому процессу. Однако, адаптируя слова В.И. Ленина к данной ситуации, можно сказать, что собственник «так и останется жертвой обмана, если ... не научится ставить вопрос: КОМУ ЭТО ВЫГОДНО?» Иметь своих депутатов – выгодно собственнику.

Так называемая «Экономическая причина» продвижения в законодательную власть имеет еще один аспект. Появление фракции персонифицирует ответственность за решение общегородских вопросов. Современный наемный рабочий не живет в бараке (теоретически), он вправе требовать (!) проживания в комфортной урбанистической среде. Но денег (благодаря Чиновнику) на ремонт домов, на ремонт дорог, на озеленение и освещение дворов и проч. нет. При проведении в Думу (Совет) своей фракции будет с кого спросить – «а почему, собственно, нет?», глядя каждому «независимому» депутату в глаза. Решение этих вопросов – неизбежное бремя для собственника, поскольку предприятие – ГРАДОобразующее. К этому предприятию имеют отношение каждый 5-6 человек, проживающий в городе: либо он на нем работает. Либо он член семьи работника предприятия. Современный работник уже не хочет жить в бараках и в степи. Глобализация... При этом собственник уже отдал городу жилые дома, детские сады и больницу, но у города нет (?) денег их содержать. Тогда собственник опять засучивает рукава и строит новые дома, детские сады и больницы для своих работников. НО! За те же налоги можно просто нормально содержать то, что уже было построено. Это гораздо дешевле. Это опять-таки двойное налогообложение но уже в масштабах региона.

Следующий аспект – своеобразный «возврат налогов» через гарантированную регионом занятость работников крупного предприятия. Современное градообразующее предприятие – сложный симбиоз основного производства и дочерних сервисных структур. Дочерние структуры способны по уровню своего оснащения выйти на рынок регионального государственного (муниципального) заказа. При выполнении работ, финансируемых из бюджета региона (МСУ) собственник получает гарантированную

занятость своих работников за те же налоги, которые он все равно был обречен заплатить в бюджет региона («Каждый четвертый рубль...»). Гарантированный заказ – это не столько повышение рентабельности, сколько профилактика социальной напряженности через гарантию занятости. Лучшего способа превенции стачечного движения не найти.

Таким образом, существует экономическая, морально-этическая и политическая необходимость проведение в законодательную власть фракции депутатов, аффилированных собственнику. Численность фракции должна обеспечивать блокирующий пакет.

***Сервин А.И.* Забастовка и стачка: современный взгляд на явление.**

Сегодня вновь возникла опасность массовых забастовок, стачек и голодовок. Это представляет угрозу стабильности государства, именно поэтому в большинстве стран мира запрещены общенациональные забастовки, а организация стачек максимально затруднена. Ни митинги, ни демонстрации не будут массовыми настолько, чтобы угрожать власти, пока не начались забастовки и стачки. Как только перестают работать фабрики, заводы, офисные центры и т.д., высвобождается достаточно людей для блокирования дорог, вокзалов, аэропортов и происходит смена власти.

Совсем недавно мы наблюдали, как при помощи политической забастовки сменяется правительство в Таиланде. В Греции, пока не началась забастовка студентов, ситуация не была критической. Поиск новых и смена старых условий труда идет постоянно, но наличие забастовок определяет критерий, который позволяет понять согласованность позиций работника и работодателя.

В толковом словаре живого великорусского языка Владимира Даля забастовка представлена как определенная деятельность: «забастовать, итал. закончить, пошашить, перестать; забастованье, забастовка, шабашенье, закончанье, остановка, отказ продолжать что. Заграничная забастовка рабочих, шабаш или прогул по стачке, сообща, чтобы вынудить повышение платы».

Малый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, дает более проработанное детальное определение забастовки:

«1) Экономическая, см. Стачка. 2) Политическая, массовое прекращение работ рабочими фабрик, заводов, мастерских, железных дорог, пароходов и других промышленных предприятий, прекращение занятий служащими в конторах, торговых заведениях и разных частных учреждениях, чиновниками в казенных учреждениях, с целью заставить правительство ввести требуемую населением политическую, социальную реформу. Участие различных групп населения в политических забастовках бывает более или менее полное. В 1893г. бельгийские рабочие забастовкой побудили парламент провести реформу избирательного права. В 1905 г. последствием октябрьской забастовки в России было издание манифеста 17 октября, с обещанием ввести конституционный строй».

В течение XX столетия и в СССР, и в Западной Европе, власти, помня о событиях времен начала века, боялись забастовок.

Экономические забастовки называли стачками. Проведение забастовок было законодательно запрещено. Понятие забастовки постарались свести к понятию стачки. В Большой Советской Энциклопедии приведено такое толкование слова «забастовка»: (от итал. и исп. *basta!* — баста!, довольно!, хватит!) – стачка, одна из основных форм классовой борьбы пролетариата в капиталистических странах, заключающаяся в коллективном отказе продолжать работу на прежних условиях.

В западной Европе сходная ситуация со смещением понятия «забастовка» в сторону понятия «стачка» тоже наблюдается и хорошо видна на примере Оксфордского

словаря. Краткий оксфордский словарь по социологии определяет забастовку как «форму промышленной акции, включающую прекращение работы, что рассматривается как временное прекращение трудового контракта. Эффективная забастовка означает предотвращение использования альтернативной рабочей силы, как правило, посредством пикетирования рабочего места, что ведет к частичной или полной остановке производства вплоть до благополучного разрешения спора. Забастовки являются характерными санкциями профсоюзов и в этом виде часто рассматриваются как официальные. Неофициальные, или стихийные, забастовки вырастают из спонтанных, даже неорганизованных акций, возглавляемых непризнанными лидерами» (Marshall, 1994:).

Забастовка – это коллективный отказ продолжать деятельность, на прежних условиях, используя экономическое принуждение для удовлетворения своих требований. Стачка – забастовка без выдвижения политических требований. Цель действий в рамках этого явления – с помощью причинения экономического ущерба или угрозы нанесения такого ущерба добиться выполнения своих требований.

Здесь важно понимать, что стачка и забастовка, принципиально разные явления. При забастовке выдвигаются политические требования к руководству страны или региона, провоцирующие смену власти. При стачке выдвигаются экономические требования к руководству предприятия или отрасли.

Первые упоминания о трудовых конфликтах относятся к временам Древнего Египта. Забастовка рабочих Рамзеса III, правившего в 1184-1153 гг. до н. э., запечатлена на папирусе, хранящемся в итальянском Турине.

Рассмотрение отношения к труду очень важный аспект в вопросе урегулирования трудовых споров. Эволюция отношения к труду напрямую повлияла на изменение форм трудовых споров, а главное забастовочного и стачечного движения в целом.

Понятие «труд» за историю человечества неоднократно переосмысливалось. В его эволюции можно выделить четыре стадии:

Труд как способ выживания: «Работаем, чтобы выжить, выживаем, когда едим!» Такое отношение к труду характерно для первобытно-общинного строя, до появления первых цивилизаций.

Труд как презренное наказание: «Ест хорошо тот, кто не работает!» – представление, распространенное вплоть до новейшего времени. «Вся человеческая жизнь, – писал Аристотель, – распадается на занятия и досуг (scolh), на войну и мир, а вся деятельность человека направлена частью на необходимое и полезное, частью на прекрасное... Война существует ради мира, занятия – ради досуга, необходимое и полезное – ради прекрасного». В греческом понимании хозяйственно-производительный труд – «деятельность, направленная на необходимое и полезное» – представлял собой занятие, не достойное свободного человека. Греки рассматривали труд как «не-досуг» (асcolia), своего рода отклонение от нормального образа жизни. Свободная нетрудовая деятельность, по Аристотелю, не имеет цели и полностью исчерпывает свое значение в своем собственном исполнении; она непроизводительна и являет собой «цель в себе». Труд, напротив, служит «пользе и необходимости», обеспечению материального благополучия и достатка. Свободный гражданин полиса – человек благородный и с трудом не связанный. Однако, по замечанию Х. Арндт, «институт рабства в древности был не средством добыть дешевую рабочую силу или «эксплуатировать» людей ради прибыли, чем он стал позднее, но намеренной попыткой исключить труд из числа условий, на которых людям дана жизнь».

Таким образом, *vita activa* людей, привязанных к производительному труду, мыслилась в средние века как противоположность *vita contemplativa*, «аристократической праздности» (Ф. Бэкон) и «героической лени» (К. Маркс) представителей привилегированных классов.

Труд как общественный долг: «Кто не работает – тот не ест!». Труд возводится в ранг «общественной обязанности». «Лишь мы, работники всемирной, великой армии

труда владеть землей имеем право, а паразиты – никогда», – говорилось в тексте интернационального рабочего гимна. «Труд делает свободным», – было написано на воротах Освенцима.

«На стороне труда все больше оказывается совесть: тяга к радости уже именуется «потребностью в отдыхе» и начинает стыдиться сама себя. «Это нужно для здоровья», – так говорят люди, когда их застигнут на загородном пикнике. Скоро может дойти до того, что тяга к *vita contemplativa* (то есть к прогулке наедине с мыслями или вместе с друзьями) нельзя будет предаваться без презрения к самому себе и угрызений совести». (Фридрих Ницше¹⁶. Досуг и праздность. 1882).

Труд как абстракция: «Ест или не ест не зависит от того, работает он или нет!» – конец XX – начало XXI вв. В последней трети XX века впервые стали массово платить деньги за то, чтобы люди не работали, появился целый класс мнимых социальных иждивенцев, когда стало ясно, что можно есть, путешествовать и т.д., не работая, за счет работающих и богатых. Глобализация позволила увидеть, что в развитых странах безработные живут лучше представителей среднего класса в других странах. В это же время среди людей с физическими и психологическими особенностями чаще мотивация к труду выше, чем среди признанных здоровыми. В развитых государствах придумывают, чем занять людей, чтобы они не работали, – это началось одновременно с тем, как стала внедряться технология потребительской демократии в американском варианте. Мотивация к труду снизилась одновременно с началом кризиса национальных идей, который явился следствием распространения мотивации, характерной для людей, воспитанных в духе потребительской демократии.

Выделяются следующие этапы в развитии забастовочного движения на территории Северо-восточной Европы:

Первый этап – до появления первых профсоюзов. Забастовка чаще всего превращалась в бунт или массовое бегство работников. На этом этапе забастовочное движение в России было похоже на западноевропейское.

Второй этап. Конец XX – начало XXI вв., появление первых профсоюзов и активное совершенствование технологий организации стачек и забастовок. «Золотой век» забастовок и стачек во всем мире: появляются профсоюзные организации в современном понимании. На этом этапе россияне даже стали «законодателями мод» в области технологий организации и проведения стачек и забастовок.

Третий этап – советский период, когда любая забастовка жестоко подавлялась, вплоть до забастовок шахтеров в 1989 году. Важной отличительной чертой советских профсоюзов стала ориентация на внедрение в сознание трудящихся идеологии правящей партии. Профсоюзы являлись частью государственного аппарата – единой системой с четкой вертикальной иерархией. О полном отрыве их от масс трудящихся свидетельствует то, что сами члены профсоюзов стали воспринимать членские взносы как одну из форм налога. Информация о забастовках скрывалась, а ситуация регулировалась, чаще всего путем силового подавления. В соответствии с доминировавшей идеологией, в условиях общенародной собственности не может быть места социальному конфликту, так как причины этого конфликта ликвидированы. Например, когда началась забастовка в Новокузнецке, на дорогах поставили заграждения, телефонные коммуникации были прерваны.

Четвертый этап – от шахтерских забастовок до конца века. «Серебряный век» забастовок и стачек в России. Вновь наблюдается расцвет профсоюзного движения, рост числа забастовок студенческой молодежи и трудящихся. За 10 лет забастовки стали событиями повседневным, обыденным атрибутом трудовых отношений в России. После периода социально-политической апатии в стране рабочие, проявили активность в направлении решения трудовых споров с помощью стачек и забастовок. Быстро увеличивается разнообразие форм акций протеста, забастовочной борьбы (предупредительная остановка работы и др.) Появление понимания того, что необходимо

в законодательных органах иметь представителей профсоюзов, а потом и попытки вхождения во власть. В конце этого этапа появились первые учебники, в которых описывалось, как надо бастовать. В законодательстве СССР до конца 80-х годов не было никаких упоминаний о забастовках: они не были ни разрешены, ни запрещены. 9 октября 1989 года был принят Закон СССР «О порядке разрешения коллективных трудовых споров (конфликтов)» № 580-1[4], который рассматривал забастовку как крайнюю меру разрешения коллективного трудового спора (ст. 7). 23 ноября 1995 года был принят Федеральный Закон «О порядке разрешения коллективных трудовых споров», который более шести лет регулировал вопросы, связанные с проведением забастовок. Важнейшим этапом в развитии законодательства стало принятие Конституции Российской Федерации, статья 37 которой содержит положения, касающиеся права на забастовку. Принятый 30 декабря 2001 года Трудовой кодекс Российской Федерации концептуально сохраняет порядок разрешения коллективных трудовых споров и проведения забастовки, предусмотренный Законом о коллективных трудовых спорах. В это же время на арену стачек и забастовок начинает выходить молодежь.

Окончание этого этапа наступило с выходом России из кризиса, подъемом производства, стоимости нефти и т. д., вследствие чего произошло изменение структуры трудового населения. Рабочие, занятые в промышленном производстве, стали вовлекаться в новые трудовые отношения. Зарплаты начали расти, у рабочего человека появилось то, что можно потерять, кроме «своих цепей». Когда у работника есть обязательства перед семьей, забастовка для него не привлекательна.

Пятый этап: на фоне кризиса происходит превращение технологии организации забастовок и стачек в технологию смены правительства. На этом этапе мы, благодаря глобализации, вновь стали вливаться в забастовочное движение в мире, пока в качестве прилежных учеников. Профсоюзы на рубеже XX-XXI вв. потеряли свою силу, и их никто не рассматривал как выразителей интересов трудящихся. Некоторые исключения лишь подчеркивали правило, происходил отток из профсоюзов значительного количества рабочих, так как после бурных 90-х, общее число рабочих и крупных организованных коллективов стало уменьшаться. Это общеевропейская тенденция до 2008 года. Дело в том, что рабочий класс как таковой сократился – большинство перешло на трудовую занятость по различным договорам. В условиях неолиберализма произошло расширение системы негарантированной занятости. Вместо четких трудовых соглашений на длительный срок предприниматели навязывают работникам временные контракты, которые могут быть в любой момент расторгнуты.

Встал вопрос: где взять людей для забастовки? Где организованные коллективы, которые могут решиться на агрессивные действия? Но после волнений во время президентской избирательной компании во Франции вдруг стало ясно, что при помощи стачек студентов и забастовок молодежи можно моделировать политику. Ведь действительно, рассматривая события во Франции, Италии, Тайланде и Греции видишь, что пока вузы не пошли на стачку и студенты не освободились, ничего не происходило. «Завели» молодежь, а потом она уже «заводила» всех остальных. Сразу вспомнились студенческие волнения 100-летней давности, а также волнения во Франции в середине XX века, и специалисты решили начать тиражировать технологию. Сценарий – гибель молодого человека (одного или нескольких), затем молодежь неожиданно в разных городах страны синхронно проводит акции протеста, погромы – мы видим после Франции в Германии, Италии, Греции, России. Как мы писали, исходя из правила социальной пирамиды, молодежь стала ключевой в технологии организации забастовки, так как она сейчас представляет собой наиболее просто и масштабно организуемый коллектив. Молодые люди собрались вместе, им интересно, они чувствуют свою причастность, важность, исключительность и, не задумываясь о последствиях, дестабилизируют политическую обстановку. В 2008 году ни один профсоюз не вывел на улицы больше людей, чем молодежные лидеры.

Вроде бы сейчас, как и 100 лет назад движущей силой в забастовочном движении выступает молодежь, но есть принципиальное различие в ее отношении к труду. Современная молодежь в рамках увеличившегося времени детства, из-за увеличения продолжительности жизни, по-другому относится к эволюционировавшему понятию труд и если власть не предпримет шагов по изменению этого отношения, то общество будет неминуемо, не смотря на технический прогресс, двигаться к колапсирующему скоплению со всеми вытекающими последствиями.

Бурикова И.С. к.пс.н. Кризис рынка занятости: «труд - продукт труда» и психология забастовочный движений.

В связи с научными достижениями и введением новых технологий на производстве – освобождается огромное количество рабочих мест. Работники просто не нужны в таком количестве, предприятие могут обслуживать несколько человек, остальное делают машины. Не является секретом данные, что в мировой системе занятости на производстве работают порядка 10% населения, 5% руководят, а 85% заняты в сфере услуг. То есть ничего не производят. Напротив, вся система общественных отношений направлена на производство труда и новых рабочих мест. Существует парадокс: труд все реже является производительной силой, все чаще нуждается в производстве труда.

Отдаленно ситуация напоминает появление первых фабрик и первых станков. Восстания так называемых луддитов, выступавших за уничтожение новых машин на производстве. В 70х годах XX века в Великобритании уже прошла волна массовых забастовок, когда правительство, закрывая нерентабельные производства, оставляло массы людей без работы:

«Лондон был завален мусором, на улицах змеились очереди, магазины стояли полупустые... Зима 1978/79 годов была зимой разгрома. Бастовали к тому времени все – мусорщики, транспортники... Это надо было видеть! Едва заканчивалась забастовка стрелочников, как начиналась забастовка машинистов. Потом бастовали проводники. С приходом Маргарет Тэтчер начали закрывать шахты (как невыгодное и нерентабельное производство), шахтеры стали бастовать. Но железная леди не сдавалась. А врагами у нее были не только шахтеры! Вторым сильным врагом были докеры. Весь мир к тому времени уже перешел на высокоэффективную контейнерную разгрузку судов. А профсоюз английских докеров сопротивлялся нововведению, потому что контейнерная разгрузка резко повышала производительность труда, и это неминуемо привело бы к массовым увольнениям лишних работников. Доходило до курьезов. Суда-контейнеровозы приходили в голландский Роттердам, там все перегружалось в вагоны и поездами уже доставлялось в Англию. А простаивающие докеры за все простои все равно получали деньги, потому что эту поблажку выбил из предпринимателей профсоюз.»

Труд ради труда – неэффективная политика, но и лучшего варианта пока не предложено. Глобальный экономический кризис способен разрушить систему общественного поддержания всеобщей занятости – поэтому можно прогнозировать потенциальную острую проблему в нехватке рабочих мест и кризис занятости. Профилактически – необходимо обучать население занимать самих себя.

Проблема кризиса занятости влечет за собой другую не менее острую проблему – это проблема трудовой миграции и межнациональных конфликтов. Борьбу за работу, по мнению аналитиков, следует ожидать в первую очередь на производствах (за исключением разве что пищевой промышленности) – в связи с экономическим кризисом покупательная способность населения снижается, а вместе с тем снижается количество необходимых товаров и количество производимых товаров, соответственно. На производствах уже сейчас проходят первые сокращения и остановки в работе.

Наименее защищенными становятся трудовые мигранты. С одной стороны, они вызывают беспокойство местного населения, т.к. являются более конкурентоспособными (высокое качество работы в сочетании с низкими зарплатами). С другой стороны – трудовые мигранты вызывают беспокойство властей. В случае массовых увольнений – что делать с мигрантами? Какой работой занять? Или оставить их без работы.

По принципу революции, когда «пролетариату было нечего терять, кроме собственных цепей», трудовые мигранты находятся в самой уязвимой и незащищенной позиции. Возможно появление нового типа забастовок - национальных забастовок, идущих в паре с обострением межнациональных конфликтов.

Психологические признаки забастовки. Забастовка возникает, как форма протеста трудовых коллективов из-за невозможности продолжать свою работу. Это могут быть как экономические и социальные условия на предприятии, так и политические условия в стране. Если работники предприятия психологически готовы к забастовке, то поводом может послужить даже незначительное событие или повода может вовсе не быть – забастовку можно подготовить (в отличие от большинства массовидных явлений, которые возникают спонтанно). Так забастовка 21 октября 1917г. известная как «стачка текстильщиков Иваново-Кинешемской промышленной области» была хорошо спланирована и заранее подготовлена. С рабочих даже успели собрать взносы в стачечный комитет на проведение забастовки.

Ведущим психологическим признаком забастовки выступает принцип соподчиненности. Он означает упорядоченность частей или групп, в которые объединены все элементы целого. Принцип соподчиненности служит для объединения частей в целое на основе различий. Забастовки как правило очень хорошо организованы. Если забастовка теряет свою организованность – она превращается в другие стихийные формы массовидных явлений. Забастовка так же может сопровождаться митингами, пикетами, демонстрациями, созданием толп, не перетекая полностью в эти формы. Сложность борьбы с забастовками заключается именно в ее организованности.

Средством достижения соподчиненности забастовок выступают их масштабность и контрастность. Масштабность забастовки означает, что на каждом этапе/уровне забастовки она протекает синхронно и подчиняется единым правилам от конкретного рабочего, небольшого отдела, предприятия, города, отрасли до всего коллектива бастующих. Все участники забастовки организованны, синхронны в своих требованиях и формах поведения.

Контрастность забастовки проявляется в том, что забастовка строится на психологическом различии работающих и неработающих, на контрасте противопоставления требований бастующих и реальной ситуации. Контрастность демонстрирует различия, на основании которых объединяются бастующие. Так, необязательно бастовать всему коллективу. Для полного прекращения работы достаточно представителей различных ключевых специальностей, работу которых не могут выполнить другие сотрудники. Таким образом, останавливается все предприятие.

Психологические свойства и механизмы протекания современной забастовки:

1. Организованность забастовок. Происходит переход стихийных массовидных форм поведения к организованным формам протеста трудовых коллективов. Исторически забастовки возникли как стихийные и неорганизованные формы борьбы наемных рабочих за свои права. Известны случаи, когда будучи успешной, забастовка вынужденно прекращалась из-за своей неорганизованности. Так, *Лионское восстание ткачей в ноябре 1831 года привело к тому, что ткачи, вступив в бой с правительственной армией, добились победы и захватили город. Однако через несколько дней хаоса, не будучи в состоянии управлять городом, они просили городские власти вернуться и взять управление города под свой контроль. Вернувшись, власти привели с собой армию, которая расправилась с бастующими.*

2. Управляемость забастовок. В ходе развития стачечного движения стали появляться новые самостоятельные участники забастовок – «профсоюзы» и «независимые профсоюзы». Появление акцента на независимости профсоюза связано с растущим недоверием рабочих коррумпированным лидерам профсоюзов. Имея возможность управлять работниками предприятия – лидеры профсоюза являются точечной мишенью для хозяина предприятия. По принципу «с одним человеком договориться проще, чем со всеми работниками вместе взятыми». Однако без управления забастовка не получается: *Пример тому забастовка на АвтоВАЗе 2007г., когда лидеры профсоюзов объявили о забастовке, не вышло на работу чуть более 500 человек. Предприятие продолжало работу, хоть и не в полной мере. Большинство рабочих было недоволено, что их «насильно втягивают» в забастовку. Не имея управления, лидеры профсоюза не получили поддержку работников предприятия и провалили акцию. Их действия признаны незаконными, участники получили взыскания в соответствии с трудовым законодательством.*

3. Объединение мотивов участников и конкретность требований. Забастовка возникает из нерешенного трудового спора. Несмотря на различия в индивидуальных потребностях и мотивах, участники забастовок договариваются о едином мотиве и едином требовании. В других формах массовидных явлений такие договоренности либо отсутствуют, либо присутствуют негласно, либо могут быть ошибочно поняты участниками. Например, в толпе в зависимости от статуса участника толпы он может, как навязывать свои мотивы толпе (зачинщик, лидер), так и в принципе может не иметь никаких мотивов (обыватель, любопытный). При забастовке участники «на берегу» договариваются о том, что они будут требовать. Поэтому, работая с забастовками, невозможно не отреагировать на их требования, на них нужно хоть как-то, но ответить. В большинстве случаев – ключевые требования носят экономический характер. Из требований бастующих последних лет: *Основные требования: повышение зарплаты, справедливое отношение, распределение прибыли вместе с собственником, снижение цен на горючее, рост зарплаты в соответствии с ростом инфляции, заключение коллективного договора с рабочими и т.д.*

4. Специализация забастовок в социальных и профессиональных группах. Как правило забастовки проходят в конкретных социальных группах: шахтеры, учителя, железнодорожники, ткачи, докеры, горняки, мусорщики, таксисты, врачи и т.д.

5. Эскалация методов забастовки. Участники забастовки проходят путь от ненасильственных и переговорных методов к более жестким и экстремальным: от выдвижения требований, попыток переговоров, к остановке работы, выходу на улицы, перекрытию дорог и железнодорожных путей, до массовой голодовки, акций протеста, демонстраций, митингов, восстания и т.д. Ниже приведен классический пример развития забастовки (на примере Кузбасса, 1989г.): *Всеобщая волна забастовок на Кузбассе началась с города Междуреченска. 10 июля забастовала шахта им.Шевякова, откуда движение быстро перекинулось на другие шахты. Этой забастовке предшествовал долгий процесс подачи жалоб, петиций и формулирования требований со стороны рабочих. Еще в конце 1988 года горняки направили письмо в телепрограмму "Прожектор перестройки". Основными содержащимися в нем требованиями были: повышение зарплаты, сокращение управленческого аппарата, а так же улучшение питания, решение проблем с транспортом и т.д. В первые же дни забастовки шахтеры избрали забастовочный комитет и послали своих делегатов на шахты им.Ленина, "Томская", "Усинская" и "Распадская". Рабочие со всех шахт собрались на митинг на главной площади города и избрали городской забастовочный комитет. Когда забастовка охватила весь регион, встал вопрос о создании регионального забастовочного комитета.* <http://www.revkom.com/index.htm?naukaikultura/1989.htm>

6. Рост числа бастующих. В случае повторения забастовок, как правило, увеличивается количество их участников. Все больше людей вовлечены в решение

проблемы. Поэтому одной из рекомендаций по работе с забастовочными движениями – нельзя оставлять ситуацию нерешенной. Оставляя без ответа требования бастующих, власть может столкнуться с последующим повторением забастовки, но в большем размере.

7. Забастовкам сопутствуют иные массовидные явления. В ходе забастовок могут быть задействованы и другие формы массовидных явлений: митинги, демонстрации, толпа и т.д.

Классические приемы подавления забастовок. Существует ряд психологических приемов, позволяющих подавить забастовку. В основе – знания о психологических свойствах и механизмах протекания забастовок, этими приемами можно как сдерживать развитие забастовки, так и вовсе прекратить ее. В настоящей главе не рассматриваются силовые механизмы подавления забастовок.

1. «Вавилонская башня» – основан на свойствах организованности и управляемости забастовки. Забастовка – это всегда организованное действие трудового коллектива. Причем, решение бастовать для большинства участников – это серьезный акт доверия к лидерам забастовки. Бастующие соучаствуют со своими коллегами и с лидерами. Только все вместе, выступая как единое целое, бастующие способны повлиять на работодателя. Именно в такой организованности, основанной на доверии – сила забастовки. Классическим приемом разрушения организованности людей и вселения недоверия к лидерам может стать возбуждение разных тем забастовки, разных требований, разделение бастующих по группам. Бастующих необходимо противопоставить друг другу, а не работодателю. Такой прием хорошо описан в Библии в истории о Вавилонской башне.

2. «Переключение внимания». Перевести гнев на другой объект – «найти врага и выпустить пар» – это так же один из приемов взаимодействия с бастующими. В отличие от многих массовидных явлений – забастовка очень конкретна в своих требованиях. С бастующими не только можно, но и нужно обсуждать, что они хотят. Однако часто забастовка способна приобрести слишком эмоциональный характер, когда кипящие эмоции, переживания, страсти и чувства закроют возможность переговоров с участниками забастовки. В таком случае рекомендуется переключить внимание бастующих на другой объект, на другого, внешнего врага. Выпустив пар, коллектив рабочих снова будет способен на переговоры. Правда использование такого способа требует профессионализма и осторожности, т.к. чреват крайне негативными последствиями. Так, в 1885 году, в Рок Спрингсе, штат Вайоминг, 150 шахтеров атаковали своих китайских коллег, убив 28 человек. Американские шахтеры объявили забастовку, требуя улучшения условий труда. Руководство шахт отказалось мирным путем улаживать эту ситуацию. Вместо этого на работу наняли китайских иммигрантов, на которых и пал весь гнев бастующих шахтеров.

3. «Полная замена состава работающих». Данный прием не относится в полной мере к психологическим, он скорее организационный. Но в условиях, когда проведение забастовки в полном соответствии с законодательством практически невозможно (а это подавляющее большинство забастовок – слишком много условностей нужно выполнить для объявления забастовки), работники должны понимать вероятность и готовность работодателя совершить локаут (в отличие от штрейхбрейкеров, которых нанимают на время забастовки, пока рабочие не вернуться к работе, локаут подразумевает увольнение работников с предприятия): в 1981 году администрация Рейгана жестко подавила общенациональную забастовку американских авиадиспетчеров: их профсоюз был разогнан, а все забастовщики, отказавшиеся вернуться на рабочие места – уволены. Для того чтобы заменить их, были привлечены, в частности, диспетчеры военно-воздушных сил США.

4. «Убеждение» – механизм психологического воздействия на участников забастовки. В забастовке, как и в любом массовидном явлении, задействованы эмоции.

Однако бастующих объединяют общие мотивы, требования, вопросы. Вступать в диалог с участниками забастовки не имея подготовленных средств убеждения не рекомендуется.

5. «Психологическая блокада забастовки». Забастовка может быть психологически заблокирована как на ранних стадиях, так и в своей активной фазе. Такая блокада возможна при использовании двух чувств: апатии и целеустремленности: 1) апатия – когда бастующие перестают видеть смысл своих действий. Например, забастовка шахтеров в США была распущена, когда на работу в шахты вышли «штрейхбрейкеры», производство шло своим чередом, смысл в забастовке потерян. 2) целеустремленность – забастовка так же может быть прекращена в случаях, когда бастующим разъяснили, как добиться желанной цели и что можно сделать, дали выход из ситуации. Провоцируя эти чувства, работодатель блокирует психологические возможности дальнейшего развития забастовки. Участники, испытывающие апатию или стремящиеся к иной цели, естественным образом отходят от забастовки.

Преимущества приемов подавления: быстрое прекращение забастовки.

Недостатки и ограничения метода подавления: несмотря на возможные жертвы в ходе подавления забастовки, сам конфликт остается нерешенным. Как показывает исторический опыт, после подавления забастовка возникает снова и снова, и так продолжается до тех пор, пока не будет разрешен первоначальный конфликт. Каждый раз забастовки используют все более жесткие способы проявления, а количество участников увеличивается.

Психология преобразования забастовки в коллектив соратников. Сила забастовки – в едином требовании, которое выдвигают участники. Ими движет единый смысл и единая цель. Участники забастовки готовы пренебречь индивидуальными целями, ради целей коллектива. Как правило, сами коллективные цели довольно просты и конкретны, они связаны с субъективно понятой несправедливостью, которую участники забастовки чувствуют по отношению к себе.

Иррациональность забастовки связана с тем, что в подавляющем большинстве случаев требования бастующих по объективным причинам не могут быть удовлетворены. Парадоксы глобального рынка труда и современного производства «труд ради самого труда» уже сделали многие отрасли нерентабельными и избыточными с точки зрения количества задействованных в них работников. Дополнительные сложности связаны с тем, что современные забастовки инициируются специально подготовленными и обученными специалистами.

Необходим способ использования жизненной силы, энергии забастовки для создания технологии прорыва, поиска выхода из общего кризиса занятости. Участники забастовки могут быть подготовлены и направлены для разработки и создания нового производства, для поиска новой профессиональной занятости. В этом направлении и государство, и представители администрации предприятия могут выступать соратниками и единомышленниками для участников забастовки.

Необходимые этапы преобразования забастовки связаны с формированием установок участников на новые действия:

1. Дать знания о ситуации: признать кризис на предприятии. Обозначить безвыходность и бесполезность отстаивания чьей либо позиции – заработную плату не увеличить, работу не дать. Работники предприятия должны понять бесполезность своих требований.

2. Сформировать отношение к ситуации как к сложной, проблемной, но не конфликтной. Между работодателем и работником нет конфликта – это общая беда, общий кризис, где и руководитель, и подчиненный равно испытывают трудности.

3. Предложить пути выхода из ситуации. Объединенные энергией общих целей и смыслов, участники забастовки могут быть подвигнуты на новые действия, которые они сочтут целесообразными и справедливыми.

Для осуществления данных этапов нужны специально подготовленные лидеры общественного мнения, специалисты, способные вести переговоры с коллективами, группами людей.

Основной используемый психологический механизм – убеждение. Убедить кого-либо в чём-то – значит добиться с помощью логического обоснования предлагаемого суждения согласия индивида или группы с определённой точкой зрения и такого изменения по сравнению с прежним сознанием тех, кто убеждён, чтобы они были готовы защищать эту точку зрения и действовать в соответствии с ней. Принятые сознанием человека убеждения приобретают для него значительную субъективную ценность вне зависимости от истинности. Убеждение сочетает рациональные аргументы с эмоциональной подачей. Таким образом, на фоне эмоций, легче воспринимается содержание новых установок к действию.

Только с помощью убеждения и подготовленных лидеров, возможно создать из бастующего коллектива коллектив соратников, стремящихся к достижению общих целей.

Оселков А.А. Психологический анализ правовых составляющих экстремизма.

Чтобы помочь суду в разрешении спора, установлении, являются ли некие материалы экстремистскими, важно раскрыть психологическую составляющую взаимодействия автора с аудиторией (например, читательской, в зависимости от ситуации). Поэтому необходимым условием является определение судебно-психологического экспертного понятия *экстремистской деятельности*. Обобщённо это – деятельность, направленная на разрушение общества. В первую очередь она проявляется в возбуждении социальной вражды.

В связи с этим негативное влияние проявлений экстремизма выражается в создании и актуализации установок, т.е. психических образований, которые будут проявляться в преступном поведении и потому должны быть ограничены.

При этом важно различать данное понятие с близкими, иногда используемыми как синонимы. В основном сюда относятся ещё две категории: это ксенофобия и социальная неприязнь.

Ксенофобия (от лат. «xenos» — чужие, посторонние, иностранцы и «fobos» — страх) – это патологический, неуправляемый страх перед незнакомыми, чужими людьми, устойчивое ощущение угрозы с их стороны, выражающийся в эмоционально насыщенной неприязни к людям иной, нежели у носителя этого феномена, веры, культуры, расы, этноса и т.п., тем, кто может быть обозначен как «они» в противовес некоему «мы». В связи со своей спецификой, данный феномен может быть проявлением либо групповой («район на район», «фанаты Спартака против фанатов Динамо»), либо социальной (расизм, нацизм, религиозный экстремизм) активности, т.е. на уровне микро- или макросоциумов. По этой причине, в отношении конкретного «ксенофоба», это – иррациональное по своей природе (прикрывающееся псевдорациональными обоснованиями) отношение к определенным человеческим общностям и их представителям. Оно проявляется в соответствующих установках, предрассудках и предубеждениях, социальных стереотипах, интенциях, а также в мировоззрении в целом. В результате в сознании индивида формируется устойчивый «образ врага», являющегося для него источником опасности и угрозы.

Ксенофобия возникает для объединения в борьбе с общим врагом, и её источник, соответственно, может быть искусственным. Например, в годы советской власти в менталитете общества формировалось навязчивое, а точнее навязанное состояние страха и ненависти к чужим. В образе врага в разное время выступали священнослужители, «кулаки», а также представители многих партий и общественных движений. Будучи

чертой менталитета советского общества, ксенофобия в сознании отдельного человека выражалась в подозрительности, уверенности во враждебных намерениях, оправданности санкций и репрессий, применяемых к ним, их неискренности и фальши, заведомом моральном преимуществе пролетариата по сравнению с представителями других классов. Аналогично это осуществлялось и руководством правительства США после теракта 11.09.2001 с целью сплочения нации против реальной и потенциальной угрозы.

В крайних формах ксенофобия может проявляться в агрессии или насильственном поведении по отношению к «чужакам». Согласно статистике, только за 1999 год 122 правоохранительных учреждения заявили СМИ о 7876 зарегистрированных случаях преступлений на почве нетерпимости в Соединенных Штатах Америки, причём в этих же докладах говорится о том, что приблизительно два из трех подобных преступлений оказались преступлениями против людей.

Это связано с тем, что сам этот феномен предполагает изначальную неприязнь к представителям определённых социальных групп безотносительно индивидуально-личностных качеств, особенностей деятельности их участников и т.д. Что важно, чем более тяжёлыми являются условия жизни любого человека или любой группы, тем более агрессивным и менее сдержанным будет реакция на любую попытку взаимодействия субъекта с внешним объектом. Данный феномен обуславливается тем, что в более тяжёлых условиях одно и то же действие может привести к более опасным последствиям, нежели в условиях лёгких. Этот механизм характерен не только для человека, он свойственен большинству млекопитающих: оборонительное поведение свойственно всем живым организмам. В случае, когда происходит не межорганизменное, а межпопуляционное взаимодействие, оно приобретает форму территориального или иерархического. Для людей механизм отличается мало, большей частью может быть перенесён на человеческие популяции.

В связи с этим социумы с наихудшими экономическими условиями наиболее подвержены возникновению партизанско-террористических организаций, а группы или государства, более активно включающиеся во взаимодействие с другими социумами при более высокой социальной (в первую очередь, экономической) эффективности чаще становятся объектами яркой неприязни других стран.

Например, активно вмешивающиеся в жизнь многих стран США являются всё более популярным персонажем экстремистских текстов, открытой агрессии политиков других стран в выступлениях, а также многих социальных групп внутри самой этой страны. Россия в процессе двух «чеченских кампаний» стала таким же объектом ксенофобии со стороны различных групп в Чечне. В своё время мы проводили экспертные исследования песен, включающих признаки разжигания межнациональной розни чеченцев по отношению к русским, в период «второй чеченской кампании». В песнях РФ преподносилась, как источник международной агрессии, войны, вооружённых конфликтов; использовались обороты «одна Россия, весь мир ты покорила», «опомнись, Россия, за всё ты в ответе!», «двуглавым орлом идет к нам орда, разжигает везде раздоры и войны» и т.п. Эти варианты наглядно иллюстрируют указанную выше закономерность.

Помимо качественного параметра ксенофобии (раса, этнос и т.д.) обратим внимание ещё на два – уже количественных: интенсивность и широту.

Под *интенсивностью* понимается степень выраженности, общественной опасности феномена. При локальной, кратковременной неэффективности индивида как представителя определённой социальной группы в контексте меньшей неэффективности представителей других групп негативизм возникает исключительно как переживание человека, которое не имеет разрядки в действии в связи со своей слабостью. Возможна противоположная крайность – мировой экономический кризис 1929-1930 годов привёл к тому, что в относительно благополучных Штатах пять миллионов фермеров лишились земли за долги, на улицы попало 12 миллионов безработных (в пиковые даты кризиса — до 15 миллионов), закрылось более пяти тысяч банков, значительный процент владельцев и директоров которых покончили жизнь самоубийством. В менее благополучной

Германии возникла общесоциальная агрессия на наименее неэффективную (все группы в Германии так или иначе эффективными в тех условиях считаться не могли) социальную группу – евреев; при аналогичных процессах в Италии (успешно) и Франции (неуспешно) власть склонялась к фашистскому режиму. Все это в целом послужило началом Второй Мировой войны.

Любое проявление ксенофобии можно обозначить как стоящее на шкале между этими двумя явлениями: от выражения своей позиции, не имеющей отношения к экстремизму и слабо коррелирующей с понятием «ксенофобия» до насильственных действий или призывов к таковым в отношении представителей определённой касты, социального класса и т.д.

Вторым параметром является *широта*, – насколько обобщена группа, на которую направлена агрессия ксенофоба: от небольшой (собственно социальной группы) до довольно обширной (социум) или даже обобщённой совокупности всех «не своих» (советские лозунги «кто не с нами, тот против нас», «у нас нет пленных, у нас только предатели» и т.п.).

М.В. Кроз и Н.А. Ратинова выделяют ещё один параметр ксенофобии, который мы оставили за кадром и вот почему. Речь идет об исходной причине формирования ксенофобских установок у конкретного субъекта. Здесь авторы выделяют два источника. Во-первых, категорию «мы» – группоцентристскую установку (национализм, этноцентризм и т.д.), при которой негативное отношение к «другим» возникает вторично и «лишь постольку, поскольку они оцениваются, как препятствующие торжеству национальной идеи или религиозному мессианству». Во – втором варианте, названном «негативная самоидентификация» говорится о борьбе не «за что-то», а «против кого-то», т.е. неприятие чужих здесь является первичным.

При этом, деление на два варианта представляется нецелесообразным, поскольку описывается, строго говоря, один вариант. Результаты экспериментальных исследований были приведены при описании когнитивных теорий групповых конфликтов. Механизм можно описать следующим образом. Переживание наличия «мы» возможно только в контексте некоего «они». По этим причинам феномен «мы — хорошие» возникает только в сравнении с «они — плохие». В устной форме во исполнение норм политкорректности это может быть обозначено, как «они не такие хорошие, как мы», что звучит более мягко. Но, в любом случае имеет место противопоставление, и его содержание определяется упомянутым признаком интенсивности. В этом смысле ксенофобия возникает только как переживание «они – плохие для нас», что в полной форме звучит более корректно. По этой причине определение первичности ощущений «мы – хорошие» или «они – плохие» нецелесообразно, поскольку первое к ксенофобии, равно как и к экстремизму не имеет никакого отношения. По этим причинам при проявлениях социальной неприязни «у субъекта отсутствует какая-либо проработанная позитивная идея или программа» в обоих случаях.

По справедливому утверждению М.В. Кроза и Н.А. Ратиновой отказ от применения термина «ксенофобия» в законодательстве является совершенно оправданным, поскольку данное явление характеризует взгляды и убеждения личности, которые не являются криминальными до тех пор, пока субъект не начинает публично пропагандировать противоправные идеи. Таким образом, юридически значимой является не сама ксенофобия, а различного рода противоправные действия, совершенные субъектом под влиянием таких взглядов. В этом смысле «экстремизм» является наиболее близким к ксенофобии юридическим понятием, но содержательно они пересекаются лишь частично.

На основании вышесказанного сделаем вывод о том, что на практике уголовно наказуемые проявления ксенофобии относятся к экстремистской деятельности. Если человек является носителем образов, установок, суждений ксенофобского характера, это является его гражданской позицией или мировоззрением. Если же она проявляется, например, в следующих формах: дискриминация (ущемление чьих-либо прав),

возбуждение национальной, расовой и религиозной вражды, геноцид, то является уголовно наказуемым деянием, подпадая под содержание законодательной формулировки экстремистской деятельности.

Перейдём ко второму рассматриваемому понятию. В зарубежных работах под преступлениями, совершенными на почве ненависти понимается расовая, национальная и религиозная ненависть и вражда; при этом имеются в виду, прежде всего, насильственные преступления, совершенные по ксенофобским мотивам. Иногда под преступлениями данной категории понимают также противоправную пропаганду ксенофобии.

Социальная вражда встречается в основном в нормативно-правовых актах и может выглядеть как «вражда», «ненависть», «неприязнь», «рознь» и т.д. Вместе с одним из слов из данного списка используется слово или словосочетание, обозначающее признак, по которому выделена группа, ставшая объектом указанных негативных проявлений: национальность, отношение к религии, этническое происхождение, принадлежность к определённой расе и т.д. Термин «возбуждение» в целом является биологическим, противоположным по смыслу понятию «торможение», и потому законодательно всё же приводится как образное выражение, обозначающее возникновение либо повышение активности; в некоторых случаях это даже трактуется как «настроить, восстановить кого-нибудь против кого-нибудь», что придаёт в таком ракурсе словосочетанию «возбуждение вражды» тавтологичный характер. Термин «разжигание» имеет близкое значение – доведение до крайней степени, усиление. Т.е. в обоих случаях речь идёт об увеличении интенсивности проявления.

Под *ненавистью* традиционно понимается чувство сильнейшей вражды, злобы, смягчённым вариантом которого является *неприязнь* как недоброжелательность, недружелюбие. Под *враждой* имеется в виду отношение и действия, проникнутые взаимной неприязнью, ненавистью. Рознь же чаще трактуется как ссора, вражда.

Ненависть и неприязнь являются лишь аффективными процессами и сами по себе не предполагают каких-либо действий. В этом смысле они входят в понятие «вражда», обладающее помимо этого ещё и конативным компонентом. Рознь является ещё более широким понятием, включающим в себя и вражду и ссору. Последняя предполагает взаимность во вражде, размолвке, перебранке, в то время как в контексте экстремистской деятельности двусторонность взаимодействия не рассматривается, в связи с чем понятие «рознь» является чересчур широким. Пропаганда экстремизма действует только в отношении групп, которые известны хотя бы в названии и более эффективна к тем, с которыми есть активное социальное взаимодействие. Это вызывает взаимообусловленность социальной вражды и ксенофобских установок, которые проявятся в поведении, т.е. будут иметь юридико-психологическую значимость. Варианты с «неприязнью», «ненавистью» и «рознью» либо недостаточны (не обладают когнитивным компонентом) и могут просто выражать гражданскую позицию (как в первых двух случаях), либо чересчур широки (как в последнем).

Отсюда *социальная вражда* – это комплексное понятие, включающее в себя негативные установки в отношении любых социальных групп. Изначальная нечёткость очертаний понятия обусловлена тем, что оно является юридическим и создано на основании прецедентов правонарушений, в связи с чем представляет собой не дефиницию в полном смысле этого слова, а перечисление характеристик и составляющих конкретных правонарушений. По этой причине, данный термин создаёт небольшую путаницу, поскольку он: 1) относится к одному из элементов «экстремистской деятельности», 2) как было указано выше, выступает её же синонимом и 3) одновременно с этим является отдельным правовым понятием. По этим причинам собственно дефиниция «социальной вражды» («розни», «вражды и ненависти») в праве отсутствует. Соответственно, любые действия против физических и юридических лиц по основанию принадлежности их к реальной естественной большой группе будут её проявлениями и составляющими экстремистской деятельности. Понятия «расы», «национальности», «религиозной

принадлежности» и иных признаков, приведённых в уголовном законодательстве являются просто перечислением различных групп, преступления против которых совершались чаще в следственной практике, т.е. на основании имеющихся прецедентов. Выделять группы можно по бесконечному количеству оснований (так в нормативно-правовых актах появляются основания «пола», «места жительства», «места работы», «языковой принадлежности» и др.), в связи с чем данный список технически невозможно сделать полным. Для решения этой проблемы необходимо обобщить все искомые категории одним понятием, которым и стал термин «группа» как социально-психологическое явление.

Цыцарев С.В. Ph.D. Террористическое поведение: от злости и отчаяния к ненависти к фанатизму.

1. Введение.

Попытки выведения террористического поведения из дефектов развития личности и психиатрических диагнозов рухнули под натиском недавних эмпирических исследований. Усилиями нескольких экспертов удалось провести психологическое обследование нескольких десятков террористов в разных частях света (Stern, 2003; Lester, Yang & Lindsay, 2004; Michel & Herbeck, 2004; Sageman, 2004;). Результатом этого стало появление новых теорий террористического поведения, в основе которых лежит главным образом социальное научение, осуществляемое в виде систематической манипуляции поведением, аффектом и сознанием потенциальных террористов. Объектом манипуляции выступают эмоции (прежде всего злость, гнев и отчаяние), установки (отношения, аттитюды), среди которых на первом плане – враждебность и ненависть по отношению к носителям определенных социокультурных, экономических и этнических признаков, а также религиозный или идеологический фанатизм, и непосредственно террористическое (агрессивное и подчас саморазрушительное) поведение. Неоднократно было подчеркнуто в литературе, что предпосылкой террористического поведения является наличие в сознании ясного, непротиворечивого и полностью дегуманизованного *образа врага* (Rieber, Kelly, 1990; Beck, 2004), в отношении которого террористическое поведение и сопутствующие ему аттитюды и когнитивные процессы настраиваются организаторами террора. Аарон Бек образно определил террористов как «узников ненависти» с характерным для них преобладанием «туннельного видения», сфокусированного на разрушении предмета ненависти.

2. Личностные предпосылки.

Не смотря на когнитивно-поведенческую ориентацию большинства успешных исследований в данной области, было бы ошибочным полностью отрицать значение личностных и эмоциональных факторов в развитии террористического самосознания и поведения. Например, весьма убедительны данные Shaw (1986), показавшего роль а)ранней социализации, б)травм нарциссического типа, в)событий, ведущих к поведению, подобному террористическому, а также – важнейшего фактора – г)непосредственных личных связей с представителями террористических групп.

Так, согласно Shaw, в ходе *ранней социализации* типичным является воспитание в семье сторонников прямых социальных акций, логически связанных с террористическим поведением. К *травматическим переживаниям* относится переживание отчаяния вследствие тяжелых семейных условий (включая относительную бедность, насилие и алкоголизм родителей), наличие заболеваний (среди которых большое место занимают малые эпилептические припадки, ожирение, язвенная болезнь и т.д.) и серьезные социальные конфликты. К *событиям, подталкивающим к террористическому поведению*, могут вести стычки с полицией по любому поводу, исключение из учебного заведения, конфликты с доминирующим классом или иной культурой, в которой им приходится

существовать, например, в качестве беженцев. и т.п. Демографически большая часть террористов – это молодые мужчины в возрасте 22-24 лет с незаконченным высшим образованием (Merari, 2004). И наконец, включение в террористическую организацию способствует выработке *ролевого поведения* террориста. Членство в такой группе становится основой социальной идентичности и может впоследствии привести к распространению такой идентичности на несколько поколений семьи субъекта. Интересно отметить, что террористические группы во многом напоминают банды (gangs), где первоначально отношения строятся чаще всего на основе юношеской дружбы нежели на политическом недовольстве, и только в последствии обретают черты радикального мышления и такой уровень обязательств друг перед другом, который в ряде случаев подразумевает прямое самопожертвование.

В недавнем исследовании террористических отрядов Марк Сэйджмен (Sageman, 2004) из Пенсильванского университета установил, что многие террористы не были ни агрессивными, ни даже особо религиозными людьми до вступления в такие отряды. Наиболее вероятными кандидатами в них были исламские иммигранты, временно проживавшие в не исламских странах, где они стремились получить работу или образование и где большая часть их жизни происходила вокруг мечетей. В кросс-культурной психологии этот феномен хорошо известен (Betty, 1999). Изначально нерелигиозные иммигранты группируются в общины вокруг религиозных учреждений в поисках общения и поддержки со стороны представителей своей культуры, вольно или невольно противопоставляя себя доминирующей культуре. При такой изоляционистской позиции они в большей степени подвержены риску приобщения не только к религии, но и к радикальным сектам в поисках и утверждении своей идентичности в чуждой им среде. Так что корни террористического поведения следует искать скорее в среде иммигрантов, беженцев и перемещенных лиц, нежели в сообществах, проживающих на принадлежащих им территориях. Это предположение подтверждается данными, посвященными истории крупнейших террористических организаций прошлого и настоящего. Почти все они создавались в этнических диаспорах в эмиграции.

3. Хроническая злость и патологическая ненависть.

Концептуальный аппарат психологии злости (гнева), разработанный в последние десятилетия главным образом в американской психологии (см. например, Кассинов и Тафредди, 2005; Novaco, 1979; Deffenbacher, 1993; Spielberger, 1992) оказался чрезвычайно полезным для понимания того, какие именно эмоциональные, поведенческие и когнитивные изменения должны быть достигнуты, чтобы переживание хронической злости по адресу образа врага стало эмоциональным фундаментом для дальнейшего террористического поведения. Известно, что для некоторых людей злость становится серьезной проблемой, и их можно охарактеризовать как страдающих *хроническим переживанием злости (гнева)*. Их гнев является чрезмерным по частоте и продолжительности каждого эпизода, а также несоразмерным событию или действиям человека, которые его инициировали. У таких людей гнев приводит к чрезвычайно негативным последствиям (Кассинов, Тафредди, 2005).

Как и другие эмоции, гнев имеет коммуникативную функцию и представляет собой особую социальную роль (то есть систему предписаний), которая в каждой культуре выражена в правилах демонстрации гнева (display rules), регламентирующих частоту, продолжительность и интенсивность его выражения в разных ситуациях. И, что особенно важно, в определенных условиях эти правила меняются кардинально, то есть от субъекта ожидается более частое и интенсивное выражение злости, и он получает существенное подкрепление за ее демонстрацию. Так многообразные проявления злости на дорогах (road rage) в американской культуре являются фактически социальной нормой, в противоположность типичному для американцев выражению положительных эмоций в подавляющем большинстве социальных ситуаций. В условиях террористической

организации частое и крайне интенсивное выражение гнева по отношению к противнику становится социальной нормой.

Возбуждение как физиологическая основа гнева может быть вызвано как с помощью психологических, так и физических воздействий на субъекта. Поддержанию высокого уровня возбуждения часто предшествует массивное когнитивное воздействие на субъекта в различных формах (от убеждения, переориентации и внушения до применения медитации и элементов массового гипноза), завершающееся формированием основных характеристик хронического гнева (злости). Психологически наиболее эффективным способом разжигания злости является атрибутирование причин гнева образу врага, в котором заложен элемент угрозы самому существованию субъекта, его близких или его идей. С другой стороны, гневу способствует сенсорная депривация в разных формах, повышенная температура окружающей среды, недостаточное количество пищи, скученность, определенные запахи и воздействие алкоголя и фармакологических препаратов.

К когнитивным нарушениям, сопутствующим состоянию хронического гнева (злости) относятся:

а) сниженная способность оценивать вероятность событий и собственных реакций не только в экстремальных, но и в обычных ситуациях,

б) неадекватная атрибуция причин своего гнева. Охваченные гневом люди оценивают события и других людей крайне негативно и приписывают свой гнев поведению определенных людей, вне зависимости от того, что объективная информация о них может не содержать ничего негативного;

в) сверх-генерализация в оценках происходящего, беспрестанное использования таких понятий как *всегда, никогда, глупцы, негодяи, ничтожества, сатанисты, грязные развратники* и так далее;

г) дихотомическое («черно-белое») мышление, в рамках которого люди либо свои, либо чужие, либо всегда победители, либо всегда побежденные, они или любят субъекта гнева или ненавидят его;

д) эскалация провокационных ярлыков, даваемых образу врага, использование чрезмерно эмоционально заряженного языка в оценке людей и событий в противоположность реалистическому анализу проблем, с которым сталкивается субъект;

е) диктаторское мышление, суть которого в том, что представители враждебной группы не должны жить и действовать по своим законам, а обязаны подчиняться правилам, которым привержен субъект террористического поведения;

ж) «катастрофизация» в оценке происходящего. Действия людей, противоречащие требованиям субъекта, рассматриваются как *катастрофа, кошмар и ужас*. За счет применения подробных определений поддерживается аффективно зараженный образ врага. Ничто при этом не может быть прощено.

В целом, восприятие реальности настолько нарушается при переживании хронической злости, что субъект видит и слышит только то, что вписывается в его «гневные мысли» («туннельное видение» по А.Беку). Искусная манипуляция организаторов террора путем усиления уже существующий искажений поддерживает человека в таком состоянии большую часть времени, лишь изредка давая ему возможность расслабиться исключительно для того, чтобы увидеть, насколько лучше, чище и привлекательней выглядят представители его собственного клана (народа, группы, политической организации) по отношению к образу врага.

Следующей ступенью формирования террористического поведения является построение *ненависти* как устойчивого отношения к конкретной личности, группе, клану, национальности, партии и т.д. Когнитивный процесс, запущенный переживанием злости, и сопровождаемый созданием образа врага, преобразуется в переживание ненависти, которая в зависимости от частоты появления и интенсивности может нести в себе большую или меньшую аффективную нагрузку, но всегда сопровождается твердыми

убеждениями относительно враждебности объекта ненависти и мотивацией на его устранение.

Основы психологии ненависти были недавно разработаны Стернбергом (Sternberg, 2003) и заслуживают внимания. Он выделил три компонента ненависти: *отвращение*, *страсть* (в форме гнева и страха), и *обязательство* действовать против образа врага. Разная степень выраженности ведет к образованию шести различных типов ненависти (см. Цыцарев, 2004), которые вырабатываются в ходе целенаправленного обучения ненависти – ее эмоциональной и деятельностной сторон.

4. Агрессия, психопатия и террористическое поведение.

Временами действия террористов (в особенности жертвующих собой) воспринимаются как проявления психического заболевания, например «совместного бреда» (*follie a plusieurs*) (Salib, 2003), или паранойяльного расстройства (Rosenberger, 2003). Однако никому из психиатров не удавалось провести достаточно широкомасштабного клинического обследования террористов, а значит и выводы их следует рассматривать с осторожностью.

Тем не менее, несколькими крупными исследователями делалась попытка ввести психопатологическую переменную в анализ террористического поведения. В этом направлении много работали Kaplan (1981), Strenz (1981) и другие, стремившиеся выделить психопатологические черты и особенности развития личности террористов. В предыдущем сообщении мы предложили обзор этих точек зрения (Цыцарев, 2004), и намерены дополнить его в настоящей работе анализом

попыток провести аналогию между террористическим поведением (которое по определению хорошо структурировано и политически мотивировано) и простой агрессией, которая часто наблюдается со стороны *психопатических личностей*.

Психопатия в западной литературе рассматривается как одно из расстройств личности (в противоположность советской психиатрии, где все расстройства личности определялись этим термином), в основе которого лежит тенденция к антисоциальному поведению, отсутствие контроля над импульсами, дефицит планирования поведения, действие на основе «принципа удовольствия» без попыток отложить удовлетворение текущей потребности, безразличие к страданиям окружающих, отсутствие страха перед расплатой, и главное – отсутствие чувства вины и связанных с ним раскаяния и совести.

Однако попытки рассматривать терроризм как проявление психопатии (Robbins & Post, 1997; Post, 2001) либо целиком базировались на теоретических рассуждениях (Kaplan), либо на исследованиях лиц, идентифицированных как террористы, т.е. захваченных по подозрению в участии в актах терроризма, и находящихся в тюрьмах. При этом большинство этих лиц по меркам самих террористов были неудачниками, поскольку им не удалось совершить того, к чему готовили их террористические сообщества. Иными словами, выборка, на изучении которой были построены выводы о принадлежности террористов к определенным типам психической патологии, была заранее искаженной.

В дополнение к этому, пребывание в тюрьме по столь тяжелому обвинению изменяет радикально как поведение, так и самосознание субъекта. Классический «тюремный» эксперимент Филиппа Зимбардо (Zimbardo, 1977) показал, что пребывание как в роли заключенного, так и в роли охранника даже в течение короткого времени деформирует личность человека, заостряя существующие, и выявляя доселе совершенно неизвестные черты характера. Новый всплеск интереса к его исследованию наблюдается в настоящее время, после опубликования информации об актах садизма над заключенными в американской военной тюрьме в Ираке. Не случайно после публикации экспериментов Зимбардо вставал вопрос о полезности самого понятия личности в психологии, поскольку ситуативная вариативность поведения оказалась значительно более существенным фактором в экстремальных условиях, чем инвариантность личностных черт, измеряемых чаще всего опросниками в условиях стабильной и достаточно однообразной среды. Например, независимо от характера совершенного преступления большинство

заклученных демонстрируют в тюрьме повышенные значения по шкалам, описывающих паранойальность. И действительно, быть подозрительным весьма адаптивно для заключенных, так как любое их действие или слово может быть интерпретировано превратно и использовано против них, хотя паранойальность может быть совершенно нехарактерным для них поведением за пределами тюрьмы. Повышенные значения по таким параметрам как импульсивность, агрессивность, демонстративность поведения и даже нарциссизм также характеризует заключенных как субъектов, использующих вполне адаптивные стратегии совладания с чрезвычайно сложной ситуацией. Таким образом, делать вывод о том, каким был террорист до ареста и заключения по данным, собранным в условиях заключения надо с чрезвычайной осторожностью.

Еще большей ошибкой (к несчастью часто допускаемой судебными психологами и психиатрами во многих странах) является гипотетическое истолкование определенных личностных и психопатологических черт субъекта на основе одного (как правило девиантного) поведенческого эпизода. Интерпретация всей истории развития личности человека оказывается под влиянием акта криминального (в данном случае террористического) поведения и как правило представляет его предыдущую жизнь как должную неизбежно привести к такому финалу. Разумеется, при такой предвзятости, в описании личности преступника обнаруживаются такие ярлыки как «низкая и неустойчивая самооценка», «зависимость от авторитета», «агрессивность», «неподчинение конвенциональным нормам», «неразвитые социальные навыки», «враждебность», «недостаток эмпатии», «внушаемость», «подчиняемость», а в описании его психического статуса психиатром – «паранойальность», «импульсивность», «нарушения мышления» и т.д. Специалистами таким образом используется категоризация поведения, доминирующим элементом которой является факт преступления над любыми другими фактами его жизни или данными обследований. При таком подходе заключения психолога или психиатра от начала и до конца пронизывает стереотипный образ террориста, то есть врага по определению.

В противоположность исследованиям, указывающим на личностные дефекты и психопатологические особенности террористов, существует другая точка зрения. В ее основе – понимание прежде всего того факта, что не смотря на формальное сходство, терроризм имеет мало общего с актами простой агрессии. Более того, если в акте обычной агрессии черты психопатии весьма логично с ней ассоциируются, то в поведении террориста такие черты выступают как прямое противоречие с психопатическими чертами личности.

Семантика любого действия определяется его мотивом. В акте террористического поведения мотивы субъекта и его цели существенно различаются. Так, личные мотивы террористического поведения хорошо определяются в терминах личностной предрасположенности, переживания отчаяния и хронического гнева и ненависти, в то время как целью террористического поведения всегда становится достижение политических целей и конкретных изменений в действиях власти (государства, армии и т.д.)

В связи с этим трудно представить себе психопата (с его импульсивностью, неспособностью планировать поведение, откладывать удовлетворение текущих потребностей, отсутствием привязанностей и чувства вины) всерьез вовлеченным в террористическую организацию, проходящим длительную подготовку с упором на «промывании мозгов», обращенным к религиозной вере и нацеленным на формирование ненависти (как когнитивного компонента) и фанатизма как совокупной когнитивно-поведенческой составляющей террористического поведения. Еще труднее представить себе в качестве террористов субъектов с другими психическими заболеваниями, патогномичными обычной насильственной преступности, но чаще всего несовместимыми с террористической, политически мотивированной активностью.

5. Суицидальный вариант террористического поведения.

Связь между готовностью совершить акт терроризма и при этом пожертвовать своей жизнью не является ни историческим новшеством, ни одной из новейших технологий манипулирования массовым сознанием и массовыми эмоциями, возникших в последние годы. Камикадзе в Японии, анархисты в России, иудейская секта Зелотов, и наконец исламские Ассасины традиционно пользовались суицидным поведением как средством тотального устрашения врага. Применение этого метода нарушает вековые традиции военных действий, и поэтому осуждается всем миром. Однако безусловно существуют условия, при которых террористическая (или, если угодно – партизанская) война становится объяснимой.

Суицидный вариант террористического поведения представляется наиболее драматическим и интересным с психологической точки зрения. Не смотря на крайне «растиражированную» в литературе модель террориста смертника как носителя религиозной идеологии, в которой наградой за суицидный террористический акт является вечное пребывание в раю, объяснения такому поведению может быть найдено и в психологических исследованиях суицидов. Как известно специалистам, существует несколько разных типов суицидного поведения, классификация которых мало изменилась со времен классических работ Дюркгейма (Durkheim, 1897). Суицидальный терроризм относят либо к *альтруистическому*, либо к *фаталистическому* типам суицида. По данным Джонсона, почти все обследованные им лица, предназначавшие себя для террористического суицида, были объектами строгого религиозного воспитания, и их идеологическая ориентация была более религиозной, чем националистической (Johnson, 1965).

Не смотря на различия в содержании мотива самоубийства, большинство из них сопровождается вовсе не подъемом настроения и экзальтацией, а напротив - снижением настроения, то есть явной или скрытой депрессией с соответствующими депрессии когнитивными сдвигами такими как пониженная самооценка, обесценивание своего прошлого, безнадежность, беспомощность, чувство вины и .п. Такая концептуализация выглядела бы парадоксальной, если бы не данные одного из самых авторитетных современных исследователей палестинских террористов времен интифады (Stern, 2003). Она описывает довольно типичных представителей этой группы суицидных террористов как испытывающих постоянное переживание отчаяния и злости (гнева). Они моложе обычных террористов (12-17 лет) и как правило являются родственниками недавно убитых боевиков, и поэтому испытывают фрустрацию и чувство вины из-за того что сами не приняли участие в открытых боях с израильскими войсками.

Важнейшими для нашего изложения стало обнаружение у потенциальных террористов переживания беспомощности и безнадежности, столь типичных предпосылок суицидального поведения. Их наличие подтверждается ведущими исследованиями (Kushner, 1996; Maris, Berman, Silverman, 2000; Stern, 2003), а возможность эффективно манипулировать депрессивными переживаниями была показана в частности в работах судебных психологов-экспертов, посвященных так называемым *доведениям до самоубийства* как в условиях неуставных отношений в вооруженных силах, так и в семейных отношениях, когда одному из членов семьи дается понять, что его смерть станет большим облегчением для других (Мельник, Цыцарев, Яковлев, 1988). Разумеется террорист-смертник одержим и многими другими переживаниями, но в то же время искусное «промывание мозгов», предшествующее террористическому акту, должно непременно включать и этот элемент. Осознание того, что «назад хода нет», делает субъекта легко поддающимся любым другим манипуляциям, а само решение о суициде – логичным и закономерным в рамках его субъективного опыта. Планируемый суицид такого рода является в глазах террориста «фактором облегчения депрессии» как это ни парадоксально звучит.

Еще одним из компонентов депрессивного состояния является переживание *утраты контроля* над своей жизнью, а еще точнее – субъективного ощущения утраты

контроля вообще. В политически мотивированном акте самоубийства эта проблема разрешается – террорист обретает полный контроль над жизнью и благополучием десятков, а иногда и сотен людей.

Поразительным в этом смысле является тот факт, что с одной стороны – террористы как правило находятся под полным контролем их лидеров и не могут никаким образом самостоятельно распоряжаться своей жизнью, а с другой – воспринимают предстоящий акт терроризма как возможность восстановить так недостающее им переживание контроля.

В заключение следует добавить лишь одно положение, которое если не противоречит, то по крайней мере не вполне вписывается в логику данного повествования. По наблюдениям экспертов и по данным исторической науки, суицидальный терроризм возникает с определенной цикличностью, и каждая очередная его волна длится не более 3-х лет. Существует мнение, что кто-то дает команду начать кампанию, а некоторое время спустя – завершить ее (Pedahzur, 2004). Не всеми исследователями поддерживается такая позиция, но она заслуживает внимания.

6. Модель «лестницы».

Генезис террористического поведения, выраженного в акте суицида, можно проследить лишь рассматривая его в широком когнитивно-поведенческом контексте. Интересную модель предложил недавно Ф. М. Могхаддам из Джорджтаунского университета (Moghaddam, 2005). Он приводит метафору сужающейся лестницы (по типу метафоры Latane & Darley), идущей от этажа к этажу для понимания развития психологической феноменологии терроризма. На каждом этаже такой лестницы происходят события, которые приводят определенных субъектов на следующий этаж и т.д.

Так, «подземный этаж» обозначается как *Психологическая интерпретация материальных условий*. В то время как миллионы людей живут в условиях нищеты и беззакония, только небольшая часть из них воспринимает это как депривацию и несправедливость. Аналогами этого могут служить *воспринимаемая* угроза потери идентичности у религиозного населения в условиях наступающей глобализации и вестернизации, или переживание неполноценности молодыми людьми в развивающихся странах (и у иммигрантов), которые воспринимают невозможность стать почти такими как их западные сверстники (но все же не вполне такими) как чрезвычайно фрустрирующий фактор. Субъективное переживание *отчаяния* становится постоянным спутником этих людей.

«Первый этаж» обозначается как *осознание субъектами возможности борьбы с несправедливым обращением и необходимости демократических изменений в обществе* (выборы, свобода передвижения, информации и т.д.) в рамках конкретного культурального контекста (допустимая в обществе степень демократизации жестко зафиксирована в культуральных особенностях).

Содержанием «второго этажа» является *смещение агрессии с образа внутреннего врага на врага внешнего*. При этом, к примеру, на Ближнем Востоке существом этого процесса часто является ненависть ко всему западному и прежде всего американскому даже в том случае, если государство существует преимущественно за счет американской поддержки.

«Третий этаж» описывается как *моральное включение в террористическую группу*. Благодаря умелому использованию конспирации, потребности субъекта в принадлежности к группе, страха и стремления к изоляции происходит вступление субъекта в террористическую или радикальную организацию и посвящение ей существенной части своей жизни.

«Четвертый этаж» предполагает *радикальную категоризацию по типу «мы-они»*. В той же мере, в какой Америку называют «Великим Сатаной» на Ближнем Востоке, лидирующие американские евангелические круги развивают идею того, что «Ислам был

создан педофилом, который был одержим демоном». Это еще один пример концептуализация идеи «образа врага».

На «пятом этаже» появляется собственно *террористическое поведение и происходит подавление механизмов сдерживания* насилия. Появляется очевидное единство между террористическим поведением и самосознанием.

Как подчеркивает Могхаддам, уникальность террористического поведения в том, что у агрессора нет перед глазами реального противника, который хотя бы теоретически мог бы как-то отреагировать на его агрессивное поведение. Жертвы терроризма – гражданские лица. По законам социальной психологии агрессия нападающего чаще всего подавляется демонстрацией врагом своего поражения. Еще в экспериментах Лоренца (Lorentz, 1966) было показано, что признавший поражение хищник и выразивший это признание в определенном ритуале, почти во всех случаях избегает смерти. В террористическом акте не заложено никакого предварительного взаимодействия между убийцей и жертвами, а следовательно благополучный вид потенциальных жертв не только не подавляет, но напротив, усиливает проявления *гнева и ненависти по отношению к образу врага*, и увеличивает вероятность агрессивного поведения. Избежать нападения у жертвы нет ни единого шанса, поскольку непосредственно перед актом терроризма она не испытывает угрозы со стороны агрессора.

7. Коротко о фанатизме.

Фанатизм содержит в себе нарциссический образ принадлежности субъекта к группе посвященных, имеющих право исполнять жестокие приговоры высших руководителей. Это не просто членство в банде, это ощущение избранности, где «каждый червь чувствует себя гигантом» (Э. Фромм) благодаря принадлежности к такой группе. Это и не религиозная вера как таковая, а именно чувство принадлежности к группе, исповедующей воинствующую религию или идеологию в сочетании с осознанием своей особенной роли в борьбе со злом (которое можно определить любым образом). Все это делает фанатика готовым не только действовать агрессивно, но и жертвовать своими близкими, имуществом и жизнью.

Все описанные ранее аффективные, когнитивные и поведенческие компоненты находят свое завершение в фанатизме. Создание отрядов таких фанатиков – основная функция любой террористической организации.

8. Заключение.

Многообразие целей террористических организаций и индивидуальных мотивов террористов привлекает каждый год в эти организации сотни молодых, как правило достаточно образованных, многое потерявших, отчаявшихся во всем и готовых к самопожертвованию людей: мужчин и женщин. Каждый из описанных выше факторов может играть определяющую роль на разных этапах развития террористического поведения. Свести все их воедино – трудная, но чрезвычайно важная задача следующего, эмпирического этапа исследований. В ближайшее время неизбежно встанет вопрос о проведении эмпирического изучения механизмов религиозного фанатизма, и доведения данных этих исследований до сведения лидеров мировых религий, от которых будет зависеть политика ведущих религиозных организаций по предупреждению террористического поведения.

Медведева В.В. Экспертная оценка вероятности возникновения межэтнических конфликтов на территории Санкт-Петербурга

Этические конфликты, которые на протяжении последних десятилетий приобретает все более и более масштабный и экстремальный характер, являются проблемой, угрожающей безопасности и целостности России. Попытки уменьшения числа конфликтов, исследование их предпосылок, анализ и профилактика ведутся в

рамках политологии, юриспруденции, социологии и других наук. При этом психологические основания до настоящего времени, по нашему мнению, являются не до конца исследованными и изученными. Особенное внимание уделяется «зонам риска» таких конфликтов. К подобным зонам можно отнести такие мегаполисы, как Москва и Санкт-Петербург, Северный Кавказ и некоторые другие регионы. В некоторых районах России подобные конфликты угрожают целостности страны, успешному взаимодействию центра и регионов. В целях создания эффективных программ по снижению рисков межэтнических конфликтов, представляется весьма актуальным исследование таких сложных явлений как этническое самосознание, этническая идентичность.

Несмотря на то, что количество работ по данному вопросу в последнее время растет, нет единой концепции определения этих понятий. Вариативность определения и разграничения понятий «этническое самосознание» и «национальное самосознание» вытекает, прежде всего, из многогранности критериев, которые используются для обозначения любой национальной принадлежности.

В связи с различиями в определении понятия «нации» сегодня можно выделить соответственно две тенденции в определении национального самосознания.

Согласно одной из них, национальное самосознание есть представление об общности происхождения, принадлежности к родной земле, языку, культуре. Например, В.И. Козлов рассматривает национальное самосознание как явление, «обращенное на познание сущности своей нации»¹³¹.

Однако некоторые исследователи считают неправомерным сужение национального самосознания рамками отношения лишь к своей нации. Поэтому в попытках определить национальное самосознание появляется другая тенденция. Она рассматривает национальное самосознание как отношение, как осознание своей нации в терминах «своих» и «чужих». При этом осознание общности своего происхождения, своей родной земли, культуры, языка лежит в основе национального самосознания. Из таких представлений исходит, например, К.Н.Хабибуллин: «Нация не может осознать себя как нация без соотнесения своей сущности с сущностями других»¹³². Он определяет национальное самосознание как «свойство или совокупность черт индивида, группы, общности, образовавшихся в процессе общения и восприятия своего отличия и сходства при соотнесении с другими социально-этническими общностями или их представителями»¹³³.

Для направленной политики урегулирования межэтнических конфликтов на территории России важно не только правильное научное определение понятий национального и этнического самосознания, но и выяснение тех факторов, на основании которых возможно успешное решение существующих проблем.

С этой точки зрения, исследование национального самосознания, его роли в социальной жизни общества, является необходимым не только для обеспечения национальной безопасности страны, но и для выявления и определения национальных интересов страны.

Нами было проведено исследование, целью которого было выявить оценку вероятности возникновения конфликтов на этнической почве рядом экспертов, деятельность которых непосредственно связана с данной проблематикой. Исследование проводилось методом экспертного интервью; в нем принимали участие депутаты Законодательного Собрания Санкт-Петербурга, руководители национальных организаций, общественные деятели и представители научного сообщества.

1.¹³¹ Козлов В.И. Проблема этнического самосознания и ее место в теории этноса//Этническая психология. Хрестоматия под ред А.И.Егоровой

2.¹³² Хабибуллин К.Н. Понятие национального самосознания // Понятия. Принципы. Категории. М.: ООО "Издательство АСТ", 2004

¹³³ Там же.

Ответы экспертов были проанализированы с помощью метода контент-анализа. В процессе интерпретации были выделены следующие единицы анализа:

- оценка экспертами образ Родины;
- оценка факторов и методов влияния государства на образ Родины;
- оценка риска возникновения межнациональных конфликтов на территории России;
- мероприятия, проводимые Правительством Санкт-Петербурга по снижению рисков возникновения межнациональных конфликтов и оценка их эффективности;
- значимость и оценка деятельности национально-культурных организаций;
- оценка миграционной политики и возможные пути решения проблем.

3.3. ПСИХОЛОГО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ

Радина Н.К. д.пс.н., к.пс.н. «Закрытая группа» и «закрытое общество»: возможности применения социально-психологических концепций для политического анализа.

Политическая психология, опираясь на достижения в области социально-психологического знания, активно мобилизует работающие концепции и теории для прогнозов и интерпретаций политических явлений. При этом интерес политической психологии к теоретическому знанию преимущественно прикладной, практический: политическая психология экспансивно и одновременно тщательно выбирает инструменты для доказательства своей состоятельности, утверждаясь на общем фоне социальных наук.

Однако, согласно А.Адлеру, нет ничего практичнее хорошей теории, поэтому в данной статье я хотела бы, оставаясь в пространстве теорий, сопоставить концепции, на первый взгляд, описывающие различные социальные феномены, в другой стороны, демонстрирующие глубинные связи между социальными явлениями в больших и малых социальных группах. Речь идет о концепциях «открытого / закрытого общества» и «открытой / закрытой группы».

В настоящее время концепция «закрытого общества» отошла на второй план, в то время как еще десять лет назад в российских социальных науках она активно продвигалась как эффективный инструмент социального анализа во многом благодаря усилиям Дж.Сороса. Практически концепция «открытого общества» применялась для анализа социально-экономических трансформаций российского общества («открывающегося общества») в сравнении с советским прошлым, в сравнении с обществом, которое было «закрыто».

«Открытость – закрытость» некой социальной системы традиционно определяется посредством взаимодействия ее с внешней средой, то есть в общей теории систем под закрытыми принято понимать системы, изолированные от внешней среды, под открытыми – имеющие связи с ней. При этом закрытые системы «отличаются от открытых отнюдь не отсутствием связей со средой, а характером этих связей... Если базовые связи со средой зафиксированы, среда не вносит никаких изменений в систему, и последняя зависит только от связей «внутренних» (Ефимичук И.В. 2004; с. 66).

Социологи и философы дают самые разные описания реальным сообществам, которые они считают особыми и называют «закрытыми». Впервые термины «открытое общество» и «закрытое общество» были использованы Анри Бергсоном в работе «Два источника морали и религии». Закрытое общество, по А.Бергсону, это социальная система, члены которой руководствуются навязываемыми сверху моральными нормами и религиозными табу, передающиеся из поколения в поколение механизмом обычаев и традиций.

К.Поппер, благодаря которому дихотомия «открытое общество» - «закрытое общество» стала так популярна, определяет «закрытое общество» как племенное или коллективистское общество, а «открытое» - как общество, в котором индивидуумы принимают личные решения. Кроме того: «... в открытом обществе многие его члены стремятся подняться по социальной лестнице и занять места других членов», то есть движущая сила развития «открытого общества» - конкуренция за статус среди его членов (Поппер К., 1992; С. 218). «Закрытое общество» по К.Попперу - это тип общества, характеризующийся статичной социальной структурой, ограниченной мобильностью, неспособностью к инновациям, традиционализмом, догматичной авторитарной идеологией.

Открытое общество, напротив, - тип общества с динамичной социальной структурой, высокой мобильностью, способностью к инновациям, критицизмом, индивидуализмом и демократической плюралистической идеологией. Дж.Сорос, описывая отсутствие жестких указаний, ценностей и целей в «открытом обществе» считает данные условия необходимым атрибутом свободы (Сорос Дж., 1997).

Ф.Жюльен те же самые критерии (приоритет не личности, а ее позиции в группе (деперсонализация), а также замкнутые и непроницаемые иерархически организованные социальные сети) выдвигает для описания социальной культуры «восточного» типа (Жюльен Ф., 1999). А.Н.Олейник, исследуя реальные «закрытые группы» (а именно, заключенных в тюрьме), предлагает называть данный вид социальной организации «малым» обществом, определяя «малое» общество как «такую социальную структуру, которая исключает институционализацию отношений, характеризуется отсутствием взаимосвязи между повседневной жизнью людей и формальной властью, и неразвитостью политического представительства интересов обычных людей» (Олейник А.Н., 2001; С.16). В качестве главных критериев для определения «малого» общества А.Н.Олейником взяты неформальный характер отношений в группе и отчуждение обычных людей в группе от тех, кто представляет власть.

Таким образом, концепция «закрытого общества» разделяется не всеми авторами, кто изучает и описывает схожие социальные феномены, однако, как бы не называли исследователи это общество – «закрытое», «восточного типа», «малое» и т.п. - оно определяется преимущественно через личностную «недостаточность» (личность не может принимать решения, проявлять субъектность) и жесткую иерархическую организацию социума (в том числе непреодолимые противоречия между «верхами» и «низами»).

Закрытая группа в социальной психологии рассматривается сквозь призму проблемы монодеятельности и, соответственно, моноструктурированности группы, имея в виду аспект изоляции от внешних контактов (необходимость решать все проблемы только своими силами и невозможность «сбросить» во вне отрицательный эмоциональный заряд, возникающий в процессе ограниченного общения), в призме изменений внутригрупповой структуры (А.А.Алдашева, В.Н.Парохин, А.Б.Прохватилов, Н.Ю.Хрящева, И.К.Широкова и другие).

В настоящее время исследователями определены 4 формы закрытой группы, различающиеся по степени инициативы включения в данную группу ее участников: вынужденную изоляцию (оторванность от социума независимо от желания, например, заблудившаяся в тайге экспедиция); принудительную изоляцию (изоляция вопреки воли в силу определенных социальных правил, например а) осужденные, б) солдаты срочной службы); добровольную изоляцию (добровольное уединение: монахи, отшельники); добровольно-вынужденную (закрытые профессиональные группы, а также закрытые профессионально-специализированные образовательные учреждения) (Кондратьев М.Ю., 1997).

Закрытая группа как концепт и социальное пространство для исследования была использована многими российскими социальными психологами. Так, М.Ю.Кондратьев, опираясь на трехфакторную модель «значимого другого» А.В.Петровского, проанализировал внутригрупповые процессы в закрытой группе.

Трехфакторная модель А.В.Петровского, включающая факторы аттракции, власти и референтности оказалась весьма продуктивной в отношении понимания специфики структуры межличностных отношений в закрытой группе. М.Ю.Кондратьев выяснил, что в открытой группе межличностные отношения определены всеми тремя факторами, все они являются активными детерминантами в построении межличностных отношений (то есть в открытой группе нравится могут одни, уважают других, власть признают за третьими), в то время как в закрытой группе все три фактора как бы «слипаются». Аттракция и референтность в закрытой группе зависят от фактора властных отношений, то есть в закрытой группе уважением и «эмоциональным притяжением» обладают те, кто

своей статусной позицией обеспечивает себе власть в закрытой группе. Следовательно, в закрытой группе внутригрупповой статус определяет, кого уважать и кто должен нравиться, что является причиной деперсонализации межличностных отношений. Дальнейшие исследования показали, что внутригрупповая иерархия закрытой группы статична и жестка, то есть, оказавшись однажды в закрытой группе на определенной статусной позиции, в будущем практически невозможно эту позицию изменить.

М.Ю.Кондратьев в своих работах особо подчеркивает «избыточную, разрушительную для единства любого сообщества внутригрупповую статусную поляризацию», присущую закрытой группе, «бурное формирование обособленных, нередко противоборствующих подгрупп» (Кондратьев М.Ю., 1995; С. 36).

Трехфакторная модель А.В.Петровского, примененная М.Ю.Кондратьевым к закрытой группе, позволила идентифицировать ранее невидимые внутригрупповые процессы, что облегчило анализ закрытых групп. Теперь, сравнивая концепции «закрытого общества» и «закрытой группы» возможно вполне обоснованно утверждать, что ключевая характеристика, объединяющая и «закрытое общество», и «закрытые группы» - жестко-иерархичная групповая/общественная структура, наличие которой обуславливает «вторичность» активности личности для индивидуального и группового развития, «субъектная личность» в подобной жестко-иерархической социальной структуре «поглощается» ее статусом в групповой иерархии.

В социальной психологии при традиционном выделении малых и больших групп, не уточняется, какие социально-психологические закономерности, характерные для малой группы, сохраняются и в большой. «Закрытая группа» - форма существования малой группы, в то время как «закрытое общество» - форма существования большой группы. Определяя общую закономерность «социальной закрытости» в контексте жесткой детерминации социальных иерархий над социальными отношениями, возможно также выяснить, не являются ли действующими и другие закономерности, «работающие» в концептуальных рамках «закрытой группы» в отношении «закрытого общества».

Поскольку «закрытое общество» описывается и анализируется, как правило, социологами, политологами и экономистами, очевидно, что трехфакторная модель никем из них не применяется. Однако попробуем конвертировать некоторые концепты из психологии малой группы в концепты психологии больших групп.

Так, и «открытое», и «закрытое» общество, как правило, анализируются при помощи политического, правового и экономического измерений. Рассмотрим предполагаемую связь данных «измерителей», теоретических конструктов, с «факторами» межличностных отношений, которые обозначил А.В.Петровский. Связь между властью и политикой достаточно очевидна. Референтность как уважение, обоснованное рационально, предположительно наиболее созвучно правовым отношениям. Аттракция, самая «материальная» характеристика, основанная во многом на телесности другого, наиболее «витальна» и соотнесена в таблице с экономикой.

Далее проанализируем качество правовых, экономических и социальных отношений в открытом и закрытом обществе на основании исследований философов, политологов, социологов и экономистов.

Так, обобщая наследие классиков марксизма, а также работы М. Вебера, академик Э.А.Поздняков доказывает, что политика должна иметь первенство над экономикой (Поздняков Э.А., 1994).

С другой стороны, анализируя становление судебной системы в Западной Европе в исторической перспективе, М.Фуко убедительно демонстрирует приоритет собственников («богачей») в установлении правовой системы (Фуко М., 2002). Мнение о первичности экономики в общественных отношениях разделяют последователи либерализма и неолиберализма (Хайек Ф.А., 1992).

Как в открытом, так и в закрытом социуме, по мнению исследователей, «важнейшими инструментами упорядочивания социальных связей в обществе являются

институт власти и институт собственности. Будучи относительно самостоятельными, данные социальные институты находятся во взаимодействии, разнящемся по своему характеру в зависимости от типа общества» (Емельянов Р.А. 2002; С. 84). В том случае, если речь идет об открытом социуме, нет жесткой иерархии в экономических и политических отношениях, и поэтому можно говорить лишь о производности правовых отношений от политических и экономических.

Иная картина наблюдается при анализе «закрытого общества».

К сожалению, социально-психологические исследования не имеют в настоящее время достаточного эмпирического материала для обсуждения проблемы взаимосвязи политических, правовых и экономических отношений. Тем не менее, в экономике и экономической социологии дискуссии относительно данной проблемы активизировались на рубеже 20-30 годов и были продолжены во второй половине XX века В.В.Радаевым, Е.Т.Гайдаром и Р.М.Нуреевым на фоне обсуждения проблем азиатского способа производства.

Власть (отражающая высокое положение в политической иерархии) и собственность (отражающая высокое положение в экономической иерархии) в данном контексте представлялись как некий спаянный конгломерат, нечто неразрывное (Васильев Л.С., 1982). Понятие власти-собственности характеризует социум, в котором «происходит монополизация должностных функций в общественном разделении труда, когда власть и господство основываются не на владении собственностью как таковой, а на высоком положении в традиционной иерархии» (Нуреев Р.М., Рунов А.Б., 2002; с. 12). С точки зрения экономистов, политологов и социологов, именно закрытым социально-экономическим системам соответствует модель власти-собственности, то есть фактически приоритета власти над всеми остальными отношениями (Ефимичук И.В., 2004).

Итак, особенности «закрытой группы», описанные М.Ю.Кондратьевым на основе трехфакторной модели А.В.Петровского, вполне согласуются с особенностями «закрытого общества». Как «закрытая группа», так и «закрытое общество»:

- имеют жесткую иерархическую социальную структуру;
- поляризуют составляющие их «социальные единицы»;
- блокируют вертикальную мобильность;
- деперсонализируют людей, в них преобладает «ролевое поведение»;
- упрощают любые социальные отношения, поскольку статус и властные позиции в подобных социальных системах определяют любые другие отношения.

Таким образом, как в малой группе, так и в большой, феномен закрытости изменяет иерархию социальных отношений, оставляя приоритет за властными отношениями. Член закрытой группы (большой или малой), имея власть в группе, имеет и все остальное – уважение и любовь окружающих его членов группы (в малой закрытой группе), а также собственность и преимущества в решении правовых вопросов (в большой закрытой группе).

Следовательно, трехфакторная модель А.В.Петровского вполне адекватна (при определенной транскрипции) для анализа больших групп. Вопрос заключается в том, что дает нам с практической точки зрения понимание возможного использования концепций малой группы, адекватных проблемам малой группы, - для больших групп (при условии проверки релевантности данной возможности)? Предположительно, осторожное (с проверкой и апробацией) использование социально-психологических концепций, моделей, созданных на материале малых групп, обеспечит необходимую глубину в понимании социальных явлений и процессов больших групп в политических исследованиях.

Карнов А.Л. к.фил.н. Новая Россия в новом мире.

Ситуация, переживаемая Россией и россиянами в последний год, дает основания говорить о существенном, качественном изменении как внутри-, так и внешнеполитической ситуации в стране и мире в целом. Перемены и в России, и в мире накапливались постепенно, но два события сделали качественный скачок явно видимым – «пятидневная война» на Кавказе и наступивший глобальный экономический кризис. В результате первого Россия обрела себя, в результате второго - мир утратил однополярность. Эти события в значительной мере взаимосвязаны.

Первое: что значило для России решение о проведении военной операции на Кавказе? Выполнение миротворческих обязанностей по защите малых народов – осетин и абхазов - от геноцида со стороны более крупного? Да. Предотвращение вспышки сепаратизма и возможной децентрализации российского Кавказа? Да. Отстаивание геополитических интересов в стратегически важном регионе? Да. Но не только. Молниеносная и жесткая военная операция Российской армии на Кавказе показала миру, что наша страна политически возрождается. Особо это значимо для самих россиян: из страны и ее народа были выбиты «комплекс побежденного», довлевший над Россией после распада СССР, и преклонение перед западными ценностями типа демократии для избранных. Словно очнувшись от кошмарного сна, страна перешла к активным действиям по защите своих интересов. Но внезапно ли? Российская история полна примерами того, как, прогибаясь под внешним давлением, отступая, теряя территории и утрачивая политические позиции, страна создавала и копила новые силы для последующего, «внезапного» при взгляде со стороны, жесткого и сокрушительного ответа.

После распада СССР нас призывали отбросить советский период отечественной истории как «ошибку», забыть о нем и «вернуться на столбовую (либерально-капиталистическую) дорогу общественного развития». Но стремление «все советское сломать и сделать, как на Западе» стало ослабевать по мере того, как проводимые реформы все более явно доказывали свою несостоятельность, а тот же Запад, который всячески рекламировался как «ближайший союзник», раз за разом демонстрировал, что не воспринимает Россию иначе, чем страну, побежденную им в «холодной войне», с которой он намерен далее поступать так, как сочтет нужным, исходя исключительно из собственных интересов. Эти интересы были предельно ясно сформулированы американским политологом З.Бжезинским, заявлявшим, что Россия, разделенная на ряд «конфедеративных» государств была бы более приемлема для США и Запада в целом.

Снова, спустя столетия после великой Смуты XVII века, над обществом, по словам В.Ключевского, нависло «тягостное, исполненное тупого недоумения настроение». Но жизнь невозможно остановить, и, по прошествии некоторого времени, люди начинают по-новому оценивать и себя, и то, что произошло с ними и со страной. Дефолт 1998-99 годов подвел логическую черту под экономическими экспериментами «молодых реформаторов» в духе либерализма и монетаризма, а вновь вспыхнувший после «Хасавюртовского перемирия» 1996 года очаг сепаратизма на российском Кавказе заставил и государство и общество консолидировать усилия по сохранению страны и выводу ее из кризиса. Замена у власти в России обанкротившихся «либералов» на «государственников», произошедшая на рубеже XXI века, явилась важной поворотной точкой в ее развитии. Восемилетнее президентство В.Путина было посвящено преодолению в стране того «разброда и шатания», являвшегося последствием «перестройки», ассоциируемой с правлением М.Горбачева и «лихих девяностых» под властью Б.Ельцина. В период 2000-2008 годов Россия постепенно вновь обрела реальную «вертикаль власти», законодательные акты субъектов Федерации были приведены в соответствие с нормами общегосударственного законодательства, отечественная экономика, преодолев последствия дефолта, вышла на устойчивый рост, напряженность на Северном Кавказе снизилась, наметились положительные тенденции в социальной сфере... Восстанавливается связь времен. Заявление президента В.Путина в 2007 году о том, что крушение СССР явилось крупнейшей геополитической катастрофой XX века, является официальным

подтверждением сказанному. Российская история вновь обретает целостность и непрерывность, а значит, вновь становится инструментом, пригодным для анализа текущего состояния страны и прогноза ее развития.

Слово «патриот» вновь реабилитировано – под этим названием выпускается одна из моделей джипов Ульяновского автозавода... В числе «первой дюжины» имен выдающихся соотечественников, сыгравших положительную для России роль, гражданами в рамках проекта-опроса «Имя России. Исторический выбор – 2008» названы, наряду с Александром Невским и Петром I, Александром Пушкиным и Федором Достоевским, – также Владимир Ленин и Иосиф Сталин. Укрепляясь политически и экономически, Россия все более осознает себя и свои интересы, россияне заново учатся чувству гордости за свою страну, достоинству и самоуважению. Мы все более ощущаем себя не просто населением России, а ее Народом – с единым языком, территорией, историей и культурой. Именно поэтому нас все больше возмущают попытки «переписать историю», принизив и исказив деяния наших предков, попытки снести памятники «советским оккупантам» в странах СНГ и Восточной Европы, и, напротив, героизировать «подвиги» бандеровцев, «лесных братьев» и недобитков из «Ваффен СС», попытки «запретить» русский язык в части постсоветских государств и закрепить за русскоязычным их населением статус «граждан второго сорта» или вообще «не граждан»...

Изменения, произошедшие как в стране, так и в сознании россиян за последнее десятилетие, стали основой возвращения Россией себе статуса великой державы. И как великая держава, осознающая свои, в том числе – геополитические – интересы, Россия не могла не ответить на военную авантюру грузинского режима, направленную на их ущемление. Ведя силовую операцию по принуждению агрессора к миру, Россия четко осознавала, что отвечает на своего рода «разведку боем», предпринятую режимом М.Саакашвили с ведома и, вероятно (несмотря на все заверения официального Вашингтона в обратном), с санкции его заокеанских покровителей. Не вызывает сомнения, что нападение на Цхинвал (и подготовка к вторжению в Абхазию) предпринимались не только для «восстановления конституционного порядка» Грузии над «мятежными территориями», но и имели целью вытеснение России из Закавказья (о чем М.Саакашвили неоднократно заявлял открыто), нанесение урона ее авторитету на международной арене и создание условий для новой вспышки сепаратизма уже на собственно российской территории. Предполагалось (иначе грузинский президент не пошел бы на такой риск, как нападение на российских миротворцев), что Россия и в этой ситуации поступит так же, как уже неоднократно поступала ранее – будет протестовать по дипломатическим каналам, взывать к общественному мнению, обращаться в Совбез ООН, но не решится на масштабное вооруженное противодействие. Но противостояла уже Новая Россия...

Анализируя вопрос о том, что значит для России и всего современного мира усиливающийся экономический кризис, отметим: во-первых, это наглядное доказательство несостоятельности основного постулата неолиберализма о том, что капиталистический нерегулируемый рынок является наилучшей моделью экономических отношений. Ведущие экономики мира, и даже цитадель неолиберализма – США, прибегают к государственному регулированию, как к единственному средству, способному предотвратить катастрофу. Сбывается предвидение К.Маркса о том, что развитие капитализма должно привести к системе, в определенной степени регулируемой государством. Социальная ориентированность в экономике и политике растет, степень свободы капитала снижается.

Во-вторых, кризис показал пагубность ориентации мирового хозяйства на одну, пусть и самую мощную, экономику. Зависимость мира от одной резервной валюты – доллара, тоже морально устарела. Так, по словам министра финансов Германии, нынешний кризис возвещает о конце мировой гегемонии США и возникновении многих

полюсов силы. Прежде всего, это Европа, которой, однако (не без влияния США), катастрофически не хватает единства в действиях. Затем – Китай, Япония, Индия. Более тесно координировать свои действия стараются члены Союза Южноамериканских государств, намеренные создать свой парламент континента по образцу Европарламента. Растущими полюсами силы становятся страны Юго-Восточной Азии, арабский мир... Место России в этом ряду уникально. Уступая в объемах экономики Европе, Китаю, Японии, Россия является полюсом силы по своему геополитическому положению, запасам природных ресурсов, наличию мощной транспортной сети, а также промышленности, производящей высокотехнологичную продукцию и научных центров мирового уровня.

В-третьих, и это не менее важно, – экономический кризис сопряжен с кризисом политическим и социальным, а также, что не менее важно, кризисом мировоззренческим. Идея потребления – главная идея капитализма, и экономический кризис, снижающий это потребление, бьет не только «по потребляющему желудку», но и по идее. Капитализм – это вера в справедливость этого строя, критерий ее истинности – экономический успех. Тогда кризис, падение уровня жизни, безработица – не только неприятности, но и удары по мировоззрению, подвергающие сомнению истинность веры.

В-четвертых, «выпустив» кризис в мир, США не только спровоцировали проблемы с межбанковскими платежами по всему миру, но и заставили многие страны искать альтернативу доллару в международных торговых расчетах. Все чаще звучат призывы отказаться от доллара и перейти на расчеты в национальных валютах. Это уже практически осуществлено в Европе. Если вспомнить недавние встречи российских руководителей с их коллегами из стран ШОС, то одним из рассматривавшихся вопросов был переход на взаимные расчеты в национальных валютах. Россия намерена также перейти на торговлю нефтью и газом за рубли. Все это означает одно – мир не намерен и далее оплачивать долги американцев.

В какой степени кризис затронет Россию? Здесь есть основания для оптимизма: 1) российский рынок ценных бумаг относительно невелик и не представляет собою такого гигантского «мыльного пузыря», как в США; 2) отмечаемое «бегство капиталов», выводимых за границу частью иностранных инвесторов, компенсируется государством; 3) можно говорить и о частичной национализации – выкуп государством долей в капиталах пострадавших от кризиса компаний; 4) действия правительства в значительной мере поддерживаются населением: по данным ВЦИОМ, 58% россиян считают национализацию крупных предприятий полезной, а 50% полагают, что целесообразна была бы и национализация банков (эту идею не одобряют 24% респондентов); 5) нефтегазовый сектор экономики дает значительную часть средств, идущих в бюджет страны. Таким образом, у России, при надежном контроле государства за деятельностью банковского сектора и ключевых отраслей промышленности, есть все шансы выйти из кризиса со значительным укреплением своих позиций. В новом, многополярном мире...

В сложившейся обстановке, когда сомнению подвергаются базовые принципы неолиберализма, когда идеи неограниченного эгоистического потребления доказывают свою несостоятельность, нашей стране предоставляется реальный шанс стать носителем и двигателем идеи нового мирового порядка, основанного на присущих русской культуре идеях Справедливости и Добрососедства – как отказе от политики односторонней выгоды, от деления человечества на «избранных» и тех, за чей счет они обеспечивают себе комфортную жизнь, от решения политических и экономических проблем силовыми методами. В многополярном мире с неизбежностью возрастет роль межгосударственных организаций, таких как ООН, и России следует максимально содействовать укреплению их авторитета. Пример СССР был привлекателен для многих стран мира не столько техническими достижениями и военными подвигами советского народа, сколько той идеей справедливого жизнеустройства, которую он пропагандировал своим существованием. И сейчас Россия способна занять достойное место в меняющемся мире,

если окажется способной предложить и воплотить (прежде всего, – на собственном примере) столь же привлекательную для мирового сообщества идею.

Свешникова Н.О. к.пс.н., доцент. Россия: психологические измерения образа будущего.

Современный этап развития человеческого общества с его экономическими, социальными, духовными кризисами, политическими противостояниями и военными конфликтами востребовал и сделал актуальнейшим возрождение научного решения проблемы нравственности, проблемы сознания. Рост агрессии на индивидуальном, групповом, страновом уровне при решении проблем превращает угрозы на уровне риторики в реальность разрушений и деградации. Секуляризация приобретает угрожающие формы, рождая различного вида социальное и политическое сектантство. Все более ярко выступает проблема противоречия между культурой и цивилизацией. В основе ее лежат сложность и динамика развития современного общества, технической среды, социальной, трудовой и интеллектуальной деятельности человека. Отправным пунктом цивилизации является бытие. Отличительная особенность цивилизации – «технологичность». Ценности в цивилизационном аспекте имеют материалистическую основу. Культура – это механизм порождения, передачи, утверждения ценностей. Культура базируется на творчестве, напряжении способностей. Культура всегда уникальна и многообразна, так как в основе своей имеет духовные корни. Культура, рождаясь в сообществах и группах, живет и развивается на индивидуальном уровне. Понять современную Россию – это означает системно исследовать цивилизационные и культурные составляющие. Пришло время собирать камни. Российская научная мысль накопила достаточное и необходимое количество и качество исследовательских результатов цивилизационных и культурных особенностей. Это позволяет перейти к этапу оформления целостного взгляда на развитие Российской цивилизации и ее роль в мировом глобальном процессе.

Ученые различных научных направлений, используя отличные друг от друга концепции, едины в трактовке особой роли России в надвигающихся преобразованиях мировой системы. Стержневой проблемой для исследования является нравственная, духовная составляющая. Сегодня основная интрига перехода из прошлого в будущее такова: кто придет вслед за экономическим человеком, какова личность будущего россиянина.

Мы в нашем исследовании опираемся на идею целостности познания объекта. Идея целостности дополняется идеей эволюции. Это позволяет учитывать не только поперечную дискретность но и продольную непрерывность. Исследование должно вестись не только в плане изучения различий между уровнями организации и этапами ее эволюции, но и выявлять инварианты эволюции, характерные для всех стадий развития. Для психологического анализа российской цивилизации и культуры мы используем следующие составляющие: культура развития, культура воспитания, трудовая культура, культура управления. На территории России сформировался вариант евразийского сообщества, основными составляющими российского коллективного бессознательного являются: всемирное братство, сила и глубина веры, жертвенность (переживание чувства вины). Системообразующими характеристиками актуального состояния России являются нестабильность, коллективизм, централизм, усеченность правовой ответственности и личной инициативы, наличие локальных культур. В настоящее время Россия вплотную подошла к выбору: либо осуществится переход на новый уровень организации, либо неизбежен распад и деградация. При этом она значительно опережает другие государства. С одной стороны, это весьма пессимистический взгляд. Но с другой стороны, настоящее

положение создает предпосылки для принятия действенных мер по прорыву в будущее, к переходу на качественно новый уровень развития.

Психологические знания на данном этапе приобретают первостепенное значение с точки зрения выработки концепции развития. Это, прежде всего, связано с появлением нового типа личности в современной России, что позволяет во главу угла ставить проблему нравственности как основы грядущей цивилизации. Сегодня абсолютно некорректно брать за основу научного обоснования противопоставление различных моделей цивилизации (дихотомия «восток - запад»). Такое противопоставление приводит к пониманию геополитической ситуации как конфликта цивилизации. Россия – и Восток и Запад одновременно и по географическому положению и по культурным основаниям. Феномен России рационализируется, делаются попытки поставить ее в один ряд со странами третьего мира. Для этого используются критерии модернистского подхода: критерии пользы и эффективности, характеристики менталитета, как демаркационной линии между «развитыми своими» и «отсталыми чужими» уже внутри самой России. С точки зрения таких позиций, адекватно оценить состояние России невозможно. Она становится непознаваемой, а следовательно, рассматривается как источник угрозы и нестабильности, как слабая государственная система. Но это лишь плоскостное видение проблемы. Необходим переход от «горизонтали Восток - Запад» к «полюсу Север – Юг». Предлагаемая вертикаль позволяет взглянуть на проблему развития сознания в истории, сделать акцент в исследовательских программах на смыслах и ценностях, проследить историческое становление империи как целого, как сплав культур и территорий. Феноменологически-герменевтический подход к рассмотрению русской цивилизации позволяет обнаружить искомые глубины «русского мировоззрения» и восполнить лакуны психологии гражданственности. Такой подход позволит прогнозировать политический и экономический ход развития. Такой подход позволяет оценить не только своеобразие России, но прежде всего ее потенциал в условиях надвигающихся глобальных изменений. Ведущими в анализе являются категории пространства и времени, претерпевшие значительные изменения. Пространственный принцип: согласие глобального с региональным в праве, социальном устройстве, культурном взаимодействии - зарождение новой эстетики со-бытия. Образ будущего основывается на личностном измерении «прошлое-настоящее-будущее», его ценностном переживании.

Моторин Д.И. к.п.н. Событийный подход к исследованию социально-политических процессов

Проблема политического управления социальными процессами в условиях глобальных изменений в сегодняшнем мире становится как никогда актуальной. Реализация государством функции по управлению общественным развитием до сих пор не является результатом претворения в жизнь научно обоснованных теорий, а определяется талантом, опытом, искусством политиков, управленцев всех звеньев властных структур. Подобная ситуация характерна для государств практически всех типов общественно-политического устройства и принципов организации экономических отношений.

Для политической психологии возможность научного управления обществом, на наш взгляд, может рассматриваться как одна из основных теоретических проблем дисциплины. В качестве одного из подразделов практической системы политической психологии мы предлагаем рассмотреть *труд субъекта политики* как психологический и социальный феномен. При этом основная гипотеза данной работы звучит следующим образом: *эквивалентом труда политика является приращение социальной организации*. В контексте данной работы термин *политический труд* является синонимом термина *политическая деятельность*, предложенного А.И.Юрьевым (А.И.Юрьев, 1992).

Для доказательства данной гипотезы кратко рассмотрим труд как экономический и физический феномен (Конторов Д.С., Михайлов И.В., 1999). Открытый К.Марксом закон прибавочной стоимости может быть проинтерпретирован в свете организации производственной деятельности человека как существа интеллектуального и творческого. Чтобы понять природу прибавочной стоимости труда политического деятеля, необходимо вникнуть в природу труда, и в частности интеллектуальной его компоненты. Часто мы называем трудом как действия гребца в лодке, так и деятельность менеджера, управляющего предприятием или, например, деятельность депутатов ГД РФ. В первом случае это, безусловно, неверно. Люди совершающие любые действия, регламентируемые жестко заданной программой (инструкцией, алгоритмом, генетическим кодом), которую они не в силах изменить, выполняют определенную *работу* (в физическом смысле), эти действия не имеют ничего общего с трудом или целенаправленной деятельностью. Трудовая же деятельность определяется оперативной программой, которую человек формирует силами воображения, представления, интеллекта. Такая программа должна соответствовать конкретным условиям труда и быть прогностичной, учитывая вероятные варианты их изменения. Именно поэтому прибавочная стоимость как результат такого труда сначала представляется, прогнозируется, т.е. формируется на чисто информационном уровне – силой воображения, мыслительными способностями и интеллектом, и только затем тоже силой ума определяются действия, для реализации прогноза в материальной сущности.

Анализируя труд как физический и экономический феномен, можно увидеть что он образует класс процессов, который характеризуется коэффициентом полезного действия (КПД) больше единицы. И действительно, в труде потребляемая энергия меньше той, которая выделяется в среду, т.е. производится процессом. Как экономический феномен, КПД труда исчисляется как отношение выходной стоимости к входной и это отношение также больше единицы. Наконец, как психологический феномен, КПД продуктивного, творческого труда определяется отношением числа удовлетворенных потребностей (сравнительная мера) к затраченным интеллектуальным и психическим силам, для разных видов труда он может быть существенно выше единицы.

Данный феномен объясняется способностью производительного труда перераспределять естественные потоки энергии, организуя их особым образом. Закон «КПД труда больше единицы» в принципе характеризует всякий труд, но четкую количественную оценку, находит в области труда, направленного на производство материальных благ жизнеобеспечения, т.е. производственного труда. Непроизводительный труд (научный, учебный, воинский, и в особенности политический), плохо поддается количественной оценке и может быть оценен лишь качественно или в сравнительной мере. Соответственно, процесс формирования КПД труда в политической сфере чрезвычайно специфичен и сложен. Тем не менее исторический опыт показывает, что именно продукты труда политиков в форме общей организации социальных и экономических процессов могут оказать значительное и долгосрочное влияние на развитие общества. КПД труда субъекта политики зависит от того, насколько конкретная идея о том или ином варианте переустройства общества, изменения общественного строя, перестройки экономических отношений в государстве соответствует форвардным ожиданиям общества, состоянию и готовности к изменениям общественных отношений в конкретный исторический момент.

Зачастую для доказательства преимущества той или иной стратегии развития государства в качестве аргументов приводятся доводы о сходном пути развития стран при близких показателях определенных параметров их описания. Например, одно время среди политологов было модно сравнивать Россию с Бразилией (и в целом, страны группы БРИК между собой) и рассматривать идею о схожести путей их развития только потому, что в них проживает примерно равное число жителей, у них огромные незаселенные территории и большие запасы полезных ископаемых. При этом на основе исторического

опыта развития двух стран делаются выводы о способе действий в другое время, в другой ситуации, в других масштабах.

На наш взгляд, для качественной оценки возможной величины КПД труда субъектов политики необходимо сравнивать развитие стран или регионов имевших общий исторический опыт и сходные базовые показатели, такие как национальный, религиозный состав населения, географическое положение и др. В современной истории есть несколько хорошо известных примеров близких по многим показателям стран, но выбравших совершенно различные курсы политического и экономического развития. Это ГДР и ФРГ после второй мировой войны; Испания и Португалия, примерно в тот же период; Северная и Южная Кореи после противостояния на корейском полуострове; и уже в новейшей истории – Калининградская область РФ и страны Балтии, например, после распада СССР. Гетерохронность развития близких по начальным условиям государств очевидна. Их вероятная причина – в разных по качеству продуктах труда организационных и управленческих структур этих стран. КПД страны в целом как сложноорганизованной системы всегда выше единицы, если социум не стагнирует или не деградирует. По оценкам Конторова Д.С. и Михайлова И.В., значения среднего КПД социума и КПД производящей его части составляют соответственно: 2,6 и 12,1 для развитых стран (таких как ФРГ и Южная Корея); 1,2 и 3,2 для развивающихся стран; 1,9 и 6,3 для России, соответственно. При этом в качестве долгосрочной глобальной тенденции можно отметить неуклонную все убыстряющуюся интеллектуализацию труда, еще больше увеличивающую значение данного коэффициента. Применительно к предмету данной работы, из этих цифр следует, что КПД трудовой деятельности политика может (и должен) быть существенно выше единицы. Анализ приведенных сравнительных оценок позволяет говорить, что численно КПД политика может достигать нескольких единиц!

В производственной сфере прибавочная стоимость (физически – избыточное полезное действие) формируется из-за увеличения «бюджета» используемой энергии посредством управления потоками мощности. В социальной сфере увеличение энергии происходит за счет усложнения организации социальных процессов. Истинный смысл закона о «КПД труда», применительно к сфере политики состоит в умении политика вовлекать в полезный процесс внешние источники энергии, т.е. определенным образом организовывать творческие силы и интеллект других людей, являющихся объектами политического управления. В этом смысле «хороший» закон или управленческое решение – это правило, повышающее организованность социальных структур в регламентируемой сфере. Таким образом, политический труд является процессом высоко негэтропийным, концентрирующим энергию в физическом и социальном пространстве в форме продуктов производства и организации социальных процессов. При этом в качестве операционализируемой меры организации может рассматриваться энерго- и трудосбережение.

В физической теории эволюции систем (В.Эбелинг, А.Энгель, 2001) известен ряд факторов, при наличии которых систему можно отнести к непрерывно эволюционирующей. Практически по всем формальным признакам (а их В.Эбелинг и А.Энгель выделяют более десяти) социально-политические системы можно отнести к сложным, многосвязным, неравновесным, необратимым эволюционирующим системам. Из этого промежуточного вывода следует ряд фундаментальных следствий, не всегда учитываемых при разработке долгосрочных стратегий развития, в частности России. Главным следствием является то, что при управлении такими системами никакое изменение текущего состояния (т.е. настоящего) неспособно избавить от влияния предыстории, которое в большей части никак не проявляется в настоящем. Будущее системы (желательное будущее) через политические формы управления изменяет настоящее, создавая для будущего свою, *ориентированную предысторию*, которая корректирует направляющие функции (в виде конкретных законов, планов и стратегий

развития отдельных подсистем общества) и проявится в наиболее удобный для реализации момент.

Политика влияет на бытие и сознание общества, корректируя и изменяя условия действия законов социума (как физик меняет условия эксперимента). Для политической психологии феномен управляемости социальными системами из прошлого через будущее в настоящем очевидно интересен ввиду опосредованности этих процессов психологическими характеристиками людей, участвующих в реализации всех форм политического взаимодействия – это опережающее реальный темп эволюции социума изменение установок, ценностей, ожиданий (представлений о будущем), устойчивых форм поведения. Такие социально-психологические процессы могут являться «маркерами», признаками зарождения новых устойчивых структурных элементов еще не проявленного в настоящем общества будущего.

Возвращаясь к высказанной нами гипотезе, остановимся на характеристике, общей для любого процесса управления, в том числе и политического. По форме, управление – это обмен информацией между управляющей и управляемой системами. По сути, процесс управления – это упорядочение системы, усложнение ее структуры путем перевода ее подсистем из одного состояния в другое. При этом, поскольку одной из основных задач управления является сохранение качественной определенности системы (человеческое общество должно оставаться «человеческим» во всех смыслах этого слова), упорядочивающее политическое воздействие выступает как приведение социума в соответствие с присущими ему объективными закономерностями и тенденциями, характеризующими эту качественную определенность. Для политического управления это означает, что информационные сигналы, продуцируемые субъектом политики и воспринимаемые обществом должны по содержанию управленческого импульса соответствовать или по крайней мере не противоречить фундаментальным правилам эволюции социума – в данном случае закону усложнения структуры и закону накопления энергии (в любых формах). К сожалению, далеко не все политические управляющие воздействия соответствуют исполнению данных целевых функций, такие сигналы увеличивают энтропию управляемой системы, снижая ее организацию и рассеивая энергию в окружающую социальную среду.

В общем случае энтропия представляет собой величину, характеризующую меру отклонения социальной системы от ее эталонного состояния (Л.Г. Демидова, 1995). Для социальных систем эталонное состояние конечно же не может быть установлено аналитическим путем. Существует множество теорий социального развития, тем не менее оптимальное состояние может быть качественно определено путем широкой общественной дискуссии, исследованием нормативных компонентов наиболее значимых образцов художественного творчества, а также по результатам профессионального экспертного анализа. В рамках данного подхода, высокоэнтропийное информационное сообщение – это сигнал, увеличивающий дезорганизованную сложность управления. Люди, руководствуясь в своей деятельности подобными сигналами попадают в высокоэнтропийные (малоопределенные и рискованные) ситуации. Именно высокая энтропия сигнала (в управленческом смысле) характерна, на наш взгляд, для всех видов контрпродуктивной информации, рассматриваемой в рамках стратегической психологии (А.И. Юрьев, 2006). Это особенно характерно для фальсифицированной, дезориентирующей и дезинтегрирующей информации, так как подобные сигналы, воспринятые объектом управляющего воздействия в свою очередь могут вызывать высокоэнтропийный ответ, и даже цепную реакцию (таков механизм инициации многих биржевых крахов и стихийных народных волнений, например) еще больше снижая общую организацию социальной структуры.

Может показаться странным, что мы отождествляем управленческие информационные сигналы, продуцируемые субъектом политики и простые информационные сообщения, но на наш взгляд, для этого есть основания. Прямое

отношение управления и информации вполне прозрачно – субъект политики в качестве средства управления использует направленные и определенным образом организованные информационные сигналы. Тем не менее, любое информационное сообщение, воспринятое большим числом людей, является с необходимостью и управляющим одновременно. Любое информационное сообщение потенциально несет в себе эмоциональный заряд, побуждение к активности и в любом случае оставляет след в памяти, влияя на установки, интересы, образ мира. По закону больших чисел, малое по абсолютной величине сигнала управленческое воздействие, воспринятое большим числом людей, аккумулируется и влияет на целевые функции поведения определенной части из них.

К сожалению у большинства традиционных аналитических процедур в области психологических исследований «человека политического» существует систематический недостаток, состоящий, на наш взгляд, в факте несоблюдения ими критерия экологической валидности. Это чаще всего проявляется в том, что аналитическая процедура редуцирует предмет политико-психологического исследования до уровня, на котором скачкообразно меняется его качественная специфика. В результате исследования политического мышления, установок, ценностей, поведения некоего субъекта в целом, в отрыве от реального человека, переживающего и погруженного в реальное политическое событие, становится исследованием некой теоретической абстракции, превратно представляющей подлинную реальность психики. Хорошо известно, что экспериментальные данные в политике трудно повторяемы, нестабильны, во многом ситуативны и индивидуальны. Практически нет возможности постановки идеализированных экспериментов, свободных от многочисленных неучтенных влияний среды. Поэтому часто исследования идут путем локализации задач, частных экспериментов и ограничения областей применения результатов. Явный недостаток политико-психологических исследований высокого уровня обобщения требует, на наш взгляд, введения в категориальный аппарат политической психологии новых объяснительных сущностей. Они должны быть способны отразить с одной стороны, психологическую специфику политического субъекта, а с другой, адекватно описывать человека в реальной политической ситуации. В тоже время, такой конструкт должен синтетически включать в себя нижние уровни формализации политических процессов и явлений. Безусловно, объяснительный конструкт высокого уровня обобщения проиграет узконаправленным объяснительным категориям в описании специфики тех или иных явлений, зато он позволит связать существующие концепты с такими свойствами реальных социальных систем, как комплексность, динамичность, неравновесность, необратимость (историчность), влияние предыстории, а также целевых функций их развития.

До введения нового объяснительного конструкта, условимся об обозначении трех исходных понятий. Под *политикой* нами понимается *концентрированное выражение деятельности по управлению* какой-либо из сфер общественных отношений. Договоримся называть совокупность всех субъектов политического взаимодействия (вне зависимости от специфики используемых ими средств труда и их результатов) *политическим макросубъектом*. Совокупность объектов политики, воспринимающих управленческие информационные сигналы и реагирующих на них (вне зависимости от специфики реакции) - *политическим макрообъектом*. Тогда искомый конструкт должен быть способным отразить единичное политическое взаимодействие между *политическим макросубъектом* и *политическим макрообъектом*. В качестве такого конструкта может быть рассмотрено *единичное политическое событие* (или просто *событие*).

Событие - это комплексная функциональная единица, отражающая единичное поведенческое (в широком смысле слова, включающем и субъективированные компоненты поведения) проявление политического субъекта в реальных исторических условиях. Политическое событие (равно как и детерминировано связанные между собой

потоки или конstellляции событий) в рамках данного подхода может рассматриваться и как самостоятельный объект психологического исследования, а также и как мощный аналитический конструкт, позволяющий в рамках единого теоретико-методологического подхода описывать и объяснять особенности сложных реальных процессов политического взаимодействия между различными политическими субъектами современного стремительно эволюционирующего общества.

В качестве исходного источника эмпирических данных для подобного исследования может рассматриваться непрерывный во времени поток сообщений о состоявшихся, происходящих или ожидаемых политических событиях – *событийный поток*. В современном мире при сверхизбыточном развитии средств массовых коммуникаций/информации существует виртуальный аналог, отражающий событийные потоки – информационные ленты многочисленных новостных агентств. Действительно, так как политическое взаимодействие – это концентрированное управленческое действие в какой-либо области общественной жизни, контакт субъекта и объекта политики всегда является событием для дальнейшего функционирования рассматриваемой системы, что, в свою очередь, почти всегда находит отражение в новостных лентах информационных агентств. Если проводить аналогии с функциональным устройством психики, то новостные ленты могут рассматриваться в качестве некоего эквивалента потока сознания общества.

Учитывая очевидную дуалистичность природы события (как фрагмента содержания психической жизни человека, субъективно отграниченного от других ее содержаний единым гештальтом смысла; и как момента объективного процесса изменения физических (социальных) объектов), психолого-политический аспект его описания потенциально открывает интересные возможности к рассмотрению основного вопроса философии. К сожалению формат данной работы не позволяет подробно развернуть данную посылку.

Как объект психологического исследования, на наш взгляд, политическое событие может быть успешно описано с использованием варианта системного подхода, предложенного В.А. Ганzenом (В.А. Ганзен, 1984).

Построение целостной системы политических единиц, достаточной для полного описания специфики данной области социальной реальности, безусловно, дело будущего наук о политике, но применительно к исследованию потоков политических событий можно наметить принципиальные подходы к решению этого вопроса. Сообщение о событии, это всегда взаимное отношение между отправителем и получателем. Любая социально-политическая информация несет на себе след классовых, национальных и иных отношений, отпечаток потребностей, интересов, психологических черт социальной группы, общества, отношения в котором информация отражает и которое пользуется информацией. Поэтому структурно, событийный поток целесообразно описывать, используя три базовых аспекта информационного сообщения, традиционно выделяемых в теории информации.

1. Количественная и структурная сторона, т.е. определение количества информации, соподчинений и отношений между элементами сообщения. Это – метрический и синтаксический аспект информации. Для социально-политической информации данный аспект информационных сообщений может быть количественно оценен путем: а) отнесения сообщения к проявлению одного из четырех видов политического взаимодействия (А.И. Юрьев, 1992); б) временной направленности сообщения (повествовательное, ретроспективное, незавершенное сообщение) и т.д.

2. Содержательная сторона, т.е. определение того, что означают входящие в сообщение символы для принимающей стороны. Два сообщения одинакового объема и одинаковой структуры очевидно могут обладать различной значимостью. Это – семантический аспект информации. Для политически значимой информации содержательная сторона сообщений о событиях может быть оценена такой мерой, как

социальная энтропия сообщения. Эта мера обобщенно отражает разрушение, сохранение или создание новых связей в целостной структуре социума. Интуитивно понятно, что информационные сообщения о пожаре в хранилище редких книг, военных действиях с человеческими жертвами или убийстве харизматического политического деятеля несут энтропию, близкую к максимальной, тогда как сообщение о разработке новой стратегии развития экономики, революционном научном открытии или международном договоре о сотрудничестве являются высоко негэнтропийными сообщениями.

3. Оценочная сторона, т.е. полезность и значимость принятого сообщения. При одной и той же значимости важность и польза сообщения могут зависеть от условий, в которых находится получатель. Это – прагматический аспект информации. Ясно, что для политически значимой информации данный аспект не может быть оценен одной единицей, общей для всех субъектов, воспринявших сообщение. Прагматический аспект может быть оценен экспертными методами с аналитическим разбиением политического макросубъекта на отдельные группы, способные реагировать на определенное сообщение сходным образом (социальные группы с близкими интересами, политическими установками или доходами, например).

При исследовании структуры событийных потоков, могут быть выявлены достаточно большие повторяющиеся *симптомокомплексы событий*. Возможно, на первых этапах исследовательской работы, ввиду очевидной многосвязности и сложноподчиненности политических процессов, гносеологический принцип «причинности» при анализе и интерпретации выявленных взаимозависимостей может быть использован с большими ограничениями. На первом этапе исследований политических событийных потоков, на наш взгляд, целесообразнее было бы применять принцип *функциональной зависимости признаков явлений*, предложенный Э.Махом. Возможно многие выявленные связи могут при этом показаться случайными. Но что такое случайность? Это понятие отражает лишь тот факт, что сегодня нам не известен характер и внутренняя природа многих реально существующих взаимозависимостей. Поэтому такие процессы (и события) нами воспринимаются как случайные, но это вовсе не значит что скрытых закономерностей не существует. Если, например, между наблюдаемым сегодня планированием и подготовкой военной операции США-Израиля в Иране, как симптомокомплексом событий, и ростом числа коррупционных уголовных дел в РФ будет выявлена определенная связь, то это, скорее всего, случайная флуктуация. Но если такая связь будет выявлена, например, с масштабными кризисными процессами в американской экономике, то такую зависимость можно попытаться содержательно описать и проинтерпретировать.

Так как информация является эквивалентом разума (А.И.Юрьев, 2006), то массовая информация (интегральный и континуальный продукт деятельности СМИ/СМК) вполне может рассматриваться в качестве эквивалента социального разума, определенным образом отражая логику реальных связей и взаимовлияний между подсистемами социума. Современным наукам об обществе эта логика до сих пор не вполне ясна, о чем свидетельствуют многочисленные неудачные попытки разработок глобальных прогностических моделей развития цивилизации, как впрочем и реализации долгосрочных стратегий развития отдельных стран и регионов.

Событийный подход к исследованию многосвязной структуры общественных отношений потенциально обладает тем преимуществом, что способен вскрыть закономерности организации длительных рядов событий (имеющих и историческое значение и исторический же масштаб), отражающих динамику эволюционных процессов разной природы. Изложенные теоретико-методологические принципы могли бы стать основой достаточно развернутой исследовательской программы (в значении, который придал этому термину И.Лакатос). А событийный подход в целом, на наш взгляд, обладает значительным описательным, эвристическим, а возможно и объяснительным потенциалом

Жмыриков А.Н. к.п.с.н., доцент. Проективное прогнозирование модели поведения потенциальных избирателей.

Два десятилетия, прошедшие с момента основания первой в России кафедры политической психологии, отмечены значительными достижениями ученых, включенных в естественный исторический эксперимент по коренному изменению политических, экономических и идеологических институтов страны.

На основании концептуальных положений психологии включенности акторов в политику, разработанных создателем и научным руководителем кафедры политической психологии Санкт-Петербургского государственного университета А.И. Юрьевым, его ученики и сторонники предложили новые подходы к диагностике и оптимизации политической активности, политической деятельности и политического поведения.

Одной из наиболее значимых проблем совершенствования развития политической системы России является проблема раннего прогнозирования модели поведения потенциальных избирателей. В ответ на опережающий запрос практиков в российскую политическую действительность была импортирована западная технология социологического прогнозирования модели электорального поведения. Собственно "психологическая" составляющая такой модели ограничивалась индивидуальными параметрами, редуцированными до категоризации по полу и возрасту и параметрами опыта личности, также редуцированного до категоризации по уровню профессионального образования и профессионального статуса. В условиях вековой повторяемости демократических процедур в странах Запада политическое поведение потенциальных избирателей определяется в большей степени менталитетом сложившихся социальных групп. Варианты моделей электорального поведения этих групп изучены и классифицированы. Поэтому технология выявления текущих ожиданий потенциальных избирателей посредством социологического опроса позволяет с высокой степенью надежности прогнозировать модель поведения избирателей при голосовании в "странах устойчивой демократии".

В Российской Федерации, в отличие от Запада, новые демократические традиции только начинают формироваться. При этом процесс их формирования проходит на фоне стремительного изменения политических, экономических и идеологических институтов. В таких условиях доминирующее влияние на поведение потенциальных избирателей оказывают результаты рефлексивной оценки личностью избирателя пространства коммуникативного мира и своего места в нем.

Предложенная нами альтернатива западной технологии прогнозирования модели электорального поведения базируется на концептуальных положениях включенности личности в совместную политическую деятельность (Юрьев А.И., Дейнека О.С., Зимичев А.М., Мезенцев Д.Ф., Шестопал Е.Б.) и теории транскомуникативного потенциала личности (В.И. Кабрин).

Прогноз строится на основании оценивания вариантов электорального поведения личности с конкретным типом психологической включенности в пространство коммуникативного мира.

Метафорой коммуникативного мира (К-мира) в нашей методике является пространство стандартного листа белой бумаги формата А4.

Метафорой позиционирования личности в коммуникативном мире является топографическое расположение проекции образа личности на листе бумаги.

В качестве маркера проекции образа личности использовался рисунок дерева из известного проективного теста К. Коха. Оценивалось расположение двух точек рисунка дерева, психологическое содержание которых аутентично в научных исследованиях авторов, изучавших содержание теста К. Коха в русле разных методологических

подходов. Так, точка "S", представляющая геометрический центр рисунка дерева (лежит на пересечении диагоналей прямоугольной рамки, проведенной через наиболее удаленные верхнюю, нижнюю, правую и левую точки рисунка) являлась метафорой "центра личности", "самости", "Я-реального". Точка "P", расположенная на пересечении горизонтальной линии, отделяющей крону дерева от нижележащего ствола дерева (линия "ствол-крона") с перпендикуляром, восстановленным из середины отрезка, соединяющего крайне-левую и крайне-правую точки корней дерева являлась метафорой рефлексивного образа "заданности" личности коммуникативным миром ("Я такой, каким меня хотели бы видеть в идеале").

Метафорическая проекция образа коммуникативного мира на плоскость двумерного пространства (стандартный лист бумаги) невозможна без выделения горизонтально-вертикальных координат, соотносимых с системообразующими свойствами, задающими "силовое поле" К-мира.

В работах социальных философов, изучающих системогенез общества, в качестве системообразующих часто выделяются следующие взаимодополнительные координаты: Этика – Эстетика; Истина – Польза. Считается, что законы, нормы, ценности, традиции, установленные ритуалы поведения и т.п. показатели "этического" сообщают каждому члену общества информационный и энергетический вектор развития в пространстве. Поскольку член общества является не только объектом, но и субъектом общественного развития, внося личностные вклады в развитие среды, постольку оппозиционным полюсом "этике" принято считать "эстетику", как совокупный результат личностных творческих вкладов в пространственное развитие среды. Если "этика" побуждает личность к нормативному ролевому поведению, то "эстетика" побуждает личность к интеграции нормативных, паранормативных и анормативных элементов культурной среды, творческой их переработке, приводящей к гармонии отношений. При этом подчеркивается, что "гармония" вовсе не всегда означает "красоту". В рамках одних этических ценностей конкретные гармоничные отношения могут признаваться красивыми, элегантными, тогда как в рамках других этических ценностей – вычурными, уродливыми и т.п. Вертикальная координата "Истина-Польза", по мнению социальных философов, отражает процесс информационно-энергетического обмена в обществе во времени. Нижний полюс "Польза" связан с освоением энергии и информации, необходимых для удовлетворения насущных жизненных потребностей, жизнедеятельности "здесь и сейчас". Верхний полюс ("Истина") отражает информационно-энергетический обмен общества с личностью, стремящейся выйти за рамки насущных потребностей в будущее. Порой этот выход мыслится и за рамками физического времени жизни субъекта.

Психологи, осуществляющие научный поиск в рамках коммуникативной парадигмы, показали, что при рассмотрении коммуникативного мира с позиции включенной в него личности, полюс "Этика" рефлексивируется как экстракоммуникативный вектор развития. Полюс "Польза" – как интракоммуникативный вектор, полюс "Эстетика" как интеркоммуникативный вектор, полюс "Истина" – как метакоммуникативный вектор.

Горизонтальная и вертикальная линии, проведенные через центр листа символизируют координаты К-мира и делят пространство листа на четыре квадранта: I- верхний-левый, II- верхний-правый, III- нижний-правый, IV- нижний-левый.

Точки "S" и "P" рисунка дерева будут иметь собственные горизонтальную ("S_x", "P_x") и вертикальную ("S_y", "P_y") координаты, отражающие проекцию точек "S" и "P" соответственно на горизонтальную ("Экстра" - "Интер"- коммуникация) и вертикальную ("Интра" - "Мета" – коммуникация) координаты пространства листа. "Движение" личности в К-мире определяется равнодействующей сил векторов экстра-интра-интер-мета-коммуникации.

В наших предшествующих исследованиях была многократно подтверждена гипотеза В.П. Яшина (первого автора психогометрической интерпретации проективного

теста рисования дерева К. Коха с позиций системно-генетического подхода) о наличии тесной связи между взаимным расположением точек "S" и "P" на рисунке респондента и его реальным поведением в К-мире. При сравнении координат точек "S" и "P" можно обнаружить существование 9-ти вариантов взаимного расположения этих точек в пространстве.

В исследованиях электорального поведения, проводимых нами с 1993 года по настоящее время обнаружено также 9 вариантов соотношения между намерениями потенциальных избирателей, высказанными в ходе социологического опроса, проводимого за 1 месяц до дня голосования и итогом реального поведения в день голосования.

Первый вариант характеризовался совпадением намерения принять участие в голосовании и отдать свой голос партии, которой респондент полностью доверяет, и реальным голосованием за эту партию в день выборов. Второй вариант характеризовался реализацией намерения участвовать в голосовании, но голосованием за партию, которой он частично доверял при первичном опросе. Третий вариант характеризовался реализацией намерения участвовать в голосовании, но реальным голосованием за партию, которой отказывал в доверии при первичном опросе. Четвертый вариант поведения был присущ избирателям, которые при первичном опросе не изъявляли желания участвовать в выборах, однако пришли на избирательные участки и проголосовали за партию, которой полностью доверяли по итогам первичного опроса. Пятый вариант поведения объединял избирателей, изначально не выражавших желания участвовать в голосовании, но явившихся на выборы и проголосовавших за партию, которой частично доверяли в ходе первичного опроса. Шестой вариант поведения был свойственен избирателям, также изначально не выражавших готовности участвовать в голосовании, однако пришедших на выборы и отдавших свой голос в пользу партии, которой они отказывали в доверии при первичном опросе. Седьмой вариант объединял избирателей, выражавших желание участвовать в выборах и голосовать за партию, которой они доверяют, однако не явившихся на выборы. Восьмой вариант описывал избирателей, которые подтвердили свое нежелание участвовать в выборах реальной неявкой на голосование. Наконец, девятый вариант объединял избирателей, не определивших в момент первичного опроса своего отношения к явке на выборы и поддержке какой-либо политической партии.

Предложенная нами методика проективного прогнозирования модели электорального поведения включала задание (нарисовать на чистом листе бумаги формата А4 одно листовое дерево) и анкету для ответов респондента на: а) вопросы, репрезентирующие гендерный, возрастной, образовательный, профессиональный, семейный, экономический, территориальный статусы опрашиваемого; б) вопросы, отражающие осознанные предпочтения респондента в отношении явки на выборы, доверия политическим партиям, намерения голосовать за конкретную политическую партию. Выборочная совокупность потенциальных избирателей обязательно формировалась по территориальному признаку с учетом квот по полу, возрасту, месту жительства (город или сельское поселение), образования.

Результаты осознанных предпочтений респондентов, высказанные в ответах на вопросы анкеты, соотносились с вариантами взаимного расположения "S" и "P" точек рисунков дерева, формируя прогнозную модель голосования. Эта модель подвергалась двойной проверке. Первая (внешняя проверка) осуществлялась при сравнении прогноза с официальными итогами выборов. Вторая (внутренняя проверка) осуществлялась при сравнении прогноза с результатами опроса респондентов на следующий день после выборов. Опрашивались те же самые респонденты, которые принимали участие в первичном опросе (за 1 месяц до дня голосования).

Были выявлены следующие факты.

1. Если точка "S" по своим координатам была расположена ближе от центра листа, чем точка "P" ($S_x - P_x < 0$ и $S_y - P_y < 0$), то респонденты стремились реализовать

свои намерения, высказанные при первичном опросе. На выборах разного уровня (от федеральных до муниципальных выборов) число респондентов, реализовавших свои первичные намерения в отношении явки и голосования за партию, которой они полностью доверяли изначально, колебалось в интервале от 87,6% до 93,2% от числа респондентов с подобными показателями рисунка.

2. Если точка "S" по своим координатам была расположена дальше от центра листа, чем точка "P" (" S_x " - " P_x " > 0 и " S_y " - " P_y " > 0), то респонденты крайне редко реализовывали на практике свои первоначальные намерения. Первичная и вторичная проверки показывали, что лишь около 1,9% респондентов данной группы полностью реализовали свои намерения, да еще около 2,2% реализовали свои первоначальные намерения частично (либо изменили свое решение в отношении явки на выборы, либо изменили свое предпочтение к выбору партии, за которую проголосовали).

3. Если точка "S" по своим координатам полностью совпадает с точкой "P" (" S_x " - " P_x " = 0 и " S_y " - " P_y " = 0), то респонденты, как правило, не участвовали в голосовании, вне зависимости от того, что они декларировали в ответах на вопросы анкеты при первичном опросе.

4. Если точка "S" по координате "Экстра - Интеркоммуникация" располагалась ближе к центру листа, чем точка "P" (" S_x " - " P_x " < 0), а по координате "Интра - Метакоммуникация" дальше (" S_y " - " P_y " > 0), то респонденты мужского пола в возрасте от 30 до 55 лет, проживающие в городе, реализовали свое намерение участвовать в выборах, но голосовали за другую партию (от 58,7% до 62,3% респондентов этой группы голосовали за близкую по имиджу партию, а 18,2 – 19,5% респондентов этой группы голосовали за партию, которой при первоначальном опросе не доверяли). Респонденты мужского пола в возрасте старше 55 лет, проживающие в городе, и респонденты женского пола, проживающие в селе в большинстве случаев участвовали в голосовании и поддерживали партию, которой доверяли изначально.

5. Если точка "S" по координате "Экстра - Интеркоммуникация" располагалась дальше от центра листа, чем точка "P" (" S_x " - " P_x " > 0), а по координате "Интра-Метакоммуникация" ближе к центру (" S_y " - " P_y " < 0), то респонденты мужского пола с высшим образованием, проживающие в сельской местности подтверждали на практике свои первоначальные намерения в подавляющем большинстве случаев (95,3% - 99,7%). В то же время респонденты мужского пола в возрасте от 25 до 35 лет, с высшим и средним профессиональным образованием, проживающие в городе, чаще всего не являлись на избирательные участки, хотя и подтверждали при вторичной проверке свое доверие к одной и той же политической партии. Респонденты мужского пола этих же возрастных групп, имеющие начальное профессиональное образование, либо не имеющие профессионального образования, проживающие как в городе, так и в селе, являлись на выборы и голосовали за партию, которой прежде не доверяли. Респонденты женского пола средних возрастных групп (34-44 года), проживающие в городе, отдавали свои голоса родственным политическим партиям, а респонденты женского пола старших возрастных групп (59-70 лет), проживающие в городе, чаще игнорировали процедуру голосования.

Таким образом, методика проективного прогнозирования модели электорального поведения позволяет за месяц до дня голосования определить реальные перспективы акторов политического процесса при традиционной технологии ведения избирательной кампании. Побочным результатом применения методики является обнаружение ведущих факторов коммуникативной ситуации внутри адресных электоральных групп. Это позволяет целенаправленно корректировать коммуникативную ситуацию посредством адресного применения специальных технологий (технология символического маркирования, технология иероглифического маркирования, технология двойного целеориентированного диалога и т.п.).

3.4. ПСИХОЛОГИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

***Ракитянский Н.М., д.п.с.н., проф.* Глубинные психолого-политические причины доминирования в современном мире западного типа менталитета.**

Политической психологии необходимо рассматривать объект своего исследования на максимально возможных глубинах прошлого и перспективах будущего [1]. В этом плане отечественной политической психологии необходимо не только предугадывать новые горизонты, но искать и находить понимание основ национальной субъектности, ментальной идентичности.

Решение этой задачи предполагает также изучение основ менталитета нашего извечного партнёра-оппонента – исторического Запада. Тем более что некоторые современные авторы спешат предлагать свои рецепты по радикальному изменению «полуазиатского», «всеядного», «агрессивного» и проч. «русского менталитета» [2] по западному эталону, не подозревая, с какой толщей бытия предстоит иметь дело.

В чём причина того, что начиная с XVI столетия, весьма незначительная часть человечества успешно осуществляет по всей планете ментальную экспансию, диктуя свою волю, внедряя свои образы и концепции, культурные и правовые нормы, прививая жизненные стандарты и поведенческие стереотипы, психологические установки и духовные ценности?

Менталитет и вера

Мы исходим из того, что феномен менталитета объясняется культурно-историческим, и, в конечном счете – религиозным происхождением. Так, история менталитета русского этноса обусловлена принятием христианства непосредственно из рук ромейской цивилизации. В.В. Колесов пишет о том, что процесс древнерусской ментализации есть в основе своей перенесение на русскую почву, через славянское слово, основных символов христианской культуры [3]. Любой менталитет развивается на основе веры. Он проявляется в особенностях мышления, чувствования, волеизъявления и различных бессознательных установках людей. Дух народа, его религия являются, говоря словами А.А. Ухтомского, доминантой этнического менталитета [4].

Феномен веры как априорная форма познания и понимания материальной и метафизической реальности всегда был и будет одним из самых глубинных оснований менталитета. Вера, в качестве базисной психической функции, выступает своего рода стержнем, на который нанизывается вся структура национального менталитета.

Вера формирует смыслообразующие устремления человека, вектор мышления и воли, которые программируют его жизнь и деятельность, его воззрения, намерения и поступки. Вера определяет первичную систему знаний, структуру ментальной матрицы, наполняет её содержание. Более того, вера обуславливает и характер политической власти целой страны, особенности системы права, её экономической уклад, нравственность, духовность, саму жизнь и судьбу народов, государств, каждого отдельного человека [5].

Говоря о том или ином национальном менталитете, мы утверждаем, что в первую очередь он является религиозным менталитетом. В отличие от собственно национального менталитета, монотеистический менталитет содержит в себе всеобщие, универсальные установки. Так, в самом определении «русский» не содержится необходимых этических требований по отношению к другим национальностям, и наоборот. Но в определении «православный» подразумевается соблюдение неизменных этических норм – запрет обмана, воровства, убийства и т.д. по отношению к представителям всех конфессий и всех национальностей. Менталитет включает в себя все устойчивые характеристики

преобладающих установок мышления, воли и бессознательного, а также устойчивые поведенческие характеристики, свойственные *религиозным* и *секулярным* группам, которые определяются преобладающим в них вероисповеданием [6].

В России психологические установки православия свойственны не только религиозным людям, а, что весьма важно, большинству светских, мирских групп граждан. То обстоятельство, что многие десятки поколений наших непосредственных предков в своей жизни ориентировались на одни и те же высшие ценности веры, а затем и руководствовались ими, неизбежно сказалось на внутренней жизни или психике последующих поколений. Догматы православия стали фундаментом русского национального менталитета, который определил не только культурно-историческое своеобразие России, но и направление её политического развития.

Центральным и основополагающим содержанием религии выступает единый и трансцендентный Бог и Его правильное исповедание, выраженное в определенной форме, обозначенной догматически, непрерываемо и всеобще. Православие, католичество, протестантизм, ислам, иудаизм представляют собой такие формы исповедания единого Бога, которые и являются системными началами соответствующих ментальных типов. Каждый из таких менталитетов полагает свои установки веры непрерываемыми, абсолютными и не имеющими никаких границ в земном мире. Исходным пунктом, основанием и критерием исповедания служит принятие Божественного Откровения, содержащее в себе положения, которые не могут быть получены в процессе естественного мышления человека, но апеллирующие непосредственно к его *вере*.

Таким образом, все монотеистические религии, являясь системообразующим началом соответствующих менталитетов, содержат кардинально различие структуры всеобщей веры, опираются на разные тексты Откровения, по-разному понимают и трактуют догматические основания своей веры. Так, иудаизм, например, отрицает текст Нового Завета, ислам опирается на текст Корана.

Вера и догмат

Если определить, чем религиозная установка психологически отличается от всех других установок, то это отличие сводится к общему для всех религий некогнитивному психическому феномену, а именно к *вере*. В христианстве вера определяется известным утверждением Апостола Павла: «Вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом... Верую познаём, что веки устроены словом Божиим, так что из невидимого произошло видимое» [Евр. 11:1]. В монотеизме предмет веры выступает ценностью высшего порядка, и этот предмет находится вне природы, он трансцендентен.

Психологически религиозная *вера* имеет свою *структуру*. Эта *структура*, будучи неизменной в веках, имеет для масс людей всеобщий характер и выражена она понятием *догмата*. Именно догмат раскрывает те самые «невидимые вещи», как предметы для всеобщего и необходимого исповедания. Догматически определяемая структура веры раскрывает внутреннюю предметность менталитета. Именно к ней сводятся самые существенные различия, которые позволяют отличить один менталитет от другого.

Религиозный аспект менталитета не сходен, с национальным аспектом менталитета не только границами своего распространения, но и своей внутренней структурой. Различные религии охватывают самые различные народы и расы. Так, все представители определённого типа менталитета в контексте христианской цивилизации, *верующие* и *неверующие*, непосредственно соотносят себя с общими ценностями, традициями, правилами, нормами и стандартами, независимо от своего языка, национальной или расовой принадлежности.

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что любой менталитет *догматически* утверждается через *веру* и его основание не определяется ни через что иное.

Догматические основания менталитета

Многие поколения людей различного социального статуса, – правители, элитные группы, обыватели и др. ориентировались на *догматические* основания жизни. Это

обстоятельство уже к концу XX века проявилось в факте радикального преобразовании природной и социальной среды на планете, всего уклада жизни масс людей. Их психика или внутренняя жизнь в столь длительном процессе тоже не могла остаться незатронутой.

В нашей стране на протяжении десятилетий формировалась жёсткая отрицательная установка к понятиям «догма», «догмат» и «догматика». Современное сознание воспринимает эти слова крайне негативно как олицетворение некой архаичной, окаменелой и заскорузлой церковной системы, которая состоит из сплошных ограничений и запретов, «мешает свободному развитию» личности. Секулярное общество это очень не любит. Одно слово – догма (от др.-греч. *δογματίζω* — «мнение», «общее убеждение», «постановление», «утверждение») зачастую вызывает реакцию как минимум в форме настороженности и раздражения.

Но мало кто знает, что религиозные догматы говорят только о Боге. В христианстве, самой догматической религии мира, не существует догматов, которые регламентируют повседневное поведение человека или говорят о том, какой должна быть культура, право, наука, экономика или политический строй. Чтобы в этом убедиться, достаточно ознакомиться с Символом Веры. Он содержит краткое и точное догматическое изложение сущности христианского вероучения, которое выражено словесной формулой. По объёму Символ Веры уместается на одной странице текста [7]. Каждый человек, принявший христианство обязан эти положения знать, принимать и исповедовать, независимо от своих мнений и переживаний, чтобы по праву причислять себя к составу Церкви.

Христианство по своей догматической сути, как и любой монотеизм теоцентрично, оно не допускает никакого произвольного истолкования своих догматов. В других монотеистических религиях нет такого краткого и точного символа веры — *ортодоксии* (от греч. *orthos* и *doxa* — «правильное мнение или мышление»), но есть развёрнутый свод обязательных нормативных действий, правил, ритуалов и обрядов — *ортопраксия* (от греч. *orthos* и *praktikos* — «правильное делание»).

Для большинства религий характерен акцент на ортопраксии. Так, мусульманин в первую очередь должен соблюдать законы шариата (от араб. *шариа*: правильный путь к цели). Иудей должен следовать предписаниям своего Закона в толковании мудрецов и раввинов. В иудаизме, например, представление о Боге и о других предметах веры конкретно не выражены, и каждый последователь иудаизма может верить, как хочет. Но, вместе с тем, его жизнь и поведение жёстко регламентированы.

Догматическое богословие следует за важнейшими и всеобщими необходимыми положениями Божественного Откровения, которые сформулированы Церковью на Вселенских Соборах. Именно этими основоположениями или принципами, а не частными мнениями, должна определяться вера каждого человека. Секулярное же понимание догмата как некоего запрета, наложенного на мысль, неверно в том отношении, что догмат вообще изначально не затрагивает те положения, которые находятся в сфере нашей повседневной мысли. Догмат формирует структуру *внеприродного* [8], *сверхсознательного* феномена [9], т.е. массовой *веры*, которая и является основой менталитета.

Исключительную значимость *догматического принципа* для развития культурной, научной, практической и других видов деятельности христианской цивилизации в отличие от других цивилизаций показал В.В. Можаровский. Он определял *догмат* как *установки веры*, которые утверждаются как всеобщие для всего исповедания, а также такие установки, которые не могут быть выведены с помощью мышления. Иначе догмат оказался бы излишним и мог бы быть заменен положениями наличной логики.

Первая часть определения показывает отличие различных догматических установок веры внутри монотеизма, вторая его часть показывает несводимость базисной установки догматической веры к естественному языческому типу мышления [10].

Здесь мы делаем акцент на том, что догматы выражают конечный смысл существования человека, вводя его в строгий, обязательный для всех порядок взаимодействия с окружающим миром, который определяется не самим миром, а предзаданной догматической формулой, содержащей обетование абсолютного Бога.

Итак, догматические системы исповедания, повествуя только о Боге, в течение двух тысячелетий служат основанием менталитета, средоточием высших ценностей каждого человека, принимающего эти догматы. Само догматическое мышление как матрица или некая предзаданная структура, объединяла *религиозные*, а впоследствии и *секулярные* массы людей, которые жили в контексте преобладающего, или длительное время преобладавшего вероисповедания как в некой гравитационной системе.

Догматическое мышление непреложно воспроизводилось в ментальных особенностях обыденной и общественной жизни, во всех сферах знания, образования, права, науки, философии, культуры, экономической и политической деятельности. Понятия, ценности, нормы, традиции, установки, стереотипы в результате этого процесса со временем стали неотъемлемой частью не только сознания, но и других — подсознательных, а также внеприродных или сверхсознательных — компонентов психики *верующих* и *неверующих* людей.

Ментальные особенности из поколения в поколение возобновляются и утверждают их носителями — субъектами менталитета как нечто само собой разумеющееся, не требующее каких-либо объяснений, доказательств и обоснований.

Западный менталитет и субменталитеты

В современном мире доминирующая форма мышления представлена западным типом менталитета. Он выражает собой *неизменяемые* веками и *непререкаемые* в своих проявлениях сугубо *догматические* установки мышления, *воли*, *бессознательного* и *веры*, как *феномена сверхсознания*. Эти установки исторически формировались на массовом уровне в западном цивилизационном пространстве. Они непосредственно связаны с доминирующим и длительное время преобладающим в западной культуре исповеданием — христианством, которое стало единым догматическим основанием западного менталитета. Предельная догматичность современного западного менталитета, которая для большинства людей является практически невидимой, неразличимой и непонятной, проявляется в политике, экономике, культуре в требованиях либерального обустройства глобального миропорядка.

Здесь мы сделаем весьма важное замечание. Отличительные черты западного менталитета характеризуется, во-первых, его *унифицированностью* или *всеобщностью*. Эти особенности предполагают принятие представителями менталитета неких всеобщих для всех постулатов. Обусловлено это тем, что исповедание догмата в монотеизме выдвигалось в непререкаемой и общеобязательной форме, а потому было усвоено подавляющим большинством.

Во-вторых — это *непреклонность* и *бескомпромисскость* в отстаивании своих позиций. Поскольку Бог исповедуется в монотеизме трансцендентным, а весь земной мир полагается сотворенным Им, постольку монотеистами мир и природа воспринимаются заведомо *проницаемыми*. Ничто не может быть препятствием отстаиваемой ими абсолютной истине и связанных с нею правовых, этических и социальных норм.

Третья характеристика вытекает из второй. Она означает ориентацию выразителей догматического менталитета на ценности, *превышающие природный порядок* действительности, т.е. её изначальная *неестественность*. Это объясняется тем, что сам источник ценностей в аспекте этой ментальности находится вне природы. Следовательно, все, что с ним наиболее тесно связано, а это в первую очередь человек как объект Боговоплощения и божественные заповеди, имеют уже не ситуативное значение. Напротив, сам человек и его обетования ценны сами по себе. Поэтому они могут и должны при необходимости изменить природный порядок согласно базисной ментальной установке [11].

В Западной Европе XIII – XIV веков в сфере инструментального богословия получили развитие три богословские системы, которые впоследствии сформировали установки веры, которые пронизывали собой всё позитивное знание, этику и бессознательное. Они полностью сохранились до настоящего времени. Эти богословские системы стали догматическим основанием трёх западных субменталитетов.

Первая из этих систем — ортодоксально-католическая. Будучи исторически первой, в позднем Средневековье она была связана с трансцендентальным методом инструментального богословия. Этот метод во всей полноте представлен в учении философа и теолога, доминиканского монаха Фомы Аквинского (лат. *Thomas Aquinas*, итал. *Tommaso d'Aquino*) (1225 – 1274), основателя томизма. Аквинат придерживался позиции умеренного *реализма*, считая, что чем выше духовность, тем выше степень познания. Он утверждал, что во взаимоотношении двух высших способностей человека — мышления и воли, приоритет принадлежит *мышлению*, поскольку воля с необходимостью следует интеллекту, представляющего для неё то или иное сущее, как благое [12].

Вторая система – континентально-протестантская, которая впоследствии, во времена Реформации вступила в непримиримый конфликт с католичеством. Она определялась имманентным методом постижения христианских догматов, характерным для богословия немецких мистиков. Основателем этого направления является немецкий теолог и философ, член доминиканского ордена, один из крупнейших христианских мистиков Майстер (Иоган) Экхарт (*Eckhart, Johannes*) (ок. 1260 – ок. 1328). По концепции Экхарта, человек способен познать Бога, поскольку в человеческой душе есть «божественная искорка», частица Божества. Божественное бытие есть знание, и *мышление* есть бытие Бога. Поэтому *мышление* обладает божественной природой и в нём раскрывается сам Бог. Блаженство зависит от внутренней самодеятельности человека.

Экхарт в отличие от Аквината и, тем более, в отличие от В.Оккама, придерживался позиции крайнего *реализма*. Он сформулировал такое отношение к таинству Церкви, которое допускает его *реальность* вне церковной иерархии. От всех предшествующих католических богословских школ Экхарта отличает догматический *антропоцентризм*, сформированный авторской интерпретацией основных христианских постулатов. Через двести лет М. Лютер сделает идеи Экхарта знаменем континентального протестантизма. Впоследствии идеи Экхарта оказали интеллектуальное влияние на И. Канта, Г. Гегеля, Ф. Ницше, К.Г. Юнга [13].

Третья богословская система — это английский *номинализм* или *терминизм*, представленный трансцендентным методом подхода к догматике. Наиболее ярко он выражен богословием раннего предшественника Реформации Вильяма (Вильгельма) Оккама (англ. *William of Ockham*) (ок. 1285 – 1349), английского философа, францисканского монаха из Оккама. Он считается одним из отцов современной эпистемологии и современной философии в целом, а также одним из величайших логиков всех времен. Номинализм Оккама признавал существование только индивидуальных вещей, а не общих понятий (универсалий). Оккам был скептичен к метафизике и содействовал развитию эмпиризма.

Первое и главное положение номиналистов — это утверждение об абсолютной непознаваемости ключевых догматов христианства. Оккам считал, что догматы есть сверхразумные постулаты, относящиеся не к разуму, а к вере и *воле*. И как следствие этого в его концепции *воля* обладает безусловным приоритетом перед *разумом*. По его учению абсолютная свобода Божественной воли означает, что в акте творения она не связана ничем, даже идеями. Так называемые идеи суть не что иное, как сами вещи, производимые Богом. Нет идей видов, есть только идеи индивидов, поскольку индивиды – единственная реальность, существующая вне ума, как Божественного, так и человеческого. Исходным пунктом познания мира является знание об индивидах.

Этико-социальная доктрина У. Оккама представляла собой *индивидуалистическую* концепцию общества и морали человека. Реформация активно использовала идеи Оккама

в борьбе с католической церковью, на него ссылался М. Лютер, его труды по логике и философии оказали влияние на великих эмпириков — Ф. Бэкона, Дж. Локка, Д. Юма [14].

Таким образом, три доминирующие богословские системы Запада в их редуцированном виде формировали у масс людей в различных частях Европы *догматический* взгляд на внешний мир, на природу человека и на его роль в этом мире. На трёх метафизических основаниях образовались устойчивые субменталитеты внутри общего догматического менталитета. Это обстоятельство со временем повлекло за собой реальный раскол западного менталитета на католичество и две формы протестантизма — континентальный и английский протестантизм. Последний, генетически связанный с английским номинализмом, тотально определяет современный миропорядок и главенствующие в нём догматически утверждаемые ценности.

Реализм и номинализм

Эти понятия, известные со времён Античности, получили своё развитие в средневековой традиции христианского образования VIII-IX вв. Впоследствии они стали определять не только стратегии понимания мироздания и способы взаимодействия с действительностью, но и весьма существенные ментальные отличия.

С точки зрения христианского реализма общие понятия или универсалии (лат. *universalia sunt realia*) имеют реальное существование и предшествуют существованию единичных вещей. Такой реализм с другой точки зрения называется идеализмом. Платон в своём учении об идеях впервые дал решение философских проблем в реалистическом духе. Впоследствии реалисты всех времён видят в Платоне своего учителя, для которого понятие, то есть общее, составляет истинное бытие. Последняя общеизвестная крупная философская система, основанная на идее реализма, принадлежит Г. Гегелю.

У реалистов именование выступает в качестве основного акта познания. Ум и есть «словесная сила души». *Познать — значит выразить в слове подлинно сущее*, а не мнимое или кажущееся. Правильно определить вещь — значит почти разгадать ее природу [15]. Слово понимается как мост между земным и небесным. Слово содержит в себе весь мир, и *весь мир постигается именно в слове*. Задача мыслителя и состоит в поиске этого верного слова. Сущность вещи понимается как ее имя, а имя — как ключ к сущности [16].

Зрелый реализм, пишет А.М. Камчатнов [17], можно выразить формулой: *имя есть вещь, но вещь не есть имя*. Для раннего реализма имя есть вещь, то есть, инструмент её объявления и осознания. Для зрелого реализма, который знает уже и вторую часть формулы — ... но вещь не есть имя, — имя становится символом, который становится не только орудием объявления и осознания вещи, но и орудием познания все новых и новых вещей. У реалистов *слово есть выразитель сущности предмета*, онтологически с ним связанный. Познание есть глубинное приобщение к сущности познаваемого и одновременно выражение его в слове. Всякая вещь имеет свое имя. Безымянная вещь просто не существует. *Познание есть толкование*. Человек от Бога получил способность видеть и постигать мир «как он есть». В своем знании он приобщается не к субъективному представлению о мире, а к реально сущему, сотворенному самим Богом. В этом отражается богоподобие человека. Согласно Библии, акт творения мира начинается божественным словом: «В начале было Слово» [Ин.1:1]. Акт творения — это акт именованья. Создавая мир, Бог выступает одновременно как установитель имен.

Оппоненты реализма, номиналисты, по мнению А.Ф. Лосева, выдвинули то новое учение, которое не без трудностей усваивается человеком, изучающим философию и вдруг сталкивающимся с такой предметностью, которая не есть ни утверждение бытия, ни его отрицание [18]. Номиналисты считали понятия лишь именами. Реально существуют только отдельные вещи с их индивидуальными качествами. Общие понятия, создаваемые нашим мышлением об этих вещах, не только не существуют независимо от вещей, но даже не отражают их свойств и качеств. Универсалии были представлены в номинализме

только как имена или слова, которые разум сам подбирает и даёт вещам по их сходству и принадлежности определённым группам – родам и видам.

С точки зрения представителей крайнего номинализма, реально существуют только единичные вещи материального мира. Общие *понятия* – есть не более чем имена (лат. *nomina*), понимаемые к тому же не как единство плана выражения и плана содержания, но всего *лишь как дуновения голоса* (лат. *flatus vocis*). При таком подходе, когда *единственной реальностью признается реальность эмпирическая*, разговор об идеальных сущностях теряет смысл.

В номиналистической системе координат *слово ничего собой не представляет*, кроме условного знака. *Реально существуют только единично чувственно воспринимаемые вещи*. Номинализм, выраженный богословской концепцией В. Оккама, отличался крайне светским характером, именно он впервые отделил искусство от религии и сделал эстетический предмет самостоятельным и оригинальным.

Номинализм как религиозная доктрина практически разделил теологию и философию, веру и науку. Он стал *догматической*, идейной и философской основой эмпиризма, позитивизма, прагматизма, индивидуализма, современной демократии и либерализма. По мнению самого К. Маркса номинализм в Средние века выступал «первым выражением материализма» [19].

Итак, реалистическая идея исходит из слова и ищет зависимость между идеей и вещью. Номиналистическая концепция исходит от вещи и пытается связать понятие со словом. Реалистическая и номиналистическая богословские системы стали *догматическими* основаниями формирования различных типов менталитетов. Из этого следуют важные для нашего предмета, заявленного в названии настоящей статьи, выводы.

Психологические различия и единство западных субменталитетов

Формирование и развитие в западном догматическом мышлении трех главных и относительно автономных друг от друга субменталитетов имеет свои истоки в начале XI века. Тогда догмат о *filioque* был впервые присоединён к Символу Веры в Риме на коронации германского императора Генриха II при папе Бенедикте VIII. Этот момент принято считать окончательным его введением в корпус догматов Римской Церкви. Сам раскол состоялся много позже и в значительной мере по причине различных трактовок *filioque*, которые были приняты западным христианством [20].

В каждом из трёх субменталитетов в течение веков были сформированы устойчивые *антропоцентрические* интенции, которые в значительной мере определялись *индивидуализмом* Возрождения. Они обусловлены самой структурой веры, которая выражена в формуле западного догмата. Вместе с тем в реалистических менталитетах — католическом и континентально-протестантском, положения веры тесно связаны с *сознанием*, а средоточием антропоцентрической установки выступают, соответственно, *разум и мышление*.

В номинализме же, где *мышление* и *вера* принципиально разводятся между собой, средоточием антропоцентрической установки выступает *воля*, как психологический феномен, который в отличие от других, наиболее тесно связан с положениями веры. Таким образом, акцент был кардинально смещён на *поведение*, которое жёстко регламентируется заповедью и, как следствие — законом, моралью и этикой [21].

Это разделение, конечно, не означает, что субъекты реалистического менталитета безвольны и безнравственны, а субъекты номиналистического менталитета — неразумны. Естественно, речь идет о ментальных доминантах, и конкретно о том, что считается субстанциальным началом человека: *разум* или *воля*, *мышление* или *поведение*.

Для английского номинализма разум изначально несубстанциален, т.е. он не является первоосновой бытия. Никакое абстрактное познание или отвлеченная система мысли не обладают в структуре этого менталитета самостоятельной ценностью. Но всякое *знание* вообще может быть ценным только как адекватная и *полезная в обслуживании*

интересов воли информация. Это принципиально новая в истории человечества ментальная установка.

Так, для богословов реализма и философов континентальной Европы, опиравшихся на их учение, мышление соотносилось со сферой божественного. Для их древних предшественников – языческих мудрецов, восточных гуру, шаманов, колдунов и пр., мышление соотносилось с космосом, солнцем, планетами, наконец, с духами земли, огня, воды, леса и проч. Но в номинализме *мышление* изначально полагается в качестве чего-то вторичного, что *обслуживает мотивы индивидуальной воли* и не более того. Таким образом, воля, обусловленная религиозной этикой номинализма, приобретает в контексте этого менталитета по-новому значимый и в итоге доминантный религиозный смысл.

Например, люди Средневековья и Ренессанса, которые находились в ментальной культуре преобладавшего тогда реализма, насколько можно об этом сейчас судить, были терпимы в своих нравственных оценках суровой действительности той эпохи. Но это не мешало им сознавать себя искренне верующими христианами. Нравственной доминантой для этого типа менталитета выступало соблюдение церковных таинств — исповеди, покаяния и причастия, которые примиряли человека с его необходимо греховным существованием в мире.

Безусловное утверждение примата религиозной нравственности как конечной значимости христианской веры впервые было сформулировано номинализмом, который претендовал на то, чтобы сделать это направление доминантным в христианстве. Именно этика стала регламентировать у пуритан и других протестантов всю жизнь человека, со всей очевидностью соотносясь с иудаизмом, где поведение в значительной мере определено заповедью и законом.

Три концептуальные установки западно-христианского богословия вступили в противоречие между собой именно потому, что каждая из них выражала догматическую точку зрения, и потому притязала на абсолютность и всеобщность своих положений. В Европе эпоха религиозных войн сменилась эпохой интеллектуального противостояния и борьбой за утверждение своих ценностей как единственных правомерных и непререкаемых.

В конфликтном взаимодействии трёх ментальных экспансий, номинализм оказался наиболее прочным, жизнеспособным и, опираясь на примат воли, наиболее экспансивным. Его главные отличительные характеристики — это догматически детерминированный *волюнтаризм* и этическая *нетерпимость* ко всем прочим, несходным типам политического поведения.

Со временем богословские установки реализма по разным причинам утрачивали свои догматические основания на уровне государственной политики стран континентальной Европы. Самые крупные из них прошли болезненные процессы внутренней дезинтеграции, что влекло за собой модификацию и разрушение ментальности и, как следствие, самостоятельной политики, которая изначально предполагала утверждение своих непререкаемых систем ценностей.

Так, первой в конце XVIII в. пала Франция. Будучи самой крупной и мощной страной католического мира, она пережила катастрофу в результате атеистической революции, идейными вдохновителями которой были французские просветители, энциклопедисты и атеисты [22].

Полтора столетия спустя, крупнейшее государство континентального протестантизма — Германия, поддавшаяся соблазну саморазрушения через отказ от христианства и принятие неоязычества в лице фашизма, была разгромлена Советским Союзом, руководители которого во время войны в известной мере опирались на православные ценности [23]. Усвоив уроки прошлого, Германия, одна из немногих стран послевоенного мира, стала позитивно решать проблему реставрации христианских ценностей, что позволило ей стать политическим и экономическим лидером современной

Западной Европы. Вместе с тем, она до сих пор не в силах противостоять номиналистической ментальной экспансии своего союзника – США.

По тем же причинам трагедия не обошла и Российскую империю как безусловного центра политики в православии, представляющем собой, хотя и догматически иную, но форму христианского реализма. Впоследствии разрушения в СССР православного догматического исповедания на протяжении десятилетий не могло в итоге не вызвать и деструкцию как советской государственности, так и всего общества. Атеистическое руководство страны было в принципе не способно сформировать духовный иммунитет у советского народа против «идеологической диверсии» и информационной войны со стороны догматической экспансии Запада. К началу «перестройки» большинство населения Советского Союза было заражено потребительскими установками. Постсоветская Россия под водительством, говоря словами известного писателя, «маньяков демократии» и идолов либерализма не получив от них внятных и позитивных трансцендентальных догматических установок, продолжает деградировать в духовном плане под аккомпанемент бесплодных разговоров о поиске «национальной идеи».

В каждом из новообразованных в XIX-XX вв. субменталитетов, по словам В. Можаровского формировались новые установки мышления, в которых развивались уже отличные друг от друга *догмы атеизма*. Это — католический атеизм во Франции, соборный и догматический атеизм в Советской России. В Англии и США начиналось развитие законнорожденного детища номинализма — индивидуалистического атеизма.

К концу XX- началу XXI века сложилась новая конфигурация геополитических ментальных противоречий. В современном мире при всём многообразии государств действует весьма ограниченное количество ментально единых политических субъектов, которые представлены группами и блоками стран. Они выражают свои интересы, ценностные ориентации и преследуют свои цели. Политика государств, союзов и блоков, проявляется и реализуется в различных стратегических интенциях, опираясь на глубинные основания менталитета, который складывался в течение как минимум двух тысячелетий под воздействием догматических систем.

Единство веры как базисной религиозной установки обуславливает собой *единство геополитического образования*, с ней связанного. Например, с западно-христианской догматической установкой связано единство НАТО, ЕЭС и других геополитических структур в этом менталитете. Применительно к рассматриваемым менталитетам геополитическое единство не обязательно должно быть представлено реальным государством или территорией. Об этом можно судить на примере иудаизма, который в течение тысячелетий, не имея независимого государства, сохранял свою устойчивость и самостоятельное политическое существование, благодаря неизменной базисной религиозно-ментальной установке.

Таким образом, три богословские школы позднего Средневековья выражают непререкаемые и общеобязательные установки мышления, сохранившиеся до нашего времени. Но, несмотря на свои противоречия, они связаны, тем не менее, с одним общим христианским догматом и образованным им единым религиозным менталитетом, который, в свою очередь, определяет их политику и характер ментальной экспансии.

Номинализм – догматическая основа и практика англо-американской ментальной экспансии

IN GOD WE TRUST.

ONE DOLLAR.

Феномен веры в системе монотеизма всегда выступал как особое измерение власти. К сожалению, далеко не всегда в том позитивном значении, о чём пишет П.А. Сапронов [24]. Все монотеистические религии экспансивны по своей сути. Христианство не является исключением. «*И сказал им: идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари*» [Мар.16:15].

Проблема в том, как субъект того или иного христианского менталитета трактует и осуществляет эту заповедь. Номинализм в настоящее время, безусловно, остаётся самой доминантной и агрессивной религиозной системой в мире. Она обязана своим происхождением только монотеистическим постулатам и определённому инструментальному методу их постижения. Номиналистический принцип определил установку догматического мышления огромной части Западного мира – Англии, Канады, Австралии, Новой Зеландии и пр. при лидирующей и экспансионистской роли США [25].

Поскольку в системе номинализма вера непосредственно ориентирована на волю и мораль, а не на сознание, постольку основные положения веры формируют здесь устойчивый религиозный *волютаризм*, отчасти, как и в иудаизме, центром которого так же выступает заповедь, апеллирующая, прежде всего к практическому разуму [26]. Это два наиболее религиозно *волютаристических* менталитета. Причем под волей здесь понимается её практический позитивный момент, включающий в себя, прежде всего, совершенно уникальную систему права, гражданские свободы, либерализм, индивидуализм, прагматизм, личный успех и т.д.

В XIX веке христианские страны, по преобладающему в них менталитету, подчинили себе практически всю планету, «просвещали» и «цивилизывали» буквально все иные народы. Вместе с тем, политическая неоднородность существовавшего тогда мирового порядка определялась особенностями самих христианских менталитетов и субменталитетов. Каждый из них отстаивал в политике свои собственные принципы и установки.

По мере подрыва внутренних догматических оснований веры посредством революций, войн и глобального противостояния систем, такие лидеры своего времени как католическая Франция, континентально-протестантская Германия и православная Россия были ментально дезинтегрированы. В результате они утратили былой политический статус. В XX столетии это положило начало процессу безудержной и агрессивной англо-американской ментальной экспансии. Позже её политкорректно назовут глобализацией, проводимой теперь уже во главе с США на основании истин *а ргіогі*, которые исповедуются как абсолютные, непререкаемые и, главное – не требующих никаких доказательств.

Если рассматривать ценности американского правящего класса в политическом контексте принципа номинализма, то выявляется чёткая догматическая структура, не допускающая никаких сомнений или компромиссов. Номинализм как базисная ментальная установка стал фундаментом, на котором произрастали и развивались такие социальные и политические феномены как либерально-демократическое общественное устройство, рыночная экономика, протестантская этика, эмпирическая наука, права человека, установка на знание как информацию и т.д.

В отличие от дореволюционной России, где имперской основой были самодержавие, православие и народность, американская ментальная триада базируется на либеральных ценностях, религиозном протестантском мессионизме и рыночной экономике. Операторы власти однополярного мира и элита «золотого миллиарда» утверждают эти ценности в процессе глобализации в качестве общеобязательных требований и неотъемлемых условий своего могущества. Действуют они, говоря словами А.С. Панарина, в духе мессианской самоуверенности, догматически-репрессивными, тоталитарными методами [27]. Они не останавливаются перед угрозой применения военной силы и собственно её применением. Достаточно вспомнить о ядерной бомбардировке Хиросимы и Нагасаки в августе 1945 г., о трёх миллионах вьетнамцев, погибших в результате американской агрессии в 60-е – 70-е годы XX в., о многочисленных государственных переворотах, организованных спецслужбами США, наконец, о бомбардировках Югославии и т.д. и т.п.

Важной особенностью современного этапа ментальной экспансии является встраивание американских спецслужб в систему наращивания американской «мягкой

силы» (*soft power*). Об этом пишут многие исследователи, которые обращаются к проблемам имперских проектов США [28]. Дж. Най, председатель Национального разведывательного совета в администрации У. Клинтона, предложил ёмкое определение: «мягкая власть Америки – это способность заставлять других хотеть того, что хочет Америка» [29].

Ясно, что *способность заставлять* не может реализовываться без использования уникальных возможностей спецслужб. При этом актуализируется тема скрытого участия американской разведки в деятельности многочисленных исследовательских, культурно-просветительских и образовательных центров по всему миру, проведения агентурной работы в информационных проектах, инспирирования публикаций в прессе и материалов телевидения, создания негласных структур в области распространения книг и видеоматериалов и многих других областях. Речь идет не только об оперативной работе ЦРУ и других ведомств разведки, но и о продвижении идей, *навязывании ценностных ориентиров* и создании новой *медиареальности*, отвечающей стратегическим планам США. В настоящее время спецслужбы США превращаются в ключевой элемент не только внешнеполитической, но и ментальной экспансии. Спецслужбы, являясь важным элементом силовой сферы, в известной степени, интегрируют процесс обеспечения превосходства над другими государствами [30].

США в качестве государства существуют немногим более двух столетий и составляют весьма небольшую часть в населении земли. Но как реальное религиозно-ментальное образование они опираются на свои унифицированные истины, которые они предписывают всему глобальному миропорядку и всем иным государствам мира. Вместе с тем, Китай, который существует четыре тысячи лет и по населению многократно превосходит Соединенные Штаты, на основании своего *дорелигиозного, языческого менталитета* никакой самостоятельной, а тем более общезначимой истиной а priori обладать не может. Следовательно, вместо «строительства коммунизма» он ускоренными темпами под руководством КПК строит общество потребления по заёмному образцу, но с китайской спецификой, принимая извне, *копируя* правовые, этические и ментальные нормы и стандарты.

Индия и всё дальневосточное язычество также представляет собой густонаселенные, и, следовательно, *ментально инертные* образования. Это позволило им сохраниться, несмотря на разрушение других языческих культур догматической экспансией монотеизма. В результате этой экспансии и на Дальнем Востоке, и в Индии установка естественной ментальности на *подражание* природным и космическим процессам сменилась установкой на *подражание* догматической цивилизации, прежде всего в ее западно-христианском виде, номиналистическом варианте.

В этой сфере процесса глобализации происходит расслоение человечества еще по одному принципу. Субъект техники, основные ее разработки, ноу-хау и пр. неизменно сохраняются в США и в Западной Европе, выражая технократическую экспансию западно-христианского менталитета. Но основные производственные мощности и обслуживающее технику население сосредоточиваются в бессубъектных политических образованиях, относящихся главным образом к тем менталитетам, где в значительной мере развит навык *подражания* и долгое время развивались естественные цивилизации. Прежде всего, это Дальний Восток, выполняющий объектную функцию в АТР и в глобальном «разделении труда» в целом [31].

В 60-е годы и позже мир поражен рывку тихоокеанского региона во главе с Японией. Но тихоокеанская эпопея, если не брать во внимание одни только технико-экономические показатели, на самом деле весьма банальна. Речь идёт всё о том же эпигонстве, заимствовании, *языческом подражании* атлантической догматической модели, императивно насаждаемой во время и после американской военной оккупации Японии в 1945 г. Японию не случайно сегодня числят в системе большой восьмёрки: она

действительно является по избранной ею модели не столько тихоокеанской, сколько «евроатлантической», западной страной [32].

Догматическое же мышление, опирающееся на исповедании трансцендентного Бога, начиная с иудаизма и включая все направления христианства, принципиально отрицает необходимость языческого подражания природному миру. Более того, целым рядом запретов, наложенных на естественные потребности человека, на питание и на проявление естественных животных функций, оно даже на обыденном уровне обязано было выделять себя из внешнего мира и противопоставлять себя ему. Если для дорелигиозного или языческого мышления целью является слияние с природной средой, с космосом в некоторой нерасторжимой гармонии, то для догматического религиозного мышления целью выступает переустройство всего внешнего мира, согласно обетованиям трансцендентного Бога. Или, как это стало происходить уже в эпоху Просвещения, т.е. в процессе секуляризации – согласно своим непререкаемым предпосылкам. Это две совершенно разные и не сводимые друг к другу ментальные установки – религиозная и языческая со всеми вытекающими отсюда последствиями [33].

Казалось бы, подавляющая часть человечества – Китай со всем Дальним Востоком, Индия и тропическая Африка, должны были бы представлять собой доминантную основу Мирового сообщества. В действительности о них даже не идет и речи, т.к. основанием глобализации выступают только ментально структурированные и малочисленные политические образования.

Религиозно-ментальные основания политики субъектами ментальной экспансии постулируются таким образом, что они не предполагают традиционные ценности других культур в качестве реальной политической основы государственных образований. Полагается, что они должны пронизывать все иные культуры и сообщества, придавая им единственно необходимые формы и способы развития в соответствии со своими принципами и примерами социальной и политической организации – демократия, либерализм, рыночная экономика и т.д.

Операторами ментальной экспансии осуществляется установка на полную проницаемость и видоизменяемость всех существующих культур и политических образований, включая и Россию. Считается, что подобный процесс унификации человечества приведет его к абсолютному благу. При этом специфические предпосылки номиналистического менталитета утверждаются не рациональной аргументацией, а на основании догматически структурированной веры.

Для сформированного в Западном христианстве догматического мышления не существует пространственных границ. На всех континентах, в мышлении целых народов отсутствовал тот элемент ментального иммунитета, который мог бы хоть чем-то противостоять догматичному христианскому самоутверждению. Достаточно было представителям самого отсталого народа Западной Европы — португальцам — только доплыть до чужих земель, и они покоряли себе практически неограниченные территории. Серьезного противодействия не встретила и российская экспансия на Восток, достигнув берегов Тихого океана и даже осваивая Аляску и западное побережье Северной Америки [34].

Именно догматический тип мышления, в основе которого лежит монотеизм, способен добиваться невиданных позитивных результатов, в сравнении с дорелигиозным, *подражательным* типом мышления в язычестве. Он выступает унифицированным, беспредельно экспансивным и, по своим интенциям, изменяющим природу началом.

Важно заметить, что современная ментальная карта США, как в целом и всего Западного мира имеет выраженный полиментальный характер [35], но если из всех ментальных особенностей нынешней Америки нужно было бы выбрать только одну, то этой особенностью была бы высокая религиозность нации. По процентному соотношению верующих (93%) Соединенные Штаты стоят ближе к исламским и развивающимся государствам (Филиппины, Мексика), чем к Западной Европе. В 2002 году 59%

американских респондентов отвечали, что «религия играет очень важную роль» в их жизни – в сравнении с 27% в Италии и 12% во Франции. Половина американских семей регулярно произносит молитву перед едой, а 69% американцев верят в существование Дьявола. Протестанты в Америке составляют 63% верующих, из них 44% евангелисты; католики составляют 24%. Другие религии – 8%, из них 2% – иудейская, не религиозны – что не равноценно атеизму – 6% населения [36].

В южных штатах число убеждённых верующих стремится к 100 процентам – эта полоса почти в пол-Америки получила название «Библейский пояс» (the Bible Belt). В такой пропитанной верой атмосфере, – пишет В. Крашенинникова, – возрастают самые убеждённые «рыцари демократии и свободы», каким был, например, конгрессмен Ч. Уилсон. Он практически единолично выстроил механизм поставок оружия афганским моджахедам в начале 1980-х годов в обход всех американских законов и процедур [37].

Религиозное усердие вносит в американское общество, известное своей рациональностью и тем часто отличающееся от российского, существенный эмоциональный заряд. Вера – это самое близкое, самое личное из того, что есть у людей, она важнее политических убеждений [38].

Мы, конечно, можем усомниться и сказать, что реальная картина западной и, в частности, американской религиозной ментальности не такая благостная. Но, во всяком случае, она может говорить о ведущих ментальных тенденциях.

Здесь нельзя не сказать и о противоположных тенденциях. Животное человеческое естество не может у всех людей подряд и всё время быть под контролем религиозных догматов. Реальность жизни такова, что ни одно монотеистическое общество не имеет иммунитета против массовых эксцессов антидогматического бунта. У определённых категорий людей он будет прорываться [39]. Изначально в догматических предпосылках содержалась установка на прогрессивное нравственное совершенствование человека. Причем в отличие от языческой мудрости под этим совершенствованием понималось не бóльшее соответствие природному, животному естеству, а, напротив, преобразование его посредством этики. Этический идеализм религиозных менталитетов состоял в том, что нравственная истина выдвигалась в качестве абсолютной. Человеческая же природа постулировалась сотворенной и, следовательно, полностью проницаемой для этой истины. На основании непререкаемых нравственных установок виделось поступательное и постоянное движение общества к благодатному моральному совершенству. В конечном итоге предполагалось построение такого общества, где каждый человек и вся масса человечества в целом выражали бы собой некие нравственные каноны и императивы, которые определяются заповедями, вместо своей врожденной, естественной животной сущности.

Но в действительности подобный нравственный идеализм вызвал совершенно непредвиденный в рамках непосредственного догматического взгляда, реальный хаос массового бессознательного в той же протестантской Америке [40]. Тотальная акцентуация массовой культуры на культе секса, протестной музыки, наркотиков, контркультуры сексуальных меньшинств, мести, насилия и убийства, совершенно не характерна для языческих цивилизаций. Наиболее этичное направление в христианстве, связанное именно с английским номинализмом, породило все эти феномены. Не Китай и не Индия выступают в современном мире производителями и адептами культа бессознательной деструкции, а протестантские Соединенные Штаты, сохраняющие почти пуританский образ жизни. И дело здесь не только в том, что человек, как оказалось, не совсем умещается в предзаданных рамках догматической этики, и сама непререкаемая жёсткость этих установок является одной из причин нарастающей иррациональной реакции со стороны человеческого естества. Сама догматика протестантизма как «гражданская религия» Америки, выраженная в ценностях демократии, рыночной экономики, свободы, либерализма, культа индивидуалистической самореализации, вступила в противоречие с изначальными христианскими ценностями.

Вместо заключения

Руководители государств Запада, вступая в должность, присягают на Библии. Это не ритуальное, это сакральное действие, наполненное глубоким смыслом. Это демонстрация незыблемости ценностных установок и интенций, берущих своё начало в христианской догматике.

Президенты России клянутся на тексте Конституции РФ, который писали консультанты, советники и прочие специалисты. При этом нетрудно догадаться, откуда они его переписывали. Кстати, сам этот факт также нами воспринимается исключительно догматически, т.е. так, что он не составляет для нас никакого вопроса как некая истина а priori. Именно поэтому, для мышления каждого из нас, находящегося внутри менталитета так трудно определить, в чём именно состоит его догматическая обусловленность.

Мы можем сколько угодно гипнотизировать себя рассуждениями о «секуляризации» Запада. Но, говоря словами американского классика, «слухи об этом сильно преувеличены». Даже по мере развития самого процесса секуляризации, страны Запада будут следовать своим непререкаемым принципам, которые изначально формировались в эпоху христианства и наследуют ему. При всех известных противоречиях правящих элит «золотого миллиарда», при всех проблемах нынешнего экономического кризиса и неизбежных будущих мировых потрясений, Запад консолидирован и *преисполнен мессианской решимости* осуществлять свою политику на основе традиционных религиозно-догматических оснований при «руководящей и направляющей роли» англо-американского протестантизма, основой которого является принцип номинализма.

Проблема лишь в том, как нам всё это понимать и что нам со всем этим делать.

Или что они будут делать со всеми нами, когда подойдут к острому дефициту ресурсов, а у нас устареет, сломается или будет окончательно и бесповоротно реформирован ракетно-ядерный щит.

Литература

1. Стратегическая психология глобализации: Психология человеческого капитала: Учеб. пособие / Под науч. ред. д-ра психол. наук, проф. А.И. Юрьева. – СПб.: Logos, 2006.
2. Монахова И. Изменение менталитета / Монахова Ирина. – М.: Старклайт, 2008.
3. Колесов В.В. Философия русского слова. – СПб.: ЮНА, 2002.
4. Ухтомский А.А. Доминанта. — СПб.: Питер, 2002.
5. Ракитянский Н.М. Феномен менталитета в контексте психологии веры // Информационные войны. 2009. № 2. – С. 22-32.
6. Можаровский В.В. Критика догматического мышления и анализ религиозно-ментальных оснований политики. – СПб.:ОВИЗО, 2002.
7. Закон Божий, составленный по Священному писанию и изречениям Святых Отцов как практическое руководство в духовной жизни. – М.: Сретенский монастырь, 1998.
8. Льюис К.С. Пока мы лиц не обрели. – Пер. с англ. – СПб.: Библиополис, 2006. – С. 382.
9. Владимиров В. Смысл русской жизни. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. – С. 189-193.
10. Можаровский В.В. Указ. соч. С. 25-26.
11. Там же. С. 24, 33-34.
12. Коплстон Ф. История философии. Средние века / Пер. с англ. Ю.А. Алакин. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. – С. 249-281.
13. Хорьков М.Л. Майстер Экхарт: Введение в философию великого рейнского мистика. М.: Наука, 2003.

14. Курантов А.П., Стяжкин Н.И. Оккам. — М.: Мысль, 1978. — (Мыслители прошлого); Уильям Оккам: Избранное: Пер. с лат. А.В. Апполонова и М. А. Гарнцева под общ. ред. А.В. Апполонова. М.: Едиториал УРСС, 2002. (Bibliotheca Scholastica; Вып. 3.)
15. Колесов В. В. Указ. соч. С. 297.
16. Лескин П.Д. Онтологический статус имени и слова в философской культуре Древней Руси – <http://www.phil63.ru/files/3vЛескин.doc>
17. Камчатнов А.М. Фундаментальное исследование о русском слове – http://www.drevnyaya.ru/vyp/stat/s4_18_12.pdf
18. Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. – М.: Мысль, 1978.
19. Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. в 30 т. Т. 2. – С. 142.
20. Христианство. Энциклопедический словарь. Т. 3. – М.: 1995.
21. Гачев Г.Д. Ментальности народов мира. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2008. – С. 151-178.
22. Жискар д'Эстен В. Французы: Размышления о судьбе народа: Пер. с фр. – М.: Ладомир, 2004. – С. 151-156.
23. Панарин А.С. Реванш истории: Российская стратегическая инициатива в XXI веке. – М.: Русский мир, 2005. – С. 167.
24. Сапронов П.А. Власть как метафизическая и историческая реальность – СПб., 2001. – С. 281.
25. Можаровский В.В. Указ. соч. С. 53-73.
26. Любищев А.А. Наука и религия. – СПб.: Алетейя, 2000. – С. 282.
27. Панарин А.С. Искушение глобализмом. – М., 2000. – С. 179.
28. Паренти М. Власть над миром. – М., 1990; Кеннеди П. Вступая в XXI век. – М., 1997.
29. Цит. по: Единство Запада и трансатлантическая безопасность – перед лицом испытаний. – Публикация № 4 Центра им. Дж. Маршалла. – М., 2002. – С. 53.
30. Семин Н.Л. Спецслужбы США в 2001–2006 гг. (проблемы взаимоотношений с другими институтами государства и обществом): Автореф. канд. историч. наук. – М.: ИСША и Канады РАН, 2008.
31. Можаровский В.В. Указ. соч. С. 178-186.
32. Панарин А.С. Реванш истории. – М., 2005. – С. 11-12.
33. Можаровский В.В. Указ. соч. С. 168-171.
34. Аверьянов В. Природа русской экспансии. – М. Лепта-Пресс, 2003.
35. Семёнов В.Е. Российская полиментальность, политическая и духовно-нравственная ситуация в современной России // Психология власти – 2008. Материалы Второй международной научной конференции 14–15 января 2008 года. Под научной редакцией проф. А.И. Юрьева. СПб: Издательство С.-Петербургского гос. ун-та, 2008. – С. 106-111.
36. Крашенинникова В. Россия – Америка: холодная война культур. Как американские ценности преломляют видение России. – М.: Европа, 2007. – С. 4, 43.
37. Там же. С. 42.
38. Там же. С. 46.
39. Раушенбах Б.В. Пристрастие. – 2-изд. – М.: Аграф, 2000.
40. Можаровский В.В. Указ. соч. С. 162-166.

Вещеникин С.Н. Проявление операционального кода политика в условиях конфликта (на примере газовых конфликтов между Россией и Украиной 2005-2006 и 2008-2009 годов).

Операциональный код политического лидера – это система ключевых философских и инструментальных убеждений. В данной работе представлено исследование операционального кода Президента и премьер-министра РФ В.В. Путина в ситуации «газовых» конфликтов между Россией и Украиной 2005-2006 и 2008-2009 годов. Данные о системе убеждений были получены в результате применения авторской модифицированной методики определения операционального кода политиков. Формулирование теоретической базы позволит отечественным исследователям в дальнейшем проводить подобные работы.

Постановка проблемы.

В американской политической психологии давно разработан метод, который успешно применяется в прогнозе политического поведения – метод операционального кодирования субъектов политики. С его помощью можно выявить систему философских и инструментальных убеждений политика, которая именуется операциональным кодом. В отечественных трудах практически нет исчерпывающего описания теории операционального кодирования. Е.В. Егорова-Гантман, Е.Б. Шестопал в своих работах излагают основные идеи операционального кодирования, но не ставят задачу дальнейшего развития теории в рамках отечественной школы политической психологии.

Теория операционального кода формировалась в 50-е гг. в трудах N. Leites. Его исследования в RAND Corporation были направлены на выявление у членов советского политбюро убеждений, касающихся применения политической власти. В дальнейшем концепция операционального кода была усовершенствована в работах A. George, O. Holti, S. Walker, J. Post. Эти авторы предложили ряд типологий, в основу которых был положен особый подход к конструированию операционального кода политических лидеров. Прогноз политического поведения формулируется вследствие анализа количественных данных об операциональном коде политика. Количественные данные получают при помощи анализа спонтанных и подготовленных выступлений политиков. Многие считают, что подготовленные выступления написаны спичрайтерами, затем происходит только их автоматическое зачитывание политическим лидером. Однако M. Hermann на основании своих исследований снимает эту проблему, утверждая, что в большинстве случаев политик участвует в подготовке текста, и, таким образом, текст отражает его систему убеждений.

Главная проблема состоит в том, что в американской политической психологии существует система компьютерной обработки текстов VICS (Verbs in Context System), которая доступна только узкому кругу американских исследователей. Тем не менее, общий принцип ее работы описан в работах J. Post – кодирование глагольных конструкций, позволяющих выявить структуру операционального кода.

В рамках эмпирического исследования автора проводилось выявление операционального кода Владимира Путина в период газовых конфликтов между Россией и Украиной 2005-2006 и 2008-2009 годов.

Метод

С целью выявления операционального кода Владимира Путина в указанные периоды газовых конфликтов между Россией и Украиной была применена методика, адаптированная автором к российским условиям и основанная на теории операционального кода A. George и принципе работы VICS (в основе – метод контент-анализа). В методике было выделено два блока: философские (считывающие параметры

среды) и инструментальные (предопределяющие более эффективные стратегии и тактики для достижения политических целей) убеждения.

В качестве категорий анализа использовались ответы на 10 вопросов (по 5 в каждом блоке), которые сформулировал А. George, определив структуру операционального кода политика. Вопросы в блоке философских убеждений касались характеристик политической реальности, оппонентов, отношения к ходу времени, уровня контроля над событиями и т.д. Вопросы инструментального блока относились к способам выбора целей и средств их достижения, уровню контроля риска в политических действиях и т.д. Для каждой категории были выделены оптимальные для нее единицы анализа текста (индикаторы). Их количество и смысловое содержание зависит от конкретных целей, поставленных исследователем. Поиск индикаторов осуществлялся вручную и при помощи программы поиска MS Word.

В соответствии с целями и задачами работы объектом эмпирического исследования стала система ключевых философских и инструментальных убеждений Владимира Путина в период газового конфликта: о Природе мира политики (Ф-1), об Уровне локус контроля над процессом (Ф-4), о Направленности на реализацию целей (И-1), о «Степени групповой принадлежности» (И-5).

Исследование, получение эмпирических данных и их интерпретация проводились на следующей выборке.

Во-первых, тексты СМИ. Каждая из сторон участниц политического конфликта стремится представить ситуацию так, как она ее видит со своих позиций. В связи с этим, важнейшим является соблюдение принципа объективности исследования политического конфликта, которая может быть достигнута в ходе исследования его содержания и выявления сущности противоречий, вызвавших конфликт. Исследованию подлежали российские (Телевидение («Первый» канал), Пресса («Российская газета», «Известия»), Информационные агентства (Интерфакс, РИА «Новости»)); украинские (Пресса («Коммерсантъ» Украина, Lenta.ua, «Протестант», globalist.org.ua, focus.in.ua), Информационные агентства (ИА «Новости Украина)) и зарубежные СМИ (обзоры переводной прессы с сайта www.inopressa.ru, в мониторинг вошли публикации таких изданий, как Los Angeles Times, The Financial Times, Die Presse, Frankfurter Rundschau). Применяемый метод – ивент-анализ.

Во-вторых, публичные выступления Президента и премьер-министра РФ Владимира Путина. В данном случае это непосредственные выступления В.Путина в период газовых конфликтов между Россией и Украиной 2005-2006 и 2008-2009 годов. Для удобства анализа и проверки гипотез эмпирический материал был разделен на две части. Первая часть включала в себя выступления Президента РФ, Владимира Путина, в период газового конфликта между Россией и Украиной 2005-2006 года. Тексты взяты с сайта Президента Российской Федерации (www.kremlin.ru). Итого 6 выступлений (4.621 слово). Вторая часть включала выступления премьер-министра РФ, Владимира Путина, в период газового конфликта между Россией и Украиной 2008-2009 года. Тексты взяты с сайта премьер-министра Российской Федерации (www.premier.gov.ru). Итого 4 выступления (5.895 слов). Применяемый метод – модифицированная авторская методика выявления операционального кода политиков.

В работе были сформулированы следующие гипотезы:

Убеждения политического лидера являются гибким образованием и подвержены изменениям в зависимости от условий протекания политического конфликта.

Существует прямо пропорциональная зависимость между убеждениями Ф-1 «Природа мира политики» и Ф-4 «Уровень локус контроля над процессом»; Ф-4 «Уровень локус контроля над процессом» и И-5 «Степень групповой принадлежности».

Результаты

Проверка «Гипотезы №1 о динамике ключевых убеждений» на высоком уровне обобщенности: убеждения Владимира Путина с периода «газового» конфликта 2005-2006

до окончания «газового» конфликта 2008-2009 года подверглись изменениям и являются гибким образованием.

Для проверки данной гипотезы использовался параметрический метод сравнения – t-критерий Стьюдента для зависимых выборок. Метод позволяет проверить гипотезу о том, что средние значения генеральных совокупностей, из которых были извлечены выборки, отличаются друг от друга. В нашем случае проверяется гипотеза о различии средних значений ключевых убеждений Владимира Путина между периодами «газовых» конфликтов 2005-2006 и 2008-2009 годов.

В результате проведенного математического анализа полученное эмпирическое значение t-критерия оказалось больше р-уровня значимости 0.1. Таким образом, было принято решение о том, что статистически достоверные различия в операциональном коде Владимира Путина между периодами газовых конфликтов 2005-2006 и 2008-2009 годов не обнаружены. Это свидетельствует о ригидности ключевых убеждений Владимира Путина.

Проверка «Гипотезы №1 о динамике ключевых убеждений» на низком уровне обобщенности: убеждения Владимира Путина периода «газового» конфликта 2005-2006 и «газового» конфликта 2008-2009 года являются гибким образованием и на протяжении каждого периода подвергались изменениям в зависимости от условий протекания конфликта.

Для проверки данной гипотезы использовался метод дисперсионного анализа – ANOVA с повторными измерениями, который применяется тогда, когда, по крайней мере, один из факторов изменяется по внутригрупповому плану, то есть разным градациям этого фактора соответствует одна и та же выборка объектов. В нашем случае на протяжении каждого «газового» конфликта 2005-2006 и 2008-2009 годов исследовались ключевые убеждения Владимира Путина, показатели которых выявлялись для каждой из ключевых точек того или иного «газового» конфликта.

В результате проведенного дисперсионного анализа для каждого из «газовых» конфликтов были получены следующие данные. Эмпирические значения F-отношений для «газового» конфликта 2005-2006 года и «газового» конфликта 2008-2009 года оказались меньше теоретических значений F-отношения ($\alpha=0.05$). В итоге было принято решение о том, что в результате дисперсионного анализа не обнаружено статистически достоверного влияния фактора временного периода на показатели операционального кода В. Путина. Как и в случае выявления динамики изменения операционального кода между «газовыми» конфликтами 2005-2006 и 2008-2009 годов в данном случае результаты свидетельствуют о ригидности ключевых убеждений Владимира Путина внутри каждого из «газовых» конфликтов.

Проверка «Гипотезы №2 о взаимовлиянии ключевых убеждений»: существует прямо пропорциональная зависимость между убеждениями Ф-1 «Природа мира политики» и Ф-4 «Уровень локус контроля над процессом»; Ф-4 «Уровень локус контроля над процессом» и И-5 «Степень групповой принадлежности».

В результате применения коэффициента корреляции r-Пирсона была обнаружена прямо пропорциональная зависимость Ф-4 «Уровень локус контроля над процессом» и И-5 «Степень групповой принадлежности» для «газового» конфликта 2008-2009 года ($r=0.992$).

Таким образом гипотеза о прямо пропорциональной зависимости убеждений не нашла оснований для своего опровержения в случае взаимосвязи убеждений Ф-4 и И-5 «газового» конфликта 2008-2009.

Интерпретация результатов

В. Путин в «газовом» конфликте 2005-2006 года.

Отталкиваясь от результатов вторичного анализа, можно сказать, что Владимир Путин в условиях «газового» конфликта видит мир политики достаточно дружелюбным (средний показатель Ф-1). Он стремится контролировать окружающую себя обстановку, постоянно быть в курсе всех событий и активно принимать в них участие (высокий

показатель Ф-4). Также при решении проблем и в конфликтных ситуациях он предлагает мирные тактики решения проблем, которые ни в коем случае не должны противоречить нормам и законам международного права (высокий показатель И-1). Характерным для Владимира Путина является совместная деятельность по решению возникающих вопросов (высокий показатель И-5).

В. Путин в «газовом» конфликте 2008-2009 года

Основываясь на результатах вторичного анализа, можно сделать вывод, что Владимир Путин видит мир политики враждебным, рассматривает его, как основное препятствие, которое может мешать реализации намеченных им планов (низкий показатель Ф-1). Однако, рассматривая политическую реальность, как враждебную, он проявляет свою активную позицию по решению разного рода вопросов, в том числе в решении вышеуказанной проблемы. Также Владимир Путин возлагает всю ответственность за решение проблем либо на себя, либо на ту группу, с которой он себя непосредственно отождествляет (средний показатель Ф-4). Возможно, ощущая поддержку группы единомышленников (высокий показатель И-5) или это особенность его личности, но, оценивая политическую среду, как крайне конфликтную и полную проблем, не пытается использовать тактики характерные для враждебной обстановки – «ударом на удар» (высокий показатель И-1). Зачастую использует тактики мирного и законного урегулирования проблемы.

Сравнительная характеристика поведения В. Путина в «газовых» конфликтах 2005-2006 и 2008-2009 годов

Результаты математической обработки показали, что не обнаружено фактора влияния времени на ключевые убеждения Владимира Путина. Однако убеждение Ф-1 «Природа мира политики» заметно отличается между периодами. В первом случае входит в среднюю группу, во втором – в группу низких показателей. Это может быть вызвано как внутренними, так и внешними причинами. Для объяснения данного факта могут быть привлечены данные ивент-анализа. Как известно, на протяжении «газовых» конфликтов активно велось освещение проблем поставок газа в СМИ разных стран, трансформируя точки зрения в соответствии с главенствующей идеологией. Наиболее ярко СМИ проявили себя в «газовом» конфликте 2008-2009 года. В этом конфликте, во-первых, обвинялись конкретные политические лидеры, в том числе и лично Владимир Путин, во-вторых, под угрозу были поставлены конкретные проекты «Газпрома» (высокий И-5), а по мнению ряда иностранных СМИ, и интересы самого Владимира Путина, а также перспективы поставок газа в Европу (проекты Северный и Южный поток). Крайнюю степень несовпадения освещения проблемы, с точки зрения идеологии российской стороны, могло вызвать подобное повышение ощущения враждебности мира политики и падения показателя Ф-1.

***Брюкова А.Л.* Опыт анализа стиля ведения международных переговоров в России.**

На сегодняшний день во многих странах существуют принятые руководства по ведению международных переговоров, которые учитывают национальную специфику, особенности менталитета и психологию участников. В России же такие программы по большому счету отсутствуют. Кроме того, в нашей стране и принципы делового общения находятся на первоначальном этапе развития. Все это создает огромное количество помех при попытке достижения успеха в переговорном процессе.

В 2008-2009 гг. на кафедре политической психологии СПбГУ было проведено исследование стиля ведения международных переговоров в России с помощью таких методов как контент- и интент-анализ, мотивационный анализ стенограмм, а также

методов математико-статистической обработки данных (Исследование проводилось под научным руководством старшего преподавателя кафедры политической психологии, к.пс.н. Самуйловой И.А.).

Для анализа использовались 25 стенограмм начального этапа встреч Президента России Путина В.В. с представителями зарубежных стран в период с января 2000 по февраль 2002 гг. и 57 стенограмм начального этапа встреч Президента России Медведева Д.А. с представителями зарубежных стран в период с мая 2008 по апрель 2009 гг. (Общее количество слов в стенограммах встреч с каждой страной, взятое для исследования, оказалось равным необходимому минимуму при проведении анализа политических текстов и составило 5000 слов).

Для возможности оценки различий в стилях ведения переговоров Президентами России Путиным В.В. и Медведевым Д.А. в работе был использован цивилизационный подход С. Хантингтона. В основе этого подхода лежит предположение о том, что под «объективными признаками цивилизации следует понимать «культурную общность»: язык, историю, религию, обычаи». Таким образом, при классификации стран, с которыми велись переговоры, учитывались территориальный и культурно-религиозный факторы.

Объективным критерием для отбора зарубежных стран, с представителями которых велись переговоры, послужило непосредственное количество проведенных встреч. В итоге были отобраны следующие страны: Бельгия, Германия, Франция, США, Канада, Испания, Китай, Корея, Азербайджан, Таджикистан, Киргизия, Армения, Белоруссия, с представителями которых вел переговоры В.В. Путин; Германия, Италия, Франция, США, Япония, Китай, Азербайджан, Таджикистан, Киргизия, Турция, Венесуэла, Перу, Армения и Белоруссия, с делегациями которых вел переговоры Д.А. Медведев.

В своей работе мы исходили из представлений о том, что любой акт общения можно рассматривать как трехэтапный процесс, который включает в себя установление контакта, сам процесс общения и завершение общения. Переговоры как любой другой коммуникативный процесс включают в себя важную начальную стадию установления контакта, от успешности реализации которой, зависит весь дальнейший процесс, достижение договоренностей. В связи с тем, что открыты и доступны для общественности только начала встреч президентов с представителями зарубежных стран, в своей работе мы использовали именно их стенограммы.

Итак, особенный стиль ведения международных переговоров в России действительно существует, но в ходе процесса глобализации и международной интеграции приобретает черты транснационального стиля ведения переговоров, когда на первый план выходят не национальные особенности, а ориентация на сотрудничество. За последние годы стремление России к сотрудничеству с другими странами серьезно возросло.

Наиболее благоприятно проявились особенности стиля ведения переговоров на первоначальных этапах при встречах Путина В.В. с представителями Китая, Медведева Д.А. – с Китаем, Францией и Венесуэлой; наименее благоприятно – у Путина В.В. с представителями Бельгии, Испании и США, у Медведева Д.А. такой яркой картины выявлено не было, однако тенденции к негативной оценке и нежеланию идти на компромиссы наблюдались при встречах с представителями США и Турции.

В первый год президентства как Путин В.В., так и Медведев Д.А. были направлены на максимально эффективное решение проблем, достижение договоренностей, однако текущая ситуация в некоторых случаях вынуждала глав нашего государства отстаивать интересы России, требовать достойного отношения к нему и даже прибегать к негативному оцениванию отношений между странами и их критике.

В ходе исследования обнаружилось, что степень выраженности мотивов достижения и отношения у Медведева Д.А. выше, чем у Путина В.В. (40,6 к 39,3% и 43,1 к 38,2%), однако обратная тенденция наблюдалась с мотивом власти: у Путина степень выраженности мотива власти заметно выше, чем у Медведева (22,5 к 16,2%). И если у

Путина в переговорах с представителем какой-либо страны проявился мотив достижения успеха, то у Медведева с этой же страной – мотив отношения, и, наоборот, кроме того, мотив власти у Путина в переговорах с представителями стран сменился мотивом достижения успеха у Медведева с данными странами.

Примечательно, что больше соглашений было подписано со странами, в отношении которых наблюдалась ориентация на достижения успеха (Армения, Китай, Франция) при ориентации же на власть (США, Германия) таких соглашений подписано практически не было.

Интеннт-анализ текстов показал, что по сравнению с Д.А.Медведевым, степень проявления интенций «мы» и «3 сторона» оказалась выше у Путина В.В. (14,7 к 11% и 4 к 2,8%), а интенции «ситуация» - у Медведева Д.А. (60 к 55,2%). Все эти данные говорят о том, что переговорный стиль на высшем уровне стал мягче. Со странами, с которыми В.Путин устанавливал контакт, создавал платформу для крепких взаимоотношений и вырабатывал собственный взгляд, Д.Медведев укрепляет и сохраняет отношения, во многом опираясь на текущую ситуацию в России и в мире.

В ходе исследования нашли подтверждение такие особенности стиля ведения международных переговоров на высшем уровне в России как:

- преобладание достаточно жесткой позиции на первоначальном этапе переговоров;
- сильное желание «нравиться»;
- скрытое стремление к первенству;
- большая роль неформальных отношений;
- использование данных, статистики, констатация фактов;
- стремление использовать другую сторону в наших целях, если существует острая проблема, связанная, например, с войной, территориальным вопросом и др.;
- использование при страхе стратегии избегания (минимальная оценка) или стратегии нападения (много негативных оценок и констатация фактов);
- при наличии личных отношений с другой стороной тенденция давать положительную оценку, при этом достаточно часто она носит весьма смелый характер.

Безусловно, при полном изучении специфики ведения международных переговоров должен учитываться весь комплекс характеристик человека: информационно-энергетических и пространственно-временных. Применяя представления о таких философских категориях как необходимость, возможность, долженствование, желание, представленные в форме пентобазиса, можно придти к выводу, что все исследованные в стенограммах категории соответствуют только необходимости, долженствованию и желанию. Категория возможности же не представлена в принципе. При использовании и наложении базиса разрешения проблем, можно увидеть, что в переговорах у нашей стороны есть желание их вести, а значит, есть и смысл переговоров, существует необходимость переговоров, что совпадает с категорией силы и ресурсов, есть долженствование, т.е. для нас значимы ценности, которым мы следуем, но единственной прорехой является возможность, которая соответствует цели переговоров. И пока мы не будем четко ставить цель и понимать ее, мы не сможем достигнуть высоких результатов в международных переговорах.

Кроме этого, при составлении текста выступлений на встречах политиков нашей страны с представителями зарубежных стран необходимо учитывать, что в отношении исламских стран имеется тенденция к предписанию, а относительно европейских стран – оборонительная позиция. Возможно, если попытаться акцент делать на такие категории как положительная оценка и кооперация и свести к минимуму запреты, требования и предписания, то эффективность при ведении переговоров будет выше. Стоит также помнить, что излишняя положительная оценка, любые крайне эмоциональные и саркастические выражения могут создать ложную картину у наших партнеров.

В целом, результаты исследования выявили необходимость коррекции российского стиля ведения международных переговоров не только в личном плане (целостная

подготовка специалистов, формирование мотивации, направленной на успех в переговорах, а не на избегание неудач), но и на государственном уровне во всей системе ведения политики.

Именно при таком состоянии дел, российская сторона сможет максимально эффективно вести переговоры, смотреть на проблему под необычным углом и решать вопросы совершенно неожиданным способом, для чего есть все необходимые предпосылки.

Аксенов К.Э. к.геогр.н., доцент. Ценностно-идеологическая экспансия – главная геополитическая проблема России.

Россия декларирует концепцию построения многополярного мира. Процесс поляризации предполагает наличие антагонизма полюсов между собой и некий «раздел» находящегося между ними пространства (хинтерланда) по принципу тяготения. В политическом смысле построение многополярного мира подразумевает принцип глобальной конкуренции за политическое влияние. Поскольку Россия претендует на роль одного из глобальных полюсов, ей необходимо определить инструменты и методы этой глобальной конкуренции, во-первых, за закрепление за собой статуса глобального полюса, а во-вторых, - за свой хинтерланд – зону тяготения.

Одним из главных факторов глобальной конкуренции в многополярном мире, по мнению специалистов, выступает глобальная культурно-идеологическая экспансия. Так, например, З.Бжезинский считает, что глобальная власть предполагает одновременное наличие четырех составляющих: военного могущества, экономической мощи, культурно-идеологической экспансии и глобальных политических мускулов. Из числа главных конкурентов США за мировое господство он исключает Японию именно по причине исторической изолированности японской культуры и сложности глобальной идеологической экспансии японских культурных ценностей¹³⁴. Во многом лидирующие позиции США в современном мире определяются их господством в мировом ценностно-информационном пространстве. Примеры того, как ведущие мировые державы решают проблему поддержки своих внешнеполитических интересов за счет наращивания своей культурно-идеологической экспансии, показывают, что все эти меры:

- во-первых, имеют ориентацию не только на решение прикладных внешнеполитических целей, но и на распространение своей системы ценностей¹³⁵
- во-вторых, носят не проектный характер, а имеют разработанную государством комплексную стратегию и тактику;
- в-третьих, проводятся специально созданными формальными и неформальными институтами и органами.

В качестве примера можно привести опыт построения одной из самых успешных государственных систем осуществления ценностно-идеологической экспансии – США. В

---

¹³⁴ Подробнее см. К.Э.Аксенов Новая западная геополитика//Социально-экономическая география мира. Ред. С.Б.Лавров. СПбГУ, СПб, 2001.

¹³⁵ законопроект сенатора С.Браунбэка 2008 г. о полной реструктуризации государственной пропаганды на зарубежные страны ставит целью «влияние на мнение зарубежных аудиторий для поддержки американских идеалов и противодействия насильственному экстремизму, а также для того, чтобы в зарубежных странах лучше понимали политику, ценности, институты и культуру США» <http://www.vz.ru/politics/2008/10/1/214349.html/>; руководитель нового французского телеканала для вещания за рубеж France24 Ален де Позияк считает, что он должен продвигать «французские ценности» <http://www.france24.com/france24Public/fr/nouvelles/monde.html/>.

таблице очень кратко представлена хронология создания нормативных актов, институтов и целей, ставившихся перед ними.

Хронология государственного управления ценностно-идеологической экспансией в США

год	Создано:	Цель:
1942	Офис Военной Информации\The United States Office of War Information (OWI).	Военная пропаганда, создание Голоса Америки
1948	Закон об Информационном и Образовательном Обмене, Голос Америки - в подчинение Госдепартамента	Информация, подготовленная для потребления за рубежом, должна быть недоступна жителям США
1953	Информационное Агентство США\USIA	Продвижения национальных интересов США за рубежом
1990	Бюро Вещания\Bureau of Broadcasting	Управление всеми зарубежными медиа
1994	Бюро Международного Вещания и Совет Управляющих	Надзор за всем государственным иновещанием США, с 1999 -независимо от Госдепартамента
1994	Бюро Публичной Дипломатии и Связей с Обществом (вместо USIA)	Иностранное вещание, образование, обмены, с 2004 г. – усиление политической составляющей ¹³⁶
2008	Законопроект о создании «Национального центра стратегических коммуникаций»	Поддержка внешней политики США за рубежом

¹³⁶ «Американское искусство, музыка, кино и литература продолжают оказывать воздействие на жителей иностранных государств, вне зависимости от их политических воззрений. Культурная дипломатия демонстрирует наши ценности и борется со стереотипами, гласящими, что американцы поверхностны, агрессивны и безбожны» (Бюро Публичной Дипломатии и Связей с Обществом, 2005).

В настоящее время США обсуждает проект принципиального переустройства существующей с 1948 г. системы зарубежного информационного влияния и создание мощной государственной информационной и вещательной организации - «Национального центра стратегических коммуникаций» с передачей ему части функций Госдепартамента.

На этом фоне у России существуют две масштабные проблемы.

Первая – это воспроизводство собственной традиционной системы ценностей и ее защита от конкурентов. Очевидно, что арена данной части ценностно-идеологической конкуренции – это собственно внутрироссийское пространство. Перестройка и последовавшая за ней общественно-политическая трансформация разрушила советскую ценностно-идеологическую конструкцию, закреплявшуюся в нескольких поколениях. В течение последних нескольких лет заметны попытки строительства новой конструкции на основе сочетания досоветских, советских элементов и модернизации – возрождение роли православия, «имперскость» российско-советского толка, максимально централизованная государственная власть, общинность, патриотизм вплоть до изоляционизма, экономическое могущество и т.п. Эффективность таких попыток можно оценить только после смены поколений. Очевидно, что на самом внутрироссийском пространстве жизнеспособность этих и других ценностей проверяется конкуренцией при проникновении конкурирующих конструкций. Самая успешная из них – так называемая «западная» система ценностей, которая выдается за «глобальную». Чаще всего она описывается в идеалах рыночной экономики, либерализма, индивидуализма, рационализма и демократического политического устройства. Советский тип противодействия внешней культурной экспансии – путем запретов – показал свою неэффективность. Похоже, даже избрав путь частичного контроля за информационным пространством, нынешнее руководство это понимает, и применяет прочие механизмы конкуренции. Важным принципом, который необходимо соблюдать в этой конкуренции является недопущение создания преград процессу модернизации и прогресса в угоду интересам ценностно-идеологической конкуренции. Мы здесь лишь обозначили существование данной проблемы на внутрироссийском поле, не давая каких-либо развернутых рекомендаций, поскольку считаем, что вторая проблема гораздо менее рефлексирована государством, и соответственно представляет большую угрозу интересам превращения России в полноценный «полюс» многополярного мира.

Итак, вторая проблема состоит в том, что Россия последовательно теряет информационные позиции за рубежом, включая уже и свое ближайшее окружение – информационная поддержка внешнеполитических действий России по абсолютному большинству событий проигрывает зарубежным конкурентам; проблемы с российским телевидением ощущаются уже не только в Балтии, Грузии и Украине, но и в Белоруссии; даже в максимально про-российской Армении есть сложности с выходом в Рунет.

В связи со всем этим необходимо переформулировать задачи информационных усилий России во внешнем мире. По итогам нескольких масштабных информационных провалов была поставлена задача улучшения образа России за рубежом. Такая постановка задачи рефлексивна, она не выглядит стратегическим инструментом, и способна лишь играть роль обслуживания внешнеполитической деятельности. Вместо этого необходимо ставить цель планомерного и долгосрочного осуществления ценностно-идеологической экспансии России во внешнем мире. Такая формулировка предполагает уже не обслуживание, а собственно внешнеполитическую деятельность. Она не является лишь ответом на чью-то внешнюю более успешную деятельность, она сама инициативна и предполагает собственные правила игры. Самое главное – она носит не тактический, а стратегический характер.

Ключевыми в российской ценностно-идеологической экспансии должны стать те направления, которые способны дать максимально быстрый и сильный эффект. Представляется, что такими направлениями должны стать следующие:

- **Язык и культура:** Самый эффективный носитель национальной системы ценностей – языковая среда. Потери России в зоне своего языкового влияния в постсоциалистический период огромны и продолжают расширяться – преподавание русского языка в школах в странах на постсоветском пространстве и за его пределами продолжает сокращаться. На фоне победоносного шествия англо-саксонских ценностей по фултоновскому сценарию, успехов франкофонного проекта, усилий германофонии и пр., наше отступление выглядит как продолжающийся процесс капитуляции в этой области. Потенциал экспансии культурных проектов огромен, но неконкурентоспособный менеджмент значительного их числа за рубежом подчас работает на распространение ценностного капитала не России, а страны происхождения менеджера. Именно поэтому, скажем, мировые гастроли Большого или Мариинского театра во многом планируются исходя из интересов западного менеджмента, а не интересов российской культурной экспансии¹³⁷. Решение – **создание и эффективное управление единым русским информационным и культурным пространством.**

- **Медиа, в первую очередь – телевидение:** телевидение сегодня и в ближайшей перспективе остается лидером информационного воздействия на мировую аудиторию. Перспектива слияния телевидения, интернета и прочих средств коммуникации только усиливает его значение. Очевидный проигрыш России прочим полюсам многополярного мира в масштабах контроля глобальных телевизионных сетей отнюдь не окончателен, российские телетехнологии и потенциально, и реально конкурентоспособны в мире. **Очевидным прорывным направлением для России может стать проект распространения телевидения прямого доступа.** Проекты спутникового вещания исключают посредников между производителем контента и конечным потребителем. Примеры формирования как бюджетных, так и «элитных» проектов (например «Триколор ТВ», «НТВ+» и др.) показывают, что чисто коммерческие проекты телевидения прямого доступа способны получить миллионные аудитории за 2-3 года развития. Распространение телевидения прямого доступа должно включать в себя как пакеты русскоязычных каналов, включая специализированные (например общественно-политические для соотечественников, образовательные – языковые и специальные, общекультурные, религиозные и пр.), так и иноязычные, способные конкурировать на местных медиа рынках. Иноязычные пакеты должны формироваться на основе включения в них местного контента в сочетании с контентом российского производства.

- **Сетевое влияние:** Эффективным каналом решения проблемы усиления влияния России в мире могут стать соотечественники, проживающие за рубежом - **использование этого ресурса не требует значительных затрат времени и средств.** Рассматривать соотечественников в качестве именно информационного ресурса можно и нужно по нескольким причинам.

Во-первых, там, где медийный ресурс России оказывается менее эффективным по сравнению с информационным оппонентом, необходимо искать иные каналы коммуникации. Одним из таких каналов, часто весьма эффективным, выступают межличностные и межгрупповые контакты. Соседи поверят соседям с большей долей вероятности, чем зарубежным лидерам и СМИ. Широко прозвучала в российских СМИ история девочки-осетинки и ее матери, которые, несмотря на противодействие ведущего одной американской телекомпании упорно пытались сказать правду о нападении грузинских войск на Цхинвали.

---

¹³⁷ Так например, несмотря на плотный гастрольный график, в том числе и по Северной Америке, балетная труппа Мариинского театра 6 (!) лет (с 2002 по 2008 г.) не выступала в Нью-Йорке – одном из трех главных глобальных городов мира, где принимаются мировые решения не только в сфере культуры. За этот срок могли смениться как поколения зрителей, так и артистов, не знакомых друг с другом. Это вполне можно воспринимать как геополитическую потерю России.

Во-вторых, у российских соотечественников, включенных в информационный, бытовой, политический и прочий контекст в стране проживания, гораздо больше шансов найти правильные, понятные местной аудитории формы подачи информации о событиях и процессах, происходящих в России. И первая и вторая упомянутые особенности способствуют, помимо прочего, правильному выбору также и целевой аудитории, способной позитивно воспринять информацию о России. На Берлинском круглом столе, посвященном созданию единого русского информационного пространства Европы, приводился опыт русской общины в Ирландии. Русскоязычная диаспора Ирландии организовала кампанию против несправедливости в освещении событий в Южной Осетии местными СМИ, которая оказалась очень эффективной для изменения общественного мнения в отношении конфликта¹³⁸.

Ни одно российское СМИ, ни одно осваивающее российские деньги западное PR-агентство не может с такой точностью воздействовать на свою целевую аудиторию, с такой эффективностью определить оптимальный метод коммуникации. А самое главное, наши соотечественники обладают тем ресурсом, который недоступен ни одному из других средств, которыми располагает Россия, – они могут обращаться непосредственно к общественности, к обывателям стран проживания, и объяснять им те разночтения, на которых спекулируют традиционные СМИ. И этот пример только одной из стран.

В-третьих, российские соотечественники имеют еще одно мощнейшее средство информационного и даже политического воздействия на аудиторию страны проживания – это общественные инициативы, акции и движения. Самыми заметными примерами такого воздействия последнего времени были акции в государствах Балтии – массовые акции протеста против отмены преподавания русского языка в школах Латвии; самая массовая

---

¹³⁸ Была организована компания по отправке писем в местные печатные СМИ. Многие члены общины выступили по местным каналам радио и ТВ с осуждением англо-американской позиции. Были взяты интервью у очевидцев событий и переведены на английский язык. Организаторы акции учли местную специфику, заключающуюся в традиционной нелюбви ирландцев к англичанам, и использовали тот факт, что простые обыватели больше доверяют иммигрантам, нежели официальной английской пропаганде.

Оказалось, что наиболее эффективный метод донесения достоверной информации заключается в информировании именно на локальном уровне. Например, организаторами акции была инициирована кампания под названием «Юго-Осетинский болельщик Кельтского футбола». Представители русской общины Ирландии нашли в Интернете и разослали в Ирландские СМИ фотографию жителя Цхинвала Гоца Садоева на фоне сожженных грузинских танков в футболке команды ирландского футбольного клуба из провинции Турон. Житель Цхинвали действительно оказался фанатом кельтского футбола. Ирландские журналисты дозвонились до фотографа Associated Press, сделавшего снимок, и он подтвердил данные о любви осетина к ирландскому футболу. Фотограф сообщил, что футболку подарил Гоце Садоеву его сын. Эта история вызвала умиление у ирландской общественности, и особенно той ее части, которая болеет за команду графства Тугоне. Администрация Ассоциации ирландского футбола заявила о желании найти этого осетина и привести его на игру в Ирландию. Интересно, что в финале чемпионата будут принимать участие команда Тугоне, за которую, по-видимому, болеет осетин Гоца Садоев. Фанаты Тугоне уже окрестили его "счастливым талисманом" своей команды. Ведь фотография была опубликована прямо перед решающим матчем Тугоне-Dublin, который североирландцы выиграли. Сразу вслед за этим они победили Wexford и вышли в финал. Возникла идея о том, что появление южно-осетинского болельщика на трибунах Кроук-парка должно принести Тайроунцам триумфальную победу. Данный случай во многом поменял отношение простых ирландцев к собственным информационным источникам. (По материалам журнала «Балтийский Мир»)

на тот момент акция протеста русскоязычной молодежи против ввода американских войск в Ирак; и конечно антиреваншистские выступления в Латвии и Эстонии, связанные отнюдь не только с известным «Бронзовым солдатом».

Ну и наконец, ресурс соотечественников – потенциально наименее затратен и наиболее подготовлен для трансляции именно позитивной информации о России особенно в условиях «информационной войны».

- *Имиджевые проекты.* Один из эффективных примеров практически незатратного повышения собственного статуса во внешнем мире – «приватизация» имиджевых географических названий. Уже практически всем в мире кажется естественным, когда Соединенные Штаты Америки называют просто Америкой. Очевидно, что, употребляя название целой части света, состоящей из двух материков применительно всего к одному государству мы неизбежно отказываем всем остальным государствам в таком праве и на уровне вербальных образов признаем лидерство страны, которая вырастает до трансконтинентальных масштабов. Это не может не влиять в том числе и на ценностные аспекты политической конкуренции. Более свежий проект применения подобной технологии – повсеместное замещения употребления названия Европейский Союз названием всего субконтинента – даже в официальном обороте используются такие термины, как европейская безопасность, евровалюта, евроконституция, еврокомиссар и пр. При этом Россия как бы уже привыкла к роли просителя: не забывайте, пожалуйста, что мы тоже в Европе, а ваш союз всего лишь западно-европейский. Более сложные ситуации, когда, например, НАТО официально ставит своей целью поддержание европейской безопасности. Автоматически Россия, не ставшая такой цели отдельно от НАТО, психологически (вербально) оказывается в зависимом положении. Страны бывшего соцлагеря активно требуют причисления себя к новым физико-политическим топонимам (Центрально-Восточная Европа и пр.). Казахстан активно приватизирует топоним Евразийская держава. Представляется, что **Россия должна выработать собственное имиджевое геополитическое позиционирование и добиваться его признания в мире.** Поиски такого позиционирования должны вестись на пространстве не меньшем, чем Европа и Америка. Варианты: Евразия, Евровосток, Евро-Тихоокеанский регион (Европасифик), Евро-Сибирский (Евросибирь), Североевразийский, Балтийско-Тихоокеанский и т.п. Менее масштабные проекты подобного рода Россией предпринимаются, однако имеют больше ориентацию на внутривнутриполитический эффект¹³⁹.

Главным инструментом и залогом успеха осуществления ценностно-идеологической экспансии должен стать **единый государственный орган, разрабатывающий и осуществляющий политику России в области мировой информационной экспансии.** Вполне логично при создании такого органа использовать опыт наиболее успешного аналога подобного рода, функционирующего в США.

---

¹³⁹ Например переход в одночасье после Юго-Осетинского конфликта на «русифицированные» версии названий Сухум и Цхинвал вместо картвельских Сухуми и Цхинвали. При этом, заметим, Батуми и Тбилиси не стали именовать Батумом и Тифлисом.

РАЗДЕЛ Б: ДОКЛАДЫ РОССИЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПСИХОЛОГОВ НА ВСЕМИРНОМ СЪЕЗДЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПСИХОЛОГОВ В ДУБЛИНЕ (ИРЛАНДИЯ, ИЮЛЬ 2009 ГОДА.)

1. ПЕТЕРБУРГСКАЯ ШКОЛА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Юрьев А.И. д.пс.н., проф. Опыт политической психологии в России: теория, методы, результаты.

В октябре 2009 года политической психологии в России исполняется двадцать лет. Только с этого момента в России были официально использовано словосочетание «политическая психология», и были созданы признанные государством и научным сообществом структуры для ее изучения и практического применения. Первой такой структурой стала кафедра политической психологии в Санкт-Петербургском государственном университете, открытая 6 октября 1989 года. Позднее появились аналогичные кафедры в Московском государственном университете и Академии Госслужбы при Президенте Российской Федерации. Я создавал эту кафедру, двадцать руководил ею, и сегодня прощаюсь с ней. Наступило время подвести некоторые итоги исключительно интересной, весьма трудной, а иногда и опасной работы в российской политической психологии.

Теория. Конечно, сразу после создания кафедры политической психологии в Санкт-Петербургском государственном университете, в июле 1990 года мы приехали на конференцию ISPP в Вашингтон. Нам надо было сообщить о своем создании, и надо было ознакомиться с опытом наших зарубежных коллег в этой новой для себя области науки. Потом еще несколько раз мы делали доклады на ежегодных конференциях ISPP в Испании, в США, но потом надолго пропали по объективным причинам. *(В 1995 году по ходу работы в качестве консультанта Председателя Правительства РФ я стал жертвой покушения, и два года залечивал полученные раны. Тем не менее, кафедра все это время успешно работала, выпустив за двадцать лет, к 2009 году, более 500 студентов – политических психологов, и более сорока кандидатов наук по политической психологии).*

Конечно же, мы ознакомились с опытом работы, статьями и монографиями пионеров мировой политической психологии: G.Walles, H.Lasswell, Jeanne M. Knytson, Margaret G. Hermann, H.J.Eysenck, S.A.Renshon, S.L.Long, J.M.Post, B.Glad, G.E.Marcus, T.Bryder, G.Lederer, P.E.Tetlok, R.P.Browning, N.Sanford, M.B.Smith, A.Somit, J.C.Davies; D.Katz, D.R.Kinder; A.H.Bloom, H.C.Kelman; L.W.Pye; M.Deutsch, H.H.Hymen и др. Эти и многие другие специалисты оказали на нас существенное влияние в понимании и развитии политической психологии. Почти все эти годы с некоторыми перерывами мы получали журнал ISPP "Political Psychology" с их статьями.

Первое наше открытие заключалось в том, что в политической психологии исключительное значение имеют кросс-культурные и исторические различия, которые заставили нас заняться разработкой своей теории политической психологии, адекватной условиям России. Поэтому, свой доклад я хотел бы посвятить именно этой оригинальной теории. К сожалению, российская психологическая наука долгое время развивалась в изоляции от мировой психологической науки, имена многих российских психологов, известны недостаточно широко.

В Российской политической психологии мы использовали психологические теории проф. Ананьева Б.Г. и проф. Ганзена В.А. – моих учителей. Академик Ананьев Б.Г. – основатель факультета психологии Ленинградского университета (1965 г.), и его главный теоретик. Профессор Ганзен В.А. – продолжатель его учения. Суть их теории сводится к

системному анализу человека, который мы применили для описания «политического человека». Конечно, мы опирались на идеи политического человека Lipset S.M. Мы использовали понятие системы, принадлежащее D.Meister – выдающему специалисту по эргономике: «под системой понимается такая организация, в которой отдельные элементы работают вместе, чтобы получить выходной эффект, который отдельный элемент сам по себе дать не может».

Итак, политический человек в нашей системной теории рассматривается как совокупность, состоящая из *индивида* - носителя нейродинамики, пола, возраста и конституции), *субъекта* – носителя воли, мышления, перцепции и аффекта, *личности* – носителя темперамента, характера, способностей и направленности, и *индивидуальности* – носителя опыта, индивидуальной истории, продуктивности и особенностей.

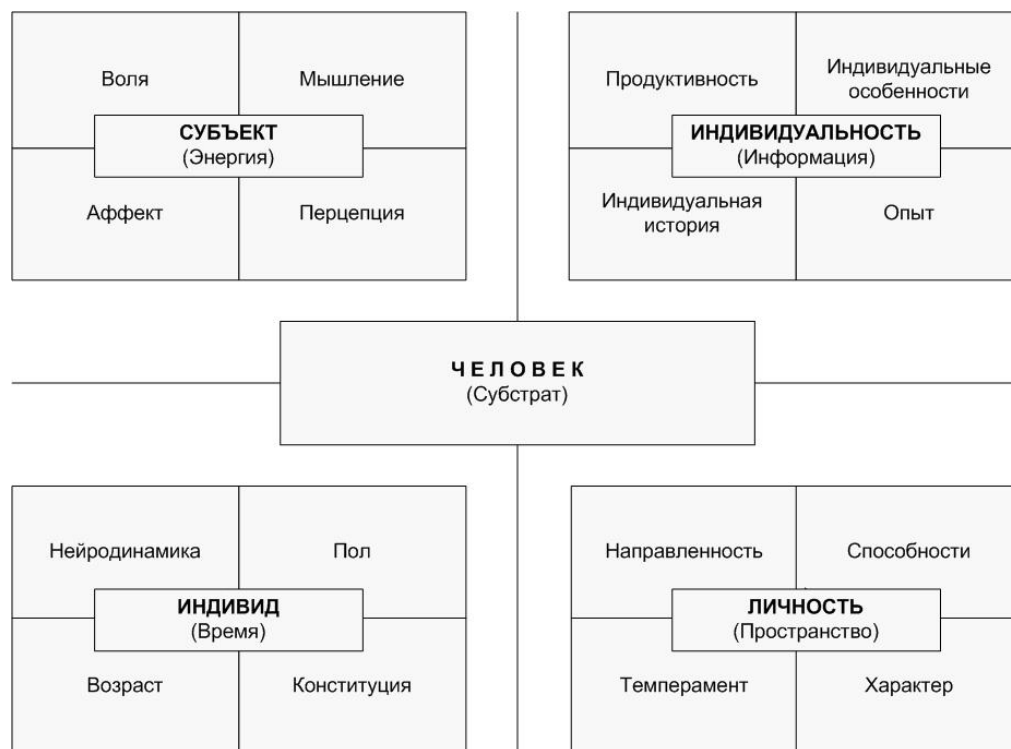

Рис 1. Исходная позиция теории: системное описание человека (Ананьев Б.Г. , 1965., Ганзен В.А., 1985).

Это базовое начало системной теории российской политической психологии. Завершает эту теорию (пропускаю 18 промежуточных звеньев для экономии времени) системное описание счастья человека. По нашей теории политического человека его счастье является венцом, высшей ценностью, практической целью и философским смыслом политики. Это первая и последняя буквы алфавита теории. Между ними находится все остальные «буквы» - психолого-политические переменные, подлежащие эмпирическим и экспериментальным исследованиям.

Мы приняли в качестве аксиомы то, что политическая власть, государство, предназначены для воспроизводства «человеческого капитала» - масс людей, обладающих адекватными времени качествами жизнеспособности, работоспособности, способности к инновациям и способности к обучению. Но интегральным показателем эффективности политики является - уровень счастья людей: переживание ими полноты бытия, связанного с их самоосуществлением. Иначе говоря, человек совершенно счастлив, если самоосуществляются все 16 переменных его психики: мышление, воля, способности, темперамент, характер, пол, возрастные особенности, речь и др. по рис. 1 и 2. А самоосуществление его психологических свойств и особенностей практически проявляется в признании обществом продуктов его труда, мысли, его общественной

позиции, особенностей его личности. Т.е. продукты его ума, воли, характера в виде изобретений, произведений, товаров обретают потребительную стоимость: их покупают, применяют, за них благодарят. Но человек несчастлив, если по внутренним или внешним причинам он не может самоосуществиться. Общество наказывает виновного человека заведомым несчастьем, лишая его свободы, фактически обрекая его на «невозможность самоосуществиться», т. е. «сокращением переживания им полноты бытия».

Психолого-политическое значение счастья в том, что оно играет роль аккумулятора, который дает «искру» для активности, труда, работы, деятельности политического человека. Только счастье обеспечивает то, что именуют «подъемом жизненных и творческих сил человека» и процветание общества. Несчастье делает человека уязвимым для болезней, психических отклонений, вытесняет его из общества, из жизни. Несчастье побуждает массы людей собираться в толпы, митинги, демонстрации, забастовки. Несчастье критических масс людей стоит за беспорядками и революциями.

Рис 2. Заключительная позиция теории: конечный психологический смысл, цель, ценность и реальная мощь политики (Юрьев А.И., 1997).

Мы решили, что политическая психология предназначена для: 1) оценки уровня счастья масс людей через измерение уровня самоосуществления их психологических параметров, 2) обнаружения определяющих его счастье психолого-политических факторов, проявляющихся в их реальном труде, активности, поведении, деятельности, и 3) выработки практических рекомендаций по современным формам и методам самоосуществления политического человека. Результаты работы политической психологии предназначены для любых лидеров (политических, общественных, культурных, финансовых), от которых зависит возможность масс людей самоосуществиться – т.е., так переживать полноту бытия, чтобы быть счастливым. Другой вопрос, как политическая психология может выполнить свои теоретические задачи, в каком объеме и какими методами?

Методология. С точки зрения методологии политической психологии человеком именуется тот, кто обладает самоконтролем (функция человека как индивида), саморегуляцией (функция человека как субъекта), самоуправлением (функция человека

как личности), и самовоспитания (функция человека, как индивидуальности), т.е. сознанием политического человека. Мера, объем, ясность сознания варьируются в «человеческих пределах», и именно этим определяется мера человечности каждого из нас. Стержнем методологии политической психологии является утверждение, что именно политика изменяет сознание человека, потому что именно она интегрирует все глобальные изменения в мире. Человек существует не в «безвоздушном пространстве» - он продукт политической системы, которая радикальным образом изменяет его психологию, используя для этого свои властные возможности. Инструментами влияния политики на психику человека являются глобальные изменения, которые она же и осуществляет: 1. изменение цивилизации (материальной среды его образа жизни и труда), 2. культуры (информационной среды его картины мира и мировоззрения), 3. науки (интеллектуальной среды его труда и картины мира) и 4. религии (моральной среды его образа жизни и мировоззрения).

ПОЛИТИКА - синтез глобальных изменений	Изменения ЦИВИЛИЗАЦИИ (Материальное регулирование жизни человека)	Изменения КУЛЬТУРЫ (Идеальное отражение жизни человека)
Изменения НАУКИ (Активное и рациональное понимание жизни человека)	<i>ЧЕЛОВЕК КАК СУБЪЕКТ</i> - <i>обладатель</i> <i>саморегуляции (жизненной</i> <i>позиции)</i>	<i>ЧЕЛОВЕК КАК</i> <i>ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ</i> - <i>обладатель</i> <i>самовоспитания</i> <i>(картины мира)</i>
Изменения РЕЛИГИИ (Реактивное и интуитивное постижение жизни человека)	<i>ЧЕЛОВЕК КАК ИНДИВИД</i> - <i>обладатель</i> <i>самоконтроля (образа</i> <i>жизни)</i>	<i>ЧЕЛОВЕК КАК ЛИЧНОСТЬ</i> - <i>обладатель самоуправления</i> <i>(мировоззрения)</i>

Рис. 3. Сопряжение политики, как синтеза глобальных изменений и психологии человека, как порождения культуры, религии, науки и цивилизации (Юрьев А.И., 2002.)

Методология политической психологии строится на том, что человек, оказавшийся вне политики, оказывается вне реальных изменений в жизни общества. По этой причине он не может самоосуществиться, т.е. быть счастливым. Стандарты его самоконтроля, саморегуляции, самоуправления, самовоспитания оказываются неадекватными реальной Его устаревший образ жизни, мировоззрение, картина мира ошибочны и отторгаются обществом. Из-за этого отторжения у «человека вне политики» возникают страх перед жизнью, одиночество, скука, апатия, - следствие переживания неполноты бытия.

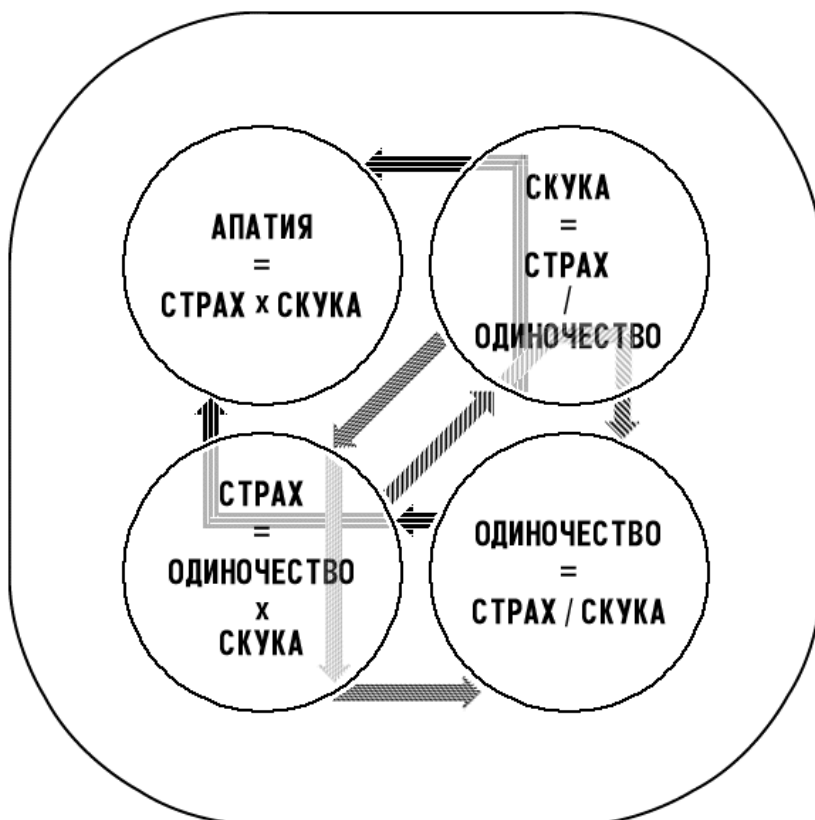

Рис. 4. Сознание человека, находящегося вне политики (Юрьев А.И., 1999.).

В соответствии с этой концепцией методологии политической психологии политика имеет целью преодоление страха перед жизнью, одиночества, скуки, апатии у масс людей. Без этого политика не может выполнить свою функцию обеспечения жизни общества в условиях ее глобальных изменений. Для исполнения своего предназначения, политика используя инструменты изменения цивилизации, науки, культуры, религии добивается формирования смысла жизни (средствами религии и цивилизации), его ценностей средствами культуры и религии), целей жизни (средствами науки и культуры), и главное – воли к жизни (средствами науки и цивилизации).

Методология российской политической психологии требует введения в оборот новых понятий: психологии смысла жизни политического человека, психологии ценностей, психологии целей жизни политического человека и психологии его воли к жизни. В явной и неявной форме политика интегрирует именно эти психолого-политические реальности для достижения своих целей. Но главным в этой концепции является системность свойств политического человека и средств их формирования и модификации. Суть системности заключается в том, что смысл жизни политического человека является производением целей его жизни на его ценности. Соответственно ценности жизни появляются частным от отношения смысла жизни к ее целям, а цель жизни – частным от отношения смысла жизни к ценностям жизни политического человека. Воля к жизни, без которой массы людей не могут придти в движение для реализации политики, является производением смысла жизни на ее цели.

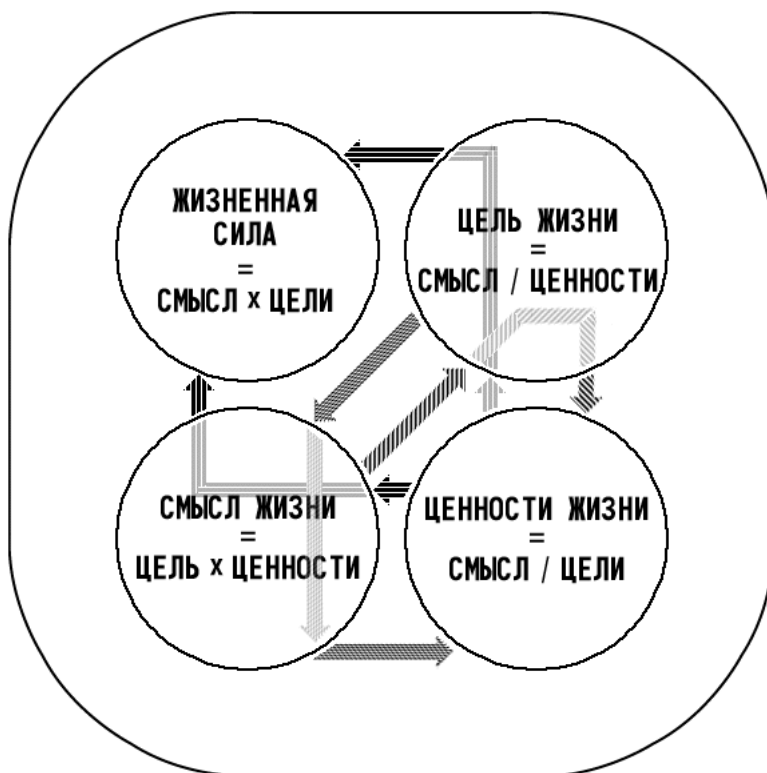

Рис. 5. Сознание политического человека, адекватного глобальным изменениям в мире (Юрьев А.И., 1999.).

В этом и заключается системность методологии политической психологии, разработанная в Санкт-Петербургском государственном университете: а) за смысл жизни, цели жизни, ее ценности и волю к жизни масс людей несет прямую ответственность политика – это ее интеллектуальный продукт. б) Смысл жизни, ее цель, ценности и волю к жизни недопустимо рассматривать в отрыве друг от друга – они являются элементами одной системы и определяют содержание и меру друг друга. Они могут измеряться, можно определить цель политики по ее смыслу и ценностям и т.д.

Результаты. Российская политическая психология в Санкт-Петербургском государственном университете за двадцать лет своего существования была вовлечена в самые ответственные и масштабные российские политические события. На основе собственной теории и методологии преподаватели и сотрудники кафедры выполняли масштабные психолого-политические исследования стабильности в стране и в ее отдельных регионах; измерение «человеческого капитала» регионов РФ. Осуществлялась специальная психолого-политическая подготовка первых лиц государства и руководителей регионов страны. В их числе: формирование первого поколения Представителей Президента РФ, первого поколения назначаемых Губернаторов, подготовка лидеров вновь формирующихся политических партий РФ («Наш Дом Россия», Справедливая Россия» и др.). Преподаватели и выпускники кафедры работали и работают советниками, консультантами руководителей государства, регионов, политических партий, политическими аналитиками и комментаторами на телевидении, в прессе. Руководили избирательными кампаниями многих политических лидеров стран или работали в составе их команд. Примечательно, что «Этический Кодекс российского психолога» был разработан именно политическими психологами, которые наиболее остро понимают важность самоограничений в своей работе.

Политическая психология Санкт-Петербургского университета оправдала свое появление в октябре 1989 года, получила к июлю 2009 года безусловное признание

общественных и государственных лидеров, которые работали с ними. Но это не означает, что судьба политической психологии в РФ безоблачна.

Первая опасность заключается в отрицательном отношении к ней коллег-психологов, откровенно презирающих все, что связано с политикой. Репутация у политики в России, то жестоко запрещаемой, то вульгарно используемой в корпоративных целях исключительно низкая. Кроме того, политическая психология, по своему предназначению, является наукой футурологической, опережающей свое время, вводящей в оборот много новых, непривычных для академической психологии понятий, которые не входят в психологические словари. Поэтому многие психологи-коллеги не понимают политической психологии и всячески препятствуют ее развитию. Особенно тяжело коллеги-психологи переживают сведения о том, что политика определяет направление и границы их психологических исследований, а не их творческий поиск.

Вторая опасность для политической психологии связана с прогностической и аналитической силой ее исследований, которая иногда воспринимается, как опасность для осуществления планов реальных политиков. Мощность заключений и прогнозов политических психологов может влиять на развитие политических событий в стране, хотя не ставят перед собой такой цели. Кроме того, иногда конкуренция между партиями и политиками перерастает в конкуренцию между работающими с ними политическими психологами, которая не имеет ничего общего с интересами науки. Так я, и не только я стали жертвами тактики «устранения консультантов» своих оппонентов. Методы устранения политических психологов ничем не отличаются от устранения конкурирующих политиков.

Эти и другие опасности представляют реальную угрозу для развития политической психологии и нарастания ее общественной полезности. Судьба политической психологии в России после двадцати лет успешного развития весьма неопределенна. Во избежание опасности закрытия кафедры политической психологии в Санкт-Петербургском государственном университете, я предложил место ее заведующего на следующие двадцать лет работы Заместителю Председателя Совета Федерации РФ Мезенцеву Д.Ф. В апреле 2009 он был избран заведующим кафедрой, и остается заведующим несмотря на назначение его Губернатором Иркутской области РФ – далеко в Сибири. Есть надежда, что ему удастся сохранить и развить политическую психологию в России за счет своего государственного и общественного авторитета.

Оптимизм в сохранении и развитии политической психологии в Санкт-Петербургском университете вселяет, как ни странно, мировой экономический кризис. Мир находится перед совершенно новой парадигмой мироустройства и формирования совершенно нового типа человека послекризисного времени. Это открывает перед политической психологией новые возможности – она, как никакая другая наука, близка к решению проблем послекризисных инноваций. Именно на этом направлении стратегического прогнозирования и измерения человеческого капитала будут сосредоточены наши усилия.

Сегодня политическая психология в Санкт-Петербургском государственном университете интенсивно занимается изучением психологии глобализации, политического поведения человека, измерением и формированием человеческого капитала страны, психологией массовидных явлений (толпы, забастовок, митингов, демонстраций), участвует в формировании политических партий России, оценке психолого-политической стабильности общества, психологией политического лидера, и, конечно, психологией стратегического прогнозирования.

Многое из этого отражено в публикациях сотрудников кафедры:

1. «Стратегическая психология глобализации», Колл. монография. (Бианки В.А., Бурикова И.С., Коновалова М.А. и др.) под ред. проф. Юрьева А.И., СПб., 2007.

2. Бианки В.А. «Политическое пространство как психологический феномен». В журн. Вестник СПбГУ, сер.6, 2006, вып.3.
3. Коновалова М.А. «Четыре психологических измерения политической свободы». В журн. Вестник СПбГУ, сер.6, 2006, вып.3.
4. Моторин Д.И. Психология прогнозирования как предмет психологического исследования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6., Вып. 4, 2006.
5. В журн. Вестник СПбГУ, сер.6, 2006, вып.3.
6. Юрьев А.И. «Психолого-политические угрозы глобализации», В журн. Вестник СПбГУ, сер.6, 2006, вып.3,
7. Юрьев А.И. Введение в политическую психологию. СПб., 1992,
8. Юрьев А.И. Системное описание политической психологии. СПб., 1997.

Experience of political psychology in Russia for 20 years: theory, methods, results.

In October, 2009 political psychology in Russia will celebrate its twentieth anniversary. Only twenty years ago the word-combination “political psychology” was officially used for the first time, at the same time there have been created special structures for its studying and practical application which were approved by the state and scientific community. The department of political psychology at the St.-Petersburg State University, founded on October, 6th, 1989 was the first structure of such kind. Later there appeared similar departments at the Moscow State University and Civil Service Academy under the President of the Russian Federation. I’ve been creating this department, and for almost twenty years I was at its head, and today I say goodbye to it. It’s high time to summarize this exclusively interesting, rather difficult, and sometimes even dangerous work in the Russian political psychology.

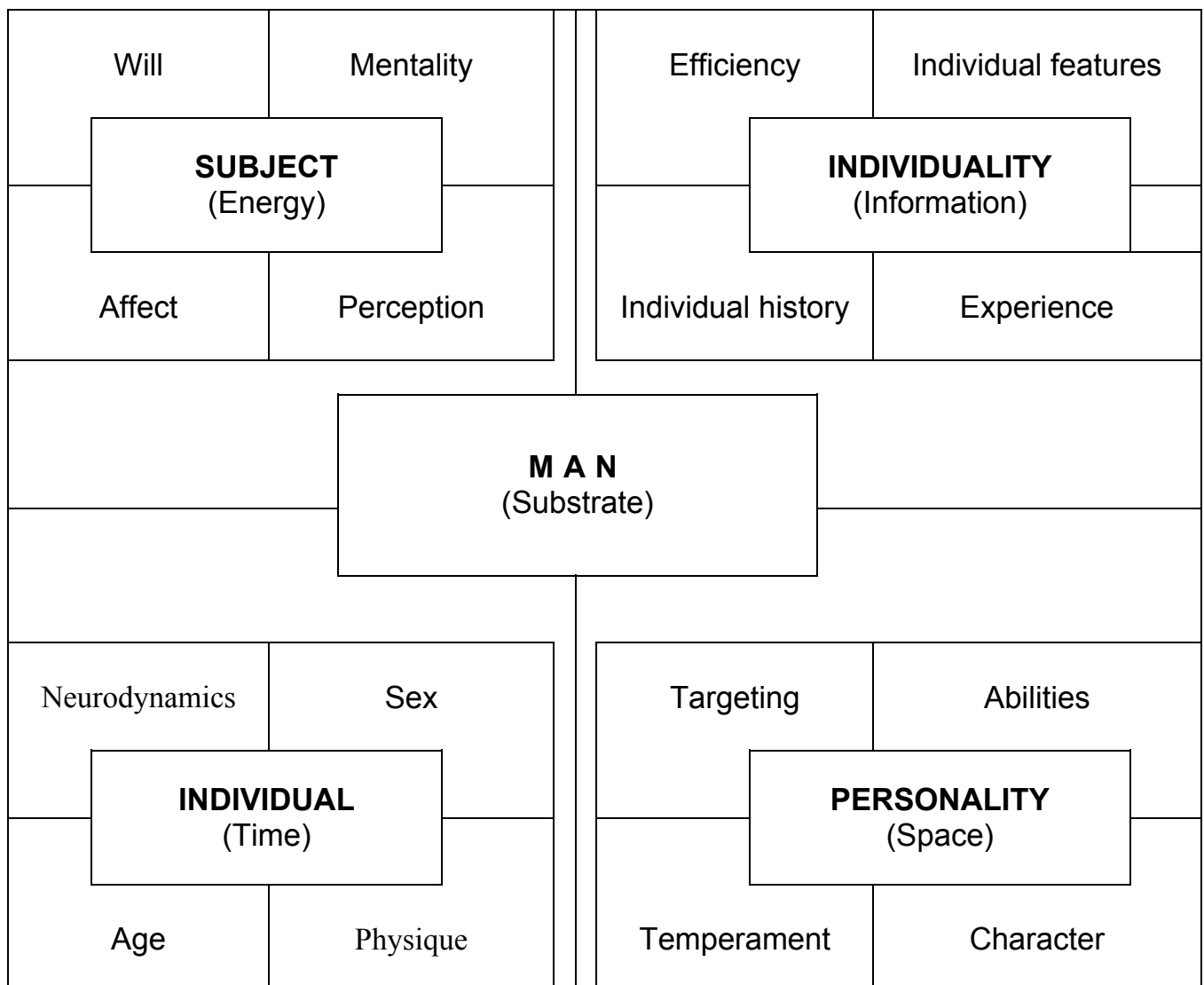
The theory. Just after the department of political psychology at the St.-Petersburg State University has been created, we went to ISPP conference at Washington, in July, 1990. We had to announce of its creation, and get acquainted with the experience of our foreign colleagues in the area of a science which was new to us. Later we made reports at annual ISPP conferences in Spain and in the USA, but then, for the objective reasons, we kept away for a long time. *(In 1995 while working as the adviser of the Government Chairman I became a victim of criminal attempt, and for two years I’ve been healing the received wounds. Nevertheless, the department continued its work, and by 2009 it graduated more than 500 students – political psychologists, and more than forty candidates of sciences on political psychology).*

Of course, we got acquainted with operational experience, articles and monographies of the path-breakers of world political psychology: G.Walles, H.Lasswell, Jeanne M. Knytson, Margaret G. Hermann, H.J.Eysenck, S.A.Renshon, S.L.Long, J.M.Post, B.Glad, G.E.Marcus, T.Bryder, G.Lederer, P.E.Tetlok, R.P.Browning, N.Sanford, M.B.Smith, A.Somit; J.C.Davies; D.Katz, D.R.Kinder; A.H.Bloom, H.C.Kelman; L.W.Pye; M.Deutsch, H.H.Hymen, etc. Our understanding of political psychology and its further development were greatly influenced by these and other experts. Almost all these years we’ve been following up their articles in the received ISPP magazines “Political Psychology”.

Our first discovery concerning the great impact of cross-cultural and historical distinctions on the political psychology forced us to work out the theory of political psychology adequate to the conditions of our country. That is why I would like to devote my report to this original theory. Unfortunately, for a long time the Russian psychological science has been developing in isolation from the world psychological science, and the names of many Russian psychologists are not widely known.

In Russian political psychology we used psychological theories of the prof. Ananiev B.G. and the prof. Ganzen V. A. who were my teachers. The academician Ananiev B.G. was the founder (in 1965) and the main theoretician of the faculty of the psychology in the Leningrad University. The professor Ganzen V. A was the continuer of his doctrine. We used the system analysis of a person, the essence of their theory, in order to describe “a political person”. Of course, we were basing upon the ideas of a “political person” formulated by Lipset S.M. We used the notion of the system belonging to D.Meister, the outstanding expert in ergonomics, formulated as follows: “the system is understood as the organization, where separate elements work together in order to gain the target effect, which can’t be provided by a separate element”.

So, the political person in our system theory is considered as a unity, which consists of the *individual* - the carrier of neurodynamics, sex, age and physique, the *subject* – the carrier of will, mentality, perception and affect, the *personality* – the carrier of temperament, character, abilities and targeting, and the *individuality* – the carrier of experience, individual history, efficiency and features.

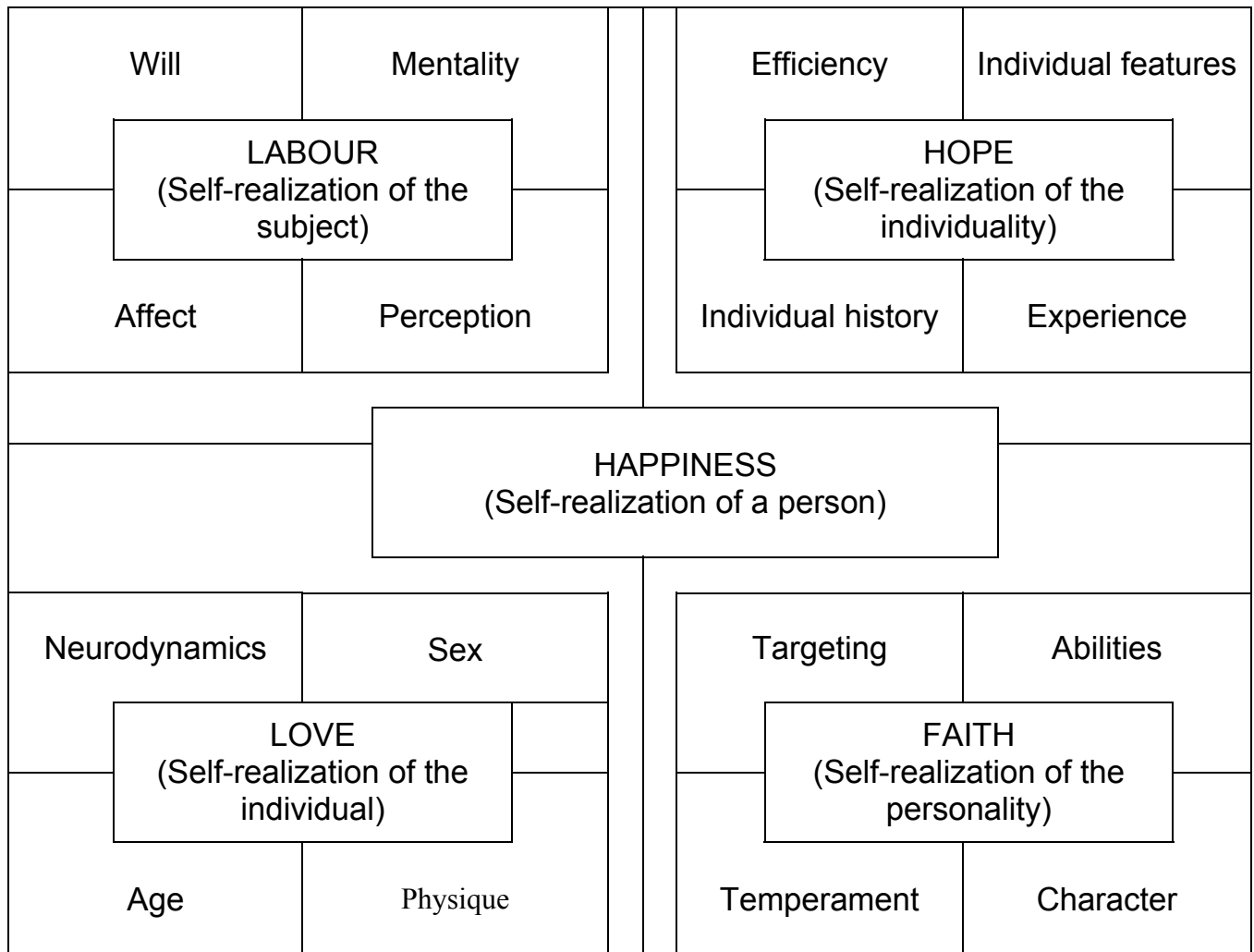
Pic 1. Initial position of the theory: the system description of a person (Ananiev B.G., 1965., Ganzen V. A, 1985).

It is a baseline start of the system theory of the Russian political psychology. The theory is finished by the system description of a person’s happiness (I pass 18 intermediate links in order to save time). According to our theory of a political person, his happiness is a crown, a supreme value, the practical goal and philosophical sense of the politics. These are the first and

last letters of the theory alphabet. All other “letters”, psychological-political variables which are subject to empirical and experimental researches, are between them.

As an axiom we have accepted that the political power and the state are intended for the reproduction of “the human capital assets”- heaps of people who possess the following qualities adequate to time: viability, working efficiency, ability to innovations and learning ability. But the integrated indicator of the politics efficiency is the level of people’s happiness: their feeling of the completeness of their existence, connected with their self-realization. In other words, a person is absolutely happy, if all 16 variables of his psychology are self-realized: mentality, will, abilities, temperament, character, sex, age-related peculiarities, speech, etc. (see pic.1 and 2). The self-realization of his psychological features and peculiarities exerts in the society recognition of the products of his labor and thought, his social position, his personal features. I.e. the products of his mind, will, character, which in the form of inventions, creations and goods obtain user value: they are bought, applied, they excite gratitude. But a person is unhappy if he can not self-realize for some internal or external reasons. The society punishes the guilty person by a notorious misfortune, depriving him of liberty, in fact making his self-realization impossible, i.e. his experiencing of the completeness of his existence becomes reduced.

Psychological-political sense of happiness is a kind of accumulator which gives a “spark” for the activity, labor and work of a political person. Only happiness provides the so-called upsurge of vital and creative efforts of a person and society prosperity. The misfortune makes a person vulnerable for illnesses, mental deviations, displaces him from the society, from life. The misfortune induces a lot of people to gather in crowds, meetings, demonstrations, strikes. The misfortune of critical mass of people causes disorders and revolutions.

Pic 2. The final position of the theory: final psychological sense, goal, value and real capacity of the politics (Juriev A.I., 1997).

We have decided that the political psychology is intended for: 1) estimations of people's happiness level through the estimation of self-realization level of their psychological parameters, 2) detection of psychological-political factors defining a person's happiness, shown in his real labor, activity, behavior, actions, and 3) development of practical recommendations for modern forms and methods of self-realization of a political person. The results of the work of the political psychology are intended for any leaders (political, social, cultural, financial), who affect the possibility of people's self-realization, their experiencing the completeness of their existence in a way to be happy. Another question concerns the volume of theoretical problems solved by the political psychology, and the methods of their solution.

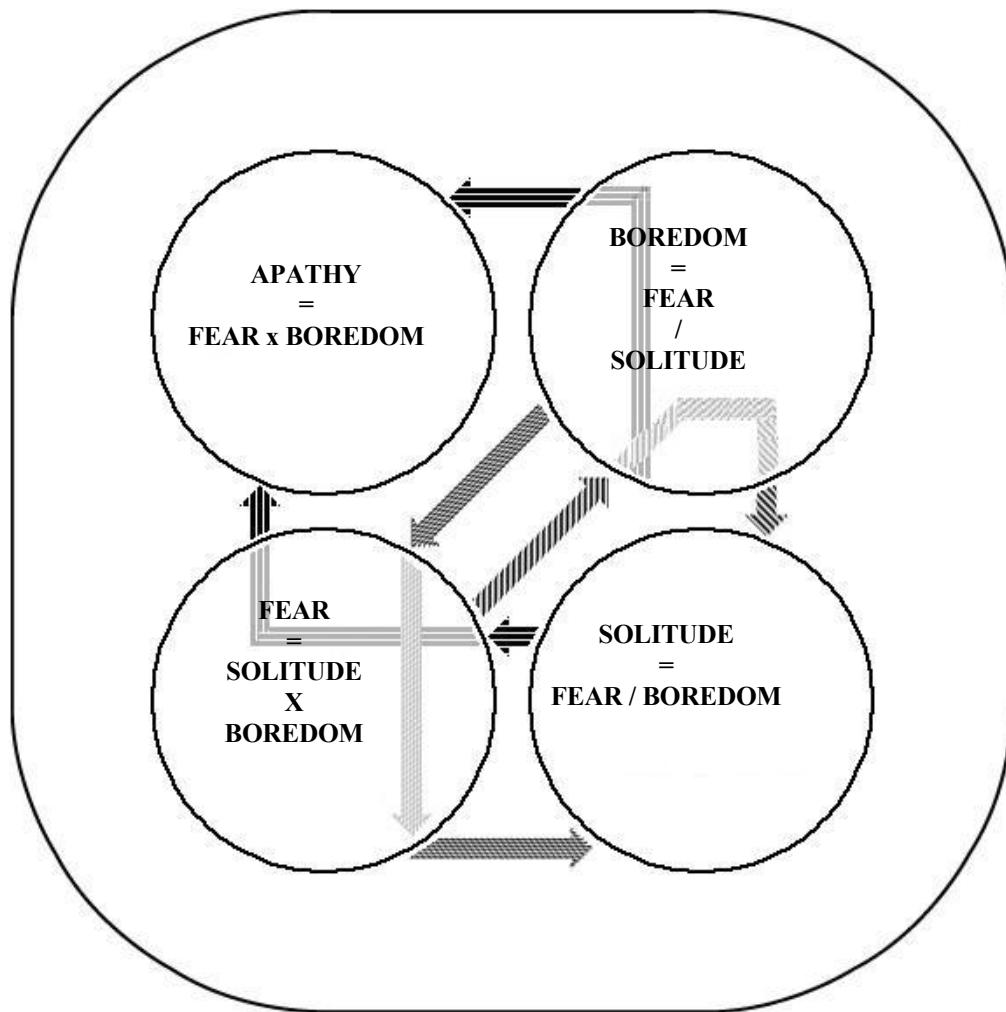
Methodology. From the point of view of the methodology of political psychology a person is the one who possesses self-control (the function of a person as the individual), self-regulation (the function of a person as the subject), self-management (the function of a person as the personality), and self-education (the function of a person as the individuality), i.e. the one who possesses the consciousness of a political person. The extent, the volume, the clearness of the consciousness vary within "the human limits" and it defines the extent of humanity in each of us. The core of the methodology of political psychology is the statement that the politics changes the consciousness of a person because it integrates all global changes in the world. A person doesn't exist in "vacuum", he is a product of the political system which completely changes his psychology, using its authoritative possibilities for this purpose. The politics influences the

mentality of a person by means of global changes which it carries out: 1. change of the civilization (material environment of his life and labor style), 2. change of the culture (informational environment of his world view and outlook), 3. change of the science (intellectual environment of his labor and world view) and 4. change of the religion (moral environment of his life-style and outlook).

POLITICS - Synthesis of global changes	change of the CIVILIZATION (Material regulation of human life)	change of the CULTURE (Ideal reflection of human life)
change of the SCIENCE (Active and rational understanding of human life)	<i>A PERSON AS THE SUBJECT self-control possessor (life philosophy)</i>	<i>A PERSON AS THE INDIVIDUALITY self-education possessor (world image)</i>
change of the RELIGION (Reactive and intuitive comprehension of human life)	<i>A PERSON AS THE INDIVIDUAL self-control possessor (way of life)</i>	<i>A PERSON AS THE PERSONALITY self-management possessor (world view)</i>

Pic. 3. Interfacing of the politics, as the synthesis of global changes, and the psychology of a person, as generated by culture, religion, science and civilization (Juriev A.I., 2002.)

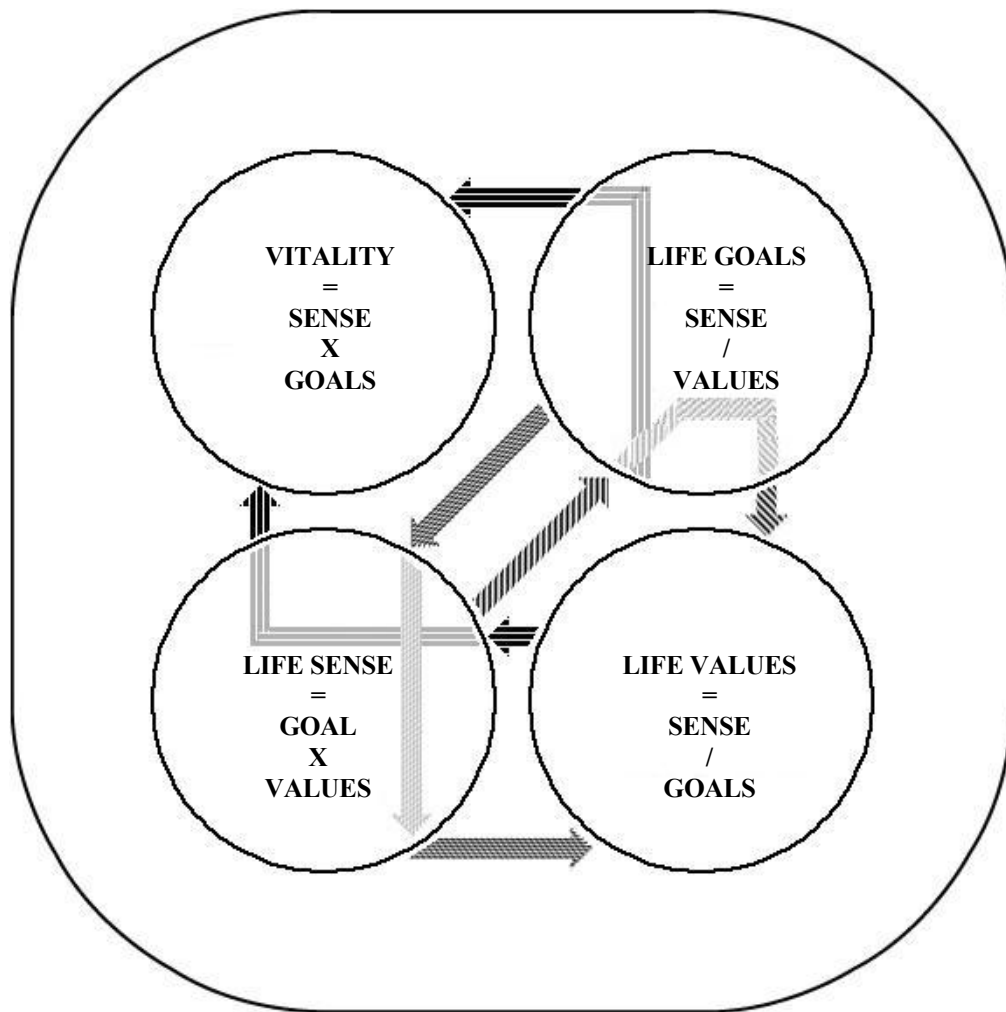
The methodology of political psychology is basing upon the following fact: a person, who has found himself outside the politics, finds himself outside real changes in the life of the society. For this reason he cannot self-realize, i.e. to be happy. The standards of his self-control, self-regulation, self-management, and self-education become inadequate to real life. His outdated way of life, outlook, and world view are false and are rejected by the society. This rejection makes “a person outside the politics” feel the life fear, solitude, boredom, apathy, and as a consequence to experience of incompleteness of his existence.

Pic. 4. The consciousness of a person who is outside the politics (Juriev A.I., 1999.).

According to this concept of the methodology of political psychology, the politics aims to overcome people's life fear, solitude, boredom, apathy. Otherwise the politics cannot execute its function – to maintain the life of the society in the conditions of its global changes. In order to fulfill its intended purpose, the politics achieves the formation of life sense (by means of religion and civilization), its values (by means of culture and religion), the life goals (by means of science and culture), and the most important – the will to live (by means of science and civilization).

The methodology of Russian political psychology demands the introduction of new notions, concerning the political person: the psychology of his life sense, the psychology of his values, the psychology of his life goals, and the psychology of his will to live. In obvious and implicit forms the politics integrates these psychological-political realities in order to achieve its goals. The main thing in this concept is the consistency of features of a political person and the means of their formation and development. The essence of the consistency can be formulated as follows: the life sense of a political person is the product of his life goals on his values. Accordingly, his life values appear as a quotient from the dependence of his life sense to its goals, and his life goals are a quotient from the dependence of his life sense to his life values. The will to live, which makes the people's movement to the politics realization possible, is the product of the life sense on its goals.

Pic. 5. The consciousness of a political person, adequate to global changes in the world (Juriev A.I., 1999.).

The consistency of the methodology of political psychology, developed in the St.-Petersburg State University consists in the following: a) the politics bears direct responsibility for people's life sense, their life goals, values and the will to live – it is its intellectual product; b) the life sense, its goal, values and the will to live can not be considered separate from each other – they are the elements of one unity and they define the content and extinct of each other. They can be estimated, it is possible to define the goal of the politics basing on its sense and values etc.

The Results. In the course of twenty years the Russian political psychology at the St.-Petersburg State University has been involved into the most responsible and large-scale political events of the country. On the basis of our own theory and methodology, the lecturers and the staff of the department has carried out large-scale psychological-political researches of stability in the country and in separate regions; the estimation of “human capital assets” in the regions of the Russian Federation. We have carried out special psychological-political training of the chief executives of the state and the heads of the country regions, for example the formation of the first generation of the Presidential Envoys, the first generation of the appointed Governors, the training of leaders of newly-forming political parties (“Russia is our home”, “Fair Russia”, etc.) . The lecturers and the graduates of the department have been working as the advisers of the heads of the state, regions and political parties, as political analysts and commentators on TV; they have been in charge of electoral campaigns of countries political leaders or have been working as a part of their teams. It is remarkable that “the Ethical Code of the Russian psychologist” has

been developed by political psychologists who keenly understand the importance of self-restrictions in their work.

The political psychology of the St.-Petersburg University has justified its occurrence in October, 1989. By July, 2009 it has received absolute recognition of social and state leaders who had worked with it. But it does not mean that the destiny of political psychology in the Russian Federation is fiesty.

The first danger consists in the negative attitude of the psychologists, who frankly despise everything that is connected with politics. The reputation of the politics in Russia, now severely forbidden, and then vulgarly used in the corporation purposes, is extremely low. Besides, the political psychology has a mission of futurological science, which is far ahead of its time, which introduces into academic psychology a lot of new, unusual notions that are not included into psychological dictionaries. That is why many psychologists do not understand political psychology and interfere with its development in every possible way. The fact that it is the politics that defines the directions and borders of their psychological researches, but not their creative search, is taken by the psychologists especially heavy.

The second danger to political psychology is connected with prognostic and analytical force of its researches, which is sometimes perceived, as a danger to realization of the plans of real politicians. The capacity of the conclusions and forecasts provided by political psychologists can influence the development of political events in the country, though it doesn't set up such a goal. Besides, sometimes the competition between the parties and politicians develops into the competition between political psychologists working with them, which has nothing in common with the interests of the science. In such a way I, as well as some other people, have become the victims of the tactics called "the elimination of opponents' advisers". Methods of elimination of political psychologists are absolutely identical with the methods of elimination of competing politicians.

These and other dangers pose a real threat for the development of political psychology and the increase of its public utility. In the course of twenty years of successful development the destiny of political psychology in Russia is uncertain. In order to avoid the danger of the shutdown of the department of political psychology at the St.-Petersburg State University, I have offered the place of its chief, for next twenty years of work, to the Vice-president of the Federation Council of the Russian Federation Mezentsev D.F. In April 2009 he was elected the Department Chairman, and remains in his capacity despite his appointment as the Governor of the Irkutsk region, far in Siberia. There is a hope that he will manage to keep and develop political psychology in Russia at the expense of his state and social authority.

The optimism concerning the preservation and development of the political psychology at the St.-Petersburg University is inspired by the world economical crisis. The world is facing absolutely new paradigm of world order and the formation of absolutely new human type – a person of the post-crisis time. It opens up new opportunities for the political psychology, as no other science is so close to the solution of the problems of post-crisis innovations. Our efforts will be concentrated specifically on this direction of strategic prognostication and estimation of human capital assets.

Nowadays the political psychology at the St.-Petersburg State University is engaged in active studying of the globalization psychology, political behavior of a person, estimation and formation of human capital assets, psychology of mass phenomena (crowds, strikes, meetings, demonstrations), it also participates in the formation of political parties of the country, estimation of psychological-political stability of the society, psychology of the political leader, and, of course, psychology of strategic prognostication.

Much of the above-mentioned information can be found in the publications of the department staff:

1. "Strategical psychology of globalization", multi-author book (Bianki V.A., Burikova I.S., Konovalova M.A and others) under the editorship of prof. Juriev A.I., SPb, 2007.

2. In the magazine "SPbSU (St. Petersburg State University) Bulletin", series 6, 2006, issue 3
3. In the magazine "SPbSU (St. Petersburg State University) Bulletin", series 6, 2006, issue 3
4. Motorin D.I. "The forecasting psychology as the subject of psychological research." // SPbSU Bulletin, series 6, issue 4, 2006
5. In the magazine "SPbSU Bulletin", series 6, 2006, issue 3
6. Juriev A.I. "Psychological-political challenges of globalization", in the magazine "SPbSU Bulletin", series 6, 2006, issue 3
7. Juriev A.I. "Introduction into the political psychology", SPb 1992
8. Juriev A.I. "Systematic description of the political psychology", SPb, 1997.

Коновалова М.А. к.п.н. Теория и практика измерения психологии свободы в России.

Изучение проблемы свободы в российской политической психологии ставило целью перевести философские споры вокруг свободы в конкретные знания и социальные технологии, пригодные для политической практики. Пока в российской политической психологии не проводилось исследований свободы, которые опирались бы на данные эмпирических исследований. Поэтому в науке нет сведений о том, какими психологическими и социальными параметрами определяется способность человека быть свободным.

Теоретико-методической основой исследования стали междисциплинарный подход к изучению психики человека академика Б.Г.Ананьева, системные описания в психологии проф. В.А.Ганзена и пространственная концепция свободы Д.Нолана. «Система свободы», как пространства, образованного осями личностной, экономической и политической свободы человека была заимствована из теории и апробированных измерений Д. Нолана, который использовал для этого вопросы практического характера, имеющего существенное значение для человека здесь и сейчас.

Новизна нашего исследования заключалась в том, что, во-первых, мы рассчитывали интегральный показатель свободы, как точку в трехмерном пространстве, образованном личностной, экономической и политической свободами человека. Во-вторых, устанавливалось, какими психологическими и социальными параметрами определяется способность человека быть свободным. В-третьих, мы сравнивали уровень реально имеющихся (реализуемых) человеком свобод с уровнем идеально желаемых свобод, а так же с уровнем свобод, законодательно утвержденных государством. В-четвертых, устанавливалась связь между уровнем реализуемой экономической, политической и личной свободы человека и его психологическими особенностями, и его социально-психологическим статусом. Мы считали, что только так можно примирить противоречивые теории, концепции, толкования свободы.

В качестве объекта исследования выступали 1223 респондента. 897 из них жители двух регионов РФ. Выборка строилась на квотной основе: пол, возраст, социальный статус респондентов. Квоты идентичны параметрам генеральной совокупности жителей данных регионов. 326 человек - активисты одной из политических партий из разных регионов страны.

Процедура исследования, в среднем, занимала 2 часа 30 минут на одного испытуемого, и состояла из четырех частей:

- 1) Анкета для психолого-политической оценки свободы человека по трем шкалам: свобод «реально имеющихся» и свобод «желаемых».
- 2) Методик измерения психофизиологических показателей;
- 3) Психологические бланковые методики;
- 4) Социологическая анкета Центра Стратегических Разработок.

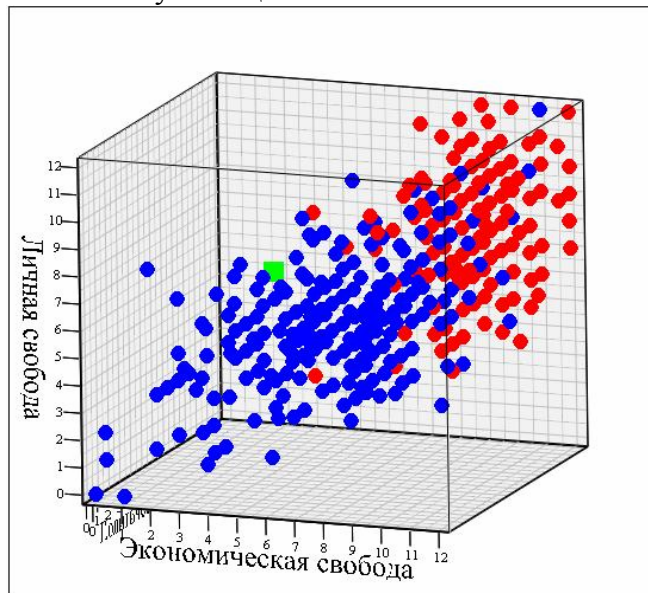
Методы обработки огромного массива полученных данных позволяли по данным измерения свободы человека по трем осям: экономической свободы, личностной свободы, политической свободы осуществить визуализацию данных с использованием прикладного математического пакета Mathcad 12 for Windows. Данные читались из пакета Excel с помощью функции READFILE("Freed_2.xls","Excel"). Результаты представлены на рисунке 1.

Визуализация полученных данных в трехмерном пространстве психолого-политической свободы человека выявила три важнейших факта:

Область синих точек, каждая из которых представляет место конкретного испытуемого в пространстве свободы, показывает, что основная масса людей реализует в своей повседневной жизни свободу меньшую, чем 50% от максимально возможной (12 баллов по каждой из осей).

Область красных точек показывает, что люди хотели бы иметь свободу, большую, чем 50% от максимально возможной, хотя отдельные испытуемые (синие точки среди красных) реализуют идеал уже сейчас.

Рис. 1. Визуализация психолого-политического пространства свободы человека.

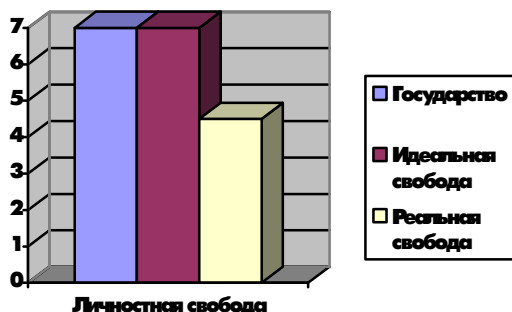
Зеленая точка – свобода, которая законодательно закреплена в РФ, оказалась вне пространства как идеальных, так и реализуемых свобод, словно не имеет отношения к реальной жизни. Из 300 респондентов ни один не совпал с образом "идеального гражданина". Как качественно, так и количественно (почти половина респондентов "не дотягивают" до зеленой точки) государство и население существуют "в разных мирах".

Первичный статистический анализ полученных в результате исследования данных позволяет построить сравнительную таблицу средних величин и стандартного отклонения по каждой шкале идеальных (далее в тексте И) и реальных (далее в тексте Р) свобод (см. табл. 1.).

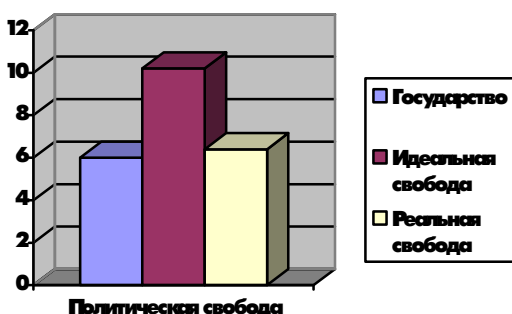
Табл. 1. Эмпирически установленные общие значения трех осей, образующих психолого-политическое пространство свободы человека: личностных, экономических и политических свобод человека.

СВОБОДЫ	Мера свобод зафиксированная в законодательстве Российской Федерации (Г)	Мнение респондента о том, какими свободами должны обладать все граждане (идеальное - И)		Мнение респондента о том, какими свободами должны обладать все граждане (идеальное - И)	
		Среднее	Std.Dev	Среднее	Std.Dev
Личностные	7	7,0	1,9	4,5	1,8
Политические	6	10,2	1,6	6,4	2,1
Экономические	4	9,1	1,6	5,5	2,2

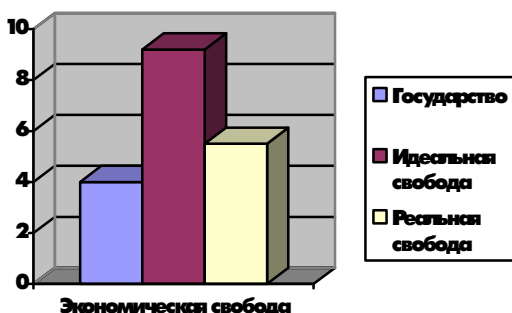
Представленные результаты показывают, что наименее "болезненно" положение с личностными свободами. Здесь мнение респондентов о том, какими личными свободами должны обладать все граждане, совпадает с мерой личных свобод, предоставленных им уже сейчас государством ($I - \Gamma = 0$). Причем, реально они пользуются в повседневной жизни, меньшим их количеством, что, по всей видимости, не вызывает у населения психологического дискомфорта ($P - \Gamma = -2,5$).

Существенная разница наблюдается между желаемыми для всех граждан политическими свободами и теми, что предоставляются государством ($I - \Gamma = 4,2$). Причем, респонденты наиболее точно оценили свои реальные политические возможности относительно меры политических свобод, предоставленных государством ($P - \Gamma = 0,4$).

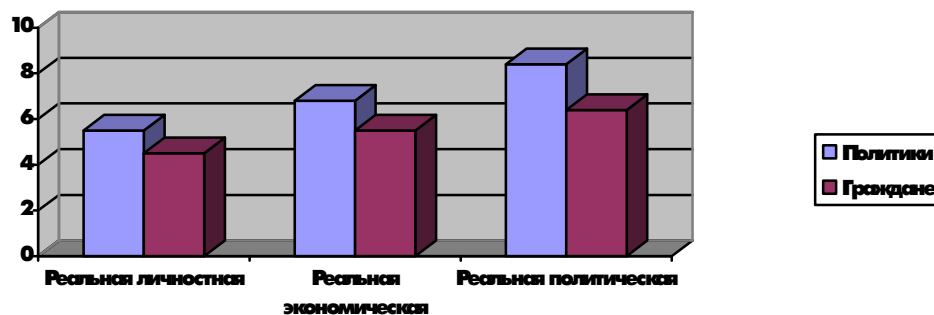
Несколько иная картина наблюдается в сфере экономических свобод – при еще большем разрыве между мерой государственных экономических свобод и желаемой для всех граждан мерой экономических свобод ($I - \Gamma = 5,1$), в реальном поведении граждане активнее действуют в направлении своего идеала ($P - \Gamma = 1,5$). С одной стороны, это отражение реально существующей теневой экономики в сознании людей и более слабого контроля со стороны государства в этой сфере свободы, а с другой стороны, это признак особого напряжения в отношениях между государством и обществом.

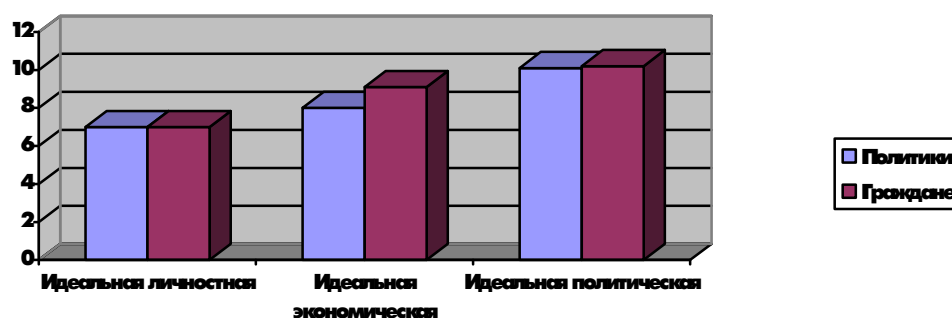
Разница в средних значениях между реальными и идеальными свободами по политической и экономической шкалам примерно одинакова – 4 и 3,6 соответственно, по шкале личной свободы эта разница составляет 2,5.

Показатели стандартного отклонения в области идеальных свобод в среднем меньше, чем в области реальных свобод, что может свидетельствовать о большем единодушии респондентов в оценке желаемого объема свободы, и большем разнообразии объема имеющихся реально свобод у респондентов в данной выборке.

Сравнение результатов исследования группы активистов одной из политических партий России (326 человек) с результатами исследования населения оказалось, что в области реальной свободы группа «политиков» обладает большим объемом свобод, чем обычные граждане (достоверность различий на уровне 0,01), причем самый большой разрыв между группами по шкале реальных политических свобод – 2 балла.

В области идеальных свобод значимое различие между группами «политиков» и обычных граждан было обнаружено только по оси экономической свободы – 1,1 балла (достоверность различий на уровне 0,01).

Важной целью эмпирического исследования было получение психолого-политического комплекса «способности быть свободным», который получался в результате корреляций между показателями реализуемой и идеальной свобод респондента и его психологическими, и социально-экономическими характеристиками. Для этого использовалась батарея психологических тестов, состоящая из 7 методик и анкета, оценивающая социально-экономическое состояние испытуемого.

Связь экономических свобод с психологическими особенностями человека. Респонденты, считающие необходимым предоставить гражданам максимальный объем экономических свобод не избегают конфликтов, не стремятся заслужить одобрение окружающих к себе. Для них характерны снижение осмотрительности и осторожности в поступках, отсутствие щепетильности в вопросах морали, откровенность, самокритичность.

Чем люди моложе, чем выше среднемесячный доход их семьи, чем лучше их самочувствие и активность, тем больший объем экономических свобод они реализуют в своей повседневной жизни. Это респонденты обладают хорошей кратковременной и долговременной памятью на слова, быстро и безошибочно выполняют тест на внимание, имеют сниженные показатели ситуативной и личностной тревожности. Это искренние люди, берущие ответственность на себя, спонтанные в самореализации, активные,

самостоятельные, независимые, общительные, незастенчивые. Для этих респондентов характерно сниженное настроение.

На основании анализа полученных данных были сделаны следующие выводы:

1. Свобода может быть представлена в форме трехмерного психологического «пространства свободы».
2. Свобода человека поддается эмпирическому изучению и измерению в рамках трехмерной модели.
3. Мера реализуемой человеком свободы и желаемой (идеальной) связана с психологическими особенностями и социально-экономическим статусом личности.
4. Существует качественная и количественная разница между идеальными представлениями людей о необходимой мере свободы и мерой реализуемых в повседневной жизни свобод, которая поддается измерению.

Theory and practice of measuring the psychology of freedom in Russia.

Studying the problem of freedom in the Russian political psychology has aimed to transfer philosophical disputes about freedom into concrete knowledge and social technologies, suitable for political practice. No researches of freedom that would rest upon the data of empirical researches have been carried out in the Russian political psychology yet. That is why the science has no data regarding psychological and social parameters that define the ability of a person to be free.

Theoretic-methodical background of the research is based upon academician B.G.Ananov's interdisciplinary approach to studying a person's mentality, system definitions in psychology by the prof. V.A.Ganzen and the spatial concept of freedom by D.Nolan. «The System of Freedom», as a space formed by axes of personal, economical and political freedoms of a person was taken from the theory and approved measurements of D.Nolan who used for this purpose practical questions that have essential value for a person here and now.

The novelty of our research consisted in several aspects. Firstly, we have estimated the integrated indicator of freedom as a point in three-dimensional space, formed by personal, economical and political freedom of a person. Secondly, we have determined what psychological and social parameters define the ability of a person to be free. Thirdly, we have compared the level of really available (realized) freedoms of a person to the level of ideally desirable freedoms, and to the level of freedoms legislatively approved by the state. Fourthly, we have established the connections between the level of realizing economical, political and personal freedoms of a person with his psychological features and social-psychological status. We have considered that only in this way it is possible to reconcile inconsistent theories, concepts and definitions of freedom.

As the object of the research there were taken 1223 respondents. 897 of them were the inhabitants of two regions of the Russian Federation. The sampling was carried out on quota basis: sex, age, social status of the respondents. The quotas are identical to the parameters of general totality of the inhabitants of given regions. 326 persons were the activists of one of the political parties from different regions of the country.

The procedure of the research took on the average 2 hours 30 minutes per every examinee, and consisted of four parts:

- 1) The questionnaires for a psychological-political estimation of a person's freedom on three scales: "really available" freedoms and "desirable" freedoms.
- 2) The estimation techniques of psycho-physiological indicators;
- 3) Psychological blank techniques;
- 4) Sociological questionnaire of the Center of Strategic Research.

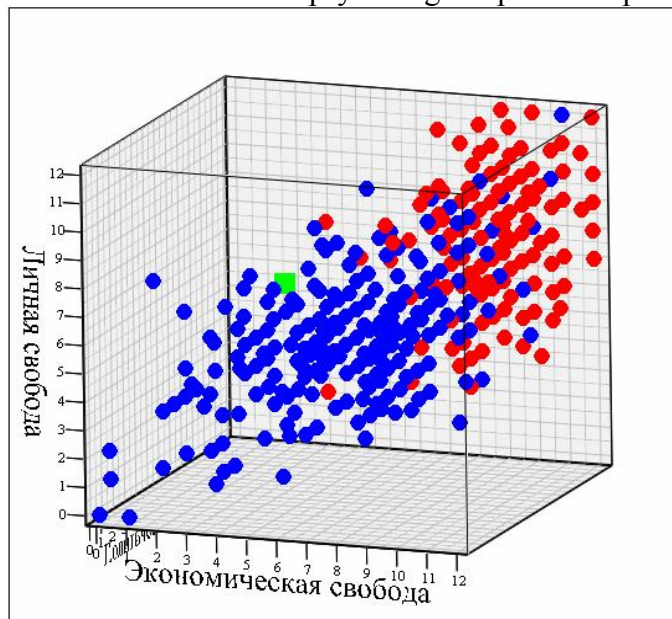
The techniques for the processing of great amount of the received information allowed to bring about the data visualization with the help of applicable math package, basing on the estimations of a person's freedom on three axes: economical freedom, personal freedom, and political freedom.

The visualization of the received data in three-dimensional space of psychological-political freedom of the person has revealed two major facts:

The area of blue points, each of which represents the place of a concrete examinee in the space of freedom, shows that the majority of people realize in their everyday life less than 50% of maximum possible freedoms (12 points on each of axes).

The area of red points shows that people would like to obtain more than 50% of maximum possible freedoms, though separate examinees (blue points among red) realize their ideal even now.

Pic. 1. Visualization of psychological-political space of a person's freedom.

Green point that indicates freedom legislated in the Russian Federation has appeared out of space of both ideal, and realized freedoms as if it is beside the real life. None of 300 respondents has coincided with the image of “the ideal citizen”. Both qualitatively and quantitatively (almost half of respondents “do not reach” the green point) the state and the citizens exist “in different worlds”.

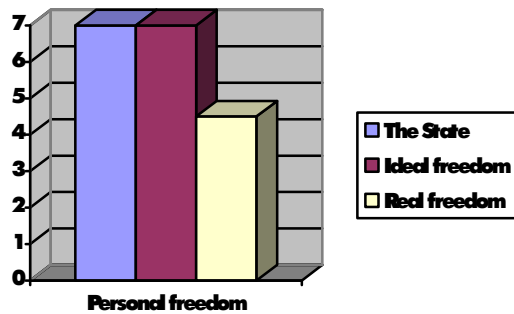
The primary statistical analysis of the data received as a result of the research allows to construct the comparative table of average sizes and standard deviation on each scale of ideal (further in the text I) and real (further in the text R) freedoms (see table 1).

Table. 1. Empirically established general meanings of three axes forming psychological-political space of a person's freedoms: personal, economical and political.

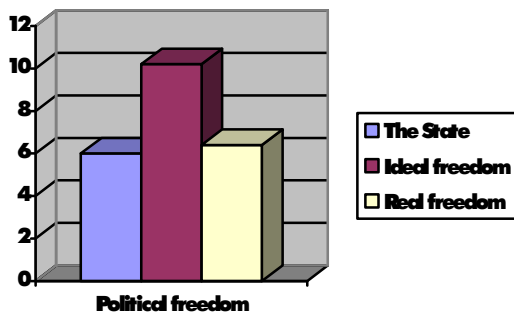
FREEDOMS	Measure of freedoms fixed in the legislation of the Russian Federation (S)	The opinion of a respondent regarding the freedoms that all citizens should possess (ideal - I)		The opinion of a respondent regarding the freedoms which he possesses at present time (real - R)	
		Average	Std.Dev	Average	Std.Dev
Personal	7	7,0	1,9	4,5	1,8
Political	6	10,2	1,6	6,4	2,1
Economical	4	9,1	1,6	5,5	2,2

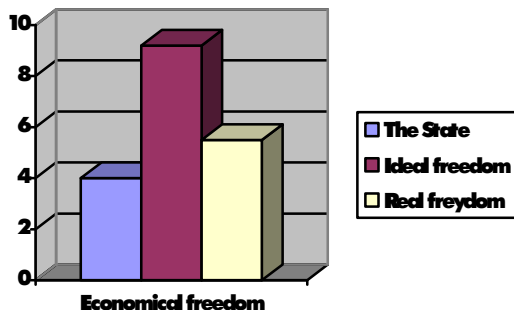
The presented results show that situation with personal freedoms is the least afflictive. Here the opinion of respondents regarding personal freedoms that all citizens should possess, coincides with the measure of personal freedoms already given to them by the state ($I - S = 0$). Notably in reality in everyday life they use their smaller quantity which, most likely, does not cause psychological discomfort ($R - S = -2.5$).

The essential difference is observed between political freedoms desirable for all citizens and those provided by the state ($I - S = 4.2$). Besides, the respondents have estimated more precisely their real political possibilities concerning the measure of political freedoms provided by the state ($R - S = 0,4$).

A somewhat different situation is observed in the sphere of economical freedoms – at even bigger rupture between the measures of state economical freedoms and the measures of economical freedoms desirable for all citizens ($I - S = 5,1$), in real behavior the citizens operate in the direction of their ideal more actively ($R - S = 1,5$). On the one hand, it is the reflexion of real-life shadow economy in people's consciousness and of weaker state control in this sphere of freedom, and on the other hand, it is a sign of special pressure in relations between the state and the society.

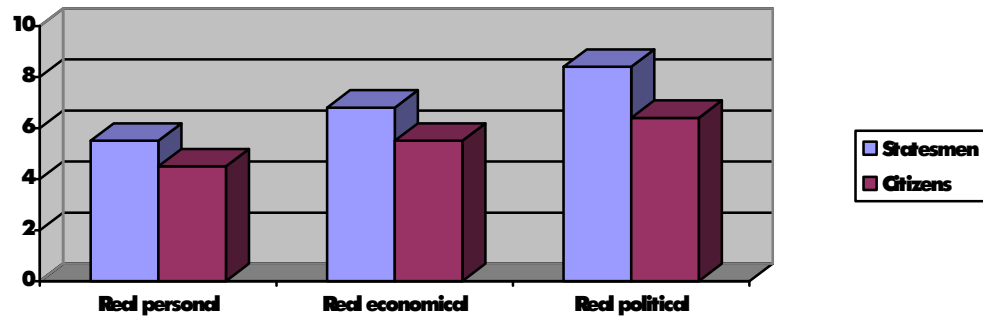

The difference in average values between real and ideal freedoms on political and economical scales is approximately identical – 4 and 3.6 accordingly, on the scale of personal freedom this difference makes up 2.5.

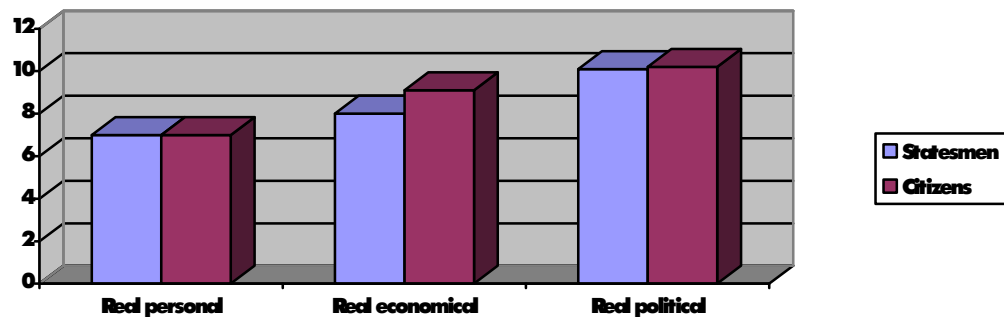
The indicators of standard deviation in the field of ideal freedoms on the average are less than in the field of real freedoms that gives testimony to the unanimity of the respondents in

estimation of desirable freedom volumes, and shows that the respondents of this sampling really possess greater variety of freedoms.

The comparison of the research results of the militants of one of the political parties of Russia (326 persons) with the research results of the citizens has shown that in the field of real freedom the group of "politicians" possesses greater volume of freedoms, than usual citizens (reliability of distinctions is at level 0.01), and the biggest rupture between the groups is on the scale of real political freedoms – 2 points.

In the field of real freedoms the significant distinctions between the groups of "politicians" and usual citizens were revealed only on axis of economical freedom – 1.1 points (reliability of distinctions is at level 0.01).

The important purpose of empirical research was to receive a psychological-political complex of "the ability to be free", which resulted from correlations between the indicators of realizing and ideal freedoms of a respondent and his psychological and social-economical characteristics. For this purpose there was used a battery of psychological tests, consisting of 7 techniques and a questionnaire, that estimates social-economical condition of the examinee.

The connection of economical freedoms with psychological features of a person.

The respondents who consider that it is necessary to provide the citizens with maximum volume of economical freedoms do not avoid conflicts; do not aspire to be met with approval of other people. They are characterized by decrease of discretion and prudence in their actions, lack of scrupulousness in morals matters, frankness, and self-criticism.

The younger people are, the higher average monthly income their families have, the better their state of health and activity is, the greater volume of economical freedoms they realize in everyday life. These respondents possess good short-term and long-term memory on words, carry out the attentiveness test quickly and unmistakably, have lowered indicators of situational and personal anxiety. These are sincere people who make themselves responsible, spontaneous in self-realization, active, and independent, sociable, not timid. These respondents are characterized by lowered mood.

On the basis of analyzing the received data there were drawn up the following conclusions:

1. Freedom can be presented in the form of three-dimensional psychological "freedom space".

2. Freedom of a person can be empirically researched and measured within the limits of three-dimensional model.
3. The volume of freedom realized by a person and desirable (ideal) freedom is connected with psychological features and the social-economical status of this person.
4. There exist qualitative and quantitative difference between ideal perceptions of necessary volume of freedoms and the volume of freedoms that is realized in everyday life, which can be measured.

Бурикова И.С. к.пс.н. Изучение человеческого капитала как задача политической психологии.

Понятие «человеческий капитал», как известно было введено в оборот не психологами, а экономистами. Еще в XVII в. родоначальник английской классической политэкономии У. Петти впервые предпринял попытку оценить денежную стоимость производительных свойств человеческой личности. Он считал, что «весь род людской имеет такую же стоимость, как и земля, будучи по своей природе столь же непреходящим». Экономисты определили человеческий капитал, как сформированный в результате инвестиций и накопленный человеком определенный запас здоровья, знаний, навыков, способностей, мотивации, которые ведут к росту квалификации работника. Но вся экономическая концепция человеческого капитала понималась и измерялась в терминах финансового капитала, не давая представлений о том, какие конкретные качества человека составляют сущность человеческого капитала? В результате мир «накопил» невероятный запас финансового капитала, который неадекватен человеческому капиталу, который должен быть симметричен финансовому. Вся проблема сегодняшнего экономического кризиса – это несимметричность финансового и человеческого капитала.

Внимание к человеческому капиталу в России обусловлено ее особой проблемой – катастрофическим сокращением работоспособного населения. При наличии огромных природных ресурсов и финансовых резервов страна стоит перед вероятным «человеческим дефолтом» - отсутствием достаточного количества людей современного качества для их использования. Поэтому в конце 90-х годов проф. Юрьевым А.И. были предприняты попытки теоретически описать психологию человеческого капитала и начать его систематические измерения для модификации политики в области его наращивания. Надо сказать, что идея человеческого капитала в этой интерпретации трудно воспринимается, хотя за десять лет удалось ввести этот термин в государственные планы России.

В основе исследования лежит теоретическая модель оценки человеческого капитала, разработанная на кафедре политической психологии Санкт-Петербургского Государственного Университета под руководством профессора, доктора психологических наук Юрьева А.И.. Модель использует методические разработки академика Б.Г. Ананьева и профессора В.А. Ганзена. Согласно теоретическим разработкам, человеческий капитал – количество и качество людей, пригодных по своим медицинским показателям, психологическим, интеллектуальным, культурным, профессиональным параметрам для конкурентной борьбы. Человеческий капитал обладает четырьмя базовыми способностями:

1) Жизнеспособность – способность человека воспроизводить себя, т.е. способность жить в неких оптимальных условиях и давать потомство. Эта способность соответствует природным свойствам и естественному смыслу жизни индивида – сохранению себя и потомства.

2) Работоспособность – способность человека выполнять определенную работу в необходимом количестве и с необходимым качеством. Работоспособность является свойством человека как субъекта деятельности, характеризует некую меру жизненной энергии человека.

3) Способность к инновациям – способность человека адаптироваться к нововведениям в различных сферах жизни. Это способность изменять свое сознание и поведение вслед за изменением внешних условий. Способность к инновациям – характеристика человека как личности, субъекта общественных отношений. Современный мир так стремительно меняется, что для многих людей становится проблемой адаптация к этим переменам. Ценности играют роль той основы, которая помогает человеку выжить, сохранить себя. И только очень немногие люди могут не только приспособиться к переменам, но и сами принимать участие в создании будущего мира. Это мы и называем

способностью к обучению. В отличие от способности к инновациям, которая характеризует меру адаптивности человека к меняющимся условиям, способность к обучению – это способность самому изменять внешнюю среду.

4) Способность к обучению – способность человека приобретать новые знания, умения, навыки. Способность к обучению - свойство человека как индивидуальности, неповторимой своеобразной сущности. Эта способность связана с целями жизни, т.к. именно цель как осознанный образ предвосхищаемого будущего определяет нашу жизнь в настоящем. В философии под целью понимается идеально, деятельностью мышления положенный результат, ради достижения которого предпринимаются те или иные действия. Определив некую цель и стремясь к ней, человек меняет себя и окружающий мир. Способность к обучению это и есть некий аналог способности ставить перед собой адекватные цели и достигать их.

В разработке психологии человеческого капитала приняли участие доктор психологических наук, профессор Юрьев А.И., кандидаты психологических наук И.С. Бурикова, М.А. Коновалова, М.А. Пушкина, Теоретические основания психологического исследования человеческого капитала были изложены в книге этих авторов «Стратегическая психология глобализации: Психология человеческого капитала» (СПб., Логос, 2006).

Схематическое изображение базовых способностей человеческого капитала и примеры их проявления

<p>РАБОТОСПОСОБНОСТЬ <i>Пример проявления способности:</i> повышение профессиональной конкурентоспособности до уровня современных требований и др.</p>	<p>СПОСОБНОСТЬ К ОБУЧЕНИЮ <i>Пример проявления способности:</i> обучение новым профессиям, самостоятельное получение новых научных и культурных знаний и др.</p>
<p>ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ</p>	
<p>ЖИЗНЕСПОСОБНОСТЬ <i>Пример проявления способности:</i> сокращение ухода из жизни мужчин в рабочем возрасте и др.,</p>	<p>СПОСОБНОСТЬ К ИННОВАЦИЯМ <i>Пример проявления способности:</i> изменение мировоззрения общества, изменение организации общества, новым формам управления обществом и т.п., соответствующие глобальным изменениям</p>

Научно-практическая проблема заключается в том, что и в международном и всероссийском масштабе человек и человеческий потенциал оцениваются по косвенным, экономическим и социальным признакам экономистами, социологами, демографами. Во всех оценках человека нет прямых психологических измерений его качества, что ставит под сомнение не только опубликованные данные, но даже идею таких оценок. Психологи нигде не участвуют в измерении качества человека, хотя именно они сотни лет разрабатывали для этого инструменты измерения когнитивных процессов, свойств личности, психических состояний и др.

Сегодня психологические показатели состояния населения в целом абсолютно не принимаются во внимание при принятии государственных решений из-за их отсутствия.

Отсутствие психологов в коллективах, измеряющих развитие человека или человеческого потенциала объясняется, по-видимому, тем, что психологическая наука пока не ставила перед собой задач психологического измерения массовидных явлений, и поэтому не располагает к сегодняшнему дню теорией и практикой такой работы. Для этого необходимо ввести в оборот психологической науки весь спектр возможностей,

которые применяют сопредельные науки, в частности, математика – действовать на основании принятых аксиом..

Аксиома первая. Психологическое состояние человека может быть измерено с помощью интегрального показателя его развития на основе идеи академика Б.Г. Ананьева о человеке как предмете исследования и концепции профессора В.А. Ганзена о целостном описании психики человека.

Аксиома вторая. Население города или региона, большие массы людей могут быть психологически охарактеризованы в тех же терминах, что отдельно взятый человек, как носитель психических процессов, свойств и состояний.

Аксиома третья. Сходство отдельных людей и населения различных регионов и городов является предметом психологического измерения так же, как исследование их психологических различий. Общим знаменателем психологического сходства людей и массовидных явлений являются глобальные изменения в мире, порождающие унификацию требований к человеку со стороны технических устройств, процедур установления связи, атрибутов экономики, правил передвижения по миру и т.д.

Аксиома четвертая. Использовать понятие «человеческий капитал» для измерения интегрального психологического показателя развития населения регионов и городов чтобы сделать его соизмеримым и совместимым с ключевым показателем развития общества - финансовым капиталом.

Аксиома пятая. Можно применять для измерения интегрального психологического показателя состояния населения регионов и городов психологические методы и методики измерений, разработанные для изучения частных показателей психического состояния, свойств и процессов.

В 2006 году было проведено социально-психологическое исследование – «аудит человеческого капитала» Второе исследование весной 2007г. проведено в одном из регионов РФ совместно с «Центром Стратегических Разработок». Каждую способность человеческого капитала (жизнеспособность, работоспособность, способность к инновациям, способность к обучению) можно измерить с помощью набора существующих валидных психологических и психофизиологических методик.

Исходя из теоретических подходов к оценки человеческого капитала и методологических обоснований, проведения психологических исследований больших масс людей, были отобраны индикаторы оценки человеческого капитала по четырем базовым способностям. В качестве первичных показателей рассматривались показатели, соответствующие психологической структуре человеческого капитала, которые могут быть измерены стандартизированными методиками в ходе психологической части исследования. Методология измерения способностей человеческого капитала через стандартизированные психологические и психофизиологические методики приведена на рис. 2.

Работоспособность (Субъект)	Способность к обучению (Индивидуальность)
<p>Состояние ЦНС на основе простой зрительной моторной реакции. Уровень работоспособности на основе сложной зрительно-моторной реакции. Методика «Самооценка самочувствия, активности, настроение»</p>	<p>Параметры ЦНС на основе сложная зрительно-моторная реакция с выбором из двух альтернатив в три этапа. Оценка устойчивость, стабильность реакций. Оценка параметров памяти. Оценка параметров внимания («красно-черная таблица Горбова»)</p>
Жизнеспособность (Индивид)	Способность к инновациям (Личность)
<p>Общая оценка вегетативной нервной системы Баланс парасимпатического и симпатического отделов вегетативной нервной системы Оценка психической нормативности на основе психодиагностической анкеты. Шкалы 6-11 - кризисные состояния, асоциальные тенденции, психическое, физическое и сексуальное здоровье, психосоматика. Методика оценки девиантного поведения. Шкалы: аддитивное и делинквентное поведение, суицидальный риск.</p>	<p>Многоуровневый Личностный Опросник . Интегральный показатель адаптивности. Оценка психической нормативности на основе психодиагностической анкеты. Шкалы 1-4 - жизненные и нравственные ценности, вера-религиозность-материализм, зависимости. Методика Спилбергер-Ханин – оценка личностной и ситуативной тревожности</p>

Таким образом, для общей оценки развития человеческого капитала был разработан интегральный показатель человеческого капитала, объединяющий четыре вторичных индекса (жизнеспособности, работоспособности, способности к инновациям, способности к обучению), которые в свою очередь интегрируют от 6 до 14 первичных показателей

Приведем некоторые психологические особенности человеческого капитала, полученные в ходе исследования:

1. Слабые стороны, которые негативно влияют на качество человеческого капитала:

- Низкий уровень активации центральной нервной системы (ЦНС). Если говорить о человеке, то низкий уровень активации ЦНС – это свидетельство о сниженном функциональном состоянии человека, сниженной готовности к действиям. Другими словами, населения имеет признаки переутомления. Еще одно подтверждение - ориентация на быстрое действие выполнения любых тестовых заданий в ущерб качеству выполнения. Нестабильность и хаотичность реакций

- Вызывает беспокойство неадекватно завышенная самооценка физического состояния, активности и настроения. Элементы эйфории. Последствия неадекватного восприятия своего состояния – недооценка угроз, связанных с физическим состоянием организма, несоблюдение правил безопасности жизнедеятельности, режима труда и отдыха, питания и т.п.

- Потенциальные и реальные проблемы, связанные с физическим состоянием организма, в частности с сердечно-сосудистыми заболеваниями

- Сниженный уровень психического здоровья и присутствие суицидальных тенденций.

Причем исследование показало, что население не находится в ситуации ярко переживаемого кризиса или психологического аффекта. То есть объективно кризиса нет. Низкий уровень психического здоровья - это пролонгированное состояние. Впечатление, что население находится в ситуации непрекращающегося психологического стресса, переходящего в дистресс.

- Удовлетворительный уровень социально-психологической адаптации. То есть психологически население с трудом адаптируется к современным условиям изменений в мире и в стране. Средний и высокий уровень личностной тревожности

2. Сильные стороны, отталкиваясь от которых, можно восстановить жизнеспособность, работоспособность, способность к обучению человеческого капитала:

- Высокий уровень жизненных и нравственных ценностей. Высокий уровень религиозности жителей. Низкий уровень асоциальных тенденций и делинквентного поведения (стоит напомнить, что это общие характеристики населения; в общем показателе нет дробления на подгруппы по возрасту, полу, социальному положению). Фактически население демонстрирует свой изначально позитивный настрой, хорошую основу для развития. С таким нравственным населением при наличии политической воли и четко сформулированных целей можно строить сильное современное государство

- Высокий уровень силы процессов возбуждения. Можно считать, что у населения потенциально есть достаточно высокая выносливость. При наличии поставленных целей - высокая целеустремленность.

Оценки социально-экономических характеристик связанных с основными показателями человеческого капитала, еще сырые. Однако уже сейчас понятно, что формирование человеческого капитала – это задача государственной социальной политики. Показатель человеческого капитала является отражением интегрального состояния государства, его способности влиять на становление:

- смысла жизни у населения, что позволит бороться с проблемами демографии и депопуляции страны. Сегодня насаждаемым извне смыслом жизни является гедонизм и безудержное потребление;

- жизненной позиции граждан, что даст возможность повысить производительность труда и найти себя в так называемом глобальном рынке труда;

- ценностей общества, что определит успешность адаптации ко всему новому, к другим людям, обществам, народам, к другим технологическим достижениям, инновациям, даст представление о добре и зле, которые были потеряны за последние годы. Человеку нужны ориентиры;

- индивидуальных целей каждого человека, что приведет к созданию эффективной системы управления – управления целеустремленным населением, способным ставить перед собой цели и достигать их. На сегодня у большинства наших граждан целей просто нет. Нет информации об окружающем мире или эта информация является обманчивой и потому неприемлемой. Невозможно совершить целеполагание.

Полученная в исследованиях информация о психологическом состоянии человеческого капитала может быть основой для разработки программ по сохранению, воспроизводству и развитию человеческого капитала. Сейчас психологическое состояние человеческого капитала, далеко от идеала. Необходимо проводить работу с населением по повышению психологической адаптации к окружающему миру, методами массовой психологической коррекции. Одна из задач такой работы – научить население ставить перед собой цели, то есть обучить процессу целеполагания, или дать населению готовые цели. Достигать поставленные цели граждане способны. Эти задачи могут быть решены только политическим путем. Необходимо ставить вопрос об адаптации человека к жизни в современных условиях, необходимо участие государства в формировании человеческого капитала. Результативность в достижении этих задач есть прямая оценка показателя состояния и самого государства, и его возможностей формировать конкурентоспособный человеческий капитал. Таким образом, изучение и формирование человеческого капитала не могут быть изъяты из поля внимания политической психологии, науки, исследующей взаимодействие политических явлений, влияния политики на изменение поведения населения в целом, и влияние на состояние отдельных психологических параметров человека в частности.

Studying of human capital as a problem of political psychology.

It is known that the notion «human capital» has been introduced by economists, not by psychologists. As far back as in the 17th century the ancestor of English classical political economy U. Petti has made the first attempt to estimate the monetary value of productive properties of a person. He considered that “all humankind has the same cost, as well as the land, being equally imperishable by nature”. The economists have defined the human capital assets as margins of health, knowledge, skills, abilities and motivation leading to qualification growth of an employee, which were formed due to investments and accumulated by a person. But the whole economical concept of human capital assets was understood and measured in terms of financial capital, without giving any idea about concrete qualities of a person that form the essence of human capital assets. As a result there “has been accumulated” an improbable stock of financial capital that is inadequate to human capital assets which should be symmetric to the financial one. The problem of a today's economical crisis lies in unbalance of financial and human capital assets.

The attention to the human capital assets in Russia is caused by a problem of catastrophic reduction of the efficient population. Having huge natural resources and financial reserves the country faces probable “human default”, lack of sufficient amount of people of modern quality to use them. For this reason in the late 90-es the prof. A.I. Yuriev took a shot at theoretical

description of human capital psychology and its regular measurements in order to modify its building-up policy. It should be mentioned that the idea of human capital assets is hardly perceived in this interpretation, though for ten years this expression was successfully introduced into Russian state plans.

The research is based on theoretical model of human capital estimation, worked out at the department of political psychology of the St.-Petersburg State University under the supervision of the professor, the doctor of psychological sciences A.I. Yuriev. The model uses methodical formulations worked out by the academician B.G.Ananov and the professor V.A.Ganzen. According to theoretical developments, the human capital assets represent the quantity and the quality of people, suitable on their medical, psychological, intellectual, cultural, professional parameters for competitive struggle. The human capital assets have four basic abilities:

1) Viability is the ability of a person to reproduce, i.e. ability to live in certain appropriate conditions and to sire. This ability corresponds to natural features and natural life sense of an individual – to preserve himself and his posterity.

2) Working efficiency is the ability of a person to fulfill certain work in appropriate quantity and with appropriate quality. Working efficiency is a feature of a person as an actor and it characterizes a certain volume of person's vital energy.

3) Ability to innovations is the ability of a person to adapt for innovations in various life spheres. It is the ability to change the consciousness and behavior following the changes of external conditions. Ability to innovations characterizes a person as an individual and the subject of social relations. The modern world changes so rapidly that adaptation to these changes becomes a real problem for many people. Values act as the basis which helps a person to survive and preserve himself. And only very few people are able to adapt to changes and even to take part in creation of future world. That's what we call learning ability. Unlike the ability to innovations which characterizes an extent of person's adaptability to changing conditions, learning ability is the ability of a person to change the environment.

4) Learning ability is the ability of a person to acquire new knowledge, abilities and skills. Learning ability is a feature of a person as an individual, a unique peculiar entity. This ability is connected with life goals, since the goal is a supraliminal image of the anticipated future that defines our life in the present. In philosophy the goal is understood as a result ideally placed by thinking activity, obtained due to undertaking some actions. After definition of a certain goal and aspiring to it, a person changes himself and the world around him. Learning ability is a kind of equivalent of the ability to set appropriate goals and to reach them.

The following people have taken part in the development of psychology of human capital assets: the doctor of psychological sciences, the professor A.I. Yuriev, the candidates of psychological sciences I.S.Burikova, M.A.Konovalova, M.A.Pushkina. The theoretical bases of psychological research of the human capital assets have been stated in the book of these authors called «The strategic psychology of globalization: Psychology of human capital assets» (SPb, Logos, 2006).

The sketching of basic abilities of human capital assets and the examples of their fulfillment

<p>WORKING EFFICIENCY <i>Example of ability fulfillment:</i> growth of professional competitiveness to the level of modern requirements etc.</p>	<p>LEARNING ABILITY <i>Example of ability fulfillment:</i> training for a new job, independent gaining of new scientific and cultural knowledge, etc.</p>
<p>HUMAN CAPITAL ASSETS</p>	
<p>VIABILITY <i>Example of ability fulfillment:</i> reduction of death rate among men of working age</p>	<p>ABILITY TO INNOVATIONS <i>Example of ability fulfillment:</i> change of society outlook, change of society organization, new forms of society government, etc., that correspond to global changes.</p>

The scientific-practical problem consists in the following matter: both in the international and all-Russian scope a man and human potential are estimated in indirect, economical and social features by the economists, sociologists, demographers. In all personality's estimations there are no direct psychological estimations of his quality. It discredits the published data, and even the idea of such estimations. The psychologists do not participate in estimations of a person's quality, though for hundreds years they have developed tools for estimation of cognitive processes, person's qualities, mental states, etc.

Nowadays, while accepting state resolves, psychological indicators of the condition of the population as a whole are not taken into consideration at all, because of their lack.

Absence of psychologists who would estimate the development of a person or human potential can be explained by lack of theoretical and practical material for such work, as the psychological science hasn't yet set up a task of psychological estimations of mass phenomena. For this purpose it is necessary to introduce into psychological science all range of possibilities applied by adjacent sciences, in particular, by the mathematics, for example, operating on the basis of the accepted postulates.

The first postulate. *The psychological condition of a person can be estimated by means of integrated indicator of his development on the basis of the notion worked out by the academician B.G.Anan'ev, which considers a person as the object of the research, and the concept worked out by the professor V.A.Ganzen about the entire description of person's mentality.*

The second postulate. *The population of a city or region, big masses of people can be psychologically characterized in the same terms as a separately taken person, being a carrier of mental processes, features and conditions.*

The third postulate. *Similarity of separate people and the population of various regions and cities is a subject of psychological estimation as well as the research of their psychological distinctions. The common denominator of psychological similarity of people and mass phenomena is in global changes in the world that unify the requirements to a person on the part of technical devices, the procedures of communication establishment, economy attributes, rules of travelling round the world etc.*

The fourth postulate. *To use the notion "human capital assets" for estimating the integrated psychological indicator of the development of the population in regions and cities in order to make it comparable and compatible to a key indicator of society development - the financial capital.*

The fifth postulate. *It is possible to apply psychological methods and estimation techniques developed for studying the individual indicators of mental condition, features and*

processes to estimate the integrated psychological indicator of condition of the population in regions and cities.

In 2006 there was carried out a social-psychological research called “The audit of the human capital assets”. The second research in spring 2007 was carried out in one of the regions of the Russian Federation together with “the Center of Strategic Developments”. Each of the abilities of human capital assets (viability, working efficiency, ability to innovations, learning ability) can be estimated by means of existing valid psychological and psycho physiological techniques.

On the assumption of theoretical approaches to the estimation of human capital assets, methodological argumentations and carried out psychological researches of big amount of people, there have been selected some indicators of the estimation of human capital assets, that are basing on four essential abilities. The indicators that correspond to psychological structure of human capital assets and can be estimated by standardized techniques during a psychological part of the research were taken into consideration as primary indicators. The methodology of estimation the abilities of human capital assets with the help of standardized psychological and psycho physiological techniques can be seen on the pic. 2.

Working efficiency (Subject)	Learning ability (Individuality)
<p>Condition of CNS on the basis of simple visual motorial reaction. Working efficiency on the basis of complex visual motorial reaction. The technique “Self-assessment of well-being, activity, mood.”</p>	<p>CNS parameters on the basis of complex visual motorial reaction with a choice from two alternatives in three stages. Estimation of mental ballast, persistence of reactions. Estimation of memory parameters. Estimation of attention parameters (“The red-black table” by Gorbov)</p>
Viability (Individual)	Ability to innovations (Personality)
<p>General estimation of vegetative nervous system Balance of parasympathetic and sympathetic areas of vegetative nervous system Estimation of mental norms on the basis of psychognostic questionnaire. Scales 6-11 indicate - crisis states, asocial tendencies, psychical, physical and sexual health, psychosomatics. The technique of estimation the deviant behavior. The scales include additive and delinquent behavior, risk of suicidality.</p>	<p>The Multilevel Personal Questionnaire. An integrated indicator of adaptability. Estimation of psychic norms on the basis of psychognostic questionnaire. Scales 1-4 – living and moral values, faith- religionism- materialism, addictions. The Spielberg-Khanin test – estimation of personal and state anxiety</p>

Thus in order to give general estimation of human capital assets there has been developed an integrated indicator of human capital assets. It unites four secondary indexes (viability, working efficiency, ability to innovations, learning ability) which in their turn integrate from 6 to 14 primary indicators.

Let us result some psychological features of human capital assets received during the research:

1. Weak points that have negative influence on the quality of human capital assets:

- Low activation level of the central nervous system (CNS). If to speak about low activation level of CNS it indicates the lowered functional person's condition, the lowered willingness to act. In other words it is a sign of person's overstrain. One more acknowledgement is rapid performance of any test tasks in the prejudice of the performance quality. Instability and randomness of the reactions.

- The anxiety is caused by inadequately excessive self-estimation of physical condition, activity and mood. Elements of euphoria. As a consequence of inadequate perception of his condition a person underestimates the threats connected with his physical condition, doesn't observe the safety rules, schedule of work and rest, nutrition, etc.

- Potential and real problems connected with person's physical condition, in particular with cardiovascular diseases.

- Lowered level of mental health and suicidal tendencies.

Notably, the research has shown that the population doesn't experience strongly marked crisis or psychological affect. It means that if to speak straight there is no crisis. Low level of mental health is an extended condition. It is as if the population is in the situation of incessant psychological stress that passes into distress.

- Satisfactory level of social-psychological adaptation. It means that psychologically the population hardly adapts to modern conditions of changes in the world and in the country. Average and high level of personal anxiety.

2. Strong points that may help to recover viability, working efficiency, learning ability of human capital assets:

- High level of vital and moral values. High level of people's religiosity. Low level of asocial tendencies and delinquent behavior (it should be mentioned that these are general characteristics of the population; the general indicator has no division into groups according to age, sex, social status). In fact, the population demonstrates initially positive attitude, a good basis for the development. With the help of such moral population, in the presence of political will and precisely formulated goals, it is possible to build up a strong modern state.

- High level of excitative processes force. It is possible to consider that potentially the population has quite high level of tolerance. In case there are formulated goals there can be observed high purposefulness.

The estimations of social and economical characteristics connected with main indicators of human capital assets are still quite raw. However it is already clear that the formation of human capital assets is a problem of the state social policy. The indicator of human capital assets is a reflexion of integral condition of the state, its abilities to influence the formation of:

- reason for the population to live. That would allow to grapple with the problems of demography and country depopulation. Nowadays the meaning of the life, spread from the outside, consists in hedonism and impetuous consumption;

- vital position of citizens. That would give a chance to increase the working efficiency and let a person to find himself in a so-called global labor-market;

- society values. That would determine the success of adaptation to all new, to other people, societies, nations, to other technological achievements, innovations, and would give the idea of good and evil which have been forfeited during the last years. A person needs a guideline.

- individual goals of every person. That would lead to creation of effective control system – the governance of purposeful population, capable to set up goals and reach them. Nowadays the majority of our citizens simply don't have goals. There is no information about the outer world or this information is deceptive and consequently unacceptable. It is impossible to make targeting.

The information on psychological condition of human capital assets received in the research can become a basis for the development of programs aimed at preservation, reproduction and development of human capital assets. Nowadays the psychological condition of human capital assets is far from ideal. In order to increase the psychological adaptation to outer world it is necessary to work with the population by means of mass psychological correction. One of the goals of such work is to teach the population to set up goals, which means to teach them the targeting process, or to provide the population with ready-made goals. The citizens are capable to reach the desired goals. These problems can be solved only in a political way. It is necessary to raise a question about people's adaptation to life in modern conditions. The participation of the state in the formation of human capital assets is also necessary. The efficiency of solving these problems is a direct estimation of the indicator of the state condition and its abilities to form the competitive human capital assets. Thus political psychology can not be omitted while studying and forming the human capital assets. It is a science that investigates the interaction of political phenomena, the impact of the policy on changes in the behavior of the population as a whole and on the condition of separate psychological parameters of a person in particular.

Пушкина М.А. к.п.с.н. Методология проведения массовых психолого-политических исследований в России.

Глобальный экономический кризис, вероятно, радикальным образом изменит человека и человеческое общество. Сегодня очевидно, что современный человек с его свойствами и особенностями вошел в противоречие со своими собственными достижениями в области науки и техники. Получив возможность в рамках общества потребления получать больше, чем отдавать, он вступил в жесткое противоречие с природой вообще, и со своей собственной природой. Экономический кризис – это на самом деле кризис общества потребления и кризис психологии современного человека. До середины XX века психологию человека изучали и описывали классическая литература, театр, философия, но со времен второй мировой войны они отошли на второй план, уступив место социологии.

Поэтому представления о современном человеке и его проблемах сегодня формируются на основе таких инструментов, как «методика оценки развития человеческого потенциала стран/регионов» по индексу развития человеческого потенциала (Human Development Index, HDI; далее - ИРЧП), рассчитываемый ООН для более чем двухсот стран. Но человеческий потенциал стран/регионов оцениваются по косвенным, экономическим и социальным признакам. В этих индексах нет прямых психологических измерений качеств человека, которые и являются «виновниками» кризисной ситуации, сложившейся на земле к XX! веку. К сожалению, психологи нигде не участвуют в измерении качества человека, хотя именно они являются специалистами в этой области.

В 1970-х годах стали популярными модели влияния различных факторов на доходы населения с учетом психологических составляющих (в первую очередь таких, как IQ и подобные им). Подходы в духе модели Я.Минцера, утверждающей позитивную отдачу от инвестиций в человеческий капитал (уровень образования, измеренный в годах), квадратичную – от человеческого капитала, накопленного от опыта работы (стаж). Но и тут измерение психологических параметров носит косвенный характер. Попытка внести психологию в описание поведения населения делались много раз, но не очень удачно. На этом фоне появилась экономическая психология и стали популярны маркетинговые исследования, работающие на гиперразвитие общества потребления. Акцент в этих исследованиях делается не на прямые психологические характеристики человека, а на «мнения», «отношения», «мотивы», «цели», «установки» «человека потребляющего».

Совершенно очевидным является крайняя необходимость прямого психолого-политического тестирования населения целых регионов для того, чтобы указать те психологические параметры человека, которые неадекватны современной жизни, и чтобы указать те психологические качества, которые нужны человеку для эффективной жизни после окончания кризиса. Психология человека несомненно изменится после экономического кризиса, разразившегося в 2008 году.

Политические психологи Санкт-Петербургского государственного университета впервые предприняли попытку комплексных массовых психолого-экономических исследований населения целых регионов России для описания социально-экономической ситуации в стране и ее прогнозирования. На основе модели человеческого капитала профессора А.И.Юрьева была разработана система интегральных показателей первого и второго уровня (Теория и идеология этого исследования представлена в докладе проф. Юрьева А.И.).

По этой теории интегральный показатель человеческого капитала состоит из четырех индексов второго порядка (жизнеспособности, работоспособности, способности к инновациям, способности к обучению), которые в свою очередь интегрируют от 6 до 14 первичных показателей (рис.1). Первичные показатели и методики их оценки подбирались

экспертами на основе концепции человеческого капитала и измерялись в ходе полевой части исследования стандартизированными психологическими методиками. Все значения первичных показателей переводились в индексы от 0 до 1, которые рассчитывались для каждого показателя отдельно. Вторичные индексы и интегральный показатель человеческого капитала рассчитывались как среднее арифметическое индексов более низкого порядка

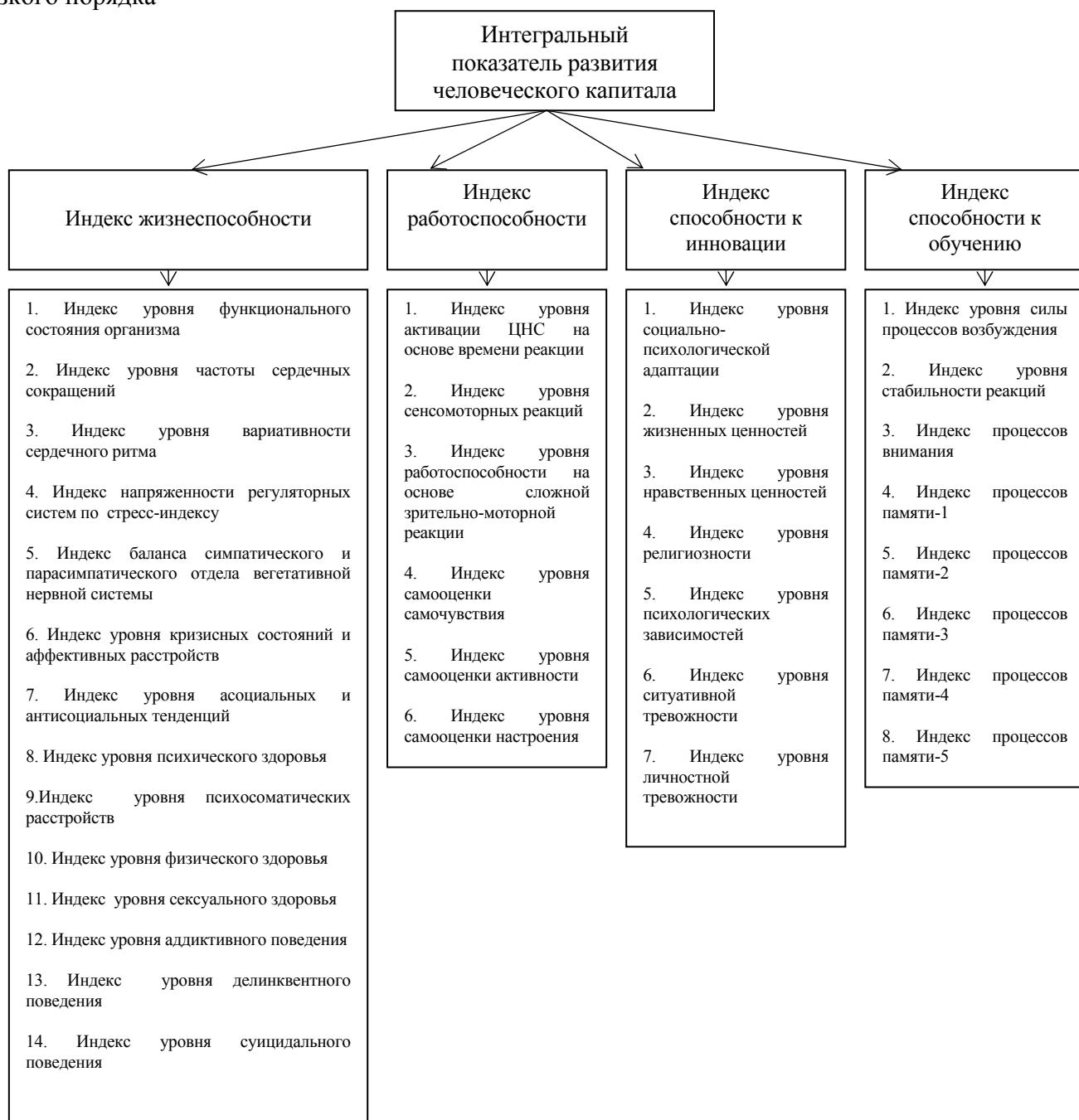

Рис.1. Структура интегрального показателя развития человеческого капитала.

Психологические методики, которые легли в основы первичных показателей человеческого капитала, составляют большую часть исследования человеческого капитала. Помимо традиционных бланковых опросников и методик на память и внимание используется устройство психофизиологического тестирования «Психофизиолог» (УПФТ «Психофизиолог»). Примененные психологические методики, экономические и политические опросники представлены в табл. 1,2,3,4:

Таблица 1.
Расчет индексов первого порядка по уровню жизнеспособности человеческого капитала

№	Индекс	Основание для расчета индекса.
1.	Индекс уровня функционального состояния организма	Доля респондентов, получивших результаты по уровню функционального состояния организма «близкие к оптимальным значениям» и «оптимальные». Методика вариационной кардиоинтервалографии (ВКИ)
2.	Индекс уровня частоты сердечных сокращений	Доля респондентов с частотой сердечных сокращений, оцененных как «нормокардия» (в противовес тахикардии и брадикардии). Методика ВКИ.
3.	Индекс вариативности сердечного ритма	Доля респондентов с оптимальным сердечным ритмом. Методика ВКИ.
4.	Индекс напряженности регуляторных систем по стресс-индексу	Доля респондентов с нормальным напряжением регуляторных систем по стресс-индексу Баевского. Методика ВКИ.
5.	Индекс баланса симпатического и парасимпатического отдела ВНС	Доля респондентов с нормальным балансом симпатического и парасимпатический отдел вегетативной нервной системы. Методика ВКИ.
6.	Индекс уровня кризисных состояний и аффективных расстройств	Медиана по шкале кризисных состояний и аффективных расстройств. Методика оценки психической нормативности на основе психодиагностической анкеты ПДА.
7.	Индекс уровня асоциальных и антисоциальных тенденций	Медиана по шкале асоциальных и антисоциальных тенденций. Методика ПДА.
8.	Индекс уровня психического здоровья	Медиана по шкале уровня психического здоровья. Методика ПДА.
9.	Индекс уровня психосоматических расстройств	Медиана по шкале уровня психосоматических расстройств. Методика ПДА.
10.	Индекс уровня физического здоровья	Медиана по шкале уровня физического здоровья. Методика ПДА.
11.	Индекс уровня сексуального здоровья	Медиана по шкале уровня сексуального здоровья. Методика ПДА.
12.	Индекс уровня аддиктивного поведения	Среднее арифметическое по шкале аддиктивного поведения. Методика оценки девиантного поведения (ДАП).
13.	Индекс уровня делинквентного поведения	Среднее арифметическое по шкале аддиктивного поведения. Методика ДАП.
14.	Индекс уровня суицидального поведения	Среднее арифметическое по шкале суицидального поведения. Методика ДАП.
	Индекс Жизнеспособности (индекс второго порядка)	Среднее арифметическое индексов первого порядка

Таблица 2.
Расчет индексов первого порядка по уровню работоспособности человеческого капитала

№	Индекс	Основание для расчета индекса
1.	Индекс уровня активации ЦНС на основе времени реакции	Доля респондентов, получивших значения «средние», «выше среднего» и «высокие» на основе просто зрительно-моторной реакции (ПЗМР)
2.	Индекс уровня сенсомоторных реакций	Доля респондентов со «средними» и «высокими значениями» по уровню сенсорных реакций на основе сложной зрительно-моторной реакции (СЗМР)
3.	Индекс уровня работоспособности на основе сложной зрительно-моторной реакции	Доля респондентов, которые были отнесены к по уровню работоспособности к квадратам 13, 14, 15, 18, 19, 20, 23, 24, 25 (баланс высокого уровня быстрой реакции и высокого уровня безошибочности выполнения заданий). Методика СЗМР.
4.	Индекс уровня самооценки самочувствия	Доля респондентов, оценивающих свое самочувствие как нормальное. Методика самооценки состояния (тест «Самооценка. Активность. Настроение») САН.
5.	Индекс уровня самооценки активности	Доля респондентов, оценивающих свою активность, как нормальную. Методика САН.
6.	Индекс уровня самооценки настроения	Доля респондентов, оценивающих свое настроение, как нормальное. Методика САН.
	Индекс работоспособности (индекс второго порядка)	Среднее арифметическое индексов первого порядка

Таблица 3.
Расчет индексов первого порядка по уровню способности к инновациям человеческого капитала

№	Индекс	Основание для расчета индекса
1.	Индекс уровня социально-психологической адаптации	Доля респондентов с «нормальной» и «высокой» социально-психологической адаптацией на основе многоуровневого личностного опросника
2.	Индекс уровня жизненных ценностей	Медиана по шкале уровня жизненных ценностей. Методика ПДА.
3.	Индекс уровня нравственных ценностей	Медиана по шкале уровня нравственных ценностей. Методика ПДА.
4.	Индекс уровня религиозности	Медиана по шкале уровня религиозности. Методика ПДА.
5.	Индекс уровня психологических зависимостей	Медиана по шкале уровня психологических зависимостей. Методика ПДА.
6.	Индекс уровня ситуативной тревожности	Доля респондентов, получивших «средние» показатели по шкале ситуативной тревожности. Методика Спилбергер-Ханин
7.	Индекс уровня личностной тревожности	Доля респондентов, получивших «средние» показатели по шкале личностной тревожности. Методика Спилбергер-Ханин
	Индекс способности к инновации (индекс второго порядка)	Среднее арифметическое индексов первого порядка

Таблица 4.

Расчет индексов первого порядка по уровню способности к обучению человеческого капитала

№	Индекс	Основание для расчета индекса
1.	Индекс уровня силы процессов возбуждения	Доля респондентов с результатами «выше среднего» и «высокими» по уровню силы процессов возбуждения на основе сложной зрительно-моторной реакции с тремя выборами.
2.	Индекс уровня стабильности реакций	Доля респондентов с результатами «выше среднего» и «высокими» по уровню стабильности реакций. Методика СЗМР.
3.	Индекс процессов внимания	Доля респондентов, выполнивших задание без отказа. Красно-черные таблицы Шульте-Горбов.
4.	Индекс процессов памяти-1	Доля респондентов, которые воспроизвели 7 и более цифр при прямом порядке запоминания цифр
5.	Индекс процессов памяти-2	Доля респондентов, которые воспроизвели 5 и более цифр при обратном порядке запоминания цифр
6.	Индекс процессов памяти-3	Доля респондентов, которые воспроизвели 12 и более цифр суммарно при двух предъявлениях
7.	Индекс процессов памяти-4	Доля респондентов, которые воспроизвели 14 и более слов, сразу после предъявления
8.	Индекс процессов памяти-5	Доля респондентов, которые воспроизвели 7 и более слов после длительного временного промежутка не менее часа работы
	Индекс способности к обучению (индекс второго порядка)	Среднее арифметическое индексов первого порядка

Отдельная проблема методологии психологического тестирования населения целого региона является формирование выборки исследуемых людей. Чтобы иметь возможность экстраполировать полученные данные на всю генеральную совокупность (население региона) для подбора респондентов была построена многоступенчатая выборка, моделирующая случайность. Регион стратифицировался по типу населенных пунктов. Из страт случайным методом выбирались населенные пункты. Далее населенные пункты делились на квадраты, которые так же отбирались для исследования случайным методом. Составлялся маршрут движения интервьюеров. На последнем этапе интервьюер получал квотное задание по подбору испытуемых (квотные ограничения – пол, возраст, уровень образования) и в соответствии с квотой приглашал испытуемых на исследование. Метод построения выборки был согласован с ведущими исследовательскими организациями России.

Пилотажное исследование показало, что выполнение всего комплекса методик одним респондентом занимает от 2,5 часов до 3 часов 50 минут. Поэтому форма проведения исследования была выбрана - hall-тест. Регламент проведения hall-теста: по заданной выборке респонденты приглашались в специально арендуемые помещения. Наполняемость групп от 15 до 25 человек. С группой работали три специалиста-психолога и профессиональные интервьюеры при совмещении исследования с изучением экономических стратегий поведения населения. В ходе исследования заполнялся «Протокол проведения исследования», где фиксировались временные параметры исследования и результата исследования.

Полученные материалы представлены в докладах Буриковой И.С. и Коноваловой М.А. Данные, полученные в ходе разработанной процедуры обсуждались на конференциях в Высшей школе экономики в Москве с участием специалистов Центра стратегических разработок и представителей Министерства экономического развития РФ и других научных конференциях. Материалы исследования были доложены руководству страны и региона. Понятие человеческий капитал стал сегодня рабочим понятием планов Правительства РФ и Программ политических партий РФ. Все результаты массовых

психолого-политических исследований, проведенных по этой методике будут вскоре опубликованы в коллективной монографии авторов исследования.

Methodology of carrying out of mass psychological and political researches in Russia.

The global economical crisis will probably make great changes in a person and in the human society. It became obvious that a modern person with his features and peculiarities has come into collision with his own achievements in scientific and technical spheres. After gaining the opportunity to get more than to give, within the consumer society limits, he came into tough conflict with the nature in general, and with his own nature in particular. Actually, the economical crisis is the crisis of the consumer society and the psychology of a modern person. Up to the middle of the 20th century the psychology of a person was explored and described by classical literature, theatre, philosophy, but since the Second World War they faded into insignificance giving the place to sociology.

That is why nowadays the conception of a modern person and his problems is forming on the basis of such tools, as “the human development estimating technique” basing on human development index, which is estimated by the UN for more than two hundred countries. But human potential of the countries/regions is estimated according to indirect, economical and social features. These indexes lack direct psychological estimations of person’s qualities that are responsible for the crisis situation formed by the 21st century. Unfortunately, the psychologists don’t take part in estimating of a person’s quality in this situation, though they are experts in this area.

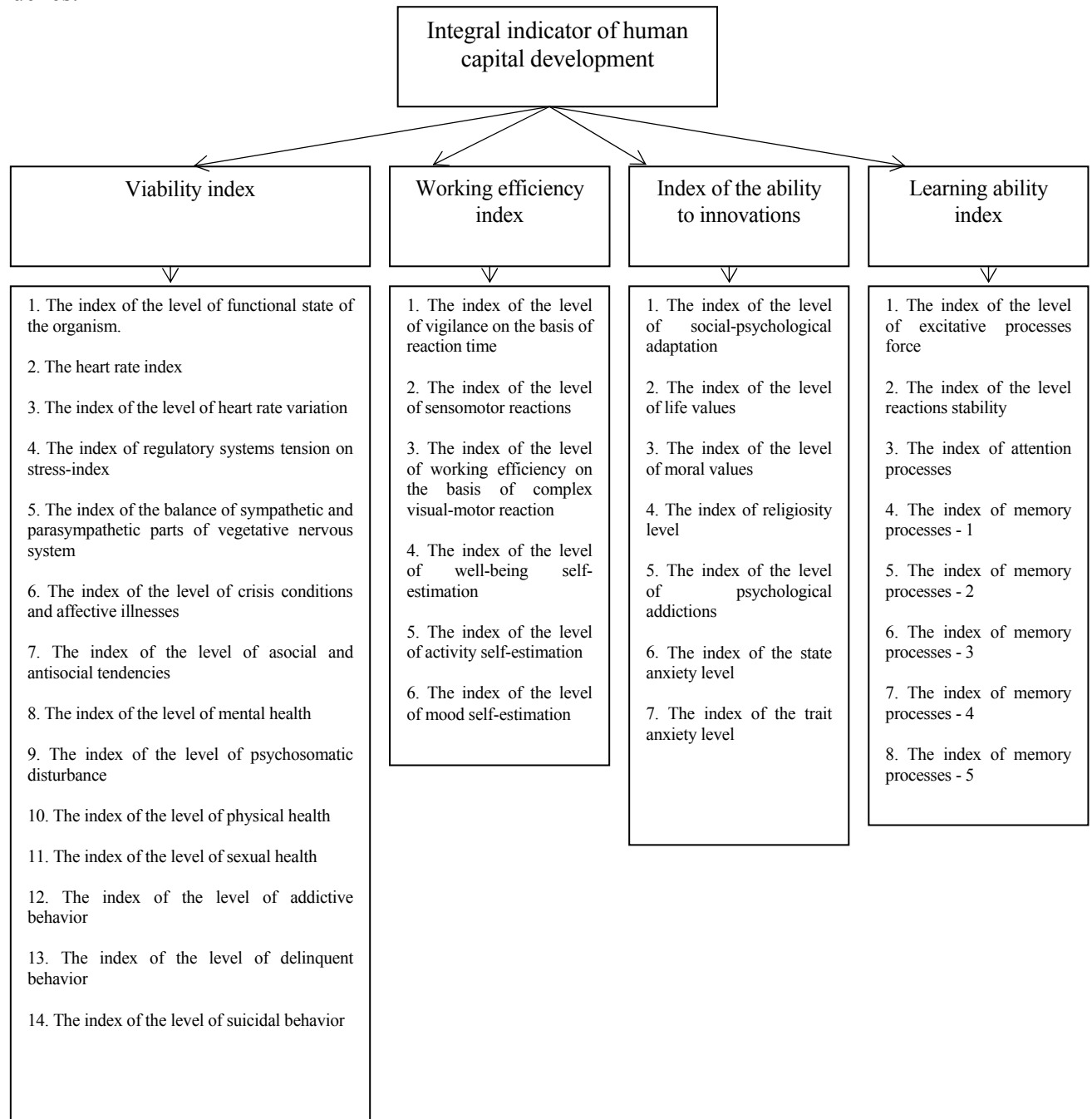
In 1970-es it became popular to estimate the influence of various factors on the population incomes, taking into account psychological components (such as IQ and similar to it). For example, the approach offered in the model of J.Mintser, which confirms positive outputs from the investments into the human capital (educational level, measured in years), and square-law outputs from the human capital saved up by means of professional experience. But even in this model the estimation of psychological parameters has indirect character. There were a lot of attempts of psychology contribution into the description of population behavior, but all these attempts were quite unsuccessful. This situation caused the appearance of economical psychology and the popularity of marketing researches, which are working on hyper-development of the consumer society. These researches emphasize “opinions”, “relations”, “motives”, “goals”, “orientation” of the “consuming person”, but not direct psychological characteristics of a person.

It’s quite obvious that there’s an exigence in direct psychological-political testing of the population of the whole regions in order to specify psychological parameters of a person, which are inadequate to modern life, and psychological qualities, which are necessary for the efficient life of a person after the crisis termination. The psychology of a person will undoubtedly change after the economical crisis burst in 2008.

The political psychologists of the St.-Petersburg State University have made an attempt to carry out the first complex mass psychological-economical research of the population in order to describe social and economical situation in the country and to be able to forecast it. Basing on the human capital model worked out by the professor A.I. Juriev there was developed a system of integrated indicators of the first and second level (theory and ideology of this research are presented in the report of the prof. Juriev A.I.).

According to this theory the integrated indicator of human capital assets consists of four indexes of the second order (viability, working efficiency, ability to innovations, learning ability), which in their turn integrate from 6 to 14 primary indicators (pic.1). Primary indicators

and their estimation techniques were adjusted by the experts on the basis of human capital concept and were estimated in the course of in-site part of the research by means of standardized psychological techniques. All values of primary indicators were rendered into indexes from 0 to 1, which were estimated separately for each indicator. Secondary indexes and integrated indicator of the human capital assets were calculated as an arithmetical average of lower order indexes.

Pic. 1. The structure of the integrated indicator of the development of human capital assets.

Psychological techniques that underlain the primary indicators of the human capital assets, make up the biggest part of the human capital research. Besides traditional blank questionnaires and techniques for memory and attention estimation, there was used a psycho-physiological testing device "Psycho-physiologist". The applied psychological techniques, economical and political questionnaires are presented in the tables 1, 2, 3, 4:

Table 1.
The estimation of first order indexes on the level of human capital viability

№	Index	The basis for index estimation.
1.	The index of the level of functional state of the organism.	The part of the respondents, who have got the results on the level of functional state of the organism “close to optimal value” and “optimal”. The technique of variational cardio-interval metering (VCM)
2.	The heart rate index	The part of the respondents with the heart rate estimated as ‘normocardia’ (as a counter to tachycardia and bradycardia). VCM technique.
3.	The index of the level of heart rate variation	The part of the respondents with optimal heart rate. VCM technique.
4.	The index of regulatory systems tension on stress-index	The part of the respondents with normal tension of regulatory systems on Baevsky stress index. VCM technique.
5.	The index of the balance of sympathetic and parasympathetic parts of vegetative nervous system	The part of the respondents with normal balance of sympathetic and parasympathetic parts of vegetative nervous system. VCM technique.
6.	The index of the level of crisis conditions and affective illnesses	Mid-score on the scale of crisis conditions and affective illnesses. The technique of estimation of the mental norms on the basis of psycho-diagnostic questionnaire (PDQ).
7.	The index of the level of asocial and antisocial tendencies	Mid-score on the scale of asocial and antisocial tendencies. PDQ technique.
8.	The index of the level of mental health	Mid-score on the scale of the level of mental health. PDQ technique.
9.	The index of the level of psychosomatic disturbance	Mid-score on the scale of the level of psychosomatic disturbance. PDQ technique.
10.	The index of the level of physical health	Mid-score on the scale of the level of physical health. PDQ technique.
11.	The index of the level of sexual health	Mid-score on the scale of the level of sexual health. PDQ technique.
12.	The index of the level of addictive behavior	Arithmetical average on the scale of addictive behavior. The technique of the estimation of deviant behavior (DAB).
13.	The index of the level of delinquent behavior	Arithmetical average on the scale of addictive behavior. The DAB technique.
14.	The index of the level of suicidal behavior	Arithmetical average on the scale of suicidal behavior. The DAB technique.
	The index of viability (the second order index)	Arithmetical average of first order indexes

Table 2.
The estimation of first order indexes on the level of working-efficiency of human capital assets

№	Index	The basis for index estimation.
1.	The index of the level of vigilance on the basis of reaction time	The part of the respondents, who have got the result “average”, “above the average” and “high” on the basis of simple visual-motor reaction (SVMR)
2.	The index of the level of sensomotor reactions	The part of the respondents with “average” and “high” results on the level of sensor reactions on the basis of complex visual-motor reaction (CVMR)

№	Index	The basis for index estimation.
3.	The index of the level of working efficiency on the basis of complex visual-motor reaction	The part of the respondents, who were referred to the squares 13, 14, 15, 18, 19, 20, 23, 24, 25 according to their working efficiency (the balance of high operation speed level and high level of accuracy of tasks fulfillment). The CVMR technique.
4.	The index of the level of well-being self-estimation	The part of the respondents, who estimate their well-being as normal. The technique of well-being self-estimation (the test “Self-estimation. Activity. Mood” – SAM technique).
5.	The index of the level of activity self-estimation	The part of the respondents, who estimate their activity, as normal. SAM technique.
6.	The index of the level of mood self-estimation	The part of the respondents, who estimate their mood, as normal. SAM technique.
	The index of working efficiency (the second order index)	Arithmetical average of first order indexes

Table 3.

The estimation of first order indexes on the level of the ability to innovations of the human capital assets

№	Index	The basis for index estimation.
1.	The index of the level of social-psychological adaptation	The part of the respondents with “normal” and “high” social-psychological adaptation on the basis of multi-level personal questionnaire
2.	The index of the level of life values	Mid-score on the scale of the level of life values. PDQ technique.
3.	The index of the level of moral values	Mid-score on the scale of the level of moral values. PDQ technique.
4.	The index of religiosity level	Mid-score on the scale of religiosity level. PDQ technique.
5.	The index of the level of psychological addictions	Mid-score on the scale the level of psychological addictions. PDQ technique.
6.	The index of the state anxiety level	The part of the respondents, who have got “average” indicator on the scale of the state anxiety. Spielberg-Khanin technique.
7.	The index of the trait anxiety level	The part of the respondents, who have got “average” indicator on the scale of the trait anxiety. Spielberg-Khanin technique.
	The index of the ability to innovations (the second order index)	Arithmetical average of first order indexes

Table 4.

The estimation of first order indexes on the level of learning ability of human capital assets

№	Index	The basis for index estimation.
1.	The index of the level of excitative processes force	The part of the respondents with the results “above average” and “high” on the level of excitative processes force on the basis of complex visual-motor reaction with three variants of choice.
2.	The index of the level reactions stability	The part of the respondents with the results “above average” and “high” on the level of reactions stability. The CVMR technique..
3.	The index of attention processes	The part of the respondents, who have smoothly fulfilled the task. Red-black tables of Shultz -Gorbov.

№	Index	The basis for index estimation.
4.	The index of memory processes - 1	The part of the respondents, who reproduced 7 and more figures in the course of pre-order figures memorizing
5.	The index of memory processes - 2	The part of the respondents, who reproduced 5 and more figures in the course of reversed order of figures memorizing
6.	The index of memory processes - 3	The part of the respondents, who reproduced 12 and more figures summarily after two presentations
7.	The index of memory processes - 4	The part of the respondents, who reproduced 14 and more figures at once after the presentation
8.	The index of memory processes - 5	The part of the respondents, who reproduced 7 and more figures after a long timeslot not less than an hour of work
The index of learning ability (the second order index)		Arithmetical average of first order indexes

The technique of psychological testing, when it concerns the population of the whole region, faces one more problem - the sampling of investigated people. In order to have the possibility to extrapolate the received data on entire general totality (the region population), there has been developed a multistage sampling, simulating hazard. The region was stratified according to the type of its settlements. Then the settlements were selected out of strata by random method. The settlements were divided into squares, which were also selected by random method for further research. There was worked out a traffic route of for the interviewers. At the last stage the interviewer received a quota task concerning the examinees sampling (quota restrictions included sex, age, education level) and according to the quota the interviewer has invited the examinees for the research. The sampling method was coordinated with the leading Russian research organizations.

The pilot study has shown that it takes from 2 hours 20 minutes to 3 hours 50 minutes to go through the complex of techniques for each respondent. That is why the hall test was chosen as a form of the research. The regulations of hall-test holding consisted in the following: the respondents, chosen according to the given sampling, were invited to the specially rented premises. The groups consisted of 15-25 persons. In every group there were three experts-psychologists and professional interviewers, who combined the research with the studying of the economical strategy of the population behavior. "The research report sheet", filled during the research, contained its time parameters and results.

The received data is presented in the reports of Burikova I.S. and Konovalova M.A. The received information was discussed at different scientific conferences, including the conference in the Higher School of Economics in Moscow with participation of the experts of the Center of Strategic Research and the representatives of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation. The research materials were provided to the country and region leaders. The notion "human capital assets" has become the working concept of the Government plans and the programs of political parties of the Russian Federation. All results of mass psychological-political research, carried out by this technique, will soon be published in the collective monography of the research authors.

Перцовская К.О. Психологические и психологические особенности личности в международных политических переговорах.

В современных условиях успешное взаимодействие субъектов международных отношений и акторов взаимодействия на международной арене в значительной степени базируется на умении вести двусторонние и многосторонние переговоры. Ведение переговоров - один из важнейших международных политических навыков. Это процесс принятия политических, экономических, и юридических решений, некоторые из которых могут иметь свои отдельные последствия. Они служат предварительно сформулированным целям правительства, что может быть отражено в декларации по внешней политике. В этом случае переговоры - способ реализации принципиальных решений акторов (на уровне интересов) в отношении конкретной ситуации, а их желаемым результатом будет соблюдение национальных (государственных) интересов. В тоже время существует вариант, когда решения существуют лишь в виде набора вариантов и формируются в процессе переговоров. В этом случае, процесс и результат переговоров вынуждают правительство пересматривать политический курс и действовать вопреки предыдущим директивам. Исходя из этих положений можно заключить, что переговоры являются главным форумом для выяснения и пересмотра отношений между государствами.

Официально обучение переговорщиков началось в семнадцатом веке со следующих слов «Искусство вести переговоры с принцами настолько важно, что судьбы великих держав часто зависят от того, хорошо или плохо проходят переговоры, от того, насколько профессиональны нанятые переговорщики» [Де Каллере / Уайт, 1963, с. 7]. Автором этих слов и основоположником обучения дипломатов считается французский дипломат Франсуа де Каллере, который в 1716 году издал книгу, посвященную проблемам переговоров. Именно с этой книги начинается изложение форм, методов и технологий коммуникативного воздействия, правда в несколько упрощенной форме. Несмотря на многие последующие работы в области искусства переговоров (Де Феличе, А. де Кюстин и пр.), только во второй половине XX столетия переговоры стали объектом широкого научного анализа, что обусловлено, прежде всего, той ролью, которую приобрели переговоры в современном мире.

Международные переговоры как учебная дисциплина преподается около пятидесяти лет в США и сорока лет Европе. В России учебные курсы по переговорам стали читаться с 80-х годов прошлого столетия в МГИМО и Дипломатической академии. И лишь с недавних пор в эти курсы была введена так называемая психологическая подготовка переговоров, полностью опирающаяся на опыт и знания американских и европейских исследователей. Молодых дипломатов обучают набору тактик и методов проведения успешных переговоров. В них участникам переговорного процесса предлагается создание благоприятного психологического климата, тактика активного слушания, техники аргументации и доказательства и прочие практические рекомендации по повышению эффективности переговоров. Однако, искусство переговоров никак не может ограничиваться такими, пусть и новыми, формами, методами и технологиями коммуникационного воздействия. Всегда было и будет оставаться основание переговоров более глубокого уровня, а именно – влияние особенностей личности и психических процессов на процесс и результат переговоров. Действительно, как справедливо утверждает Н.М. Ракитянский: «проблема личности в политике относится к числу «вечных» [Н.М. Ракитянский, 2004]. Не становится исключением и процесс международных переговоров. Переговорщик вынужден считаться с тем, что его сигналы – слова, жесты, мимика и т.д. – прочитываются и умножаются его собеседниками. Любое его действие будет оценено противоположной стороной и предприняты шаги для уравнивания ситуации. Отсюда берет свое начало одна из основных проблем

личности во внешнеполитической деятельности - требования к ее психическому профилю. Обратной стороной этой проблемы будет собственно специфичность психических процессов, свойств и состояний человека, проявляющихся во внешнеполитической деятельности. На данный момент мы не имеем достаточного научного представления о влиянии психологических и психических особенностей личности на ход международных переговоров, чтобы проводить эффективную подготовку специалистов переговорного процесса во внешней политике. Отсюда проистекает несколько существенных вопросов: можем ли мы составить профессиограмму и психограмму успешного специалиста в международных политических переговорах (для различных подходов в переговорах)? При каких условиях личностные характеристики участников переговоров становятся наиболее значимыми? Какие психические процессы подвергаются наибольшему нарушению в ходе переговоров?

Прежде всего, необходимо сделать акцент на том, что международные политические переговоры обладают несколькими существенными отличиями от других видов переговоров.

Согласно Д.Дракману международные переговоры это не простое ведение переговоров, которое мы наблюдаем при товарообменах/бартерных сделках, двусторонней монополии, коллективных заключениях сделок и пр. Международные переговоры являются более сложной формой взаимодействия чем другие виды переговоров. Они более растянуты во времени, в них больше участников, они включены в более широкие условия международной политики, они более динамичны в плане изменения предпочтений, в них больше проблем коммуникации из-за культурных различий, и гораздо больше незаметных стимулов, чем кажется внешнему наблюдателю [D. Druckman, 1973]. Международные переговорщики также отличаются от участников других типов переговоров в нескольких направлениях. Ими не управляет начальство, как это происходит во внутренних агентствах, когда оно регулирует диапазон соглашений при коллективных переговорах [D. Druckman, 1973]. Другим отличием является то, что международные переговорщики очень редко готовы начать процесс постепенного сближения, чтобы прийти к компромиссному решению. Кроме того, они обычно не готовы пойти на уступку из страха потерять лицо. Исходя из таких особенностей международных переговоров можно допустить, что умение эффективно действовать в ситуации международных политических переговоров требует от переговорщика особых дополнительных психических качеств, процессов и особенностей личности. Что же нам известно о личности участника международных переговоров? Какие качества повышают успешность контактов?

Пожалуй, наибольшее внимание личностным аспектам при ведении переговоров уделяли и уделяют практики, непосредственно ведущие переговоры. Это, несомненно, подтверждает важность этих параметров. Более 50 лет назад Г. Никольсон писал в своей книге «Дипломатия», в главе, которая так и называется - «Идеальный дипломат», что основа успешных переговоров — моральное воздействие, которое покоится на нескольких особых добродетелях, а именно: 1) правдивость, 2) точность 3) спокойствие, 4) ровный характер, 5) терпение, 6) скромность, 7) лояльность, 8) ум, 9) знания, 10) наблюдательность, 11) осторожность, 12) гостеприимство, 13) очарование, 14) прилежание, 15) мужество, 16) такт [H. Nicolson, 1939].

Венгерский участник переговоров Я. Нергеш называет следующие личностные черты, необходимые для ведения переговоров: наличие сильного характера, решительность, целеустремленность, готовность к принятию решения, честность, добросовестность. Ф.Ч. Икле, описывая политические и дипломатические переговоры, указывает, что сильное влияние на их ход могут оказывать личностные качества участвующих в них дипломатов: их образ мышления, характер, политические и личные амбиции, эмоции [F.Ch. Ikle, 1976]. Близка к названным и точка зрения сингапурского посла Т. Коха. Он пишет, что характер и личностные особенности участника переговоров,

среди которых наиболее значимой, по его мнению, является умение установить доверительные отношения с партнером, влияют на успех его деятельности. А вот обладание харизмой, которая важна для политического лидера, при ведении переговоров оказывается вовсе не обязательным. Например, Г. Киссинджер, по замечанию английского исследователя Д. Данна, не был харизматичен, однако это не мешало ему успешно провести многие переговоры.

Очевидно, что перечисление всех тех качеств, которыми должен обладать участник переговоров и которые влияют на их ход, может быть очень долгим. Ведь вести переговоры можно по-разному, но, тем не менее, оставаться профессиональным участником переговоров.

Исследователи, в отличие от практиков, довольно осторожно подходят к описанию личностных особенностей участников переговоров. Некоторые из них полагают, что личность на переговорах была важна в прошлом, сегодня же участник переговоров действует в довольно жестких рамках объективной ситуации, имея инструкции и всегда согласовывая свои действия с центром. Другие не согласны с этой точкой зрения и особенно подчеркивают тот факт, что в настоящее время последствия принятых на переговорах решений являются куда более серьезными, чем столетие назад [М.М.Лебедева, 1999].

Дж. Рубин и Б. Браун, обобщив различные описания личностных свойств, а также проанализировав исследования, посвященные анализу личностных характеристик участников переговоров, получили довольно значительный список этих черт, правда, мало что объясняющий по сути [J.Z. Rubin, B.R. Brown, 1975]. Кроме этого, авторы утверждали, что одним из значимых проявлений личности на переговорах являются установки их участников. По оценке Дж. Рубина и Б. Брауна, они могут быть двух типов в зависимости от ориентации на ситуацию или на межличностные взаимоотношения. Участники переговоров, ориентированные главным образом на ситуацию, действуют, мало обращая внимание на личностные особенности своего партнера. Они вообще склонны видеть в переговорном процессе больше объективную сторону: соотношение сил, параметры ситуации и т.д. Другие люди, напротив, придают большое значение именно межличностным отношениям с партнером. Среди них, в свою очередь, выделяются те, кто ориентирован на сотрудничество и ждет аналогичного поведения от партнера, и те, кто предпочитает конкурентные отношения с противоположной стороной, т. е. в большей степени ориентирован на торг. По мнению Дж. Рубина и Б. Брауна, тип межличностной ориентации зависит в значительной мере от личностных характеристик участников переговоров и в меньшей степени — от конкретных переговоров. Иными словами, данный показатель практически не меняется от одних переговоров к другим и вряд ли будет изменяться в ситуации международных переговоров.

Наиболее известные в России исследователи переговоров американские авторы Р.Коэн, Р. Фишер и У.Юри большое внимание уделяют кросс-культурным особенностям исходя из того, что различия в культурах слишком велики, и трудности, которые возникают в ходе переговоров между представителями различных культур, во многом обусловлены этими различиями. Что касается личностных особенностей или ее психических качеств, Фишер и Юри подчеркивают, что в процессе переговоров нужно отделять существо дела от «человеческого фактора» [R. Fisher, W. Ury, 1981]. Среди параметров, которым следует уделить особое внимание авторы выделили: восприятие, эмоции и коммуникацию (последнее не является психическим процессом).

Одно из исследований, направленное на изучение роли личности в переговорах было проведено американским социальным психологом Дэниелом Дракманом (эксперимент по материалам переговорных игр). Среди основных выводов его исследования можно выделить следующие: в отличие от национального стиля ведения переговоров, который проявляется независимо от уровня ведения, личностный стиль в большей степени связан с тем, на каком уровне ведутся переговоры: чем выше уровень

ведения переговоров, тем самостоятельнее участники при принятии решения, соответственно большее значение приобретает личностный фактор. Вторым выводом из исследования Д. Дракмана заключается в том, что личностные характеристики участников переговоров оказываются более значимыми на переговорах в условиях неопределенности, что согласно А.Юрьеву происходит практически при любых типах политических решений [А.И. Юрьев, 1991]. Наконец, третий вывод, сводится к тому, что при переговорах особенно подверженной воздействию оказывается сфера, связанная с восприятием, оценкой информации и в целом, функцией отражения.

В российском методическом издании для обучения дипломатических работников «Теория и методология анализа международных переговоров» Загорского А. В. И Лебедевой М. М. значение личности в переговорах оценивается достаточно высоко [А. В. Загорский, Лебедева М. М., 1989]. Предлагается, прежде всего, ориентироваться на политико-психологический портрет личности, состоящий из политических взглядов, которые включают систему приоритетов, политических ценностей и целей, соотношения мыслительной и эмоциональной сфер, соотношений категорий настоящего, прошлого и будущего, степени тревожности и авторитарности, личностных характеристик (к сожалению, группа понятий личностных характеристик не раскрывается). Однако, совершенно очевидно, что с помощью подобного политико-психологического портрета нельзя составить объективную психогамму успешного переговорщика. Сложно определить какие из этих параметров являются приоритетными, какие конкретно психические качества они составляют.

В качестве инструмента нашего описания используется системный анализ В.А. Ганзена [В.А. Ганзен, 1984], который мы применили для описания «политического человека». Согласно теории основателя политической психологии в России профессора А.И. Юрьева политическим человеком является любой человек, оказавшийся в отношениях с властью, осуществляющий власть или повинующийся власти. Человек является политическим в такой же мере, как биологическим, физиологическим, социальным и т.д. В этой связи человек, непосредственно осуществляющий политическую волю своего государства (в том числе ведущий международные политические переговоры), несомненно, также является политическим.

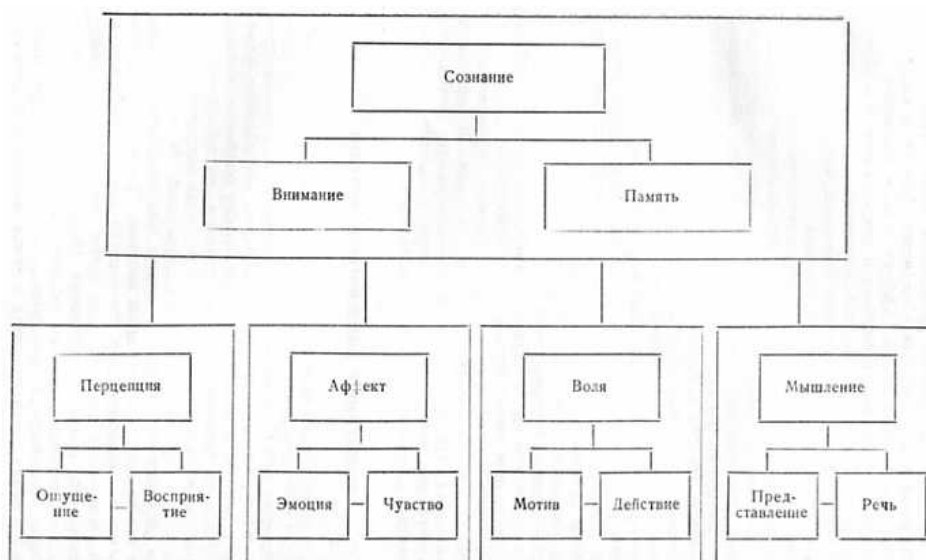

Рис. 1. Функциональная структура психики, представленная в прямоугольной системе координат (по В.А.Ганзену, 1984).

По теории В.А. Ганзена сознание является высшим интегратором психической жизни. Но эту функцию оно выполняет только благодаря тому, что все его компоненты также осуществляют функцию интеграции. Триада параметров "сознание-внимание-

память" взаимосвязана между собой и имеет важнейшее значение. Память объединяет в себе огромные объемы разнородной информации. Внимание в каждый момент времени объединяет субъекта с одним из объектов окружающей среды. Внимание измеряют в тех же единицах, что и память, но память пропадает при нарушениях внимания, а сознание человека исчезает как при нарушениях памяти, так и внимания. Аффект и воля являются интегральными регуляторами поведения и деятельности в конкретных условиях, в том числе в процессе переговоров. Память, перцепция, мышление преимущественно осуществляют функцию отражения, важность которой отмечают многие авторы, ведущие исследования в области переговорного процесса (Р.Фишер, В.Юри, Д.Дракман и пр.). Внимание, аффект и воля преимущественно осуществляют функцию регулирования. Сюда же входят и упомянутые многими авторами эмоции.

Данная схема представляется наиболее наглядной и удобной для определения важнейших параметров психики в переговорном процессе. В схеме наибольший интерес представляет дифференциация психических процессов: 1) мышление, 2) воля, 3) аффект и 4) перцепция. Их механизмы и закономерности формируют психологические феномены, в том числе и процесс участия личности в международных политических переговорах.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что для составления профессиональной психогаммы успешного переговорщика недостаточно использования только его политико-психологического портрета или рассмотрения тех или иных свойств его личности. Необходимо также описать функциональную структуру его психики – функции внимания, ощущения, восприятия, так как именно эти психические процессы подвергаются наибольшему воздействию в условиях международных политических переговоров.

Psychic and psychological personality characteristics in international negotiation

In modern conditions successful interaction of subjects (actors) of the world community substantially is based on ability to conduct bilateral and multilateral negotiations. Negotiation is one of the major international political skills. It is the process consisting from political, economic, and legal decisions, whose of which can have separate consequences. It serves the preformulated interests of governments, as reflected in manifest foreign policy, and the process and consequences of negotiations force governments to reconsider policy options and to act in ways contrary to previous directives. From these positions follows, that negotiation conference - is the main forum for defining and redefining relationships among nations.

Officially training of negotiators has begun in the seventeenth century with following words «The art to negotiate with princes is so important, that destinies of great powers often depend on how well or bad negotiation passes, and how professional are the employed negotiators». The author of these words and the founder of diplomats education is French diplomatic agent Francois de Calliieresis (1645-1717), who has published the book devoted to problems of negotiations in 1716 (1716, De la maniere de negocier avec les souverains).

The statement of forms, methods and technologies of communicative influence, begins with this book, but in a little bit simplified form. Despite of lots of subsequent works in the negotiation's art field (De Feliche, A de Kustin and so forth) negotiations became an object of the scientific analysis only in second half of XX century, what is caused, first of all, by role which was got negotiations in the modern world.

The international negotiation as the subject matter is taught about fifty years in the USA and forty years in Europe. In Russia educational courses on negotiations began to read since 80th years of last century in Moscow State University of International relations and Diplomatic academy. Not long ago it was included so-called psychological training of negotiations, which was completely based on experience of American and European researchers. Young diplomats

train a set of tactics and methods to conduct successful negotiations. In that sets negotiators train to create a favorable psychological climate, tactics of active listening, technicians of the argument and the proof and other practical recommendations about increase of efficiency of negotiations is offered to participants of negotiating process. However, the art of negotiations cannot be limited by, may be, new forms, methods and technologies of communication influence. There always was and always will be the deeper level of negotiation, namely the influence of personality characteristics on negotiation's process and results of negotiations.

As fairly confirms N.M.Rakitjansky: « The problem of the person in the politics is among "eternal" (N.M.Rakitjansky, 2004). Does not become an exception process of the international negotiation. Negotiator has to consider, that his stimulus - words, gestures, mimicry etc. - are counted and multiplied by his opponents. Any of his actions will be estimated by an opposite side and steps for a situation equilibration would be undertaken. Here we have one of the problems of the person in foreign policy activity - requirements to his psychological profile. It is known, what even the most skillfully prepared offers cannot reduce value of psychological factors during negotiations. For successful result not accurately enough to formulate the purposes and problems, to find and involve allies, and to imagine main principles international diplomacy is based. It is especially impossible to educate experts in efficient way, if we have no scientific knowledge about process of the international negotiation. It is necessary to know how professional 's characteristics influence on the process of negotiations.

Under what conditions negotiator's personal characteristics become the most significant? What psychological processes are exposed to the greatest distraction during negotiations? Thus, during negotiation it is necessary to look for the reasons of certain behaviour also in psychological qualities and his psychic processes. Here we have the key question: whether we can obtain psychogram of the successful expert in the international political negotiation?

First of all, it is necessary to define that we are interested in international negotiation which differs from bargaining.

International negotiation is not simply bargaining as we observe in bartered exchanges, in bilateral monopoly, in collective bargaining, or in limited markets such as oligopolistic competition (see Coddington, 1968). Bargaining is one element in a complex environment of domestic and international politics. We can make the conclusion that International negotiators differ from other types of negotiators in several ways. One is that they are not governed by a superordinate body analogous to the domestic agencies that regulate the range of agreements possible in, for example, collective bargaining. Another difference is that international negotiators are rarely willing to enter into a process of gradual convergence toward a compromise solution: A quantitative metric along which positions are rank ordered is unrealistic: often, they must balance incommensurates on the way to an agreement. International negotiation is a more complex form of social interaction than that depicted by bargaining theorists: more extended in time, more parties, embedded in the broader context of international politics, more dynamic in the sense of changing preferences, more communication problems due to cultural differences, and more subtle incentives than those ostensibly apparent to the outside observer. So, theoretically it is possible to claim that the ability to be efficient in international negotiation require additional psychological characteristics.

What we know about the person of the participant of the international negotiations? What qualities raise success of contacts?

Perhaps, the greatest attention to personal aspects during negotiating paid by practitioners. More than 50 years ago G.Nicolson wrote in his book "Diplomacy", in the head called - «the Ideal diplomat», that the basis of successful negotiation is moral influence which is based upon several special virtues, namely: 1) truthfulness, 2) accuracy 3) calmness, 4) equal character, 5) patience, 6) modesty, 7) loyalty, 8) mind, 9) knowledge, 10) observation, 11) care, 12) hospitality, 13) charm, 14) diligence, 15) courage, 16) tact [H. Nicolson, 1939].

The Hungarian practitioner J.Nergesh names following personal traits: strong character, resoluteness, purposefulness, readiness for decision-making, ambition, conscientiousness. F.C.Ikle, describing political and diplomatic negotiation, specifies, that personal qualities of diplomats can strongly influence on their course: their mentality, character, political and personal ambitions, emotions [F.Ch. Ikle, 1976]. Also Singapore ambassador T.Kokh. writes, that character and personal characteristics influence on the success negotiation (the essential for him is ability to establish confidential relations with the partner).

J. Ruben and B.Brown, summarized various descriptions of personal properties and have received a list of these traits. But it was hard to explain anything by this list [J.Z. Rubin, B.R.Brown, 1975]. Besides, authors consider that one of person significant displays at negotiations are attitude of their participants. According to J.Rubin and B.Brown, it could be two types depending on orientation to a situation or to interpersonal mutual relations. The type of interpersonal orientation depends appreciably on personal characteristics of participants of negotiations and to a lesser degree - from concrete negotiations. Another words, the given indicator practically does not vary from one negotiations to another and hardly will change hardly in a situation of the international negotiations.

Researchers, unlike experts, describe negotiator's personal characteristics with caution. Some of them believe, that in the past the person at negotiations was important, today the participant of negotiations operates in rigid frameworks, and always co-ordinates the actions with the subordinate. Others do not agree with this point of view and especially underline the fact, that now consequences of the decisions made at negotiations are much more serious, than a century ago [M.M.Lebedeva, 1999].

In Russia the most famous American researchers R.Cohen, R.Fisher and U.Ury paid much attention to cross-cultural features which cause the majority of difficulties during the negotiating process [R. Fisher, W. Ury, 1981]. As for personal characteristics or psychological qualities, Fisher and Juri underline, that in the course of negotiation it is necessary to separate merits of case from «the human factor». Among parameters to which the attention should be paid are: perception, emotions and communication.

The single research directed to studying personality's role in negotiations has been made by American social psychologist Daniel Druckman. Based on experimental researches (materials of trunk-call games), the following conclusions was made :

- The more clearly roles defined in a situation of negotiations the less influence have personal factors;
- In ambiguous and unpredictable circumstances with uncertain intentions personality influence increase;
- In similar context whose parameters which influence on the perception process and whole reflection function have more significance.

We can make additional conclusion from D.Druckman's research. The higher level of negotiating process the more self independent would be their decisions.

In the Russian methodological edition for diplomatic workers «the Theory and methodology of international negotiation analysis» by Zagorsky A.V. and Lebedeva M. M. value of the person in negotiations is highly estimated. It is offered to use the politico-psychological profile which consists from political views (system of priorities), political values and the purposes, proportion of cognitive and emotional spheres, proportions present, past and future categories, level of anxiety and authoritarianism, personal characteristics. However, it's clear, that such politico-psychological profile is not sufficient to construct objective psychogram of the successful negotiator. It is difficult to define which one of these parameters is.

As the tool of our description is used V.A.Ganzen's system analysis [by V.A.Ganzen, 1984] which we have applied «political person». According to the theory of the founder of political psychology in Russia professors A.I.Jurev political person is any person who has appeared in relations with the power, carrying out the power or obeying the power. The person can be political in the same way as biological, physiological, social etc. Thereupon the person

who is directly carrying out political will of the state (including carrying on the international political negotiations), undoubtedly, also is political.

Under V.A.Ganzen's theory consciousness is the highest integrator of a psychological life. It works only with all its components, which also have integration function. The triad of parameters "consciousness-attention-memory" is interconnected among themselves and has the major value. Memory includes in itself a huge volumes of the different information. Attention in every moment of time unites the subject with one of environment objects. Attention measures in a same units, as memory does, but memory could disappear in cause of attention disorder. Affect and will are integrated regulators of behaviour and activity in concrete conditions, including in the course of negotiations. Memory, perception and thinking mainly carry out the reflection function which importance is marked by many authors conducting researches in the field of negotiating process (R.Fisher, W.Juri, D.Druckman and so forth) . Attention, affect and will mainly carry out regulation function. This category also include mentioned emotions.

The given scheme is quite evident and suitable to definition important psychics parameters in negotiating process. In the scheme the greatest interest is in differentiation of psychic processes: 1) thinking, 2) will, 3) affect and 4) perception. Its mechanisms and regularities form psychological phenomena, including process person's participation in the international political negotiation.

Thus, we can state that it's not sufficient to use politico-psychological profile or personal characteristics for construction of professional psychograms of the successful negotiator. It is necessary also to describe functional structure of his psychics, because these psychic processes expose to the greatest influence of international political negotiation.

2. МОСКОВСКАЯ ШКОЛА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Шестопал Е.Б., д. филос. н., проф., Стрелец И. Ельцин, Путин, Медведев: влияние мотивации на исполнение роли президента.

Постановка проблемы. Ключевой характеристикой президентства в России является высокая степень персонализации¹⁴⁰. В отличие от других институтов, которые ограничивают политика, оно подвержено влиянию личностных особенностей того, кто возглавляет государство¹⁴¹. Важнейшим компонентом личности лидера является мотивация. Ее роль приобретает существенное значение, когда возникают беспрецедентные обстоятельства, кризисные ситуации, разногласия властных элит¹⁴². Именно такие события выпали на долю Бориса Ельцина, Владимира Путина и Дмитрия Медведева – представителей трех поколений политических лидеров России.

Данное исследование проводится в рамках проекта «Человеческий капитал федеральной и региональных политических элит современной России»¹⁴³, который курирует кафедра социологии и психологии политики факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова.

ХАРАКТЕРИСТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Объектом исследования является мотивационный компонент личности трех руководителей России – Б. Н. Ельцина, В. В. Путина, Д. А. Медведева. **Предметом** изучения выступает влияние мотивации главы государства на исполнение им роли Президента РФ. **Цель исследования** состоит в том, чтобы в ходе рассмотрения *case studies* Б. Н. Ельцина, В. В. Путина, Д. А. Медведева выявить взаимосвязь между их мотивационными профилями и исполнением президентской роли.

Теоретико-методологические основы исследования. Главное значение для деятельности президента имеют три базовых мотива: власти, достижения и аффилиации. Как показали многолетние исследования Дэвида Винтера, Маргарет Херманн и других ученых, мотивационные профили лидеров стран коррелируют с теми моделями поведения, которые они демонстрируют¹⁴⁴. **Мотив власти** обнаруживает инстинкт доминирования, воздействия на других. **Мотив достижения** развивает предпринимательские качества, склонность к точному расчету, эмоциональную сдержанность. **Мотив аффилиации** проявляется в стремлении сотрудничать, добиваться успеха на переговорах, устанавливать дружеские отношения.

¹⁴⁰ Shestopal E., Strelets I. Russian Presidents: Yeltsin, Putin, Medvedev. Does Personality Matter? // *Hierarchy and Power in the History of Civilizations: Abstracts* / Ed. by D. Bondarenko, O. Kavykin. – М.: The Institute for African Studies, 2009. – P. 241.

¹⁴¹ Graubard S. R. *The Presidents: The Transformation of the American Presidency from Theodore Roosevelt to Barack Obama*. – London: Penguin Books, 2009. – P. 21.

¹⁴² Greenstein F. I. *The Presidential Difference: Leadership Style from FDR to George W. Bush*. – Princeton: Princeton University Press, 2004. – P. 17.

¹⁴³ Стрелец И. Э. К вопросу о человеческом капитале президентства в России // *Вестн. Моск. ун-та*. – Сер. 12. Полит. науки. – 2008. – № 6. – С. 100.

¹⁴⁴ Winter D. G., Stewart A. J. Content Analysis as a Technique for Assessing Political Leaders. // *Psychological Examination of Political Leaders* / Ed. by M. Hermann, T. Milburn – N.Y.: Free Press. – 1977. – P. 28 – 61; Winter D., Hermann M., Weintraub W., Walker S. The Personalities of Bush and Gorbachev Measured at a Distance: Procedures, Portraits and Policy // *Political Psychology*. – 1991. – Vol. 12. – No. 2. – P. 215 – 245; и др.

Мотивация президентов исследуется дистантными методами¹⁴⁵. В данном исследовании использовался контент-анализ¹⁴⁶ речей, интервью и спонтанных выступлений, *case study*¹⁴⁷, наблюдение, изучение исторических и биографических материалов¹⁴⁸.

Гипотезы исследования. 1. Президентство зависит от личностных особенностей главы государства. 2. Важнейшим компонентом личности президента является его мотивационный профиль, представленный мотивами власти, достижения и аффилиации. 3. Президентство Б. Н. Ельцина определяется доминирующим мотивом власти, В. В. Путина – мотивом аффилиации, Д. А. Медведева – балансом мотивов достижения и власти.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Президент РФ наделен максимальным объемом властных полномочий¹⁴⁹. Для россиян роль лидера страны имеет не только функциональное, но и символическое значение, поскольку олицетворяет власть и воплощает ее сакральный смысл. В этом проявляются характерные черты российской политической культуры: всеобъемлющая зависимость от центрального правительства, персонификация власти, склонность к царистскому архетипу. Поэтому выбор модели сильного президентского режима (так называемого «суперпрезидентства») для России был закономерен.

Борис Ельцин победил на первых в российской истории президентских выборах в 1991 г. Однако поначалу он не имел четкого представления ни об институциональных перспективах президенства, ни об особенностях нового амплуа. Прежде ему доводилось играть две роли: партийного руководителя регионального уровня («удельного князя») и мятежного народного героя («опального бунтовщика»). Это пригодилось при вхождении в образ главы государства («царя»). Его мотивационный профиль определялся доминирующим мотивом власти при средних показателях мотива аффилиации.

Ельцин называл себя «гарантом Конституции» и ревностно следил, чтобы никто не покушался на его полномочия. Он был представителем поколения советских политиков, которые делали карьеру в иерархии КПСС, но впоследствии отрелись от коммунистических догм.

Б. Н. Ельцин был драматургом, режиссером и актером, который создавал, выстраивал и вживался в роль «избираемого монарха». К середине 1990-х гг. у него сформировались устойчивое представление, как нужно преподносить себя: царственная походка, осанка, манера речи. Себя он воспринимал центром политической жизни страны, а свое окружение – подручным материалом, которым можно манипулировать ради сиюминутных интересов.

Как инстинктивный политик Ельцин не боялся кризисов, чувствовал себя в них, как в своей стихии, а в более спокойные периоды поддавался фрустрации, исчезал из поля зрения. Сосредоточив в своих руках всю полноту власти, он не пытался ограничить права и свободы сограждан.

Эти и другие особенности поведения Ельцина объясняются спецификой его мотивационного профиля. Уступающий лишь мотиву власти, мотив аффилиации выражался у него в желании восхищаться, проявлять демонстративность. Пока позволяло

¹⁴⁵ Handbook of Psychology // Journal of Personality and Social Psychology / Ed. by T. Millon, M. Lerner. – 2003. – Vol. 5. – P. 599 – 627.

¹⁴⁶ Winter D. G. Manual for Scoring Motive Imagery in Running Text. – Ann Arbor: University of Michigan press, 1994.

¹⁴⁷ Kaarbo J., Beasley R. A Practical Guide to the Comparative Case Study Method in Political Psychology // Political Psychology. – 1999. – Vol. 20. – No. 2. – P. 369 – 391.

¹⁴⁸ Glad B. Passing the Baton: Transformation Political Leadership from Gorbachev to Yeltsin; from de Klerk to Mandela // Political Psychology. – 1996. – Vol. 17. – No. 1. – P. 20 – 22.

¹⁴⁹ Конституция РФ: Принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (Ст. ст. 80, 83 – 93, Гл. 4) / Ред. от 30.12.2008 // Рос. газета – 2009. – 21 янв.

здоровье, Ельцин преподносил экспромты, выходил к народу, любил рукопожатия, братания, делал шокирующие заявления. Этому стилю он оставался верен до конца.

На очередных выборах в 1996 г. Б. Н. Ельцин победил ценой невероятных физических усилий и разрастания олигархических кланов. Но за полгода до истечения срока он в своей царственной манере передал пост Председателю Правительства РФ В. В. Путину, которого фактически назначил своим преемником. Уход с политической сцены он сделал эффектным и безвозвратным. Вместе с должностью он передал ряд институциональных проблем.

В. В. Путин получил в наследство плохо управляемую страну. После подтверждения президентских полномочий на выборах 2000 г. он приступил к поэтапному укреплению властной вертикали, что восстановило управляемость в государстве, защитило Россию от сепаратизма.

Мотивационный профиль Путина определяется устойчивым равновесием мотивов власти и достижения, при высоком уровне мотива аффилиации. Власть для него – скорее средство, чем цель. Такой политик испытывает потребность в теплых и симметричных межличностных отношениях, ценит принадлежность к команде, ищет одобрение своей работы, оказывает и принимает помощь, стремится к сотрудничеству с экспертами, заботится о собственном имидже в общественном сознании.

Вместе с тем высоко развитый мотив аффилиации содержит в себе опасность «негативного цикла»: если политик не находит поддержки и понимания, то его ответная реакция может носить характер защитной агрессии. В противоположность Ельцину, Путин очень остро реагирует на все, что о нем пишут. Критические выступления в свой адрес он воспринимает как проявления враждебности, на которые дает отпор с ловкостью дзюдоиста. Именно это не учли проигравшие поединок медиамагнаты, олигархи, политики и журналисты: никто не должен подрывать авторитет верховной власти, диктовать ей решения, лоббировать законы, противоречащие ее интересам.

Между тем, политик с высокими аффилятивными устремлениями часто идет на компромиссы ради сохранения дружеских отношений, что может осложнить взаимоотношения с коллегами, у которых преобладает мотив власти. Так, после саммита 2001 г в Любляне у Путина с Бушем установились доверительные отношения. После трагедии 11 сентября 2001 г. В. В. Путин выразил сочувствие американскому коллеге и дал согласие на дислокацию войск США в бывших советских республиках Центральной Азии. Однако мотивированный властью Дж. Буш истолковал порыв Москвы как одностороннюю уступку. Это спровоцировало у российского лидера «негативный цикл» аффилиации, что привело к охлаждению отношений с Вашингтоном. Ситуация зашла так далеко, что преемникам Путина и Буша пришлось прибегнуть к «перезагрузке» двусторонних отношений.

Превалирующий мотив аффилиации сопровождается низкой стрессоустойчивостью к вынужденному публичному общению. Поэтому в начале своего президентства Путин демонстрировал политическое одиночество, стиль закрытости и обособленности. Этим можно объяснить его исчезновение из поля зрения во время трагических событий (гибель АПЛ «Курск», теракт во время мюзикла «Норд-Ост», захват школы в Беслане и др.), когда граждане тщетно ждали оперативной реакции Президента.

Путин позиционировал себя как непубличного менеджера, приоритет которого – не тиражирование популистских лозунгов, а работа на результат. Он является представителем среднего поколения, которое пережило смену нескольких эпох. Эти люди умеют приспосабливаться к обстоятельствам и постоянно обучаться новому. К концу первой инвеституры он освоился с ролью публичного политика, демонстрируя остроумие, образность речи, владение приемами убеждающей коммуникации.

Путин воспринимал свою роль как миссию, предначертанную свыше. За два президентских срока он укрепил статус России в мире, обеспечил стабилизацию в стране и подготовить конституционную передачу власти своему преемнику.

Д. А. Медведев вступил в должность Президента РФ весной 2008 г. Тогда никто не предполагал, что мировой кризис и внешнеполитические вызовы позволят ему доказать всем, что роль «технического» президента не соответствует ни его политическим амбициям, ни индивидуальному стилю, ни темпераменту. Мотивационный профиль Медведева характеризуется высокими показателями мотивов достижения и власти при отрицательных значениях мотива аффилиации. Это свойственно эффективным топ-менеджерам.

Необходимость защитить позиции России в связи с грузинской агрессией в Осетии заставила Медведева ощутить себя главой государства и использовать всю полноту власти. В чрезвычайных обстоятельствах он не пропал из виду, подобно предшественникам, а среагировал моментально и гласно. Как верховный главнокомандующий он решился на применение военной силы, признал независимость Абхазии и Южной Осетии, разработал мирный «план Медведева-Саркози», дал отпор зарубежным оппонентам, но не допустил конфронтации с Европой и Америкой.

Политическая воля Президента РФ, умелое сочетание жесткой риторики с дипломатической гибкостью способствовали негласному принятию Западом нового геополитического расклада на Кавказе. Та же стратегия была использована Медведевым в ходе газового конфликта с Украиной, в результате чего Киев обязался платить за газ по мировым ценам. Российский лидер проявил предприимчивость в поиске новых политических и экономических партнеров, осуществив масштабные турне по странам Латинской Америки и Северной Африки. Сходство мотивационных профилей Дмитрия Медведева и Барака Обамы, представителей одного поколения и профессионального юридического сообщества, позволило на июльском саммите в Москве говорить на одном языке.

Кризисные ситуации помогли Медведеву проявить себя не только как державника, но как либерала, открытого политика, лидера вне партий и идеологий. Опыт преподавания в Санкт-Петербургском университете позволяют ему свободно выступать перед разными аудиториями, модерировать обсуждение, мгновенно реагировать на реплики, резюмировать высказанные идеи.

Медведев является представителем поколения, которое сформировалось в период перестройки и смогло успешно применить свои силы в научной сфере, бизнесе и государственной службе. Он следит за техническими новинками и осваивает их для оптимизации работы. Если будучи Президентом РФ Ельцин изучал подготовленные пресс-службой подборки публикаций, а Путин просматривал телеканалы и газеты, то Медведев предпочитает Интернет-ресурсы, к которым относится не только как к источнику информации, но и как средству *PR*-сопровождения функций главы государства. В то время как высокопоставленные чиновники тему мирового финансового кризиса обходили стороной, Медведев нарушил молчание, посвятив ей пост в своем блоге¹⁵⁰. Интернет-общение с соотечественниками позволяет ему оперативно реагировать на запросы граждан, стимулировать чиновничество к работе с населением в режиме *on-line*.

Никогда прежде глава государства не приближался к рядовым гражданам, не был столь мобилен и быстр, отвечая на обращения. Нынешний Президент РФ делает акцент на интересах «простого человека». Он уловил острую потребность людей в кризисный период постоянно видеть и слышать власть, которая выступает не как безликий инициатор всевозможных реформ, а как опытный психотерапевт, упреждающий истерию и панику.

***

Резюме. Таким образом, результаты исследования подтвердили выдвинутые гипотезы и свидетельствуют о том, что мотивация в значительной степени влияет на исполнение роли главы государства. Каждый новый лидер страны модифицирует

¹⁵⁰ Ситуация в связи с глобальным финансовым кризисом // Videоблог Дмитрия Медведева. – 2008. – 23 окт. <<http://blog.kremlin.ru/post/2/transcript>>

характеристики своей роли, приспособливает к своей индивидуальности, вносит новые черты в механизмы функционирования власти, в характер взаимодействия с другими политическими лидерами и институтами – как в России, так и за рубежом. Трансформации президентства происходят на наших глазах, и делают продолжение научных изысканий востребованным и актуальным.

Виноградова Н.С. Политико – психологический анализ образа России в зарубежных печатных СМИ (2008 -2009 годы).

Объектом представленного исследования выступает образ страны. В его структуре можно вычлнить множество составных частей: пространственный образ, образ государства, образ лидера, образ власти, образ политических институтов и др.¹⁵¹ При этом каждая часть образа страны, как и образ страны в целом, формируется с помощью различных факторов. В данном исследовании мы изучали, как образ России конструируется зарубежной прессой. Нас в первую очередь интересовали качественные англоязычные печатные СМИ, так как данные СМИ попадают на стол людям, участвующим в принятии политических решений.

Однако следует учитывать различные механизмы влияния на формирование образа страны, воспринимаемого извне. Существует исторически сложившиеся традиции взаимоотношений между странами, особенности дипломатической коммуникации¹⁵², стереотипы восприятия¹⁵³, существующие в том или ином государстве и многие другие факторы, влияющие на формирование и восприятие образа страны. Особенно важны в современном мире механизмы влияния СМИ на процесс конструирования образа страны¹⁵⁴. СМИ выступают и как получатели, и как агенты, формирующие этот образ¹⁵⁵. Основными механизмами формирования образа страны посредством СМИ являются:

- повестка дня¹⁵⁶;
- ассоциации, используемые в статье, к которым журналист отсылает читателя;
- мнения экспертов, которые привлекаются в статье;
- использование специфических словоформ (клише) для характеристики страны;

¹⁵¹ Boulding K. National Images and International Systems // Journal of Conflict Resolution, 1959. N 3. P. 120-131; Bronfenbrenner U. The Mirror Image in Soviet-American Relations: A Social Psychologist's Report // Journal of Social Issues. 1961. № 17 (3). P.45-56; Herrmann R. K. Image Theory and Strategic Interaction in International Relations // Oxford Handbook of Political Psychology / ed. by D.O. Sears, L. Huddy, R. Jervis. Oxford University Press, 2003. P. 285-314; Образы государств, наций и лидеров / под ред. Е. Б. Шестопал. – М. : Аспект Пресс, 2008. – 288 с. Etc.

¹⁵² Levy J. S. Political Psychology and Foreign Policy // Oxford Handbook of Political Psychology / ed. by D.O. Sears, L. Huddy, R. Jervis. Oxford University Press, 2003. P. 253-284.; Lieshout R.H. Between Anarchy and Hierarchy: Theory of International Politics and Foreign Policy. Aldershot, UK; Brookfield, US: Edward Elgar Publishing Company, 1995. Ch. 8, p. 143-173; McDermott R. Risk-Taking in International Politics: Prospect Theory in American Foreign Policy. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1998. 242 p. etc.

¹⁵³ Martha Augoustinos & Iain Walker The Construction of Stereotypes within Social Psychology // Theory & Psychology, Vol. 8, No. 5, 629-652 (1998); Michele G. Alexander, Marilynn B. Brewer & Robert W. Livingston Putting Stereotype Content in Context: Image Theory and Interethnic Stereotypes // Personality and Social Psychology Bulletin, Vol. 31, No. 6, 781-794 (2005) etc.

¹⁵⁴ Curran, J. & Seaton, J. (1988), Power without Responsibility; Curran, J. & Gurevitch, M. (eds) (1991), Mass Media and Society; Политическая коммуникации/ под ред. А.И. Соловьева - М., 2004, стр. 65. etc.

¹⁵⁵ Lasswell H.D. The structure and function of communication in society // The Communication of Ideas. / Ed.: L. Bryson. – New York: Harper and Brothers, 1948

¹⁵⁶ McCombs, M & Shaw, D.L. (1972), 'The Agenda-setting Function of the Mass Media', Public Opinion Quarterly, 73, pp176–187

- история самого издания (политической позиции, отношение к официальной точке зрения и др.).

Все эти факторы влияют на формирование образа страны.

Цель исследования состоит в выявлении и анализе образа страны, формируемого посредством зарубежных СМИ на протяжении 2-х лет.

Эмпирическая база исследования представлена контент – анализом материалов четырех общенациональных качественных изданий Великобритании и США таких как: The Washington Post (США), TheWall Street Journal (США), The Financial Times (Великобритания), The Times (Великобритания). Нас интересовали публикации о России в новостных разделах. В ходе контент- анализа получены как качественные, так и количественные данные. Качественная часть исследования представлена case-studies.

Основная гипотеза исследования заключается в предположении, что в разные исторические периоды образ России менялся под влиянием международных отношений; политических событий как внутри страны, так и за рубежом; экономической мощи или слабости страны и др. Однако, под влиянием сложившихся стереотипов, образ современной России в других странах продолжают ассоциировать с образом СССР и прошлой России. В результате получается квинтесенция прошлого и настоящего образа России, которые в свою очередь влияют на будущий образ.

В ходе проведения исследования стало ясно, что газета «Вашингтон пост» представляет образ России, ориентируясь на современный контекст политических событий, имевших резонанс внутри России, так и имевших отношение к России за рубежом. Однако в процессе формирования образа России журналисты «Вашингтон пост» создают у читателей ощущение, что образ России сегодня и образ СССР и пост - перестроечной России это схожие или даже идентичные понятия¹⁵⁷. Современный же период характеризуется как время Путина или Россия Владимира Путина (Vladimir Putin's Russia¹⁵⁸). «Экономист» и «Таймс» используют различные временные рамки для формирования ассоциаций с современной Россией. «Уолт Стрит Журнал», чаще всего, апеллируют к периоду биполярного мира¹⁵⁹. Современная Россия представлена как наследница империи СССР, страна «новых советов» и «новых русских», с сильной центральной властью и большой ресурсной базой¹⁶⁰.

Как показал политико-психологический анализ сообщений зарубежных СМИ, их смысловое содержание публикаций распределяется по ряду параметров. Это параметры **силы – слабости, агрессивности–неагрессивность, активности – пассивности, простоты – сложности**¹⁶¹

При этом **сила** России понимается как: способность влиять на политику и экономику мирового сообщества; способность принимать собственные решения, независимо от мнения мирового сообщества; способность нести ответственность за принятые политико – экономических решения. В газете «Вашингтон пост», Россия, как и Китай и Индия, описываются как новые сильные игроки на мировой арене (It's true that today's world is characterized by the emergence of China, Russia and India as great powers¹⁶²;

¹⁵⁷ «Fluent in Russian, he has tapped into crucial sources from the former USSR” - James G. Hershberg Tick Tock Toward Armageddon; A gritty, suspenseful retelling of the Cuban Missile Crisis. \ the Washington Post, 22 June 2008

¹⁵⁸ Sarah E. Mendelson Russia, Politics and Death: A Tightknit Trio \ the Washington Post, 2 September 2008

¹⁵⁹ In the red corner – Bagehot \ The Economist, 26 January 2008; On This Day; March 12, 1985; The register \ The Times, 12 March 2008.

¹⁶⁰ «...neo-Soviet Russia's status as an energy superpower , the world's second-biggest oil exporter...» - Patrick Hosking Be wary of embracing the Russian Bear, it can still bite; Business commentary \ The Times, 27 February 2008.

¹⁶¹ Нестерова С.В. Отношения власти и населения. Проблемы презентации власти и ее восприятия гражданами // Психология восприятия власти. Под ред. Е.Б. Шестопап. М., 2002. С. 117-126.

¹⁶² Fareed Zakaria Levers on Moscow \ the Washington Post, 1 September 2008

Russia is the second- largest oil exporter, Russia is an important player in European diplomacy¹⁶³).

Примером, иллюстрирующим **слабость** России, стали последствия мирового экономического кризиса, отразившиеся на политике и экономике России. Журнал «Уолл Стрит Жорнал» видит слабость России в том, что ее бюджет зависит от ресурсов, а падение цен на нефть из-за кризиса, ведет к дефициту бюджета и девальвации рубля, что негативно сказывается на всех отраслях экономики (Russia's oil-fired economy is facing a deepening recession, with unemployment rising and living standards slumping)¹⁶⁴. Многие негосударственные компании оказались в крупных финансовых затруднениях в связи с кризисом¹⁶⁵, что ведет к национализации российской экономики и контролю государства за частным сектором, что в свою очередь воспринимается как слабость России. (The decision suggests the Kremlin for now is following through in its rhetoric opposing broad nationalization as a response to the economic crisis).¹⁶⁶

Рассматривая параметры **агрессивности–неагрессивности**, наиболее ярким примером дихотомии стал Грузино – Осетинский конфликт (авг. – сен. 2008г.). В газетах и журналах с начала августа ежедневно или несколько раз в день передавались сводки военных действий. Образ России представлялся как образ страны агрессора, напавшего на маленькую, но независимую страну – Грузию¹⁶⁷.

Активность и пассивность России, по мнению иностранной прессы, выражается во взаимодействии России с другими мировыми державами. Достаточно большое количество публикаций посвящено взаимодействию России и США. Публикации в основном носят информационный характер, в отличие от других такого рода сообщений. Из прессы, становится понятно, что между Россией и Америкой складываются дружественные взаимоотношения (the Obama administration is reviewing whether to revive support for a U.S.-Russia nuclear-cooperation agreement that former President George W. Bush pulled last year).¹⁶⁸

Другими странами, партнерами России, «Уолл Стрит Жорнал» считает Армению и Беларусь, которым Россия оказывает финансовую поддержку для преодоления кризиса¹⁶⁹.

Еще одним ярким примером активности является вопрос поставок газа в Европу. Проблема носит затяжной характер из-за постоянного не выполнения Украиной своих обязательств (новогоднее отключение тепла в Европе стало ежегодным ритуалом).¹⁷⁰ По

¹⁶³ The Conflict In Georgia: Splits Emerge Within EU --- Russia and Georgia Both Are Criticized; Worry in the Baltics\\ The Wall Street Journal 12 August 2008

¹⁶⁴ Top Official Denounces Calls for Kremlin to Restore Freedoms\\ The Wall Street Journal 4 March 2009

¹⁶⁵ Kremlin, Russia's Metals Tycoons Shelve Plan for Giant Merger\\ The Wall Street Journal 28 February 2009

¹⁶⁶ World Economic Crisis: Threat to Russian Privatization Seen\\ The Wall Street Journal 2 February 2009

¹⁶⁷ Gates Says West Should Avoid Extremes of Force and Restraint in Dealing With Threats\\ The New York Times, 20 September 2008; End to Georgian blockade\\ The Times, 19 March 2008; «Russia is playing this new Great Game with ruthless brilliance, and the United States and Europe are foundering. The attack on Georgia will go down not as the dawn of a new era of Russian power but as a major strategic blunder. Russia has scared its nearest post – soviet neighbors witless, driving them firmly into the arms of the West» - Levers on Moscow\\ The Washington Post 1 September 2008.

¹⁶⁸ Obama Weighs Reviving Nuclear Pact As NATO Moves to Engage Russia\\ The Wall Street Journal 6 March 2009; Why Nurture Russia's Illusions?\\ The Wall Street Journal 13 February 2009;

¹⁶⁹ «The Kremlin also is discussing aid packages to Armenia and Belarus, other former satellites hit hard by the financial crisis» - Moscow Moves to Counter U.S. Power in Central Asia\\ The Wall Street Journal 5 February 2009

¹⁷⁰ «A GAS row between Russia and Ukraine has become a Christmas ritual» - Russia, Ukraine and gas: Pipe down\\ The Economist 8 January 2009

мнению, журналистов «Экономиста», такая политика разрушительна для обеих держав, действуя негативно на их международный имидж как надежных деловых партнеров.¹⁷¹

Сохранились и исторические противники: Польша и Эстония, которые во всех публикациях газеты называют Россию агрессором, преемницей СССР¹⁷².

Сложность образа России, формируемого в качественной зарубежной прессе, заключается в том, что мировое сообщество задается вопросом, кто же руководит страной Президент или Премьер Министр («The big question in people's minds remains the same: Who will be the real boss?»¹⁷³ ; «opinion polls showed that most Russians still regard Vladimir Putin, now the Prime Minister, as the man in charge»¹⁷⁴).

Образ России, полученный из статей «Вашингтон Пост», «Экономист», «Таймс», «Уолл Стрит Журнал», не однозначен. Тематика публикаций у всех одна, но разная эмоциональная окраска и разный угол рассмотрения проблем.

Основная гипотеза исследования подтвердилась, из публикаций стало ясно, что образ современной России в других странах продолжают ассоциировать с образом СССР и прошлой России.

Предложенные параметры силы, агрессивности, активности, и сложности дали возможность проанализировать и разложить образ современной России, в результате выявив особенности данного образа.

***Евгеньева Т.В., к.и.н., доцент.* Symbols and Images of National Identity in Contemporary Russia,**

My report is based on the researches conducted in 2008 in 18 regions of Russia by the department of political psychology of the Moscow State University. To find out the dynamics we used the results of the researches of 2003 and 2004.

In the late 80s the Soviet type of identity was already in a state of deep political, cultural, psychological and ideological crisis. The manifestation of it was disintegration of the system of images, values and symbols of Soviet political culture, which formed the foundation of Soviet identity, chaotic penetration of new values and stereotypes, and finally, a significant destruction of the psycho-semantic space.

The crisis destroyed not only the structure of rational (or regarded as such) values and standards dominating the society, but also the system of traditional symbols and stereotypes laid down in it.

The aggravation of crisis led to a specific psychological mood which was perceived by the person as a disintegration of the image of the world, which included the representations about political, social and cultural environment as well as about the place which a person occupied in it. The popular literary and cinema character of that period was “cheburashka”, a small animal with very large ears, who couldn't answer the questions: Who am I? Where did I come from? Where is my place in this world? etc.

---

¹⁷¹ «Ukraine should be paying higher market prices for its gas; and it should neither have reneged on the gas-transit deal it has with Russia nor pinched gas destined for the EU. Even so, precisely because the gas cut-off is damaging the reputations of both Russia and Ukraine» - Energy in the European Union: Gas wars\ The Economist 10 January 2009

¹⁷² «The deal reflects the nations' opposition to NATO's expansion into former Soviet turf and U.S. efforts to build missile defense sites in Poland and the Czech Republic.» - World Watch\ The Wall Street Journal 4 February 2009

¹⁷³ In Russia, Change Comes With Cautious Approach --- President Medvedev Leaves Own Mark On 'Putin System'\ The Wall Street Journal 16 July 2008

¹⁷⁴ People still think power is with Putin \ The Times 3 March 2009

The identity crisis destroyed the system of values and symbols dominating in the society without giving anything to replace this system. It led to losing the background for the evaluation of events happening on the personal level. This was manifested in the feeling of having no possibilities to control the course of events (lost sense of living). Positive and negative sides of the events were freakishly replacing one another. Irrationality became a symbol of the existence, an interest to mystical cults was revived.

The crisis of identity was also manifested in the feeling of peculiar "narrowing" space and time right up to eschatological presentiment of quick end of both. The theories of different variants of "doomsday" (right up to prediction of definite dates) became more and more popular.

Such state was not stable, it required a compulsory compensation, without which a disintegration, degradation of the person could happen. The activation of archaic structures of consciousness was the most accessible shape of compensation.

The category, the opposition "we"- "they" rooted in archaic levels of human culture became a central model, a kind of matrix for the process of the construction of the image of the world. A process of identification of the person in the crisis situation usually is going on the basis of this matrix. The opposition "one's - alien" was another variant of this model, including the element of appreciation. This model stays in the latent form in mass and individual consciousness, not strictly defining the reference points and the behavior of the people. But in the situation of the crisis it can push out later rationalist layers of this consciousness, taking dominating position. Modern human being in the circumstances of the identity crisis is ready to refuse from his own individuality in order to get the feeling of security, safety, which can be given by real or mythological confluence with the group.

The first model pretending to propose the new identity in the sphere of political culture was the opposition of "democrats" and "communists". In the beginning of the 90s Russian political elite interpreted the struggle against the totalitarian basis of Russian state as a confrontation between "democrats" and "communists". At that period "democrats" formed a special mythological form of community, which united all intellectual and political groups, opposing "communists". The association of the community with "Western democracy" was an important element of its identification. In mass interpretation the process of "democratization" had the form of building in post-Soviet Russia of some Western (American, Swedish etc.) socio-economic and political ("democratic") models of the society.

Such high expectations of the beginning of the 90s in the middle of the 90s provoked in mass consciousness feelings of disappointment with the "betrayal of the democrats".

Presidential elections of 1996 seem the last example of manipulation with the opposition "democrats" - "communists", when the model, which had almost lost its influence, was artificially revived.

In the second half of the 90-s the model "we" - "they" most often obtained an ethnopolitical sense. Turning to ethnic values and searching for a support in the national history, was the result of the attempts to find not only the connection of solidarity, but also the connection of distance (another side of solidarity). This resulted in searching for a mythological enemy to blame in all today's hardships and tragedies.

Another form of the process of political identification was based on regional identification in cases where the region functions in the capacity of an identity subject ("we"), mythological unity of the population with territory opposed to the negative image of "the center". Regional identity also served for the legitimization of forming regional political elite and leaders. The image of "select territory" (chosen, as it seems, by God himself) was developing into the idea of specific mission of the region to become the territory of "stability and order" (in comparison with the "instability and disorder" of the "center"). In the regional mythology the personality of the governor turned into the image of a "hero-savior" of the region.

To the end of the 90-s these kinds of identification was interpreted as a potential threat for the integrity of the state. At the same time it already did not satisfy the mass consciousness. The research showed a strong need for the new symbols of identity.

Our research was based on methods, used by social and political psychology: deep interviews, focus-groups and projective tests (3 kinds of tests).

The older generations compensated this need by transferring soviet identity to the Russian state. In the test, when they were asked to draw, where there should be the borders of Russian state, more than a half of them imagined the territory of Russia like the territory of Soviet Union.

The young people had much more difficulties in their identification with the nation or the state where they live.

The research on the verbal level showed that a significant number of respondents did not mention any form of political or civil identity. On the symbolic level they can not find any significant images with the help of which they could mark the meaning of the word Russia.

Among those 5% who identified themselves as a civil nation there were the majority of the youngest group (16 – 20 years old) whose socialization took place in the 2000-s. The most important symbol of Russia for them was President Putin.

However large number (about 1/3) of respondents characterized Russia as a great power, world leader which should have a particular role in world political process. On the symbolic level the same idea was expressed by strong and aggressive figures, the number of which became larger in 2008 in comparison with 2003-2004.

The majority emphasized ethno-cultural or historical aspect of the community named Russians. Among them there are about 20% who interpreted Russians as only ethnic community (Russia for Russians). While belonging to the Orthodox religion symbols and images which occupies so much place in mass media, was not mentioned either on the verbal or on the symbolic levels.

About 1/3 of the respondents demonstrated local identity with their region or city.

The research on the symbolic level showed that the system of symbols on which national identity of young Russians could be based was very poor. For the majority of the respondents there existed four significant images.

First, large territory of Russia. When we asked the respondents to draw where the border of Russia should be, many of them included in the territory of Russia not only all the post soviet states, but also Finland, Poland in the West, Afganistan, Turkey and Mongolia in the South and sometimes Alaska.

Second, the enormous natural recourses (oil and gas first of all) which made Russia the great energy power.

Third, the figure of president Putin who was accepted more as a symbolic, sometimes supernatural figure than a person or even a president of the state. (Maybe this symbolic perception of Putin was one of the explanations for the problem of the so called successor. It is easy to transfer the formal political function but it seems difficult to transfer the symbolic power to any other person).

In 2003-2004 (less in 2008) in the projective tests we found one more symbol – the wings, which, from the point of view of the respondents meant the high level of spirituality (“*dukhovnost*”) of Russian culture and Russian people. Usually they appear in comparison with strong animal, symbolizing the United States.

As for official state symbols – state flag, state emblem and national anthem, in the beginning of the two thousand years they were absolutely not popular, sometimes the respondents confused the colors or the words with the symbols of previous historical periods. Only during last two years there appears the association of the flag of Russia with the victories in different sport championships.

The situation is even worse when we ask about the main official holidays. The absolute majority of respondents can not answer what events and even in what century took place on the

12-th of June (the day of Russia) and the 4-th of November (the day of National Unity). The only date known by the majority is the Victory Day on the 9-th of May. The interviews show, that the fact that many people in the internet project "The name of Russia", who voted for the name of Stalin, choused it not because they preferred totalitarian regime, but because of the association of this name with the only well known by everybody historical day of national glory.

As we know the identity of the community could be based on two possible foundations. One foundation is the system of values and their symbolic interpretation, with the help of which the community identify itself as an integrated subject. If the system of positive symbols does not satisfy the need for identification the community it begins to look for negative symbols.

In the 2000-s the opposition "we"-"they" once again became the matrix for the process of the construction of the image of the world.

In searching for a mythological enemy the young Russian looked to his neighbors and found the negative image of an alien who lived in our territory but belonged to some other ethnic and cultural group. Nationalist and xenophobe attitudes formed the other (or we can say the dark) side of the need for national identification.

He looked abroad and found the negative image of the West which stayed in the latent form in the mass consciousness and could be easily revived in favorable conditions. (For example in case of the expansion of the NATO to the ex-Soviet states considered as "our" territory).

As a result images which symbolize strength in all its possible forms - military and sport victories, weapons of all sorts and even the "strong" character of president Putin (one more difficulty for president Medvedev) – became more and more frequent. Even "Cheburashka" have lost the wings and found the Kalashnikov or at least becomes the symbol of the expectation of victories of Russian sportsmen in the Olympic Games.

Summing up the report I'd like to emphasize. The investigation shows that the process of national identification should not be accepted as spontaneous. If the society does not propose the young generation positive symbols which could help them to identify themselves as citizens of the state, they will spontaneously find a lot of negative ones. These negative symbols born in mass consciousness are taken by some political forces, publicized by mass media and thus become means for the manipulation of political orientations and mass political behavior.

Моисеева И. Сравнительное исследование персонифицированных образов России и образов политической власти.

Политико-психологический анализ

Данная работа выполнена в рамках проекта - сравнительного исследования образов России в восприятии россиян и граждан других стран, проводимого на кафедре политической психологии МГУ им. М. В. Ломоносова. В рамках данного доклада планируется представить некоторые результаты данного исследования. В фокус интереса автора попадают политические образы страны и образы политической власти как его составной части, к которым применимы понятия персонификация или персонифицированное восприятие.

Постановка проблемы и некоторые теоретические основания исследования

В политологических исследованиях образ страны, в первую очередь, рассматривается как основа для формирования внешнеполитических отношений, но не меньшее значение образ страны имеет и как важный фактор внутренней политики. Образ

власти является неотъемлемой частью образа страны и нас интересует как результат процесса, определяющего взаимоотношение политической системы и личности.

После известных работ Р.Патнэма, Меркеля и Круассана¹⁷⁵, политологи не случайно обратили внимание на неформальные, культурные и психологические условия, в которых происходит становление демократии. Одним из важнейших психологических условий демократизации является изменение образов власти в массовом сознании. Демократизация в России будет успешной в зависимости от того, сохранится ли традиционная для России персонализация власти или в массовом сознании произойдет перелом и ими будут приняты новые демократические ценности, которые предлагают отказ от выстраивания политической системы «под личность» лидера и господство формального права.

В данной работе мы используем термин «**персонификация власти**», подразумевая под ним склонность граждан приписывать процесс и результат функционирования властных институтов деятельности одного или группы политических акторов, наделяя при этом сам властный процесс человеческими факторами и характеристиками. Те же механизмы действуют и в персонифицированном восприятии страны – образ страны воплощается в Национальном герое или человеке – символе.

Наличие этого феномена в массовом сознании неоднократно отмечалось различными исследователями, где в большинстве случаев связывается с авторитарными тенденциями¹⁷⁶. Однако на наш взгляд персонификация может иметь совершенно иные объяснительные механизмы. Так, *психоаналитическая традиция* уже давно исследует психологические механизмы персонификации власти и подчеркивает, что последняя имеет широкий психологический смысл, связанный с действием защитных механизмов личности, которые позволяют гражданам упрощать непонятный им механизм власти, и тем самым, избавляться от тревожности. В психологических¹⁷⁷ работах *когнитивного направления* (в частности, Ж.Пиаже, Л.Кольберга, Дж.Адельсона), персонификация вообще рассматривается как необходимый этап в формировании личности, независимо от типа политической системы. В исследованиях *политической культуры* России подчеркивается, что для нее всегда было характерна персонифицированная власть.

Учитывая специфику предмета исследования – персонифицированных образов – планируется провести сравнительный анализ образов России и образов российской власти в восприятии россиян (образы своей страны), граждан СНГ (образы ближайшего соседа) и граждан других стран. Сравнительное изучение необходимо для систематического сравнения изучаемых персонифицированных образов России, чтобы объяснить их сходства и различия и построить теоретическую базу исследований персонифицированного восприятия. В отличие от политической науки, где методология сравнительных исследований разработана в русле институционализма, теорий развития и

¹⁷⁵ См. Putnam R.D. Making Democracy Work. Princeton, 1993., В.Меркель, А.Круассан Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях, Полис, 2002, N 1

¹⁷⁶ См. например: Преснякова Л.А. Структура личностного восприятия политической власти // «Полис», 2000, №4, с.136; Ж.-Ф. Лейенс и Б. Дарден. Основные концепции и подходы в социальном познании // Перспективы социальной психологии. – М.: Изд-во «ЭКСМО-Пресс», 2001, с. 140-141; Башкирова Е., Лайдинен Н. Имидж политика: особенности восприятия // «Власть», 2000, № 8, с.65 Kinder D. R., Fiske S. T.. Presidents in the Public Mind // Political Psychology: Contemporary Problems and Issues / Ed. by M.Hermann. San Francisco, Jossey-Bass, 1986, с. 193 – 210, Зелетдинова Э. Региональная власть: как далека она от народа? // «Власть», 1999, № 11, с.25 – 27; Афанасьев М. От вольных орд до Ханской ставки // Pro et contra. Лето 1998, том 3, с.5 – 20; Грежейшак С.Е. Региональное политическое лидерство в современной России: институциональный аспект // «ОНС», 2000, № 1, с. 36 – 45

¹⁷⁷ Пиаже Ж., Генетическая эпистемология – СПб.: «Питер», 2004, Пиаже Ж., Психология интеллекта – СПб.: «Питер», 2003, Rosenberg, Shawn W., Ward, D., Chilton, S. Political Reasoning and Cognition: A Piagetian View. - Durham, NC: Duke University Press, 1988

неоинституционалистского изучения демократического транзита¹⁷⁸, мы имеем дело с феноменами политического восприятия, требующих особых инструментов для изучения, с учетом психологических процессов (когнитивных, аффективных и мотивационных), важных для понимания формирования восприятия¹⁷⁹.

Далее мы приведем первые результаты исследования образов России и образов российской власти, проведенного в 2009 году.

Анализ персонифицированных образов России и образов российской власти

В рамках исследования мы, в первую очередь, ставили задачу – выявить и проанализировать содержательную структуру персонифицированных образов России и российской власти; а также сделать сравнительный анализ с аналогичными образами граждан зарубежных стран.

В рамках данной работы мы располагаем результатам 6 фокус-групп, проведенных в Москве и двух региональных городах (Кострома и Саратов) среди молодежи и взрослого населения, а также 6 глубинных интервью со взрослыми москвичами, которых условно можно назвать научной интеллигенцией и «средним классом», а также 3 интервью гражданами других стран (Украина, Нидерланды, США), которые в силу малого количества данных нельзя интерпретировать отдельно, но позволяют нам зафиксировать основные тенденции и отличия в политическом восприятии.

«Живут под собою, не чуя страны» (О. Мандельштам): анализ вербальных образов России

Для анализа содержания и оценки образа России респондентам задавались вопросы: «Россия – это...», «Как вы могли бы охарактеризовать образ России», «Сильные и слабые стороны», «Что вызывает чувство гордости и стыда». Для анализа персонифицированных образов на первом этапе в ответах предполагалось выделить спонтанное упоминание субъектов, политических или культурных деятелей. Что говорит нам о наличии или отсутствии персонификации. Далее задавались уточняющие вопросы: «Есть ли в России национальные герои», «Кто, по Вашему мнению, оказывает влияние на образ России», чтобы выделились субъекты персонификации.

Первое, на что мы обратили внимание, что ***российские граждане очень четко различают два образа России: России как страны (географические и социально-культурные основания) и России как государства (политический контекст и образы российской власти)***. Два образа не просто не связаны, а во много даже противостоят друг другу. Россия как страна воспринимается положительно, эмоционально, с патриотическими чувствами. Россия как государство несет ответственность за все «слабые стороны» и «стыдные моменты».

Россия - это моя родная страна. Это как сообщество людей, объединенных одним интересом. К политике это не имеет никакого отношения. Русская культура, говорить по-русски. Гордиться достижениями своей страны, если они есть, переживать за Россию. (Ксения, 28 лет, интервью, Москва)

Россия как государство это та самая власть, которая сама себя не чувствует. Вот это та самая мандельштамовская история, за которую он сел: «Живу под собою, не чуя страны». Вот оно так и есть. Это отдельная группа людей, которая живет, как хочет. Они используют даже не страну, а территорию как дойную корову. (Дина, 58 лет, интервью, Москва)

Персонифицированные образы России как страны не возникают спонтанно в открытых вопросах интервью. Российские граждане, характеризуя Россию, используют эмоционально-патриотические (*Родина, дом, жизнь, семья*), географические (*большая*

¹⁷⁸ Аптер Д.И., Сравнительная политология: вчера и сегодня // Политическая наука: новые направления / Под ред. Е.Б. Шестопаля. – М., Вече, 1999, стр. 361 - 383

¹⁷⁹ Макгроу К., Политические впечатления: формирование и управление // Политическая психология: Хрестоматия / Сост. Е.Б. Шестопаля. – М., Аспект Пресс, 2007, стр. 122

территория и ресурсы), социальные (*человеческий капитал, особая ментальность, поликультурность*) и культурные объяснительные схемы (*великая культура, историческое наследие*). Именно поэтому образ национального героя, в первую очередь, связан с писателями (Чехов, Пушкин, Толстой), учеными (Лихачев, Циолковский, Вернадский, Вавилов), композиторами и художниками (Чайковский, Саврасов, Васнецов). Стоит обратить внимание, что в большинстве случаев, **образ национального героя оторван от современности**, девять из десяти названных имен относятся к прошлому великому культурно-историческому наследию. А что же сейчас? Среди современников – это социально значимые фигуры, известные своими «особенными» политическими позициями: Сахаров, Солженицын, Анна Политковская, Жорес Алферов, Леонид Рашаль, Ростропович. И спортсмены: Аршавин, Алейников, Елена Исинбаева и даже «Вся команда по хоккею».

Политический же образ России как государства, напротив, современен и актуален. России как политической структуре все негативное, «слабые стороны», на политическую же власть возлагается ответственность за социальную незащищенность, экономические сложности, внутри и внешнеполитические конфликты. Персонифицированный образ России как государства несколько из другой области. С одной стороны – это опять же исторические образы российских царей и императоров и военачальников, довольно спорных исторических фигур, но ярких и лидерских: Иван Грозный, Петр Первый, Екатерина Вторая, Ленин, Сталин, Суворов и Кутузов. Но не меньшее значение и место в персонифицированных образах занимает «человек-символ», символ страны, в первую очередь, на международной арене. В эту категорию мы выделили **субъекты, оказывающие влияние, по мнению респондентов, на международный образ России: премьер-министр Владимир Путин и президент Дмитрий Медведев**. Обычно они так и представлены парой, и мы не раз их увидим в анализе визуальных образов власти в символике российского герба (двуглавого орла):

Президент. Медведев. Хотя Путин хочется сказать. Ну потому что мы все всё знаем. Но влияет именно Президент. Выступая, заключая договора, заключая сделки. Может быть положительно. А может негативно. (Ксения, 28 лет, интервью, Москва)

Путин. Когда ты думаешь о других странах, тебе на ум приходят целый спектр разных культурных, политических событий, и ты не всегда сможешь вспомнить, кто там президент. Например, Канада. Я не знаю, кто там президент. А у нас только Путин на ум и приходит, что и прискорбно. Всегда и во все времена – это власть, сейчас я думаю, что это до сих пор Путин (Оксана, 32 года, интервью, Москва)

Тот-Кого-Нельзя-Называть-Вслух: анализ вербальных персонифицированных образов власти

Так же как и предыдущем случае для анализа содержание и оценки образа власти мы использовали открытые вопросы интервью и фокус-групп «Власть в России – это», «Как Вы могли бы охарактеризовать власть в России» для выявления спонтанного появления персонифицированных образов. А также уточняющие вопросы по характеристике президента Дмитрия Медведева и премьер-министра Владимира Путина, которые по нашей гипотезе наибольшим образом должны были присутствовать в персонифицированных образах.

К сожалению, методика и объем данных не позволяет провести количественное сравнение персонифицированных образов российской власти с результатами прошлых исследований, но по качественным данным мы можем говорить о том, что **персонифицированные образы стали присутствовать во многих ответах респондентов, при этом стали более четкими (присутствует субъект, его характеристика, анализ и оценка)**. Если раньше мы интерпретировали появление персонифицированных образов как недостаток политического опыта, и нежелание вникать в сложные политические процессы, то сейчас согласно интервью добавились новые вводные. Это невозможность вникать в политические процессы, усиление

«формирующего образы» давления со стороны СМИ, что не позволяет респондентам проводить объективный анализ и более усиливающееся отчуждение российских граждан от политической сферы и равнодушие.

Один из респондентов очень четко сформулировал воплощение самого процесса персонификации власти в реальной жизни: *Образ власти – это вечно висящий портрет в кабинете чиновника. Меняются портреты, но они остаются по-прежнему в уголке с красной ленточкой.*

Так какие же это персонифицированные образы? В целом, все персонифицированные образы укладываются в схему «Власть – это люди в структуре». И если о структуре представления довольно размытые, то «люди» или субъекты выделяются четко. Во всех ответах присутствует мифический «Он» (Тот-кого-нельзя-называть-вслух), который под давлением интервьюера раскрывается или в образе Владимира Путина, или в образе Дмитрия Медведева, или в образе обоих сразу. Сам по себе **отказ называть имена** – довольно интересный феномен: респонденты не называют субъект, ссылаясь на очевидность ответа, но, возможно, за этим стоят более глубинные причины – граждане России не видят лидерских качеств нового президента, но понимают, что сам институт президентства дает ему возможность «быть образом власти»:

Респондент: Ну как её охарактеризовать?.. Один лидер есть.

Модератор: Кого вы имеете в виду?

Респондент: Кого-кого... Понятно, кого.

Модератор: Кого Вы подразумеваете под лидером?

Респондент: Нет, не надо... Наш правитель – президент.

Модератор: Вы имеете в виду Дмитрия Медведева или Владимира Путина?

Респондент: Ну, вот второй человек, которого Вы назвали.

Модератор: Назовите имя.

Респондент: Обоих. У нас как: премьер-министр, который изначально был президентом, он – лидер. У него, видимо, несть какие-то в голове свои планы, которые он никому не говорит, может быть, разве что президенту нынешнему. И думаю, они периодически будут меняться. А власть какая? Власть авторитарная, лидерская. И никого больше там не будет. Кроме двоих никого там больше не будет. Остальное – уже аппарат.

(Фокус-группа, Москва, молодежь)

Двуглавый орел: анализ визуальных образов российской власти

Для выявления более глубинных представлений о власти, а именно присутствия персонифицированных образов в этих представлениях мы использовали тест «Психологический рисунок», который в социальной психологии успешно используется для изучения личности, но уже опробован и дал интересные результаты в анализе политико-психологических феноменов¹⁸⁰.

В половине из 51 рисунка присутствует субъект. Или это одиночный субъект – Владимир Путин (Рис 1) или Дмитрий Медведев (Рис 2), но чаще они присутствуют вместе (обычно в одном теле) – Рисунок 3. Если мы посмотрим на российский герб с двуглавым орлом, то становится понятно происхождение образа. Также оба персонажа присутствуют и на рисунках, где власть изображена как система в качестве одного из элементов – Рисунок 4. Также важный элемент – рисунки власти с изображением «стандартизированных робото-людей, не имеющих лица», это выражение бюрократии или

¹⁸⁰ Нестерова С.В., Проблема восприятия власти массовым сознанием. Образы власти в Москве и Саратове: сходство и различие // Политико-психологические проблемы исследования массового сознания / Под ред. Е.Б. Шестопаля; Ин-т «Открытое общество». – М.: Аспект-Пресс, 2002; Бражник О.В. Образы государственной власти в массовом сознании // Образы государств, наций, лидеров / Под ред. Е.Б. Шестопаля – М.: Аспект-Пресс, 2008; Пищева Т.В., Образы будущего в массовом сознании как фактор, влияющий на сценарии политического развития России // Образы государств, наций, лидеров / Под ред. Е.Б. Шестопаля – М.: Аспект-Пресс, 2008;

чиновничества, аппарата власти, также наполненного обезличенными людьми – Рисунок 5.

Рисунок 1: У меня нарисован Путин, потому что до сих пор не различаю Медведева ни по голосу, ни по другим признакам, потому что он – клон. ВВП крут просто невероятно, потому что он летает на вертолетах, плавает на подводной лодке, ездит на машине Нива. Что несомненно должно приближать его к народу. Который любит «кидать пальцы» и «разговаривать по понятиям», что я с удивлением для себя недавно открыла и очень сильно удивилась. Потому что в моем кругу так разговаривать не принято.

Рисунок 3: Тандем нефте-ракетный. Любит дзюдо и Deep Purple.

Рисунок 4: Эта система, которую стоят определенные люди. Этим людей выбирают, как правда никто не знает, честно или нечестно, этого никто не сможет сказать. Эти люди – депутаты Госдумы, это представители федеральных округов, выборные должности на местах (в меньшей мере). Президента у нас здесь нет. Президент – это наблюдатель.

Особенности восприятия образов России и российской власти гражданами зарубежных стран

Еще раз подчеркнем, что количество интервью с зарубежными гражданами не дает нам возможности выстроить целостный образ России и образ власти, с учетом того, что у представителей разных стран этот образ также будет отличаться. Поэтому предполагается проанализировать интервью как кейс-стади. Чтобы на основе полученных результатов построить дальнейшее исследование.

Первое, что необходимо отметить у зарубежных респондентов, это их способность четко, понятно и детализировано обосновать свою политическую позицию, а также подробное объяснение источников получения информации, степень доверия или недоверия им, чего практически невозможно добиться от российских респондентов.

Образ России. Также как российские граждане зарубежные граждане отделяют социокультурный образ страны от политического образа государства. И если первый вызывает интерес своей необычностью, противоречивостью, духовностью, воспринятой из русской литературы 19 века, то политический образ воспринимается как bad political style, основанный на шантаже и давлении. Причем политический образ более современен и актуален. Образ России у зарубежных граждан, в отличие от россиян персонифицирован в фигуре Владимира Путина. Президент Дмитрий Медведев не воспринимается как серьезный лидер России.

When it comes to politics... Everybody in the Western Europe still believe that Putin is still a president. Medvedev is actually no one. Even in the news they sometimes make mistakes and name Putin as president.

Политическому образу России в последнее время значительно повредил политический контекст, который опять же приписывается лично Путину:

- грузиноосетинские события и газовые войны с Украиной не воспринимаются как внешняя политика России, для зарубежных граждан они выглядят как давление руководства страны на собственных жителей;

- убийства, которые считаются политическими – Анны Политковской и Александра Литвиненко;

- ситуация с Ходорковским на фоне шумных походов других российских олигархов на страницах «светской хроники» зарубежных газет.

Россия предстает как страна, которой нельзя доверять: *Maybe I'm thinking in a negative way but I wouldn't be surprised if Russia has a hidden agenda for the last years it was presenting yourself in a democratic way, nice way, making friends with Germany, making friends all over the world. I wouldn't be surprised if Russia or China are keeping secrets. It seems that Russia shown respects to Western countries but it was fake. If Russia doesn't respect its own citizens it will never respect western people.*

Образ российской власти очень близок к образу России как государства. Российская политическая власть представляется как коррумпированная, недемократическая и сосредоточенная в руках нескольких человек.

It's only in the hands of a few, I mean few people really have power. I don't think your politicians hear voices of the people. Philosophy of public service is representation of the public but it doesn't work here. I think its inconsistent;

Group of men who knows exactly how to keep things under control. Who? Putin. Nobody is very charmed about Putin. My personal opinion that he is scared person. Medvedev doesn't seem to be very strong leader. He is not to be proper politician. He keeps attention and way of Putin.

Власть в России построена на лжи и воровстве. Это две основные силы, на которых все держится. Ложь заключается в Первом канале. Ложь заключается в том, что есть пропаганда. Мне кажется, что и никто не отрицает наличие пропаганды. И коррупция с воровством – это что-то такое само собой разумеющееся. Раньше было некое романтическое ощущение, большая тяга к свободе. Но все это полностью перечеркнулось с приходом Путина. Первый срок Путина – это был период колоссального подъема. Второй срок показал истинное лицо путинизма, которое оказалось лживым и воровским.

Выводы и заключение

Результаты нынешнего исследования в целом совпадает и нашими предыдущими исследованиями. Специальные исследования персонифицированного восприятия власти на федеральном уровне (образы российской власти)¹⁸¹ и на региональном уровне (образы московской власти)¹⁸² мы проводили в 2003 – 2004 году. В рамках исследования более трети респондентов имели персонифицированный образ федеральной власти.

- Период 1990-х можно рассматривать как переходный этап не только в государственном строительстве, но и в социально-культурном и психологическом развитии, то феномен персонификации власти можно рассматривать как показатель определенной ступени когнитивного развития российского общества. Наши данные показывают, что при всех сложностях процесса трансформации, можно говорить о когнитивном усложнении образов власти, что свидетельствует о росте гражданской зрелости и лучшем понимании правил политической игры со стороны граждан.
- Персонификация имеет как позитивную, так и негативную психологическую коннотацию. При этом исследование показало, что негативные оценки в персонифицированных образах встречаются чаще позитивных. Примечательно, что негативные оценки власти связаны с приписыванием ответственности субъекту персонификации. Как отмечает А.Г. Здравомыслов, для российского массового сознания вообще характерно восприятие власти как инстанции субъектности и ответственности. «Она как бы изобретена для того, чтобы отвечать на вопрос «Кто виноват?». Именно «власть» во всем виновата. Власть – это «Они», которые стоят над «Нами» с пряником и кнутом (на разных этапах в разной пропорции) и вынуждают «Нас» делать то, что «Им» хочется. А «Мы» - это общество, которое всегда право по отношению к власти, ибо общество – это всегда почва, на которой произрастает власть»¹⁸³. Возможно, эта особенность современного российского массового сознания и является проявлением незрелости демократической культуры, но нельзя не заметить, что постепенно эта незрелость уступает место большей когнитивной и эмоциональной зрелости.

¹⁸¹ Образы российской власти: От Ельцина до Путина / Под ред. Е.Б. Шестопаля. – М.: РООСПЭН, 2008, стр. 214 - 226

¹⁸² Психологические аспекты политического процесса во «второй путинской республике» / Под ред. Е.Б. Шестопаля – М.: Аспект-Пресс, 2006, стр. 191 - 203

¹⁸³ Здравомыслов А.Г. Власть и общество в России: кризис 90-х годов //»Общественные науки и современность», 2000, № 6, с.25

- Политико-психологическая интерпретация феномена персонификации власти представляется нам вполне адекватной для понимания причин и форм проявления образов власти у российского населения. Персонифицированные образы позволяют человеку, потерявшему привычные политические ориентиры, адаптироваться к изменчивой и непонятной политической среде. Наши данные показывают, что персонифицированные образы власти играют роль защитных механизмов, упрощающих политическую картину мира.

Рогозарь-Колнакова И.И. Influence of personality on Russian ministerial performance,

The aim of this research is to show the influence of personal characteristics on the execution of a ministerial role.

Studying ministerial personality is a complicated task, as ministerial role demands internally inconsistent requirements. On one hand the minister is an executor of state policy (the official, the bureaucrat), and on the other, he is – the head of the ministry (the leader, the organizer). Moreover, except the basic requirements demanded by a ministerial role, ministers should possess special features necessary for the activity in certain sphere, for example, in the sphere of finance or public health services. Burns¹⁸⁴ defines such type of leadership as «*executive leadership*» which is allocated as an independent type, because of having no reliable political support, and depends, mostly, on the leader's personality (his/her talent, character, status etc). These facets of one role demand various personal qualities, which strengthen the influence of personality on its role.

The approach to studying the ministerial personality

There are many various approaches to study political personality. The *structural* approach is a methodological key for complete and multi-dimensional study. The concept of "*a fundamental psychological triad*"¹⁸⁵ allocates cognitive, emotional and behavioral components. On that basis I propose to construct the *cognitive, affective and behavioral profiles (CAB profiles)*, which considers rational and unconscious component of ministerial personality, and its influence on impersonation.

The *cognitive component* has basic value in the analysis of political personality structure showing how the politician sees the world, and in particular the political world. In the course of research we considered such *cognitive variables*, as: *friendly-hostile, optimism-pessimism, global-limited, will-occasion, etatism-anti-etatism, equality, freedom, nationalism, cosmopolitanism*¹⁸⁶.

The *affective component* includes steady, emotional attitudes of the person with relation to life in general. According to the theory of motivation¹⁸⁷, the basis of an affective component originates from three motives: *power, achievement* and *affiliation*, which can be objectively and

¹⁸⁴ Burns J.M. Leadership. N.Y. 1978; Olshanskij D. http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Olsch/...P.4-5.

¹⁸⁵ Bekker L.M. Psyche and reality: The theory of psychical process. 1998.

¹⁸⁶ Leites N. Operational code of Politburo. N.Y., 1951; Holsti O.R. The "operational code" approach to study of political leaders: John Foster Dulles' philosophical and instrumental beliefs // Canadian journal of political science. 1970. N 3. P.3-57; George A.L. The operational code: a neglected approach to the study of politics and decision making // International studies quart. 1971. Vol. 13. P.190-222; Walker S.G., Schafer M. The political universe of Lyndon B. Janson and his advisors: Diagnostic and strategic propensities in their operational codes // Political psychology. Oxford. 2000. Vol. 21. N. 3. P. 529-545; Hermann M. Assessing the personalities of Soviet Politburo members. // Personality and Social psychology bulletin 6:332-52. 1980.

¹⁸⁷ McClelland D., Atkinson J., Clark R., Lowell E. The achievement motive. N.Y., 1953.

reliably measured at a distance¹⁸⁸. One more element of an affective profile, is the *self concept*, that is, self awareness¹⁸⁹.

The *behavioral component* of a minister's personality, shown in *style of interpersonal relations*¹⁹⁰, *adaptation to stress*¹⁹¹, and in its *behavioral style*¹⁹², is the most visible.

The preference during the study has been given to qualitative methods, in a particular biographic (political biography), method of observation and content-analysis of authentic texts, speeches and interviews.

Comparative analysis

Comparative analysis of *cognitive profile*, has shown correlation of four variables, namely: *friendly* that means readiness for dialogue, softening of existing contradictions and an appeal for association of positions; *optimism* which specifies, that ministers, positively estimate the results of policy and are assured of their successes. The variable *control* characterizes ministers as subjects who feel private responsibility for their actions, and possibility to supervise and control the course of events. *Global* is expressed by the declaration of ideological principles, orientation to universal values and achievement of macroeconomic indicators.

Affective profile has shown that the *motive of achievement* is the most salient in all three ministers, which testifies to activity, enterprise and rationality. This is shown by establishing high standards of work and aspiring to achieve unprecedented and remarkable results. Considering that the main ministerial obligation is the implementation of government objectives, I argue that high level of achievement motivation is a paramount requirement to the ministerial personality.

Each minister's *behavioral profile* shows the same approach dealing with stress which is – *fight against a menacing situation*. This style finds the expression in the purposeful activity focused on problem resolution and more than ever, answers to inquiries of time and circumstances. I speculate that owing to this type of adaptation to stress which is observed in minister's behavior during the period of current crisis, they get 51%¹⁹³ of public support.

As analysis has also shown *self concept* is distinctive in all ministers. *High self concept complexity and underestimated self-estimation* of Minister of Economics determine her as a "*pragmatist*", which is characterized by excessive reaction to social stimulation, sensitivity to opinion of associates and updating of political behavior on the basis of a feedback.

The care of positive image in public consciousness, which is observed in the career beginning of the Minister of Emergency Measure, speaks as well about the underestimated self-estimation, but, as it is known, the self-estimation is a relation of achievements to ambitions, therefore prompt growth of his achievements promoted its strengthening. For today his rhetoric displays an *adequate self-estimation and high self concept complexity*, which define minister's type as "*pragmatist*" - "*ideologist*". "*Pragmatists*" are sensitive to social stimulus, and opinions of others, "*ideologists*", in its turn, successfully carrying out the practice of its own policy. It seems that these characteristics have strong influence on minister's efficient performance which makes him the most popular minister.

---

¹⁸⁸ Winter D.G. Things I've learned about personality from studying political leaders at a distance. // Journal of Personality. 2005. 73:3. P.558-79.

¹⁸⁹ Ziller R., Stone W., Jackson R., Terbovic N., Self-other orientations and political behavior. In: A psychological examination of political leaders. Ed. M. Hermann, T. Milburn. N.Y., 1977. P. 176-204.

¹⁹⁰ Etheredge L. Personality effects on American foreign policy, 1898-1968: a test of interpersonal generalization theory. Amer.Polit. Sci.Rew., 1978. Vol. 72. P. 434-451.

¹⁹¹ Wiegele T. Models of stress and disturbances in elite political behavior: Psychological variables and political decision making. In: Psychopathology and political leadership. Ed. R.Robins. New Orleans. 1977. P. 79-111.

¹⁹² Lasswell H. Psychopathology and politics. Chikago, 1930. P. 34-38.

¹⁹³ <http://wciom.ru/issledovanijapolitika/politicheskie-is>.

The *high* level of *self-estimation and high self concept complexity* of Minister of Education, allows to identify him as the ardent nonconformist who first of all is guided by his own representations in the course of duties execution. To some extent it explains a train of conflicts which took place during his ministerial performance. So, for example, in spite of the fact that education reform has encountered considerable resistance from outside of science and public, the minister purposefully continued the policy and finished the planned projects. It once again confirms, that the higher level of politician self-estimation, the less his behavior and results of activity depend on expectations of others and role requirements, which makes a more essential impact on the played role¹⁹⁴.

What differentiates ministers in addition – is *behavioral style*. To some extent, the style of each minister meets the requirements of that field of activity in which ministers execute Government policy. So, for example, the style of the Minister of Economics and Development – "**theorist-expert**" which helps the minister develop a reputation of "idea generator" for economic programs, proves on all way of its professional career. From thirteen posts, that minister Nabiulina has occupied, on ten of them, she carried out a role of "expert" or "advisor". Putin's Presidential programs were developed with her participation at their heart. This means that the minister perfectly copes with her role of the reliable and responsible advisor, being the expert in the field of economic activity.

The behavioral style of the Minister of Emergency Measures S. Shoigu - "**manager**" - is characterized by a concentration on the execution of professional duties, determination, activity and ability to structure a situation with a steady feeling of reality. These personal characteristics meet the requirements of modern ministerial leadership which, first of all, demands skills of executive, manager, organizer, instructor, inspirer etc. Such conformity of personal and role characteristics explains, why throughout a long period (e.g. more than 15 years) on the same post with different prime ministers and colleagues on duty, in different economic and political conditions, the minister continues successfully developing his policy, delivering outstanding results and thus receiving the highest praise from the government, and public. It can be theorized that the better personal characteristics meet the role requirements, the more positive impact has personal influence.

The Minister of Education and Science A. Fursenko is associated with the qualities of the "**theoretic**" style, which is characterized by propensity to generalize and theorize current events. This style has helped him to master quickly the speech of educational specialist and to make his own understanding of education system and its mechanisms of modernization. Minister type - "**theorist-ideologist**" is involved in grandiose and highly rationalized ideas, allowing him to make in short term radical restructuring in one of the most conservative field of activity.

Conclusion

The study has shown that different ministers influence their role differently, owing to their individual characteristics¹⁹⁵. The unique combination of personal socio-psychological characteristics make unique and essential impact on the results of political activity and consequently on political role. Moreover, influence of minister's personality occurs at two levels: first, each minister influences those transformations which occur in his own ministry, and secondly – all ministers together influence the work of supreme body of executive power – the Government of the Russian Federation. All it considerably complicates a role of minister and raises the importance of his/her personality and level of influence.

---

¹⁹⁴ Gibson J.L. Personality and elite political behavior: The influence of self esteem on judicial decision making. //The journal of politics. Vol. 43. №1. 1981. P. 104-125.

¹⁹⁵ Ferguson M.R. Governors in the legislative arena: the importance of personality in shaping success // Political psychology. Vol. 23. No. 4. 2002. P. 788.

Social-demographic profile of Russian ministers

Sex	Middle Age	Education	Nationality	Place of birth	Awards
Male - 89%	51 yrs	Higher Education-100%	Russians-89,%	Provincial -28%	72% - two State awards
Female - 11%	Male -52 yrs	Two diplomas & more -39%	Other-11%	St.Petersburg - 11%	56% - awards for public services
	Female - 45 yrs	Master degree-39%		Moscow-6%	
		PhD - 9,%			
		Economic Education - 44%			
		Humanitarian - 35%			
		Technical-28%			
		Military-11%			

***Politico-psychological profile –
CAB profile (cognitive-affective-behavioral)***

<i>Minister of Education and Science - Fursenco A.A.</i>		
Cognitive profile	Affective profile	Behavioral profile
Operational code: <i>Friendly</i> <i>Optimism</i> <i>Control</i> <i>Global</i> <i>Anti-etatism</i> <i>Freedom</i> <i>Cosmopolitanism</i>	Motives: <i>Achievement</i>	Behavioral style: <i>Theorist</i> - <i>ideologist</i> <i>Propagandist</i>
	Self concept: <i>Unpolitical politician</i>	Style of interpersonal relation: <i>Extroversion with high domination</i>
		Adaptation to stress: <i>Fight against a menacing situation</i>

<i>Minister of Emergency Measures - Shojgu S.K.</i>		
Cognitive profile	Affective profile	Behavioral profile
Operational code: <i>Friendly</i> <i>Optimism</i> <i>Control</i> <i>Global</i> <i>Limited</i> <i>Etatism</i> <i>Equality</i>	Motives: <i>Achievement</i> <i>Affiliation</i>	Behavioral style: <i>Manager</i>
	Self concept: <i>Pragmatist-Ideologist</i>	Style of interpersonal relation: <i>Extroversion with low domination</i>
		Adaptation to stress: <i>Fight against a menacing situation</i>

<i>Minister of Economics and Development - Nabiulina E.S.</i>		
Cognitive profile	Affective profile	Behavioral profile
Operational code: <i>Friendly</i> <i>Optimism</i> <i>Control</i> <i>Global</i> <i>Limited</i> <i>Equality</i> <i>Antietatism</i> <i>Freedom</i> <i>Cosmopolitism</i>	Motives: <i>Achievement</i> <i>Affiliation</i>	Behavioral style: <i>Theorist-expert</i>
	Self concept: <i>Pragmatist</i>	Style of interpersonal relation: <i>Introversion with low domination</i>
		Adaptation to stress: <i>Distance from the situation</i> <i>Fight against a menacing situation</i>

Селезнева А.В., к.пс.н. Роль ценностей в восприятии власти различными поколениями современных российских граждан.

Кризисные явления, которые переживает сегодня Россия, явление не новое. Можно констатировать, что на протяжении последних 20 лет это уже третий виток крупномасштабных проблем, базирующихся, в первую очередь, на экономических основаниях. Применительно к сфере массового политического сознания, особенно в контексте вопроса о политических ценностях россиян, события 1990-х годов стали для них наиболее сильным потрясением. Людям пришлось выживать в новых политических и экономических условиях, приспосабливая к ним свои представления и ценности. Большинство политологов описывали изменения в сознании людей как процесс замены авторитарных ценностей демократическими. Но политические представления людей, принадлежащих к разным возрастным группам, менялись с разной скоростью и результатами.

Наше исследование было основано на теоретических и методологических подходах, разработанных Р. Инглхартом и Е. Шестопал.

Главная цель нашего исследования состояла в сравнении систем политических ценностей различных поколений современных россиян. Второй задачей было определить, как экономических и политических контекст влияет на системы политических ценностей.

В нашем эмпирическом исследовании мы разделили респондентов на 4 возрастные группы. Это военное и послевоенное поколение, которое включает людей старше 60. Поколение хрущевской оттепели - от 45 до 60. Следующее поколение, названное поколением застоя, включает людей от 31 до 45 лет. И последнее и самое молодое поколение – постсоветское, представленное людьми моложе 30 лет.

Политическое мировоззрение каждого человека формируется в процессе политической социализации и определяется политико-экономическими и социокультурными особенностями этого процесса. Первичная и вторичная политическая социализация трех старших поколений проходила в Советский период, для которого были характерны типичное социополитическое устройство и система ценностей. Формирование первых политических взглядов россиян обычно происходит в семье, что является основой для систем политических ценностей.

В период постсоветских трансформаций, сопровождавшихся глубоким социокультурным кризисом, происходит ресоциализация всех трех указанных поколений. Только постсоветское поколение не пережило процесса ресоциализации. Рожденные на

закате советского периода, в постсоветское время у них происходит первичная и вторичная социализация.

Политическое сознание личности состоит из двух слоев. Политические представления составляют верхний относительно изменчивый под воздействием текущих социально-политических трансформаций слой. Центральное ядро политического сознания составляют политические ценности, определяющие, в конечном счете, отношение респондентов к власти и политике. В нашем понимании ценность – это субъективное переживание неудовлетворенной потребности. В достаточно стабильной ситуации иерархия ценностей определена более или менее однозначно. Но в России она была разрушена социокультурными и политико-экономическими трансформациями.

Изменение политических взглядов в ходе ресоциализации произошло во всех поколенческих общностях. Новые политические ценности встраиваются в сложившуюся личностную структуру, сложно комбинируясь с усвоенными в ходе первичной социализации, как политическими, так и нравственными ценностями и убеждениями. У каждого поколения российских граждан был свой опыт первичной и вторичной политической социализации и свой опыт адаптации к новой сложившейся политической ситуации в постсоветский период. Отсюда и некоторые различия в их восприятии важнейших вех советского, поздне-советского и постсоветского периодов.

Политические ценности носят стереотипизированный характер и, как правило, более устойчивы к воздействиям изменений политического контекста жизни. Политические ценности не поддаются прямой вербализации и могут быть косвенным образом выявлены специальными методиками политико-психологического анализа.

В 2007-2008 гг. на кафедре социологии и психологии политики факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова было проведено исследование, включавшее анкетный опрос около 350 респондентов и 130 глубинных интервью. Кроме того, для изучения глубинного уровня политического сознания личности были использованы методика Р. Инглхарта и метод фиксированных ассоциаций. Респондентам предлагалось проранжировать карточки в порядке значимости для них написанных понятий: «мир», «равенство», «демократия», «собственность», «национализм», «традиционность», «интернационализм», «глобализация», «суверенитет», «порядок», «свобода», «законность», «патриотизм», «безопасность», «равенство», «справедливость». Затем мы просили респондентов объяснить, что первые три понятия означают для них.

Наше исследование не было нацелено на получение репрезентативных данных для страны в целом, но выборка для каждого поколения была сбалансирована по полу, возрасту и уровню образования, что позволило нам сделать некоторые выводы о системе политических ценностей российских граждан.

В результате были зафиксированы определенные различия в представлениях о власти, политиках и политической системе у всех политических поколений. Тем не менее, полученные в ходе исследования результаты позволили нам сделать вывод о том, что наиболее актуализированными в сознании всех поколений россиян сегодня являются материалистические (в терминологии Р.Инглхарта) ценности или «ценности безопасности».

В результате вербализации данные ценности выражаются в таких понятиях, как «мир», «порядок», «законность», «суверенитет», «патриотизм», «свобода», «справедливость», что, по сути, не является ни чем-то необычным, ни характерно российским. Это тот набор ценностей, который определяет приоритеты любого демократического государства. Специфической, в данном случае, является интерпретация россиянами данных понятий, обусловленная особенностями жизни нашей страны в последние 15-20 лет.

Политические представления наших респондентов стереотипизированы. Представления о «мире» как политической ценности разграничиваются в двух

направлениях – интровертированные («уверенность в будущем своих детей») и экстравертированные («стабильные отношения с соседскими государствами», «всеобщий мир», «отсутствие войн и межгосударственного насилия»). При этом, в подавляющем большинстве случаев мир определяется респондентами как «отсутствие войны».

«Порядок» как политическая ценность охватывает в сознании респондентов широкий спектр представлений. Он рассматривается респондентами в равной степени и как абстрактная политическая категория («отсутствие анархии, «все находится на своих местах», «порядок в политической и экономической жизни страны»), и как конкретная политическая ценность («отсутствие преступности», «системность и структурированность в организации государственных институтов»). Порядок для опрошенных – это «сильная государственная власть», которая может обеспечить «стабильность в стране».

«Законность» для опрошенных проявляется в области в основном абстрактных представлений («соблюдение законов народом и правящими слоями общества», «гарантии равного для всех исполнения законов»). В одном случае приводится конкретное понимание респондентом законности – «вор в тюрьме, Ельцин в петле».

Ценность «справедливости» для опрошенных проявляется в области преимущественно абстрактных представлений («всеобщее благоденствие», «равенство условий», «движение к гуманному обществу»). При этом, у большей части опрошенных представления о справедливости отражают стереотипы советского времени – «каждому по труду», «вознаграждение по заслугам и защита слабых».

Ценность «патриотизма» также рассматривается респондентами в разрезе интроверсии («я готов умереть за Россию», «гордость за достижения своей страны») и экстраверсии («соблюдение интересов страны»). Примечательно, что безопасность для опрошенных проявляется в основном в области абстрактных представлений, сводящихся к стереотипизированной формулировке «любовь к Родине».

Стереотипизированные представления о «свободе» как политической ценности для данной поколенческой общности лежат в плоскости абстрактных декларируемых государством демократических свобод – «свобода слова», «свобода выбора, свобода действий», «право мыслить и действовать без принуждения». Только в одном случае представление респондента о свободе имеет более конкретное выражение – «государство и его институты не должны вмешиваться в частную жизнь человека, его работу, творчество».

Ценность «безопасности» также рассматривается респондентами в разрезе интроверсии («безопасность личности») и экстраверсии («безопасность государства»).

Фиксируемые нами в результате проведенного исследования запросы на мир, порядок, законность, являются реакцией на конкретные условия жизни граждан в период трансформации – хаотичность общественных процессов, неустойчивость экономики, коррумпированность бюрократического аппарата.

Кризисные явления сегодняшнего момента еще не оказали существенного влияния на изменение иерархии политических ценностей российских граждан, поскольку для этого необходимы более глубокие, масштабные и длительные потрясения. Россияне так еще и не оправались от развала и хаоса 1990-х годов, что подтверждается фиксируемыми нами потребностями в безопасности и порядке.

Тем не менее, для получения дополнительных эмпирических данных, подтверждающих высказанную позицию, в апреле-мае 2009 года был проведен небольшой пилотный замер систем политических ценностей трех поколений россиян, которые являются трудоспособными и в первую очередь испытывают на себе влияние финансового кризиса.

Результаты исследования показали, что в представлении представителей разных поколений россиян понятие «кризис» ассоциируется с такими как «хаос», «беспорядок» и «неопределенность». Сегодня глубинный уровень политических ценностей составляют «ценности безопасности», которые выражаются в таких понятиях как «мир», «порядок»,

«законность», «независимость», «патриотизм», «свобода», «справедливость». Однако, подавляющее большинство респондентов, независимо от поколенческой принадлежности, выбирают среди индикаторов материалистичности в первую очередь те, которые связаны с экономической безопасностью – «достижение высокого уровня экономического развития», «стабильная экономика», «борьба с ростом цен». В целом же политические ценности вербализуются в триаду «мир – безопасность – порядок», что не расходится с полученными ранее данными.

Таким образом, анализируя результаты исследовательских процедур, можно сделать вывод, что «ценности безопасности» являются сейчас наиболее актуализированными в сознании россиян среди всех политических ценностей. При этом, в структуре данного кластера наметилось перераспределение позиций в пользу экономической безопасности, обусловленной кризисными явлениями в социально-экономической сфере.

Филистович Е. «Парламентаризм как форма политического лидерства.

Введение

Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации (далее – Государственная Дума) – один из важнейших элементов политической системы нашей страны. Хотя считается, что она уступает по значимости органам исполнительной власти, её роль нельзя недооценивать¹⁹⁶. Государственная Дума – нижняя палата двухпалатного российского парламента. Она состоит из 450 депутатов, избираемых всенародным голосованием.

Изменения, происходящие в политической системе постсоветской России, коснулись, в том числе, и Государственной Думы. В последние годы претерпевает значительные трансформации институциональный дизайн законодательной власти, избирательная и партийная системы. Пропорциональная избирательная система сменила смешанную. Срок полномочий депутатов продлен до пяти лет¹⁹⁷. Появилась сильная партия власти. В условиях этих и других изменений интерес к различным аспектам деятельности Государственной Думы не вызывает сомнений.

В то же время, нельзя не признать, что феномен парламентаризма в России изучен недостаточно полно и всесторонне. Больше внимание исследователей уделяется институциональным и правовым аспектам деятельности Государственной Думы и депутатов, тогда как субъективная составляющая парламентаризма остается за скобками научных исследований. Речь идет об анализе личностных особенностей депутатов, их индивидуальных и групповых характеристиках. Такой анализ является важным и с точки зрения научного знания, и с точки зрения практического применения при реформировании законодательной власти.

Характеристика исследования

Данное исследование является частью большого проекта под названием «Человеческий капитал федеральных и региональных политических элит», проводимого на кафедре социологии и психологии политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова.

Объектом исследования являются депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации.

¹⁹⁶ Окуньков Л.А. Перспективы перераспределения полномочий между Президентом, Правительством и Федеральным Собранием // Законодательство. - 2000. - № 9. - С. 52-57.

¹⁹⁷ В соответствии Федеральным Конституционным Законом «Об изменении срока полномочий Президента Российской Федерации и Государственной Думы» от 30 декабря 2008 года.

Предмет исследования представляет собой комплекс характеристик представителей федеральной законодательной элиты, значимых для человеческого капитала в политической сфере жизни общества.

Целью исследования является комплексный анализ человеческого капитала российской законодательной элиты.

Основной гипотезой настоящего исследования стало предположение, согласно которому основной проблемой, тормозящей модернизацию политической системы России является качество человеческого капитала, который эту модернизацию проводит. И речь не о том, что в стране нет талантливых и подготовленных политиков и управленцев. Вопрос в том, что власть недостаточно эффективно задействует имеющийся в обществе человеческий капитал для формирования элитных групп на федеральном и региональном уровнях. Из основной гипотезы исследования вытекают частные гипотезы:

- Депутаты разных фракций Государственной Думы обладают набором различных личностных характеристик, которые являются важными для партии в целом, что позволило им добиться высоких результатов в своей политической карьере.
- Доминирование мотива власти у того или иного депутата может свидетельствовать о стремлении к престижу, конфликтности, стремлении к манипулированию другими людьми, что ведет к сложным отношениям как с другими депутатами, так и с электоратом.
- Доминирование мотива достижения означает высокую активность, сильную ориентацию на поставленные цели, что ведет, прежде всего, к активной и четко сформулированной позиции депутата на политической арене и при решении законодательных вопросов.
- Доминирование мотива аффилиации подразумевает, прежде всего, потребность депутата в одобрении своих действий со стороны электората, поэтому в его действиях преобладает стремление к помощи и решению социальных проблем.

Исследовательская проблема состоит в том, чтобы понять, как эти требования сочетаются с индивидуальными психологическими особенностями депутатов, и как их личностные структуры отвечают на запросы политической реальности.

Под «человеческим капиталом» мы понимаем воплощенный в человеке запас способностей, знаний, навыков и мотиваций. В рамках нашего проекта исследуются такие личностные особенности депутатов, как самооценка, Я-концепция, ценности, операциональный код, политические представления, стиль принятия решений, стиль межличностных отношений и т.д. В рамках данного исследования мы рассмотрели мотивацию депутатов, по нашему мнению, одну из важнейших личностных характеристик, во многом определяющую многие другие качества.

Поскольку проект находится на начальной стадии, тезисы данного доклада являются результатами пилотного исследования одной из важнейших личностных характеристик депутатов, а именно мотивации. На наш взгляд, для любого психологического исследования выявление мотивации личности дает наиболее важные ключи к пониманию ее поведения и прогноза дальнейших поступков.¹⁹⁸ В нашем исследовании мы руководствовались классификацией, выделяющей три главных мотива: мотив власти, мотив достижения, мотив аффилиации.

Методология исследования.

Для данного пилотного исследования были отобраны интервью (спонтанные выступления) руководителей фракций и их заместителей за период 2008 – 2009 гг. Тексты

---

¹⁹⁸ Adorno T., Frenkel-Brunswik E., Levinson D.J., Sandford R.N. The authoritarian personality: N.Y., 1950; Allport G.W. Pattern and growth in personality: N.Y., 1961; Atkinson J.W. Motives in fantasy, action and society: Princeton, 1958; Boyatzis R. Affiliation motivation: Morristown, 1973; Kelly G.A. A theory of personality: N.Y., 1955; Winter D.G., Hermann M.G., Weintraub W., Walker S.G. The Personalities of Bush and Gorbachev measured at a distance: Procedures, portraits and policy // Political Psychology. 1991. Vol. 12, № 3. P. 215-244.

интервью были отобраны на личных сайтах депутатов и сайтах политических партий, чьими членами они являются. Все тексты были «очищены» от вопросов и комментариев журналистов. Всего было отобрано по 3 интервью от каждой фракции. В итоге было проанализировано 12 интервью. В основу анализа была положена методика качественного контент-анализа, предложенная Д.Дж. Уинтером, М.Дж. Херманн, У. Уайнтраубом, С.Дж.Уокером¹⁹⁹. В соответствии с данной методикой, мотивация поведения политика исследуется методом контент-анализа текстов выступлений. На основе предложенных указанными авторами описаний мотивов²⁰⁰, нами были выделены наиболее вероятные слова-индикаторы, наличие которых в тексте выступления того или иного депутата показывало уровень наличия у него того или иного мотива. Данные о количестве тех или иных слов-индикаторов по каждому интервью заносились в таблицу, на основе которой в дальнейшем строилась диаграмма.

Результаты исследования.

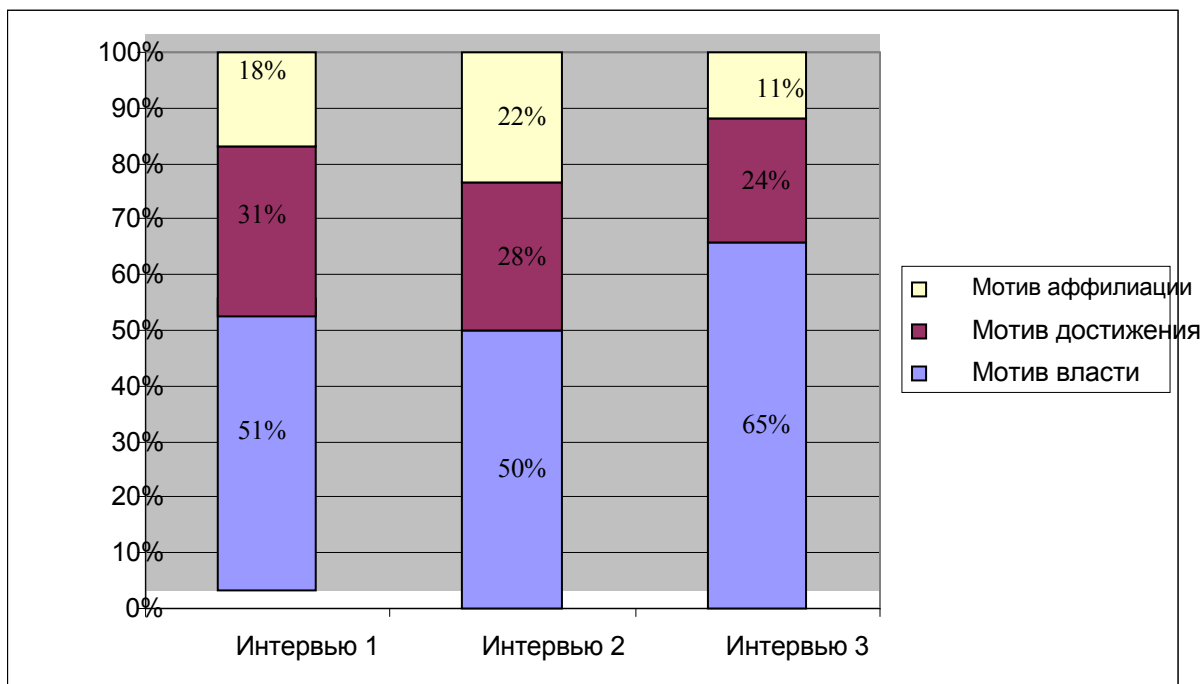
Партия «Единая Россия» на последних выборах, прошедших в 2007 году, набрала большее число голосов. На сегодняшний день это ведущая партия в Российской Федерации и по количеству членов в целом, и по количеству представителей различного рода элиты, состоящей в ее рядах. Это позволило российским политологам называть ее «партией власти». Фракция «Единой России» в Государственной Думе насчитывает 315 человек. Для контент-анализа были отобраны интервью председателя Государственной Думы, руководителя фракции Грызлова Б.В.; первого заместителя председателя Государственной Думы, заместителя руководителя фракции Морозова О.В.; заместителя руководителя фракции Володина В.В.

Анализ интервью высшего руководства партийной фракции в Государственной Думе показало, что мотив власти действительно является ведущим в их личностных характеристиках. Он намного превышает показатели по другим мотивам, что позволяет нам сделать вывод, что партия в целом и ее члены, несмотря на свое фактическое положение вне конкуренции, продолжает стремиться к оказанию воздействия на других, на поддержание и укрепление своего престижа и влияния.

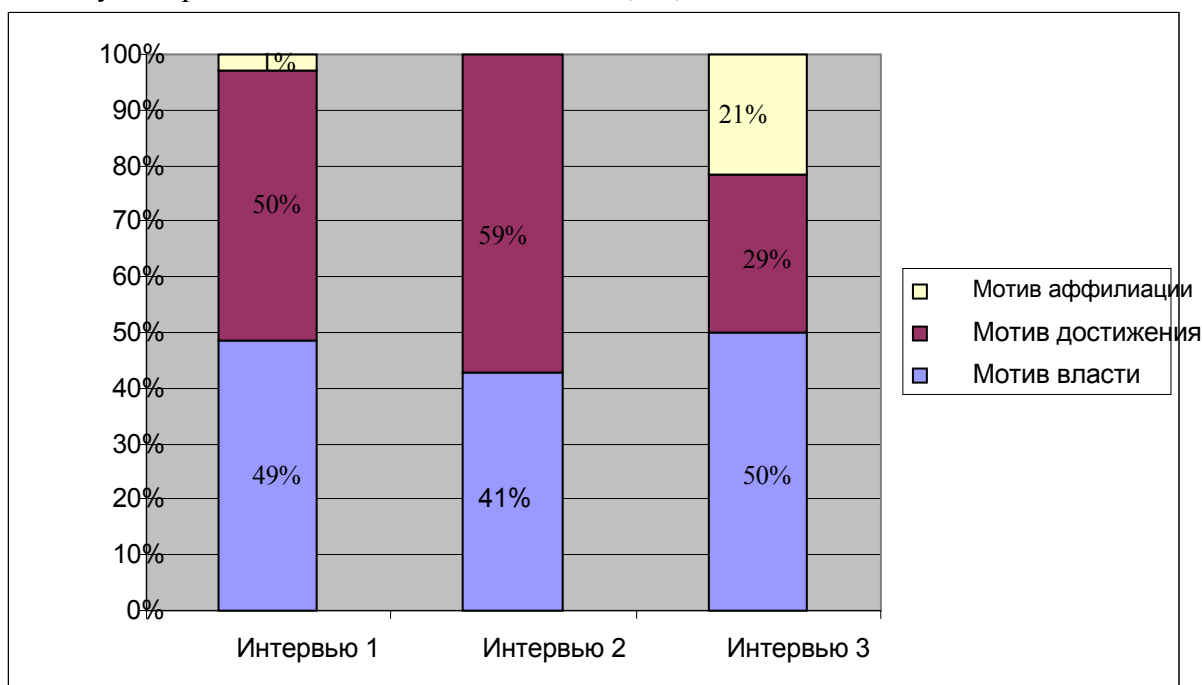
¹⁹⁹ Winter D.G., Hermann M.G., Weintraub W., Walker S.G. The Personalities of Bush and Gorbachev measured at a distance: Procedures, portraits and policy // *Political Psychology*. 1991. Vol. 12, № 3. P. 215-244.

²⁰⁰ Д. Уинтером были предложены следующие описания переменных: мотив власти – нацеленность на оказание воздействия на других, на престиж или репутацию; мотив достижения – нацеленность на превосходство, успех в соревновании или уникальное достижение; мотив аффилиации – нацеленность на теплые, дружеские отношения, помощь.

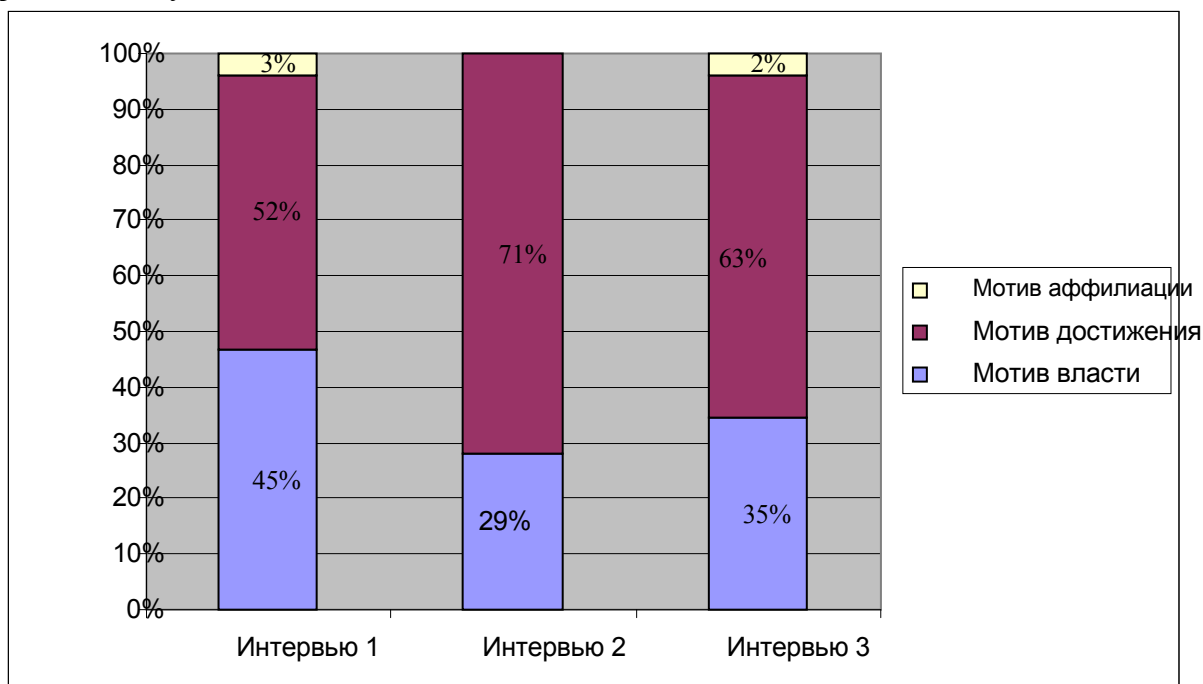
Вторая по величине фракция в Государственной Думе – фракция Коммунистической партии Российской Федерации (КПРФ). В ее составе 55 депутатов. Для контент-анализа были отобраны интервью руководителя фракции Зюганова Г.А.; первого заместителя руководителя фракции Решульского С.Н.; заместителя председателя комитета по науке и наукоемким технологиям Смолина О.Н.

Анализ интервью показал, что показатели мотивации власти и мотивации достижения у представителей данной фракции практически одинаковы. На наш взгляд, это говорит не только о стремлении партии к оказанию воздействия на общество, но и на присутствие духа соревнования и желаний во что бы, то, ни стало победить в нем.

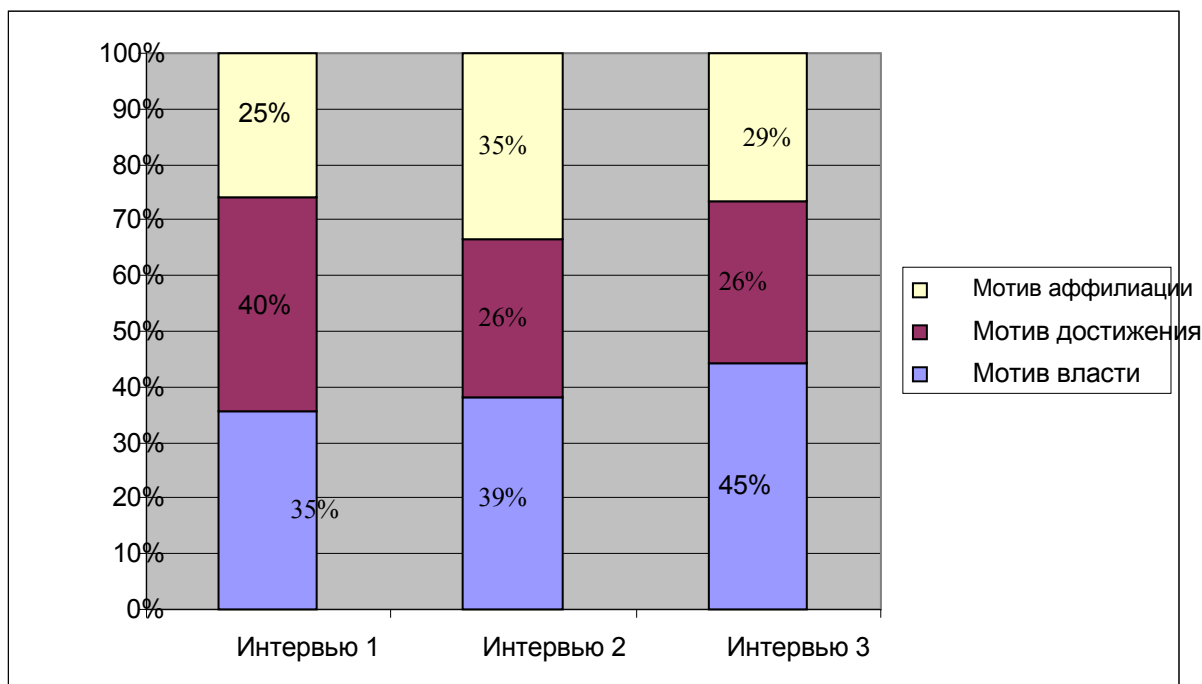
Третьей по величине фракцией в Государственной Думе является фракция Либерально-демократической партии России (ЛДПР). Она включает 41 депутата. Для контент-анализа были отобраны интервью заместителя председателя Государственной Думы, члена фракции Жириновского В.В.; руководителя фракции Лебедева И.В.; первого заместителя руководителя фракции Рохмистрова М.С.

Интервью показали, что у представителей данной фракции ведущим можно считать мотив достижения. На практике это подтверждается тем, что ЛДПР занимает активную политическую позицию, участвует в выборах с 1993 года и всегда получала места в Государственной Думе.

Последняя фракция в Государственной Думе представлена партией «Справедливая Россия» (38 депутатов). Для контент-анализа были отобраны интервью руководителя фракции Левичева Н.В.; заместителя руководителя фракции Горячевой С.П.; заместителя руководителя фракции Емельянова М.В.

Несмотря на активное позиционирование себя как партии оппозиционной власти, особой роли на политической арене она не играет и большой поддержкой населения не обладает. Анализ интервью показал, что в целом показатели мотивации у «Справедливой России» схожи с КПРФ. Однако разница состоит в более высоком проценте мотива аффилиации. Вообще показатель мотива аффилиации у представителей «Справедливой России» один из самых высоких по сравнению с другими партиями, что говорит о стремлении ее членов к построению теплых, дружественных отношений с обществом, к плодотворной помощи.

Подводя итоги вышесказанного можно сказать, что в Государственной Думе представлены 4 партии с различными мотивационными предпочтениями. Самый высокий показатель мотива власти принадлежит «Единой России» (166 %), наименьший – у ЛДПР (111 %). Наибольший показатель мотива достижения у партии ЛДПР (181 %), наименьший - у «Единой России» (75 %). Вышеуказанные мотивы, как видно из диаграмм, обладают не слишком большим разрывом между собой. Другое дело мотив аффилиации, показатели которого в интервью некоторых депутатов не присутствовали вообще. Наибольший показатель мотива власти – у партии «Справедливая Россия» (81 %), наименьший – у ЛДПР (10 %).

Выводы

Доминирование мотива власти у депутатов фракции «Единой России» свидетельствует об их стремлении к престижу, манипулированию другими людьми, что отражается в особенностях принятия законодательных решений (зачастую не обращая внимания на запросы общества или замечания коллег-депутатов), а также в активном позиционировании себя как членов «партии власти».

Доминирование мотива достижения у депутатов фракции ЛДПР наглядно демонстрирует их повышенная политическая активность на протяжении многих лет и одна из самых устойчивых политических программ с четко сформулированными целями и задачами.

И, наконец, хотя мотив аффилиации не является доминирующим у депутатов от партии «Справедливая Россия», тем не менее, он самый высокий по сравнению с представителями других фракций. Это свидетельствует об их стремлении к упрочнению отношений с избирателями, путем продвижения социально значимых законопроектов (поскольку выборы показывают явную нехватку поддержки партии со стороны населения).

На наш взгляд, заикленность представителей законодательной власти на достижение власти в сочетании с относительно низким вниманием к проблемам и потребностям общества порождает существующую ситуацию недоверия к Государственной Думе со стороны российского общества.

РАЗДЕЛ В: ЭТИЧЕСКИЙ КОДЕКС ПОЛИТИЧЕСКОГО ПСИХОЛОГА.

Введение

А). Политика – особая область деятельности, в которой работают специальным образом подготовленные психологи. Политика - наука, исследующая, проектирующая, формирующая и эксплуатирующая психологические конструкции власти. Поэтому политическая деятельность - экстремальный вид профессиональной трудовой деятельности, цена ошибки в которой - страдания и гибель политиков, целых народов, и самих психологов.

Б). Право на деятельность в области политики дают уникальные способности к политическому целеобразованию, которое и является основанием для реальной политической власти. Политика несет ответственность за смысл жизни масс людей, ценности общества, цели его развития, что и дает ей право на власть. Политическая психология работает с массовидными явлениями типа толпы, публики, собраний, митингов аудиторий, парламентов и т.д. Политические психологи создают психолого-политические основы политических партий.

В.) Инструментом психологии политики является информация, как универсальное средство воздействия на поведение людей через систему психических состояний человека. В исследовательской деятельности политические психологии использует психологическое тестирование и интервьюирование политических лидеров, что делает их работу чрезвычайно конфиденциальной. Они широко применяют телефонные опросы и уличное анкетирование, анализируют продукты деятельности политических лидеров в форме их выступлений по телевидению, в прессе что накладывает на них особую ответственность за предание результатов их исследований широкой гласности

Г) Политическая психология, изучает:

1. Субъекта политика (лидеров политических движений, государственных политических деятелей и других лиц, изучающих, проектирующих, создающих и применяющих политическую власть.),

2. Объекта политики (людей и массы людей, реагирующих на применение власти в качестве избирателей, граждан, участников забастовок, демонстраций, мятежей и т.п.) .

3. Политическую деятельность (идеологические дискуссии о формах и проявлениях власти, процесс законодательного изменения структуры и функций власти, управление экономикой за счет властного ее регулирования, применение силы в управлении политическим поведением масс людей или ее лидеров).

Во избежание дискредитации политической психологии как науки, а политических психологов как ученых, необходимо разумное самоограничение в исследованиях, публикациях, рекомендациях. Самоограничение требует от политического психолога: а) изучать научные закономерности сопряжения людей и власти в качестве ученого, а не действовать в качестве члена той или партии, участвующего в политической «борьбе за власть». б) Самоограничение требует, чтобы политические психологи придерживались принципа «не навреди», делая только то, что заведомо поможет людям, обратившимся к ним за советом, помощью, поддержкой. в) Самоограничение позволяет не ставить под сомнение право

политических психологов исследовать политические феномены, свидетелями и участниками которыми они стали. Законы политической психологии людей вечны – применение этих законов в «борьбе за власть» лиц и групп суетно и преходяще.

Предназначение Этического кодекса политического психолога – техника безопасности как для лиц, являющимися объектом его исследования, так и для самого политического психолога, работающего ради научной истины, а не против конкретного человека. Этический кодекс служит документом, разъясняющим цели, задачи, методы, результаты работы политического психолога. Ознакомление представителей государственных организаций, частных фирм, политических партий и политических лидеров с "Этическими принципами и правилами политической психологии" облегчит совместную работу, формулировку проблем, задач и результатов деятельности политического психолога.

1. Цели, методы и результаты деятельности политического психолога.

1.1. Целью деятельности политического психолога является объективное и беспристрастное изучение закономерностей связи психологических феноменов и политических явлений. Под политическими явлениями понимаются все действия политиков по изучению власти, ее проектированию, формированию и применению к объектам политики. (Вне науки эти действия политиков приобретают признаки борьбы за власть, ее удержанию и использованию). Под психологическими феноменами понимаются реакции на применение власти в изменениях психического состояния и поведения людей (Вне науки эти действия квалифицируются как результаты выборов, гражданского согласия или неповиновения вплоть до патриотических акций или терроризма).

Смыслом деятельности политического психолога является согласование политики с закономерностями поведения «человека разумного», и предотвращение политических ошибок власти, которые могли бы нанести ущерб людям и человеческому в жизни общества.

2. Задачи политического психолога:

2.1. Понимание закономерностей изменения психических состояний человека в процессе его взаимодействия с властью как у ее субъекта, так и у объекта власти.

2.2. Анализ соотношения политических явлений и психических процессов человека и общества.

2.3. Изучение взаимного влияния психических свойств и особенностей человека и политических явлений.

3. Методы деятельности политического психолога:

3.1. Психолого-социологическое индивидуальное и массовое интервьюирование людей, осуществлявших политическую деятельность или являющихся ее субъектами и объектами.

3.2. Исследование влияния психологических особенностей людей а) проектирующих властные действия, б) их осуществляющих и в) повинующихся структурам власти - на эффективность и адекватность политики.

3.2. Исследование влияния психологических особенностей людей а) проектирующихся структурам действия, б) их осуществляющих и в) повинующихся структурам власти – на эффективность и адекватность политики.

3.3. Психологическое изучение продуктов политической деятельности человека, регистрируемых в форме его выступлений в СМИ, экономических, военных, административных действий.

3.4. Включенное наблюдение, осуществляемое в процессе сотрудничества с людьми участвующими в политической деятельности.

3.5. Психологическое моделирование типичных ситуаций политической деятельности в процессе подготовки у частников, политических событий к их планированию и осуществлению.

3.6. Психологическое экспериментирование в области исследования, проектирования, осуществления перспективной политики и ее психолого-политических последствий.

4. Результаты деятельности политического психолога

4.1. Разработка психологического основ для понимания, проектирования политики ее целей, средств и результатов.

4.2. Разработка психологических методик подготовки профессиональных политиков – конструкторов и управляющих научных систем власти,

4.3. Разработка психологических рекомендаций для политиков и политических партий в целях гуманизации методов достижения политических целей.

4.4. Разработка научных психологических основ политики, ее формирования, распространения и исполнения.

5. Этические принципы политической психологии и правила их достижения.

(В соответствии с Уставом международной Ассоциации Политической Психологии (ISPP), принятом 31.8.1985., члены ISPP могут заниматься политической деятельностью (принимать участие в предвыборных собраниях лидеров политических партий), но они обязаны при этом дать понять, что любые позиции или предпринимаемые ими действия не являются позицией или действиями, принимаемыми ISPP).

(International society of political psychology. Constityion and By-Laws. P.2.)

Главный принцип политического психолога состоит в том, что он сознательно и добровольно контролирует все моменты своей научно-практической деятельности. Он делает это во избежания создания опасности для политики, объекта и субъекта политики и самого себя (см. рис. 12.1).

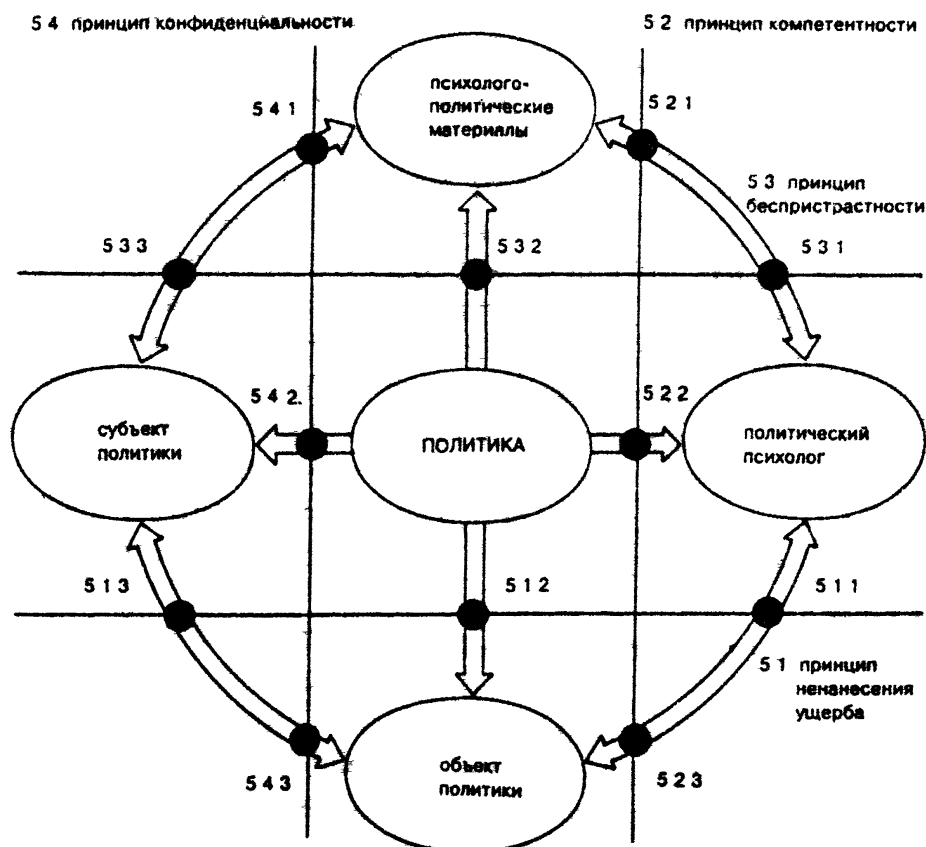

Рис. 1. Этический Кодекс политического психолога, как система принципов и правил, регламентирующих отношения политического психолога, субъекта и объекта политики и материалов психико-политического содержания.

(Механизм действия Этического Кодекса Политического Психолога: каждый Этический принцип (5.1, 5.2., 5.3., 5.4.) поочередно «отсекает» от его влияния каждого другого «участника» психолого-политического процесса, а его отношения с ними контролируются этическими правилами в точках связи (5.1.1., 5.1.2., 5.1.3. и т.д.)

Это означает, что самоконтролю последовательно подвергаются его собственное поведение (5.2.), его отношение с объектом политики (государства, избирателя, жители, граждане (5.1.), субъектом политики (политические лидеры, члены политических и государственных организаций (5.4.), с атрибутами (идеи, программы, планы, документы (5.3.).

5.1. Принцип не нанесения ущерба объекту политики

Исследование политического психолога должны быть направлены только на создание и осуществление адекватной политики, не имеющей целью морального, экономического, физического подавления оппонентов субъектов политики.

5.1.1. *Правило взаимоуважения политического психолога и объекта политики.* Высказывания политического психолога не должны содержать оскорбительных намерений, рекомендаций, оценок, комментариев.

5.1.2. Правило безопасности действий политического психолога для объекта политики. Исследования политического психолога и его рекомендации не должны составлять основу опасности не для кого из участников политического процесса.

5.1.3. Правило предупреждения не адекватных действий субъекта политики относительно объекта политики. Субъект политики не должен требовать, а политический психолог не должен позволять использовать результаты своей работы для нанесения ущерба объекту политики.

5.2. Принцип компетентности политического психолога.

Политическим психологом является специалист, имеющий соответствующее его деятельности образование и квалификацию, а также опыт работы, подтвержденный государственными документами.

5.2.1. Правило обоснованности результатов деятельности политического психолога. Политический психолог должен обладать знаниями, умениями и навыками формулирования научных итогов своей деятельности.

5.2.2. Правило сотрудничества политического психолога и субъекта политики (депутата, лидера партии, государственного и общественного деятеля и т.д..) Политический психолог и субъект политики должны информировать друг друга по всем моментам своего сотрудничества без скрывания действительных мотивов своей деятельности.

5.2.3. Правило профессионального поведения политического психолога относительно объекта политики (избирателя, демонстранта, бастующего и т.д.). Политический психолог должен обладать способностями и навыками общения взаимодействия с объектом политики.

5.3. Принцип беспристрастности политического психолога

Практикующий политический психолог не должен быть руководителем, соруководителем, активистом какой-либо политической организации, борющейся за власть.

5.3.1. Правило научности результатов деятельности политического психолога. Политический психолог в своих исследованиях или практических действиях может опираться только на научные знания, умения или навыки, за получение которых он получил соответствующий диплом.

5.3.2. Правило адекватности методов деятельности политическом психолога относительно объекта политики. Политический психолог не должен использовать незаконные или аморальные методы получения информации или воздействия на субъектов и объектов политики.

5.3.3. Правило взвешенности сведений, передаваемых политическим психологом гласности. Высказывания, рекомендации, действия политического психолога не должны содержать причин или оснований, создающих любую форму опасности для людей, вовлеченных в политику.

5.4. Принцип конфиденциальности деятельности политического психолога

Политический психолог ни в какой форме не должен разглашать полученных им конфиденциальных сведений о субъектах и объектах политики, если эти сведения могут быть приравнены к врачебной или государственной тайне.

5.4.1. Правило кодирования сведений психолого-политического характера. Все исследовательские материалы политического психолога должны содержать указания на исследуемого носителя психологических качеств в закодированной форме: любая произвольная комбинация чисел или букв число вместо имени и фамилии.

5.4.2. Правило контролируемого хранения сведений психолого-политического характера. Политический психолог хранит сведения психолого-политического характера о субъекте или объекте политики в месте и условиях, исключающих их не контролируемое использование.

5.4.3. Правила корректного использования сведений психолого-политического характера. Все сведения психологического характера, полученные политическим психологом, используются только лишь в тех целях, ради которых проводилось исследование.

При соблюдении настоящих принципов и правил деятельности политического психолога гарантируется профессиональное и личная безопасность субъектов и объектов политики, самого политического психолога, адекватной политики не наносится ущерба.

Санкт-Петербургский государственный университет
Факультет психологии
Кафедра политической психологии
Наб. Макарова д. 6., к.210.
199034 Санкт-Петербург
Тел.: 8-812-328-9416
Тел/факс: 8-812-535-9379
E-Mail: yuriev@robotek.ru

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

	Фамилия, имя, отчество Ученая степень, ученое звание, должность, место работы	Город Электронный адрес	Разделы сборника, где можно посмотреть статьи автора
1.	Аксенов Константин Эдуардович кандидат географических наук, доцент кафедры региональной диагностики и политической географии СПбГУ, научный руководитель лаборатории политической географии и геополитики Санкт-Петербургского государственного университета	Санкт-Петербург kaxenov@mail.ru	A3.4.
2.	Александров (Натаров) Владимир Иванович кандидат психологических наук, доцент. Институт повышения квалификации Государственного Университета Высшая Школа Экономики. Северо-Западный Центр Комплексной защиты Информации	Санкт-Петербург volod55@gmail.com akmeo@mail.ru	A1.3.
3.	Александров Михаил Всеволодович доктор медицинских наук, начальник отделения функциональной диагностики НИИ скорой помощи им.И.И.Джанелидзе	Санкт-Петербург	A3.2.
4.	Анисимова Татьяна Викторовна кандидат психологических наук, доцент, СПбГУ, ф-т психологии, кафедра политической психологии	Санкт-Петербург anissim@psy.pu.ru	A1.4.
5.	Багрунов Владимир павлович кандидат психологических наук, генеральный директор ООО «БОГИОН», руководитель Школы Природного Голоса	Санкт-Петербург spb@goloslogos.ru	A2.1.
6.	Бендас Татьяна Владимировна доктор психологических наук, доцент. Заведующий кафедрой социальной психологии Оренбургского государственного университета	Оренбург bendas@yandex.ru	A2.1.
7.	Бианки Валентин Александрович Кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры политической психологии Санкт-Петербургского Государственного Университета	Санкт-Петербург vbianki@gmail.com	A1.3, A2.1.
8.	Блинов Владимир Владимирович кандидат политических наук, старший научный сотрудник кафедры социологии и психологии политики МГУ им. М.В. Ломоносова	Москва v.v.blinov@list.ru	A1.3.
9.	Брюкова Анна Леонидовна студентка Санкт-Петербургского государственного Университета, факультет психологии, кафедра политической психологии, 5й курс	Санкт-Петербург bruykovaA88@mail.ru	A3.4.
10.	Бурикова Инга Сергеевна кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры политической психологии факультета психологии Санкт-Петербургского государственного университета	Санкт-Петербург burikova@cspdom.ru	A1.2., A3.2., B1.
11.	Бутузов Валерий Юрьевич научный сотрудник научно-исследовательского центра им. Б.Г. Ананьева факультета психологии Санкт-Петербургского государственного университета	Санкт-Петербург val47@mail.ru	A3.1.
12.	Быкова Анна Юрьевна Аспирант кафедры политической психологии факультета психологии СПбГУ	Санкт-Петербург	A3.1.
13.	Васильев Артем Леонидович Центр психологических исследований и технологий «Логос-М» (г. Братск Иркутской обл.)	Братск Иркутской обл. psi24@mail.ru	A.2.1.

	Фамилия, имя, отчество Ученая степень, ученое звание, должность, место работы	Город Электронный адрес	Разделы сборника, где можно посмотреть статьи автора
14.	Васильева Вера Петровна Южно-Уральский государственный университет, кафедра массовой коммуникации, старший преподаватель	Челябинск vasilyeva-vera@yandex.ru	A 2.2.
15.	Вещеникин Сергей Николаевич СПб ГУ «Центр спорта Приморского района»	Санкт-Петербург kinresev@yandex.ru	A3.4.
16.	Виноградова Н.С Аспирант кафедры социологии и политической психологии, факультета политологии, МГУ им. М.В. Ломоносова	Москва	B2
17.	Глазов Леонид Геннадьевич студент Санкт-Петербургского государственного Университета, факультет психологии, кафедра политической психологии, 3й курс	Санкт-Петербург wmfree@ya.ru	A1.1.
18.	Голубкова Ольга Александровна Кандидат философских наук, доцент, Государственный университет - Высшая школа экономики СПб филиал, отделение психологии факультета менеджмента, зав.каф.психологии	Санкт-Петербург golubkova@hse.spb.ru , golubkova_oa@mail.ru	A1.3.
19.	Гудзик С.В. Ст.преподаватель кафедры социальной психологии Белорусского Государственного Университета	Минск	A2.2.
20.	Гусев Алексей Викторович Кандидат философских наук, первый заместитель директора Информационно-аналитического центра при Администрации Президента Республики Беларусь	Республика Беларусь, г.Минск gusev@ispi.gov.by	A2.2.
21.	Дейнека Ольга Сергеевна доктор психологических наук, профессор кафедры политической психологии факультета психологии Санкт-Петербургского государственного университета	Санкт-Петербург odeineka@yahoo.com	A1.4.
22.	Джумагулова Татьяна Николаевна кандидат психологических наук, профессор. Центр подготовки кадров «Персонал» ОАО Магнитогорский металлургический комбинат	Магнитогорск, Челябинская обл. djuma@personal.mgn.ru	A1.4.
23.	Евгеньева Татьяна Васильевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова.	Москва etv133@mail.ru	B2
24.	Ениколопов Сергей Николаевич Кандидат психологических наук, доцент, заведующий отделом медицинской психологии Научного центра психического здоровья РАМН	Москва enikolopov@mail.ru	A1.2.
25.	Еремеев Борис Алексеевич доктор психологических наук, профессор кафедры психологии человека психолого-педагогического факультета Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена	Санкт-Петербург yeremeyew@rambler.ru	A1.1.
26.	Ермолин Алексей Викторович кандидат психологических наук, зав. каф. общей и социальной психологии Вятского государственного университета	Киров ave@e-kirov.ru	A2.1.
27.	Жмыриков Александр Николаевич Кандидат психологических наук, доцент, Нижегородский филиал Института бизнеса и политики, кафедра общей психологии	Нижний Новгород mapn2005@rambler.ru	A3.3.
28.	Защиринская Оксана Владимировна Кандидат психологических наук, доцент кафедры специальной	Санкт-Петербург	A1.4.

	Фамилия, имя, отчество Ученая степень, ученое звание, должность, место работы	Город Электронный адрес	Разделы сборника, где можно посмотреть статьи автора
	психологии факультета психологии СПбГУ, исполнительный директор общественной организации «Санкт-Петербургское психологическое общество».		
29.	Карнышев Александр Дмитриевич профессор, заведующий кафедрой Социальной и экономической психологии Байкальского государственного университета экономики и права	Г.Иркутск cpp114@rambler.ru , psychology@isea.ru	A 1.2.
30.	Карпов Андрей Львович Кандидат философских наук, докторант кафедры философии гуманитарных факультетов Самарского государственного университета	Самара	A3.3.
31.	Клюев Юрий Владимирович кандидат филологических наук, доцент факультет журналистики Санкт-Петербургского государственного университета	Санкт-Петербург klim-yurish@inbox.ru	A2.2.
32.	Коновалова Мария Александровна кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры политической психологии факультета психологии Санкт-Петербургского государственного университета	Санкт-Петербург	A1.2., B1.
33.	Конфисахор Александр Григорьевич кандидат психологических наук, доцент кафедры политической психологии факультета психологии Санкт-Петербургского государственного университета	Санкт-Петербург Konfisakhor@yandex.ru	A1.3.
34.	Кривова Анна Викторовна Кандидат психологических наук, руководитель пресс-службы СПб государственного университета сервиса и экономики	Санкт-Петербург	A1.2.
35.	Крукowska Ирина Николаевна соискатель каф педагогики и психологии Гуманитарно-художественного института Нижегородского архитектурно-строительного университета,	Нижний Новгород imperia16@rambler.ru	A2.2.
36.	Кудряшева Мария Алексеевна Студентка кафедры политической психологии факультета психологии СПбГУ	Санкт-Петербург	A2.1.
37.	Кузнецов Антон Николаевич Кандидат технических наук, зав. каф. экономики и менеджмента, корпоративный Центр подготовки кадров «Персонал»	Магнитогорск, Челябинская обл. djuma@personal.mgn.ru	A1.4.
38.	Липецкая Марина Сергеевна Аспирантка кафедры экономической и социальной географии факультета географии и геоэкологии СПбГУ	Санкт-Петербург marilip@yandex.ru	A 1.3.
39.	Медведева Валерия Викторовна Санкт-Петербургский Государственный Университет, магистрант 2 курса	Санкт-Петербург berloga_psy@mail.ru	A 3.2.
40.	Мешкова Наталья Владимировна соискатель Института социологии образования РАО	Москва nmeshkova@yandex.ru	A1.2.
41.	Митчин Константин Константинович Руководитель психологической службы Колледжа Водного Транспорта в Санкт-Петербургском Государственном Университете Водных Коммуникаций	Санкт-Петербург mitchin@mail.ru	A1.4.
42.	Моисеева Ирина соискатель кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова	Москва irina.movses@gmail.com	B2

	Фамилия, имя, отчество Ученая степень, ученое звание, должность, место работы	Город Электронный адрес	Разделы сборника, где можно посмотреть статьи автора
43.	Моторин Денис Иванович кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры политической психологии факультета психологии Санкт-Петербургского государственного университета	Санкт-Петербург motorindn@mail.ru	A1.4., A3.3.
44.	Оселков Александр Александрович Заместитель директора Научно исследовательского центра судебной экспертизы и криминалистики Калужского государственного педагогического университета им. К.Э. Циолковского (КГПУ); ассистент кафедры общей и юридической психологии КГПУ.	г.Калуга oselkov@gmail.com	A3.2.
45.	Павлов Виталий Николаевич Кандидат психологических наук, доцент Института управления и права	Санкт-Петербург	A1.1.
46.	Павлова Наталья Сергеевна Кандидат психологических наук, доцент Института управления и права	Санкт-Петербург	A2.1.
47.	Перцовская Ксения Олеговна аспирант кафедры политической психологии, факультета психологии СПбГУ	Санкт-Петербург k.pertovskaya@gmail.com	B1.
48.	Плехова Ирина Александровна Студентка V курса гуманитарного факультета (специальность – «история»)	Киров konoplyanskaya-i@mail.ru	A2.1.
49.	Плющ Александр Николаевич Кандидат психологических наук, Институт социальной и политической психологии АПН Украины, г. Киев	Украина, г. Киев pan110@voliacable.com	A1.4.
50.	Понукалин Алексей Алексеевич канд. соц. наук, доцент кафедры психологии, Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского	Саратов ponukalin@yandex.ru	A 1.2.
51.	Пушкина Мария Александровна кандидат психологических наук, научный сотрудник, факультет психологии Санкт-Петербургского государственного университета, директор по развитию ООО «ЦСП «Белый Дом»	Санкт-Петербург mashap@mail.ru	A.1.4., A3.1., B1
52.	Радина Надежда Константиновна; доктор политических наук, кандидат психологических наук. Нижегородский государственный педагогический университет; Нижегородский институт менеджмента и бизнеса	Нижний Новгород rasv@yandex.ru	A3.3.
53.	Разина Татьяна Валерьевна Кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Сыктывкарский государственный университет	респ. Коми, г.Сыктывкар razinat@mail.ru	A1.4.
54.	Ракитянский Николай Митрофанович Доктор психологических наук, профессор кафедры политической психологии философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова	Москва	A1.2., A3.4.
55.	Резников Евгений Николаевич доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института психологии Российской академии наук	Москва en_rez@mail.ru	A2.1.
56.	Решетников Михаил Михайлович Доктор психологических наук, кандидат медицинских наук, профессор, ректор НОУ «Восточно-Европейский Институт Психоанализа», член научно-экспертного совета при Председателе Совета Федерации РФ, член экспертного совета МЧС РФ, член Президиума РПО	Санкт-Петербург veip@yandex.ru	A1.2.
57.	Рогозарь-Колпакова Ирина соискатель кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова	Москва intoit@mail.ru	B2

	Фамилия, имя, отчество Ученая степень, ученое звание, должность, место работы	Город Электронный адрес	Разделы сборника, где можно посмотреть статьи автора
58.	Рождественская Кристина Владимировна , студентка 3 курса кафедры политической психологии факультета психологии Санкт-Петербургского Государственного	Санкт-Петербург	A1.3.
59.	Рулина Татьяна Константиновна кандидат психологических наук, доцент, кафедра социальной психологии Поволжской государственной социально- гуманитарной академии, г. Самара	Самара tatrul@yandex.ru	A2.2.
60.	Самуйлова Ирина Алексеевна кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры политической психологии факультета психологии Санкт-Петербургского государственного университета	Санкт-Петербург samiral@mail.ru	A1.3., A1.4.
61.	Санатов Дмитрий Васильевич Аспирант кафедры социальной и экономической географии географического факультета СПбГУ	Санкт-Петербург dmsa@yandex.ru	A3.1.
62.	Свешникова Наталья Олеговна кандидат психологических наук, доцент кафедры политической психологии факультета психологии Санкт-Петербургского государственного университета	Санкт-Петербург sveshnikovan@mail.ru	A3.3.
63.	Седнева Мария Андреевна ЗАО «Дж.Т. И. По маркетингу и продажам», отдел торгового маркетинга, г. Москва, Аспирантка IV курса кафедры политической психологии СПбГУ, заочное отделение	Москва mariasedneva@mail.ru	A2.1.
64.	Селезнева А.В. к.п.н., старший преподаватель кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова	Москва ntonina@mail.ru	B2
65.	Семенов Валентин Евгеньевич доктор психологических наук, профессор, директор Научно- исследовательского института комплексных социальных исследований Санкт-Петербургского государственного университета (НИИКСИ СПбГУ)	Санкт-Петербург niiksi@niiksi.spbu.ru	A 1.3.
66.	Семькина Елена Юрьевна Кандидат педагогических наук, доцент. Ст. преп. каф. экономики и менеджмента, корпоративный Центр подготовки кадров «Персонал»	Магнитогорск, Челябинская обл. djuma@personal.mgn.ru	A1.4.
67.	Серавин Александр Игоревич ООО «Экспертная группа «PiteR», соискатель кафедра политической психологии СПбГУ	Санкт-Петербург seravin@mail.ru seravin@narod.ru	A1.3., A2.1, A3.2.
68.	Сергунова Светлана Александровна Научный сотрудник лаборатории политической психологии факультета психологии СПбГУ	Санкт-Петербург	A2.2.
69.	Ситнова Ирина Валентиновна Кандидат социологических наук, ст.преподаватель ГУ Высшей Школы Экономики	Москва sitnova@mail.ru	A1.3.
70.	Соловьева Мария Александровна кандидат психологических наук, СПбГУ, факультет психологии, кафедра политической психологии	Санкт-Петербург snau@mail.ru	A1.3.
71.	Соловьева Олеся Викторовна Старший преподаватель кафедры. экономики и менеджмента, корпоративный Центр подготовки кадров «Персонал»	Магнитогорск, Челябинская обл. djuma@personal.mgn.ru	A1.4.
72.	Степанова Екатерина Евгеньевна Агентство Социальной Информации, Санкт-Петербург,	Санкт-Петербург battle-angel@mail.ru	A2.1., A2.2.

	Фамилия, имя, отчество Ученая степень, ученое звание, должность, место работы	Город Электронный адрес	Разделы сборника, где можно посмотреть статьи автора
	аспирантка кафедры политической психологии факультета психологии СПбГУ		
73.	Стрелец Илья соискатель кафедры социологии и психологии политики, факультет политологии МГУ им. М. В. Ломоносова	Москва sagitol@mail.ru	Б2
74.	Сушкевич Александр Евгеньевич аспирант кафедры политической психологии СПбГУ	Санкт-Петербург	A2.2.
75.	Филимонинко Юрий Иванович Кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории политической психологии факультета психологии СПбГУ	Санкт-Петербург	A2.1.
76.	Филистович Екатерина Аспирант кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова	Москва filitoviche@mail.ru	Б2
77.	Халитов Рашид Гусманович научный сотрудник Института педагогики и психологии профессионального образования	Казань virash1@mail.ru	A3.2.
78.	Цыцарев Сергей Васильевич Ph.D., Университет Хофстра (США)	США	A3.2.
79.	Чешуина Татьяна Викторовна Аспирантка 4 курса СПбГУ, факультета психологии, кафедры политической психологии	Санкт-Петербург tcheschuina@mail.ru	A2.1.
80.	Шелковникова Нэлла Игоревна Преподаватель ПГУПС, старший преподаватель ИВЭСЭП; старший преподаватель Московский Российский Государственный Гуманитарный Университет. Соискатель кафедры «Клиническая психология», РГГУ им. А.И.Герцена.	Санкт-Петербург ShelkovnikovaNI@mail.ru	A1.1.
81.	Шестопал Елена Борисовна доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и психологии политики, факультет политологии МГУ им. М. В. Ломоносова,	Москва shestop0505@rambler.ru	Б2.
82.	Шиманович Антон Сергеевич студент Санкт-Петербургского государственного Университета, факультет психологии, кафедра политической психологии	Санкт-Петербург anton_psy@mail.ru	A2.1.
83.	Шмелева Ирина Алексеевна Кандидат психологических наук, доцент факультета психологии СПбГУ	Санкт-Петербург	A1.3.
84.	Шумская Любовь Ивановна доктор психологических наук, доцент, Белорусский государственный университет, Центр системных исследований проблем молодежи, директор	Республика Беларусь, г. Минск Makouchyk@bsu.by ; Shumskaya@bsu.by	A2.1.
85.	Шустов Алексей Владиславович Кандидат психологических наук, руководитель Лаборатории социально-политических технологий «АМП СПб».	Санкт-Петербург lxaz@mail.ru	A1.2, A1.3.
86.	Щербакова Елена Евгеньевна доктор педагогических наук, кандидат психологических наук. Нижегородский архитектурно-строительный университет Гуманитарно-художественный институт	Нижний Новгород elenadema@rambler.ru	A2.2.
87.	Юрьев Александр Иванович доктор психологических наук, профессор, основатель и научный руководитель кафедры политической психологии факультета психологии СПбГУ	Санкт-Петербург yurievai@yandex.ru yuriev@robotek.ru	A1.1., Б1
88.	Юсупов Ильдар Масгудович	г. Казань	A3.2

	Фамилия, имя, отчество Ученая степень, ученое звание, должность, место работы	Город Электронный адрес	Разделы сборника, где можно посмотреть статьи автора
	доктор психологических наук, профессор Института экономики управления и права	knyaz_imyu@ mail.ru	